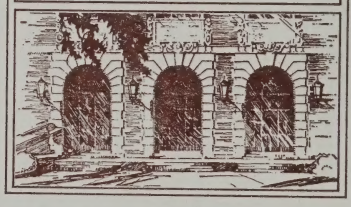
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

947.05
Sa43s
v.9



NOTICE: **Return or renew all Library Materials! The *Minimum* Fee for each Lost Book is $50.00.**

The person charging this material is responsible for its return to the library from which it was withdrawn on or before the **Latest Date** stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books are reasons for disciplinary action and may result in dismissal from the University.
To renew call Telephone Center, 333-8400

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY AT URBANA-CHAMPAIGN

DUE: 10/19/93

UIC-REC'D DEC 10 '93

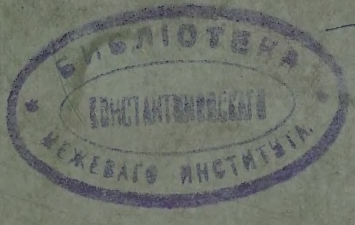
DEC 16 1993

L161—O-1096

СОЧИНЕНІЯ

Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Томъ девятый.



Въ Книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, въ Москвѣ на Кузнецкомъ Мосту, въ домѣ Захарьина, продаются слѣдующія сочиненія Ю. Ѳ. Самарина: т. II—1 р. 75 к.; т. III—2 р.; т. V—2 р. 25 к.; т. VI—2 р. 50 к.; т. VII—2 р.; т. VIII—2 р.; т. IX—2 р.; т. X—2 р.; Correspondance de G. Samarine avec la baronne de Rahden—1 р.; т. I соч. Ю. Ѳ. Самаринъ распроданъ; т. IV еще не напечатанъ.

21758

116

СОЧИНЕНІЯ
ЮРІЯ ѲЕДОРОВИЧА
САМАРИНА

Томъ девятый.

3610

СОЧИНЕНІЯ
Ю. Ѳ. САМАРИНА.

Томъ девятый.

Окраины Россіи.

ИЗДАНІЕ Д. САМАРИНА.

Москва.
Т-ВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Леонтьевскій переулокъ № 5.
1898.

947.08
Sa 43s
v. 9

Оглавленіе девятаго тома.

Стр.

Отъ издателя VII
Біографическій очеркъ Ю. Ѳ. Самарина IX

ОКРАИНЫ РОССІИ.

Выпускъ четвертый. Процессъ русскаго правительства съ евангелическимъ союзомъ 3
Къ читателямъ 5
Первый опросъ 7
Второй опросъ 35
Дознаніе на мѣстахъ 50
Водвореніе православныхъ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ 107
Сельскія школы въ Лифляндіи 155
Приложенія къ IV выпуску 261

Выпускъ пятый. Привѣсокъ къ IV выпуску. 315
Къ читателямъ 319
I. Письмо о IV выпускѣ Окраинъ Россіи 321
II. Разборъ нѣмецкаго перевода IV выпуска Окраинъ Россіи 331

Стр.

III. Записки бывшаго Прибалтійскаго генералъ-губертора Альбединскаго 341
Общія соображенія 342
Вопросъ религіозный 374
Крестьянское дѣло 387
О введеніи русскаго дѣлового языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ 401
Приложеніе къ V выпуску: адресъ русскихъ Рижанъ 433

ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ ГАЗЕТЫ МОСКВА 1867 Г.

О православіи въ прибалтійскихъ губерніяхъ 441
О политическомъ идеалѣ газеты Вѣсть 456

Отъ издателя.

Въ выпускаемомъ IX томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина помѣщены четвертый и пятый выпуски «Окраинъ Россіи» въ томъ точно видѣ, въ какомъ они были въ свое время напечатаны заграницею. Имъ предпосланъ біографическій очеркъ Ю. Ѳ. Самарина, составленный для Русскаго Біографическаго Словаря, издаваемаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Вслѣдъ за «Окраинами Россіи», помѣщено пять передовыхъ статей, написанныхъ Ю. Ѳ-чемъ и напечатанныхъ въ мартѣ 1867 г. въ газетѣ «Москва», которую издавалъ И. С. Аксаковъ. Первыя двѣ статьи озаглавлены нами: «О православіи въ прибалтійскихъ губерніяхъ», а послѣднія три: «О политическомъ идеалѣ газеты «Вѣсть». Статьи эти были направлены противъ той политической системы 60-хъ годовъ, представителями которой были П. А. Валуевъ, А. В. Головнинъ, А. Е. Тимашевъ, князь А. А. Суворовъ и другіе. За эти статьи было дано газетѣ «Москва» третье предостереженіе и изданіе ея было пріостановлено на три мѣсяца. Это и побудило Ю. Ѳ—ча предпринять за границею изданіе «Окраинъ Россіи». Новое направленіе, данное нашей внутренней политикѣ покойнымъ Государемъ Александромъ III, даетъ возможность русскимъ читателямъ ознакомиться съ тою борьбою, которую тридцать лѣтъ тому назадъ велъ Ю. Ѳ. съ

бывшею въ то время въ силѣ политическою системою, въ основѣ которой лежало представленіе объ «идеальной Россіи какъ безнародномъ государствѣ».

Предположенное предисловіе къ «Окраинамъ Россіи» откладывается до слѣдующаго тома сочиненій Ю. Ѳ. Самарина.

Самаринъ, Юрій Ѳедоровичъ, старшій сынъ Ѳедора Васильевича и Софьи Юрьевны, рожденной Нелединской-Мелецкой, родился въ Петербургѣ 21 апрѣля 1819 г., умеръ въ Берлинѣ 19 марта 1876 г. Онъ былъ названъ Юріемъ въ честь своего дѣда по матери, Юрія Александровича, бывшаго статсъ-секретаремъ при Императорѣ Павлѣ, а въ царствованіе Александра I сенаторомъ и почетнымъ опекуномъ. По послѣдней должности, Нелединскій почти неотлучно находился при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и пользовался ея особеннымъ, можно сказать, дружескимъ расположеніемъ. Императрица Марія Ѳеодоровна благоволила и къ младшей дочери его—матери Ю. Ѳ-ча: по желанію ея, Софья Юрьевна еще въ 1810 г. была пожалована во фрейлины. Отецъ Ю. Ѳ-ча, Ѳедоръ Васильевичъ, боевой офицеръ, участвовавшій почти во всѣхъ войнахъ начала нынѣшняго столѣтія, былъ камергеромъ когда женился, а послѣ того былъ пожалованъ въ шталмейстеры и исправлялъ эту должность при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Вотъ почему, когда Нелединскій доложилъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о рожденіи своего внука, она прислала новорожденному пасхальное яичко и вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ была воспріемницею его отъ купели.

Въ этой придворной средѣ протекло все дѣтство Ю. Ѳ-ча до 7 лѣтъ. А въ то время не только въ этой средѣ, но и вообще въ дворянскихъ семьяхъ вліяніе французской образованности было настолько сильно, что обыденнымъ языкомъ

служилъ не русскій, а французскій языкъ. Даже Ю. А. Нелединскій, хотя онъ и хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ и былъ въ свое время довольно извѣстнымъ русскимъ писателемъ, однако французскими стихами привѣтствовалъ своего внука, когда ему минулъ годъ. Неудивительно поэтому, что Ю. Ѳ. съ ранняго дѣтства усвоилъ себѣ французскій языкъ и охотнѣе говорилъ на немъ, чѣмъ на своемъ родномъ языкѣ. Этому, конечно, содѣйствовало и то, что няня у него была не русская, что два съ половиною года въ дѣтскомъ возрастѣ онъ прожилъ за границею и, что, когда ему минуло 5 лѣтъ, воспитаніе его было поручено французу. Ѳедоръ Васильевичъ хотѣлъ дать основательное воспитаніе своимъ дѣтямъ и потому, будучи со всѣмъ своимъ семействомъ въ Парижѣ въ зиму съ 1823 на 1824 г., обратился съ просьбою рекомендовать воспитателя для своихъ дѣтей къ аббату Nicolle, извѣстному по своей педагогической дѣятельности въ Петербургѣ, Одессѣ и во Франціи. Онъ рекомендовалъ молодого Пако (Pascault), кончившаго курсъ въ лицеѣ и преподававшаго потомъ французскій, латинскій и греческій языки въ разныхъ коллежахъ. Ему было тогда только 23 года; онъ былъ безъ мѣста и потому охотно принялъ сдѣланное ему предложеніе. Въ началѣ 1824 года онъ поступилъ въ домъ Ѳ. В-ча, горячо и всецѣло предался дѣлу, за которое взялся, искренно полюбилъ своего воспитанника, довелъ его до университета и навсегда остался вѣрнымъ другомъ его и всей семьи Ѳ. В-ча. Ю. Ѳ. многимъ ему обязанъ. Впослѣдствіи Пако, Степанъ Ивановичъ (такъ называли его въ Россіи, хотя настоящее имя его было Адольфъ) совершенно обрусѣлъ и пользовался вполнѣ заслуженною извѣстностью въ Москвѣ какъ лекторъ французскаго языка въ московскомъ университетѣ, какъ преподаватель во многихъ женскихъ институтахъ и какъ одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ московскаго Общества Испытателей Природы. Планъ воспитанія Ю. Ѳ-ча былъ составленъ, вѣроятно, при содѣйствіи аббата Nicolle. Предположено было начать систематическое классическое ученіе, съ латинскимъ и греческимъ языкомъ, когда Ю. Ѳ. достигнетъ 8-ми лѣтняго возраста, а 3 года посвятить на воспитаніе и подготовительное ученіе. Въ то время

классическое образованіе составляло рѣдкое исключеніе въ дворянской средѣ. Съ 1 марта 1824 г. до половины 1831 г. Пако велъ журналъ, въ которомъ ежедневно записывалъ все, что касалось физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія своего воспитанника. По этому журналу Ѳ. В. самъ тщательно слѣдилъ за воспитаніемъ своего сына и руководилъ всѣмъ дѣломъ: онъ пріискивалъ учителей, онъ приглашалъ профессоровъ на домашніе экзамены; конечно, благодаря его воздѣйствію укоренились въ Ю. Ѳ-чѣ и преданность православной церкви и тѣ нравственныя начала, въ особенности чувство долга, которыя онъ проявилъ въ своей жизни. Пако хорошо понималъ всю неправильность преобладанія французскаго языка въ воспитаніи русскаго мальчика и не разъ обращалъ на это вниманіе родителей. Когда Ѳ. В. со всею семьею вернулся въ Петербургъ, Пако отмѣтилъ въ журналѣ: Quoiqu'en Russie, il append fort peu sa langue. Sans doute le premier motif est que je suis toujours aves lui. Mais si j'étais le seul, absolument le seul à lui parler français, peut-être remarquerait — on quelque progrès dans la langue russe. Родители сознавали этотъ существенный недостатокъ въ воспитаніи дѣтей, но сложившійся образъ жизни, а главнымъ образомъ, среда, въ которой они жили, мѣшали имъ измѣнить свои привычки и все подчинить дѣлу воспитанія. Вотъ почему Ѳ. В. рѣшился въ 1826 г. выдти въ отставку и поселиться въ Москвѣ, гдѣ можно было устроить жизнь такъ, какъ того требовало воспитаніе дѣтей—дѣло, которому онъ рѣшился предаться вполнѣ; у него тогда было 3 сына и 2 дочери. Въ октябрѣ 1826 г. поступилъ въ домъ Ѳ. В-ча русскій наставникъ; то былъ Николай Ивановичъ Надеждинъ, магистръ московской духовной академіи, впослѣдствіи профессоръ московскаго университета и издатель „Телескопа“. Въ 1826 г. ему было еще только 22 года; онъ переѣхалъ въ домъ Ѳ. В-ча изъ рязанской семинаріи, гдѣ былъ профессоромъ словесности и нѣмецкаго языка, и до половины 1831 года занимался воспитаніемъ двухъ старшихъ дѣтей Ѳ. В-ча. Чтобы заставить Ю. Ѳ-ча говорить по-русски, надзоръ за нимъ былъ раздѣленъ по днямъ между Пако и Надеждинымъ. Въ 1827 г. Ю. Ѳ-чу минуло 8 лѣтъ, и началось правиль-

ное ученіе по установленной программѣ. Надеждинъ преподавалъ Законъ Божій, русскій языкъ въ связи съ церковнославянскимъ, греческій языкъ, исторію и нѣкоторое время нѣмецкій языкъ, для котораго былъ потомъ приглашенъ особый учитель. Пако преподавалъ французскій и латинскій языкъ, географію и ариѳметику. Всѣ эти предметы вводились, конечно, постепенно, но преподаваніе обоихъ древнихъ языковъ было начато одновременно, по получасу въ день и при томъ поочередно: одинъ день латинскій языкъ, а на слѣдующій—греческій. Заслуживаетъ вниманія тотъ методъ, которому слѣдовалъ Пако въ преподаваніи латинскаго языка. Еще въ 1826 г. онъ сталъ понемногу обучать своего ученика латинскому языку практически; въ результатѣ получилось то, что, когда лѣтомъ 1827 г. начались правильные уроки древнихъ языковъ, въ журналѣ сдѣлана была слѣдующая отмѣтка: Langue latine: il lit, écrit, traduit et apprend quelques mots et entend la lecture d'un ouvrage fait pour son âge et qui l'interesse. Pendant la leçon ainsi que pendant la plupart de ses promenades avec moi, il parle latin. Въ зиму съ 1827 на 1828 г. въ журналѣ отмѣчено: je ne cesserai de lui parler latin. Такія практическія занятія съ разговоромъ на латинскомъ языкѣ продолжались года два и только осенью 1828 г. было приступлено къ изученію грамматики. Однимъ словомъ, преподаваніе латинскаго языка ведено было по тому же методу, по которому преподаются живые языки. Вѣроятно, вслѣдствіе этого Ю. Ѳ. и усвоилъ себѣ прочно латинскій языкъ: онъ свободно читалъ на немъ классиковъ и средневѣковыхъ писателей. Нельзя того же сказать про греческій языкъ, не смотря на то, что на изученіе его удѣлялось не менѣе времени, чѣмъ на латинскій языкъ. Въ продолженіе всего домашняго воспитанія Ю. Ѳ. не отличался ни прилежаніемъ, ни благонравіемъ; воспитаніе его было дѣло трудное. Тѣмъ не менѣе, на ежегодныхъ домашнихъ экзаменахъ успѣхи его оказывались вполнѣ удовлетворительными за исключеніемъ, кажется, математики, на преподаваніе которой не было обращено надлежащаго вниманія. Очевидно, что природныя способности Ю. Ѳ-ча восполняли недостатокъ прилежанія, вниманія и настойчивости въ ученіи.

Весною 1834 г. Ю. Ѳ-чу минуло 15 лѣтъ и онъ вступилъ въ московскій университетъ на словесное отдѣленіе. Въ своихъ воспоминаніяхъ объ университетѣ Ю. Ѳ. писалъ въ 1855 г.: „Чтобы дать понятіе о томъ, до какой степени всѣ мы были худо приготовлены, достаточно разсказать одно. На первой лекціи Шевыревъ заставилъ насъ написать подъ диктовку нѣсколько страницъ, потомъ далъ намъ полчаса на внимательное прочтеніе написаннаго и у всѣхъ, за весьма немногими исключеніями, къ числу которыхъ я не принадлежалъ, на каждой страницѣ оказалось у кого 10, у кого 20 грубѣйшихъ ошибокъ противъ правописанія. Это насъ ужасно пристыдило и не я одинъ, многіе изъ моихъ товарищей, благодаря этому уроку, серьезно принялись за грамоту". Впослѣдствіи Ю. Ѳ. всегда съ благодарностью вспоминалъ о С. П. Шевыревѣ за ту пользу, которую ему принесли практическія занятія его со студентами по русскому языку. „Изъ профессоровъ того времени сильнѣе всѣхъ дѣйствовалъ не только на меня, но и на многихъ другихъ Погодинъ. Онъ не заискивалъ популярности, какъ И. И. Давыдовъ; лекціи его не отличались художественною оконченностью и совершенною новизною лекцій Печорина; въ дарѣ изустнаго изложенія онъ далеко уступалъ Крюкову; но онъ отличался тѣмъ, чего не имѣлъ никто изъ нихъ—мы чувствовали въ немъ самостоятельное направленіе мысли, направленіе согрѣтое глубокимъ сочувствіемъ къ русской жизни. Чему насъ выучилъ Погодинъ я не могу сказать, передать содержаніе его лекцій я былъ бы не въ состояніи; но мы были имъ наведены на совершенно новое воззрѣніе на русскую исторію и русскую жизнь вообще... Все это высказывалъ Погодинъ довольно нескладно, безъ доказательствъ, но высказывалъ такъ, что его убѣжденія переливались въ насъ". Ученіе Ю. Ѳ-ча въ университетѣ совпало со введеніемъ новаго устава, по которому, между прочимъ, къ трехгодичному курсу ученія былъ прибавленъ одинъ годъ, и съ оживленіемъ университета вслѣдствіе назначенія на должность попечителя графа Строганова и прибытія изъ-за границы молодыхъ профессоровъ. Ю. Ѳ. окончилъ курсъ въ университетѣ 19-ти лѣтъ первымъ кандидатомъ и получилъ вслѣдствіе этого право поступить на

службу прямо въ министерство. Товарищами его по первому отдѣленію философскаго факультета, окончившими курсъ вмѣстѣ съ нимъ, были Ѳ. И. Буслаевъ и М. Н. Катковъ.

По выходѣ изъ университета, Ю. Ѳ. началъ готовиться къ магистерскому экзамену. Въ это время онъ сошелся съ К. С. Аксаковымъ, который былъ двумя годами старше его, кончилъ курсъ въ 1835 г. и тоже готовился къ магистерскому экзамену. Это знакомство скоро перешло въ искреннюю дружбу. „Въ то время, писалъ Самаринъ Аксакову въ 1846 г., я находился подъ сильнымъ твоимъ вліяніемъ. Ты первый высказалъ всѣ неясныя для меня ощущенія души моей, неопредѣленныя сочувствія, требованія пробудившейся мысли. Подъ твоимъ вліяніемъ опредѣлился мой образъ мыслей". Дѣйствительно, подъ вліяніемъ Аксакова Ю. Ѳ. окончательно отрѣшился отъ французскаго направленія, начало чему было положено въ университетѣ лекціями Погодина и отчасти Шевырева. Аксаковъ увлекъ Самарина своею горячею проповѣдью о народныхъ русскихъ началахъ. Осенью 1840 г. они вдвоемъ взялись истолковать эти начала пріѣхавшему въ Москву члену палаты депутатовъ Могену. Въ письмѣ, написанномъ по-французски, Ю. Ѳ. изложилъ ему „свое мнѣніе о трехъ періодахъ (исключительной національности, подражанія и разумной народности) и о двухъ началахъ нашей народности— православіи и самодержавіи". Въ февралѣ 1840 г. Самаринъ выдержалъ магистерскій экзаменъ и принялся писать диссертацію о Стефанѣ Яворскомъ и Ѳеофанѣ Прокоповичѣ. Безъ малаго четыре года онъ посвятилъ этому труду. Въ это время онъ вошелъ въ близкія сношенія съ тѣмъ кругомъ людей, которые извѣстны подъ именемъ славянофиловъ и во главѣ которыхъ стояли А. С. Хомяковъ и два брата Кирѣевскіе. Но Самаринъ и Аксаковъ въ эту пору еще далеко не вполнѣ признавали себя сторонниками направленія этихъ корифеевъ славянофильства. Самарину предстояло пройти еще черезъ одну стадію развитія прежде, чѣмъ окончательно примкнуть къ нимъ. Въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе для него имѣлъ годъ, протекшій между окончаніемъ диссертаціи въ 1843 г. и диспутомъ, бывшимъ 4 іюля 1844 г. Философія Гегеля, которую онъ въ это время изучалъ и которая власт-

вовала надъ умами, привела его къ томительному раздвоенію, къ тяжелой внутренней борьбѣ. Въ развитіи его совершался переломъ; онъ „велъ тяжелый мучительный споръ съ самимъ собою“; онъ готовъ былъ отречься отъ своей диссертаціи и признать, что „внѣ философіи Гегеля православная церковь существовать не можетъ“. Изъ этой внутренней борьбы вывелъ Самарина Хомяковъ. Онъ одинъ у насъ устоялъ въ 40-хъ годахъ противъ увлеченія философіею Гегеля и могъ отнестись къ ней критически, имѣя въ то время уже твердо сложившіяся убѣжденія. Много лѣтъ спустя, Самаринъ такъ опредѣлилъ значеніе Хомякова: „Для людей сохранившихъ въ себѣ чуткость неповрежденнаго, религіознаго смысла, но запутавшихся въ противорѣчіяхъ и раздвоившихся душею, Хомяковъ былъ своего рода эмансипаторомъ; онъ выводилъ ихъ на просторъ, на свѣтъ Божій и возвращалъ имъ цѣльность религіознаго сознанія... Для многихъ сближеніе съ Хомяковымъ было началомъ поворота къ лучшему и остается навсегда въ ихъ признательной памяти какъ знаменательное событіе ихъ собственной внутренней жизни“. Такое знаменательное событіе совершилось съ Ю. Ѳ-чемъ въ 1843 и 1844 гг.; онъ призналъ Хомякова своимъ учителемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ окончилось вліяніе на него К. С. Аксакова, съ которымъ, однако, онъ остался навсегда „связанъ единствомъ основныхъ убѣжденій и сочувствій“. Такъ опредѣлилось направленіе Ю. Ѳ-ча, которому онъ остался вѣренъ до конца своей жизни. Диссертація Ю. Ѳ-ча состояла изъ 3 частей: первыя двѣ—Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій какъ богословы и какъ іерархи—не были допущены къ печати и на диспутѣ обсуждалась только третья часть, посвященная оцѣнкѣ обоихъ іерарховъ, какъ проповѣдниковъ.

Послѣ блестящаго диспута, Ю. Ѳ. былъ утвержденъ въ званіи магистра. Его желаніе было посвятить себя профессорству, но, исполняя волю своего отца, онъ отправился 7 августа 1844 г. на службу въ Петербургъ и былъ причисленъ къ департаменту министерства юстиціи. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе 8 слишкомъ лѣтъ, онъ проходилъ разныя должности, состоя на службѣ государственной. Съ небольшимъ годъ онъ прослужилъ въ Сенатѣ; эта служба крайне

тяготила его; 9 февраля 1846 года онъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ прикомандированъ, въ качествѣ помощника дѣлопроизводителя, къ открытому въ то время въ Петербургѣ Комитету объ устройствѣ быта лифляндскихъ крестьянъ. Хотя занятія этого Комитета продолжались недолго, но для Ю. Ѳ-ча они имѣли важное значеніе. Передъ нимъ внезапно предсталъ крестьянскій вопросъ, поставленный не теоретическими соображеніями, а выдвинутый самою жизнью. Онъ увидѣлъ, что рѣшеніе его можетъ быть не только предметомъ неопредѣленныхъ чаяній, что оно положительно поддается законодательнымъ и административнымъ мѣрамъ. „Въ моихъ глазахъ, писалъ онъ Аксакову, былъ рѣшенъ важный вопросъ о правѣ на землю лифляндскихъ крестьянъ не соединенными силами двухъ министерствъ, а 30-лѣтнимъ помѣщикомъ никогда не служившимъ“. Не слышится ли въ этихъ словахъ какъ бы предчувствіе того участія, которое ему, тоже какъ помѣщику, пришлось принять въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ? Сверхъ того, въ этомъ Комитетѣ Ю. Ѳ. впервые ознакомился и съ остзейскимъ вопросомъ. По закрытіи Комитета, Самаринъ былъ назначенъ 3 мая 1846 г. чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ и прикомандированъ къ ревизіонной комиссіи, которой было поручено изучить городское устройство и хозяйство Риги и составить проектъ преобразованія средневѣковаго устройства этого города. Этимъ закончилась почти двухлѣтняя служба Ю. Ѳ-ча въ Петербургѣ; во все это время онъ былъ такъ поглащенъ служебными занятіями, что могъ посвящать лишь немного времени литературнымъ трудамъ; поэтому въ печати за это время появились только двѣ статьи его: разборъ сочиненія гр. Соллогуба „Тарантасъ“ и возбудившая сильную полемику критическая статья „О мнѣніяхъ Современника историческихъ и литературныхъ“. Въ этой статьѣ Ю. Ѳ. впервые формулировалъ главныя положенія славянофильскаго ученія въ предѣлахъ затронутыхъ въ его статьѣ вопросовъ.

Ю. Ѳ. выѣхалъ изъ Петербурга въ Ригу 21 іюля 1846 г. вмѣстѣ съ предсѣдателемъ комиссіи Я. В. Ханыковымъ. Служба его тамъ продолжалась два года. На него возложено

было составленіе „Исторіи городскихъ учрежденій Риги“. Изслѣдованіе это было напечатано министерствомъ въ 1852 г. и хотя оно назначалось только „для лицъ высшаго управленія“, однако, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскій не рѣшился выпустить его изъ своего кабинета и все изданіе погибло; уцѣлѣло только 2—3 экземпляра, составляющіе теперь библіографическую рѣдкость. Въ предисловіи къ этому изслѣдованію, написанномъ Ханыковымъ, сказано, что „историческія свѣдѣнія о постепенномъ развитіи рижской городской общины должно было почерпать изъ мѣстныхъ лѣтописей, записокъ и протоколовъ двухъ городскихъ гильдій; лишь немногіе изъ этихъ источниковъ были изданы, большинство же заключалось въ рукописяхъ нерѣдко на трудно-понятномъ древне-нѣмецкомъ языкѣ“. Кромѣ этого служебнаго труда, Ю. Ѳ., подъ конецъ своего пребыванія въ Ригѣ, написалъ еще письма объ Остзейскомъ краѣ. Цѣль, съ которою онъ взялся за перо, высказана имъ самимъ въ письмѣ къ Аксакову, написанномъ въ апрѣлѣ 1848 года: „Систематическое угнетеніе русскихъ нѣмцами, ежечасное оскорбленіе русской народности въ лицѣ немногихъ ея представителей — вотъ что волнуетъ во мнѣ кровь и я тружусь для того только, чтобы *привести этотъ фактъ къ сознанію, выставить его передъ всѣми*“. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Ю. Ѳ. представилъ въ рукописи свои „Письма изъ Риги“ министру внутреннихъ дѣлъ, какъ своему начальнику. Письма эти получили огласку и возбудили негодованіе нѣмецко-остзейской партіи и стоявшаго во главѣ ея тогдашняго остзейскаго генералъ-губернатора князя Суворова. Путями, хорошо извѣстными этой партіи, она достигла того, что, по истребованіи отъ Самарина объясненія, признаннаго неудовлетворительнымъ, онъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Послѣ 12-дневнаго заключенія въ ней, 17 марта 1849 г., въ 9 ч. вечера, явился къ нему въ крѣпость фельдъ-егерь и повезъ его къ Государю въ Зимній дворецъ. Императоръ Николай сдѣлалъ ему строгое внушеніе за разглашеніе того, что считалось, по тогдашнимъ понятіямъ, канцелярскою тайною, и за возбужденіе вражды нѣмцевъ противъ русскихъ, но обошелся съ нимъ

милостиво. Онъ закончилъ свою рѣчь словами: „Теперь это дѣло конченное. Помиримся и обнимемся. Вотъ ваша книга, вы видите, что она у меня и остается здѣсь“. Государь велѣлъ Самарину ѣхать въ Москву и дожидаться распоряженія о назначеніи его тамъ на службу. Но въ это время генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ былъ графъ Закревскій, который крайне враждебно относился къ славянофиламъ. Вслѣдствіе его докладовъ, Государь измѣнилъ свое милостивое расположеніе къ Ю. Ѳ-чу; мѣста въ Москвѣ ему не дали и его забыли. Графу Перовскому пришлось испросить у Государя разрѣшеніе командировать Самарина въ какую-либо губернію съ порученіемъ отъ министерства. Государь изъявилъ на это согласіе, но такъ какъ онъ не хотѣлъ, чтобы Самаринъ служилъ въ Петербургѣ, то поставилъ условіемъ, чтобы онъ былъ „отчисленъ къ губернатору“ той великороссійской губерніи, въ которую онъ будетъ переведенъ на службу. Ю. Ѳ. предполагалъ отправиться либо въ Восточную Сибирь, либо въ симбирскую губернію, гдѣ у отца его было имѣніе. Перовскій воспротивился назначенію его въ Сибирь и потому 3 августа 1849 г. онъ былъ командированъ въ распоряженіе симбирскаго губернатора. Въ Симбирскѣ однако ему пришлось прожить недолго; вслѣдствіе доноса о вредномъ вліяніи его на тамошнее общество, онъ былъ командированъ 15 октября, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при министрѣ, въ распоряженіе кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова. Пріѣздъ его въ Кіевъ совпалъ со введеніемъ во всемъ юго-западномъ краѣ „инвентарей“, опредѣлявшихъ земельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Ю. Ѳ. никакого участія въ этомъ дѣлѣ не принималъ, но съ сочувствіемъ слѣдилъ за нимъ. Пріобрѣтенное имъ такимъ образомъ знакомство съ хозяйственными условіями юго-западнаго края дало ему возможность впослѣдствіи принять дѣятельное участіе въ трудахъ Редакціонныхъ Комиссій по составленію Мѣстнаго Положенія того края. Черезъ годъ по пріѣздѣ въ Кіевъ, Ю. Ѳ-чу поручено было управленіе канцеляріею генералъ-губернатора. На этомъ и закончилась его служебная карьера; 21 февраля 1853 г. онъ былъ уволенъ въ отставку. Не по своему желанію поступилъ Ю. Ѳ. на службу; онъ

тяготился ею, и тѣмъ не менѣе, окидывая теперь взглядомъ всю жизнь Ю. Ѳ-ча, нельзя не признать, что этотъ 8-лѣтній періодъ его жизни имѣлъ для него значеніе подготовительной школы къ дѣлу, которое онъ считалъ задачею своей жизни. Въ продолженіе своей кратковременной службы ему пришлось дважды быть свидѣтелемъ практическаго рѣшенія крестьянскаго вопроса въ такое время, когда въ центральной полосѣ Россіи не было объ этомъ и слуха. Сверхъ того, служба ознакомила его со сложнымъ механизмомъ административнымъ и дала ему нѣкоторый административный навыкъ, а то и другое было необходимо для участія въ рѣшеніи такого вопроса, который захватывалъ всѣ стороны жизни государственной.

Но этой школы было недостаточно: требовалось еще ознакомиться на дѣлѣ съ отношеніями крестьянъ къ помѣщикамъ, съ сельскимъ хозяйствомъ и съ бытомъ крестьянъ. Обстоятельства сложились такъ, что и эту школу Ю. Ѳ. прошелъ въ теченіе 5 лѣтъ по выходѣ въ отставку и до поступленія въ самарскій губернскій комитетъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Еще до полученія отставки, въ декабрѣ 1852 года, Ю. Ѳ. окончательно выѣхалъ изъ Кіева и поселился опять въ Москвѣ, чтобы жить съ престарѣлымъ отцомъ своимъ и помогать ему въ управленіи имѣніями. Послѣ кончины его, всѣ дѣла семейныя перешли на руки Ю. Ѳ-ча: онъ объѣзжалъ имѣнія, проживалъ въ нихъ лѣтомъ, изучалъ хозяйство въ тульской и въ самарской губерніи, а зимы проводилъ въ Москвѣ, въ кругу семьи своей и близкихъ друзей. Уже съ 1853 г. онъ приступилъ къ составленію записки „О крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ“; но она была окончена и пущена въ обращеніе только въ 1856 г. Въ продолженіе своей 8-лѣтней службы Ю. Ѳ., кромѣ вышеуказанныхъ двухъ статей, ничего не печаталъ: у него не доставало на то времени и къ тому же, вслѣдствіе гоненія на славянофиловъ, цензура не пропускала ничего, что исходило отъ лицъ, принадлежавшихъ къ этому направленію. Но съ новымъ царствованіемъ обстоятельства измѣнились: въ 1856 году было разрѣшено славянофиламъ издавать „Русскую Бесѣду“, а съ 1858 года

„Сельское Благоустройство“, посвященное исключительно крестьянскому дѣлу. Въ обоихъ этихъ изданіяхъ Ю. Ѳ. принялъ дѣятельное участіе. Даже состоя на службѣ въ симбирскомъ ополченіи, въ зиму съ 1855 на 1856 г., онъ написалъ для первыхъ двухъ книгъ „Русской Бесѣды“ статьи о „народности въ наукѣ“ и „о народномъ образованіи“, вызвавшія въ свое время сильную полемику. За исключеніемъ этихъ статей, все написанное имъ въ это время имѣло прямое или косвенное отношеніе къ крестьянскому вопросу. Главные труды его этой эпохи составляютъ его статьи о сельской общинѣ и изслѣдованіе „Упраздненіе крѣпостного права и устройство отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Пруссіи“. Это изслѣдованіе было написано имъ потому, что онъ признавалъ необходимымъ прежде, чѣмъ приступить къ законодательному рѣшенію крестьянскаго вопроса, основательно ознакомиться съ тѣмъ, какъ вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ Пруссіи и въ особенности изучить дѣятельность по крестьянскому дѣлу Штейна, извѣстнаго прусскаго политическаго дѣятеля въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Наконецъ, наступила та пора, когда столь давно лелѣянная мысль должна была осуществиться, когда то, что еще недавно казалось мечтою, надлежало облечь въ плоть и кровь, когда представилась возможность Ю. Ѳ—чу приложить къ рѣшенію крестьянскаго вопроса всю пріобрѣтенную имъ опытность—административную, хозяйственную и жизненную, все знаніе крестьянскаго дѣла, которое далось ему какъ бы случайно и которое онъ восполнилъ упорнымъ трудомъ. Высочайшіе рескрипты 20 ноября 1857 г. призвали дворянство къ разработкѣ Положенія объ улучшеніи быта крестьянъ; открылись повсемѣстно губернскіе комитеты, и Ю. Ѳ. получилъ 25 іюня 1858 г. приглашеніе вступить въ самарскій Комитетъ въ качествѣ члена отъ правительства. Комитетъ былъ открытъ 25 сентября; съ тѣхъ поръ, въ продолженіе 5 лѣтъ Ю. Ѳ. занимался почти исключительно и почти безъ перерыва крестьянскимъ дѣломъ. То была страдная пора въ его жизни! Въ самарскомъ Комитетѣ занятія продолжались до іюня 1859 г. За все это время Ю. Ѳ. велъ оживленную переписку съ кн. В. А. Черкасскимъ и съ А. И. Кошелевымъ,

которые оба были тоже членами отъ правительства: первый въ Тулѣ, второй—въ Рязани. Эта въ высшей степени интересная переписка отражаетъ какъ въ фотографіи тѣ страстныя, раздражительныя пренія, которыя велись въ Комитетахъ между членами большинства, отстаивавшими интересы дворянства, и членами меньшинства, которые горячо стояли за освобожденіе крестьянъ. По утвержденной правительствомъ программѣ Ю. Ѳ. составилъ проектъ Положенія, который, кромѣ него, былъ подписанъ еще 4 членами меньшинства. По окончаніи этой работы, онъ отправился немедленно въ Петербургъ для участія, въ качествѣ члена-эксперта, въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ. Къ сожалѣнію, онъ запоздалъ пріѣздомъ. Редакціонныя Комиссіи были учреждены еще 4 марта 1859 г. для разсмотрѣнія проектовъ Положенія, которые постепенно поступали изъ Губернскихъ Комитетовъ. По мѣрѣ того, какъ съѣзжались въ Петербургъ эксперты, приглашенные изъ разныхъ губерній, между членами Редакціонныхъ Комиссій начиналъ уже слагаться окончательный взглядъ на то, какъ слѣдовало отнестись къ кореннымъ вопросамъ этой реформы. Въ особенности столковались между собою наиболѣе вліятельные члены хозяйственнаго отдѣленія Редакціонныхъ Комиссій, Н. А. Милютинъ, бывшій предсѣдателемъ этого отдѣленія, и кн. В. А. Черкасскій, пріѣхавшій въ Петербургъ ранѣе Ю. Ѳ—ча. Съ тѣми выводами, къ которымъ они пришли на частныхъ совѣщаніяхъ, Ю. Ѳ. былъ не вполнѣ согласенъ. Сущность его взгляда на крестьянскую реформу заключалась въ слѣдующемъ. Отвергая безусловно личное освобожденіе крестьянъ безъ земли, онъ придавалъ самое главное значеніе вопросу о надѣлѣ съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. Онъ полагалъ, что въ Великороссійскихъ губерніяхъ, съ общиннымъ владѣніемъ землею, надѣлъ слѣдовало опредѣлить на каждое сельское общество не по числу ревизскихъ душъ, а по единожды навсегда исчисленному числу тяголъ; что надѣлъ на тягло долженъ быть опредѣляемъ по нормѣ, установленной для каждой изъ мѣстностей, на которыя должна быть подраздѣлена губернія. На отведенную такимъ образомъ въ безсрочное пользованіе землю, подъ названіемъ крестьянской или мірской, обществу

должно быть предоставлено право выкупа. Но если существовавшій надѣлъ превышалъ нормальный надѣлъ, то за обществомъ должно быть признано право удержать за собою излишекъ за добавочную повинность, но безъ права выкупа этого излишка. Вопросъ о надѣлѣ Ю. Ѳ. признавалъ кореннымъ, потому что, по его мнѣнію, онъ рѣшался въ то время окончательно, безъ возможности исправленія его въ будущемъ. Что касается вопроса о повинностяхъ, которыя, по его мнѣнію, тоже слѣдовало исчислять по тягламъ, то его не пугала величина повинности: во-первыхъ, потому что это дѣло было исправимо въ будущемъ и, во-вторыхъ, потому, что всякое уменьшеніе повинности непремѣнно связывалось съ уменьшеніемъ поземельнаго надѣла. Точно также и по вопросу о переходномъ состояніи и о выкупѣ, Ю. Ѳ. хотя и признавалъ, что вся реформа должна была завершиться выкупомъ, но опасался торопить этою развязкою и нисколько не пугался продолжительности переходнаго или такъ-называемаго срочно-обязаннаго состоянія. Если спѣшить выкупомъ, то, по его мнѣнію, для осуществленія финансовой операціи, пришлось бы непремѣнно понизить повинность, а пониженіе повинности по необходимости влекло за собою уменьшеніе надѣла. Въ этомъ взглядѣ на самую существенную, хозяйственную сторону реформы Ю. Ѳ. расходился даже съ тѣмъ человѣкомъ, мнѣніемъ котораго онъ паиболѣе дорожилъ—съ А. С. Хомяковымъ. Въ виду оказавшагося разногласія между взглядомъ Ю. Ѳ—ча и тѣми принципами, на которыхъ окончательно, еще до его пріѣзда, утвердились его друзья, не менѣе чѣмъ онъ воодушевленные желаніемъ, чтобы реформа совершилась на благо крестьянъ, онъ думалъ удалиться изъ Редакціонныхъ Комиссій. Но онъ пожертвовалъ своими личными взглядами и подчинился убѣдительнымъ просьбамъ своихъ друзей не покидать общаго дѣла, а довести его до конца. Теперь, когда прошло уже 35 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, можно, кажется, сказать, что взглядъ Ю. Ѳ—ча былъ во многомъ вѣренъ, особенно относительно будущаго, котораго не слѣдовало упускать изъ виду, но, по вопросу о переходномъ состояніи, можетъ быть, онъ не придалъ достаточнаго значенія, такъ сказать, психологическому моменту,

въ который приходилось рѣшать вопросъ. Дѣло въ томъ, что не только помѣщики, но и крестьяне требовали окончательной развязки. Крестьяне готовы были идти не только на уменьшеніе надѣла, а даже на полный отказъ отъ него лишь бы достигнуть окончательной развязки. Вотъ до чего назрѣлъ вопросъ! Но это настроеніе крестьянъ обнаружилось только позднѣе, когда начали приводить въ исполненіе Положеніе 19 февраля. Неудивительно поэтому, что имѣя въ виду будущее и отстаивая преимущественно интересы крестьянъ, какъ стороны безгласной въ этомъ дѣлѣ, онъ не придалъ должнаго значенія означенному психологическому моменту. Въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ онъ работалъ, главнымъ образомъ, въ хозяйственномъ отдѣленіи по вопросу о повинностяхъ вмѣстѣ съ П. П. Семеновымъ, и, сверхъ того, принималъ дѣятельное участіе въ составленіи Мѣстнаго Положенія юго-западнаго края. Члены Редакціонныхъ Комиссій работали дружно; большого разногласія между ними не было. Но раздраженіе въ обществѣ противъ Редакціонныхъ Комиссій и усиленный трудъ надорвали силы Ю. Ѳ—ча; приливъ крови къ утомленному мозгу вынудилъ его на время прекратить всякія занятія и уѣхать въ сентябрѣ 1859 г. заграницу. Отсутствіе его было, однако, непродолжительно; уже въ декабрѣ онъ вернулся въ Петербургъ и продолжалъ работать въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ до закрытія ихъ 10 октября 1860 г. Въ это время постигли Ю. Ѳ—ча два тяжелые удара—умерли одинъ вслѣдъ за другимъ два самые близкіе ему человѣка: А. С. Хомяковъ (23 сентября) и К. С. Аксаковъ (7 декабря). Несмотря на сильное нравственное потрясеніе, испытанное Ю. Ѳ—чемъ отъ этихъ извѣстій, онъ вернулся въ Петербургъ по отдачѣ послѣдняго долга почившимъ. Покуда проектъ Положенія разсматривался въ Главномъ Комитетѣ, онъ помогалъ Н. А. Милютину, который, не состоя членомъ Комитета, былъ приглашенъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ для постоянныхъ частныхъ совѣщаній. Ю. Ѳ. составилъ въ это время для великаго князя нѣсколько записокъ въ опроверженіе мнѣній, которыя подавались членами Главнаго Комитета противъ проекта Положенія, выработаннаго Редакціонными Комиссіями.

Тогда же былъ написанъ имъ проектъ манифеста 19 февраля; хотя онъ былъ измѣненъ Н. А. Милютинымъ и кн. Черкасскимъ, а потомъ и совершенно передѣланъ митрополитомъ Филаретомъ, но изъ него взяты были, въ измѣненной редакціи, почти единственныя слова, которыя были поняты народомъ. Его проектъ кончался обращеніемъ къ народу: „Православные! не омрачите этого свѣтлаго дня ни дикимъ разгуломъ, ни буйнымъ веселіемъ; но въ трезвомъ сознаніи лежащихъ на васъ обязанностей, возблагодарите Всевышняго, подателя всякихъ благъ, и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, вступите бодро въ новую жизнь“. Впослѣдствіи Ю. Ѳ., вспоминая это обстоятельство, говорилъ, что хотя митрополитъ Филаретъ и заимствовалъ изъ его проекта заключеніе, но, какъ знатокъ слова, онъ обратилъ придаточное предложеніе въ главное и тѣмъ придалъ ему, конечно, больше силы: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“. Наконецъ, законодательная работа была окончена; Положеніе было утверждено Государемъ въ навѣки памятный день 19 февраля 1861 г. Надлежало теперь приводить Положеніе въ исполненіе. Ю. Ѳ. не уклонился и отъ этой работы. Въ началѣ марта онъ поѣхалъ въ Самару, чтобы принять участіе, въ качествѣ члена отъ правительства, въ Губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіи. Два года онъ трудился въ Самарѣ надъ повѣркою „Уставныхъ грамотъ“ и надъ разрѣшеніемъ тѣхъ частныхъ вопросовъ, которые возникали по ходу дѣла. Наконецъ, когда большая часть Уставныхъ грамотъ была составлена, Ю. Ѳ. призналъ, что онъ задачу свою выполнилъ, что дѣло доведено имъ до конца. Самарское общество, на глазахъ котораго протекла дѣятельность его въ Губернскомъ Комитетѣ и въ Губернскомъ Присутствіи, почтило его на прощанье цѣлымъ рядомъ обѣдовъ, учрежденіемъ двухъ стипендій его имени въ гимназіи и въ женскомъ училищѣ и званіемъ почетнаго гражданина г. Самары. Ю. Ѳ. выѣхалъ въ Москву въ іюнѣ 1863 г. и предполагалъ отправиться заграницу, чтобы поправить свое здоровье, расшатанное усиленными, почти 5-ти-

лѣтними трудами по крестьянскому дѣлу. Но пришлось отложить это намѣреніе. Въ началѣ октября онъ, по просьбѣ Н. А. Милютина, согласился принять участіе въ комиссіи, которой было поручено изучить крестьянскій вопросъ въ царствѣ польскомъ и выработать проэктъ Положенія для тамошнихъ крестьянъ. Ю. Ѳ. прожилъ въ Варшавѣ 6 недѣль и вмѣстѣ съ остальными членами комиссіи, подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя вслѣдствіе продолжавшагося еще мятежа, объѣхалъ три уѣзда, чтобы изучить на мѣстѣ положеніе крестьянъ. Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этой поѣздки, были изложены имъ въ запискѣ, которая отъ комиссіи была представлена Государю. Вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ и кн. В. А. Черкасскимъ Ю. Ѳ. выработалъ проектъ Положенія „Объ устройствѣ сельскихъ гминъ и крестьянскаго быта въ царствѣ польскомъ“ и въ январѣ 1864 г. принялъ участіе въ особомъ комитетѣ, который былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ кн. П. П. Гагарина, для разсмотрѣнія означеннаго проекта Положенія. Оно было Высочайше утверждено 19 февраля 1864 г. На этотъ разъ занятія крестьянскимъ дѣломъ окончательно завершились для Ю. Ѳ—ча; вмѣстѣ съ тѣмъ завершился и почти 20-ти-лѣтній періодъ его жизни, начавшійся со вступленія его на службу въ Петербургѣ въ 1844 г. Здоровье его было такъ разшатано, что онъ считалъ себя неспособнымъ ни къ какому усиленному труду; 30 марта 1864 г. онъ писалъ: „Мое здоровье въ одномъ положеніи, т. е. со дня-на-день хуже. Надежды на выздоровленіе я никакой не имѣю. Придется умирать медленно, долго и постепенно; впрочемъ, я далекъ отъ унынія и надѣюсь разсчитаться съ жизнью непостыдно“. Но Ю. Ѳ. ошибался: хотя онъ и былъ серьезно болѣнъ—нѣсколько разъ повторявшіеся приливы крови къ мозгу дѣйствительно потрясли его нервную систему, послѣдствіемъ чего былъ даже параличъ праваго глаза—но крѣпкій организмъ его перенесъ эту болѣзнь; продолжительный отдыхъ заграницею и лѣченіе водами и виноградомъ возстановили его силы. Ему дано было прожить еще 12 лѣтъ и принести не мало пользы своему отечеству.

Эти 12 лѣтъ составляютъ періодъ его общественной и ли-

тературной дѣятельности. Жизнь его текла въ это время довольно однообразно. Почти ежегодно онъ ѣздилъ за-границу для поправленія здоровья и для печатанія своихъ литературныхъ трудовъ. Часть лѣта и осень онъ обыкновенно проводилъ въ своемъ имѣніи на берегу Волги въ самарской губерніи. Здѣсь онъ писалъ „Окраины“, „Письма объ іезуитахъ“, подготовлялъ къ печати богословскія сочиненія Хомякова, занимался тремя открытыми имъ сельскими школами и даже, въ послѣдніе годы, самъ училъ въ одной изъ нихъ. Отдыхалъ онъ отъ занятій, садясь за шахматный столъ или отправляясь на цѣлый день на охоту, которой онъ со страстью предавался еще съ юности своей. Зимы Ю. Ѳ. проводилъ въ Москвѣ, откуда ѣздилъ не надолго въ Петербургъ навѣщать своихъ друзей. Этотъ періедъ жизни Ю. Ѳ-ча совпадаетъ со второю половиною царствованія Александра II, когда въ правительственныхъ сферахъ все усиливалась реакція противъ того, что было совершено въ первое десятилѣтіе этого царствованія. Неудивительно поэтому, что въ означенныхъ сферахъ чуждались Ю. Ѳ-ча, а онъ, конечно, ничего не искалъ. Только разъ, и то въ началѣ этого періода, вспомнили объ немъ: въ декабрѣ 1865 г., по Высочайшему назначенію ему было поручено предсѣдательствовать въ самарскомъ Губернскомъ Земскомъ Собраніи. Общественная дѣятельность его за все это время сосредоточивалась въ Москвѣ. Съ 1866 г. до самой смерти онъ состоялъ гласнымъ городской думы и губернскаго земскаго собранія. Принимая самое живое участіе въ засѣданіяхъ, онъ поражалъ всѣхъ своимъ даромъ слова, отличавшимся ясностью, логичностью и простотою изложенія. И. С. Аксаковъ такъ опредѣлилъ даръ слова Ю. Ѳ-ча и его слогъ: „Онъ никого не увлекъ художественностью и страстностью рѣчи, подобно К. С. Аксакову; но, доведя мысль до совершенной отчетливости, онъ выражалъ ее въ устномъ и письменномъ словѣ съ такою точностью и прозрачностью, въ такой неотразимой послѣдовательности логическихъ выводовъ, что это составляло красоту своего рода: подобнаго ему въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ въ Россіи, не было другого и едва ли скоро будетъ“. Кромѣ участія въ засѣданіяхъ, Самаринъ работалъ въ комиссіяхъ и

работалъ какъ труженикъ; въ думской комиссіи о пользахъ и нуждахъ общественныхъ онъ былъ предсѣдателемъ съ 1866 по 1875 г. съ краткими перерывами. Когда въ Москвѣ было получено извѣстіе о кончинѣ Ю. Ѳ-ча, городской секретарь, М. П. Щепкинъ, въ засѣданіи Думы, посвященномъ памяти его, вывелъ на справку, что „за одни послѣдніе три года было заслушано Думою 40 докладовъ за подписью Предсѣдатель Ю. Самаринъ. А кому изъ насъ не извѣстно, пояснилъ городской секретарь, что значила эта подпись? Она значила, что весь докладъ отъ начала до конца, вся черная и бѣлая работа была исполнена рукою самого предсѣдателя комиссіи, которой онъ былъ и надежнымъ руководителемъ и усерднымъ работникомъ". Очень вѣрно охарактеризовалъ дѣятельность Ю. Ѳ-ча въ московской Думѣ Н. П. Гиляровъ, хорошо знавшій его: „Авторъ „Іезуитовъ" и „Окраинъ" съ безпримѣрной добросовѣстностью засаживалъ себя, какъ послѣдній рабочій, за какой-нибудь вопросъ о прирѣзкѣ городской земли къ кладбищамъ, о вывозѣ городскихъ нечистотъ, или о стѣнѣ Китая-города. Это, какъ мѣтко выразился нѣкто, было топленіе печи краснымъ деревомъ, куда годились бы и осиновыя полѣнья. Но Ю. Ѳ. былъ иного мнѣнія и нашелъ долгомъ отдать себя такой дѣятельности. „Теперь нужны не зодчіе, а каменьщики; не планы сочинять, а кирпичи класть". Почти этими словами, но именно этимъ сравненіемъ отвѣчалъ онъ на наше удивленіе и сожалѣніе... Послѣдніе годы мыслителя были убиты на подвижничество въ видѣ кладки кирпичей городского самоуправленія". Московская Дума высоко цѣнила труды Ю. Ѳ-ча и потому съ глубокимъ чувствомъ сожалѣнія отнеслась къ неожиданному извѣстію о кончинѣ его. Послѣ горячей рѣчи князя А. А. Щербатова въ память о почившемъ, Дума постановила: въ знакъ признательности за плодотворную дѣятельность Ю. Ѳ-ча на пользу московскаго городского общества, поставить его портретъ въ залѣ засѣданій Думы и учредить двѣ стипендіи его имени въ университетѣ и въ духовной академіи. Московское губернское земское собраніе тоже учредило стипендію его имени въ Поливановской учительской семинаріи. Изъ трудовъ Ю. Ѳ-ча по земству особенно выдается составленный имъ въ 1871 г. до-

кладъ комиссіи по вопросу объ измѣненіи системы подушныхъ сборовъ. Комиссія эта, въ которой участвовали всѣ лучшія силы московскаго земства, работала, подъ предсѣдательствомъ Ю. Ѳ-ча, въ продолженіе всей зимы съ 1870 на 1871 г. Она составила проектъ замѣны подушной подати и подушнаго государственнаго земскаго сбора тремя налогами: раскладочнымъ на землю, окладнымъ на строенія въ уѣздахъ и поразрядным окладнымъ личнымъ налогомъ. Вполнѣ сознавая, что разработка этого проекта составляла главнымъ образомъ трудъ Ю. Ѳ-ча, члены комиссіи, въ знакъ благодарности, поднесли ему изящный альбомъ съ своими портретами. Послѣ работы въ этой комиссіи, Ю. Ѳ. не переставалъ заниматься этимъ вопросомъ: правительство намѣревалось въ то время приступить къ податной реформѣ. Но Ю. Ѳ. полагалъ необходимымъ, прежде чѣмъ браться за рѣшеніе податнаго вопроса законодательнымъ путемъ, предварительно основательно изучить его, точно такъ же, какъ это имъ было сдѣлано въ пятидесятыхъ годахъ по крестьянскому вопросу. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ изслѣдованіе о томъ, какъ совершена была податная реформа въ Пруссіи и изучалъ этотъ вопросъ не только по книгамъ, но и посредствомъ сношеній съ тѣми лицами, которыя приводили эту реформу въ исполненіе. Во время своихъ поѣздокъ въ Германію, онъ заводилъ съ этою цѣлью знакомство съ чиновниками прусскими, а въ 1874 г. присутствовалъ на съѣздѣ нѣмецкихъ экономистовъ въ Эйзенахѣ и слушалъ тамъ докладъ извѣстнаго экономиста Нассе о личныхъ налогахъ. Къ сожалѣнію, этотъ трудъ Ю. Ѳ-ча остался недоконченнымъ; но часть его была напечатана, послѣ его смерти, въ VI т. Сборника государственныхъ знаній В. П. Безобразова, подъ заглавіемъ „Финансовыя реформы въ Пруссіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія“.

Такая, можно сказать, кипучая общественная дѣятельность не сполна, однако, поглащала силы Ю. Ѳ-ча. У него еще оказывалось достаточно и времени и энергіи, чтобы усиленно предаваться литературнымъ занятіямъ. Талантъ его окончательно созрѣлъ; къ этому послѣднему періоду его жизни относятся главные литературые труды его, которые на-

всегда останутся связаны съ его именемъ. Напечатанное въ газетѣ „День“ въ 1864 г. письмо Іезуита И. Мартынова къ редактору „Дня“, И. С. Аксакову, дало Ю. Ѳ-чу поводъ написать 5 отвѣтныхъ писемъ отцу Мартынову. Они были напечатаны въ газетѣ „День“ въ 1865 г. и потомъ были издаваемы три раза отдѣльными книжками подъ заглавіемъ „Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи“; сверхъ того, это сочиненіе вышло въ переводѣ на французскій и на польскій языки. Н. П. Гиляровъ, который самъ былъ мыслитель-богословъ, такъ отозвался объ этомъ трудѣ Ю. Ѳ-ча: „Какое тонкое пониманіе, какой прорѣзающій анализъ въ его „Іезуитахъ“! Лучшею оцѣнкою силы этого сочиненія служитъ то, что орденъ Лойолы не дерзнулъ даже выступить съ отвѣтной полемикой: пріемъ, между прочимъ, предсказанный самимъ безсмертнымъ авторомъ“. Послѣ писемъ къ о. Мартынову объ Іезуитахъ, Ю. Ѳ. принялся за богословскія сочиненія А. С. Хомякова. Онъ проредактировалъ сдѣланные кн. Е. А. Черкасскою и Н. П. Гиляровымъ переводы брошюръ Хомякова съ французскаго языка и его писемъ къ Пальмеру съ англійскаго языка и написалъ свое извѣстное предисловіе, въ которомъ опредѣлилъ значеніе Хомякова, какъ богослова, выяснившаго идею церкви съ православной точки зрѣнія. Этотъ томъ сочиненій Хомякова былъ напечатанъ Ю. Ѳ-чемъ въ Чешской Прагѣ въ 1867 г. Въ связи съ этими двумя трудами его, которые примыкаютъ къ его магистерской диссертаціи и составляютъ какъ бы продолженіе ея, слѣдуетъ упомянуть написанный имъ въ 1872—1875 гг., по вызову К. Д. Кавелина, разборъ его сочиненія „Задачи Психологіи“ и, наконецъ, посмертный трудъ его, о которомъ будетъ сказано далѣе. Къ этой же эпохѣ относятся его литературные труды изъ области публицистики. Ю. Ѳ. вернулся снова къ остзейскому вопросу, который ему пришлось изучить еще въ молодости. Но теперь этотъ вопросъ былъ поставленъ имъ шире. Онъ имѣлъ въ виду выяснить неправильность нашей тогдашней внутренней политики въ отношеніи вообще къ окраинамъ Россіи. Извѣстно, что національное направленіе нашей внутренней политики сильно поколебалось въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и это не могло не вызвать центробѣжнаго стремленія въ Польшѣ,

Финляндіи, Остзейскомъ краѣ и даже на Украйнѣ и на Кавказѣ. Не только въ обществѣ, но и въ нѣкоторыхъ правительственныхъ сферахъ съ сочувствіемъ относились къ мысли о федеративномъ устройствѣ Россіи. Для противодѣйствія этому направленію Ю. Ѳ. и предпринялъ изданіе „Окраинъ Россіи“, которыя онъ печаталъ за границею. По выходѣ въ 1867 г. первыхъ двухъ выпусковъ, Ю. Ѳ. былъ вызванъ въ ноябрѣ 1868 года московскимъ генералъ-губернаторомъ для объявленія ему Высочайшаго неудовольствія за начатое имъ изданіе. Вслѣдствіе этого Самаринымъ было написано всеподданнѣйшее письмо къ Императору Александру Николаевичу; онъ изложилъ въ немъ политическую исповѣдь свою и выяснилъ съ какимъ намѣреніемъ онъ предпринялъ заграничное изданіе. Затѣмъ, слѣдующіе выпуски Окраинъ и полемическія брошюры по поводу ихъ продолжали выходить заграницею: въ 1869 г. былъ напечатанъ отвѣтъ Ю. Ѳ-ча на анонимное письмо, появившееся въ Баденъ-Баденѣ; въ 1870 г. отвѣтъ Бокку и Ширрену; третій выпускъ Окраинъ въ 1871 г.; четвертый—въ 1874 г.; пятый—въ 1875 г., и шестой — въ 1876 г. послѣ его смерти. Такимъ образомъ, въ послѣднія 12 лѣтъ жизни Ю. Ѳ-ча почти каждый годъ появлялось какое либо значительное произведеніе его пера. Не вдаваясь въ подробную оцѣнку „Окраинъ Россіи“, ни съ литературной, ни съ политической точки зрѣнія, слѣдуетъ сказать, что трудъ этотъ вызвалъ страстную полемику въ Германіи и сдѣлалъ имя Ю. Ѳ-ча извѣстнымъ въ западной Европѣ. Что касается Россіи, то „Окраины“ были встрѣчены съ горячимъ сочувствіемъ въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, которые стоятъ за національное направленіе нашей политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней, и за государственное объединеніе Россіи, а со стороны нашихъ русскихъ космополитовъ посыпались обвиненія на автора въ узкости взгляда, въ націонализмѣ, и наконецъ въ томъ, что онъ разжигаетъ страсти и вызываетъ вражду нѣмцевъ противъ русскихъ. Такое отношеніе къ „Окраинамъ Россіи“ проявилось въ особенности позднѣе, когда въ царствованіе Александра III-го само правительство усвоило себѣ ту точку зрѣнія на остзейскій вопросъ, которую проводилъ Ю. Ѳ. въ своемъ трудѣ. Во всякомъ случаѣ,

едва ли можно отрицать, что само по себѣ изданіе „Окраинъ“ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ было гражданскимъ подвигомъ. Къ публицистическимъ же сочиненіямъ Ю. Ѳ-ча этой эпохи относится изданная имъ за-границею въ 1875 г. сообща съ Ѳ. М. Дмитріевымъ брошюра подъ заглавіемъ: „Революціонный консерватизмъ“. Въ статьѣ, написанной въ формѣ письма къ генералу Фадѣеву, Ю. Ѳ. представилъ характеристику той „небольшой партіи, которая обозначалась у насъ въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ отрицательнымъ отношеніемъ своимъ къ крестьянской реформѣ... обзавелась въ свое время спеціальнымъ органомъ, покойною газетою „Вѣсть“... пустила корни въ высшей правительственной и придворной средѣ... и талантливымъ истолкователемъ которой явился генералъ Фадѣевъ въ изданной имъ брошюрѣ „Русское общество въ настоящемъ и будущемъ“. Еще при жизни Ю. Ѳ-ча, ученые и литературные труды его были достойно оцѣнены нашими учеными корпораціями: онъ былъ удостоенъ званія почетнаго члена московскимъ университетомъ въ 1869 г. и московскою духовною академіею въ 1872 г. Московская академія мотивировала свое избраніе желаніемъ выразить „искреннее уваженіе къ глубокому сочувствію Ю. Ѳ-ча интересамъ православія и сильному правдою обличенію враговъ его“. При московскомъ же университетѣ, послѣ смерти Ю. Ѳ-ча, учреждена была премія его имени, присуждаемая черезъ каждые три года за сочиненіе по крестьянскому и по земскому дѣлу. Капиталъ, изъ процентовъ съ котораго выдается эта премія, былъ собранъ друзьями Ю. Ѳ-ча и почитателями его общественной и литературной дѣятельности.

Весною 1875 г. Ю. Ѳ-чу наступилъ 57-й годъ. Судя по его дѣятельности, можно было думать, что силы еще не измѣнили ему. Хотя организмъ его и былъ расшатанъ непрерывнымъ трудомъ, не разъ повторявшимися приливами крови къ головѣ и серьезною болѣзнью въ 1873 г. отъ ушиба ноги, но онъ могъ бы прожить еще долго, если бы случайное обстоятельство не прервало преждевременно его жизни. Проведя праздникъ Рождества Христова въ Москвѣ, Ю. Ѳ. выѣхалъ въ послѣдній разъ за границу въ концѣ декабря 1875 года. Онъ пріѣхалъ въ Берлинъ 4-го января, прожилъ тамъ без-

отлучно два мѣсяца, въ первыхъ числахъ марта съѣздилъ на недѣлю въ Парижъ повидаться съ кн. В. А. Черкасскимъ, съ его женою и съ своими братьями, затѣмъ 7 марта снова вернулся въ Берлинъ и оставался тамъ до самой кончины своей. Цѣлью его поѣздки за границу было изданіе шестого выпуска „Окраинъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе земскихъ учрежденій Пруссіи и дѣйствующей тамъ системы податей. Но и среди занятій вопросами общественными и политическими высшіе вопросы изъ области богословія и философіи никогда не покидали его. Въ это время мысль богословская была снова пробуждена въ немъ сочиненіями Макса Мюллера изъ исторіи религій. Они послужили темою для продолжительныхъ бесѣдъ объ основныхъ началахъ религіи съ однимъ изъ профессоровъ берлинскаго университета, знавшимъ лично Мюллера, почти ежедневно видавшимся съ Ю. Ѳ-чемъ и, конечно, не раздѣлявшимъ его православнаго образа мыслей. По вызову своего собесѣдника, Ю. Ѳ. изложилъ письменно тѣ мысли, которыя онъ развивалъ въ бесѣдѣ устной. Въ двухъ законченныхъ статьяхъ, написанныхъ по-нѣмецки, Ю. Ѳ. старался выяснить психическую основу сознанія бытія Божія и разницу между понятіемъ о *безконечномъ*, которое Мюллеръ кладетъ въ основу религіи, и понятіемъ о *Богѣ*. Кромѣ того, пренія касались, какъ писалъ Ю. Ѳ. своему другу баронессѣ Раденъ, и сущности чуда и вопроса можно ли проводить твердую, непереходимую границу между нравственною свободою съ одной стороны и логическою точно такъ же, какъ и вещественною необходимостью съ другой стороны. Такимъ образомъ, въ городѣ, въ которомъ на мѣстѣ прежняго Берлина, по выраженію Ю. Ѳ-ча, стоялъ „новый Іерусалимъ, говорящій по нѣмецки“, онъ „открыто выступилъ въ борьбу за вѣру въ бытіе Бога и въ безсмертіе души человѣческой“, какъ сказалъ объ немъ въ надгробномъ своемъ словѣ его духовный отецъ, протоіерей А. О. Ключаревъ. Для изученія прусской податной системы и введенныхъ тамъ земскихъ учрежденій Ю. Ѳ. и въ этотъ разъ былъ въ сношеніяхъ съ совѣтниками разныхъ министерствъ, учеными и практиками по этимъ вопросамъ. Въ особенности онъ часто видался съ ф. Бринкенъ и съ д-ромъ Дитерици, который, по

его просьбѣ, согласился составить записку по архивнымъ ненапечатаннымъ документамъ. Дитерици пожелалъ угостить Ю. Ѳ-ча, чтобы положить конецъ случайному недоразумѣнію, возникшему между ними, и пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ 11 марта. Между тѣмъ, наканунѣ этого дня, по настоятельному требованію Ю. Ѳ-ча, ему сдѣлали операцію—вырѣзали небольшую жировую опухоль, величиною съ орѣхъ, въ верхней части правой руки. Операція была незначительная, доктора увѣряли, что на полное излѣченіе раны потребуется не болѣе 4 дней, но, къ сожалѣнію, эта въ сущности ненужная операція имѣла самыя тяжелыя послѣдствія. Тотчасъ послѣ операціи Ю. Ѳ. отправился обѣдать къ своимъ знакомымъ, а на слѣдующій день на условленный обѣдъ къ Дитерици. Всѣхъ собравшихся было вмѣстѣ съ Ю. Ѳ—чемъ 8 человѣкъ: совѣтники, Regierungsräthe, представители городского управленія и министерства финансовъ; изъ нихъ только трое были прежде знакомы съ Ю. Ѳ—чемъ. Ни хозяинъ дома и никто изъ гостей не зналъ, что его рука была оперирована. Ю. Ѳ—ча познакомили со всѣми гостями; онъ жалъ всѣмъ руки, былъ, по словамъ д-ра Дитерици, чрезвычайно привѣтливъ. За обѣдомъ хозяинъ предложилъ тостъ за здоровье Ю. Ѳ—ча, на который онъ отвѣчалъ длинной рѣчью и тостомъ въ честь прусскихъ чиновниковъ. Въ этой рѣчи, продолжавшейся болѣе получаса, Ю. Ѳ. охарактеризовалъ взаимныя отношенія Пруссіи и Россіи съ начала нынѣшняго столѣтія до послѣдней войны Пруссіи съ Франціею; указалъ на пользу, которую Россія оказала Германіи, и съ другой стороны на пользу, которую Германія принесла Россіи своимъ просвѣщеніемъ и научнымъ богатствомъ, своими поучительными реформами крестьянскою и податною. По этому поводу онъ долго говорилъ о значеніи Штейна въ эпоху возрожденія Пруссіи. „На этомъ камнѣ, говорилъ онъ, играя на словѣ Штейнъ, зиждется все нынѣшнее зданіе Пруссіи“. Наполеонъ I, при всей своей геніальности, умѣлъ создавать только арміи, которыми онъ завоевывалъ государства, а Штейнъ создалъ армію гражданскихъ чиновниковъ, которые составляютъ славу и силу Пруссіи и т. д. Всѣ присутствующіе на обѣдѣ были очарованы содержаніемъ этой рѣчи, блестящимъ изложеніемъ

ея и тою легкостью, съ какою онъ говорилъ по-нѣмецки. Никакого чернового наброска этой рѣчи въ бумагахъ Ю. Ѳ-ча не оказалось и, конечно, его и не было. Послѣ обѣда, несмотря на просьбы хозяина и гостей, Ю. Ѳ. скоро уѣхалъ, извиняясь необходимостью заняться приведеніемъ въ порядокъ и укладкою своихъ вещей въ виду отъѣзда на слѣдующій день въ Россію. Онъ казался утомленнымъ и блѣднымъ, такъ что хозяинъ не рѣшился слишкомъ упорно настаивать на своей просьбѣ, хотя Ю. Ѳ. уходомъ своимъ и разстраивалъ вечеръ, который они надѣялись провести вмѣстѣ съ нимъ....

Но не суждено было сбыться намѣренію Ю. Ѳ—ча вернуться въ Москву къ Вербному Воскресенію. Рука его разболѣлась; въ субботу, 13 марта, докторъ замѣтилъ, что начиналось рожистое воспаленіе и посовѣтовалъ Ю. Ѳ—чу лечь немедленно въ больницу. Онъ пролежалъ въ ней 6 сутокъ и 19 марта скончался отъ гангрены, безъ малаго 57 лѣтъ, вдали отъ всѣхъ близкихъ ему, вдали отъ Россіи, которую онъ такъ любилъ и которой онъ съ такимъ самоотверженіемъ служилъ всю свою жизнь. Гробъ съ тѣломъ его былъ привезенъ въ Москву и поставленъ въ университетской церкви; послѣ заупокойной службы, совершенной митрополитомъ Иннокентіемъ, онъ былъ похороненъ въ Москвѣ въ Даниловомъ монастырѣ.

Ознакомившись съ жизнью Ю. Ѳ. Самарина, читатель спроситъ себя, чѣмъ же былъ онъ въ своей разнообразной дѣятельности: какъ писатель-богословъ, какъ писатель-публицистъ, какъ государственный дѣятель по участію въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и какъ общественный дѣятель въ земствѣ и въ думѣ? На этотъ вопросъ жизнь Ю. Ѳ—ча даетъ отвѣтъ: онъ былъ православный русскій мыслитель, съ самоотверженіемъ потрудившійся на благо своей родины.

Дмитрій Самаринъ.

ОКРАИНЫ РОССІИ.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ

РУССКОЕ БАЛТІЙСКОЕ ПОМОРІЕ.

Выпускъ четвертый.

ПРОЦЕССЪ

РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

СЪ

ЕВАНГЕЛИЧЕСКИМЪ СОЮЗОМЪ.

Къ читателямъ.

Событія въ наше время идутъ такъ быстро, что трудно догнать ихъ, начавъ разсказъ съ перваго ихъ зародыша, лѣтъ за тридцать тому назадъ, и придерживаясь въ изложеніи строгой, хронологической послѣдовательности. Вотъ почему, доведя въ послѣднемъ (третьемъ) выпускѣ Окраинъ Россіи исторію православныхъ Латышей и Эстовъ до 1844 года, я рѣшаюсь забѣжать впередъ и посвятить настоящій четвертый выпускъ обозрѣнію нѣкоторыхъ происшествій семидесятыхъ годовъ, относящихся къ тому же предмету, въ связи съ предшествовавшими обстоятельствами, которыми они были подготовлены. При этомъ я, разумѣется, не стану повторять извѣстій своевременно оглашенныхъ нашими газетами, а буду останавливаться преимущественно на фактахъ отъ нихъ ускользавшихъ, или о которыхъ онѣ умалчивали по причинамъ независѣвшимъ отъ редакцій. Въ послѣдующихъ выпускахъ я вернусь къ той эпохѣ, до которой доведенъ третій, и пробѣлъ восполнится.

Пять лѣтъ тому назадъ, указывая на вѣроятныя послѣдствія дружнаго многоглаголанія Балтійскихъ агитаторовъ съ одной стороны и нашего систематическаго безмолвія съ другой, я писалъ: „только бы завязался разговоръ или обмѣнъ мыслей о Балтійскомъ краѣ (между нашимъ правительствомъ и другою державою), а тамъ мы быстро скользнемъ по отлогому скату и какъ разъ очутимся на скамьѣ подсудимыхъ

передъ трибуналомъ Европы“ [1]). То, чего я ожидалъ, сбылось скорѣе, чѣмъ я думалъ. Разница только въ томъ, что за Балтійскій край вступилось, пока еще, не правительство иностранной державы, а организованное представительство интересовъ протестантства въ обоихъ полушаріяхъ. Это вѣдь тоже сила не изъ послѣднихъ, хотя и не имѣющая въ своемъ распоряженіи ни нарѣзныхъ пушекъ, ни игольчатыхъ ружей. Она-то, эта сила именующая себя Евангелическимъ Союзомъ, приняла на себя прокурорскую должность и съ нею мы теперь судимся передъ трибуналомъ Европы.

Первый подготовительный опросъ происходилъ въ 1870 году, близъ Штутгарта, въ виллѣ Бергъ; второй въ 1871 году, въ виллѣ Таубенгеймъ, близъ Франценсгафена, и въ томъ же 1871 году начались слѣдственныя дѣйствія: осмотры и дознанія на мѣстахъ.

Объ этомъ-то я намѣренъ поговорить съ читателями.

Москва, 1873.

Юрій Самаринъ.

---

[1]) Соч. Ю. Ѳ. С—на VIII, стр. 45.

Первый опросъ.

Таинственная личность, вызвавшая штутгартское объясненіе, думала (если вѣрить единогласному свидѣтельству нѣмецкихъ газетъ) предупредить этимъ отправку уполномоченныхъ отъ общаго собранія Евангелическаго Союза и заключить манифестацію, казавшуюся неизбѣжною, въ скромныхъ размѣрахъ частной, интимной бесѣды. Можетъ быть присоединилась къ этому и надежда, что свиданіе, чуждое всякой офиціальной торжественности, скорѣе проскользнетъ незамѣченнымъ и укроется, если не отъ иностранной, то по крайней мѣрѣ отъ русской публики [1]). На сей разъ однако ни та, ни другая цѣль не была достигнута. Русская публика все таки кое что узнала, къ сожалѣнію именно то и только то, что было оглашено иностранными газетами, служащими интересамъ протестантства и, за неимѣніемъ другихъ свѣдѣній, получила о штутгартскомъ свиданіи понятіе, по всей вѣроятности, крайне не точное. Съ другой стороны, Евангелическій Союзъ не только не подумалъ отказаться отъ преж-

[1]) Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что въ нашихъ офиціальныхъ извѣстіяхъ о пребываніи Государя Императора за границею ни словомъ не было упомянуто о свиданіи въ виллѣ Бергъ и что въ высшихъ придворныхъ сферахъ, лица, которыя не могли не знать объ немъ, долгое время положительно завѣряли, что никакого свиданія не было и что все это не болѣе какъ выдумка иностранныхъ газетъ. Между тѣмъ, въ сельскихъ, приходскихъ церквахъ Лифляндіи, пасторы подробно разсказывали объ немъ Латышамъ. Документальное доказательство я приведу ниже.

няго своего намѣренія, а напротивъ принялъ неожиданный вызовъ отъ лица, какъ говорятъ, близко стоящаго къ Государю, за косвенное поощреніе къ дальнѣйшимъ ходатайствамъ. Предусмотрѣть это можно было и безъ особенной дальновидности. Стоило только припомнить рядъ приготовительныхъ мѣръ, предшествовавшихъ задуманной манифестаціи, и сообразить кѣмъ и въ какихъ именно видахъ она устраивалась. Дѣло было на ладони.

Кто систематически подогрѣвалъ нѣмецкую публику и поддерживалъ въ ней раздраженіе множествомъ корреспонденцій изъ Остзейскаго края о такъ называемомъ гоненіи на протестантство въ Россіи? Кто, въ шестидесятыхъ годахъ, на очередныхъ провинціальныхъ синодахъ лютеранскаго духовенства въ Пруссіи, подговаривалъ его заступиться за своихъ лифляндскихъ единовѣрцевъ и вызвать въ ихъ пользу дипломатическое вмѣшательство со стороны прусскаго короля [1])? Кто устроилъ въ Женевѣ публичныя лекціи о преслѣдованіяхъ лютеранства въ Остзейскихъ губерніяхъ? Чьими стараніями организовалось въ Швейцаріи такъ называемое „Общество друзей Латышей и Эстовъ, заполоненныхъ греко-россійскою церковью“? Кто, наконецъ, докладными записками, писанными для распорядительныхъ комитетовъ Евангелическаго Союза, исподволь знакомилъ его съ Остзейскими привилегіями, съ Сводомъ Законовъ, съ Ништатскимъ договоромъ и вообще юридическою стороною вопроса, разумѣется въ томъ видѣ, въ какомъ онъ разработанъ Балтійскими дѣльцами pour les besoins de leur cause? — Всѣ эти вопросы представлялись сами собою, и люди обязанные все видѣть и все слышать конечно не затруднились бы ни минуты отвѣтить на нихъ прямыми указаніями. Колеса, приводившія въ движеніе общественное мнѣніе обоихъ полушарій, работали въ Берлинѣ, Женевѣ, Лондонѣ и Ньюіоркѣ, а главный паровикъ былъ у насъ и около него суетились мастера поставленные изъ Риги и Дерпта. Они подкладывали дрова и подливали масло [2]).

---

[1]) См. Livländ. Beitr. B. II, H. 6; B. I, H. 4, 5 (Suppl.).

[2]) Еще въ третьемъ выпускѣ „Окраинъ Россіи“ я приписалъ вмѣшательство Евангелическаго Союза иниціативѣ Остзейскихъ агитаторовъ. Она и тогда казалась болѣе чѣмъ вѣроятною, хотя положительныхъ доказательствъ ихъ уча-

Спрашивается: чего же могли они ожидать отъ дѣйствія новаго снаряда, пущеннаго ими въ ходъ въ Ньюіоркѣ? По существу дѣла, вопросъ о дозволеніи или воспрещеніи открытаго перехода изъ православія въ лютеранство былъ уже на столько выясненъ у насъ дома, что едва ли можно было надѣяться подѣйствовать на убѣжденіе нашего правительства силою какихъ либо новыхъ доводовъ, только что изобрѣтенныхъ и въ первый разъ пущенныхъ въ него изъ-за моря. Сила заключалась не въ доводахъ и не въ рѣчахъ, а въ фактѣ произнесенія ихъ во всеуслышаніе передъ лицомъ Европы, отъ имени представителей всего протестантства. Здѣсь, очевидно, имѣлось въ виду не столько убѣдить, сколько смутить и озадачить правительство единодушіемъ возбужденнаго на него ропота, а такое дѣйствіе зависѣло конечно болѣе всего

стія въ этомъ дѣлѣ въ то время въ виду еще не было. Теперь они есть. Въ недавно обнародованной имъ брошюрѣ (Evangelische Allianz und Russische Diplomatie. Berlin, 1872) г. ф. Боккъ разсказываетъ самъ, что адресъ, изготовленный Американскимъ отдѣломъ Союза, былъ ему доставленъ до поднесенія его отъ Ньюіоркскаго Комитета, съ обязательствомъ держать его въ тайнѣ. Въ той же брошюрѣ пропечатана подробная докладная записка, поданная (не сказано кѣмъ) Лондонскому Комитету за нѣсколько времени до Фридрихсгафенскаго свиданія. Она имѣетъ видъ инструкціи и содержитъ въ себѣ программу требованій, предлагаемую въ руководство делегатамъ. Въ ней мы находимъ, между прочимъ, слѣдующіе два пункта: 1) чтобъ было возстановлено обязательное отбываніе поземельныхъ повинностей въ пользу лютеранскихъ церквей и лютеранскаго духовенства со всѣхъ крестьянскихъ дворовъ, которыми владѣютъ православные хозяева, и 2) чтобы, при раздачѣ участковъ, вырѣзанныхъ изъ мызныхъ земель въ казенныхъ имѣніяхъ (которыми казна можетъ располагать по своему усмотрѣнію, безъ всякаго ограниченія, на правѣ частнаго вотчинника), правительство обязалось не оказывать никакого предпочтенія православнымъ передъ лютеранами. Но, написавъ эти строки, неизвѣстный авторъ, кажется, самъ задалъ себѣ вопросъ: не слишкомъ ли далеко онъ зашелъ, начавъ отъ свободы вѣрующей совѣсти и добравшись до системы поземельнаго обложенія и сдачи участковъ въ арендное содержаніе? Онъ какъ будто на минуту призадумался и затѣмъ, въ успокоеніе самому себѣ и другимъ, приписалъ въ видѣ отвѣта на ожидаемое возраженіе: «Когда приходится имѣть дѣло съ Русскими, чтобъ добиться чего нибудь, надобно всегда запрашивать». Можно ли во всемъ этомъ не узнать Остзейской руки? Она дѣйствительно проглядывала вездѣ и даже не пряталась до самаго послѣдняго времени. Но строгій приговоръ, произнесенный княземъ Горчаковымъ, при свиданіи его съ делегатами Евангелическаго Союза, надъ извѣстіями Балтійскаго происхожденія, кажется заставилъ тамошнихъ агитаторовъ взяться за умъ. Они смекнули, что имъ было бы го-

отъ внѣшней обстановки манифестаціи, отъ большей или меньшей ея торжественности. Вольно же было думать, что организаторы ея, наканунѣ рѣшительнаго дня, попадутъ въ подставленную имъ ловушку, то есть удовольствуются интимнымъ объясненіемъ и откажутся отъ дальнѣйшей огласки, когда все дѣло было затѣяно именно огласки и эфекта ради, когда наконецъ само правительство, своею заботливостью о предупрежденіи говора, обнаруживало передъ всѣми какоето внутреннее свое безпокойство? Было одно средство, простое и вѣрное, если не предупредить готовившуюся манифестацію, то, по крайней мѣрѣ, отнять у нея характеръ остраго обвиненія, и такъ сказать, переломить ея жало отшлифованное Остзейскою клеветою; стоило заблаговременно раскрыть суть дѣла обнародованіемъ, въ той или другой формѣ, документовъ, хранящихся за тремя печатями въ архивахъ синодальномъ и министерства внутреннихъ дѣлъ.

раздо удобнѣе втихомолку вербовать себѣ по прежнему зарубежныхъ союзниковъ, если бы имъ удалось предварительно отклонить отъ себя всякое подозрѣніе и увѣрить правительство, что походъ на Россію подъ знаменемъ вѣротерпимости начался какъ то самъ собою, безъ всякаго подстрекательства или участія съ ихъ стороны. Чтобъ рѣшиться сказать это, нужна была конечно своего рода смѣлость; но за этимъ дѣло не стало. Два лица взялись оказать эту услугу своимъ Балтійскимъ единовѣрцамъ, какъ видно однако предварительно не сговорившись. Вотъ что прочли мы въ № 170 Крестовой Газеты за 1870 годъ: «Русскія изданія, служащія органами національной партіи, стараются отыскать корень всего дѣла въ интригахъ Балтійскихъ Нѣмцевъ, но это совершенно ложно. Ни Балтійцы, ни Нѣмцы вообще не вызывали манифестаціи Евангелическаго Союза; мало того, когда первые (т. е. Балтійцы) узнали, что она готовилась, они всячески старались отклонить ее».—Это одно свидѣтельство, а вотъ другое, члена Евангелическаго Союза, Швейцарца Вурстембергера, о которомъ придется еще говорить ниже. Придравшись къ какой то статьѣ «Голоса», онъ написалъ въ редакцію письмо (напечатанное въ № 360 за 1871 годъ той же газеты), въ которомъ значится между прочимъ: «Помимо всякаго изъявленія желанія кѣмъ либо изъ Остзейскихъ или иныхъ Нѣмцевъ, проживающихъ въ земляхъ населенныхъ Нѣмцами (за исключеніемъ лишь представителей нѣмецкой части Швейцаріи), даже безъ вѣдома Остзейскихъ Нѣмцевъ, нѣсколько Швейцарцевъ обратились къ Евангелическому Союзу съ двумя воззваніями и т. д.»—стало быть выходитъ, повидимому, что Остзейцы обо всемъ знали и отговаривали и въ тоже время ни о чемъ не вѣдали, а потому и отговаривать не могли. Защита, какъ видно, погрѣшила излишествомъ усердія.—Qui veut trop prouver ne prouve rien.

Тогда, при встрѣчѣ съ голымъ фактомъ, отпала бы отъ общаго вопроса риторическая его оправа; онъ выступилъ бы на видъ, въ дѣйствительныхъ своихъ размѣрахъ, изъ подъ анекдотической лжи, въ которую окутали его Остзейскіе публицисты; люди добросовѣстно заблуждающіеся, по крайней мѣрѣ Американцы, интересующіеся исключительно религіозною, а не политическою стороною вопроса, получили бы возможность всмотрѣться по-пристальнѣе въ физіономіи своихъ вожаковъ, пользующихся ихъ невѣдѣніемъ, и вѣроятно поняли бы наконецъ, что въ поученіяхъ о томъ, какъ подобаетъ обращаться съ вѣрующею совѣстью, Балтійскіе ихъ единовѣрцы нуждаются гораздо болѣе, чѣмъ наше правительство. Но этимъ средствомъ мы не захотѣли воспользоваться. Какъ можно! Поднимать старину, обличать, раздувать страсти, оглашать официальныя представленія, въ которыхъ лютеранскія консисторіи, Лифляндская и Генеральная, домогались запрещенія свободнаго перехода изъ лютеранства въ православіе, раскрывать тѣ обиды и оскорбленія, которымъ подвергались на каждомъ шагу, подвергаются и теперь, православные Латыши и отъ которыхъ мы не умѣемъ ихъ оградить!.... Нѣтъ! пусть ужъ лучше клевета раскидывается на свободѣ, безнаказанно овладѣвая умами и совѣстями.

Такъ мы разсуждали и разсуждаемъ до сихъ поръ. Затѣмъ, конечно, ничего болѣе не остается, какъ подставлять спину подъ бичеваніе и не морщиться.

Итакъ, въ смыслѣ отвода, придуманнаго для предупрежденія худшаго, штутгартское свиданіе не могло имѣть успѣха; но этого мало. По самой своей неофиціальности, оно неминуемо должно было послужить Балтійскимъ публицистамъ отличнымъ поводомъ къ извращенію убѣжденій верховной власти. Тѣмъ самымъ, что съ нашей стороны подлинныя слова, произнесенныя Государемъ Императоромъ, обнародованы не были, открывалось широкое поприще для всякаго рода тенденціозныхъ вымысловъ, которые, оставаясь не опровергнутыми, должны были подѣйствовать въ смыслѣ самомъ для насъ неблагопріятномъ, не только за границею, но и въ Россіи. Неужели и это не было предусмотрѣно?

Одно изъ болѣе или менѣе апокрифныхъ сказаній о штут-

гартскомъ свиданіи (въ видѣ разсказа) приведено было въ третьемъ выпускѣ Окраинъ Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ появилось другое еще болѣе неправдоподобное, но для вящшаго сфекта облеченное въ драматическую форму протокола, въ которомъ прописаны будто бы подлинныя слова говорившихъ [1]). Вотъ оно въ буквальномъ переводѣ:

„Государь: Господа, позвольте мнѣ прежде всего завѣрить васъ въ добромъ моемъ расположеніи ко всѣмъ религіямъ исповѣдуемымъ въ моей имперіи. Я желаю, чтобъ никакое богослуженіе (culte) не встрѣчало препятствій въ своемъ отправленіи. Но что касается до пропаганды, то я ея допустить не могу".

На эти слова отвѣчалъ пасторъ президентъ Моно (Monod) довольно длинной рѣчью, которая здѣсь приводится въ сокращеніи. Онъ высказалъ Государю признательность всѣхъ протестантовъ за командировку въ Лифляндію графа Бобринскаго, открывшаго, что большая часть Латышей, перешедшихъ въ православіе сдѣлала это неискренно и отъ души желаетъ теперь вернуться къ прежней своей вѣрѣ и воспитывать въ ней своихъ дѣтей [2]). Чтобъ пособить этому горю,

---

[1]) Этотъ документъ пропечатанъ въ дополненіи (Supplement) къ V выпуску Лифляндскихъ Вкладовъ Ф. Бокка въ нѣмецкомъ переводѣ съ французскаго подлинника. Издатель и переводчикъ увѣряетъ, что упомянутый протоколъ былъ составленъ немедленно послѣ свиданія, но всѣми ли делегатами, за общимъ ли ихъ ручательствомъ, или частнымъ образомъ, кѣмъ нибудь изъ нихъ? — не объяснено. Какимъ путемъ и черезъ кого попалъ онъ въ руки издателя? — также не сказано.

[2]) Можно было заранѣе предвидѣть, что безъ ссылки на графа Бобринскаго дѣло не обойдется. Рапортъ его, за-границею, находится у всѣхъ въ рукахъ и принимается за непререкаемое свидѣтельство. Да и можетъ ли быть иначе? Изъ всей многотомной переписки о православныхъ Латышахъ и Эстахъ выхваченъ и обнародованъ одинъ этотъ документъ, по фактическому содержанію самый бѣдный, а по характеру выраженныхъ въ немъ сужденій доказывающій только какъ легко человѣкъ, неприготовленный къ дѣлу серьезнымъ, предварительнымъ изученіемъ и не наученный опытомъ сомнѣваться въ безошибочности личныхъ своихъ впечатлѣній — поддается вліянію совершенно для него новой среды и усвоиваетъ себѣ ея воззрѣнія. О цѣломъ рядѣ другихъ документовъ, предшествовавшихъ и позднѣйшихъ, объ отчетахъ трехъ оберъ-прокуроровъ Синода, пяти генералъ-губернаторовъ, трехъ архіереевъ, многихъ другихъ должностныхъ лицъ по долгу жившихъ въ Лифляндіи, не принимавшихъ пря-

конечно приняты были мѣры, „но (продолжалъ Моно) мы знаемъ изъ правдивыхъ сообщеній [1]) и изъ жалобъ до насъ дошедшихъ, что еще не вполнѣ осуществились Ваши человѣколюбивыя намѣренія и потому мы смѣемъ надѣяться, что стяжавъ неувядаемую славу дарованіемъ свободы двадцати милліонамъ подданныхъ, Вы довершите этотъ подвигъ дарованіемъ нашимъ Лифляндскимъ братьямъ драгоцѣннѣйшей свободы, свободы совѣсти, состоящей для христіанъ въ правѣ на невозбранное, полное согласованіе формы Богопочитанія съ сердечнымъ влеченіемъ каждаго и съ вѣрою его въ Искупителя".

На это отвѣчалъ Государь не безъ нѣкотораго волненія:

„Увѣряю васъ, господа, что я глубоко тронутъ словами вашими и чувствомъ, которымъ они проникнуты. Правда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, злонамѣренныя лица [2]) (des personnes mal intentionnées)—а вы знаете, что вездѣ встрѣчаются люди употребляющіе матеріальные интересы для злыхъ дѣлъ (qui se servent des intérêts matériels pour faire le mal) [3])

маго участія въ обращеніи Латышей и Эстовъ и разновременно свидѣтельствовавшихъ о тѣхъ пріемахъ, посредствомъ которыхъ новообращенные частью переманивались, частью подгонялись обратно въ лютеранство, никто за-границею не имѣетъ понятія. Не отъ Бокка же и не отъ Эккарта ожидать намъ, чтобъ они вывели наружу и огласили темныя интриги своихъ земляковъ.

1) Чьихъ? Конечно тѣхъ же Бокка, Эккарта, Ширрена, Гарлеса и другихъ подобныхъ господъ? Или, можетъ быть, лифляндскихъ пасторовъ и помѣщиковъ, какъ увѣряютъ насъ теперь, не вызывавшихъ вмѣшательства Евангелическаго Союза и даже старавшихся отклонить его?

2) Кто же наконецъ? Графъ Протасовъ, графъ Перовскій, не дѣлавшіе ни шага, не писавшіе ни строки безъ разрѣшенія покойнаго Государя? Или преосвященный Иринархъ, котораго выслали изъ края и вслѣдъ затѣмъ оправдали? Или преосвященный Филаретъ, который, во все время своего испытанія въ Ригѣ, трепеталъ и плакалъ? Или тѣ два священника, которые были отданы подъ судъ и оказались вполнѣ невинными въ взведенныхъ на нихъ клеветахъ?

3) Такіе люди дѣйствительно встрѣчаются и между ними конечно не послѣднее мѣсто занимали лифляндскіе помѣщики, запрещавшіе держать въ своихъ имѣніяхъ православныхъ батраковъ и сгонявшіе крестьянъ-хозяевъ съ насиженныхъ дворовъ въ наказаніе за переходъ въ православіе (свидѣтельства читатели найдутъ ниже). Но желательно бы было выяснить разъ навсегда: какими же матеріальными выгодами соблазнялись Латыши и Эсты къ переходу въ нашу вѣру?—На этотъ вопросъ отвѣчаютъ, что обращавшіеся въ православіе освобождались отъ лежавшихъ на нихъ повинностей въ пользу протестантскихъ

пускались на разныя продѣлки, и я признаю заодно съ вами, что тогдашнее движеніе было неискренно (n'était pas sin-

---

церквей и пасторовъ. Въ одномъ изъ своихъ представленій, князь Суворовъ къ этому прибавлялъ, что и смерть обходилась православнымъ дешевле чѣмъ лютеранамъ, такъ какъ первыхъ хоронили даромъ, а послѣднихъ заставляли оплачивать мѣста на кладбищахъ, въ которыхъ складывались ихъ кости. Въ какой мѣрѣ разсчетъ на такую посмертную экономію могъ вліять на побужденія людей, вѣроятно не сбиравшихся умирать такъ скоро,—я не берусь рѣшить; что же касается до увольненія отъ повинностей на лютеранскую церковь и на пасторовъ, то оно дѣйствительно было обѣщано (только о б ѣ щ а н о) однимъ изъ пунктовъ инструкціи генералъ-губернатору 26 Апрѣля 1845 года, составленной по волѣ и личнымъ указаніямъ покойнаго Государя. Какъ видно, онъ не допускалъ возможности, въ уголкѣ Россіи, ставить православныхъ людей въ положеніе ирландскихъ католиковъ, то есть заставлять ихъ оплачивать расходы на содержаніе чужой церкви. Проектъ этой инструкціи докладывался ему нѣсколько разъ и вотъ въ какомъ видѣ статья о повинностяхъ (пунктъ 3) получила окончательное утвержденіе: «надлежитъ объяснить жителямъ и въ особенности помѣщикамъ, что никакое мѣстное начальство не въ правѣ запрещать кому либо принятіе господствующаго въ имперіи исповѣданія, а изъявившимъ таковое желаніе, чтобы они не ожидали по сему поводу никакихъ особыхъ земныхъ благъ и поступали бы по своему убѣжденію и совѣсти. Само собою впрочемъ разумѣется, что присоединенный къ православію, исключаясь изъ числа прихожанъ лютеранскихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ освобождается отъ всѣхъ лежавшихъ на немъ въ отношеніи къ протестантской церкви и духовенству повинностей, потому что, поступая въ паству православную, онъ долженъ принять на себя и всѣ обязанности въ отношеніи къ православной церкви и духовенству, сохраняя однако во всей строгости обязанности свои къ помѣщику, на землѣ котораго живетъ».—Теперь ясно на кого палъ бы окончательно упрекъ въ з л о н а м ѣ р е н н о с т и, будто бы произнесенный на штутгартскомъ свиданіи. Нельзя также не напомнить, что вся инструкція долго оставалась секретомъ и что 7 пунктовъ изъ нея (въ томъ числѣ и прописанный) обнародованы были вслѣдствіе домогательства лифляндскихъ дворянъ, для ихъ успокоенія, по волѣ бывшаго Государя Наслѣдника, нынѣ Всероссійскаго Самодержца, не ранѣе какъ въ началѣ Ноября 1845 года, когда движеніе было уже въ полной силѣ. Наконецъ, обѣщанное увольненіе осталось мертвою буквою и не могло, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, перейти въ дѣло. Отмѣна какой бы то ни было поземельной повинности могла бы получить значеніе дѣйствительной льготы для отбывавшихъ ее крестьянъ въ томъ лишь случаѣ, если бы законъ надежнымъ образомъ обезпечивалъ за ними право наслѣдственнаго пользованія крестьянскою землею на условіяхъ закономъ же опредѣлённыхъ. Но въ Лифляндіи сороковыхъ годовъ, земли сдавались крестьянамъ на очень короткіе сроки, по частнымъ контрактамъ, въ которые высшее правительство никогда не заглядывало и о содержаніи которыхъ оно ничего не вѣдало. Они свидѣтельствовались

сѐге)[1]) но у насъ есть законъ воспрещающій всякому, кто разъ принялъ православную вѣру, оставлять ее; не менѣе того, мы, насколько возможно, не обращаемъ вниманія на отступни-

---

и, въ случаѣ споровъ, повѣрялись и разбирались мѣстными полицейскими и судебными властями, то есть агентами дворянства. По закону, контракты считались обоюду обязательными, но по закону же, а еще болѣе въ силу установившейся практики, помѣщикъ всегда имѣлъ подъ рукою тысячи легальныхъ предлоговъ согнать всякаго почему либо неугоднаго ему хозяина, не выжидая истеченія арендnаго срока. Всѣ это знали и вслѣдствіе этого, вотъ что̀ происходило на дѣлѣ: большая часть крестьянъ, переходившихъ въ православіе, несмотря на внушенія и угрозы вотчинныхъ конторъ, лишалась своихъ дворовъ, то есть разорялась вещественно и унижалась нравственно, переводомъ изъ высшаго разряда хозяевъ въ низшій разрядъ батраковъ; для такихъ обезземеленныхъ крестьянъ увольненіе отъ церковныхъ поземельныхъ повинностей естественно теряло всякое значеніе, а тѣ немногіе, которымъ удавалось удерживаться на своихъ мѣстахъ, обязывались soit disant добровольно, то есть подъ страхомъ изгнанія, отбывать всѣ прежнія повинности, въ томъ числѣ и церковныя, только подъ другимъ названіемъ, а иногда даже безъ перемѣны названія. Въ подобныхъ случаяхъ, для большей вѣрности, помѣщики прибѣгали къ слѣдующей, очень обыкновенной хитрости: контрактъ на дворъ, въ дѣйствительности сданный православному крестьянину, писался, со включеніемъ въ него всѣхъ церковныхъ повинностей, на имя подставнаго хозяина изъ лютеранъ. Мнѣ самому доводилось не разъ видѣть такіе контракты. Смѣло можно сказать, что прописанный пунктъ инструкціи не принесъ новообращеннымъ никакой выгоды, а напротивъ послужилъ лишь формальнымъ предлогомъ для оправданія систематическаго ихъ обезземеленія.—«Мы де (говорили помѣщики) потому сбываемъ ихъ, что наша лютеранская церковь лишается прежнихъ своихъ доходовъ съ крестьянскихъ дворовъ сданныхъ православнымъ».—Такъ недальновидна была мнимая злонамѣренность, будто бы признанная Государемъ Императоромъ.

[1]) Не искренно—легко сказать! Никто никогда не предполагалъ въ Латышахъ и Эстахъ, толкавшихся въ православную церковь, отчетливаго разумѣнія догматическихъ особенностей, которыми ея доктрина разнится отъ протестантства. Курса сравнительнаго вѣроученія они конечно не проходили и я уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ (Соч. Ю. Ѳ. С—на VIII, стр. 298), что православіе представлялось имъ не какъ доктрина, а какъ живое явленіе, въ образѣ православной Россіи съ православнымъ Царемъ во главѣ. Инстинктивно чуя, что наступила для нихъ рѣшительная минута выдти изъ своего изолированнаго положенія и примкнуть окончательно къ Нѣмецко-Лютеранской или къ Православно-Русской средѣ, между которыми поставила ихъ исторія, они послѣдовали своему влеченію къ первой и захотѣли всецѣлаго съ нею объединенія, гражданскаго и церковнаго. Совершенно аналогическія явленія встрѣчаются ежедневно въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ семейнаго быта, на всѣхъ ступеняхъ общества, не

ковъ. Что же касается до дѣтей, то не подлежитъ конечно сомнѣнію, что они были переведены своими родителями въ православную вѣру въ такомъ возрастѣ, когда они еще не поль-

---

выключая и высшихъ. Дѣвушка рожденная и воспитанная въ протестантствѣ, слѣдуя влеченію своего сердца, подаетъ руку православному жениху и обѣщаетъ ему не только личную преданность, но и полное общеніе въ вѣрѣ и молитвѣ. А вѣдь она была бы не въ состояніи въ ту минуту выдержать самый снисходительный экзаменъ изъ православнаго катихизиса, и обученіе догматамъ вѣры только что начнется для нея послѣ даннаго слова. Обвинимъ ли мы и ее въ неискренности? Скажемъ ли мы, что это не обращеніе, а слѣпое дѣйствіе страсти или офиціальный обманъ, то есть своекорыстный разсчетъ мелкой души, жертвующей своимъ убѣжденіемъ соблазнительной обстановкѣ и приманкамъ роскоши? Если языкъ не поворачивается произнести подобный приговоръ, то какое же право имѣли бы мы, съ такимъ обиднымъ легкомысліемъ, отзываться о цѣломъ народѣ, котораго духовный инстинктъ не могъ, въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ, развиться до отчетливаго сознанія? Если душа одного человѣка потемки для другаго, то неужели легче выворотить души полутораста тысячъ людей, отрывочно и нехотя отвѣчающихъ на предлагаемые имъ вопросы, привести къ одному знаменателю разнородность шевелившихся въ нихъ побужденій и охарактеризовать ихъ однимъ прилагательнымъ? Если, въ одномъ случаѣ, недостатокъ научнаго знанія не принимается за признакъ неискренности, то почему же въ другомъ смѣшивать и отождествлять эти два понятія? Наконецъ, вотъ что необъяснимо: отчего переходъ Латышей и Эстовъ изъ лютеранства въ православіе встрѣчаетъ вообще такое рѣшительное невѣріе въ возможность дѣйствительно религіознаго, хотя бы и темнаго побужденія въ массѣ, и отчего, въ тоже время, такъ охотно принимается на вѣру искренность обратнаго, нынѣ господствующаго въ той же массѣ стремленія изъ православія въ лютеранство? Въ первомъ случаѣ, искренность отрицается только потому, что религіозныя потребности, не находившія себѣ удовлетворенія въ Остзейскомъ протестантствѣ, усложнялись надеждою, что въ полномъ единеніи вѣры съ православною Россіею заживется легче и на землѣ; но кому же неизвѣстны обстоятельства, предшествовавшія бѣгству изъ православной церкви? У хозяевъ отбирались дворы, а батракамъ отказывали въ работѣ; при наборахъ, видимо обходили лютеранъ, а православныхъ ставили въ числѣ рѣшительно не пропорціональномъ цифрамъ податнаго населенія обоихъ исповѣданій; православныя церкви, наскоро и небрежно построенныя, разваливались и пробивались дождемъ, и вся эта сравнительно жалкая обстановка нашей церкви служила неисчерпаемою темою для насмѣшекъ надъ нею, сыпавшихся съ лютеранскихъ каѳедръ. Это ужъ были не мечты и не праздные слухи, а наглядные факты и горькая дѣйствительность. Но мы закрываемъ глаза передъ очевидностью и не хотимъ знать про житейское горе, подъ гнетомъ котораго православные срываютъ съ себя наперстные кресты и бѣгутъ изъ церкви. Тутъ ужъ намъ не до критическаго анализа побужденій, и мы почтительно склоняемся передъ полноправіемъ

зовались свободою воли и мы не намѣрены ихъ удерживать [1]).

„Моно: Позвольте мнѣ, Государь, привести Вамъ случай, за сообщеніе котораго я обязанъ одному изъ Вашихъ подданныхъ, уроженцу Балтійскихъ губерній. Онъ разсказывалъ мнѣ, что лютеранки подговоренныя къ перемѣнѣ вѣры, убѣдившись въ невозможности вернуться въ общеніе съ прежними своими единовѣрцами, лишали себя жизни съ отчаянія [2]). Къ этому онъ прибавилъ, что отецъ его обнародовалъ брошюру съ цѣлью обратить вниманіе правительства на происходившее въ томъ краѣ и что за это ему угрожали преслѣдованіемъ, отъ котораго онъ однако избавился, благодаря— знаете ли кому, Государь? Вамъ самимъ, прежде чѣмъ Вы стали Императоромъ [3]).

„Государь: Можетъ быть подобные случаи дѣйствительно бывали. Впрочемъ, что касается до правительства, то вамъ стоило бы пройтись по главной Петербургской улицѣ и тамъ вы увидали бы сперва голландскую церковь, далѣе

личной совѣсти, не смѣя заглядывать въ пружины направляющія ее въ ту или другую сторону. Такова сила предубѣжденія!

1) Это различіе, полагаемое между взрослыми и дѣтьми, въ примѣненіи къ разсматриваемому вопросу, не совсѣмъ понятно. Законъ, на который только что было указано, не допускаетъ его и одинаково воспрещаетъ вѣроотступничество какъ рожденнымъ въ православной церкви, такъ и присоединившимся къ ней въ зрѣломъ возрастѣ; а если откинуть законъ и принять за общее правило, что человѣкъ, располагающій собою на правахъ совершеннолѣтняго, не обязанъ, противъ своего убѣжденія, пребывать въ той церкви, въ которую онъ былъ введенъ въ младенчествѣ, то уже нельзя не предоставить полной свободы въ выборѣ вѣроисповѣданія всѣмъ православнымъ и неправославнымъ безъ различія, ибо всякій христіанинъ, при самомъ крещеніи, принимается въ ту или другую религіозную общину и получаетъ вѣроисповѣдное опредѣленіе по волѣ своихъ родителей. Надобно полагать, что слова Государя переданы невѣрно.

2) Этотъ разсказъ можетъ служить образчикомъ тѣхъ слуховъ, которые разносятся по Европѣ нашими Остзейскими согражданами, и той наивной довѣрчивости, съ которою они тамъ повторяются. Здѣсь, частный случай (возможности котораго я не отрицаю) возводится на степень какой то повальной, нравственной болѣзни бывшихъ лютеранокъ вообще: лишали себя жизни!

3) Не знаю, о комъ изъ Балтійцевъ идетъ рѣчь; но если это правда, то смѣю надѣяться, что тоже нынѣ всемогущее покровительство при случаѣ оградитъ и Русскаго, пишущаго и печатающаго въ надеждѣ привлечь вниманіе правительства и общества на жалкое положеніе нашихъ Остзейскихъ единовѣрцевъ.

швейцарскую, затѣмъ лютеранскую. Это бы послужило достаточнымъ доказательствомъ свободы, которою пользуются протестанты въ моей державѣ [1]).

„Послѣ этого, пасторъ Пресенсе заявилъ Государю, что онъ сочтетъ за особенное счастіе, будущею осенью, на предстоящемъ въ Ньюіоркѣ съѣздѣ Евангелическаго Союза, доложить, что онъ Пресенсе и его товарищи нашли Государя благожелательно расположеннымъ къ ихъ Бальтійскимъ братьямъ по вѣрѣ и порадовать собраніе сообщеніемъ ему тѣхъ надеждъ, которыя Его Императорскому Величеству угодно было имъ подать.

„Государь (въ тонѣ фамильярнаго разговора): Недавно въ Петербургѣ одинъ Американецъ перешелъ въ греческое вѣроисповѣданіе—не можемъ же мы мѣшать вступленію въ нашу церковь [2]). Впрочемъ, господа, я долженъ вамъ сказать, что я не люблю, когда мѣняютъ вѣру (je n'aime pas qu'on change de religion). Кто въ какой вѣрѣ выросъ, тотъ въ ней и оставайся“ [3]).

Такой радикальный индиферентизмъ къ вѣроисповѣднымъ вопросамъ, какъ видно, озадачилъ самого пастора Моно, и онъ поспѣшилъ предложить оговорку:

„Однако, Государь, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда человѣкъ оставляетъ прежнюю свою вѣру по убѣжденію.

---

[1]) На этотъ аргументъ, впослѣдствіи употребленный и княземъ Горчаковымъ, члены Евангелическаго Союза могли бы отвѣтить, что рѣчь шла не о свободѣ признанныхъ вѣроисповѣданій въ отправленіи богослуженія каждымъ по своему чину (liberté des cultes reconnus par l'état), а о личномъ правѣ, если не всякаго подданнаго, то по крайней мѣрѣ всякаго Остзейца, переходить изъ одной церкви въ другую и открыто причислять себя къ той, которую онъ внутренно исповѣдуетъ (liberté de conscience).

[2]) Многіе православные находятъ позволительнымъ, въ подобныхъ случаяхъ, не только не мѣшать, но даже радоваться и благодарить Бога.

[3]) Хотятъ насъ увѣрить, что эти слова произнесены были сыномъ православной церкви, котораго прабабка, бабка, мать и супруга воспитаны были въ лютеранствѣ и всѣ четыре перешли въ православіе! Здѣсь недоразумѣніе (если не преднамѣренное извращеніе мысли Государя) такъ очевидно, что нѣтъ даже надобности останавливаться на противорѣчіи общаго правила о неизмѣнномъ пребываніи каждаго въ той вѣрѣ, въ которой онъ воспитанъ, съ тѣмъ, что говорено было немного выше о нравственной безотвѣтственности дѣтей, сдѣлавшихся членами той или другой церкви по волѣ своихъ родителей.

„Государь: Очевидно, но чего я не люблю — это обращеній происходящихъ массами“ [1]).

Этимъ заключилась бесѣда, продолжавшаяся около 20 минутъ.

„Стараніе ходатаевъ за свободу совѣсти (добавляетъ отъ себя ф. Боккъ) остались не безъ ближайшихъ послѣдствій. На обратномъ пути въ Россію, Императоръ вызвалъ въ Динабургъ рижскаго епископа Веньямина, встрѣтилъ его сурово вопросомъ: „что такое?“ — эти слова, какъ подлинныя, приведены въ нѣмецкомъ текстѣ по русски — и выразилъ ему свое неудовольствіе по поводу только что дошедшихъ до него слуховъ о притѣсненіи вѣрующихъ совѣстей въ Лифляндіи. Вслѣдствіе этого, епископъ Веньяминъ объѣхалъ свою епархію и внушилъ подчиненному ему духовенству, чтобы оно отнюдь не вступалось въ усиливающееся обратное движеніе изъ православія въ лютеранство“ [2]).

Иностранныя газеты, не только нѣмецкія, но и французскія [3]), подхватили это сказаніе и отвели ему видное мѣсто въ своихъ столбцахъ. Оно обошло всю Европу и, признаюсь, какъ ни неправдоподобно оно само по себѣ, я самъ, въ первую минуту, приведенъ былъ въ недоумѣніе его опредѣлительностью. Оно какъ будто напрашивалось на повѣрку. Время и мѣсто свиданія были указаны въ точности, даже приведены были подлинныя слова, повидимому, кѣмъ то подслушанныя. Я обращался за справками въ разныя стороны и вотъ что оказалось, по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ мною собраннымъ.

Преосвященный рижскій никуда изъ своей епархіи не вызывался, самъ никуда не отпрашивался и никакого свиданія,

---

1) Апостолъ Лука смотрѣлъ на это нѣсколько иначе. Онъ не считалъ всѣхъ обращеній массами непремѣнно не искренними и не скорбѣлъ о томъ, что въ одномъ случаѣ три тысячи, а въ другомъ пять тысячъ разомъ перешли въ новую вѣру (Дѣянія Апос. Гл. II и IV). Да и вся Россія, кажется, до сихъ поръ не ставила своимъ предкамъ въ укоръ поспѣшность, съ которою они, по примѣру Св. Владиміра, массою же, приняли новую вѣру изъ рукъ Византіи.

2) Livländ. Beitr. I, V. (Supplement), Seite XVIII, 321, 325.

3) Напримѣръ, Indépendance Belge 15 Авг. 1871, Journal de Genève 12 Авг. 1871.

ни въ Динабургѣ ни въ иномъ мѣстѣ, съ Государемъ Императоромъ не имѣлъ. Стало быть, суровая встрѣча, строгій опросъ и внушеніе, будто бы публично сдѣланное, все это не то что натяжка, или преувеличеніе, или неточность въ передачѣ подробностей дѣйствительнаго факта, а просто на просто — ложь отъ первой строки до послѣдней. Кѣмъ и съ какою цѣлью она пущена въ ходъ—догадаться не трудно.

Къ несчастію, ложь своевременно не опровергнутая, никогда не проходитъ совершенно безслѣдно. Самый фактъ забывается, но произведенное имъ впечатлѣніе залегаетъ въ общественномъ мнѣніи, и вотъ почему я счелъ не лишнимъ остановить еще разъ вниманіе читателей на подробностяхъ штутгартскаго свиданія и разсмотрѣть вышеприведенный протоколъ его со всѣхъ сторонъ.

Заграничная публика, конечно, не имѣла охоты относиться строго критически къ сказанію, въ которомъ лучшая роль выпадала на долю представителей протестантства, а представитель Россіи выводился на сцену въ видѣ полууличеннаго, растерявшагося грѣшника, которому измѣняютъ одно за другимъ всѣ подбираемыя имъ оправданія. Мы, Русскіе, относимся къ этому сказанію, конечно, иначе и, не будучи въ состояніи отдѣлить въ немъ правду отъ вымысла, все таки сознаемъ внутреннюю фальшь его и видимъ въ немъ ясные слѣды поддѣлки или подкраски, прямо указывающіе на переработку его въ литературной лабораторіи извѣстнаго направленія. Сомнѣнія, возбуждаемыя содержаніемъ, находятъ подтвержденіе въ самомъ фактѣ обнародованія этого документа. Безъ прямаго участія, или, по крайней мѣрѣ, безъ формальнаго соизволенія съѣхавшихся въ Штутгартѣ знаменитостей современнаго протестантства, оглашеніе всѣхъ даже мельчайшихъ подробностей ихъ свиданія съ Государемъ было бы, очевидно, невозможно; а между тѣмъ трудно допустить, чтобъ такіе люди рѣшились на это не призадумавшись. Фактъ свиданія, самъ по себѣ, конечно не требовалъ тайны. Гг. Пресенсе, Моно и ихъ товарищи даже обязаны были, какъ члены Евангелическаго Союза готовившагося нарядить депутацію въ Петербургъ, сообщить будущему собранію содержаніе происходившихъ переговоровъ. Сами они предупредили

объ этомъ Государя и исполнили свою обязанность въ особомъ отчетѣ, который былъ ими опубликованъ задолго до появленія протокола. Понятно также, что, по выходѣ изъ Государева кабинета, они могли пожелать, помимо офиціальнаго донесенія, воспроизвести себѣ на память нетолько сущность всего ими сказаннаго и слышаннаго, но и всѣ случайности живой, непринужденной бесѣды, со всѣми ея неизбѣжными обмолвками и недомолвками; сомнительно только, чтобъ они захотѣли подѣлиться съ публикою своими этого рода воспоминаніями. Что самъ Государь этого не ожидалъ и велъ разговоръ не съ европейскою публикою, а съ ними, они могли видѣть изъ самаго тона происходившей бесѣды. Члены Союза явились въ виллу Бергъ съ запасомъ исподволь подобранныхъ доводовъ, вполнѣ готовыми на словесное состязаніе; они произносили зрѣло обдуманныя рѣчи. Русскій Императоръ встрѣтилъ ихъ безоружнымъ, не имѣя подъ рукою самыхъ необходимыхъ справокъ и, повидимому, не успѣвъ даже составить себѣ яснаго понятія о сущности ихъ домогательства. Кажется, что совѣсть, воспитанная въ понятіяхъ литературнаго и общественнаго приличія, непремѣнно бы подсказала имъ, что при такихъ условіяхъ, оглашеніемъ протокола, претендующаго на фотографическую точность, они употребили бы во зло довѣріе своего державнаго собесѣдника, не уберегшагося отъ подобной нескромности.

Какъ бы то ни было, дѣло теперь сдѣлано и поправить его трудно. По всему протестантскому міру разнеслось извѣстіе, что Русскій Самодержецъ въ обращеніи Латышей и Эстовъ изъ лютеранства въ православіе видитъ только интриги какихъ-то злонамѣренныхъ людей, отъ которыхъ не уберегся его родитель, а искусственныхъ средствъ, употребленныхъ для возбужденія въ народѣ обратнаго движенія, повидимому не признаетъ. Узнали также наши разоренные и осмѣянные Лифляндскіе единовѣрцы, въ которыхъ все еще держалась темная надежда на покровительство православнаго Русскаго Императора, что онъ отрицаетъ искренность ихъ религіозныхъ убѣжденій и вообще не любитъ обращеній массами. Каково имъ было все это слышать, какого рода ощущеніями отозвались въ ихъ наболѣвшихъ сердцахъ эти слова, и могло ли

произведенное ими впечатлѣніе сгладиться отправкою изъ Петербурга въ какую нибудь нищенствующую лифляндскую церковь нѣсколькихъ иконъ или церковныхъ облаченій—объ этомъ предоставляю судить читателямъ. Но, можетъ быть, читатели подумаютъ, что отъ виллы Бергъ до лифляндскихъ деревень далеко, что цензура бдительна и что стало быть тамошнему простонародью не откуда и не отъ кого узнать про то, о чемъ ему не подобаетъ вѣдать.—А на что же пасторы?

Въ февралѣ 1871 года, къ одному изъ православныхъ сельскихъ священниковъ явилось нѣсколько крестьянъ, прихожанъ его, чѣмъ-то видимо смущенныхъ. Они спрашивали: „правда ли, что Государь Императоръ, по ходатайству какихъ-то заграничныхъ покровителей лютеранскихъ церквей, обѣщалъ разрѣшить православнымъ Латышамъ и Эстамъ переходить по волѣ изъ русской вѣры въ нѣмецкую и крестить дѣтей у пасторовъ?“

„Государь этого не объявлялъ, и законъ этого не разрѣшаетъ“.—„Но, говорятъ, что есть какой то новый законъ?“—И къ этому крестьяне прибавили съ чьихъ то словъ кучу всякихъ небылицъ.—„Кто же однако все это говоритъ?“ спросилъ священникъ.—„Здѣшній пасторъ такой то“.

Священникъ обратился къ пастору и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ буквально переведенный съ мѣстнаго, народнаго языка на русскій:

„Любезный священникъ, будьте увѣрены, что я никому не говорилъ того, что вы, какъ пишете, слышали отъ народа. Правда только то, что я дѣйствительно отъ души и очень хвалилъ слова нашего милостиваго Государя Императора, ясно высказанныя имъ въ прошлое лѣто въ Германіи, въ городѣ Штутгартѣ, извѣстнымъ и почетнымъ Нѣмцамъ, которые пришли просить его по этому дѣлу и которые открыто (офиціально) своимъ именемъ свидѣтельствуютъ: „что онъ лифляндскимъ Эстамъ и Латышамъ, которые обманомъ совращены изъ прежней вѣры, равно и ихъ дѣтямъ, рѣшительно не запрещаетъ возвратиться въ ихъ старую церковь, если они пожелаютъ“. Вотъ что я говорилъ народу, при чемъ за эти драгоцѣнныя слова я воздавалъ честь нашему великому и верховному Правителю государства, чего передъ Богомъ и

людьми онъ заслуживаетъ. Объ этомъ дѣлѣ насъ извѣстили изъ Германіи печатными письмами, и изъ Петербурга почтенные Нѣмцы, наши единовѣрцы, писали сюда, что нашъ возлюбленный Императоръ дѣйствительно желаетъ того, о чемъ говорятъ. Мы знаемъ также, что и по священникамъ русской вѣры уже два года тому назадъ ходило циркулярное увѣщаніе о томъ, что нашъ славный Государь Императоръ имѣетъ въ твердомъ намѣреніи [1]) то, что наконецъ въ Германіи, теперь онъ самъ, своими собственными устами, объявилъ предъ многими свидѣтелями. Посему, кто изъ Эстовъ желаетъ возвратиться въ нашу церковь, тому мы не возбраняемъ этого, если онъ ясно понялъ нашу вѣру, такъ чтобъ онъ самъ зналъ, чего онъ хочетъ, и если онъ этого желаетъ и въ этомъ нуждается для спокойствія своей души".

Такія объявленія дѣлались во многихъ киркахъ.

На повѣрку выходитъ, что Государь Императоръ, самъ того не подозрѣвая, разговаривалъ въ виллѣ Бергъ не съ пятью только членами Евангелическаго Союза, а обращался ко всему православному Эсто-Латышскому населенію. А свиданіе было устроено для предупрежденія огласки! Въ этомъ фактѣ читатели увидятъ довольно удачное примѣненіе теоріи раздѣленія труда. Прежде всего, остзейскіе чернорабочіе, по указаніямъ своихъ заграничныхъ и петербургскихъ руководителей, припасаютъ на мѣстахъ сырой матеріалъ: выписки изъ дѣлъ, разсказы, анекдоты и произведенія собственной фантазіи. Все это сбывается за границу и тамъ надлежащимъ образомъ переработывается, подкрашивается, публикуется въ газетахъ въ видѣ корреспонденцій, оглашается съ каѳедръ на публичныхъ чтеніяхъ и предлагается вліятельнымъ личностямъ въ формѣ докладныхъ записокъ. Вліятельныя личности или даже цѣлыя ассоціаціи, представительницы высшихъ интересовъ человѣчества, берутъ дѣло въ свои руки и, улучивъ благопріятную минуту, раскладываютъ передъ нами тотъ же

[1]) Едвали нужно напоминать, что намѣренія Государя, вообще, не оглашаются по деревенскимъ приходамъ; на что именно намекаетъ здѣсь пасторъ— непонятно. Развѣ на Высочайшее повелѣніе о младенцахъ, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ? Но оно давно извѣстно всѣмъ въ Остзейскомъ краѣ и вышло не за два года до письма писаннаго въ 1871 году, а ранѣе.

матеріалъ въ видѣ обвинительныхъ актовъ и яко бы несомнѣныхъ уликъ. Для насъ онъ конечно не содержитъ въ себѣ ничего новаго; мы давно все это слышали у себя дома. Но дома можно отвернуться и отмолчаться или, что еще простѣе, велѣть молчать, а за границею, передъ Европою, этого нельзя. Застигнутые врасплохъ, мы поневолѣ подчиняемся необходимости выслушать непріятную отповѣдь и, чтобъ отдѣлаться отъ нея поскорѣе, не только ничего не возражаемъ, но даже винимся въ мнимыхъ грѣхахъ, въ которыхъ мы вовсе не причастны. Мы правда не связываемъ себя никакими опредѣлительными и срочными обязательствами, но мы благосклонно принимаемъ внушенія и обнадеживаемъ нашихъ обличителей. Этого довольно. Незримыя проволоки, которыми связываются лифляндскіе пасторатъ съ Берлиномъ, Штутгартомъ, Лейпцигомъ и другими заграничными центрами, приходятъ въ движеніе, наши полупризнанія и полуобѣщанія, разумѣется надлежащимъ образомъ исправленныя, летятъ обратно въ Россію и черезъ посредство тѣхъ же хорошо вышколенныхъ мѣстныхъ агентовъ проникаютъ наконецъ въ сельскія избы.

Приведенное письмо лифляндскаго пастора къ православному священнику поучительно еще и въ другомъ отношеніи. Многіе изъ читателей вѣроятно въ первый разъ узнаютъ изъ него, что въ Прибалтійскомъ краѣ частныя, заграничныя корреспонденціи принимаются мѣстными должностными лицами нетолько къ свѣдѣнію и оглашенію, но и къ исполненію въ отправленіи ихъ служебныхъ обязанностей, хотя бы и въ противность дѣйствующимъ законамъ. Эта вновь установившаяся практика очень удобна и въ значительной степени облегчаетъ трудъ самого правительства по всѣмъ его законодательнымъ начинаніямъ, давая ему возможность обходиться безъ формальной отмѣны дѣйствующихъ постановленій прежнимъ, довольно сложнымъ порядкомъ. Они какъ то стали упраздняться сами собою, лишь только успѣютъ перемигнуться мѣстные дѣльцы съ своими заграничными вожаками и петербургскими покровителями. Такъ, въ настоящемъ случаѣ, ясныя статьи Свода Законовъ запрещаютъ принимать православныхъ въ какую либо иную вѣру—я уже высказалъ объ нихъ свое мнѣніе и потому не вхожу теперь въ ихъ внутреннюю оцѣнку, а смотрю

на нихъ только какъ на законъ дѣйствующій. Но кто-то, послѣ свиданія въ виллѣ Бергъ, пишетъ въ Лифляндію, что теперь принимать можно, и мигомъ устанавляется слѣдующій порядокъ: Латышъ или Эстъ, желающій перейти изъ православія въ лютеранство, заявляетъ объ этомъ въ своемъ волостномъ судѣ; волостной судъ принимаетъ заявленіе и облекаетъ его въ форму протокола, съ котораго выдаетъ копію [1]). Съ этой минуты предъявитель считается законно отчисленнымъ отъ православной церкви; онъ вручаетъ копію съ протокола мѣстному пастору, который принимаетъ его въ свою паству и объявляетъ въ киркѣ передъ всѣми прихожанами объ этомъ счастливомъ событіи. Съ своей стороны, лифляндская лютеранская консисторія одобряетъ эту практику и офиціально даетъ знать мѣстному начальству, что она отказывается подвергать подчиненныхъ ей пасторовъ какимъ либо взысканіямъ за нарушеніе дѣйствующаго закона. Теперь дѣло пойдетъ живо, не такъ какъ въ сороковыхъ годахъ, когда народъ просился изъ лютеранства въ православіе.

Въ то время, лифляндское протестантское духовенство, отъ лица всего помѣстнаго собора, офиціально просило тамошнее дворянство исходатайствовать у высшаго правительства

---

[1]) Бывшій лифляндскій губернаторъ Лизандеръ, узнавъ объ этомъ, циркулярно, чрезъ посредство приходскихъ судовъ, запретилъ волостнымъ судамъ принимать такого рода заявленія. Онъ былъ обязанъ это сдѣлать потому, во-первыхъ, что эти заявленія были незаконны по содержанію своему, и во-вторыхъ потому, что принимая ихъ, волостные суды выходили изъ своей компетентности; но губернаторскій циркуляръ остался мертвою буквою, и я видѣлъ протоколы составленные послѣ его разсылки. Любопытно то, что г. фонъ Боккъ, приведя тотъ циркуляръ, нашелъ нужнымъ о п р а в д а т ь г. Лизандера: «Самъ онъ человѣкъ гуманный и своимъ расположеніемъ къ краю (landesfreundschaftlichen Muthes) заслуживший добрую славу, конечно никѣмъ изъ Лифляндцевъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ изданіи такого циркуляра по собственной своей иниціативѣ; онъ былъ вынужденъ сдѣлать это давленіемъ сверху, изъ высшихъ правительственныхъ сферъ“ (Evangel .Allianz und Russische Diplomatie, 1872, § 41, 42); иными словами: такъ какъ благосклонность Лифляндцевъ достается не даромъ, а г. Лизандеръ умѣлъ заслужить ее, то нельзя предполагать, чтобъ онъ вздумалъ самъ собою остановить дѣйствіе явно беззаконное, но угодное Лифляндцамъ. Эта аттестація даетъ понятіе о томъ, каковъ былъ бывшій лифляндскій губернаторъ, и какою цѣною вообще пріобрѣтается въ томъ краѣ популярность.

обязательнаго введенія слѣдующаго, придуманнаго имъ правила: „чтобъ никто изъ членовъ протестантской церкви не былъ допускаемъ и переводимъ въ церковь православную до тѣкъ поръ, пока онъ не представитъ письменнаго и положительнаго удостовѣренія отъ своего пастора въ томъ, что ему (намѣревающемуся перейти въ православіе) сдѣлано было предварительное напоминаніе о чистотѣ и неповрежденности евангелическо - лютеранскаго ученія о спасеніи, въ отличіе отъ ученія православной церкви, и что ему разъяснены вся важность и всѣ послѣдствія замышляемаго имъ шага, влекущаго за собою безповоротную перемѣну вѣроисповѣданія“ [1]).

Короче: изъ просящихся въ православіе принимать только тѣхъ, отъ кого откажется лютеранское духовенство и кому оно выдастъ увольнительный видъ. Правда, что это заявлялось въ августѣ 1841 года, когда еще лифляндское лютеранское духовенство не подозрѣвало существованія свободы совѣсти. Оно открыло ее лѣтъ около двадцати пяти спустя.

Пасторскія оглашенія въ киркахъ составляютъ впрочемъ не единственный путь для передачи въ лифляндскія избы заграничныхъ извѣстій и указаній. Остзейская эмиграція убѣдилась, что ей всетаки многаго не сдѣлать, пока она будетъ обращаться исключительно къ публикѣ читающей по нѣмецки, и теперь область ея пропаганды, расширяясь мало по малу, начинаетъ захватывать грамотное простонародье. Недавно, наши газеты извѣщали, что какая то таинственная книжка, на латышскомъ языкѣ, гдѣ то и кѣмъ то изданная, откуда то залетѣла въ Лифляндію и какъ то тамъ, сама собою, распространилась по постоялымъ дворамъ, корчмамъ и хатамъ. Ее находили даже на дорогахъ, стоило только нагибаться и подбирать. Мѣстная дворянская полиція и сельскіе пасторы, до чуткаго слуха которыхъ, въ сороковыхъ годахъ, такъ

---

1) Привожу текстъ: «dass kein Glied der protestantischen Kirche zugelassen und überführt werden dürfte, ehe und bevor ein solches nicht ein Attest von seinem lutherischen Geistlichen beibringt, worin ausdrücklich erwähnt sein müsste, dass ein solches Glied an die reinen und unverfälschten Heilslehren der evangelisch-lutherischen Confession in ihrem Unterschiede von der andern zuvor erinnert und das Wichtige und Folgenreiche eines den Confessionswechsel für immer mit sich führenden Schrittes vorgestellt worden ist».

отчетливо доносились даже пьяныя рѣчи какихъ нибудь русскихъ проѣзжихъ щетинниковъ, на сей разъ почему то ничего объ этомъ не слышали и не знали; но послѣ того какъ первый транспортъ благополучно достигъ своего назначенія, другой перехваченъ былъ какъ контрабанда въ Вержболовской таможнѣ [1]).

Книжка эта издана въ Лейпцигѣ, въ 1870 году, подъ заглавіемъ „Балтійскій Вѣстникъ: Разсказы изъ нашей эпохи (Baltijas Wehstnessis Leikastahsti)". Большая часть содержанія ея заимствована изъ извѣстнаго сочиненія Гарлеса (Geschichstsbilder aus der lutherischen Kirche Livlands) съ значительными впрочемъ измѣненіями. Въ коротенькомъ предисловіи значится, что настоящее изданіе имѣетъ цѣлью разоблачить прельщенія и обманы, которыми лжепророки ходящіе въ одеждѣ овчей совращали лютеранъ въ свою вѣру, предостеречь Курляндцевъ, подвергающихся той же опасности, и утѣшить заполоненныхъ надеждою на скорое избавленіе, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что теперь уже раскрытый обманъ, посредствомъ котораго искусители разрушили единство вѣры, противенъ сердцу отца Императора. Затѣмъ идутъ разсказы о происшествіяхъ 1841—1848 годовъ, въ которыхъ, разумѣется, наша церковь, наше духовенство и мѣстные администраторы изъ Русскихъ (кромѣ конечно князя Суворова) [2]) изображаются въ самомъ гнусномъ видѣ; потомъ: ефектная картина раскаянія совращенныхъ и ихъ отчаянія, когда они убѣдились, что нѣтъ возврата въ лютеранство, неизбѣжный рапортъ графа Бобринскаго, подробный отчетъ о свиданіи Государя съ депутаціею Евангелическаго Союза въ виллѣ Бергъ и обѣщаніе новой, болѣе торжественной депутаціи изъ Америки. Обращаясь къ своимъ лифляндскимъ единовѣрцамъ, авторъ приглашаетъ ихъ молиться за всѣхъ и прибавляетъ: „пусть помнитъ каждый лиф-

[1]) Въ письмѣ изъ Курляндіи напечатанномъ въ Гамбургскомъ Корреспондентѣ (1871 г., № 188) значится, что кто то изъ остзейскихъ книгопродавцевъ, не рѣшаясь представить эту книгу въ цензуру, предпочелъ провезти 1000 экземпляровъ другимъ, въ Россіи не необыкновеннымъ (то есть воровскимъ) путемъ.

[2]) Онъ аттестуется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: другъ Государя, высокоученый мужъ, возвышенно благороднаго сердца.

ляндскій приходъ, что вся Германія за него молится; ибо прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ приказалъ молиться Богу именно о лютеранскихъ приходахъ Лифляндіи и вотъ составленная имъ формула молитвы: Господи, яви Твое милосердіе надъ всѣми, въ особенности надъ единовѣрцами нашими, которые теперь подвергаются тяжелымъ испытаніямъ и духовному гнету“ [1]). Какъ видятъ читатели, это указаніе подобрано довольно искусно въ видѣ pendant къ повѣтствованію о свиданіи въ виллѣ Бергъ. О Русскомъ Императорѣ повѣтствуется, что онъ не только не радуется переходу Латышей и Эстовъ въ ту вѣру, которую онъ исповѣдуетъ, но даже положительно осуждаетъ его, а прусскій король, по первому извѣстію объ отпаденіи ихъ отъ протестантства, установляетъ публичное моленіе, да удержитъ ихъ Господь въ единовѣріи съ нимъ и со всею Германіею. Куда же послѣ этого естественнѣе обращаться помыслами и надеждами: въ Петербургъ или въ Берлинъ? Откуда ждать сочувствія и заступничества?

Одно къ одному: недавно въ National-Zeitung проводилась мысль, что будущій переходъ Остзейскаго края подъ владычество сильной протестантской державы (это ужь дѣло рѣшеное—ce n'est plus qu'une question de temps) встрѣченъ будетъ въ томъ краѣ съ особеннымъ восторгомъ Латышами и Эстами зачисленными въ православіе. Г. фонъ Боккъ безусловно съ этимъ соглашается и уже отъ себя, на основаніи собственныхъ своихъ наблюденій, объявляетъ публикѣ, что въ Лифляндіи всѣ вообще приписываютъ отмѣну закона о смѣшанныхъ бракахъ вліянію графа Бисмарка. На сей разъ, г. фонъ Боккъ проговорился правдою—въ Лифляндіи дѣйствительно такъ думаютъ, по крайней мѣрѣ принято такъ думать. Выходитъ, что правительство наше какъ то особенно несчастливо; что бы оно ни дѣлало въ видахъ угожденія Остзейцамъ, ему никогда и спасибо не скажутъ, а благодарятъ и кланяются обратившись лицемъ къ Пруссіи. Не происходитъ ли

[1]) Эта молитва въ 1868 году кажется въ первый разъ истолкована была въ нѣмецкой газетѣ Volksblatt für Stadt und Land; но тамъ ее относили не къ стремленію Латышей и Эстовъ въ православіе, а къ какому то коренному преобразованію всей лютеранской церкви въ Россіи, которымъ покойный Императоръ будто бы былъ занятъ въ 1854 году.

это оттого, что наше правительство дѣйствительно ничего вполнѣ сознательно и добровольно не жаловало, какъ подобало бы власти хорошо понимающей свое достоинство, свою силу и свое право, а что все какъ то, по кусочкамъ, выкрадывалось, или, почти безъ вѣдома его, вываливалось изъ рукъ его?

Возвращаюсь къ латышской книжкѣ. Она составлена вообще очень не дурно, въ элегическомъ тонѣ, и должна произвести впечатлѣніе на воспріимчивыхъ читателей не привыкшихъ остерегаться. Примѣсь явной, фактической лжи довольно умѣренна, но вся картина выходитъ ложью вслѣдствіе преднамѣренно-односторонняго подбора фактовъ. При этомъ однако замѣчательна одна черта: авторъ, не запинаясь, признаетъ бѣдственное положеніе Латышей и Эстовъ въ хозяйственномъ отношеніи и невыносимую тягость помѣщичьяго гнета. Еслибъ онъ вздумалъ изображать отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ въ видѣ сельской идилліи (какъ дѣлаетъ это напримѣръ г. Вурстембергеръ въ своемъ отчетѣ), то понятно, что простой народъ съ первой же строки почуялъ бы обманъ и бросилъ бы книгу. Сверхъ того, кое гдѣ проглядываютъ черты дѣйствительно снятыя съ натуры и заслуживающія тѣмъ большаго вниманія, что онѣ воспроизводятся ревностнымъ протестантомъ, отрицающимъ всякую искренность въ религіозномъ движеніи сороковыхъ годовъ, и попадаются въ массѣ частью вымышленныхъ, частью искаженныхъ сказаній. Вотъ, между прочимъ, какъ оправдывали Эсты свое отпаденіе отъ лютеранства, по свидѣтельству автора, старающагося доказать, что они дѣйствовали подъ вліяніемъ какихъ то коварныхъ внушеній со стороны: „вѣра Царя не можетъ быть ложна! Кто приметъ его вѣру, того онъ защититъ, а иначе какъ бы могли мы избавиться отъ помѣщичьяго гнета?“ Другіе говорили: „намъ объявлено, что мы останемся при прежнемъ чинѣ богослуженія, только перемѣнится духовенство“—стало быть лютеранскіе пасторы были не на слишкомъ хорошемъ счету у своей паствы. Одинъ зажиточный Латышъ, котораго пасторъ долго отклонялъ отъ намѣренія перейти въ православіе, отвѣчалъ ему наконецъ: „лютеранская церковь служитъ Богу однимъ преклоненіемъ

колѣнъ, а вѣрующіе Русскіе повергаются передъ Богомъ ницъ, какъ Спаситель въ Гефсиманскомъ саду". — Можно сказать, что этотъ взглядъ дѣтски наивенъ, но можно ли отрицать его самородность и искренность? Есть ли въ немъ хоть малѣйшій признакъ корыстнаго разсчета? Теперь не угодно ли читателямъ, для сравненія, сопоставить простодушную исповѣдь православнаго Латыша сороковыхъ годовъ съ тою аргументаціею, съ которою, въ той же книгѣ, самъ авторъ, ревностный лютеранинъ, обращается къ своей публикѣ, чтобъ убѣдить ее въ превосходствѣ протестантства надъ православіемъ. Вотъ его слова: „Посмотрите: на сторонѣ православія пустота, нищета, несостоятельность во всемъ. Что за церкви! Многія изъ нихъ устроены въ корчмахъ и пивоварняхъ. Чѣмъ обезпечены православные священники? Они, въ полномъ смыслѣ слова, нищіе въ сравненіи съ пасторами. А много ли школъ у русскихъ священниковъ и какія школы? Одна школа русская на десять лютеранскихъ, да и у той нѣтъ ни средствъ ни собственнаго помѣщенія. Кто прихожане новой русской церкви? — нищіе батраки, разбросанные на 20—30 верстныхъ разстояніяхъ отъ своихъ убогихъ церквей. По крайней мѣрѣ, сами то Русскіе сочувственно ли отнеслись, какъ внутри Россіи такъ и въ Прибалтійскомъ краѣ, къ стремленію въ православіе? — Нимало. Изъ внутреннихъ губерній, на пользу присоединившихся собрано пожертвованій какихъ нибудь 2000 рублей".

Все это къ прискорбію правда и нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода сравненія сильно дѣйствуютъ на народъ. Такимъ образомъ, протестантская пропаганда, въ одно и то же время, въ популярныхъ своихъ изданіяхъ, подрываетъ вѣру въ православіе доказательствомъ, что оно ведетъ къ нищенству, а съ другой, въ воззваніяхъ, рѣчахъ и изданіяхъ предназначаемыхъ для публики высшаго разбора, негодуетъ на нашихъ священниковъ за то, что они будто бы, обѣщаніемъ мнимаго обогащенія, переманивали народъ въ свою вѣру. Если бы какая нибудь книга въ томъ же родѣ, но писанная съ точки зрѣнія православной (хоть бы напримѣръ Записки православнаго Латыша) [1]) появилась за границею на латышскомъ или

[1]) Окраины Россіи, выпускъ II.

эстскомъ языкѣ и пробралась оттуда въ Остзейскій край, можно представить себѣ какой бы поднялся шумъ въ петербургскихъ салонахъ и до какой свирѣпой благонамѣренности дошелъ бы консервативный азартъ Паленовъ, Ливеновъ, Унгерновъ и Икскулей; автора заклеймили бы прозвищемъ подстрекателя (ein Aufwiegler — общепринятой терминъ); кстати притянули бы къ отвѣту всѣхъ славянофиловъ, старорусскую партію, московскія газеты и въ будущую поѣздку Государя Императора за границу ему пришлось бы еще разъ, на какихъ нибудь водахъ каяться передъ Европою въ злонамѣренности своихъ подданныхъ. Теперь, петербургскіе консерваторы молчатъ; они ничего не знаютъ; ни о чемъ не слыхали, а г. фонъ Боккъ съ компаніею, говорящіе за нихъ, не нарадуются на подвигъ неизвѣстнаго автора [1]) и обѣщаютъ намъ новыя изданія въ томъ же родѣ. По ихъ словамъ, въ настоящее время печатается за границею рапортъ графа Бобринскаго на эстскомъ языкѣ — это будетъ пятый переводъ и пятое изданіе. Нѣтъ сомнѣнія, что и оно найдетъ себѣ дорогу куда слѣдуетъ, а мѣстная полиція, по прежнему, разставитъ руки и отвѣтитъ на обращенные къ ней вопросы, какъ отвѣтилъ графъ Кейзерлингъ на вопросъ о брошюрѣ Ширрена: „Ja! weiss der liebe Gott wie das passirt ist“.

Но все это конечно особеннаго вниманія не заслуживаетъ въ виду тѣхъ бѣдъ, которыхъ едва было не причинили московскія газеты, какими то неизслѣдимыми путями дошедшія до Эстовъ. Къ счастью, на сей разъ бдительное лютеранство въ пору предупредило начальство. Кстати сообщить и этотъ случай. Читатели вѣроятно помнятъ, что въ 1868 году, партія полуживыхъ Эстовъ, съ женами и дѣтьми, приплыла къ Петербургу изъ своей голодной родины на какомъ то дырявомъ плоту. Очевидцы разсказываютъ, что страшно было смотрѣть на нихъ; невольно приходила на память извѣстная картина le radeau de la méduse. Разница заключалась однако въ томъ,

1) Увѣряютъ, что онъ теперь отысканъ. Это нѣкій Ливенталь, приходскій кистеръ и сельскій учитель, человѣкъ уже въ лѣтахъ, какъ говорятъ обнаружившій на слѣдствіи невозмутимую твердость духа и полное убѣжденіе, что своимъ изданіемъ онъ сослужилъ землякамъ своимъ добрую службу. Догадается ли правительство оставить его въ покоѣ и не производить его въ мученики?

что Петербургъ созерцалъ не случайную катастрофу, а живую иллюстрацію къ хваленой нормальности сельскаго быта въ Остзейскихъ губерніяхъ. Это былъ только отрывокъ изъ общаго явленія, періодически повторяющагося и въ 1868 году достигшаго громадныхъ размѣровъ, именно: повальнаго бѣгства облагодѣтельствованныхъ крестьянъ изъ своей благословенной родины. Наша публика содрогнулась; открылись подписки, посыпались пожертвованія, и министерство внутреннихъ дѣлъ не только приняло мѣры, чтобъ эти нежданные гости не умерли съ голода въ виду Сѣверной Пальмиры, но приступило даже къ водворенію переселявшихся въ Новгородской губерніи. Съ своей стороны, бывшій Остзейскій генералъ губернаторъ Альбединскій командировалъ въ Эстляндію одного изъ своихъ чиновниковъ, нѣкоего Гюбенета, для изслѣдованія на мѣстѣ причины и размѣровъ народнаго бѣдствія. Этотъ чиновникъ (видно опытный) разъѣзжалъ, распрашивалъ и болѣе всего пораженъ былъ тѣмъ, что Эсты сбиравшіеся покинуть свою родину часто указывали на Петербургъ, гдѣ ихъ будто бы поджидали съ готовою помощью на переселеніе. Тутъ, дѣйствительно, было надъ чѣмъ призадуматься: у себя дома ѣсть нечего, люди гніютъ отъ тифа, а чѣмъ бы спокойно умирать на мѣстѣ, благословляя свою судьбу, они смотрятъ куда то вдаль и все еще морочатъ самихъ себя надеждою на лучшую будущность. Это странное явленіе такъ озадачило г. Гюбенета, что онъ, почуя злонамѣренное подстрекательство, рѣшился проѣхать въ ту сторону, куда обращались потухавшіе взоры голодныхъ, то есть въ Петербургъ. Тамъ, на его счастье, ему подвернулся какими то судьбами служитель церкви, нѣкій пасторъ Лаландъ, который, какъ оказалось, принималъ въ несчастныхъ Эстахъ живѣйшее участіе и которому, какъ бы въ награду за его пастырское состраданіе, удалось открыть секретъ этого движенія, вызвавшаго такую тревогу. По словамъ почтеннаго пастора, намѣреваясь снабдить партію переселенцевъ теплою одеждою, онъ, какъ человѣкъ осторожный, призналъ не лишнимъ произвести у нихъ обыскъ врасплохъ, такъ, по собственной охотѣ, sans y être obligé. Онъ выворотилъ ихъ карманы, обшарилъ скудные ихъ пожитки, и, къ изумленію, оказалось, что Эсты

были при деньгахъ. У одного нашлось до 300 рублей [1]). Стало быть: вся эта нужда не была ли мнимая? Эти позеленѣвшія лица, эти исхудалые члены, этотъ жалобный стонъ голодныхъ дѣтей, не было ли все это своего рода представленіе, разсчитанное на эфектъ, въ видахъ тенденціозныхъ? Но кто же могъ навести простыхъ мужиковъ на эту діавольски-обдуманную и всетаки для нихъ не безопасную комедію? По особенному благополучію, и это обстоятельство разъяснилось. Кромѣ денегъ, пастору Лаланду удалось сдѣлать другое, болѣе важное открытіе: у переселенцевъ оказались переводы на эстскій языкъ какихъ то статей московскихъ газетъ, въ которыхъ говорилось объ нихъ съ сочувствіемъ и состраданіемъ. Пасторъ взялъ на себя трудъ сличить переводы съ подлинниками и засвидѣтельствовалъ, что они обличали опытную руку. Чего же больше? Вотъ вамъ и разгадка внезапнаго движенія цѣлаго народа и въ то же время драгоцѣнное указаніе для дальнѣйшихъ мѣропріятій. Тутъ очевидно не голодъ, не нужда, а просто подстрекательство, издавна намъ знакомое, играющее такую важную роль во всѣхъ событіяхъ Остзейскаго края, подстрекательство такъ удовлетворительно объясняющее и стремленіе въ православіе, и всѣ прежнія, періодическія бѣгства въ Россію, и нынѣшнее требованіе обученія русской грамотѣ, и ходатайства о введеніи земскихъ учрежденій и суда присяжныхъ, словомъ—все, рѣшительно все кромѣ, разумѣется, стремленія изъ православія въ лютеранство, ибо тутъ ужъ очевидна свобода духа и Божья благодать. И такъ, въ настоящемъ случаѣ, противъ мнимаго голода нужны были не деньги и не хлѣбъ, а требовалось прежде всего сдѣлать московскимъ газетамъ приличное внушеніе, чтобъ отучить ихъ отъ неумѣстнаго вниманія къ дѣламъ Прибалтійскаго края, да еще пристращать злонамѣреннаго писаку, переводившаго ихъ статьи для Эстовъ. Для отысканія переводчика почтенный пасторъ вѣроятно не отказалъ бы въ своемъ содѣйствіи. На сей разъ однако, генералъ-адъютантъ Альбединскій не понялъ или не захотѣлъ понять, чего отъ него ожидали. Онъ не вполнѣ воспользовался намекомъ, не возобновилъ облавы на подстре-

[1]) Я уже сказалъ, что въ пользу ихъ собирались пожертвованія.

кателей и, кажется, даже только на половину повѣрилъ рапорту своего чиновника. Тѣмъ не менѣе, изъ Риги отправлена была въ Петербургъ бумага [1]), въ которой между прочимъ, въ мягкихъ выраженіяхъ, давалось чувствовать министерству, что, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, его неумѣстная заботливость объ Эстахъ, валившихъ въ Петербургъ, питала въ ихъ землякахъ опасныя надежды, поощряла къ повальному бѣгству и мѣшала мѣстному начальству въ успокоеніи взволнованнаго края. Министерство, узрѣвъ передъ собою грозный призракъ подстрекательства, готоваго и на него наложить свою тяжелую руку, слегка дрогнуло. Распоряженія по переселенію были немедленно остановлены и рѣшено было тотчасъ же всѣхъ Эстовъ, больныхъ и здоровыхъ, не смотря ни на что, гнать обратно на родину. Ихъ спустили потихоньку, но, неизвѣстно, многіе ли изъ нихъ добрались до дому; знаю только, что дѣти возвращенныхъ изъ Петербурга въ зиму и раннюю весну 1869 г. всѣ лежали въ оспѣ. За то въ Эстляндіи возстановилась желанная тишина, а г. фонъ Боккъ, потирая себѣ руки отъ удовольствія, объявляетъ нѣмецкой публикѣ „что прирожденное Эстамъ чувство недовѣрія и нерасположенія къ Русскимъ съ каждымъ днемъ усиливается“.—Еще бы!

---

[1]) Эта бумага въ подлинникѣ и въ нѣмецкомъ переводѣ находится въ редакціи одного изъ нѣмецкихъ заграничныхъ журналовъ и, вѣроятно, скоро будетъ напечатана, какъ новое доказательство злонамѣренныхъ замысловъ коварной Москвы. На сей разъ, въ компаніи съ старорусскою партіею, достанется, кажется, и генералъ-адъютанту Тимашеву. Можетъ быть, намъ придется съ нимъ вмѣстѣ осушать одну, знакомую намъ чашу.

Второй опросъ.

На вторичномъ опросѣ, въ 1871 году, выслушивалъ обвиненіе въ посягательствѣ на свободу совѣсти и защищалъ Россію нашъ государственный канцлеръ. На сей разъ мы, по крайней мѣрѣ, узнали изъ обнародованнаго офиціальнаго его отчета (можетъ быть и не совсѣмъ полнаго), какія предъявлены были улики и требованія съ одной стороны и что̀ было на нихъ отвѣчено съ другой. Этимъ, до нѣкоторой степени, удовлетворилось естественное и кажется вполнѣ законное любопытство русской публики, которая не могла же оставаться равнодушною къ дѣлу такъ близко затрогивающему достоинство Россіи и православной церкви. Нельзя однако не пожалѣть о томъ, что князь Горчаковъ не исполнилъ желанія депутатовъ, просившихъ его оставить имъ отвѣтъ на бумагѣ. Въ настоящемъ случаѣ, отступленіе отъ общаго правила, котораго (по собственнымъ его словамъ) придерживается нашъ канцлеръ, а именно: избѣгать по возможности письменныхъ изложеній, было бы тѣмъ болѣе у мѣста, что едвали возможно поручиться за безошибочную точность въ выборѣ выраженій для передачи всѣхъ оттѣнковъ одной и той же мысли, когда приходится повторять ее по нѣскольку разовъ къ ряду, употребляя поочередно три языка. Тогда публика, наша и заграничная, имѣла бы одинъ подлинный текстъ отвѣта, между тѣмъ какъ теперь у нея передъ глазами четыре офиціальныхъ и невполнѣ между собою согласныхъ отчета о томъ, что было отвѣчено: отчетъ русскаго канцлера, отчетъ аме-

риканскаго отдѣла Евангелическаго Союза, отчетъ англійскаго отдѣла и, наконецъ, четвертый, повидимому, общій отчетъ всѣхъ депутатовъ [1]). Это разнорѣчіе, хотя бы и несущественное, при отсутствіи неоспоримаго документа, естественно дало возможность иностраннымъ газетамъ пустить въ ходъ еще нѣсколько версій, никѣмъ правда не засвидѣтельствованныхъ, но тѣмъ не менѣе оставляющихъ по себѣ въ умахъ читателей болѣе или менѣе прочные слѣды. Изъ того, что говорилъ князь Горчаковъ, кое что опускается; наоборотъ, приписывается ему то, о чемъ въ отчетѣ его нѣтъ и помина; многія выраженія имъ употребленныя смягчаются и обезцвѣчиваются, и такимъ образомъ, въ значительной степени, измѣняется общій тонъ его отвѣта. Я приведу нѣкоторые примѣры.

Князь Горчаковъ, не колеблясь, назвалъ тѣ данныя о положеніи Латышей и Эстовъ, которыя приняты были Евангелическимъ Союзомъ на вѣру, частью ложными, частью неполными, а источники, изъ которыхъ онѣ были почерпнуты, пристрастными и сомнительно-добросовѣстными. Эта очень недвусмысленная аттестація, конечно, не слишкомъ лестная для гг. ф. Бокковъ, Эккартовъ, Ширреновъ, Гарлесовъ и другихъ имъ подобныхъ, кажется заслуживала бы нѣкотораго вниманія и должна бы была сохраниться въ памяти тѣхъ лицъ, въ предостереженіе копмъ она была произнесена; но, къ удивленію, мы вовсе не находимъ ея ни въ офиціальномъ отчетѣ делегатовъ, помѣщенномъ въ Женевской Газетѣ (1-го Августа, Nr. 180), ни въ отчетѣ англійскаго отдѣла, ни въ реляціи члена депутаціи каноника Баттереби. Правда, Аугсбургская Газета (29 іюня, Nr. 210) приводитъ отзывъ о лживости Остзейскихъ сказаній, но вотъ въ какомъ видѣ она передаетъ его: „Князь Горчаковъ сказалъ депутатамъ, что они имѣютъ о положеніи дѣлъ въ Остзейскомъ краѣ свѣдѣнія не совсѣмъ точныя (nicht ganz genau unterrichtet). Далѣе, князь Горчаковъ мотивировалъ отказъ Государя допустить къ себѣ делегатовъ для личныхъ съ нимъ объясненій тѣмъ, что принятіе разноплеменной депутаціи, цѣль которой была громко оглашена, имѣло бы видъ вмѣшательства въ наши домашнія дѣла, чего

[1]) Онъ напечатанъ въ Journal de Genève 1871 г. № 180.

и тѣни мы не намѣрены допускать. Между тѣмъ, Аугсбургская и другія нѣмецкія газеты, вмѣсто этого, влагаютъ въ уста канцлеру слѣдующій мотивъ: „Государь де охотно принялъ бы нѣкоторыхъ изъ членовъ (не всѣхъ) и отказывается отъ этого только потому, что не желалъ бы оказаніемъ предпочтенія однимъ обидѣть прочихъ“.

Князь Горчаковъ принялъ было, для поднесенія Государю Императору, американскій адресъ и рѣшительно отказался принять другой собственно потому, что послѣдній имѣлъ характеръ обвинительнаго акта. Объ этомъ обстоятельствѣ, далеко не лишенномъ значенія, Аугсбургская и другія нѣмецкія газеты разсудили за благо умолчать.

Обращаясь къ подробностямъ опубликованнымъ заграницею, но не встрѣчаемымъ въ отчетѣ нашего канцлера, мы находимъ и тутъ такія выраженія, изъ которыхъ для насъ, Русскихъ, становится очевиднымъ, что делегаты Союза часто невѣрно понимали своего собесѣдника. Нельзя, напримѣръ, предполагать, чтобы князь Горчаковъ, заявляя, что въ Россіи никакая религіозная пропаганда не допускается (какъ значится въ отчетѣ англійскаго отдѣла), относилъ эти слова и къ православной церкви (какъ увѣряетъ Крестовая Газета Nr. 170, іюля 25). Такое заявленіе, въ отношеніи именно къ ней, было бы, во первыхъ, фактически невѣрно, и, во вторыхъ, даже оскорбительно, какъ равносильное отрицанію у нея права проповѣди, а слѣдовательно и права ея исполнять завѣтъ Спасителя.

Крестовая и другія нѣмецкія газеты приписываютъ князю Горчакову еще слѣдующія слова, которыхъ мы не встрѣчаемъ въ его отчетѣ: „Остзейскіе Нѣмцы, въ прежнее время, держали Эстовъ и Латышей въ глубокомъ униженіи, изъ котораго теперь выводитъ ихъ попечительность Государя Императора. Прежде, по части народныхъ школъ и народнаго образованія, не дѣлалось ничего или почти ничего, но въ настоящее время Государь заботится о нравственномъ образованіи Латышей и Эстовъ и объ освобожденіи ихъ изъ подъ тяжелаго гнета нѣмецкихъ помѣщиковъ“ (Крестов. Газета, прилож. къ Nr. 170, Іюня 25, 1871 года) [1]).

[1]) Для сравненія, кстати привести другое офиціальное же свидѣтельство о томъ же предметѣ. Въ 1869 году, въ Рижскомъ Вѣстникѣ, издающемся подъ

Если вся эта тирада просто на просто не выдумана, то она, по крайней мѣрѣ, преднамѣренно искажена, ибо въ приведенныхъ словахъ, кромѣ несомнѣнно тяжелаго господства пришлой, нѣмецкой національности надъ туземною, все остальное фактически невѣрно. Не трудно было бы доказать, что и въ прошлое царствованіе, а еще болѣе въ нынѣшнее, по вопросу объ устройствѣ Остзейскихъ крестьянъ, верховная власть ограничивалась утвержденіемъ проектовъ, которые подносились ей Остзейскимъ Комитетомъ или Государственнымъ Совѣтомъ, и что эти два учрежденія, въ свою очередь, ограничивались передачею на Высочайшее утвержденіе готовыхъ проектовъ, поступавшихъ отъ Остзейскихъ дворянскихъ сословій, не измѣняя въ нихъ ничего существеннаго. Стало быть, честь почина и изобрѣтенія, во всякомъ случаѣ, принадлежала бы имъ, а не верховной власти.

Но дѣло въ томъ, что Положенія объ Остзейскихъ крестьянахъ, изданныя во множествѣ, начиная съ сороковыхъ годовъ и особенно въ нынѣшнее царствованіе, никому не могутъ принести чести. Они не только не довѣршили начатой задолго прежде хозяйственной эмансипаціи Латышей и Эстовъ, а напротивъ постепенно расшатывали и наконецъ разрушили тотъ фундаментъ, все еще уцѣлѣвшій отъ разнаго рода законодательныхъ экспериментовъ прошлаго царствованія, безъ котораго немыслимо прочное обезпеченіе экономической самостоятельности земледѣльческаго класса. Повторю еще разъ сказанное и доказанное мною въ другомъ мѣстѣ [1]): въ то самое время какъ въ остальной Россіи отмежевывался неприко-

---

строжайшею цензурою, помѣщена была статья подъ заглавіемъ: Отвѣтъ старцу Меркелю, въ которой повторялась мысль самого Меркеля, а именно, что Латыши должны ожидать спасенія своего съ востока, то есть отъ Россіи. Въ слѣдующемъ 1870 году, за пропускъ этой статьи, цензору сдѣлано было замѣчаніе отъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати и предписано впредь все подобное вычеркивать «дабы не подать повода думать, что высшая администрація Прибалтійскаго края солидарна съ подобными мнѣніями». Слѣдовательно, въ 1870 году, само правительство у себя дома торжественно отрекалось и открещивалось отъ тѣхъ самыхъ намѣреній, за которыя въ 1871 году князь Горчаковъ будто бы прославлялъ его за границею.

1) Соч. Ю. Ѳ. С—на VIII, стр. 83—97.

сновенный крестьянскій надѣлъ и установлялась высшая норма поземельной повинности, которой помѣщикъ переступать не могъ, въ Лифляндіи крестьяне переводились съ ограниченной барщины на ничѣмъ неограниченный оброкъ; помѣщику разрѣшалось продавать крестьянскую землю кому онъ вздумаетъ, помимо не только сидящаго на ней крестьянина, но и крестьянъ вообще, и такимъ образомъ упразднялось прежнее исключительное право крестьянъ на пользованіе землею издревле носившею названіе крестьянской Bauernland).

Переходя къ вопросу о начальномъ народномъ образованіи, нельзя конечно не признать, что правительство, хотя и поздно, убѣдилось таки въ необходимости принять на себя заботливость объ учрежденіи школъ и о подготовленіи учителей собственно для православныхъ Латышей и Эстовъ; что же касается до сельскихъ школъ лютеранскихъ, которыхъ въ краѣ въ десятеро больше чѣмъ православныхъ, то оно никогда ничего для нихъ не дѣлало и не расходовало на нихъ ни копѣйки; мало того, оно даже не интересовалось ими, оно и теперь не заглядываетъ въ нихъ и рѣшительно ничего не знаетъ о томъ, чему въ нихъ учатъ, кто въ нихъ учитъ и что выносятъ изъ нихъ учащіеся [1]).

Можетъ быть въ этомъ не усматривается надобности, но въ такомъ случаѣ нѣтъ и повода хвалиться заботливостью, и потому я позволяю себѣ думать, что, защищая публично русское правительство отъ возводимыхъ на него обвиненій, канцлеръ имперіи на столько былъ остороженъ, что не подходилъ близко къ этой сторонѣ законодательной дѣятельности нынѣшняго царствованія.

Но всего замѣчательнѣе противоположность общаго впечатлѣнія, вынесеннаго изъ фридрихсгафенскаго собесѣдованія обѣими участвовавшими въ немъ сторонами. Князь Горчаковъ заявляетъ о полномъ неуспѣхѣ ходатайства, сознанномъ (по его наблюденіямъ) самими делегатами Евангелическаго Союза. Они же и, вслѣдъ за ними, почти всѣ иностранныя га-

---

[1]) О народныхъ школахъ въ Остзейскомъ краѣ говорится подробнѣе въ концѣ этого выпуска.

зеты, въ одинъ голосъ заканчиваютъ свои отчеты увѣреніями, что внушеніе сдѣланное въ лицѣ канцлера самому Государю такимъ величавымъ представительствомъ Союза конечно въ значительной степени ускоритъ осуществленіе предъявленнаго ходатайства.

Стало быть, пока, всѣ повидимому довольны, а нельзя однако не видѣть, что кто нибудь да обманывается.

Впрочемъ, помимо всѣхъ разнорѣчій и недоразумѣній, изъ совокупности обнародованныхъ отчетовъ все таки можно вывести нѣсколько несомнѣнныхъ заключеній о значеніи фридрихсгафенской бесѣды, какъ въ формальномъ отношеніи, такъ и по существу дѣла. Отвѣтъ князя Горчакова распадается на три темы.

Первая тема: „мы не можемъ допустить даже тѣни иностраннаго вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла“. — Это было категорически объявлено депутатамъ на словахъ; между тѣмъ, въ самомъ пріемѣ делегатовъ Союза, послѣ того какъ они предварительно огласили на весь міръ, съ какою цѣлью они домогались свиданія, заключалось уже фактическое допущеніе вмѣшательства. Сила этой уступки, какъ видно, не ускользнула отъ вниманія заграничной прессы. Вотъ что пишетъ объ этомъ Крестовая Газета: „пріемъ депутаціи первымъ министромъ имперіи, при томъ по Высочайшему повелѣнію, получаетъ черезъ это самое для Евангелическаго Союза значеніе поощренія (Aufmunterung und Ermuthigung) идти далѣе тѣмъ же путемъ, то есть доводить и впослѣдствіи свои ходатайства до престола монарха, чтущаго свободу. Онъ самъ, могущественный властелинъ Россіи, хотя и не можетъ допустить иностраннаго вмѣшательства въ настоящемъ значеніи этого слова (eigentliche Einmischung) въ дѣла имперіи, тѣмъ самымъ однако, что онъ обратилъ депутацію къ имперскому канцлеру, призналъ право заступничества (das Recht der Fürbitte) христіанъ другъ за друга“ [1]).

Спрашивается: въ чемъ же разница между вмѣшательствомъ настоящимъ и не настоящимъ, или иначе: между правомъ вмѣшательства и правомъ заступничества? Колле-

1) Kreuz-Zeitung, Beilage, 1871, № 170.

ктивное юридическое лице, не подчиненное русскому Императору и совершенно передъ нимъ безотвѣтственное, беретъ въ свои руки интересы лифляндскихъ его подданныхъ и подаетъ ему просьбу не о себѣ и не за себя, а за нихъ, въ качествѣ ихъ адвоката. Это лице, втираясь между подданными и властью, тѣмъ самымъ выводитъ предметъ своего ходатайства изъ области внутренняго законодательства, къ которой онъ несомнѣнно принадлежитъ, и переноситъ его въ область международныхъ сношеній. Завязываются переговоры и обязанность отвѣчать за Россію возлагается на министра иностранныхъ дѣлъ. Чѣмъ же это не вмѣшательство?

Говорятъ, что вмѣшательство, въ смыслѣ посягательства на политическую автономію, признается въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда заступничество идетъ отъ лица правительства независимой державы; но самъ князь Горчаковъ, какъ видно, судитъ объ этомъ иначе. Онъ зналъ, что въ виллѣ Таубенгеймъ передъ нимъ стояли не послы вооруженной державы, а мирные депутаты организованнаго представительства протестантскихъ интересовъ, и однако, бесѣдуя съ ними, онъ счелъ не неумѣстнымъ и не лишнимъ оградить Россію отъ вмѣшательства.

Говорятъ еще, что не можетъ быть рѣчи о вмѣшательствѣ, пока ходатайство не затрогиваетъ политическихъ вопросовъ и не выходитъ изъ области духовныхъ интересовъ общихъ всему христіанству. Но и съ этимъ нельзя согласиться ни въ принципѣ ни въ примѣненіи къ настоящему случаю. Во-первыхъ, свойство начала, выкидываемаго какъ знамя, не можетъ служить надежнымъ признакомъ для опознанія вмѣшательства. Вчера, во имя свободы вѣрующей совѣсти, формулировано было требованіе объ отмѣнѣ законовъ, которыми стѣсняется у насъ личное право перехода изъ господствующей вѣры въ лютеранскую; но вѣдь это предъявлялось только для почина, и почтенный докторъ Стенъ (Steane) тутъ же намекнулъ князю Горчакову, что подъ свободою вѣроисповѣданія подразумѣвается также право каждаго невозбранно проповѣдывать словомъ и печатными публикаціями все то, во что онъ вѣруетъ. Можно пойти и далѣе, пользуясь несомнѣнно близкимъ соотношеніемъ между духовными интересами

людей и ихъ соціальною обстановкою. Почему знать: можетъ быть завтра составится гдѣ нибудь въ Швейцаріи или Англіи новая ассоціяція, проникнутая чувствомъ христіанскаго состраданія къ православнымъ Латышамъ, и къ намъ явится новая делегація съ ходатайствомъ объ огражденіи ихъ отъ притѣсненій и обидъ, которымъ они дѣйствительно подвергаются за свое отпаденіе отъ лютеранства. Я совершенно увѣренъ, что бароны и пасторы не вызовутъ ея вмѣшательства, но почему бы Латышамъ и Эстамъ не послѣдовать ихъ примѣру и не поискать себѣ заграничныхъ ходатаевъ. Во-вторыхъ, хотя делегаты Евангелическаго Союза въ рѣчахъ своихъ неоднократно повторяли, что ихъ домогательство не имѣло ничего общаго съ вопросами свойства политическаго, но этимъ успокоительнымъ завѣреніямъ ихъ противорѣчилъ самый текстъ одного изъ поданныхъ ими адресовъ; именно того, который подписанъ былъ членами Союза отъ всѣхъ націй кромѣ американской. Свободу совѣсти можно отстаивать какъ существенное условіе христіанскаго богопочитанія, требующаго поклоненія духомъ и истиною, слѣдовательно непринужденнаго; можно также отстаивать ее какъ право гражданское, общее или мѣстное, буде оно въ данномъ случаѣ формально признано и облечено въ юридическую форму. Въ упомянутомъ адресѣ, въ перемежку съ соображеніями богословскаго свойства, мы читаемъ между прочимъ слѣдующее: „страданія, испытываемыя значительнымъ числомъ подданныхъ В. И. В. въ Прибалтійскихъ провинціяхъ, происходятъ (между прочимъ) изъ того, что ихъ подвели подъ законы, дѣйствію коихъ они первоначально подчинены не были (bei the imposition of laws to which they were not originally subjected)“. Далѣе: „мы просимъ, чтобъ лютеранскимъ подданнымъ В. И. В. въ Прибалтійскихъ провинціяхъ дозволено было молиться Богу, воспитывать своихъ дѣтей и исполнять свои религіозные обряды, не подвергаясь за это никакимъ притѣсненіямъ, подъ защитою В. И. В. и старыхъ законовъ этой провинціи (under the protection of the ancient laws of the province“) [1]).

[1]) Я цитую по изданію Бокка: Evangelische Allianz und russische Diplomatie, стр. 185, 186.

Для всякаго сколько нибудь знакомаго съ литературою вѣроисповѣднаго вопроса въ Остзейскомъ краѣ, смыслъ этого противопоставленія какихъ то старыхъ законовъ какимъ то новымъ, произвольно навязаннымъ, совершенно ясенъ. Это значитъ: предоставивъ православной церкви въ томъ краѣ такія же преимущества, какими она пользуется во всей имперіи въ качествѣ господствующей, русское правительство нарушило обязательство, которымъ оно навсегда ограничило свое законодательное право, при заключеніи капитуляцій съ мѣстными чинами и договоровъ съ другими державами, уступившими ему свое право на Балтійское поморіе. Та же тема встрѣчается во всѣхъ печатныхъ статьяхъ и докладныхъ запискахъ Остзейскаго происхожденія, которыми вызвано было ходатайство Евангелическаго Союза. Усвоивая ее себѣ и давая ей мѣсто въ своемъ адресѣ, делегаты Союза тѣмъ самымъ какъ бы приглашали русское правительство обсудить ее вмѣстѣ съ ними и заявляли ему свою готовность представить дальнѣйшія объясненія въ доказательство юридической незаконности его дѣйствій. При этомъ неизбѣжно возникли бы вопросы о значеніи капитуляцій вообще, о силѣ оговорокъ, которыми сопровождалось ихъ утвержденіе, объ отношеніи провинціальнаго законодательства къ общему, и цѣлый рядъ другихъ однородныхъ вопросовъ, на которые довольно трудно было бы найти прямые отвѣты въ библейскихъ текстахъ. Съ первыхъ же словъ, программа делегатовъ неминуемо вывела бы ихъ изъ области духовно-религіозныхъ интересовъ въ область политики, отъ которой они повидимому отворачивались, и сами они конечно не могли этого не сознавать. Повторяю: починъ вмѣшательства въ домашнія наши дѣла, хотя бы подъ скромнымъ названіемъ заступничества [1]), фактически допущенъ, и въ этомъ случаѣ Крестовая Газета права. Можетъ

[1]) Съ легкой руки Евангелическаго Союза, заступничество, какъ, видно входитъ въ моду. Вотъ уже и доцентъ богословія при Дерптскомъ Университетѣ, Люткенсъ, въ предисловіи къ собранію своихъ проповѣдей, изданныхъ въ Лейпцигѣ (Seid fleissig zu halten die Einigkeit im Geiste.—P. edigten, zumeist in der Universitätskirche zu Dorpat etc. 1872), объясняетъ, что онъ своею публикаціею между прочимъ надѣется вызвать заступничество за лифляндскую церковь со стороны лютеранской церкви германской.

быть, принявъ первую депутацію, трудно было не принять второй; но не еще ли будетъ труднѣе, принявъ двѣ, отказать готовящейся третьей [1])? Во всякомъ случаѣ, лучше бы было не заманивать первой и не подавать повода приписывать нравственному давленію заграничной ассоціаціи того, что уже сдѣлано правительствомъ по собственной его иниціативѣ и что еще предстоитъ ему совершить для раскрѣпленія вѣрующихъ совѣстей.

Какъ исполнитель Высочайшей воли, подчинившись дѣйствительной или мнимой неизбѣжности пріема депутатовъ, князь Горчаковъ занялъ оборонительную позицію у самаго порога Россіи. Онъ встрѣтилъ делегатовъ Союза привѣтливо, выслушалъ ихъ терпѣливо, но съ твердымъ намѣреніемъ не пускать ихъ внутрь. Такимъ образомъ первая тема отвѣта подсказывалась самыми обстоятельствами. Стоило только не выходить изъ нея и отклонять обсужденіе ходатайства Евангелическаго Союза въ существѣ, не касаясь вовсе ни принципіальнаго вопроса о свободѣ совѣсти, ни фактическаго вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ она у насъ уважается. Кажется, что это было бы не только строго послѣдовательно, но и вполнѣ сообразно съ интересомъ защиты, ибо сказать, что наши законы и наша практика удовлетворяютъ требованіямъ личной свободы въ области религіозныхъ вѣрованій—запрещаетъ намъ совѣсть, а подойти къ вопросу: почему мы медлимъ исправленіемъ недостатковъ нами самими сознаваемыхъ?—значило бы ввести иностранцевъ, хотя бы въ качествѣ зрителей, въ домашнюю нашу законодательную лабораторію, безусловно закрытую для Русскихъ. Но князь Горчаковъ не ограничился простымъ устраненіемъ вмѣшательства, а въ отвѣтной рѣчи своей далъ мѣсто торжественному заявленію личныхъ убѣжденій Государя Императора по существу дѣла. Это вторая тема и вотъ въ какихъ словахъ она выражена: „Я сказалъ этимъ господамъ, что начала вѣротерпимости и свободы совѣсти составляютъ предметъ убѣжденій Вашего Императорскаго Величе-

[1]) Недавно одна иностранная газета извѣщала, что англійскій отдѣлъ Евангелическаго Союза отправилъ уже въ Петербургъ новый адресъ на имя Государя.

ства и что Вы постоянно изволите оставаться вѣрными примѣрамъ своихъ предковъ, убѣжденія которыхъ по этому предмету занесены на всѣ страницы исторіи Россіи; что въ этомъ отношеніи исторія моего отечества представляетъ явленіе, подобнаго которому мы найдемъ съ трудомъ [1]) въ лѣтописяхъ другихъ странъ по отношенію къ той же эпохѣ: наконецъ, что это одно изъ достославныхъ отличій Россіи, которое мы желаемъ сохранить".

Вѣротерпимостью, въ смыслѣ безпрепятственнаго допущенія иновѣрческихъ богослуженій, древняя Русь дѣйствительно опередила западную Европу; но едва ли мы можемъ хвалиться въ настоящую минуту уваженіемъ къ свободѣ совѣсти, когда у насъ существуютъ законы, карающіе вѣроотступничество и совращеніе какъ уголовныя преступленія. Этого факта, вызвавшаго вмѣшательство Евангелическаго Союза, отрицать нельзя, а потому и упрекъ на немъ основанный остается въ своей силѣ. Онъ только сваливается съ больной головы на здоровую. Странная судьба этихъ законовъ! Они изошли, какъ и всѣ прочіе, отъ единой власти самодержавной (Св. Зак. т. 1, ст. 47) и въ то же время, какъ видно изъ объясненій государственнаго канцлера, они находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ наслѣдственнымъ убѣжденіемъ царствующей династіи; у себя дома, мы не только обязаны подчиняться имъ, но не смѣемъ даже гласно порицать ихъ, такъ какъ они слывутъ за выраженіе Высочайшей воли, а тамъ, за границею, передъ делегатами Евангелическаго Союза, государственный канцлеръ слагаетъ съ династіи нравственную за нихъ отвѣтственность.

Кому же однако быть въ отвѣтѣ? Кто внушилъ эти законы, кто отстаиваетъ ихъ теперь и, какъ видно, съ успѣхомъ, противъ личныхъ убѣжденій неограниченнаго Самодержца? Извѣстно кто! Злонамѣренные люди, старорусская партія, и болѣе всѣхъ грекороссійская церковь! Она, давно утратившая даръ убѣжденія, цѣпляется за устарѣлые законы, обезпечивающіе ей первенство безъ борьбы, и страхомъ уголовныхъ наказаній удерживаетъ подъ собою паству на половину уже

[1]) Это не совсѣмъ правильно, но всетаки понятно.

извѣрившуюся въ ея святости—таково мнѣніе установившееся на Западѣ. Оно открыто высказывается во всѣхъ публикаціяхъ Остзейскаго происхожденія, оно же проглядываетъ въ европейскомъ адресѣ Евангелическаго Союза и, нельзя къ сожалѣнію не прибавить, оно найдетъ себѣ косвенное подтвержденіе въ отвѣтѣ нашего канцлера, ибо онъ не отразилъ обвиненія, а только отклонилъ его отъ династіи и тѣмъ самымъ открылъ ему дальнѣйшій путь.

Я думаю, что если бы на Таубенгеймскомъ свиданіи, кромѣ представителей убѣжденій протестантскаго міра и представителя убѣжденій династіи, случилось присутствовать представителю убѣжденій церковно-православныхъ, то послѣдній конечно далъ бы отъ себя дополнительное объясненіе, которымъ устранились бы препятствія м н и м ы я, будто бы мѣшающія осуществленію благихъ намѣреній верховной власти, и въ то же время выяснились бы д ѣ й с т в и т е л ь н ы я препятствія, обыкновенно упускаемыя изъ виду или преднамѣренно маскируемыя.

Церковь православная сама построена на свободѣ и потому ей нѣтъ причины бояться чьей либо и какой либо свободы. Для нея страшенъ не исходъ борьбы враждебныхъ силъ, свободно на нее наступающихъ, съ силами одинаково свободно обороняющими ее, а страшенъ покой бездѣйствія и безмолвія, въ упованіи на спеціальное покровительство, избавляющее отъ труда самозащиты и самоисправленія. Мы этому научились не изъ одного писанія и не изъ чужаго преданія, а изъ нашего собственнаго, полуторавѣковаго опыта и можемъ въ точности сказать во что обходится церкви такъ называемое верховное охраненіе ея догматовъ и соблюденіе въ ней правовѣрія и всякаго благочинія (Св. Зак. т. 1, ст. 42). Тотъ день, когда наконецъ снимутся заставы и караулы разставленные у выходовъ изъ церкви, будетъ для нея началомъ не разложенія, а возрожденія, ибо раскрѣпляя личную совѣсть, правительство, конечно, не забудетъ, что одинаковое право на свободу и одинаковую въ ней потребность имѣетъ и коллективная совѣсть вѣрующихъ, иначе с о в ѣ с т ь Ц е р к в и. Правда она утратитъ спеціальное покровительство власти, но въ то же время выйдетъ изъ подъ ея спеціальной, мертвящей опеки

и получитъ опять свободу самозащиты, свободу проповѣди, свободу внутренняго строенія.

Вотъ что бы могъ сказать представитель убѣжденій православныхъ. Тѣсная, неразрывная связь вопроса о раскрѣпленіи личной совѣсти съ вопросомъ о раскрѣпленіи совѣсти церковной несомнѣнно сознается правительствомъ и едва ли не въ этомъ сознаніи кроется главная причина поразительной безплодности династическихъ убѣжденій, заявленныхъ нашимъ канцлеромъ. Дѣло въ томъ, что ощущать нѣкотораго рода смущеніе передъ лицемъ Евангелическаго Союза, даже желать искренно избавиться отъ тяжелой обязанности карать вѣроотступниковъ, далеко еще не то, что вѣрить въ свободу совѣсти и что любить ее какъ должно, то есть безъ подразумѣваемыхъ оговорокъ, подчиняясь добровольно всѣмъ тѣмъ условіямъ, безъ которыхъ она немыслима.

Перехожу къ третьей темѣ. Чувство уваженія къ добросовѣстности Евангелическаго Союза, такъ безцеремонно употребляемой во зло Остзейскими его вдохновителями, побудило князя Горчакова предостеречь делегатовъ противъ излишней довѣрчивости, съ которою они принимали и повторяли сказанія балтійскаго происхожденія [1]). Къ сожалѣнію, эта тема за-

---

[1]) Вотъ между прочимъ довольно курьезный примѣръ изъ новѣйшихъ. Въ числѣ многихъ воззваній отъ разныхъ вѣтвей Евангелическаго Союза, вышедшихъ въ 1870 году, особеннымъ богатствомъ собранныхъ противъ насъ уликъ отличается воззваніе Эдварда Стена, почетнаго секретаря распорядительнаго совѣта англійской вѣтви, составленное имъ по порученію совѣта. Въ этомъ воззваніи заявляется между прочимъ «что б о л ь ш а я ч а с т ь мѣстнаго народонаселенія Остзейскихъ губерній, по происхожденію, п р и н а д л е ж и т ъ к ъ н ѣ м е ц к о м у п л е м е н и и что Латыши и Эсты, въ сущности, тѣже Нѣмцы, только не владѣющіе нѣмецкимъ языкомъ». Ученый авторъ, къ сожалѣнію, не объяснилъ читателямъ, какимъ образомъ случилось, что сами Остзейскіе Нѣмцы, до послѣдняго времени называвшіе Латышей и Эстовъ н е - Н ѣ м ц а м и (Undeutsche), проглядѣли это племенное родство. Въ приложеніяхъ, подъ рубрикою «общіе (Русскіе) законы» смѣшиваются два преступленія: совращеніе, или отвлеченіе отъ вѣры, съ отступленіемъ отъ нея, и наказанія, опредѣленныя за первое, относятся ко второму. Затѣмъ слѣдуютъ такъ называемые факты, точнѣе: сказанія почерпнутыя изъ изданій Бокка, Эккарта, Гарлеса, и изъ ч а с т н ы х ъ с о о б щ е н і й. Въ томъ же воззваніи упоминается о свѣдѣніяхъ, полученныхъ членами Союза отъ лицъ подвергающихся преслѣдованіямъ, съ которыми они состояли въ перепискѣ. Теперь же насъ увѣряютъ, что Остзейцы

тронута мимоходомъ и не обставлена никакими указаніями. Подобрать ихъ было бы, конечно, очень не трудно, но чтобъ ссылаться на факты нужно ихъ знать, а въ этомъ отношеніи адвокатъ Россіи былъ очевидно менѣе подготовленъ къ состязанію, чѣмъ ея обвинители. Мы едва ли ошибемся, предположивъ, что онъ не читалъ ни рапортовъ жендармскаго полковника Гильдебранда (въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ), ни переписки графа Протасова съ професоромъ Розенбергомъ, ни отчетовъ четырехъ рижскихъ епископовъ, ни популярныхъ изданій, выходящихъ на латышскомъ и эстскомъ языкахъ, подъ редакціею пасторовъ. Само собою разумѣется, что не дѣло государственнаго канцлера рыться въ архивахъ другихъ вѣдомствъ и въ старыхъ, давно забытыхъ газетахъ; но если бы тѣ министерства, въ рукахъ которыхъ сосредоточены всѣ данныя, нужныя для возстановленія правды, безнаказанно извращаемой Остзейскими публицистами, заблаговременно, въ виду предстоявшихъ объясненій съ делегаціею, припасли для адвоката Россіи оружіе, равносильное тому, какимъ снабжается Евангелическій Союзъ изъ Остзейскихъ арсеналовъ, тогда Таубенгеймская бесѣда приняла бы вѣроятно нѣсколько иной оборотъ.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не высказать глубокой призна-

не принимали никакого участія въ подготовленіи депутаціи Евангелическаго Союза, не вызывали его вмѣшательства и даже не одобряли его. Въ числѣ фактовъ, выдаваемыхъ за достовѣрные, помѣщено между прочимъ сказаніе о томъ, какъ въ Оппекальнскомъ приходѣ православный священникъ насильно пріобщилъ одну дѣвушку. По его приказанію, ее привлекли въ алтарь (женщину!) всунули ей въ ротъ причастіе (всунули!) и заставили проглотить. Далѣе повѣствуется, что когда раскольники стали сговариваться не пить вина, правительство предписало всѣмъ клятвенно обязавшимся соблюдать обѣтъ воздержанія, ихъ женамъ, сыновьямъ и дочерямъ, непремѣнно пить вино и что ихъ плетьми и палками загоняли въ кабаки, гдѣ имъ вливали въ горло вино, что правительство начало заботиться о пріученіи къ вину малыхъ дѣтей и т. д. Всю эту дребедень серьезный, добросовѣстный Англичанинъ, пользующійся всеобщимъ, заслуженнымъ уваженіемъ (онъ участвовалъ въ послѣдней депутаціи), не подозрѣвая какъ его морочатъ, подбираетъ по крупинкамъ, сортируетъ, переводитъ, печатаетъ на отличной бумагѣ, отборнымъ шрифтомъ, и распространяетъ на весь міръ. Г. ф. Боккъ, въ свою очередь, переводитъ его записку на нѣмецкій языкъ. Все годится, кто нибудь да повѣритъ, а опровергать некому.

тельности князю Горчакову и за то, что онъ первый рѣшился во всеуслышаніе назвать ложь ложью и клевету клеветою. Произнесенный имъ приговоръ, хотя и голословный, имѣлъ свою несомнѣнную цѣну, какъ актъ гражданскаго мужества, и, какъ мы сейчасъ увидимъ, остался не безъ ближайшихъ послѣдствій. Слова нашего канцлера задѣли делегатовъ Союза за живое, приняты были, если не всѣми, то нѣкоторыми изъ нихъ, за вызовъ и послужили поводомъ къ наряду дознанія на мѣстахъ. Такимъ образомъ, процессъ правительства съ Евангелическимъ Союзомъ вступилъ въ новый фазисъ.

Дознаніе на мѣстахъ.

Я долженъ попросить читателей вооружиться терпѣніемъ и прочесть слѣдующій, почти буквально переведенный съ нѣмецкаго отчетъ Швейцарца Вурстембергера, обнародованный имъ въ Аугсбургской Газетѣ (1872, Nr. 73 и 74) [1]).

„Бернъ 18 февраля.—Въ послѣднихъ мѣсяцахъ прошлаго года и въ теченіе января (1872 года) я объѣхалъ русскія Остзейскія провинціи съ цѣлью изслѣдовать своими глазами настоящее положеніе дѣлъ по отношенію къ тамошнимъ вѣроисповѣднымъ обстоятельствамъ. Поѣздка моя была послѣдствіемъ тѣхъ выраженій, въ которыхъ имперскій канцлеръ князь Горчаковъ, отвѣчая депутаціи Евангелическаго Союза въ Фридрихсгафенѣ, упрекнулъ ее въ томъ, будто бы она рѣшилась на сдѣланный ею шагъ, единственно на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ нечистыхъ, пристрастныхъ источниковъ и потому возбуждающихъ сомнѣніе въ ихъ точности.

„Хотя депутація основывалась преимущественно на донесеніи графа Бобринскаго 1864 года и хотя я самъ, не далѣе какъ въ 1870 году, нарочно объѣхалъ часть Остзейскихъ губерній, чтобъ удостовѣриться въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ (при чемъ я убѣдился, что большая часть неустройствъ (Uebelstände),

[1]) Послѣ этого отчета г. Вурстембергеръ издалъ цѣлую книгу о своей поѣздкѣ. Къ сожалѣнію, я не могъ добыть ея въ пору и даже узналъ объ ней только тогда, когда этотъ выпускъ былъ уже оконченъ.

которыя порицалъ графъ Бобринскій, въ то время все еще продолжалась), хотя наконецъ и другой членъ депутаціи, лѣтомъ 1871 года, передъ самымъ съѣздомъ, также посѣтилъ Остзейскія губерніи и привезъ оттуда новыя подтвержденія того же, однако государственный канцлеръ, повидимому, не хотѣлъ помириться съ мыслью, чтобъ мы могли выступить впередъ руководствуясь чѣмъ либо инымъ, кромѣ пристрастныхъ сообщеній, при чемъ онъ конечно имѣлъ въ виду преимущественно изданія Бокка, Ширрена и Эккарта.

„Въ отвѣтъ на это, приличнѣе всего было одному или нѣсколькимъ членамъ Союза предпринять поѣздку на мѣста, по предварительномъ оповѣщеніи русскаго правительства о ея цѣли, и, собственнымъ наблюденіемъ, въ виду всего свѣта, удостовѣриться въ какомъ положеніи находятся тамъ вѣроисповѣдныя дѣла въ настоящую минуту.

„Немедленно были сдѣланы нужныя распоряженія для полученія разрѣшенія на это отъ русскаго правительства, которое дало его съ слѣдующею, положительно выраженною оговоркою: чтобы предпринимающій поѣздку съ заявленною цѣлью отнюдь не выдавалъ себя за депутата иностранной корпораціи, но держалъ бы себя какъ частное лице; подъ этимъ условіемъ, вся имперія будетъ открыта для свободныхъ его объѣздовъ.

„Тѣмъ временемъ, въ иностранныхъ газетахъ появилось донесеніе князя Горчакова Государю Императору, изъ Фридрихсгафена, отъ 16 іюля. Обнародованіе его придало предположенной поѣздкѣ характеръ вынужденнаго дѣйствія, такъ какъ Евангелическій Союзъ глубоко о с к о р б и л с я тономъ этого донесенія и повтореніемъ въ немъ, передъ читающею публикою всего образованнаго міра, вышеупомянутаго упрека [1]).

„Итакъ, въ исходѣ октября, я выѣхалъ изъ Швейцаріи. Въ Берлинѣ присоединился ко мнѣ товарищъ мой г. фонъ Штейгеръ, также уроженецъ Бернскій и членъ Евангелическаго Союза; около половины ноября, въѣхалъ я въ русскую импе-

[1]) Еще бы не оскорбиться! Пусть бы они оглашали про насъ всякія небылицы—это бы куда ни шло; наше дѣло слушать, молчать и имъ не мѣшать, а тутъ мы сами въ первый разъ вздумали оглашать! Откуда взялась у насъ такая дерзость!

рію и въ Балтійскія ея провинціи, объѣхалъ къ ряду Курляндію, Лифляндію и Эстляндію и оттуда пробрался одинъ въ Петербургъ, безъ спутника моего, который разстался со мною въ Дерптѣ.

„Я выказалъ бы крайнюю неблагодарность, если бы теперь же не выразилъ искренней моей признательности россійскимъ императорскимъ властямъ за утонченную обходительность ихъ обращенія съ нами. Мало того, что со стороны полиціи мы не встрѣтили никакихъ препятствій въ нашихъ изслѣдованіяхъ и что не было даже сдѣлано ни малѣйшей попытки повліять на насъ, но даже, какъ я узналъ впослѣдствіи, изъ Петербурга даны были самыя точныя приказанія, не только ни въ чемъ намъ не мѣшать и никоимъ образомъ не тревожить насъ, а напротивъ, предписано было полиціи повсемѣстно оказывать намъ всякое содѣйствіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда бы мы этого пожелали [1]). Равномѣрно, и всѣ должностныя лица, съ которыми мы имѣли сношенія, оказывались людьми необычайно любезными и услужливыми (ungemein liebenswürdig und gefällig) и я теперь этимъ путемъ шлю имъ нашу горячую признательность. Не могу не выразить того же чувства гг. членамъ православнаго духовенства, которыхъ я посѣщалъ въ разныхъ мѣстахъ, за дружескій ихъ пріемъ и полной моей благодарности за откровенность, съ которою они передо мною высказывались. Благодаря ихъ обязательнымъ сообщеніямъ, освѣтились для меня многіе предметы, посреди которыхъ я прежде бродилъ во тьмѣ, подъ вліяніемъ одностороннихъ изображеній.

„Сводя главные результаты моихъ изслѣдованій, я начинаю съ самаго важнаго предмета, бывшаго цѣлью моей поѣздки,

[1]) Я могу къ этому прибавить, что въ разъѣздахъ своихъ г. Вурстембергеръ, знакомясь съ православными священниками, часто рекомендовался имъ именемъ русскаго жандармскаго полковника Андріанова. Стало быть, первое слово правительства было: «Знайте, что вы не уполномоченные, не делегаты, а простые туристы», но затѣмъ оно не утерпѣло и прибавило: «однако, полиція и мѣстныя власти отдаются въ ваше распоряженіе». Обыкновеннымъ туристамъ такого почета, кажется, не оказываютъ. Намъ, Русскимъ, у себя дома, запрещаютъ порицать мѣры правительства, а иностранца, пріѣзжающаго въ Россію съ заявленною цѣлью собрать справки для обличенія государственнаго канцлера, жандармы берутъ подъ свое покровительство. Хороша логика!

именно съ вопроса о возвратѣ въ лютеранство тѣхъ православныхъ обывателей Остзейскихъ провинцій, которые, въ сороковыхъ годахъ, по выраженію графа Бобринскаго, „офиціальнымъ обманомъ“ [1]) переведены были въ греческую церковь, которые потомъ сами, или которыхъ потомки ощутили настоятельную потребность вернуться къ вѣрѣ своихъ предковъ и которыхъ не допускаетъ до этого русскій законъ, воспрещающій выходъ изъ грекоправославной государственной церкви Россіи подъ страхомъ строжайшихъ уголовныхъ наказаній.

„Извѣстно, что графъ Бобринскій, въ отчетѣ своемъ 1864 года, насчитывалъ въ Лифляндіи 140 тысячъ членовъ православной церкви, изъ коихъ едва десятая часть желала въ ней оставаться. По его же словамъ, онъ долженъ былъ въ то время отвѣчать отказомъ на всѣ просьбы о разрѣшеніи имъ перейти въ лютеранство и крестить по лютеранскому чину дѣтей происходящихъ отъ разновѣрныхъ родителей.

„Съ тѣхъ поръ, конечно, послѣдовало повелѣніе православному духовенству, передъ совершеніемъ смѣшанныхъ браковъ, не требовать письменнаго обязательства крестить и воспитывать дѣтей въ православной церкви; но еще весною

[1]) О рапортѣ графа Бобринскаго я уже говорилъ какъ о свидѣтельствѣ недостаточнаго знакомства съ фактами при излишней поспѣшности въ сужденіяхъ; впослѣдствіи мнѣ не разъ еще придется оспаривать и дополнять его, но въ настоящемъ случаѣ, я долженъ за него заступиться. Того, что вычиталъ въ немъ г. Вурстембергеръ, въ рапортѣ положительно нѣтъ. Никогда и никого графъ Бобринскій не обвинялъ въ сознательномъ употребленіи обмана *какъ средства* для подговора лютеранъ къ переходу въ православіе. Вообще, онъ говорилъ о томъ, что̀ видѣлъ и слышалъ самъ, а не о томъ, что̀ происходило за двадцать лѣтъ до его командировки. „Офиціальнымъ обманомъ“ онъ назвалъ православную церковь въ Лифляндіи, разумѣя подъ этимъ, что, какъ мѣстное учрежденіе, она представилась ему не живою существенностью, а призракомъ, не свободнымъ явленіемъ единовѣрія въ обществѣ, а чѣмъ то въ родѣ декораціи, и, въ этомъ смыслѣ, наблюденія его содержатъ въ себѣ *нѣкоторую* долю правды. То же самое можно бы было сказать о бывшихъ нашихъ засѣдателяхъ отъ крестьянъ въ низшихъ судебныхъ инстанціяхъ, о теперешнемъ крестьянскомъ самоуправленіи въ Лифляндіи; наконецъ и тамошнюю протестантскую церковь графъ Бобринскій несомнѣнно назвалъ бы также офиціальнымъ обманомъ въ сороковыхъ годахъ, еслибъ онъ видѣлъ какъ рвались изъ нея Латыши и Эсты.

1870 года, проѣзжая черезъ Лифляндію, я часто слышалъ жалобы на священниковъ, прибѣгавшихъ къ всевозможнымъ предлогамъ, чтобъ отказывать въ вѣнчаніи тѣмъ разновѣрнымъ четамъ, которыя не хотѣли давать подписокъ[1]). Съ другой стороны, узналъ я, что грекоправославные часто пріобщались въ протестантскихъ церквахъ, стало быть, допускались къ причастію тайно и безъ всякаго на то права; что за таковое ихъ допущеніе, не задолго еще, многіе протестантскіе пасторы подвергались отрѣшенію отъ должности, а еще большее число находилось подъ тягостью судебнаго обвиненія, но что затѣмъ начали относиться къ тайному пріобщенію снисходительно и молча, какъ будто не замѣчая происходившаго, вслѣдствіе чего указанные случаи стали повторяться довольно часто. Однако, въ то время, не было еще и рѣчи о гласномъ заявленіи переходовъ.

„Въ такомъ положеніи было дѣло въ то время, когда князь Горчаковъ утверждалъ передъ депутаціею Евангелическаго Союза, въ Фридрихсгафенѣ, что греческая церковь не пропагандируетъ[2]), что не было никакихъ ни притѣсненій, ни преслѣдованій за вѣру и т. п. При этомъ онъ говорилъ о крестьянахъ Остзейскихъ провинцій, какъ о сословіи отверженцевъ (paria classe), которыхъ Балтійскіе Нѣмцы будто бы угнетали и держали въ грубомъ невѣжествѣ и которые теперь только, мало-по-малу, возвышались до сознанія своего человѣческаго достоинства, благодаря исключительно попеченію объ нихъ Государя Императора и русскаго правительства. Во время прежнихъ, довольно частыхъ моихъ разъѣздовъ по Остзейскимъ провинціямъ, я уже успѣлъ достаточно удостовѣриться въ прямо противоположномъ; тѣмъ не менѣе,

---

1) Совершенно то же дѣлали лютеранскіе пасторы до тѣхъ поръ, пока передъ вѣнчаніемъ требовалась подписка о воспитаніи дѣтей въ православной вѣрѣ. Въ то время, жалобы на пасторовъ, по поводу ихъ противодѣйствія смѣшаннымъ бракомъ, насчитывались сотнями (нѣкоторые подобные случаи приведены въ приложеніи I).

2) Я уже объяснилъ, почему эти приписываемыя князю Горчакову слова кажутся мнѣ сомнительными. Сказать про церковь, что она не пропагандируетъ, то же самое, что сказать про армію, что она никогда не выводится на войну, или про флотъ, что онъ избѣгаетъ моря.

эти заявленія князя Горчакова побудили меня въ послѣднюю поѣздку, которую я предпринялъ, такъ сказать, въ глазахъ русскаго правительства, расширить кругъ моихъ наблюденій и, кромѣ вѣроисповѣднаго вопроса, принять къ разсмотрѣнію и другіе предметы, а именно: развитіе большинства сельскаго населенія, условія, имѣющія на него рѣшительное вліяніе, каковы: школы, взаимныя отношенія крупныхъ землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, національныя стремленія и т. д. Все это впрочемъ находится въ тѣснѣйшей связи съ положеніемъ дѣлъ по части вѣроисповѣдной [1]). Къ тому же, я въ этомъ случаѣ послѣдовалъ лишь совѣту газеты „Голосъ“, которая, въ маѣ прошлаго года, заявляла, что прежде чѣмъ отправлять отъ себя депутатовъ къ Государю, не мѣшало бы Евангелическому Союзу послать кого нибудь изъ своихъ членовъ въ Остзейскія губерніи, дабы тамъ, на мѣстѣ, обнаружить ту возмутительную неправду, которую Нѣмцы прикрываютъ названіемъ Балтійскаго вопроса. Вообще, именно „Голосъ“ болѣе, чѣмъ кто либо, побудилъ меня предпринять мою поѣздку, тѣмъ, во-первыхъ, что онъ заподозрѣвалъ Балтійскихъ Нѣмцевъ въ той же статьѣ своей, выставляя ихъ настоящими зачинщиками вмѣшательства Евангелическаго Союза; далѣе тѣмъ, что онъ же (т. е. Голосъ) постоянно исходилъ изъ предположенія будто бы мы, члены Союза, почерпали наши свѣдѣнія о Балтійскихъ дѣлахъ исключительно изъ публикацій Бокка и Ширрена; наконецъ тѣми своими выраженіями, въ которыхъ онъ, говоря о фридрихсгафенской депутаціи, увѣрялъ читателей, будто бы она несомнѣнно потерпѣла полнѣйшую неудачу. Въ этомъ случаѣ, Голосъ основывалъ свое увѣреніе на томъ только, что государственному канцлеру разсудилось вообразить себѣ и донести Государю, будто бы сама депутація сознала свой неуспѣхъ. Эта же дерзкая выходка Голоса (anmaassendes Auftreten) побудила меня, тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, 12 октября прошлаго года, обратиться въ редакцію съ письмомъ, которое въ послѣднемъ, прошлогоднемъ № Голоса (31 декабря) было напечатано, по увѣ-

[1]) Наряженное надъ нами слѣдствіе, какъ видятъ читатели, мало-по-малу расширяется и къ вѣроисповѣдному вопросу прицѣпляется цѣлый рядъ другихъ, не менѣе важныхъ.

ренію редакціи отъ слова до слова, на самомъ же дѣлѣ съ перемѣнами и пропусками.

„Главные факты, въ которыхъ я, во время моей поѣздки, имѣлъ случай удостовѣриться, заключаются въ слѣдующемъ. Въ Остзейскихъ провинціяхъ, всякое преслѣдованіе обращенныхъ въ православную вѣру въ прежнее время и нынѣ переходящихъ обратно въ протестантство фактически прекратилось, притомъ вслѣдствіе рѣшительнаго повелѣнія, даннаго Государемъ рижскому и митавскому епископу Веньямину въ Іюнѣ 1870 года, непосредственно вслѣдъ за пріемомъ первой депутаціи союза, отъ Французскаго его отдѣла, въ виллѣ Бергъ, близъ Штутгарта [1]). Этимъ Государь доказалъ, что государственный канцлеръ говорилъ правду, когда онъ заявлялъ намъ „что его Величество, по убѣжденію, стоитъ за свободу совѣсти“ [2]). Впрочемъ эти слова приняты были всею Россіею съ радостнымъ чувствомъ, котораго никто не скрывалъ, и это обстоятельство свидѣтельствуетъ противъ почти повсемѣстно принятаго мнѣнія, будто бы въ Россіи невозможно провозгласить открыто свободу совѣсти. Правда, отъ грекороссійскаго духовенства поступаютъ и теперь жалобы на пасторовъ, допускающихъ къ причастію, по чину протестантскому, членовъ православной церкви; эти жалобы почти всегда пробѣгаютъ обыкновенный путь черезъ всѣ инстанціи; онѣ поступаютъ сперва къ православному архіепископу, который препровождаетъ ихъ къ губернатору, а губернаторъ, въ свою очередь, обращаетъ ихъ въ лютеранскую консисторію для принятія дисциплинарныхъ мѣръ противъ указан-

[1]) Опять ссылка на распущенное Остзейцами лжесказаніе о Динабургскомъ свиданіи Государя съ преосвященнымъ рижскимъ! — А впрочемъ, кто знаетъ: можетъ быть окажется, что Остзейцы и тутъ ни причемъ? Можетъ быть и этотъ слухъ зародился безъ ихъ вѣдома, какъ нибудь самъ собою, въ Шотландіи или въ Ньюіоркѣ?

[2]) Желательно бы наконецъ выяснить: кто же у насъ противится признанію и провозглашенію свободы совѣсти? Оказывается, что Государь по ней вздыхаетъ на заграничныхъ водахъ, государственный канцлеръ за нее распинается, московская дума объ ней ходатайствуетъ (въ адресѣ „который не былъ принятъ), всѣ наши газеты безъ исключенія относятся къ ней сочувственно. Бо́льшаго русское общество сдѣлать не можетъ: законодательная власть не въ его рукахъ.

ныхъ духовныхъ лицъ. Но въ Сентябрѣ 1870 года лифляндская лютеранская консисторія формально объявила правительству, что она впредь не будетъ привлекать пасторовъ къ отвѣтственности по дѣламъ этого рода, такъ какъ уже перестали преслѣдовать самихъ принимающихъ причастіе; съ этого времени, консисторія просто подшиваетъ къ дѣламъ поступающія къ ней жалобы и никакихъ дальнѣйшихъ запросовъ по этому поводу не бываетъ [1]). Послѣдствіемъ этого было то, что съ Сентября 1870 года, обращавшіеся въ лютеранство, сперва въ очень ограниченномъ числѣ, а потомъ въ числѣ постоянно возраставшемъ, стали официально заявлять мѣстнымъ судамъ о переходѣ своемъ въ лютеранскую церковь и требовать занесенія своихъ объявленій въ протоколы. Правда, въ Іюнѣ текущаго года, сдѣлана была слабая попытка [2]) со стороны лифляндской администраціи остановить занесеніе въ протоколы преходовъ изъ православія въ лютеранство, но это ни къ чему не повело, ибо теперь дѣло дошло до того, что большинство пасторовъ совершенно открыто, въ присутствіи собранной протестантской общины, даетъ конфирмацію православнымъ въ церкви, по обученіи ихъ правиламъ вѣры, и пріобщаетъ ихъ, предварительно объявивъ о томъ во всеуслышаніе съ каѳедры [3]). Такимъ образомъ положенъ конецъ

[1]) За оглашеніе этого факта нельзя не поблагодарить автора. Стало быть, лютеранская, лифляндская консисторія объявила прямо и рѣшительно, что она дѣйствующаго закона исполнять не будетъ. Въ первую минуту, насъ это вѣроятно нѣсколько озадачило и мы скромно замѣтили, „что нельзя же однако такъ безцеремонно"...—но прежде чѣмъ мы подобрали мягкую форму для выраженія нашего недоумѣнія, намъ отвѣтили изъ Риги, что такъ можно и что такъ должно, и тогда мы конечно притихли. Вотъ урокъ нашей высшей іерархіи, все еще воображающей себѣ, что, подчиняясь безпрекословно, не говорю законамъ, а какимъ нибудь самопроизвольнымъ генералъ-губернаторскимъ распоряженіямъ, можно выслужить для церкви благоволеніе власти. Этимъ способомъ выслуживается только ея пренебреженіе.

[2]) Съ нѣкотораго времени, на всѣхъ нашихъ окраинахъ, все какъ то выходитъ у насъ слабо. Не попытаться постоять за законъ, за право или достоинство правительства, все таки нельзя; но пытаясь, мы съ перваго же слова даемъ чувствовать, что сами не вѣримъ въ успѣхъ нашей попытки и готовы спасовать. Таковы же были наши попытки по введенію русскаго языка въ официальное дѣлопроизводство.

[3]) Стало быть, фактически, установилось новое право свободнаго отреченія

тайному принятію переходившихъ, этому злоупотребленію плодившему нравственный развратъ [1]). По извѣстіямъ, полученнымъ мною изъ совершенно достовѣрнаго источника, теперь уже болѣе 30 т. членовъ грекороссійской церкви вернулось такимъ образомъ въ лютеранство [2]). Меня увѣряло въ этомъ одно высокопоставленное лице, притомъ русскаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія [3]). Крещеніе младенцевъ по лютеранскому чину, какъ рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ, такъ зачастую и дѣтей православныхъ родителей, принадлежитъ къ числу самыхъ обычныхъ явленій и не встрѣчаетъ ни малѣйшаго затрудненія. Преслѣдованія по этому поводу со стороны православнаго духовенства имѣютъ еще мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается обывателей другихъ губерній, хотя бы они имѣли жительство въ Остзейскихъ. Такъ, напримѣръ, Витебскіе уроженцы обвѣнчанные въ 1865 году, Индрикъ Озолингъ и Эдда Пуцвацестъ, въ 1866 году, окрестили своего сына по нуждѣ (Noththaufe) въ лютеранство и, чтобъ избѣгнуть начавшагося противъ нихъ преслѣдованія, бросили все, чѣмъ владѣли въ Витебской губерніи, и перебѣжали въ Лифляндію, гдѣ кормились поденною работою; но преслѣдованіе всетаки продолжалось, и дѣло велъ протестантъ, ассесоръ судебнаго мѣста, къ стыду

отъ господствующей вѣры, и это право было не даровано, а взято. Читатели теперь видятъ, какъ просто и легко происходитъ въ Лифляндіи переходъ изъ православія въ лютеранство; въ pendant къ этому, въ приложеніи II, они найдутъ краткій перечень тѣхъ формальностей, которыми обставлена была перемѣна вѣры въ то время, когда народъ просился изъ лютеранства въ православіе. Прошу читателей взять на себя трудъ сравнить обѣ процедуры и затѣмъ рѣшить: не лучше ли бы было для православной церкви отказаться отъ такъ называемаго господства и отъ покровительства власти? Не мѣшало бы подумать объ этомъ нашей духовныхъ дѣлъ коллегіи, иногда приравнивающей себя къ постоянному помѣстному собору.

[1]) Да! но одновременно положено было начало самовольному, явному и вполнѣ сознательному нарушенію цѣлымъ сословіемъ дѣйствующихъ законовъ Имперіи.

[2]) Въ два года тридцать тысячъ! Тутъ видно переходъ массами никому не страшенъ и не противенъ, не то что въ сороковыхъ годахъ, когда массы стремились въ нашу сторону.

[3]) Не могу не позавидовать заѣзжему Швейцарцу. Я такъ сколько ни старался, ни отъ кого подобныхъ свѣдѣній добиться не могъ.

его будь сказано [1]). Въ концѣ Апрѣля прошлаго года, чета Озолинговъ схвачена была силою въ томъ мѣстѣ, гдѣ она нашла себѣ убѣжище; мужъ, вдобавокъ еще связанный, отведенъ былъ въ Динабургскую крѣпость и тамъ онъ и жена его приговорены были къ 8-ми мѣсячному заключенію. Стало быть, они сидѣли въ тюрьмѣ въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ Государь далъ приказаніе архіепископу прекратить въ Остзейскихъ провинціяхъ всякое преслѣдованіе по дѣламъ вѣры, и въ то самое время, когда государственный канцлеръ увѣрялъ депутацію Евангелическаго Союза, что въ Россіи никого не преслѣдуютъ по дѣламъ вѣры. Конечно, Озолинги приписаны не къ Остзейскимъ губерніямъ; они Витебскіе Латыши [2]). Но если въ Остзейскихъ губерніяхъ не преслѣдуютъ обращенныхъ въ прежнее время въ православіе и переходящихъ нынѣ въ лютеранство, то, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, иначе поступаютъ съ лицами, рожденными въ православной церкви, чему доказательствомъ служитъ дѣло очень недавно происходившее въ Ейхенангернѣ, Меттмер-

---

[1]) Постыдность поступка заключается въ томъ, что чиновникъ, обязанный оберегать законъ, не смолчалъ при видѣ его нарушенія. Это сужденіе напоминаетъ намъ статью изъ Курляндіи, напечатанную въ Hamburg. Correspond. 12 августа 1871 года № 188. Въ ней значится буквально, по поводу производящейся нынѣ на счетъ казны постройки православныхъ церквей въ Лифляндіи и на островѣ Эзелѣ: „стыдно сказать — Нѣмцы, архитекторы и плотники, производятъ эти постройки"!—Извѣстно, что православныя церкви, построенныя въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, очень скоро дали трещины и стали разваливаться. Не оттого ли, что въ тогдашнихъ строителяхъ проснулась протестантская совѣсть? Можетъ быть они захотѣли, негодностью своей работы и поставляемаго въ казну матеріала, искупить до нѣкоторой степени свое участіе въ постыдномъ дѣлѣ сооруженія православныхъ храмовъ?

2) На сей разъ, извѣстіе оказывается вѣрнымъ. Дѣйствительно, Озолинги, мужъ и жена, Динабургскимъ уѣзднымъ судомъ, 25 февраля, 1871 года, были приговорены на основаніи ст. 190 Улож. къ 8-ми мѣсячному тюремному заключенію. Лифляндская православная консисторія, предварительно разсматривавшая это дѣло, взглянула на него съ той же точки зрѣнія, да и могла ли она смотрѣть на него иначе, когда бракъ происходилъ внѣ Лифляндіи и когда, передъ вѣнчаніемъ, отобрана была требуемая закономъ подписка о непремѣнномъ крещеніи дѣтей въ православной вѣрѣ?—Вотъ къ чему ведетъ установленіе мѣстныхъ привилегій, для отдѣльно взятыхъ губерній, въ дѣлахъ общаго законодательства, и новоизобрѣтенный, не бывалый доселѣ способъ отмѣны дѣйствующихъ законовъ, потихоньку отъ Россіи, тайнымъ манеромъ, безъ огласки.

скаго (?) округа. Въ этомъ округѣ, православный священникъ долго и упорно отказывалъ подъ разными предлогами разновѣрной четѣ въ благословеніи брака. Вслѣдствіе этого, женихъ и невѣста придумали слѣдующее средство: въ присутствіи многихъ свидѣтелей, они публично назвали себя мужемъ и женою, зажили вмѣстѣ, и отъ этого гражданскаго брака родилось у нихъ нѣсколько дѣтей. Православный священникъ нѣсколько разъ на нихъ жаловался и Меттмерскій орднунгсгерихтъ три раза насильно ихъ разлучалъ и бралъ подъ арестъ, но рижскій ландгерихтъ выпускалъ ихъ, послѣ чего они опять соединялись. Наконецъ, священникъ обѣщалъ имъ повѣнчать ихъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы жена, Анна Ганъ, предварительно дала въ православной церкви клятвенное обѣщаніе, подъ страхомъ уголовнаго наказанія (einen peinlichen Eid) никогда не переходить въ протестантство. Доведенная до отчаянія непрестаннымъ преслѣдованіемъ, она наконецъ дала клятву, при чемъ прибавила, что отнынѣ священникъ лишилъ ее спасенія и духовнаго утѣшенія. И что же? Какъ только она присягнула, священникъ объявилъ ей рѣшительно, что онъ всетаки не обвѣнчаетъ ее до тѣхъ поръ, пока она не приведетъ къ миропомазанію всѣхъ прижитыхъ ею дѣтей и не дастъ подписки съ обязательствомъ крестить по чину православной церкви дѣтей, могущихъ родиться отъ нея впослѣдствіи [1]). Въ такомъ положеніи находится эта чета и теперь вопреки Высочайшему повелѣнію.

„Подобные случаи, въ предѣлахъ Остзейскихъ провинцій, представляютъ рѣдкія, совершенно изолированныя явленія, но они принадлежатъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ между исповѣдующими православную вѣру Латышами и Нѣмцами, жительствующими въ большомъ числѣ въ смежныхъ губерніяхъ, Псковской, Витебской, Ковенской и Виленской. Тамъ, грекоправославная пропаганда идетъ прежнимъ обычнымъ, своимъ чередомъ. Напримѣръ, въ Псковской, всякій священникъ получаетъ трехрублевую премію за всякую пріобрѣ-

[1]) По свидѣтельству двухъ Ейхенангернскихъ священниковъ, нынѣ состоящаго въ этомъ приходѣ и его предшественника, ничего подобнаго при нихъ не происходило, такъ что не было даже повода прибѣгать къ описаннымъ угрозамъ и обманамъ.

тенную имъ для греческой церкви отъ другаго вѣроисповѣданія душу, хотя бы въ послѣднюю минуту ея земной жизни, стало быть получаетъ почти столько же, сколько въ Лифляндіи выдается церковными попечителями наградныхъ денегъ за каждаго убитаго, матераго волка. Эта подушная премія считается секретомъ, но ни для кого не составляетъ тайны [1]). При подобномъ порядкѣ вещей, происшествія, въ родѣ извѣстной исторіи псковскаго пастора Гесса съ помѣщикомъ Рейхардомъ въ Великихъ Лукахъ [2]), очень естественны. Но вотъ что непостижимо: извѣстно, что вообще всякая мысль о дарованіи Остзейскимъ провинціямъ какого либо преимущества передъ прочими областями имперіи встрѣчается съ какимъ-то боязливымъ отвращеніемъ (Scheu) [3]); какъ же не рѣшается

[1]) Эта подушная премія есть гнусная клевета или неприличная насмѣшка Остзейскихъ друзей г. Вурстембергера надъ его ребяческою довѣрчивостью. Я уполномоченъ заявить это людьми знающими.

[2]) Дѣло это въ сущности совершенно сходно съ дѣломъ Озолинговъ. Лифляндецъ Рейхардъ (землемѣръ) женился въ псковской губерніи на дочери тамошняго православнаго помѣщика, давъ предварительно подписку, требуемую закономъ; но какъ скоро у него родился, сынъ, пасторъ Гессъ, по просьбѣ отца, окрестилъ его въ лютеранство. Оба отданы были подъ судъ и дѣло поступило въ Великолуцкій окружный судъ; но пасторъ Гессъ потребовалъ, чтобъ оно было передано въ лютеранскую консисторію. Вопросъ о подсудности рѣшенъ былъ Сенатомъ и окружному суду предписано было приступить къ суждению; но министръ юстиціи, графъ Паленъ, вытребовалъ дѣло въ свое министерство.

[3]) Не знаю кому это и з в ѣ с т н о и изъ чего это видно; но думаю, что совершенно обратное предположеніе прямо вытекаетъ изъ несомнѣнныхъ фактовъ. Укажу на нѣкоторыя. Въ остальной Россіи полицейскія должности замѣщаются по назначенію отъ правительства; только въ Остзейскомъ краѣ (какъ было и у насъ не такъ еще давно) вся земская полиція состоитъ изъ выборныхъ отъ дворянства и служитъ не правительству а своему сословію. Оттого, высшая администрація въ томъ краѣ остается безъ рукъ. Ея безпомощность сознана давно, и все-таки правительство, такъ заботливо усиливающее полицію на счетъ другихъ вѣдомствъ во внутреннихъ губерніяхъ, не смѣетъ измѣнить въ Остзейскихъ давно отжившаго порядка, при которомъ правильная администрація немыслима. Въ послѣднее время, и право законодательнаго почина, которое правительство берегло больше другихъ, фактически ускользнуло изъ рукъ его и перешло къ Остзейскимъ сословіямъ. Теперь, во всѣхъ нашихъ министерствахъ, принято за правило, о чемъ бы дѣло ни шло, при изготовленіи общихъ, законодательныхъ проэктовъ, всегда выгораживать Прибалтійскій край; иначе ни одинъ проэктъ не пройдетъ — это ужъ дознано опытомъ.

правительство, и въ смежныхъ съ этими провинціями губерніяхъ, положить конецъ порядку вещей, который, очевидно, держаться не можетъ?

„Рѣдкость бывающихъ въ Остзейскомъ краѣ случаевъ притѣсненія за вѣру ясно свидѣтельствуетъ о добромъ и твердомъ намѣреніи Государя прекратить всякое принужденіе въ дѣлѣ религіознаго убѣжденія, но всетаки, случаи эти встрѣчаются; слѣдовательно, они возможны, а это указываетъ на присутствіе зла, котораго гибельныя послѣдствія вызываютъ непрестанное и настойчивое обличеніе, именно: на законъ, еще не отмѣненный, въ силу котораго принужденіе въ дѣлахъ вѣры, преслѣдованія, осужденія и ссылки въ Сибирь должны бы по настоящему имѣть мѣсто какъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, такъ и на всемъ пространствѣ обширной имперіи. Ибо въ томъ еще вопросъ: что изъ двухъ вреднѣе, допущеніе ли въ Россіи такой, строго сообразной съ дѣйствующими законами практики, которая конечно возмутила бы нравственное чувство всего образованнаго міра (какъ возмутили его драгонады Франціи въ прошломъ вѣкѣ), или такія, свыше исходящія повелѣнія, которыми вмѣняется въ обязанность игнорировать дѣйствующіе законы и не примѣнять ихъ, чѣмъ естественно подрывается самое уваженіе къ закону, порядокъ, авторитетъ начальства, словомъ все то, въ чемъ правительство можетъ и должно искать себѣ опоры [1]). Разсудительные

Для Остзейскихъ губерній утверждаютъ только тѣ проэкты, которые сочиняются на мѣстахъ и исходятъ отъ тамошнихъ дворянскихъ и городскихъ обществъ. Прочія реформы, какъ бы очевидна ни была ихъ необходимость, тянутся десятки годовъ и вымираютъ безслѣдно, какою-то неестественною, но никого не изумляющею смертью—напримѣръ преобразованіе городскихъ обществъ и судопроизводства. Между тѣмъ, къ остальной Россіи примѣняется система прямо противоположная. Недавно еще, въ особомъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ П. А. Валуева, обсуждался вопросъ: допускать ли членовъ отъ земства къ совѣщательному участію въ подготовительныхъ работахъ по замѣну подушныхъ податей другими налогами? и рѣшено было не допускать, хотя ни одна реформа не встрѣчала въ средѣ земства такого единодушнаго сочувствія. Тамъ, полное со стороны правительства довѣріе, доходящее до самоотреченія; здѣсь наоборотъ явное оказательство недовѣрія, кажется ничѣмъ незаслуженнаго.

[1]) Достойно вниманія, что передъ этимъ вопросомъ остановился въ раздумьѣ заѣзжій Швейцарецъ, почуя тѣсную связь его съ первостепенными интересами верховной власти, и что его проглядѣли наши министры, архіереи и генералъ-

люди въ Россіи глубоко скорбятъ о такомъ порядкѣ вещей, и теперь уже тамъ повсемѣстно высказывается потребность измѣненія его. Даже газеты, подобныя „Голосу“, которыхъ конечно нельзя заподозрить въ особенномъ благорасположеніи къ стремленіямъ Балтійцевъ, открыто высказываются въ этомъ смыслѣ, какъ сдѣлала это упомянутая газета въ своемъ Декабрьскомъ 31 Nr. (1871 года) по поводу моего къ ней письма. Здѣсь не мѣсто, да и мнѣ, какъ иностранцу, было бы не кстати пускаться въ изслѣдованія о томъ, въ какой мѣрѣ мирные трактаты, Ништатскій и Абовскій, давали Лифляндіи и Эстляндіи особенное право требовать для себя свободы совѣсти, какъ права законнымъ порядкомъ документированнаго и Императоромъ утвержденнаго. Напротивъ, я нахожу совершенно естественнымъ, что весь русскій народъ завидуетъ преимуществу дарованному одной части, тогда какъ, по божественному закону, оно должно быть признано за всѣми безъ исключенія, за ламайцемъ Прибайкальскимъ также какъ и за рижскимъ лютераниномъ; я разумѣю возможность для каждаго открыто и свободно держаться того религіознаго общества, къ которому онъ принадлежитъ по внутреннему убѣжденію, и снятіе со всѣхъ гражданъ безъ исключенія цѣпей, скованныхъ въ противность человѣческой природѣ людскимъ властолюбіемъ и егоизмомъ.

„Итакъ, съ одной стороны, всеобщее сознаніе громко высказывается противъ удержанія упомянутыхъ законовъ, проклинаемыхъ здравымъ человѣческимъ чувствомъ; съ другой, громадное, развращающее вліяніе противорѣчія между оставленіемъ въ силѣ этихъ законовъ и обязательнымъ ихъ неисполненіемъ, особенно ярко бросается въ глаза именно въ Остзейскомъ краѣ, то есть тамъ, гдѣ Государь, послѣдовавъ лучшимъ внушеніямъ своего чувства и своихъ убѣжденій, вполнѣ согласныхъ съ началами вѣротерпимости и свободы совѣсти, на первый разъ воспретилъ примѣненіе этихъ законовъ. Теперь, въ томъ краѣ, никто не знаетъ что̀ ему дѣлать и отъ чего воздерживаться. Одинъ пасторъ отказывается при-

адъютанты собранные Государемъ на совѣтъ, когда обсуждался вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ.

нимать въ свою церковь обратившихся въ православіе, ссылаясь на данную имъ при поставленіи присягу; другой принимаетъ ихъ, и ни тотъ ни другой не ощущаетъ внутренней увѣренности въ правотѣ своего образа дѣйствій. Въ одномъ мѣстѣ браки благословляются, тогда какъ можетъ быть въ ближайшемъ сосѣдствѣ, по необходимости, довольствуются договорнымъ сожительствомъ (wilde Ehen); законъ ставится почти ни во что; гдѣ греческіе священники, какъ въ Ейхенангернѣ, позволяютъ еще себѣ притѣснять, тамъ подобнаго рода случаи подхватываются [1]) и употребляются какъ орудія въ укоръ православной церкви вообще. Словомъ, стóитъ только объѣхать край, чтобъ изъ множества случаевъ усмотрѣть какъ глубоко проникаетъ зло истекающее изъ такого ненормальнаго порядка вещей, несмотря на неоцѣненное благодѣяніе оказанное Государемъ краю прекращеніемъ прежнихъ преслѣдованій въ полномъ значеніи этого слова. Извѣстія обо всемъ этомъ доходящія до высшихъ властей проходятъ черезъ столько посредствующихъ инстанцій, что естественно утрачиваютъ на пути свою чистоту и ясность. Но стóитъ только вступить въ частный разговоръ съ должностными лицами занимающими эти промежуточныя ступени (я дѣлалъ это не разъ), и тогда немедленно выказывается какъ поразительно поверхностны сужденія многихъ изъ этихъ людей, какъ мало они способны постигать разницу между вѣроисповѣданіемъ по убѣжденію и принадлежностью къ той или другой церкви въ смыслѣ чисто политической приписки, какъ мало знакомы они, по собственнымъ, личнымъ наблюденіямъ, съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, наконецъ, какъ легкомысленно формулируютъ они свои сужденія, нѣтъ!—даже не сужденія (ибо они не берутъ на себя труда вырабатывать логическія сужденія), а свои отзывы и донесенія, по тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ дошло до нихъ то или другое сообщеніе. Это верхоглядство тянется черезъ всѣ точки соприкосновенія Остзейскихъ провинцій съ высшими правительственными учрежденіями. Въ немъ заключается причина совершеннѣйшаго непониманія въ Петербургѣ положенія дѣлъ на

[1]) Или измышляются.

мѣстахъ и тѣхъ безпрестанныхъ промаховъ, въ которые впадаетъ тамошняя администрація. По той же причинѣ оставляются безъ вниманія здравыя и дѣльныя представленія немногихъ способныхъ русскихъ чиновниковъ, состоящихъ на службѣ въ этихъ провинціяхъ.

„Послѣ моего объѣзда, я имѣлъ случай въ Петербургѣ бесѣдовать съ высоко-стоящими государственными сановниками о несчастныхъ послѣдствіяхъ преднамѣреннаго неисполненія дѣйствующихъ законовъ. Нѣкоторые сознавались, что подобный порядокъ вещей долго держаться не можетъ; но при этомъ они заявляли, что въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ все еще господствовали воззрѣнія не допускающія въ настоящее время ни офиціальнаго провозглашенія полной свободы совѣсти и исповѣданія, ни равносильной такому провозглашенію отмѣны мѣръ законнаго принужденія, на которыхъ держится господство греко-россійской государственной церкви надъ всѣми прочими [1]). Въ подтвержденіе указывали, какъ на препятствія, вопервыхъ, на католическую церковь въ Польшѣ и на тамошнее духовенство, употреблявшее религію во зло, какъ средство для возбужденія возстанія противъ законной власти, благословлявшее ядъ и кинжалъ на убійство Русскихъ, старавшееся, въ своихъ семинаріяхъ, воспитать революціонныхъ агитаторовъ изъ лицъ предназначавшихся въ кандидаты на церковныя должности. Далѣе, указывали на нигилизмъ и на раціонализмъ, которые и теперь уже пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ новыя силы, а съ провозглашеніемъ свободы совѣсти получили бы правомѣрное бытіе; наконецъ, упоминали и о расколѣ, нѣкоторые отпрыски котораго положительно преслѣдуютъ безнравственныя цѣли. На первый взглядъ, эти доводы кажутся не лишенными основанія [2]); но

---

[1]) Очень нужно было передъ заѣзжимъ туристомъ раскладывать воззрѣнія высшихъ правительственныхъ учрежденій!

[2]) Всѣ эти доводы несостоятельны, и настоящая причина, не высмотрѣнная авторомъ, лежитъ глубже. Я указалъ на нее выше. Дѣло въ томъ, что эмансипація личной вѣрующей совѣсти отъ полицейскихъ и уголовныхъ преслѣдованій влечетъ за собою эмансипацію коллективной совѣсти православной церкви отъ лежащей на ней правительственной опеки. Въ тотъ день когда православная церковь утратитъ свое номинальное, такъ называемое, г о с п о д с т в о, она

съ другой стороны, они вызываютъ не мало и возраженій. Вообще, вопросъ этотъ самъ по себѣ таковъ что заслуживалъ бы болѣе всякаго другаго передачи его на обсужденіе особаго собранія людей по этой части свѣдущихъ и безпристрастныхъ.

„Впрочемъ, я узналъ изъ надежнаго источника, что Государь и князь Горчаковъ хотѣли вновь подвергнуть этотъ вопросъ серьезному обсужденію въ государственномъ совѣтѣ. Что это намѣреніе дѣйствительно исполнилось въ послѣдніе дни прошлаго (1871) года, тому доказательствомъ служитъ слѣдующій фактъ. Въ концѣ декабря, въ Правительственномъ Вѣстникѣ, было объявлено, что государственный совѣтъ опредѣлилъ прекратить 44 процесса противъ католиковъ, отданныхъ подъ судъ за воспрещенное закономъ окрещеніе, по чину римско-католической церкви, дѣтей, рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ, и что это было сдѣлано соображаясь съ Высочайшею волею о противодѣйствіи религіознымъ преслѣдованіямъ (religiösen Verfolgungen entgegenzutreten). Выслушанный мною, отчетливо формулированный рядъ доводовъ препятствующихъ провозглашенію свободы вѣроисповѣданія, по всей вѣроятности, вынесенъ былъ также изъ государственнаго совѣта. Если эта догадка справедлива, то нельзя не пожалѣть о томъ, что, до приступа къ совѣщанію, не вызвали предварительно заключенія по этому предмету какого нибудь особаго коллегіальнаго присутствія, въ родѣ того, о которомъ я сейчасъ упоминалъ, и которое взглянуло бы на вопросъ о свободѣ совѣсти въ его общности, чтобъ освѣтить его и не съ исключительно русской точки зрѣнія (von dem nicht specifisch russischen Gesichtspunkt) [1]).

преобразится изъ духовнаго в ѣ д о м с т в а (которымъ правительство управляетъ почти на тѣхъ же основаніяхъ какъ вѣдомствомъ путей сообщенія или военнымъ) въ о б щ е с т в о вѣрующихъ съ правомъ с о б о р н а г о с а м о у п р а в л е н і я на каноническихъ основаніяхъ. Правительство очень хорошо сознаетъ это, но оно этого не желаетъ, а до тѣхъ поръ пока оно внутренно съ этимъ не помирится, всѣ заграничныя его воздыханія по свободѣ совѣсти останутся праздными рѣчами.

[1]) Именно такъ! Зовите Прусаковъ, Англичанъ, Швейцарцевъ, кого угодно, только бы отойти подальше отъ русскаго воззрѣнія на вопросъ.

„Я сказалъ выше, что кромѣ обстоятельствъ относящихся до вѣроисповѣднаго вопроса, я приглядывался и ко многимъ другимъ, состоящимъ съ первыми въ связи и имѣющимъ на нихъ вліяніе. Чтобы понять вѣрно и оцѣнить положеніе дѣла въ совокупности, необходимо поговорить и объ обстоятельствахъ втораго рода и потому я упомяну объ нихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они мнѣ представлялись.

„Прежде всего, какъ только я въѣхалъ въ россійскую имперію, поразила меня рѣзкая разница въ настроеніи Русскихъ относительно Нѣмцевъ сравнительно съ тѣмъ, что я испыталъ весною 1870 года. Въ то время я разговаривалъ съ своими спутниками по-нѣмецки и, единственно ради этого, подвергался со стороны русскихъ пограничныхъ и полицейскихъ чиновниковъ самому недружелюбному и грубому обращенію [1]). Въ вагонѣ, мнѣ даже довелось слышать, какъ ѣхавшіе со мною Русскіе называли меня между собою проклятымъ Нѣмцемъ. Въ послѣднюю же мою поѣздку, по истеченіи полутора года, нетолько не было замѣтно никакихъ слѣдовъ подобнаго настроенія, но Русскіе даже сами заговаривали со мною по нѣмецки [2]). И кельнера, въ ресторанахъ, невозбранно говорили теперь по-нѣмецки, тогда какъ, въ прошломъ году, это было имъ очевидно з а п р е щ е н о [3]). Въ чемъ бы ни заключалась тому причина, перемѣна эта, во всякомъ случаѣ, сама по себѣ весьма отрадна, а что я въ этомъ случаѣ не ошибся, въ томъ служатъ мнѣ ручательствомъ отзывы многихъ Прибалтійскихъ Нѣмцевъ, вполнѣ подтвердившихъ мнѣ тотъ же фактъ [4]). Я вижу въ немъ доказательство, что вообще инстинктивная ненависть Русскихъ къ Нѣмцамъ, о которой такъ много говорили русскія газеты [5]), существовала только въ мозгахъ нашихъ газетчиковъ, разсчитывавшихъ на антинѣмецкую пропаганду и агитацію какъ на выгодную денежную

---

[1]) Тонъ и обращеніе нашихъ таможенныхъ чиновниковъ кажется извѣстны всей Европѣ. По этому образчику, читатели могутъ судить о правдивости автора.

[2]) Это все новость, доказательство какого-то переворота въ понятіяхъ!

[3]) Это еще лучше!

[4]) Не на смѣхъ ли?

[5]) Кто именно, когда и гдѣ?—Пусть укажутъ хоть одну статью объ и н с т и н к т и в н о й н е н а в и с т и Русскихъ къ Нѣмцамъ.

спекуляцію, въ чемъ впрочемъ сознался самъ г. Катковъ. Достаточно было внушить нѣкоторымъ газетамъ, чтобъ онѣ положили конецъ натравливанію Русскихъ на Нѣмцевъ, и бывшая нѣкоторое время въ модѣ ненависть къ послѣднимъ немедленно улетучилась какъ только у русской публики отнялись стереотипныя фразы, въ которыхъ редакціи искали литературной наживы [1]). Въ основѣ русскаго народнаго характера много добродушія, а подобный характеръ вовсе неспособенъ къ слѣпой и глубокой ненависти. Сверхъ того, народъ русскій никогда не имѣлъ повода жаловаться на нѣмецкій народъ; что эта измышленная національная ненависть перваго къ послѣднему никогда въ дѣйствительности не существовала, доказывается между прочимъ тѣмъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда приходится кому нибудь оказать личное довѣріе, Нѣмцамъ повсемѣстно, въ самой Россіи, отдается предпочтеніе и теперь, отдавалось даже въ то время, когда слышались дикіе, газетные вопли объ истребленіи Нѣмцевъ (während des wüstesten Deutschfressergeschreis).

„Нѣтъ систематической ненависти къ Нѣмцамъ вообще, нѣтъ ея и къ Нѣмцамъ Балтійскимъ; она держится исключительно въ очень немногочисленной, но за то крикливой партіи, которой органами служатъ Голосъ, Московскія Вѣдомости, памфлеты какого нибудь Самарина, Погодина и другихъ, бьющихся только изъ за того, чтобы, по свойственному демократамъ пріему, прослыть за гласъ народный. Легко понять почему эта партія, прибѣгающая къ нелѣпѣйшему доктринерному демократизму въ видахъ доставленія сво-

[1]) Дочитавъ до этого мѣста, всякій пойметъ съ какою цѣлью изобрѣтены были и небывалая ненависть и чудесное отъ нея исцѣленіе. Нужно было поздравить цензуру съ успѣхомъ, подкрѣпить въ правительствѣ вѣру во всемогущество литературной полиціи и доказать ему, что противъ нѣсколькихъ внушеній, предостереженій и запрещеній не устоитъ въ русскомъ обществѣ никакое убѣжденіе и никакое чувство.—Все это, разумѣется, диктовалось автору его рижскими и дерптскими друзьями; оттуда же идутъ безчисленныя корреспонденціи, съ такимъ нескрываемымъ злорадствомъ повѣствующія о подвигахъ русской цензуры и находящія себѣ мѣсто во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ, не исключая самыхъ либеральныхъ. Какъ только дѣло доходитъ до стѣсненія русской мысли, во всей нѣмецкой прессѣ установляется по истинѣ дамѣчательное единодушіе.

имъ послѣдователямъ почета и выгодъ, находится въ естественной враждѣ къ Остзейскимъ Нѣмцамъ, этимъ нарочитымъ представителямъ консервативнаго начала [1]); одинаково понятно, что ей удается, звучными фразами, переманивать на свою сторону немалое число незрѣлыхъ умовъ, которымъ нѣтъ охоты утруждать себя изслѣдованіемъ и мышленіемъ, и которымъ гораздо легче, съ чужаго голоса, повторять газетную болтовню. Таковъ общій порядокъ вещей и тоже самое бываетъ и въ просвѣщенныхъ странахъ. Такимъ-то господамъ приходятся по сердцу фразы въ родѣ того, что Балтійскіе Нѣмцы, дворяне и пасторы, всегда обращались съ Эстами и Латышами какъ съ рабочимъ скотомъ. Все это звучитъ гуманно, особенно въ устахъ людей еще не отучившихся обращаться съ своими подчиненными по традиціямъ бывшаго крѣпостнаго права. Именно отъ этого разбора людей доводилось мнѣ чаще всего выслушивать подобнаго рода филантропическія выходки. Но плохо приходилось имъ, когда я обращался къ нимъ съ вопросомъ: сами ли они все это высмотрѣли? Оказывалось, что ни одинъ самъ ничего не высматривалъ, а всѣ узнавали обо всемъ только изъ Голоса.

„Далеко не таковы были сужденія разсудительныхъ Русскихъ же людей, подолгу живавшихъ въ Остзейскомъ краѣ и имѣвшихъ случай лично ознакомиться съ тамошними Нѣмцами. Къ сожалѣнію, я не смѣю назвать ихъ по именамъ, такъ какъ

---

[1]) Что всѣ позволяющіе себѣ критиковать Остзейскіе порядки опасные для правительства демократы—это старая пѣснь. *Я напримѣръ, узналъ въ первый разъ, что я демократъ, 25 лѣтъ тому назадъ, изъ безыменнаго доноса, писаннаго хорошо мнѣ знакомымъ почеркомъ одного остзейскаго генерала, въ то время, какъ я уже сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Тамъ онъ былъ мнѣ предъявленъ въ подлинникѣ, по приказанію покойнаго Императора* *). Немудрено, что г. Вурстембергеръ, сдѣлавшись адвокатомъ Остзейцевъ, усвоилъ себѣ орудіе издавна приспособленное къ дѣлу его кліентами. Есть процессы, которыхъ честными средствами вести нельзя; но вотъ что курьезно: въ приведенной тирадѣ, демократизмъ противопоставляется консерватизму, слѣдовательно отождествляется съ революціею возведенною на степень политическаго принципа, и по какой-то иронiи судьбы сказать это выпало на долю Швейцарцу.

*) Напечатанное курсивомъ было опущено Ю. Ѳ—чемъ въ печати. Мы возстановляемъ эти строки по рукописи въ виду ихъ значенія біографическаго. *Прим. Д. С.*

демократическія газеты имѣютъ обыкновеніе накидываться на всѣхъ, дерзающихъ расходиться съ ними въ воззрѣніяхъ, и осыпать ихъ цѣлымъ словаремъ почетныхъ названій, а я не хотѣлъ бы подвергать этому людей, которыхъ я научился уважать и любить. Поэтому, ограничиваюсь прописаніемъ ихъ сужденій, которыми впрочемъ только подтверждается то что писалъ Русскій (въ отвѣтѣ на отвѣтъ Ширрена изданномъ въ Дрезденѣ въ 1869 году): „пока Нѣмецъ живетъ въ Остзейскомъ краѣ, онъ ведетъ себя прилично, человѣчно; его поддерживаетъ общественное мнѣніе Балтійскаго рыцарства“ — отъ Русскихъ же я часто слыхалъ: „въ здѣшнемъ краѣ, Нѣмцы своего рода каменная твердыня, на которую смѣло можно полагаться“.—Далѣе: „не надобно ставить на одну ногу Нѣмцевъ и Поляковъ; первые рѣшительно преданы своему Государю и ему вѣрны“.—И еще: „поразительно какъ много дѣлаютъ Нѣмцы для развитія народнаго образованія“.—Наконецъ: „Нѣмцы, и особенно ихъ жены, умѣютъ заботиться о благѣ вотчинной прислуги и вообще улучшать бытъ крестьянъ, чего въ Россіи не умѣютъ“. — Много доводилось мнѣ слышать и другихъ отзывовъ въ томъ же родѣ, доказывающихъ, что Русскіе питаютъ къ Нѣмцамъ отнюдь не чувство ненависти. Правда, за этими отзывами слѣдовало обыкновенно какое нибудь но, впрочемъ до того невинное, что право не стоило и браковать его. Напримѣръ: „они упрямы“ или „строптивы“ или „крѣпко стоятъ за старые предразсудки“; иногда также говорили мнѣ: „что они горды“. При всемъ томъ однако, ни собесѣдники мои, ни „Голосъ“ съ товарищами не могли привести никакихъ фактовъ, въ особенности же никакой обиды (Unrecht) нанесенной Русскимъ, которую бы можно было какъ нибудь обобщить [1]). Съ другой стороны, нельзя не сказать,

[1]) Странная безотвѣтность собесѣдниковъ г. Вурстембергера! Мы дѣйствительно не жалуемся, потому что русское сердце вообще не помнитъ зла; но еслибы потребовались справки, чтожъ бы помѣшало намъ напомнить время Бирона, вѣковыя тяжбы русскихъ горожанъ Прибалтійскаго края за право добывать себѣ хлѣбъ честнымъ трудомъ, владѣть домами, вступать въ братства и т. д. Мы могли бы также указать на политическую роль Остзейскаго элемента на службѣ, въ Сенатѣ, и Министерствахъ, въ Государственномъ Совѣтѣ, во всѣ эпохи антилиберальныхъ, темныхъ реакцій, къ несчастью періодически

что прежнее, натянутое отношеніе Балтійцевъ ко всему Русскому, естественно достигшее крайней степени напряженія благодаря именно постоянному поддразниванію и возбужденію ненависти со стороны Русскихъ, въ значительной степени измѣнилось къ лучшему. Гораздо чаще, чѣмъ въ прежнее время, доводилось мнѣ слышать отъ Нѣмцевъ справедливыя и безпристрастныя сужденія о Русскихъ; охотнѣе высказывалось признаніе за ними добрыхъ качествъ, и, наоборотъ, рѣже доходили до меня выраженія недовѣрія и суевѣрнаго страха передъ какими то призраками, въ родѣ тайнаго подсматриванія, вскрытія писемъ, и т. п. Я сказалъ бы даже, что, за исключеніемъ немногихъ, которыхъ воображеніе не успѣло охладѣть отъ разнаго рода придирокъ испытанныхъ ими въ то время, когда еще Нѣмцевъ травили, общее настроеніе края близко подходитъ къ тому, въ которомъ онъ находился нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда еще Балтійцы съ радостью признавали себя сынами великаго русскаго отечества (wo sich die Balten noch freuten, dem grossen russischen Vaterlande anzugehören) [1]), еслибы нѣкоторые второстепенные чиновники, сво-

---

у насъ повторяющихся, когда ложно понятымъ интересамъ власти противопоставляются начала общественнаго самоуправленія, независимости и гласности суда, разумной свободы русской мысли и русскаго слова. Во всѣхъ подобныхъ, искусственно возбуждаемыхъ конфликтахъ, мы знаемъ чего можетъ ожидать Россія отъ Остзейскихъ служилыхъ людей.

[1]) Жаль, что авторъ не опредѣлилъ поточнѣе, въ какое именно время Балтійцы считали Россію своимъ о т е ч е с т в о м ъ, когда и въ чемъ высказывалось это сознаніе, наконецъ въ чемъ состояли наши провинности (такъ какъ во всемъ виноваты мы) заставившія ихъ, въ одно прекрасное утро, бросить это отечество какъ изношенное тряпье и обзавестись новымъ? Мы знаемъ что дѣйствительно было время, когда Остзейцы какъ то вовсе обходились безъ отечества, не чувствуя въ немъ надобности; тогда сознавалось очень ясно и живо единство сословное, а національность оставалась въ тѣни. Отношеніемъ лица, какъ члена извѣстной корпораціи, къ дворянству, купечеству или цеху и отношеніемъ того же лица, какъ подданнаго, къ лицу облеченному верховною властью, Герцогу, Королю или Императору, исчерпывалась жизнь гражданская и политическая, приблизительно до первой четверти нынѣшняго столѣтія. Происшедшій около этого времени переворотъ въ понятіяхъ Остзейскаго общества находился въ тѣсной связу съ пробужденіемъ національнаго чувства въ самой Германіи и сознанъ былъ очень отчетливо однимъ изъ умнѣйшихъ Балтійцевъ, покойнымъ рижскимъ бургомистромъ Отто Миллеромъ. — „Пре-

имъ произволомъ, своею безтактностью, своими промахами, вновь не расшевеливали недовѣрія и неудовольствія. Эти люди смѣшатъ собою мѣстную публику, которая, по образованію своему, стоитъ значительно выше ихъ и, въ тоже время, отталкиваютъ ее своею дикостью.

жде Нѣмцы мало заботились объ Остзейскихъ нѣмецкихъ провинціяхъ, входящихъ въ составъ Россіи, и почти не отличали Лифляндца отъ Русскаго, да и сами Лифляндцы этого почти не добивались. Теперь не то: всѣ Нѣмцы привѣтствуютъ насъ, какъ равноправныхъ съ ними братьевъ по роду и племени, и мы чувствуемъ значеніе такого привѣтствія".— Эти строки напечатаны были 32 года тому назадъ, въ книжкѣ изданной въ Лейпцигѣ, стало быть въ то время, когда еще не существовало у насъ и подобія политической прессы. Въ чемъ же виновата послѣдняя?— Фактъ самъ по себѣ очень простъ: въ Остзейцахъ проснулась потребность обзавестись какимъ нибудь отечествомъ, и они внутренно примкнули къ Германіи. Нельзя даже назвать этого измѣною, потому что они и прежде никогда не относились къ Россіи какъ къ своему отечеству. Фальшь заключается собственно въ томъ, что, присягнувъ про себя Германіи, они въ то же время претендуютъ на полноту гражданскихъ и политическихъ правъ въ Россіи, хотятъ командовать ея войсками, управлять ея министерствами, подавать за нее голосъ въ дѣлахъ внѣшней политики и пріобрѣтать имѣнія въ сѣверозападномъ краѣ, хотя очевидно, что пользованіе такими правами и такимъ служебнымъ значеніемъ обусловливается безоговорочнымъ признаніемъ Россіи за свое отечество. Они не хотятъ знать, что если въ былыя времена государство считалось вотчиною царствующей династіи, то теперь не въ одной Германіи, но и у насъ государство опредѣляется какъ политическій обликъ извѣстной народности. Оттого и нельзя тянуть къ одному государству въ качествѣ подданнаго, а къ другому въ качествѣ сына отечества. Это ненормальное раздвоеніе содержитъ въ себѣ зародышъ политической катастрофы въ будущемъ, признаки которой, конечно пока еще мелочные, можно видѣть и теперь. Такъ напримѣръ, Россія не имѣла никакой причины особенно радоваться послѣднимъ военнымъ успѣхамъ Пруссіи, а въ Остзейскихъ губерніяхъ они публично праздновались съ преизбыткомъ всякаго рода демонстрацій, какъ народныя торжества. Вслѣдъ затѣмъ, вся Россія торжествовала возстановленіе своихъ правъ на Черное море, а Остзейскія губерніи хранили упорное молчаніе. Тамошній генералъ-губернаторъ долго выпрашивалъ у нихъ поздравительнаго по этому поводу адреса и не добился его. Причину отказа объяснила намъ Аугсбургская Газета (1871. Февр. 20, Nr. 51). „дворянства не захотѣли одобрить слишкомъ, по ихъ мнѣнію, безцеремоннаго обращенія съ Парижскимъ трактатомъ, изъ опасенія поощрить правительство къ одинаковому обращенію съ другими трактатами (Ништатскимъ и Абовскимъ), которыми гарантируются ихъ собственныя права".—Стало быть, еслибы во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ стоялъ въ то время не князь Горчаковъ, а какой нибудь Будбергъ или Мейндорфъ, или Паленъ, Россія не возстановила

Отъ этихъ то чиновниковъ идутъ тѣ донесенія, изъ которыхъ высшія учрежденія почерпаютъ столь невѣрныя представленія о положеніи Остзейскихъ провинцій и на основаніи которыхъ принимаются мѣры почти всегда идущія въ разрѣзъ съ предполагаемыми цѣлями. Такъ напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что со стороны Русскихъ усердно стремятся къ возможно большему распространенію въ Остзейскихъ провинціяхъ русскаго языка. Съ русской точки зрѣнія, это очень понятно и разсудительные люди изъ числа Балтійцевъ вполнѣ сознаютъ, что обученіе этому языку сдѣлалось для всѣхъ сословій настоятельною потребностью [1]). Они доказываютъ

бы своихъ правъ на Черное море, и Парижскій трактатъ остался бы въ прежней силѣ. Повторяю опять, все это очень понятно: въ одной душѣ, хотя бы и Остзейской, нѣтъ мѣста для двухъ отечествъ; но виновата ли въ этомъ Россія и русская пресса въ особенности?

1) Странно, что разсудительные Балтійцы, которыхъ открылъ г. Вурстембергеръ, никогда не попадаютъ ни въ попечители дерптскаго округа, ни въ ландмаршалы, ни въ ландраты, ни въ ратсгеры, словомъ ни въ какую общественную должность, и что они, повидимому, наложили на себя зарокъ безусловнаго молчанія. Никто изъ нихъ, до сихъ поръ, не вымолвилъ ни полслова въ пользу изученія русскаго языка, а между тѣмъ въ офиціальныхъ донесеніяхъ и сословныхъ адресахъ, во множествѣ докладныхъ записокъ и брошюръ, наконецъ во всѣхъ корреспонденціяхъ иностранныхъ газетъ изъ Остзейскаго края, мы постоянно читаемъ, что русскій языкъ не нуженъ, что онъ навсегда останется въ томъ краѣ языкомъ мертвымъ, что обученіе ему какъ отдѣльному предмету ни къ чему не ведетъ, а введеніе его въ обязательное употребленіе, при преподаваніи другихъ предметовъ, разстроило бы всю систему обученія. Изъ тысячи отзывовъ въ этомъ родѣ беру на удачу одинъ. Въ Кельнской Газетѣ, Nr. 315, 9 Іюля 1868 года, въ статьѣ подъ заголовкомъ: „Нѣмецкія Остзейскія Колоніи — изъ Лифляндіи“, статьѣ отличающейся спокойствіемъ и умѣренностью тона, мы читаемъ: „издавна и насильно (zwangsmässig) введенное въ учебныя заведенія обученіе русскому языку отнимало правда у мальчиковъ большую часть времени потребнаго на ихъ образованіе, но на это смотрѣли какъ на неизбѣжное зло, и рѣдко ученикъ подвергался выговору отъ своихъ родителей за неудовлетворительный отвѣтъ на испытаніи изъ русскаго языка. Дѣло въ томъ, что въ Остзейскомъ краѣ не ощущали въ немъ никакой надобности, ни какъ въ средствѣ образованія, ни для служебной карьеры. Процессъ образованія, домашняго, школьнаго и университетскаго, оставался нѣмецкимъ и никто не имѣлъ повода жалѣть о недостаткѣ знанія русскаго языка.“—Далѣе доказывается, что попытка ввести его въ офиціальныя письменныя сношенія повела къ страшной потери времени и къ разстройству всего дѣлопроизводства, которому даже не предвидится конца, ибо

это съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе самымъ дѣломъ, вводя преподаваніе русскаго языка въ народныя школы, въ учительскія семинаріи, часто даже въ домашнее воспитаніе. Въ Курляндіи, почти во всѣхъ осмотрѣнныхъ мною такъ называемыхъ лѣтнихъ школахъ, также въ нѣкоторыхъ зимнихъ, а равно въ Лифляндіи, преимущественно въ южной части ея, молодые Латыши въ нихъ обучавшіеся показывали мнѣ, вмѣстѣ съ латышскими и нѣмецкими, очень чисто исписанныя русскія тетрадки [1]), переводы съ нѣмецкаго и небольшія сочиненія. Это дѣлается по распоряженію нѣмецкихъ пасторовъ и дворянъ руководящихъ народными школами [2]). И несмотря на то, русскіе чиновники то и дѣло доносятъ въ Петербургъ, что Нѣмцы упорно противятся введенію преподаванія на рус-

нѣтъ никакой возможности овладѣть русскимъ языкомъ посредствомъ изученія его въ школѣ, а возведеніе его на степень языка преподаванія разрушило бы всю систему мѣстнаго общественнаго образованія, до Дерптскаго университета включительно, и вынудило бы поголовную эмиграцію за границу". Даже недавнее открытіе въ нѣкоторыхъ городахъ, на казенный счетъ, нѣсколькихъ русскихъ гимназій, рядомъ съ нѣмецкими, встрѣтило со стороны высшихъ сословій края систематическое противодѣйствіе. Въ доказательство приведу курьезный документъ (См. приложеніе XVI).

[1]) Вотъ что пишетъ объ этомъ Латышская газета издающаяся въ Ригѣ, Balt. Wehstn. редакція которой вѣроятно не менѣе компетентна въ настоящемъ дѣлѣ: „въ приходскихъ лютеранскихъ школахъ, изученіе русскаго языка ограничивается чистописаніемъ, то есть рисовкою буквъ" (Голосъ 1871, Nr. 311). Да и можетъ ли быть иначе когда сами учителя не знаютъ по русски? Изъ Baltischer Schulalmanach, изд. въ Дерптѣ за 1869 годъ, видно, что даже въ городѣ Ригѣ въ 2-хъ нѣмецкихъ гимназіяхъ, 1-мъ уѣздномъ, 3-хъ городскихъ и 44-хъ частныхъ училищахъ, насчитывалось 25 учителей и столько же учительницъ русскаго языка, въ томъ числѣ Русскихъ по происхожденію только шесть.

[2]) Всѣмъ сколько нибудь слѣдившимъ за ходомъ дѣлъ въ Остзейскомъ краѣ, хорошо извѣстно, что въ тѣхъ, очень немногихъ тамошнихъ сельскихъ школахъ, въ которыхъ Нѣмцы или онѣмеченные Латыши soit disant обучаютъ дѣтей русскому языку (котораго сами не знаютъ), онъ введенъ былъ противъ воли помѣщиковъ и пасторовъ, послѣ долгаго съ ихъ сторны сопротивленія, и единственно вслѣдствіе настойчивыхъ требованій крестьянъ, которые, дѣйствительно, и они одни, сознаютъ потребность усвоить себѣ языкъ своего отечества. Въ этомъ случаѣ, высшія сословія должны были уступить народному требованію, ибо иначе лютеранскія сельскія школы могли бы опустѣть и народъ отказался бы содержать ихъ на свой счетъ. Свидѣтельства и доказательства читатели найдутъ ниже.

скомъ языкѣ, и, вслѣдствіе этого, чтобы сломить противодѣйствіе, принимаются безсмысленнѣйшія мѣры, изобрѣтаемыя какъ будто для поддержанія и питанія прежняго отвращенія къ русскому языку, вызваннаго конечно принужденіемъ, съ которымъ онъ вводился, большею частью тамъ, гдѣ бы вовсе не слѣдовало (am unrechten Orte) [1]). Такъ напримѣръ, неожиданно объявлено было распоряженіе, чтобы на всѣхъ письмахъ прописывались адресы по русски; въ противномъ случаѣ, почта за исправную ихъ доставку отвѣчать не можетъ—распоряженіе, которое, въ странѣ гдѣ русскій языкъ далеко еще не распространенъ повсемѣстно, не можетъ не произвести крайняго замѣшательства и не подорвать довѣрія къ почтовымъ учрежденіямъ [2]). Такъ, позднѣе, при выдачѣ концес-

---

[1]) Что бы стоило г. Вурстембергеру взять на себя трудъ разъяснить намъ гдѣ бы, по его мнѣнію, умѣстенъ былъ русскій языкъ? Ввели его въ гимназіи, какъ предметъ обученія; но оказалось что это была безплодная трата времени, такъ какъ мѣстное общество смотрѣло на русскій языкъ какъ на неизбѣжное зло и потому никто изъ учениковъ ему не выучивался. Предполагали ввести его въ среднія учебныя заведенія и въ университетъ какъ языкъ преподаванія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ предметовъ; но графъ Кейзерлингъ очень убѣдительно доказалъ намъ, что русскій языкъ не можетъ быть языкомъ науки. Пробовали предоставить ему хоть равноправность съ нѣмецкимъ въ судахъ и администраціи; но оказалось, что и этого нельзя, ибо языкомъ суда и управленія (кромѣ развѣ военнаго) долженъ быть нѣмецкій. Пробовали ввести его въ биржевой комитетъ — прогнали и оттуда. Попытался было разъ самъ бывшій генералъ-губернаторъ, мѣстный представитель государственной власти, написать въ магистратъ бумагу по русски; но провинціальная власть прочла ему за эту попытку такую натацію, послѣ которой онъ навсегда притихъ. Не знаю куда бы еще толкнуться съ русскимъ языкомъ и какъ бы поставить его такъ, чтобъ онъ оказался на мѣстѣ, чтобъ разсудительные Остзейцы, открытые г. Вурстембергеромъ, остались довольны, чтобы прочіе Остзейцы, всѣмъ намъ хорошо знакомые, то есть неразсудительные, не гнѣвались и не жаловались Германіи, а русскіе чиновники, отъ которыхъ, по примѣру Сѣверозападнаго генералъ-губернаторства, слѣдовало бы поскорѣе очистить Прибалтійскій край, не имѣли бы повода писать въ Петербургъ, что русскій языкъ всетаки обрѣтается въ загонѣ и полномъ пренебреженіи?

[2]) Дѣло вотъ въ чемъ: въ 1871 году, въ числѣ другихъ правилъ по почтовому вѣдомству, обнародовано было слѣдующее: „требуемые почтовыми постановленіями адресы и надписи на подаваемой на почту кореспонденціи должны быть дѣлаемы на русскомъ языкѣ. Если на кореспонденціи, вынутой изъ почтовыхъ ящиковъ, окажутся адресы не на русскомъ языкѣ, то за пра-

сіи на желѣзную дорогу отъ Митавы до Ковно-Либавской линіи, постановлено было, въ числѣ прочихъ кондицій, чтобы всѣ служащіе на дорогѣ говорили только по русски (nur Russisch) и чтобы всѣ книги велись на томъ же языкѣ.

вильность пересылки и доставки такой кореспонденціи почтовое вѣдомство не отвѣчаетъ". Почта учрежденіе не сословное, не муниципальное, не областное, а государственное. Принимая письмо въ Митавѣ или Дерптѣ, правительство берется доставить его въ Тифлисъ, Казань, Иркутскъ, словомъ куда бы оно адресовано ни было. Но на пути туда, оно пройдетъ черезъ руки многихъ правительственныхъ агентовъ, которые всѣ должны быть въ состояніи разобрать надпись. Спрашивается, что̀ естественнѣе: требовать отъ каждаго почтоваго чиновника, чтобъ онъ читалъ по польски, по татарски, по нѣмецки, по еврейски, вообще на всѣхъ языкахъ, на которыхъ говорятъ и пишутъ въ предѣлахъ Россіи, или требовать отъ желающихъ пользоваться государственною почтою, чтобъ они обращались къ ней на государственномъ языкѣ? Выходитъ на повѣрку, что первый примѣръ, приведенный г. Вурстембергеромъ въ доказательсво тупоумія и придирчивости русскихъ чиновниковъ служащихъ въ Остзейскомъ краѣ, подобранъ несовсѣмъ удачно; ибо, во-первыхъ, приведенное правило шло не отъ нихъ, а отъ высшаго правительства; во вторыхъ, оно издано для всей имперіи, а не спеціально для Прибалтійскихъ губерній; въ третьихъ, цѣль его — обезпечить исправную доставку писемъ, такъ очевидна, что введеніе его никакъ не могло поколебать довѣрія здравомыслящей публики къ почтовымъ учрежденіямъ, а за дѣйствіе своихъ публикацій на людей страдающихъ разстройствомъ воображенія (къ сужденіямъ которыхъ г. Вурстембергеръ прислушивался кажется съ особеннымъ вниманіемъ) никакое правительство въ мірѣ отвѣчать не можетъ. Если распоряженіе почтоваго вѣдомства (впослѣдствіи кажется даже отмѣненное) вызвало въ Остзейскихъ губерніяхъ неудовольствіе, то вовсе не потому, чтобъ оно было стѣснительно само по себѣ, а потому, что ненависть къ русскимъ буквамъ дошла въ томъ краѣ до черты, дѣйствительно граничащей съ помѣшательствомъ. Вотъ одинъ изъ симптомовъ этой буквофобіи. Въ управленіи бывшаго эстляндскаго губернатора М. Н. Галкина-Врасскаго, измѣнена была внѣшняя форма и очасти программа губернскихъ вѣдомостей; онѣ сдѣлались тѣмъ,чѣмъ должны были быть, то есть оффиціальномъ органомъ правительства. Всѣ распоряженія начальства, циркуляры, объявленія, вообще всѣ статьи, требовавшія исполненія отъ какихъ либо мѣстныхъ учрежденій и властей или публикуемыя для свѣдѣнія ихъ, стали появляться въ русскомъ текстѣ, съ приложеніемъ къ нимъ нѣмецкаго перевода. Это показалось вотчиннымъ полиціямъ до такой степени обиднымъ, что нѣкоторыя изъ нихъ возвратили въ газетный столъ посланные имъ Nr. Nr. губ. вѣдомостей и отказались отъ дальнѣйшаго ихъ полученія (къ чему онѣ по закону обязаны) мотивируя свой отказъ незнаніемъ русскаго языка и неумѣніемъ разбирать русскій шрифтъ. Фактъ засвидѣтельствованъ официально, въ циркулярѣ 1869 года, Nr. 266. По переводѣ бывшаго губернатора въ Саратовъ, все

Это предписывалось въ такомъ краѣ, гдѣ весь образованный людъ состоитъ изъ однихъ Нѣмцевъ, тогда какъ въ просвѣщенныхъ странахъ Европы, на желѣзныхъ дорогахъ пролегающихъ вблизи границъ двухъ языковъ, требуется наоборотъ отъ служащихъ, чтобъ они владѣли обоими [1]).

это немедленно измѣнилось и оскорбленное національное чувство вотчинныхъ конторъ получило полное удовлетвореніе. Я имѣю передъ глазами приложеніе къ Nr. 84 Эстлянд. Вѣдомостей за 1871 годъ—вѣдомость о цѣнахъ на провіантъ и фуражъ. Она напечатана по русски (иначе нельзя) а имена подписавшихъ ее предводителя, бургомистра и двухъ старшинъ—готическими буквами—„мы де и подписываться то по русски не хотимъ!“

[1]) Въ уставѣ Либавской дороги, на который здѣсь указано (18 марта 1872) мы читаемъ: § 37. „Счетоводство правленія должно производиться на русскомъ языкѣ и въ русской монетѣ, равномѣрно должна производиться на русскомъ языкѣ и вся переписка по управленію дорогою съ правительственными мѣстами и лицами“. Спрашивается: чтожъ тутъ придирчиваго, обиднаго или произвольнаго? Неужели правительство, гарантирующее частное предпріятіе въ предѣлахъ Россіи, не въ правѣ требовать, чтобъ книги и счеты, которые должны быть открыты для всѣхъ акціонеровъ и подлежатъ ревизіи правительства, велись на государственномъ языкѣ? А то на какомъ же: на нѣмецкомъ или еврейскомъ, или какъ вздумается правленію общества?—Далѣе, въ § 13: „общество въ правѣ выбирать служащихъ всѣхъ разрядовъ, какъ изъ русскихъ подданныхъ такъ и изъ иностранцевъ, подчиняясь въ послѣднемъ случаѣ дѣйствующимъ въ Россіи общимъ объ иностранцахъ правиламъ. На мѣста, гдѣ служащіе имѣютъ соприкосновеніе съ публикою, должны быть назначаемы лица свободно владѣющія русскимъ языкомъ“ (даже не сказано: Русскіе). Прежде, когда пассажиры обращались за справками по русски къ кондукторамъ на Динабургско-Рижской линіи, эти господа махали на нихъ руками и отворачивались. На это жаловались печатно, въ газетахъ, и я самъ былъ свидѣтелемъ подобныхъ случаевъ. По мнѣнію г. Вурстембергера и его Остзейскихъ вдохновителей, большой бѣды вѣроятно въ этомъ не было, но правительство разсудило иначе, и правило совершенно сходное съ прописаннымъ включено въ уставы всѣхъ желѣзно-дорожныхъ компаній, получившихъ концессіи въ послѣднихъ годахъ (н. п. Брест-Граевской, Московско-Курской, Харьково-Николаевской). Стало быть это опять мѣра общая, принятая высшимъ правительствомъ для всей имперіи, а не для одного Остзейскаго края и не по иниціативѣ тамошнихъ русскихъ чиновниковъ; она не касается техниковъ, а относится исключительно до служащихъ имѣющихъ дѣло съ публикою; наконецъ отъ нихъ требуется, чтобъ они могли объясняться по русски, не болѣе. Откуда же взялъ г. Вурстембергеръ, что по уставу всѣ служащіе (alle Bedienstеten) обязаны говорить только по русски (nur Russisch)? Сознательно ли онъ солгалъ или только некстати повѣрилъ на слово мѣстнымъ лгунамъ воспользовавшимся его легковѣріемъ—до этого намъ нѣтъ

„Этими и кое-какими другими однородными распоряженіями постоянно затрудняется сближеніе и взаимное соглашеніе, которое, въ настоящее время, такъ легко могло бы быть подготовлено между Нѣмцами, Балтійцами и Русскими [1]). Въ добавокъ является еще „Голосъ“ съ своими поддразнивающими статьями въ родѣ напримѣръ той, которую онъ напечаталъ въ 13 № нынѣшняго (1872) года, а потому и не мудрено, что у Балтійцевъ, при всей несомнѣнной ихъ готовности содѣй-

---

дѣла. Но вотъ на чемъ мы останавливаемъ вниманіе читателей: заявляя, что Остзейцы относятся къ Россіи и ея правительству все еще недовѣрчиво и не совсѣмъ дружелюбно, ихъ усердный адвокатъ взялся доказать, что въ этомъ виноваты не они, а мы. Въ подтвержденіе нужно было указать на что нибудь положительное. Авторъ объѣхалъ всѣ три Остзейскія губерніи, переѣзжая изъ прихода въ приходъ, изъ одной помѣщичьей мызы въ другую; онъ распрашивалъ дворянъ, пасторовъ, чиновниковъ, и наконецъ выложилъ передъ публикою собранныя имъ улики—ихъ оказалось три: правило объ адресахъ на письмахъ, обязательное употребленіе одного русскаго языка на Либавской желѣзной дорогѣ и статья „Голоса“ (№ 13, 1872 года). Но по справкамъ обнаружилось, что первая улика ничего не доказываетъ, а вторая ложь. Что же касается до статьи „Голоса“, то читатели прочтутъ ее ниже. Съ своей стороны, въ pendant къ фактамъ перетолкованнымъ или вымышленнымъ, я приведу на удачу свидѣтельства и факты несомнѣнные, въ видѣ комментаріевъ къ заявленію г. Вурстембергера о готовности Остзейскаго общества учиться русскому языку и допускать употребленіе его тамъ гдѣ онъ у мѣста. (См. приложеніе III).

[1]) Итакъ, въ соглашеніи должны участвовать уже не двѣ стороны, а три: Русскіе, Балтійцы и сверхъ того, вѣроятно съ правомъ голоса, еще какіе то Нѣмцы. Чѣмъ бы можно было удовлетворить Балтійцевъ мы знаемъ изъ послѣднихъ адресовъ дворянскихъ обществъ, изъ брошюры Ширрена и изъ другихъ заграничныхъ изданій. Стоило бы только перемѣнить для Остзейскаго края существующую у насъ форму правленія и возвести сословныя привилегіи на степень областной конституціи гарантированной международными трактатами. Не знаемъ: уконтентовались ли бы Нѣмцы такою сдѣлкою, которая конечно дала бы имъ, въ предѣлахъ россійской имперіи, готовый операціонный базисъ для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій на востокъ — Drang nach Osten, или, можетъ быть, они потребовали бы еще чего нибудь? Что же касается до Русскихъ, то вѣдь они, какъ нація, не существуютъ; по крайней мѣрѣ г. Вурстембергеръ ея не высмотрѣлъ. Есть правда двѣ, три газеты, спекулирующія на возбужденіе народнаго чувства (одна изъ нихъ кажется окончательно присмирѣла), но вѣдь ужъ г. Вурстембергеръ доказалъ, что стоитъ только слегка пригрозить имъ, и онѣ немедленно смолкнутъ. Делегату Евангелическаго Союза, ратующему за свободу совѣсти, этотъ пріемъ кажется очень по сердцу и онъ не нарадуется успѣшному его примѣненію.

ствовать осуществленію желаній правительства, опять опускаются руки. Каково имъ, въ самомъ дѣлѣ, выслушивать ежедневно несправедливѣйшую клевету и не имѣть возможности защититься; ибо то, что пишется въ защиту, просто на просто вычеркивается цензурою [1]), а статьи выходящія за границею замазываются въ Россіи типографскими чернилами [2]) (той же участи подвергнется конечно и настоящая статья) [3]); да и тѣ опроверженія, которыя доходятъ до Россіи, встрѣчаются публикою съ недовѣріемъ: ихъ принимаютъ не за выраженія правды, а за апологіи писанныя pro domo. Поэтому то и необходимо, чтобъ люди совершенно не заинтересованные поставили себѣ задачею выводить наружу всю истину и не спускать какому нибудь „Голосу“ и другимъ демократическимъ газетамъ, строящимъ свои выводы на догадкахъ и одностороннихъ, съ предвзятою цѣлью подбираемыхъ извѣстіяхъ. Такимъ газетамъ необходимо противопоставлять запасъ самолично высмотрѣнныхъ фактовъ и добросовѣстныхъ, безпристрастныхъ наблюденій [4]).

„Ближайшимъ къ тому поводомъ послужитъ мнѣ вышеупомянутая статья „Голоса“ (въ № 13, 1872 года) въ которой Латыши и Эсты изображаются все еще угнетенными, а Нѣмцы и протестанты привлекаются къ отвѣтственности за бѣдственное положеніе тамошнихъ крестьянъ принявшихъ православ-

1) Едва ли Остзейцы имѣютъ причины жаловаться на излишнюю строгость своей, мѣстной цензуры, собственно для нѣмецкихъ изданій; по крайней мѣрѣ ихъ неутомимый публицистъ Ф. Боккъ недавно заявлялъ печатно, что въ Дерптѣ нашли очень удобное средство обходить ее. Вотъ его слова по поводу недавно вышедшаго сочиненія профессора Енгельгардта о лютеранской церкви въ Россіи: „эта смѣлая книга могла появиться въ Дерптѣ только благодаря тому, что авторъ ея употребилъ въ дѣло привилегію, которою онъ въ то время пользовался въ качествѣ цензора отъ университета, и поступилъ какъ Ширренъ въ 1869 году, пропустившій въ Россію собственную свою брошюру (Evangelische Allianz und russiche Diplomatie, v. Bock. S. 36. Anmerkung).

2) Вотъ ужъ тутъ и цензура не угодила. Почему бы ей, въ самомъ дѣлѣ, не ограничиться запрещеніемъ русскихъ книгъ и пріостановкою русскихъ газетъ?

3) Однакожъ не подверглась.

4) О качествѣ всего запаса можно судить по образчикамъ: по 3-хъ рублевой преміи за душу въ Псковѣ и по запрещенію служащимъ на желѣзной дорогѣ говорить иначе какъ по русски.

ную вѣру. Кстати: одно высокопоставленное лице, въ Петербургѣ, очень серьезно и въ томъ же смыслѣ говорило мнѣ: „что протестантская церковь въ Остзейскихъ губерніяхъ притѣсняетъ православную—risum teneatis amici—это я привожу какъ курьезъ [1]).

---

[1]) Напрасно авторъ старается, искусственно возбуждаемымъ смѣхомъ, заглушить горькую истину. Тоже самое говорили ему въ самой Лифляндіи православные священники, въ числѣ другихъ Дерптскій протоіерей Алексѣевъ, съ которымъ г. Вурстембергеръ долго бесѣдовалъ и переписывался. Но безпристрастный Швейцарецъ разсудилъ за благо не сообщать публикѣ его свидѣтельства. Я приведу его въ подлинныхъ словахъ: „Относительно положенія нашей церкви я говорилъ г. Вурстембергеру, что за границею имѣютъ объ немъ совершенно превратное понятіе. Не наша церковь притѣсняетъ лютеранскую, а лютеране притѣсняютъ православныхъ. Нельзя сказать, чтобъ угнетали священниковъ—они пользуются покровительствомъ правительства, но бѣдныхъ крестьянъ. Православнымъ крестьянамъ многіе помѣщики не сдаютъ въ аренду дворовъ, или, по крайней мѣрѣ, при сдачѣ пишутъ контракты на имена подставныхъ лютеранъ: не охотно также продаютъ земли православнымъ, хотя изъ послѣднихъ очень немногіе въ состояніи были бы и купить ее. Оттого православные, за очень рѣдкими исключеніями, бѣдняки. Бѣдность же лишаетъ ихъ возможности обзавестись хорошими школами. Они не въ состояніи ни отвести земли подъ нее, ни дать учителю достаточное вознагражденіе за его труды; во многихъ мѣстахъ, сельскому учителю отпускаютъ по 3 или 4 пуры разнаго хлѣба за весь годъ ученія. Можно ли за такое вознагражденіе найти порядочнаго учителя? Мало того, что не могутъ содержать ни школы, ни учителя, не могутъ даже содержать дѣтей своихъ и въ готовой школѣ, не имѣя во что ихъ одѣть и чѣмъ прокормить. Въ видѣ примѣра, я указалъ на сдѣланное мнѣ наканунѣ нашего разговора Фалькенаускимъ священникомъ заявленіе, что одинъ крестьянинъ его прихода, который имѣетъ 8 человѣкъ дѣтей, нанимаетъ себѣ пріютъ въ банѣ одного хозяина, за что долженъ работать на него лѣтомъ въ лучшіе рабочіе дни и оттого не можетъ искать на сторонѣ заработковъ болѣе выгодныхъ, а бѣдныя дѣти его, буквально, не имѣютъ даже рубашки на плечахъ. Въ отвѣтъ на убѣжденія священника посылать дѣтей въ школу, отецъ спросилъ его: въ чемъ же я ихъ пошлю туда и чѣмъ тамъ прокормлю?—Такъ какъ изъ Дерпта г. Вурстембергеръ намѣревался отправиться въ Оберъ Паленъ и Везенбергъ, то я предлагалъ ему заѣхать къ Фалькенаускому священнику и тамъ самому убѣдиться своими глазами въ дѣйствительности описываемой бѣдности. Г. Вурстембергеръ хотѣлъ это сдѣлать; не знаю: исполнилъ ли онъ свое намѣреніе?“—Во всякомъ случаѣ онъ объ этомъ умалчиваетъ. Вотъ что онъ слышалъ отъ другого священника, который былъ ему рекомендованъ какъ человѣкъ высоко добросовѣстный: „Въ прежніе года, лютеране громко жаловались на законъ требовавшій, чтобъ дѣти происходящія отъ смѣшанныхъ браковъ непремѣнно крестились въ православную вѣру. Въ

„Въ настоящую минуту, я могу не останавливаться долѣе на упомянутой статьѣ, такъ какъ оцѣнку ея читатели найдутъ ниже, въ прилагаемомъ моемъ отвѣтѣ „Голосу“. Я напомню только, что и князь Горчаковъ осмѣлился сказать (anzugeben wagte) депутатамъ въ Фридрихсгафенѣ, что Прибалтійскіе Нѣмцы держали Латышей въ грубомъ невѣжествѣ и что только теперь, благодаря Государю и русскому правительству, они поднимаются до сознанія своего человѣческаго достоинства. Къ этому онъ добавилъ, что онъ свое отечество знаетъ, а мы знать его не можемъ и вступаемся въ дѣло на основаніи данныхъ, заставляющихъ сомнѣваться въ чистотѣ источниковъ, изъ которыхъ онѣ почерпнуты.

„Посмотримъ же, что оказывается въ дѣйствительности?

этомъ видѣли насиліе и нарушеніе свободы совѣсти, конечно не новорожденнаго, а его родителей. Прежній законъ отмѣненъ и не замѣненъ ничѣмъ. Послѣдствія у меня на глазахъ; безпрестанно приходятъ ко мнѣ православныя женщины и со слезами объявляютъ, что, противъ ихъ убѣжденія и желанія, мужья ихъ, исповѣдующіе протестантскую вѣру и давшіе предбрачную подписку воспитывать будущихъ своихъ дѣтей въ православіи, крестятъ ихъ въ лютеранство, несмотря на просьбы матерей.—„Что намъ дѣлать?“ спрашиваютъ онѣ. „Мы вышли за мужъ, считая ту подписку, которую добровольно давали наши мужья обязательною и твердою; теперь она ставится ни во что; наши мольбы безуспѣшны; намъ отвѣчаютъ, что протестанты пріобрѣли неоцѣненный даръ свободы совѣсти; но чѣмъ же хуже наша православная совѣсть? Научите, что дѣлать?“—И мы не можемъ дать никакого совѣта, потому что, при отмѣнѣ закона о предбрачныхъ подпискахъ, повидимому, не былъ предусмотрѣнъ тотъ очень не рѣдкій случай, когда между отцемъ и матерью не состоится полюбовнаго соглашенія. Бывали и такіе случаи, что, противъ воли православнаго отца, братья и родные матери лютеранки уносили изъ дому новорожденнаго младенца и крестили его по чину лютеранской церкви. Жалобы православныхъ родителей доходятъ до насъ, ихъ духовныхъ отцевъ, и не идутъ далѣе; мы не пересылаемъ ихъ ни въ редакціи иностранныхъ газетъ, ни въ отдѣлы Евангелическаго Союза; оттого и кажется со стороны, что теперь наступило царство свободы, а мы такъ видимъ передъ собою перевѣсъ силы, только перешедшей на другую сторону“.—Православный священникъ могъ бы прибавить къ этому, для сравненія, что въ 1845 году бывшимъ епископомъ рижскимъ Филаретомъ сдѣлано было распоряженіе, одобренное Синодомъ, не иначе приступать къ миропомазанію малолѣтнихъ дѣтей, по желанію отцевъ принявшихъ православіе, какъ съ заявленнаго при свидѣтеляхъ согласія матерей, оставшихся протестантками. Спрашивается: кто лучше понималъ права родительской совѣсти и обращался съ нею почтительнѣе?

„Въ Курляндіи и Лифляндіи, которыхъ большую часть я объѣхалъ, переѣзжая изъ прихода въ приходъ, изъ общины въ общину, для повсемѣстнаго изученія сельскихъ народныхъ школъ, какъ протестантскихъ, такъ и православныхъ, я нашелъ между ними слѣдующую разницу:

„Протестантская народная школа основана и содержится повсемѣстно рыцарствомъ, помѣщиками и протестантскими общинами, безъ всякаго пособія отъ правительства. Она существуетъ издавна, ибо, еще въ 1858 году, я самъ посѣщалъ во многихъ мѣстностяхъ Курляндіи хорошо устроенныя школы для крестьянъ. Что же касается до Лифляндіи, то, отъ первой половины прошлаго вѣка, сохранились даже отчеты о школахъ, свидѣтельствующіе о заботливости, которая въ то время уже обращалась на эту часть. Стало быть, нѣмецкое дворянство далеко не такъ пренебрегало народнымъ образованіемъ, какъ увѣрялъ князь Горчаковъ.

„Въ Курляндіи существуютъ двѣ категоріи народныхъ школъ, такъ называемыя зимнія и лѣтнія. Первыя бываютъ открыты отъ ноября до Святой недѣли и посѣщаются всѣми крестьянскими дѣтьми безъ различія. Вторыми, стоящими на нѣсколько высшей ступени, пользуются почти исключительно дѣти состоятельнѣйшихъ крестьянъ и фермеровъ. Во всѣхъ школахъ этого послѣдняго разряда преподается и нѣмецкій языхъ, въ большей части преподается и русскій[1]), сверхъ того: письмо, счетъ, пѣнье, исторія, географія, иногда даже ученіе о пространствѣ и о природѣ (Raumlehre und Naturlehre), и, разумѣется, библейская исторія и катихизисъ. Въ зимнихъ школахъ ограничиваются вообще закономъ Божіимъ, письмомъ, счетомъ и пѣньемъ на народномъ языкѣ; теперь однако коегдѣ уже введено преподаваніе нѣмецкаго и русскаго языковъ. Въ школахъ я почти повсемѣстно находилъ очень много мальчиковъ. Вообще, у Латышей, какъ въ Курляндіи такъ и въ Лифляндіи, замѣтны необыкновенная охота къ ученію и способность легко выучиваться, такъ что, по моимъ наблюденіямъ, дѣти въ тѣхъ мѣстахъ стоятъ, въ общей слож-

[1]) Читай: въ весьма не многихъ, въ видѣ рѣдкаго исключенія и очень дурно.

ности, не ниже учениковъ народныхъ сельскихъ школъ германскихъ и швейцарскихъ. Для образованія учителей въ сельскія народныя школы, курляндское рыцарство учредило и содержитъ особую семинарію, которая, подъ руководствомъ отличнаго директора, даетъ отраднѣйшіе результаты и снабжаетъ вполнѣ способными учителями какъ значительнѣйшія общинныя школы, такъ и многочисленныя вотчинныя, основанныя частными землевладѣльцами.

„Рѣзкую противоположность къ этимъ протестантскимъ школамъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ мѣстнымъ дворянамъ и общинамъ, представляетъ православная Гольдингенская школа, учрежденная на счетъ казны и пожертвованій такъ называемыхъ православныхъ братствъ. Это была единственная православная школа, которую мнѣ удалось видѣть въ Курляндіи; правда, мнѣ указывали и на другія мѣста, въ которыхъ будто бы заведены были такія же школы, но данныя мнѣ справки не подтвердились.

„Въ Гольдингенской школѣ я засталъ 24 мальчиковъ; на видъ ихъ содержатъ, одѣваютъ и кормятъ хорошо. Но когда я спросилъ чему ихъ учатъ, оказалось, что эти молодые Латыши ни единаго слова не слышатъ въ школѣ на родномъ своемъ языкѣ и что все обученіе ихъ ограничивается затверживаніемъ молитвъ и гимновъ на русскомъ и славянскомъ языкахъ. Такимъ то образомъ возводятся они на русскій ладъ къ сознанію своего человѣческаго достоинства; въ то же время отнимается у нихъ всякая возможность общенія съ своими земляками [1]).

---

[1]) Я собралъ по этому обстоятельству самыя точныя справки, не желая основываться на общихъ свѣдѣніяхъ, которыя по временамъ мнѣ доставлялись какъ члену нѣкоторыхъ православныхъ братствъ Остзейскаго края. Прибавлю, что лица, отъ которыхъ отбирались эти справки, въ то время еще ничего не знали о статьѣ г. Вурстембергера. Вотъ что отвѣтилъ Гольдингенскій священникъ: „Обученіе дѣтей въ здѣшней братской школѣ латышскому языку производится постоянно и вмѣнено братству въ непремѣнную обязанность: во первыхъ, § 4-мъ устава его, во вторыхъ, представленнымъ мною въ попечительство братства и утвержденнымъ росписаніемъ часовъ занятій въ этой школѣ. По этому росписанію, дѣтямъ пріюта еженедѣльно дается четыре урока латышскаго языка; сверхъ того, законъ Божій преподается дѣтямъ на обоихъ языкахъ, русскомъ и латышскомъ; кромѣ того, при совершеніи богослуженія по-латышски,

„Въ Лифляндіи я встрѣтилъ точно такое же отношеніе, mutatis mutandis, однѣхъ школъ къ другимъ, о чемъ впрочемъ, въ свое время, доносилъ уже графъ Бобринскій. А именно: съ одной стороны, являются школы протестантскія, состоящія подъ бдительнымъ, совѣстливымъ руководствомъ, посѣщаемыя всею молодежью почти безъ исключенія, основанныя и содержимыя безъ всякаго пособія отъ правительства, единственно на средства нѣмецкихъ помѣщиковъ и крестьянскихъ общинъ; школы эти помѣщаются въ красивыхъ, каменныхъ домахъ, а преподаютъ въ нихъ хорошо образованные учителя, такъ же какъ въ Курляндіи, подготовляемые въ семинаріяхъ, основанныхъ дворянствомъ въ Валкѣ.

„Съ другой стороны, напрасно искалъ я православныхъ школъ. А разсказывали, будто бы ихъ возникло великое множество, благодаря громаднымъ суммамъ, которыми сорило правительство на православныя церкви и училища (не думая о соразмѣреніи своихъ пособій съ малымъ числомъ послѣдователей государственной церкви), благодаря отводу поземельныхъ надѣловъ на школы несуществующія и на учителей еще не найденныхъ, благодаря, наконецъ, тѣмъ значительнымъ пожертвованіямъ, которыя русскія братства сумѣли выманить для укрѣпленія православной церкви въ Остзейскихъ губерніяхъ черезъ посредство тамошнихъ своихъ агитаторовъ. Только одна православная школа привлекала къ себѣ значительное число учениковъ; она учреждена точь въ точь по образцу протестантскихъ и содержится греко-православнымъ Латышемъ. Въ большей части остальныхъ, которыя были мнѣ указаны, не было вовсе учениковъ или не было учителей.

„Впрочемъ, по этой статьѣ, я не сталъ бы придавать большой цѣны моимъ собственнымъ наблюденіямъ (такъ какъ я не былъ въ состояніи объѣхать всѣ мѣста и потому могъ бы приписать случайности, что мнѣ не удалось отыскать право-

дѣти поютъ на этомъ языкѣ. Такъ какъ поступающіе вновь ученики, кромѣ латышскаго языка, никакого другаго не знаютъ, то не было бы положительно никакой возможности приступить къ обученію ихъ какому либо предмету безъ пособія этого языка. Дошедшій слухъ будто бы ему не обучаютъ въ братской школѣ такъ страненъ, что не мѣшало бы попечительству братства изслѣдовать его происхожденіе“.

славныхъ школъ), но я могу привести два полновѣсныхъ свидѣтельства, которыхъ конечно нельзя заподозрить въ пристрастіи къ протестантамъ. Одно идетъ изъ Лифляндіи, отъ высокопоставленнаго духовнаго лица православнаго вѣроисповѣданія [1]), съ которымъ я говорилъ о школахъ для православнаго населенія и которое, не обинуясь, призналось мнѣ, что православные никакихъ школъ основать не могутъ, по совершенному недостатку въ преподавателяхъ (an Lehrkräften), а потому пусть ужь лучше и дѣти православнаго вѣроисповѣданія посѣщаютъ протестантскія школы, ибо иначе они лишились бы всякаго школьнаго образованія. На мой вопросъ: какъ смотритъ собесѣдникъ мой на обученіе православныхъ дѣтей въ этихъ школахъ закону Божію?—онъ отвѣчалъ; „пусть пользуются они протестантскимъ преподаваніемъ закона Божія; тогда, по крайней мѣрѣ, они усвоятъ себѣ хоть какую нибудь вѣру; въ нашихъ же школахъ, они не получили бы никакой [2])“.

Второе, конечно не двусмысленное свидѣтельство даетъ „Голосъ“ (въ 13 Nr. 13 янв. 1872 г.): съ одной стороны, онъ горько оплакиваетъ бѣдность Латышей и Эстовъ въ Остзейскомъ краѣ, какъ помѣху ихъ развитію въ духѣ русской народности и православной церкви; съ другой, онъ же сообщаетъ, что правительство расщедрилось до отпуска 800 т. р. и до отвода 12.288 десят. на улучшеніе церквей и школъ, не считая пожертвованій, собранныхъ братствами на тотъ же предметъ. Естественно рождается вопросъ: если со стороны правительства оказана помощь въ размѣрѣ (по отношенію къ числу исповѣдующихъ православную вѣру) значительно превышающемъ матеріальныя пожертвованія протестантовъ въ пользу ихъ единовѣр-

[1]) Ни съ однимъ высоко поставленнымъ членомъ мѣстной, православной іерархіи, г. Вурстембергеръ не имѣлъ никакихъ сношеній. Если весь разговоръ за этимъ слѣдующій не вымышленъ, то высокопоставленное лицо названо духовнымъ, чтобы придать его свидѣтельству большую силу, или просто, чтобъ отвести глаза отъ того высокопоставленнаго недуховнаго лица, которое кажется одно, во всемъ краѣ, способно было поклониться заѣзжему туристу не только настоящимъ, но и будущностью православной церкви.

[2]) Могу положительно засвидѣтельствовать, что ни одинъ изъ членовъ православнаго духовенства, съ которыми видѣлся авторъ въ Остзейскомъ краѣ, не говорилъ ему ничего похожаго; за тамошнихъ генераловъ не ручаюсь.

цевъ, то въ чемъ же заключается причина безвыходнаго нищенства православныхъ Латышей и Эстовъ, неудовлетворительнаго состоянія ихъ церквей и школъ и постоянныхъ переходовъ въ лютеранство [1])? Отвѣтъ на это найти легко; онъ

---

[1]) Здѣсь, все преднамѣренно запутано и сбито. Во первыхъ, постройка церквей и церковныхъ домовъ, постройка школъ и обезпеченіе учителей, наконецъ улучшеніе хозяйственнаго быта прихожанъ—три различныя задачи, которыхъ нельзя сливать въ одну, особенно послѣдней съ двумя первыми. Смѣшно даже спрашивать: отчего нищенствуютъ православные Латыши и Эсты, когда правительство отпускаетъ особыя суммы на постройку церквей и отводитъ земли подъ школы? Не спрашиваютъ же: отчего Остзейскіе крестьяне вообще, не исключая лютеранъ, періодически бѣгутъ изъ своей родины, когда выписываемые изъ за-границы Дерптскіе профессора получаютъ хорошее жалованье?— Во вторыхъ, такъ какъ г. Вурстембергеръ возражаетъ на статью „Голоса“, а вся эта статья основана на офиціальномъ сообщеніи Правит. Вѣстника (Nr. 110, 1871 года), то нельзя не предположить, что авторъ заглянулъ и туда, иначе что значило бы тщательное изслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ? Но если г. Вурстембергеръ справился съ Вѣстникомъ, то онъ не можетъ не знать, что 800 тыс. руб. не израсходованы, а только ассигнованы высшимъ правительствомъ, притомъ не въ полной суммѣ, а въ размѣрѣ 774 тыс. (по подрядньмъ цѣнамъ); что весною 1871 года только что приступлено было къ постройкамъ и что онѣ будутъ окончены только въ 1873-мъ. Если бы то, за что наконецъ взялось правительство въ 1871 году, сдѣлано было лѣтъ 25 тому назадъ, тогда внѣшняя обстановка православной церкви была бы теперь, конечно, иная и не оказывалось бы (какъ значится въ томъ же офиціальномъ сообщеніи), что изъ 51 прихода, только въ трехъ найдены церкви прочными и въ исправности. Что же касается до земли, то она отводится въ рижской епархіи на причтъ въ увеличенномъ размѣрѣ, отъ 100 до 150 дес. только изъ казенныхъ мызныхъ земель, и въ 1871 году, изъ 51 прихода, только въ 12-ти нарѣзаны были такіе надѣлы. Добросовѣстно ли послѣ этого удивляться, что на практикѣ, результаты запоздалыхъ щедротъ правительства не бросались еще въ глаза ни въ концѣ 1871, ни въ самомъ началѣ 1872 годовъ? Въ третьихъ, еще безсовѣстнѣе увѣреніе, будто бы, благодаря тѣмъ же щедротамъ, православная церковь въ Лифляндіи пользуется бо́льшими средствами, чѣмъ лютеранская. Авторъ какъ будто не понимаетъ разницы между одновременно пожертвованнымъ капиталомъ и ежегодными отпусками на текущіе расходы. Сравнивать можно только капиталъ съ капиталомъ, или доходъ съ доходомъ. Въ первомъ случаѣ, говоря о протестантствѣ въ Лифляндіи, слѣдовало бы, прежде всего, оцѣнить тотъ недвижимый капиталъ (церкви, строенія разнаго рода земли и оброчныя статьи) и тѣ суммы, которыя, при обращеніи края въ протестантство, были конфискованы у римской церкви и составляютъ по сю пору основный фондъ лютеранской. Это было дешевое пріобрѣтеніе. Къ этому слѣдовало бы прибавить всѣ позд-

заключается, во первыхъ, въ безсовѣстномъ расхищеніи отпускаемыхъ въ изобиліи суммъ [1]), въ полнѣйшемъ отсутствіи умственныхъ способностей, нужныхъ для народнаго обученія и которыхъ нельзя купить на деньги, наконецъ, въ безтолко-

---

нѣйшія капитальныя сооруженія, отводы земель и денежныя суммы, поступавшія въ ея же пользу изъ разныхъ источниковъ и по разнымъ поводамъ. Вотъ данныя для сравненія капиталовъ. Затѣмъ, слѣдовало бы положить какой нибудь процентъ съ пасторатскихъ недвижимыхъ имѣній, какъ извѣстно весьма значительныхъ, и съ денежныхъ церковныхъ капиталовъ, причислить къ этому проценту стоимость многосложныхъ, обязательныхъ приходскихъ повинностей, ежегодно отбываемыхъ въ пользу церквей и пасторовъ, плату за требы и добровольныя приношенія, принявъ при этомъ въ соображеніе, что все зажиточное населеніе края, почти безъ исключенія, принадлежитъ къ лютеранству; наконецъ, раздѣливъ итогъ на общее число протестантскихъ приходовъ, сравнить частное съ сложностью жалованья ассигнованнаго священно и церковнослужителямъ каждаго прихода, дохода отъ церковной земли и средней суммы поступающихъ съ разныхъ сторонъ пособій и пожертвованій. Тогда, какъ бы произвольно ни умалялись капиталы и доходы протестантскаго церковнаго штата, и какъ бы, на оборотъ, ни раздувались капиталы и доходы штата православнаго, такое сравненіе все-таки привело бы къ заключенію, что православіе находится въ нищенскомъ положеніи, какъ это и заявляется, въ укоръ ему, болѣе правдивымъ авторомъ латышской брошюры, о которой было говорено выше. О суммахъ, отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства на народное образованіе въ Лифляндіи, сравнительно съ отпусками на тотъ же предметъ изъ мѣстныхъ средствъ, читатели найдутъ точныя свѣдѣнія ниже въ статьѣ о школахъ.

[1]) Этотъ извѣтъ направленъ конечно противъ православнаго духовенства. Авторъ расплачивается имъ за радушное гостепріимство, которымъ онъ пользовался у нашихъ священниковъ и за которое выражалъ въ началѣ своего отчета такую горячую признательность; но онъ нѣсколько ошибся и попалъ не туда, куда мѣтилъ. До семидесятыхъ годовъ, при первоначальной постройкѣ церквей (большая часть ихъ построена при князѣ Суворовѣ), дѣло производилось на общемъ для всѣхъ казенныхъ сооруженій основаніи; вся хозяйственная операція была въ рукахъ мѣстной строительной комиссіи, состоявшей, какъ и всѣ присутственныя мѣста, изъ Нѣмцевъ и лютеранъ, а православное духовенство не принимало въ производствѣ работъ никакого участія. Строили дѣйствительно такъ скверно, что есть основаніе предполагать, со стороны исполнителей обманъ и воровство, а со стороны надзиравшихъ и контролировавшихъ—потворство, послабленіе или, по крайней мѣрѣ, крайнее невниманіе къ дѣлу. Когда наконецъ обнаружилась негодность произведенныхъ построекъ, въ 1870 году, одновременно съ новыми ассигновками, установленъ былъ и новый порядокъ. Какъ значится въ Правит. Вѣстникѣ (1871, Nr. 110): „въ виду различныхъ затрудненій, не позволявшихъ подчинить постройку церквей въ рижской епархіи общему, установленному для подобныхъ сооруженій порядку (то

вомъ раздробленіи на мелкіе участки той земли, которая раздавалась въ видѣ преміи за присоединеніе къ православной церкви. Этою послѣднею мѣрою систематически создается пролетаріатъ наихудшаго свойства, который не только не служитъ къ поддержанію и подкрѣпленію православной церкви въ Остзейскомъ краѣ, а, наоборотъ, вредитъ ей, какъ пугало, въ глазахъ лучшей части мѣстнаго народоселенія и въ особенности крестьянъ [1]).

„Правда, въ Ригѣ основана православная учительская семинарія, изъ которой воспитанники перваго выпуска разошлются по деревнямъ не далѣе какъ черезъ годъ или два [2]). Я не могъ осмотрѣть ее, потому что мнѣ загородили въ нее дорогу, не рѣшаюсь сказать: случайно или преднамѣренно. Понятно впрочемъ, что такъ какъ въ то время мое сужденіе о православной Гольдингенской школѣ дошло уже до рижскаго и митавскаго архіепископа, то директоры рижской семинаріи не захотѣли подвергать ее такому же осужденію и предпочли не впускать меня. Поэтому, я поневолѣ долженъ ограничиться

есть попросту: чтобъ изъять по возможности это дѣло изъ нѣмецкихъ рукъ разъ уже испортившихъ его) признано необходимымъ сосредоточить въ рукахъ начальника Прибалтійскаго края всѣ распоряженія по церковностроительству“.

[1]) О водвореніи православныхъ крестьянъ на мелкихъ участкахъ въ казенныхъ имѣніяхъ я представлю ниже подробныя свѣдѣнія; здѣсь же ограничусь вопросомъ: если отводъ земель батракамъ, самъ по себѣ, такъ нелѣпъ въ хозяйственномъ отношеніи и такъ вреденъ въ политическомъ, то чѣмъ объяснить себѣ слѣдующее офиціальное сообщеніе Правительственнаго Вѣстника (1872 года, Nr. 308): „На февральской сессіи эстляндскаго дворянскаго ландтага 1872 года будетъ обсуждаться, между прочимъ, предположеніе о продажѣ неимущимъ членамъ крестьянскихъ обществъ, преимущественно батракамъ, мелкихъ поземельныхъ участковъ съ выдачею подъ залогъ ихъ ссудъ изъ состоящаго при эстляндской дворянской кредитной кассѣ заемнаго банка. Предположеніе это состоялось въ видахъ предоставленія и неимущимъ крестьянамъ возможности пріисканія осѣдлости на родинѣ и предупрежденія стремленія къ переселенію“. — Неужели эстляндское рыцарство дѣйствовало заодно съ „шайкою московскихъ коммунистовъ, соціалистовъ и демократовъ?“

[2]) Это однакожь не мѣшаетъ автору, изъ ощущаемаго теперь недостатка въ православныхъ учителяхъ выводить заключеніе о внутренней несостоятельности православной церкви въ дѣлѣ народнаго обученія вообще.

слухами объ ней до меня дошедшими. Судя по нимъ, нельзя ставить этого заведенія въ образецъ ни по отношенію къ примѣняемой въ немъ нравственной дисциплинѣ, ни относительно принятой системы образованія кандидатовъ на учительскія мѣста. Хотя они готовятся обучать Латышей и Эстовъ и хотя, для образованія послѣднихъ, конечно, необходимо употреблять тотъ языкъ, который для нихъ понятенъ, однако, въ семинаріи слѣдуютъ той же системѣ, какую я засталъ въ Гольдингенѣ, то есть воспитанниковъ занимаютъ почти исключительно затверживаніемъ русскихъ и славянскихъ псалмовъ и литургій. На этомъ хотятъ основать хваленое народное образованіе, о которомъ столько было говорено и писано; этимъ думаютъ укрѣпить и поднять между Эстами и Латышами православный русскій духъ [1]).

„Щедрость, съ которою Государь ассигновалъ деньги и земли на улучшеніе быта православныхъ Латышей и Эстовъ [2]), конечно, оправдываетъ предположеніе, что онъ хочетъ достигнуть всего возможнаго въ этомъ высокомъ стремленіи. Безъ явной неблагодарности, нельзя бы было этого не признать.

---

[1]) Здѣсь даже трудно понять о какомъ именно учебномъ заведеніи говоритъ г. Вурстембергеръ. Въ Ригѣ есть духовная семинарія, состоящая въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства, какъ учрежденіе церковное, но въ ней воспитываются не будущіе учителя для народныхъ школъ, а православные священно и церковнослужители. Затѣмъ есть недавно открытая семинарія для образованія учителей, состоящая въ вѣдѣніи не духовенства, не православнаго братства (какъ Гольдингенское училище и какъ Петропавловское въ Ригѣ), а министерства народнаго просвѣщенія. Повидимому, рѣчь идетъ объ учительской семинаріи, но въ такомъ случаѣ непонятно: какимъ образомъ и ради чего тамошній преосвященный могъ бы, черезъ директоровъ этой семинаріи, преградить въ нее входъ г. Вурстембергеру? Неужели почтенный членъ Евангелическаго Союза, по собственнымъ его словамъ, такъ старательно повѣрявшій всѣ доставлявшіяся ему справки и свѣдѣнія, не зналъ, что епархіальное начальство, не участвуя въ завѣдываніи учительскою семинаріею, естественно не несетъ за нее никакой отвѣтственности? Впрочемъ, о какомъ бы учебномъ заведеніи ни говорилъ г. Вурстембергеръ, о духовной ли семинаріи или объ учительской, передаваемый имъ слухъ чистѣйшая ложь, ибо въ той и въ другой преподаются латышскій и эстскій языки не хуже, чѣмъ въ любомъ нѣмецко-лютеранскомъ учебномъ заведеніи.

[2]) Ниже будетъ объяснено, сколько дѣйствительно дошло до православныхъ отъ монаршихъ щедротъ.

Но иной вопросъ: достигается ли этимъ предположенная цѣль? и на этотъ вопросъ можно отвѣтить смѣлымъ: нѣтъ! Та цѣль, мнимымъ достиженіемъ которой прельщали Государя, напротивъ, все болѣе и болѣе отдаляется. Ибо, съ одной стороны, что бы ни дѣлали, будущность православной церкви въ Остзейскихъ провинціяхъ никогда не выйдетъ изъ прикрывающаго ее мрака неизвѣстности; самая возможность ея существованія останется навсегда сомнительною, а значительные денежные отпуски на цѣли темныя и невѣрныя всегда обращаются для многихъ въ источникъ опасныхъ искушеній. Всѣ тѣ, которымъ удалось нагрѣть себѣ руки первыми ассигнованными суммами, естественно пріучаются искать своей выгоды въ постоянномъ изобрѣтеніи новыхъ, призрачныхъ потребностей. Такъ и „Голосъ“ въ Nr. 13-мъ, очень остроумно доказываетъ, что все дарованное до сихъ поръ стекало въ бездонную бочку [1]). Во вторыхъ, въ раздачѣ мелкихъ участковъ, положительно недостаточнаго объема, въ видѣ преміи за перемѣну вѣры, заключается причина неизбѣжнаго, окончательнаго, нравственнаго упадка и обнищанія всѣхъ надѣленныхъ. Это ясно на первый взглядъ для каждаго знакомаго съ условіями и потребностями сельскаго хозяйства Но однако, такъ какъ Государь имѣетъ доброе намѣреніе облагодѣтельствовать своихъ подданныхъ эсто-латышскаго происхожденія, то возникаетъ новый вопросъ: нѣтъ ли другихъ, болѣе вѣрныхъ средствъ къ достиженію этой цѣли, такихъ средствъ, которыя, можетъ быть, и не потребовали бы столь значительныхъ жертвъ, и все-таки дали бы болѣе результатовъ, чѣмъ брошенныя на вѣтеръ суммы и чѣмъ земли, такъ безразсудно раздробленныя ко вреду всего государства и мѣстныхъ обывателей.

„На это смѣло можно отвѣтить: да, такія средства есть и они находятся въ распоряженіи Государя и правительства. Первое между ними по важности состоитъ въ слѣдующемъ: поручить разсудительнымъ и добросовѣстнымъ людямъ [2]) изслѣдовать, каково на самомъ дѣлѣ положеніе Эстовъ и Латы-

[1]) Читатели прочтутъ вслѣдъ за этимъ статью Голоса и справятся сами, есть ли въ ней хоть похожее на то, что вычиталъ г. Вурстембергеръ.

[2]) Почему не сказать прямо: мѣстнымъ ландмаршаламъ и ландратамъ, съ придачею двухъ или трехъ Прусаковъ или Швейцарцевъ, въ качествѣ экспер-

шей, и впредь не давать вѣры показаніямъ тенденціозныхъ газетъ, коихъ органы никогда не брали на себя труда доходить до истины, никогда не удостовѣрялись въ чистотѣ источниковъ, которыми пользовались, а распускали нелѣпѣйшія басни, хватаясь съ жадностью за всякаго рода вымыслы, или много за изолированные случаи, лишь бы найти что нибудь въ подтвержденіе собственныхъ своихъ противорѣчій, кидающихся въ глаза при самой даже поверхностной критикѣ [1]).

„Тогда, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ узнали бы наконецъ, что нѣтъ правды въ истасканныхъ фразахъ о томъ, что будто бы съ Латышами и Эстами обращались какъ съ рабочимъ скотомъ, будто бы ихъ плотью и кровью кормились и насыщались Нѣмцы, будто бы, наконецъ, по словамъ князя Горчакова, ихъ преднамѣренно держали въ грубомъ невѣжествѣ. Узнали бы, наоборотъ, что по истинѣ изумительное, духовное и матеріальное преуспѣяніе сельскаго народонаселенія Остзейскихъ губерній, быстрое его обогащеніе, подъемъ благосостоянія во всѣхъ классахъ — хозяевъ, батраковъ и поденьщиковъ—ихъ духовная даровитость, ихъ любовь къ порядку, словомъ все нынѣ замѣчаемое, никакъ не позволяетъ предполагать въ прошедшемъ многолѣтняго и тяжелаго рабства (einer früheren Knechtschaft) [2]). Узнали бы, что эти крестьяне, по особенно благопріятной, соціальной обстановкѣ, которою они теперь пользуются, стоятъ выше

товъ, лишь бы только не просочилось какъ нибудь въ эту коммисію православно-русское воззрѣніе.

[1]) По всѣмъ этимъ чертамъ можно бы предположить, что авторъ казнитъ Аугсбургскую Газету за гостепріимство, ею оказанное его статьѣ.

[2]) Ужъ и въ прошедшемъ! Здѣсь кажется, авторъ hat etwas über die Schnur gehauen—какъ говорятъ его земляки, и я удивляюсь какъ Остзейскіе его вдохновители не удержали его въ пору отъ этой медвѣжьей услуги. Вѣдь все-таки есть свидѣтельства лѣтописцевъ, статьи закона, письма Стефана Баторія, рескрипты шведскихъ королей, предложенія шведскихъ генералъ-губернаторовъ, указы Екатерины II, Павла, Александра I, донесенія многихъ нашихъ генералъ-губернаторовъ, въ томъ числѣ нѣмца барона Палена; есть заявленія депутатовъ отъ самого дворянства (1845—1847 годовъ) о желаніи всего сословія (правда неосуществившемся) искупить прежнія свои неправды улучшеніемъ быта крестьянъ; есть книги Меркеля, Рутенберга, неизвѣстнаго автора брошюры: „Эстъ и его баринъ“ и т. д. Какъ же бы могли мы все это позабыть.

всѣхъ европейскихъ народовъ занимающихся земледѣліемъ, и что этимъ они обязаны исключительно попечительности объ нихъ того самаго нѣмецкаго дворянства [1]), которое то и дѣло подвергается въ газетахъ поношенію за мнимое употребленіе своей власти Латышамъ и Эстамъ во зло. Въ такомъ видѣ представлялось мнѣ положеніе дѣлъ при многократныхъ объѣздахъ Остзейскихъ губерній, въ 1858, затѣмъ въ 1861, далѣе въ 1870 и наконецъ въ 1872 годахъ. Въ такомъ же видѣ представился этотъ край кенигсбергскому профессору фонъ деръ-Гольцу, изучавшему, по поводу сельскохозяйственной выставки бывшей въ Ригѣ, условія тамошняго крестьянскаго быта. Говоря объ нихъ, онъ засвидѣтельствовалъ, что ему нигдѣ не доводилось видѣть условій столь нормальныхъ и потому самому столь благопріятныхъ [2]).

„Въ томъ, однако, „Голосъ“ правъ, что крестьяне православнаго вѣроисповѣданія находятся вообще въ положеніи менѣе выгодномъ. Я также въ этомъ убѣдился. Оказывается, что они, пользующіеся особеннымъ покровительствомъ правительства [3]), они, на которыхъ столько потрачено [4]), они, наконецъ, цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ освобожденные отъ всякихъ повинностей въ пользу церквей [5]), не могли подняться на ту высоту, на которой стоитъ большинство крестьянъ, т. е. крестьяне протестанты. А увѣряли, что введеніе православной вѣры будетъ для здѣшняго края какимъ

---

[1]) Тутъ ужъ начинается лиризмъ, ускользающій отъ всякой критики.

[2]) Странно, что сама Пруссія, въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, такъ сознательно и послѣдовательно избѣгала этихъ нормальныхъ условій. Она никогда не выхватывала крестьянской земли (Bauernland) изъ подъ ногъ земледѣльцевъ, а напротивъ того строго оберегала ея неприкосновенность и заключила рядъ законодательныхъ реформъ положеніемъ, не о полюбовной продажѣ бывшей крестьянской земли кому бы то ни было и по цѣнѣ ничѣмъ неограниченной, а о выкупѣ (Ablösung) крестьянами крестьянской земли по цѣнѣ соотвѣтствующей капитализированной повинности. Надобно думать, что кенигсбергскій профессоръ тоже расплачивался съ своими хозяевами за угощеніе, или онъ можетъ быть дѣлалъ опыты надъ ихъ довѣрчивостью.

[3]) Какая злая иронія!

[4]) Сколько же однако?

[5]) Освобожденные на бумагѣ.

то чрезвычайнымъ благодѣяніемъ! Заключается ли причина этого явленія въ существѣ самой религіи [1]) или въ другихъ обстоятельствахъ?—Это такой вопросъ, который потребуетъ особенно пристальнаго разсмотрѣнія, буде когда нибудь захотятъ добраться до самой сути дѣла. Можетъ быть въ указанномъ явленіи нашлась бы мѣрка для сравнительной оцѣнки (на первый разъ хоть бы по отношенію къ Лифляндіи) если не самыхъ вѣроисповѣданій (такъ какъ они по природѣ своей духовны и едва ли могутъ быть подводимы подъ вещественное мѣрило) [2]), то, по крайней мѣрѣ, двухъ различныхъ формъ церковнаго управленія.

„Всякій объѣхавшій Остзейскія провинціи, всмотрѣвшійся въ тамошній людъ и бывшій свидѣтелемъ многообразныхъ сношеній помѣщиковъ съ крестьянами, легко могъ удостовѣриться, что тамъ, повсемѣстно, издавна и по традиціи, держится въ помѣщичьемъ кругу духъ патріархальной заботливости о крестьянахъ. Этотъ духъ носили въ себѣ и развивали вокругъ себя (притомъ не съ недавняго только времени) преимущественно Балтійскія женщины. Вообще, вліяніе женской стихіи, въ высшихъ слояхъ общества, гораздо значительнѣе въ германскихъ земляхъ, чѣмъ въ романскихъ и славянскихъ; въ Остзейскихъ же провинціяхъ, оно особенно ощутительно, ибо здѣсь, при отдаленности помѣстій отъ городовъ, требуется отъ матери гораздо болѣе непосредственнаго, дѣятельнаго участія въ начальномъ воспитаніи и душевномъ образованіи дѣтей, чѣмъ тамъ, гдѣ городскія школы для малолѣтнихъ слишкомъ рано отвлекаютъ дѣтей отъ облагораживающаго и смягчающаго вліянія матери. Такъ велось изстари, изъ рода въ родъ. Изъ этихъ семейныхъ традицій, въ связи съ счастливыми способностями, прирожденными Балтійской вѣтви Остзейскаго племени, и еще съ другими условіями, сложился духъ нравственнаго приличія и гуманности

---

1) Вѣроятно такъ; напримѣръ: въ почитаніи иконъ или въ непринятіи латинской прибавки къ символу вѣры.

2) Отчего же не могутъ? Вѣдь доказываютъ же пасторы и Остзейскіе публицисты превосходство лютеранства надъ православіемъ тѣмъ, что ихъ прихожане богаче исповѣдующихъ такъ называемую русскую вѣру. Это тема богатая, еще не исчерпанная, и не слѣдовало бы бросать ее.

(anständiger, menschlicher Geist) находящій себѣ въ общественномъ мнѣніи Балтійскаго дворянства постоянную поддержку. Этотъ духъ, очищенный духомъ христіанства и Евангелія (особенно живымъ въ здѣшнихъ женщинахъ), сверхъ того самый характеръ главнаго мѣстнаго промысла, земледѣлія (тѣмъ именно и отличающагося отъ фабричной и заводской промышленности, что въ подъемѣ благосостоянія рабочихъ классовъ заключается надежнѣйшее условіе преуспѣянія высшихъ)—все это вмѣстѣ издревле взрастило ту патріархальность отношеній, которая и теперь обнаруживается повсемѣстно, то довольство и ту независимость крестьянъ, которыя также вездѣ проявляются, за исключеніемъ лишь мѣстностей обнищавшихъ и выродившихся, благодаря тому, что въ нихъ ознаменовали свою дѣятельность православнорусскіе агитаторы [1]).

„Пусть же „Голосъ“ старается выдать то, что сдѣлано было имъ самимъ и ему подобными, за картину общаго быта; пусть увѣряетъ онъ Русскихъ, что въ Остзейскихъ провинціяхъ уцѣлѣли будто бы до сихъ поръ такіе же порядки, какіе встрѣчались въ коренной Россіи десять лѣтъ тому назадъ, да и теперь не только въ ней не вывелись, а напротивъ, съ того времени (то есть въ послѣднее десятилѣтіе) еще усилились [2])—правда, все-таки когда нибудь выйдетъ на свѣтъ.

„Эта мятежная газета (das wühlerische Blatt), задавшаяся

---

[1]) Все это умилительно, а нельзя не припомнить, что, по наблюденіямъ старика Меркеля, „только русскіе штыки поддерживали нѣмецкій деспотизмъ въ Лифляндіи“. Да и послѣ него, до нашихъ дней, пятилѣтія не проходило безъ того, чтобъ патріархи не прятались отъ своихъ домочадцевъ за казаковъ, а домочадцы не рвались куда нибудь подальше отъ патріарховъ. Для объясненія этой особенной стороны Остзейской патріархальности, прибѣгаютъ обыкновенно къ предположенію волшебнаго дѣйствія какихъ-то миѳическихъ подстрекателей, которыхъ никто не видалъ и не слыхалъ; но, во всякомъ случаѣ, хорошъ патріархальный бытъ, если достаточно подстрекателю, мимоходомъ, подмигнуть или закинуть слово, чтобы поднять дѣтей на отцевъ.

2) Что хочетъ этимъ сказать авторъ, я рѣшительно не понимаю, едвали онъ и самъ понималъ себя. Привожу текстъ: die Provinzen seien vor dem und noch jetzt der Schauplatz solcher Zustände, wie sie noch erst vor 10 Jahren und seither in steigendem Maasse im grössten Theil des eigentlichen Russlands gewesen und noch sind. Выходитъ, что злоупотребленія помѣщичьей власти стали усиливаться со дня упраздненія крѣпостнаго права.

цѣлью сѣять взаимную вражду и недовѣріе между подданными одного Государя [1]), задерживать и, по возможности, подрывать истинный прогресъ, такъ блистательно знаменующійся подъ руководствомъ Балтійскихъ Нѣмцевъ (которые одни, благодаря присущей имъ интеллигенціи, способны стремиться къ истинному прогресу), эта газета, на послѣднія клеветы, которыми она разразилась, получила заслуженный отвѣтъ, напечатанный въ концѣ настоящей статьи. Она считала способными писать о Балтійскомъ краѣ однихъ Бокка и Ширрена, но не они отвѣтили ей, а очевидецъ и наблюдатель, притомъ уроженецъ Швейцаріи, котораго безпристрастіе не можетъ подлежать сомнѣнію. Вѣроятно и самъ князь Горчаковъ согласится теперь, что этотъ Швейцарецъ, послѣ новаго объѣзда Остзейскаго края, лучше знаетъ, въ какомъ положеніи онъ находится, чѣмъ господа петербуржцы, не хотящіе взять на себя труда всмотрѣться въ него собственными глазами и при всякомъ случаѣ, какъ только заходитъ объ немъ рѣчь, повторяющіе старую пѣснь, будто бы Латыши и Эсты, которыхъ бы имъ такъ хотѣлось обрусить, обрѣтаются на степени рабочей скотины".

Этимъ оканчивается отчетъ г. Вурстембергера о дознаніи произведенномъ имъ на мѣстахъ. Слѣдуетъ отвѣтъ его на статью „Голоса", которымъ онъ самъ, повидимому, очень доволенъ. Дабы не подумали читатели, что я скрываю отъ нихъ что либо дѣйствительно серьезное, я переведу и этотъ отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что онъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, какъ указаніе на дальнѣйшіе виды заграничныхъ адвокатовъ нашей Балтійской окраины; но отвѣту нельзя не предпослать самой статьи „Голоса", которою эта газета навлекла на себя гнѣвъ грознаго туриста.

„Голосъ 1872 г. № 13.—Помѣщая, въ теченіе года, мелкія извѣстія изъ эсто-латышскаго края, касающіяся внутренняго быта низшаго класса населенія, считаемъ нелишнимъ, въ началѣ года, свести въ общемъ очеркѣ тѣ отличительныя черты, которыми такъ богатъ тотъ край.

[1]) Хороша аттестація! И это пишетъ апостолъ свободы совѣсти и терпимости, сторонній свидѣтель хвалящійся безпристрастіемъ, въ добавокъ Швейцарецъ!

„Во внутреннихъ губерніяхъ Россіи крестьяне, по освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, получили въ постоянное пользованіе землю за извѣстныя, опредѣленныя закономъ повинности. Въ губерніяхъ эсто-латышскаго края крестьяне получили только личную свободу, за исключеніемъ казенныхъ имѣній, въ которыхъ крестьяне обезпечены правомъ постояннаго, наслѣдственнаго пользованія своими участками, и немногихъ частныхъ имѣній, въ которыхъ крестьяне успѣли выкупить у помѣщиковъ, за дорогую цѣну, арендуемые ими участки. За этими немногими исключеніями, вся земля принадлежитъ помѣщикамъ. Помѣщики эсто-латышскаго края, Нѣмцы, отдаютъ ее въ аренду большими участками крестьянамъ-арендаторамъ или хозяевамъ. Разумѣется, такихъ участковъ нельзя составить очень много и потому крестьянами-арендаторами или хозяевами могутъ быть, сравнительно, только немногіе изъ общаго числа крестьянъ. Большинство же населенія принадлежитъ къ числу безземельныхъ крестьянъ-батраковъ. Батраки очень часто не имѣютъ даже своего собственнаго крова, а живутъ въ казармахъ, устроиваемыхъ землевладѣльцемъ для помѣщенія въ нихъ нанимаемыхъ имъ для полевой работы батраковъ или же въ общихъ помѣщеніяхъ крестьянъ-хозяевъ, у которыхъ они нанимаются въ работники. Положеніе батрака болѣе чѣмъ тяжелое: нанимающій его крестьянинъ-хозяинъ или помѣщикъ даетъ ему за трудъ произвольную плату, часто столь низкую, что она едва достаточна для содержанія, особенно если батракъ человѣкъ семейный. Вслѣдствіе такого безземельнаго своего положенія, Латыши и Эсты огромными массами выселялись и выселяются во внутреннія губерніи Россіи, гдѣ они надѣются получить землю на болѣе умѣренныхъ и прочныхъ условіяхъ, но гдѣ они часто подвергаются новымъ лишеніямъ, особенно въ первое время, пока не успѣютъ обзавестись хозяйствомъ и освоиться съ условіями новой мѣстности и съ русскимъ языкомъ. Положеніе крестьянина-хозяина хотя и лучше, но также ничѣмъ не обезпечено. По окончаніи арендnаго срока, помѣщикъ воленъ, по своему усмотрѣнію, или возвысить арендную плату за участокъ, или вовсе отказать въ возобновленіи контракта нанимающему его крестьянину-

арендатору, который, между тѣмъ, дѣлаетъ иногда довольно значительныя затраты на улучшеніе участка. Въ эсто-латышскомъ краѣ хозяйственныя строенія, большая часть скота и земледѣльческихъ орудій не принадлежатъ крестьянамъ, а прикрѣплены землѣ, составляя принадлежность самого участка; поэтому, каждый безземельный крестьянинъ можетъ, не обладая даже капиталомъ, достаточнымъ для обзаведенія новымъ хозяйствомъ, сдѣлаться хозяиномъ, если рѣшится предложить за участокъ высшую противъ другихъ плату. Вслѣдствіе этого, конкурренція на арендуемые участки увеличивается и крестьянинъ-хозяинъ, по произволу помѣщика, можетъ, по истеченіи арендnаго срока, быть вынужденнымъ вновь вступить въ разрядъ батраковъ. Само собою разумѣется, помѣщикъ-лютеранинъ, а иныхъ въ краѣ нѣтъ, отдаетъ въ аренду участки своей земли преимущественно и даже почти исключительно Латышамъ и Эстамъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, а если и бываютъ случаи, что участокъ нанимается православнымъ Латышомъ или Эстомъ, то онъ скорѣе другаго подвергается удаленію по истеченіи срока аренды, уже потому, что онъ, исповѣдуя православную вѣру, освобожденъ, по закону, отъ исполненія повинностей въ пользу пасторовъ и лютеранскихъ церквей. Вслѣдствіе этого, почти всѣ православные Латыши и Эсты принадлежатъ къ разряду батраковъ. Правительство, хотя и опредѣлило надѣлить православныхъ батраковъ небольшими участками изъ свободныхъ, за надѣломъ казенныхъ крестьянъ, мызныхъ угодій, находящихся въ казенныхъ имѣніяхъ, по близости къ православнымъ церквамъ, но земли этой слишкомъ недостаточно и лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ оказывается возможнымъ надѣлить казенною землей батраковъ помѣщичьихъ имѣній.

„Этого мало: старикъ, убогій православный Латышъ или Эстъ, сирота-православный нигдѣ не находятъ себѣ пріюта, потому что въ пріюты и богадѣльни эсто-латышскаго края допускаются только лица лютеранскаго вѣроисповѣданія.

„Въ Россіи народное образованіе находится въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, съ участіемъ въ немъ всесословнаго земства и приходскаго духовенства. Въ эсто-латышскомъ краѣ народныя школы (за исключеніемъ, ко-

нечно, православныхъ), содержимыя на средства крестьянскихъ обществъ, при нѣкоторомъ матерьяльномъ содѣйствіи отъ помѣщиковъ, находятся подъ исключительнымъ вліяніемъ и надзоромъ нѣмецкихъ помѣщиковъ и лютеранскихъ пасторовъ [1]). Наставники этихъ школъ приготовляются въ лютеранскихъ учительскихъ семинаріяхъ, гдѣ полнымъ хозяиномъ является тотъ же пасторъ, старающійся, разумѣется, образовать этихъ учителей въ нѣмецкомъ духѣ. Вслѣдствіе этого, въ приходскихъ школахъ, на ряду съ мѣстными нарѣчіями, бо́льшая часть времени посвящается на преподаваніе нѣмецкаго языка, за полнымъ исключеніемъ, по большей части, языка русскаго, несмотря на желаніе Латышей и Эстовъ ознакомиться съ этимъ языкомъ. Пасторы, въ свою очередь, сами маленькіе помѣщики. Они обезпечены не тридцатью тремя десятинами земли, какъ православные священники, а цѣлыми пасторатными имѣніями, въ которыхъ крестьяне обязаны отбывать извѣстныя повинности въ пользу пастора и́ли платить ему опредѣленный оброкъ.

„Таково положеніе Эстовъ и Латышей въ эсто-латышскомъ краѣ; положеніе зависимое, пригнетенное въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи. Что же нужно для улучшенія ихъ положенія и кто обязанъ помочь имъ?

„Образованіе Латышей и Эстовъ въ духѣ православія и русской народности лежитъ на обязанности русскаго общества; безъ нашего матерьяльнаго и нравственнаго содѣйствія, предоставленные собственнымъ средствамъ, Эсты и Латыши получатъ образованіе въ духѣ лютеранства и нѣмецкой народности. Православные священники, хотя во многихъ приходахъ и обучаютъ у себя на дому нѣсколько мальчиковъ, но, по недостатку помѣщенія, должны ограничиваться весьма небольшимъ числомъ учениковъ. Сверхъ того, такъ какъ эти ученики принадлежатъ почти исключительно къ наибѣднѣйшему классу населенія, священнику приходится не только учить этихъ дѣтей, но и кормить ихъ и часто снабжать ихъ одеждой и обувью. При нѣкоторыхъ церквахъ и православ-

---

1) См. статьи 589 — 600 Полож. о крестьян. Лифляндской губерніи 13-го ноября 1860 года.

ныхъ школахъ образовались братства, составленныя изъ мѣстныхъ священниковъ и нѣкоторыхъ зажиточныхъ купцовъ и другихъ русскихъ людей, сочувствующихъ поддержанію русскаго духа въ томъ краѣ. Эти братства поставили себѣ задачей входить въ нужды православныхъ Латышей и Эстовъ и, по мѣрѣ силъ, облегчать ихъ судьбу. Эти братства, въ большинствѣ случаевъ, ограничены довольно тѣснымъ кругомъ дѣйствій и продолженіе ихъ весьма полезной дѣятельности находится въ совершенной зависимости отъ той степени сочувствія, съ которою отнесется къ этому дѣлу русское общество.

„При общей почти бѣдности православныхъ прихожанъ и приходовъ въ эсто-латышскомъ краѣ, возможно ли ожидать, чтобъ они были въ состояніи поддерживать, напримѣръ, благолѣпіе своихъ храмовъ? Конечно, нѣтъ. Во многихъ приходахъ церкви до того обветшали и пришли въ такое положеніе, что совершать въ нихъ богослуженіе оказывается опаснымъ и даже невозможнымъ. Есть и такіе приходы, гдѣ не смотря на довольно значительное число православныхъ прихожанъ, вовсе нѣтъ церквей, а богослуженіе совершается въ сараяхъ и избахъ, иногда же и подъ открытымъ небомъ, на улицѣ и въ полѣ. Напомнимъ читателямъ тяжелую повѣсть, повѣданную православному міру венденскимъ священникомъ, грубо изгнаннымъ изъ дома помѣщика и совершавшимъ богослуженіе на кладбищѣ, подъ открытымъ небомъ. Правдой, бьющей въ глаза своею очевидностью, звучали слова его проповѣди, сказанной на текстъ священнаго писанія: „д а ж е д о н ы н ѣ терпимъ голодъ и жажду, и наготу, и побои, и с к и т а е м с я“...

„Доколѣ же, спросимъ мы, православные Эсты и Латыши будутъ принуждены скитаться по эсто-латышскому краю, отыскивая мѣсто для молитвы?

„Мнѣніемъ государственнаго совѣта 2-го февраля 1870 года, возложено на министерство внутреннихъ дѣлъ сооруженіе новыхъ и обновленіе существующихъ храмовъ и при нихъ училищныхъ и причтовыхъ домовъ въ трехъ губерніяхъ эсто-латышскаго края. Для этой цѣли министерству предоставленъ

кредитъ въ 800 тысячъ рублей; для окончанія построекъ назначенъ четырехгодичный срокъ.

„Основаніемъ церковно строительнаго дѣла долженъ былъ послужить осмотръ тѣхъ церковныхъ зданій и мѣстностей, гдѣ епархіальное вѣдомство считало нужнымъ произвести постройки. Осмотръ произведенъ въ теченіе нынѣшняго лѣта лишь въ 51-мъ приходѣ. Составленные по этому предмету акты указываютъ, что только въ трехъ приходахъ найдены церкви прочными и въ полной исправности; въ прочихъ же, храмы и помѣщенія для причтовъ крайне ветхи, а въ нѣкоторыхъ приходахъ даже вовсе нѣтъ никакихъ строеній для помѣщенія священно и церковно-служителей.

„По составленнымъ смѣтамъ, оказалось возможнымъ, на назначенный отъ казны кредитъ, приступить къ постройкѣ церквей и помѣщеній для школъ и для причтовъ лишь въ 33-хъ приходахъ и, затѣмъ, остается еще 15 приходовъ, для сооруженія въ которыхъ храмовъ, школьныхъ и причтовыхъ домовъ потребуется изыскать особыя средства [1]).

„Въ эсто-латышскомъ краѣ всѣхъ православныхъ приходовъ 146; сколько же еще можетъ оказаться изъ неосмотрѣнныхъ приходовъ такихъ, въ которыхъ храмы, училищные и причтовые дома потребуютъ значительныхъ исправленій, и даже такихъ, въ которыхъ придется приступить къ постройкѣ новыхъ церквей и помѣщеній для причта и для школъ? Многія церкви нуждаются едва ли не въ самой необходимой церковной утвари. Намъ положительно извѣстно, что есть мѣстности, гдѣ, вмѣсто брачныхъ вѣнцовъ, употребляются простые обручи изъ драни!

„Мы упоминали уже, что въ послѣдніе годы въ эсто-латышскомъ краѣ, въ виду крайнихъ нуждъ православныхъ церквей и приходовъ, образовались, при нѣкоторыхъ изъ нихъ, мѣстныя церковныя братства. Нѣкоторыя изъ братствъ успѣли уже принести существенную пользу; но есть между ними и такія, которыя, по незначительности собранныхъ ими средствъ, не въ состояніи сдѣлать ничего существеннаго для своей мѣстности. Большинство же приходовъ, по

[1]) См. „Правительственный Вѣстникъ“, № 110-й, за прошлый годъ, въ отдѣлѣ „Правительственныя сообщенія“.

мѣстоположенію своему и по крайней бѣдности, не имѣютъ возможности составлять отдѣльныя братства; и они-то наиболѣе нуждаются въ сочувствіи и матерьяльной помощи русскаго общества.

„Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, образовалось въ Петербургѣ „Прибалтійское православное братство во имя Христа Спасителя“, задача котораго состоитъ въ томъ, чтобъ знакомиться съ нуждами наибѣднѣйшихъ церквей и приходовъ всего эсто-латышскаго края, по мѣрѣ средствъ своихъ облегчать эти нужды, а также нравственною и матеріальною помощью содѣйствовать успѣху существующихъ мѣстныхъ братствъ, польза которыхъ, для дѣла образованія въ русскомъ духѣ Латышей и Эстовъ, несомнѣнна, какъ несомнѣнна и зависимость успѣховъ этого братства отъ сочувствія русскаго общества.

„Правительство, съ своей стороны, дѣлаетъ многое для Латышей и Эстовъ: сверхъ упомянутыхъ 800,000 рублей, правительство отвело 4,070 десятинъ въ надѣлъ 41 православному причту, 723 десятины для содержанія православныхъ школъ и 7,495 десятинъ подъ водвореніе безземельныхъ православныхъ крестьянъ. Помѣщенія для школъ въ 1873 году должны быть выстроены, но надо позаботиться о томъ, чтобъ школы эти были снабжены всѣми школьными принадлежностями, чтобъ были подготовлены для нихъ хорошіе учителя, свободно владѣющіе русскимъ языкомъ, въ которыхъ теперь ощущается большой недостатокъ. Въ теченіи всего прошлаго года мы неустанно заявляли о нуждахъ Эстовъ и Латышей, и теперь, въ началѣ новаго года, напоминая объ этихъ нуждахъ, дозволяемъ себѣ надѣяться, что наши напоминанія удостоятся сочувственнаго отклика со стороны русскаго общества“.

Отвѣтъ г. Вурстемберга. „Г. Редакторъ! Въ Nr. 13 „Голоса“ помѣщена статья посвященная общественной обстановкѣ крестьянъ Прибалтійскихъ губерній, то есть Латышей и Эстовъ, и дающая совершенно ложное понятіе о ихъ положеніи. Я конечно не замедлилъ бы возстановить нарушенную правду, какъ только дошелъ до меня упомянутый Nr., если бы не помѣшалъ мнѣ въ этомъ обратный отъѣздъ на родину.

„Благоволите оказать правдѣ подобающее уваженіе и отвести мѣсто въ столбцахъ вашей газеты моимъ замѣчаніямъ на указанную статью.

„По вашимъ словамъ, большинство Эсто-Латышей обрѣтается въ крайней нуждѣ и вы возлагаете отвѣтственность за таковое ихъ положеніе на Нѣмцевъ, помѣщиковъ и пасторовъ. Къ большинству вы относите тотъ классъ людей, которые не владѣютъ собственною землею, которыхъ вы называете батраками и о которыхъ вы пишете, что они проживаютъ въ казармахъ, и т. д.

„Еслибъ я задался исправленіемъ всѣхъ заблужденій, которыми кишитъ въ особенности первая часть вашей статьи, это завело бы меня слишкомъ далеко. Поэтому, я ограничусь отчетомъ о дѣйствительномъ положеніи дѣла въ томъ видѣ, въ какомъ оно мнѣ представлялось при объѣздѣ Остзейскихъ губерній, предпринятомъ мною для дознанія фактовъ къ нимъ относящихся.

„Въ системѣ распредѣленія земли, установившейся въ Остзейскомъ краѣ, выразился результатъ совершенно нормальнаго развитія начавшагося въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія. Оно прошло черезъ цѣлый рядъ подготовительныхъ періодовъ и совершенно естественнымъ путемъ [1]) привело къ группировкѣ всего крестьянства на три разряда. Тоже самое произошло во всѣхъ тѣхъ странахъ, въ которыхъ земледѣліе находится въ удовлетворительномъ положеніи. Каждый изъ этихъ разрядовъ имѣетъ свое назначеніе, которому соотвѣтствуютъ условія его хозяйственнаго быта, и оттого всѣ разряды пользуются благосостояніемъ и довольствомъ. Во главѣ стоятъ крестьяне владѣющіе землею и арендующіе дворы такого объема, что выручаемые съ нихъ про-

[1]) Вотъ моменты этого soit disant естественнаго развитія: 1) укрѣпленіе за крестьянами наслѣдственнаго права пользованія крестьянскою землею подъ условіемъ отбыванія закономъ опредѣленной повинности. 2) Дарованіе личной свободы съ упраздненіемъ права на землю и нормы повинностей. 3) Возстановленіе права на землю и нормы повинностей. 4) Обязательный переводъ на денежный оброкъ съ упраздненіемъ нормы повинностей. 5) Упраздненіе исключительнаго права крестьянъ на крестьянскую землю при ея продажѣ. Это не развитіе, а рядъ колебаній, скачковъ и кризисовъ.

дукты нетолько обеспечиваютъ содержаніе самихъ домохозяевъ и ихъ работниковъ, но еще даютъ сверхъ того прибыль, изъ которой можетъ накопляться оборотный капиталъ; за ними идутъ годовые работники, состоящіе на хозяйскихъ харчахъ и готовомъ содержаніи; они получаютъ опредѣленную плату, изъ которой могутъ отлагать про запасъ значительную долю, такъ какъ наемная плата рабочимъ въ Остзейскомъ краѣ выше чѣмъ въ остальной Европѣ. Доказательствомъ тому служитъ значительное количество сбереженій внесенныхъ на имена батраковъ въ мѣстныя, земскія сберегательныя кассы; наконецъ, третій разрядъ образуютъ бобыли (лострейберы, которыхъ вы называете батраками) нанимающіе жилыя помѣщенія у крестьянъ или у помѣщиковъ. Благодаря недостатку въ рабочихъ силахъ и высотѣ поденной платы, они во всякое время легко находятъ работу, если только ищутъ ее, и получаютъ очень хорошее вознагражденіе [1]).

„Но именно въ этомъ-то послѣднемъ разрядѣ и попадаются люди, которые, мечтая улучшить свою судьбу, допустили завлечь себя въ православіе. Имъ посулили, въ видѣ преміи за перемѣну вѣры, мелкіе участки и этимъ обѣщаніемъ они соблазнились. Сами вы, въ концѣ статьи вашей, упоминаете о 7495 десятинахъ розданныхъ такимъ образомъ безземельнымъ православнымъ крестьянамъ.

„Я не коснусь вопроса о томъ: мирится ли нравственное чувство съ подкупомъ на вѣроотступничество и не запятнала ли православная церковь своей чести, прибѣгнувъ къ этому средству; я ограничусь указаніемъ на бѣдственное въ матеріальномъ отношеніи положеніе, къ которому эта мѣра, совершенно естественнымъ путемъ, приводитъ надѣленныхъ.

„Розданные православнымъ бобылямъ участки такъ малы, что цѣлой семьѣ нѣтъ возможности прокормиться на каж-

---

[1]) Если всѣмъ такъ хорошо на мѣстѣ, то чѣмъ объяснить хроническую болѣзнь Остзейскаго края—постоянныя переселенія (при общей скудости населенія по отношенію къ пространству) и періодическія бѣгства массами, притомъ не однихъ бобылей, а крестьянъ вообще, въ томъ числѣ и хозяевъ? Остается одно объясненіе: бѣгутъ отъ преизбытка благосостоянія, или, какъ говорятъ у насъ—съ жиру бѣсятся.

домъ, а о выручкѣ чистой прибыли на постепенное образованіе оборотнаго капитала нечего и думать. Надѣленные такого рода участками рѣшительно не могутъ, при всемъ желаніи, воздѣлывать ихъ надлежащимъ образомъ, потому что лишены возможности обзавестись потребными на то орудіями, упряжью и скотомъ для удобренія. Они подготовятъ свою землю подъ посѣвъ, а сѣмянъ у нихъ нѣтъ; словомъ, они терпятъ недостатокъ рѣшительно во всемъ; между тѣмъ, въ страдную рабочую пору, самую лучшую для поденщиковъ, они, будучи такъ сказать привинчены къ собственному своему хозяйству, ничего не могутъ заработать поденщиною у помѣщичьихъ крестьянъ. Съ своей стороны, послѣдніе, видя, что на нихъ нельзя разсчитывать въ тѣ времена года, когда требуются всѣ наличныя руки для спѣшнаго окончанія важнѣйшихъ работъ, конечно и во всякое другое время не хотятъ уже имѣть съ ними дѣла, а отдаютъ предпочтеніе людямъ, работавшимъ на нихъ круглый годъ.

„Таковы очень удобопонятныя причины неизбѣжнаго разоренія бобылей; ихъ обнищаніе есть прямое послѣдствіе вашей системы надѣленія ихъ землею, и мнимый гнетъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ тутъ не причемъ, тѣмъ болѣе, что еслибъ у послѣднихъ и была охота угнетать, то они не нашли бы къ тому возможности.

„Вы наводите меня на слѣдующій вопросъ: какъ правительство, такъ и братства много сдѣлали для православныхъ Латышей и Эстовъ; первое – отпустивъ 800 тыс. рублей на церкви и на школы для этой немногочисленной паствы, отмѣривъ 4070 дес. на 41 причетъ, 723 дес. на школы, и сверхъ того 7495 дес. въ раздачу безземельнымъ православнымъ крестьянамъ; послѣднія, то есть братства – пожертвованіемъ очень значительныхъ суммъ. Чѣмъ же объяснить, что послѣ всего этого, вы все-таки, находите поводъ жаловаться на нищету и угнетеніе, по вашимъ показаніямъ, испытываемыя Латышами и Эстами? Куда же дѣвались всѣ эти земли? благоволите разгадать намъ эту тайну [1]). Отчего православныя

[1]) Я разгадаю ее. Читатели прочтутъ отвѣтъ нѣсколько ниже.

школы терпятъ недостатокъ въ учителяхъ; тогда какъ протестантскія переполнены учителями? Отчего только наибѣднѣйшій классъ держится еще православной церкви?

„Г. Редакторъ! Вашею собственною статьею вы засвидѣтельствовали торжественнѣйшимъ образомъ превосходство образовательнаго вліянія протестантства и вынуждены были отдать справедливость всему тому, что было сдѣлано для крестьянства Балтійскими Нѣмцами, хотя вы и взялись за перо съ цѣлью на нихъ напасть. По плодамъ познается древо, а вы же сами сознаетесь, что, не смотря на огромныя денежныя затраты, не смотря на раздачу членамъ православной церкви 12288 десят., все-таки они въ Балтійскомъ краѣ бѣдствуютъ и вы взываете вновь о помощи. Не лучше ли добросовѣстно, на мѣстахъ, изслѣдовать причину этого положенія дѣлъ и дать голосъ опыту, а не пустой доктринѣ, которой печальное примѣненіе вы же изобразили? Если вамъ дѣйствительно дорого благо государственное, то разсудите сами, что̀ въ этихъ видахъ желательнѣе: чтобы въ той части имперіи, о которой идетъ рѣчь, жилъ народъ основательно обученный и пользующійся матеріальнымъ довольствомъ, или, чтобъ тамъ господствовала система, разоряющая и развращающая народъ? Но дѣло въ томъ, что своими статьями, Голосъ обличаетъ въ себѣ совершенный недостатокъ истиннаго патріотизма, а выказываетъ себя органомъ ослѣпленной партіи, преслѣдующей свою собственную цѣль. Заключается она вовсе не въ исканіи блага для разнородныхъ племенъ, изъ коихъ слагается громадная Россійская Имперія, а въ злонамѣренномъ возбужденіи страстей и взаимной вражды въ кругу людей, которые должны бы объединяться въ чувствѣ любви къ отечеству [1]) и вѣрноподданнической преданности Монарху, который у нихъ одинъ [2]).

„Вотъ въ какомъ свѣтѣ представляется „Голосъ“ всѣмъ разсудительнымъ людямъ способнымъ читать его, и вы поступите благоразумно, сойдя съ той почвы, на которой вы стоите; иначе вы не пріобрѣтете уваженія и не заслужите довѣрія къ своимъ показаніямъ. Но вотъ чего вы достигнете:

---

[1]) Отечеству или отечествамъ?

[2]) Монархъ одинъ, а отечествъ сколько?

теперь уже, во всѣхъ образованныхъ странахъ, смотрятъ на Прибалтійскихъ Нѣмцевъ и протестантовъ какъ на страдальцевъ, испытывающихъ отъ Русскихъ незаслуженный гнетъ, вызываемый газетами въ родѣ вашей; это участіе къ нимъ будетъ расти съ каждымъ днемъ. Чѣмъ болѣе вы будете упорствовать въ направленіи вашей статьи Nr 13-й 1872 г., тѣмъ скорѣе повторятся манифестаціи въ родѣ той, которую устроилъ недавно Евангелическій Союзъ; и если русскія власти наживутъ себѣ отъ подобныхъ манифестацій рядъ новыхъ безпокойствъ, то пусть вѣдаются онѣ съ вами, ибо вы единственный зачинщикъ этихъ демонстрацій" [1]).

Подъ этою интимидаціею авторъ подписался членомъ Евангелическаго Союза.

По подстрочнымъ примѣчаніямъ къ реляціи г. Вурстембергера, читатели сами разсудятъ, въ какой мѣрѣ можно полагаться на достовѣрность его свидѣтельствъ и на безпристрастіе его приговоровъ. Но, прощаясь съ нимъ, я долженъ вернуться къ двумъ предметамъ имъ затронутымъ, именно къ отводу небольшихъ участковъ безземельнымъ крестьянамъ православнаго вѣроисповѣданія и къ сельскимъ народнымъ школамъ. Оба играютъ первостепенную роль въ заграничной агитаціи возбужденной противъ Россіи нашими Балтійскими согражданами и, независимо отъ этого, сами по себѣ, заслуживаютъ полнаго вниманія. Между тѣмъ, о первомъ русская публика почти ничего не знаетъ, а о второмъ ходятъ у насъ далеко не вѣрные слухи.

---

[1]) Итакъ, мы де намѣреваемся подкарауливать Государя и привлекать его къ отвѣтственности, не только за дѣйствующіе въ имперіи законы, но и за журнальныя статьи, выходящія въ частныхъ газетахъ; мы будемъ отравлять ему время, проводимое имъ за границею до тѣхъ поръ, пока намъ, ратующимъ за свободу совѣсти, не удастся заставить его, для собственнаго его спокойствія, зажать ротъ ненавистной намъ русской прессѣ. Почему же Евангелическій Союзъ, въ своихъ адресахъ, прямо не просилъ о возстановленіи предварительной цензуры? При господствующемъ у насъ теперь настроеніи, это ходатайство вѣроятно было бы принято благосклоннѣе всякаго другаго.

Водвореніе православныхъ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ.

Первая мысль о водвореніи въ казенныхъ имѣніяхъ православныхъ безземельныхъ крестьянъ возникла по иниціативѣ бывшаго епископа рижскаго Платона, не ранѣе какъ въ 1849 году, слѣдовательно, когда не только прекратилось стремленіе изъ лютеранства въ православіе, но когда уже обнаруживались признаки обратнаго движенія и епархіальное управленіе, откинувъ всякую мысль о дальнѣйшемъ распространеніи господствующей вѣры, заботилось исключительно о предупрежденіи отпаденій отъ нея.

До 1849 года, не было ни одной попытки, какою либо общею мѣрою оказать хоть косвенное противодѣйствіе систематическому разоренію, которому подвергались крестьяне въ отмщеніе за переходъ въ православіе и въ острастку колебавшимся. Средствъ къ разоренію было много.

Главное, самое убійственное для крестьянъ и самое безопасное для помѣщиковъ, состояло въ отобраніи дворовъ у крестьянъ-хозяевъ. Это дѣлалось очень просто. Когда до свѣдѣнія вотчинной полиціи доходило, что тотъ или другой хозяинъ обнаруживалъ намѣреніе перейти изъ лютеранства въ православіе, его вытребывали въ контору и тамъ, съ глазу на глазъ, ему объявляли, что православныхъ въ имѣніи не держатъ и что буде онъ не откажется отъ своего намѣренія, то его сгонятъ со двора. Если крестьянинъ не вразумлялся, угроза приводилась въ исполненіе. На первыхъ порахъ сгоняемые такимъ образомъ хозяева являлись толпами къ генералъ-губернатору или къ архіерею съ жало-

бами; генералъ губернаторъ пробовалъ убѣждать помѣщиковъ, иногда требовалъ объясненій и поручалъ полиціи собирать справки; но, разумѣется, всякій разъ оказывалось, что крестьянинъ удаленъ и разжалованъ изъ хозяевъ въ батраки совсѣмъ не потому, что онъ перешелъ въ православіе, а потому, что на немъ накопился значительный долгъ (всѣ крестьяне безъ изъятія были въ долгу) или что онъ плохо ремонтировалъ хозяйственныя свои строенія, или продавалъ на сторону навозъ, или былъ непочтителенъ, или въ чемъ нибудь нарушилъ контрактъ. Словомъ, предлоговъ и поводовъ, по закону считавшихся достаточными, было столько, что всегда можно было выбрать любой. Дѣло тѣмъ и оканчивалось [1]).

Бывшій Остзейскій генералъ-губернаторъ Головинъ собралъ по этому предмету статистическія свѣдѣнія и вотъ что онъ, крайне воздержный и осторожный въ сужденіяхъ, писалъ въ своемъ отчетѣ за все время своего управленія: „Что касается до угнетенія православныхъ крестьянъ, то хотя дѣйствительность его становится весьма вѣроятною по одному соображенію, что въ теченіе 15 мѣсяцевъ, съ 1 января 1846 по 1 марта 1847, изъ общаго итога 640 хозяевъ лишенныхъ усадьбъ, считается православныхъ 152 человѣка [2]), слѣдовательно, по соображенію съ числомъ крестьянъ обоихъ исповѣданій, православныхъ удалено в т р о е болѣе чѣмъ лютеранъ; но юридическое обнаруженіе подобнаго рода лицепріятія было очевидно невозможно и оставалось ожидать дабы время, успокоивъ негодованіе протестантскихъ помѣщиковъ, сдѣлало ихъ менѣе пристрастными въ сношеніяхъ съ крестьянами".

Въ этомъ послѣднемъ ожиданіи генералъ Головинъ жестоко ошибался. Время не помогло и не могло помочь, ибо тутъ дѣйствовала не страсть, а основанная на вѣрномъ разсчетѣ, хорошо обдуманная система, принятая огромнымъ большинствомъ помѣщиковъ, по взаимному между собою соглашенію. Объ этой своего рода стачкѣ, въ 1846 году, даже про-

[1]) Въ приложеніи IV приведенъ, въ видѣ примѣра, одинъ такой случай изъ недавняго времени, на который прошу читателей обратить вниманіе.

[2]) А г. Вурстембергеръ увѣряетъ свою публику, что въ православіе переходили одни безземельные бобыли!

говаривались нѣкоторые изъ мѣстныхъ дворянъ въ рижскомъ клубѣ, и тогдашній жандармскій полковникъ Гильдебрандъ увѣдомлялъ объ этомъ своего непосредственнаго начальника и генералъ-губернатора. Впрочемъ, теперь нѣтъ надобности въ уликахъ, когда есть собственное признаніе. Цѣль достигнута, православные крестьяне давно обезземелены, желанный эффектъ произведенъ, и г. ф. Боккъ, въ особой брошюркѣ, вышедшей въ 1871 году, самъ оглашаетъ употребленное средство. Вотъ его слова: „что касается до предпочтенія, которое оказывалось землевладѣльцами лютеранамъ при замѣщеніи крестьянскихъ дворовъ, оставшихся вакантными, а иногда и въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялась возможность, не нарушая закона, согнать православнаго хозяина съ занятаго имъ участка, то я можетъ быть избавлю г. Самарина отъ предъявленія доказательствъ, заявивъ на прямки, что дѣйствительно этого образа дѣйствій держались многіе изъ землевладѣльцевъ, Нѣмцевъ по народности и протестантовъ по вѣрѣ, къ сожалѣнію однако не всѣ“ и т. д. [1]).

Стало быть фактъ признанъ.

Когда дошло до того, что православное населеніе, въ концѣ обезземеленное и въ добавокъ осмѣянное, стало отворачиваться отъ церкви и видимо склоняться къ протестантству, бывшій преосвященный рижскій Платонъ, какъ ни избѣгалъ онъ всякихъ поводовъ къ столкновеніямъ съ мѣстными властями, увидалъ однако, что трудно было требовать отъ полутораста-тысячной паствы поголовной готовности принимать изъ рукъ помѣщиковъ эту горькую чашу и испивать ее до дна не морщась. Нужно-же было сдѣлать что нибудь для поддержанія въ гонимыхъ надежды на заступничество со стороны высшаго правительства. Въ конфиденціальномъ отношеніи къ тогдашнему генералъ-губернатору князю Суворову, отъ 31 декабря 1849 года, за № 3170, преосвященный Платонъ изобразилъ въ яркихъ краскахъ бѣдственное положеніе крестьянъ, сгоняемыхъ съ насиженныхъ ими мѣстъ, беззащитность ихъ на судахъ и холодное ожесточеніе помѣщиковъ, которыхъ, какъ онъ писалъ: „не могли умилостивить ни слезы

[1]) Moskau und St. Petersburg im Weltkampfe etc. 1871.

сихъ несчастныхъ, ни мое ходатайство, ни даже заступленіе вашей свѣтлости". Преосвященный говорилъ это не на вѣтеръ; онъ называлъ по именамъ людей, лично знакомыхъ князю Суворову, и приводилъ факты, извлеченные изъ официальныхъ источниковъ со всѣми ссылками и указаніями, какихъ только можно было пожелать на случай повѣрки.

Затѣмъ онъ продолжалъ: „Принимая все это въ соображеніе и представляя себѣ то жалкое состояніе, въ которомъ находятся православные крестьяне, лишаемые хозяйства и крова, а вмѣстѣ озабочиваясь по долгу пастырскому предохранить сихъ несчастныхъ отъ ропота на святую вѣру, за принятіе которой, по ихъ мнѣнію [1]), терпятъ они гоненіе, я тщательно размышлялъ: какъ бы оградить ихъ отъ притѣсненій и, съ тѣмъ вмѣстѣ, улучшить ихъ бытъ, и не нахожу къ этому другаго, болѣе вѣрнаго, легкаго и близкаго средства, какъ исходатайствовать Высочайшее повелѣніе, чтобы тѣмъ православнымъ крестьянамъ въ Лифляндіи, которыхъ помѣщики или арендаторы лишили хозяйства и домовъ, или коихъ впредь будутъ лишать оныхъ и въ чемъ либо несправедливо притѣснять, отводимо было надлежащее количество земли въ казенныхъ имѣніяхъ, изъ мызныхъ запашекъ, на оброчномъ положеніи. По моему мнѣнію, такая мѣра 1) достойна благосердаго и благочестивѣйшаго Государя нашего, ибо, если онъ отечески печется о всѣхъ своихъ подданныхъ, то тѣмъ паче достойно его пещись о тѣхъ изъ нихъ, которые принятіемъ православія соединились съ нимъ вѣрою, имѣютъ особенную нужду въ его помощи и отъ него одного ожидаютъ оной въ своемъ жалкомъ положеніи; 2) согласна съ видами правительства, которое, какъ извѣстно изъ его распоряженій, желаетъ всѣхъ вольныхъ крестьянъ, каковы и лифляндскіе, перевести съ издѣльнаго на оброчное положеніе и, во многихъ губерніяхъ, уже осуществило это желаніе; 3) благодѣтельна, ибо улучшитъ состояніе несчастныхъ и, черезъ это, сильнѣе привяжетъ ихъ къ правительству, а съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, побудитъ помѣщиковъ

[1]) Еще бы не за это!

лучше обращаться съ крестьянами, дабы удержать ихъ на своихъ земляхъ и не дать причины къ переселенію на казенныя, и, такимъ образомъ, принесетъ великую пользу не только тѣмъ крестьянамъ, которые перейдутъ нынѣ въ казенныя имѣнія, но и тѣмъ, кои останутся въ помѣщичьихъ; 4) удобоисполнима, ибо: а) въ Лифляндіи довольно казенныхъ имѣній, изъ коихъ нѣкоторыя (сколько мнѣ извѣстно) могутъ нынѣ же и безъ всякаго затрудненія переведены быть на оброчное положеніе; б) число православныхъ крестьянъ, коимъ потребуется дать землю въ сихъ имѣніяхъ, по всей вѣроятности, будетъ невелико, если помѣщики станутъ впредь хорошо обращаться съ ними, и в) переселеніе сихъ крестьянъ на казенныя земли не нарушитъ ничьихъ правъ и привилегій, ибо лифляндскіе крестьяне, какъ свободные, имѣютъ право переходить изъ одного имѣнія въ другое.

„Правда, управляющій лифляндскою палатою государственныхъ имуществъ Лиліенфельдъ, съ которымъ я лично объяснялся касательно вышеизложенной мѣры, представилъ мнѣ одно затрудненіе къ приведенію ея въ дѣйствіе, именно то, что для переселяемыхъ изъ помѣщичьихъ въ казенныя имѣнія крестьянъ нужно будетъ строить дома, а на это потребуются значительныя издержки, потому болѣе, что въ казенныхъ лифляндскихъ имѣніяхъ мало лѣса. Но мнѣ кажется, что это затрудненіе и не такъ важно, чтобы ради его надлежало оставить безъ исполненія благодѣтельнѣйшую для крестьянъ мѣру, и очень легко можетъ быть устранено. Именно: 1) число православныхъ крестьянъ, которыхъ нужно будетъ переселять въ казенныя имѣнія, по всей вѣроятности, какъ выше сказано, будетъ невелико; а посему, для нихъ не потребуется строить много зданій, тѣмъ паче, что не малая часть ихъ можетъ помѣститься въ тѣхъ мызныхъ строеніяхъ, которыя теперь занимаются арендаторами и ихъ прислугою, а по обращеніи имѣній на оброчное положеніе, останутся праздными; 2) переселять крестьянъ можно въ тѣ имѣнія, въ которыхъ довольно лѣса, а такія имѣнія находятся въ лемзальскомъ, перновскомъ и, отчасти, въ рижскомъ и дерптскомъ уѣздахъ; 3) въ случаѣ недостатка въ лѣсѣ, можно строить нужныя для крестьянъ зданія изъ глины и даже земли,

какъ то и нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлается; 4) издержки, необходимыя для первоначальнаго обзаведенія крестьянъ, переселяемыхъ въ казенныя имѣнія, можно отнести на ихъ собственный счетъ, съ тѣмъ чтобъ они уплатили эти издержки казнѣ въ извѣстные сроки; впрочемъ, 5) можно и совершенно избавить правительство отъ всѣхъ хлопотъ и расходовъ по случаю переселенія православныхъ крестьянъ въ помянутыя имѣнія, съ тѣмъ чтобы они сами себя устроивали на отведенныхъ имъ участкахъ земли, ничего не требуя отъ казны; вѣроятно они это сдѣлаютъ, если не собственными своими средствами, которыхъ у нихъ мало, то при пособіи сострадательныхъ людей, каковыхъ, какъ мнѣ извѣстно, довольно въ Ригѣ. Я первый готовъ жертвовать для нихъ всѣмъ, что могу.

„Сообщая это вашей свѣтлости, покорнѣйше прошу почтить меня увѣдомленіемъ: не находите ли вы, милостивый государь, какого либо препятствія къ приведенію вышеизложенной мѣры въ исполненіе; а въ случаѣ согласія на оную, не благоволите ли представить о ней высшему начальству, или предоставить сдѣлать это мнѣ при настоящей моей поѣздкѣ въ Петербургъ“.

Вотъ когда и въ какой формѣ высказана была въ первый разъ мысль о водвореніи православныхъ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ. Какъ бы ни судили о ея практичности, читатели видятъ, что остзейскіе публицисты, а съ ихъ голоса и г. Вурстембергеръ, называющіе ее подкупомъ къ переходу въ православіе или премією за перемѣну вѣры, безсовѣстно извращаютъ ея значеніе и цѣль. По содержанію прописанной бумаги и по времени ея написанія, кажется ясно, что дѣло шло не о поощреніи къ переходу, а о возможномъ вознагражденіи уже перешедшихъ и за это обезземеленныхъ крестьянъ, иначе—о томъ, чтобъ ослабить дѣйствіе той кары за свободный выборъ вѣроисповѣданія, которую систематически примѣняли въ сороковыхъ годахъ люди нынѣ безтрепетно становящіеся подъ знамя свободы совѣсти. Впрочемъ, я не стану спорить о словахъ, пусть это будетъ и премія и подкупъ, но въ томъ же смыслѣ въ какомъ отпускъ хинной порціи есть премія за лихорадку, а приставка

деревянной ноги, въ замѣнъ оторванной на войнѣ, можетъ быть названа подкупомъ къ добровольному калѣченію самого себя.

Получивъ эту бумагу, князь Суворовъ пришелъ въ немалое смущеніе. Онъ съ разу понялъ, что если ему не удастся замять высказанное въ ней предположеніе на первыхъ же порахъ, такъ чтобы оно и не оглашалось далѣе, то конецъ его популярности въ краѣ—а она досталась ему не дешево. Но что же было дѣлать? Отвѣтить тѣмъ дерзкимъ тономъ, какимъ онъ незадолго передъ тѣмъ потрясалъ иногда организмъ слабонервнаго Филарета, ни къ чему бы не повело, потому что преосвященный Платонъ не походилъ по темпераменту на своего предмѣстника. Заподозрить преосвященнаго Платона въ фанатизмѣ, въ агитаторскихъ цѣляхъ, и потребовать его удаленія, неудобно было потому, что это средство только что было употреблено съ успѣхомъ противъ преосвященнаго Филарета. Слишкомъ часто нельзя было прибѣгать къ нему, тѣмъ болѣе, что князь Суворовъ, въ письмѣ на имя графа Протасова, недавно еще благодарилъ его за назначеніе преосвященнаго Платона и обѣщался жить съ нимъ въ добромъ согласіи. Наконецъ, отрицать прямо и рѣшительно фактъ систематическаго угнетенія православныхъ (какъ дѣлалъ это князь Суворовъ въ Петербургѣ), тутъ, на мѣстѣ, было бы небезопасно потому, что тогда завязался бы диспутъ съ преосвященнымъ, который, какъ было извѣстно, имѣлъ подъ рукою обильный запасъ неопровержимыхъ доказательствъ. Пришлось, скрѣпя сердце, вымолвить тяжелое признаніе факта, окутавъ его смягчительными оговорками, и постараться, не отвергая безусловно предложенной мысли, дать ей совершенно иной характеръ, мѣры чисто хозяйственной, и этимъ способомъ расширить ея примѣненіе до размѣровъ, выходящихъ изъ предѣловъ возможнаго. Но пусть лучше читатели выслушаютъ самого князя Суворова. Отъ 7 января 1850 г., за № 50 онъ отвѣчалъ:

„Я не могу вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ в. пр—ва о положеніи всѣхъ вообще православныхъ крестьянъ въ Лифляндіи, изложенномъ въ отношеніи вашемъ. Вамъ, м. ар., извѣстно, что мною постоянно принимались всевозможныя мѣры къ

уменьшенію числа отказовъ по содержанію усадьбъ [1]) и я смѣло могу утверждать [2]), что сказанныя мѣры не остались вполнѣ безполезными. Я не отрицаю вообще нѣкотораго (!!) недоброхотства здѣшнихъ вотчинниковъ къ новоправославнымъ крестьянамъ, недоброхотства нисколько не оправдываемаго, но нѣсколько объясняемаго предшедшими событіями и обстоятельствами [3]). Тѣмъ не менѣе, при соображеніи всѣхъ доходящихъ до меня жалобъ на отказы въ усадьбахъ, я не могу предполагать, чтобъ тягостныя послѣдствія оныхъ столь исключительно упадали на православныхъ домохозяевъ [4]), между тѣмъ, какъ мнѣ кажется весьма естественнымъ, что подобныя жалобы только со стороны сихъ послѣднихъ были доводимы до свѣдѣнія в. пр—ва. Я не сомнѣваюсь, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, православнымъ содержателямъ усадьбъ не оказывается со стороны вотчинниковъ той снисходительности, которая, по произволу предоставленному имъ закономъ, могла бы быть ими оказываема и можетъ быть оказывается домохозяевамъ изъ лютеранъ; но, во-первыхъ, число подобныхъ случаевъ едва ли столь значительно, какъ в. пр—во изволите предполагать [5]), во-вторыхъ, самые эти случаи, къ крайнему моему прискорбію, не могутъ быть отклонены безусловно, ибо право отказа ограждено положительнымъ закономъ [6]), и

---

[1]) Никогда и никакихъ; да и не могъ князь Суворовъ принимать такихъ мѣръ собственною властью, а о необходимости оградить поземельныя права крестьянъ мѣрами законодательными онъ ни разу не представлялъ высшему правительству, даже прямо отрицалъ всякую въ нихъ надобность.

[2]) Дѣйствительно смѣло, но несправедливо.

[3]) Какими же? Экзекуціями противъ крестьянъ въ 1841 году? Или тѣми многосложными формальностями, которыми затруднялся переходъ въ 1845 и послѣдующихъ годахъ? Или отдачею православнаго духовенства подъ надзоръ земской, лютеранской полиціи?

[4]) Никто и не утверждалъ, что исключительно, но преимущественно.

[5]) Къ чему гадать и почему было не собрать статистическихъ данныхъ, какъ сдѣлалъ это ген. Головинъ?

[6]) Стало быть и мѣры, будто бы принятыя княземъ Суворовымъ, не могли не остаться вполнѣ безполезными.

потому едва ли можно причислять къ разряду явныхъ притѣсненій [1]) неоказаніе снисходительности, которой вотчинникъ безусловно властенъ не оказывать. Впрочемъ, в. пр—ву извѣстно, что общіе недостатки мѣстнаго быта крестьянъ издавна обратили на себя вниманіе правительства. Оно озаботилось устраненіемъ ихъ, по мѣрѣ возможности, путемъ законодательнаго преобразованія, и отъ изданнаго нынѣ новаго Лифляндскаго Уложенія можно ожидать равно благодѣтельныхъ послѣдствій для всѣхъ членовъ крестьянскаго сословія [2]).

„Съ другой стороны, обращаясь къ сущности предположеній в. пр—ва, я нахожу, что приведеніе ихъ въ исполненіе было бы сопряжено съ немаловажными неудобствами и затрудненіями. Во первыхъ, распоряженіе объ исключительномъ отводѣ казенныхъ дачъ въ пользу православныхъ домохозяевъ, изгнанныхъ изъ частныхъ вотчинъ, заключало бы въ себѣ, сколь мнѣ кажется, офиціально гласное сознаніе правительства въ общемъ угнетеніи лифляндскихъ православныхъ крестьянъ за исповѣданіе православной вѣры и въ жалкой необходимости прибѣгнуть къ косвенному вознагражденію угнетенныхъ, вмѣсто принятія прямыхъ мѣръ къ прекращенію угнетенія [3]). Во-вторыхъ, подобное распоряженіе неизбѣжно повлекло бы за

---

1) Пусть будетъ не притѣсненіе, а хоть бы ласка или благодѣяніе; сила не въ словѣ, а въ дѣлѣ. На дѣлѣ же, изъ объясненій самого князя Суворова выходитъ слѣдующее: право крестьянъ на землю закономъ не ограждено; держать или не держать крестьянина въ своемъ имѣніи зависитъ отъ произвола помѣщика; иначе: когда онъ держитъ у себя крестьянина, онъ оказываетъ ему снисхожденіе; но снисхожденіемъ то православные и не пользуются. Вотъ какъ правда все-таки пробивается сквозь всѣ оговорки, которыми ее маскируютъ.

2) Это то самое Положеніе 1849 года, которымъ, для удобнѣйшаго искорененія въ будущемъ права крестьянъ на землю, самое временемъ освященное названіе крестьянской земли (Bauernland) замѣнено новоизобрѣтеннымъ варварскимъ терминомъ повинностной (steuerpflichtig) или, по-русски, черной земли.

3) Прямѣе и ближе къ правдѣ: бороться открыто со зломъ мы не можемъ, потому что противъ насъ законъ, традиціи, всемогущее сословіе и наша дряблость, а противодѣйствовать злу косвеннымъ образомъ, какъ-то стыдно; поэтому гораздо лучше игнорировать зло и ничего не дѣлать. Это теперешняя программа правительственнаго бездѣйствія. Князь Суворовъ угадалъ ее двадцать три года тому назадъ.

собою множество разнородныхъ кривотолковъ [1]) и недоразумѣній. Одна часть мѣстнаго населенія видѣла бы въ немъ только награду и офиціальное обѣщаніе награды за перемѣну вѣры. Другая, и именно крестьяне, столь же превратно поняли бы виды правительства. Въ цѣломъ краѣ воскресли бы басни 1845 года о безмездномъ надѣленіи земли въ случаѣ принятія православія [2]), и даже тѣ православные домохозяева, которымъ помѣщики не отказывали бы въ содержаніи усадьбъ, стали бы усильно добиваться подобныхъ отказовъ въ надеждѣ на болѣе выгодное водвореніе въ казенныхъ имѣніяхъ [3]). Вашему пр—ву извѣстно, что необразованныя народныя массы близоруки и легковѣрны. Легко взволновать [4]) между ними нелѣпыя понятія и несбыточныя надежды, но трудно впослѣдствіи успокоить волненіе и даже трудно заранѣе указать на его предѣлы. Въ третьихъ, мѣра предположенная в. пр—омъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ она вами предположена, можетъ быть приведена въ исполненіе лишь только посредствомъ самыхъ многосложныхъ распоряженій и весьма значительныхъ пожертвованій со стороны министерства государственныхъ имуществъ".

Указавъ на недостатокъ людей и денегъ, князь Суворовъ продолжалъ: „въ четвертыхъ, в. пр—во изволите предполагать совершенное упраздненіе нынѣшнихъ арендныхъ хозяйствъ, ибо изъясняете, что крестьяне могли бы помѣститься въ зданіяхъ, нынѣ занимаемыхъ арендаторами. Здѣсь встрѣчается, по моему, особое и весьма значительное неудобство. Арендно-мызныя правленія нынѣ составляютъ, какъ и всѣ частныя вотчинныя правленія, отдѣльное звено въ порядкѣ правительственныхъ учрежденій, и именно первую инстанцію по мно-

[1]) Кривотолкъ значитъ на русскомъ языкѣ князя Суворова кривое толкованіе.

[2]) А что въ цѣломъ краѣ уже ходила молва, основанная не на слухахъ, не на догадкахъ, а на множествѣ ежедневныхъ, всѣмъ извѣстныхъ фактовъ о беззащитности исповѣдниковъ вѣры, по офиціальной терминологіи господствующей— это князя Суворова, какъ видно, не смущало.

[3]) Ужъ будто князь Суворовъ не зналъ, что всякое переселеніе для осѣдлаго крестьянина, особенно въ Остзейскомъ краѣ, всегда сопряжено съ невознаградимыми потерями?

[4]) Значитъ: возбудить.

гочисленнымъ распорядительнымъ и расправнымъ дѣламъ. То же самое постановлено и въ новомъ лифляндскомъ поземельномъ положеніи, нынѣ вводимомъ въ дѣйствіе. Но съ упраздненіемъ арендnаго хозяйства, должно бы упразднiться и арендно-мызное управленіе; между тѣмъ, въ этомъ учрежденіи заключается начало единства (устраненіе коего я не могу не признать весьма вреднымъ) и притомъ—ручательство въ правильномъ исполненіи предписаній земско-полицейской власти, которое едва ли можетъ быть найдено въ какихъ бы то ни было новыхъ коллегіальныхъ или неколлегіальныхъ учрежденіяхъ, составленныхъ исключительно изъ лицъ крестьянскаго сословія [1])".

Устранивъ предположенія преосв. Платона, князь Суворовъ предлагалъ свои: „1) Надлежало бы признать основною мыслью новопредполагаемой мѣры не одно исключительное покровительство православнымъ домохозяевамъ, но вообще оказаніе возможной помощи со стороны правительства тѣмъ крестьянамъ, которые лишились бы усадьбъ, не по собственной волѣ, но по стеченію какихъ либо особыхъ несчастныхъ обстоятельствъ [2]). При исполненіи, всегда можетъ быть обращаемо предпочтительное вниманіе на православныхъ [3]); ибо, не пользуясь особеннымъ благорасположеніемъ со стороны иновѣрныхъ вотчинниковъ [4]), они дѣйствительно, чаще чѣмъ крестьяне лютеранскаго исповѣданія, могутъ имѣть нужду въ оказаніи имъ сказанной помощи. 2) Для избѣжанія излишней гласности и сопряженныхъ съ нею превратныхъ понятій и толковъ [5]), желательно было бы, чтобы помянутая прави-

[1]) Этотъ аргументъ очень оригиналенъ. Не потребность обезпечить помѣщичье хозяйство извиняетъ или оправдываетъ передачу полицейской власти въ частныя руки—вотчиннымъ конторамъ, а наоборотъ: даже въ казенныхъ имѣніяхъ необходимо имѣть всегда мызное хозяйство, чтобъ было основаніе вѣковѣчить въ нихъ патримоніальную юридикцію, сдаваемую арендатору вмѣстѣ съ плугами, винокуреннымъ заводомъ и скотнымъ дворомъ.

[2]) Очень удачная оговорка, чтобъ не сказать: по произволу помѣщика.

[3]) Черезъ нѣсколько страницъ, мы увидимъ какъ это всегда можетъ быть.

[4]) Только-то?

[5]) Стало быть превратные толки происходятъ не отъ недостатка, а отъ пре-

тельственная мѣра имѣла видъ особаго хозяйственнаго распоряженія по вѣдомству государственныхъ имуществъ, на общихъ, административныхъ мѣрахъ основаннаго и заключающагося или въ устройствѣ новыхъ поселеній на пустопорожнихъ земляхъ, или въ уменьшеніи нѣкоторыхъ арендномызныхъ хозяйствъ и т. п. [1]). Опредѣленіе хозяевъ по вновь заводимымъ усадьбамъ могло бы, посредствомъ какихъ либо обрядныхъ постановленій, быть ввѣрено коронным властямъ, подъ надзоромъ главнаго мѣстнаго начальства. 3) При самомъ началѣ исполненія, надлежало бы, съ возможною гласностью, включить нѣсколько лютеранъ въ число новоопредѣляемыхъ усадебныхъ хозяевъ, и вслѣдъ затѣмъ, съ меньшею гласностью, преимущественно назначать ихъ изъ числа православныхъ. Такимъ образомъ можетъ быть отклонено волненіе и предупреждены неосновательныя ожиданія между крестьянами. Чтожъ касается до землевладѣльцевъ, то они не могутъ не постигнуть видовъ правительства, и посему цѣль его, въ отношеніи къ нимъ, будетъ достигнута, но достигнута съ отклоненіемъ всякихъ нареканій въ употребленіи неправильныхъ способовъ къ приращенію православной паствы [2]). 4) Можетъ быть и нынѣ было бы возможно обратить въ пользу православныхъ домохозяевъ то вліяніе, которое принадлежитъ палатѣ государственныхъ имуществъ при заключеніи новыхъ оброчныхъ контрактовъ.—Не-

---

избытка гласности?—Это писано какъ будто вчера и годилось бы въ любой проектъ графа Шувалова.

[1]) Православныхъ тѣснятъ, обижаютъ и разоряютъ именно въ качествѣ православныхъ, за то что они отпали отъ лютеранства. Они ежедневно испытываютъ это на себѣ, и имъ это втолковываютъ сами помѣщики, это конечно прискорбно, хотя большой бѣды тутъ нѣтъ. Но сохрани Богъ подать имъ хоть малѣйшій поводъ думать, что правительство за нихъ заступится и не захочетъ допустить ихъ до разоренія. Возстановленіе поколебленной вѣры въ православное правительство—вотъ гдѣ опасность! Это писалъ генералъ-губернаторъ, органъ верховной власти, и въ добавокъ князь Суворовъ!

[2]) Итакъ, при исполненіи акта простой справедливости, простаго вознагражденія за незаслуженное разореніе, правительство стало бы избѣгать гласности и прятаться, изъ одного опасенія нареканій со стороны людей, гласно прибѣгавшихъ къ систематическому разоренію православныхъ крестьянъ, для предупрежденія убыли въ протестантской паствѣ! Странное понятіе о достоинствѣ власти.

редавая вышеизложенныя мысли мои на благосклонное обсужденіе в. пр—ва, я не могу еще разъ не изъявить надежды, что вамъ, м. ар., угодно будетъ усмотрѣть въ нихъ единственно выраженіе всегдашней моей готовности содѣйствовать видамъ вашимъ и способствовать къ улучшенію быта единовѣрныхъ съ нами крестьянъ, въ той мѣрѣ, въ какой то и другое возможно безъ нарушенія общихъ моихъ обязанностей по званію главнаго начальника здѣшняго края, и т. д.“.

Преосвященный Платонъ отвѣчалъ: „что онъ соглашается на всѣ пункты кромѣ 3 го, котораго онъ не можетъ одобрить какъ потому, что онъ заключаетъ въ себѣ нѣкотораго рода обманъ, недостойный правдиваго правительства [1]), такъ и потому въ особенности, что гласное переселеніе лютеранъ, при безгласномъ распространеніи этой мѣры на православныхъ, не можетъ отклонить волненія, а напротивъ можетъ произвести его, только не въ пользу православія, а во вредъ ему“.—Преосвященный Платонъ былъ нетолько правъ, но и гораздо лучше своего оппонента понималъ нравственные интересы верховной власти.

Благодаря настойчивымъ требованіямъ преосвященнаго, вышеизложенныя его предположенія пересланы были въ Петербургъ; но это бы немного помогло, и дѣло вѣроятно бы тамъ заглохло, еслибы въ то время министромъ государственныхъ имуществъ былъ не покойный графъ П. Д. Киселевъ, съ которымъ князь Суворовъ не желалъ вступать въ диспутъ. Графъ Киселевъ усвоилъ себѣ мысль преосв. Платона и тотчасъ же, въ главныхъ чертахъ, составилъ планъ постепеннаго ея осуществленія, не испрашивая особыхъ отпусковъ изъ казны, а употребляя на это часть хозяйственныхъ доходовъ отъ лифляндскихъ казенныхъ имѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ очень хорошо сообразилъ, что мѣстный генералъ-губернаторъ, еслибъ дѣло пошло въ ходъ въ противность его мнѣнію или помимо его, имѣлъ бы въ своихъ рукахъ болѣе чѣмъ достаточныя средства затормозить и даже вовсе остановить его, и что поэтому гораздо выгоднѣе было предоставить ему широкое участіе въ исполненіи, сославшись на выраженную имъ готовность

[1]) Урокъ вполнѣ заслуженный.

способствовать къ улучшенію быта православныхъ крестьянъ. Въ этихъ видахъ, сдѣлавъ по своему вѣдомству всѣ нужныя хозяйственныя распоряженія по отводу участковъ, отпуску строеваго лѣса и т. д., графъ Киселевъ отъ 7 марта 1850 года предложилъ князю Суворову слѣдующее: „а) Удаляемыхъ помѣщиками изъ своихъ имѣній крестьянъ принимать, безъ различія вѣроисповѣданія (это была уступка князю Суворову), по ихъ желанію, на казенныя земли, гдѣ таковыя мѣстнымъ управленіемъ отведены будутъ, по усмотрѣнію и назначенію г. генералъ-губернатора, которому преосвященный епископъ рижскій сообщаетъ приватно о своемъ ходатайствѣ на счетъ православныхъ (стало быть и тайна соблюдена). в) Къ таковому пріему на казенныя земли допускать крестьянъ, удаленіе коихъ послѣдовало по какимъ либо особымъ, посторонним причинамъ (формула, придуманная княземъ Суворовымъ), а не за дурное поведеніе и совершенное нерадѣніе къ хозяйству, и преимущественно, согласно мнѣнію вашею свѣтлостью въ отзывѣ къ преосвященному изъясненному—изъ православныхъ, извѣстныхъ однако хорошею нравственностью и трудолюбіемъ.—Такимъ образомъ, всѣ дѣйствія по предмету означеннаго переселенія, пропстекая отъ генералъ-губернатора, производясь подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, будутъ негласны и, слѣдовательно, устранятъ всякій поводъ къ возбужденію прямыхъ и косвенныхъ пререканій отъ помѣщиковъ; а дабы не возникло неудовольствія на сіе отъ крестьянъ-бобылей живущихъ въ казенныхъ имѣніяхъ, то можно будетъ и ихъ, въ той же мѣрѣ и на счетъ тѣхъ же источниковъ (изъ доходовъ имѣній) водворять постепенно на хозяйство".—Здѣсь, въ первый разъ, зашла рѣчь о надѣлѣ бобылей, которой впрочемъ графъ Киселевъ всегда сочувствовалъ. Задача, какъ видятъ читатели, постепенно расширялась, именно и только потому, что показалась страшною первоначальная мысль преосвященнаго Платона о водвореніи однихъ обезземеленныхъ помѣщиками православныхъ крестьянъ-хозяевъ. Въ дополненіе къ прописанной бумагѣ, графъ Киселевъ, когда она ему докладывалась, продиктовалъ уже отъ себя слѣдующія строки: «Сообщая о всемъ этомъ вашей свѣтлости, я счи-

таю долгомъ изъявить, что мысль моя, въ начертаніи сихъ предположеній, заключается главнѣйше въ преподаніи вамъ м. г. средствъ, если не къ искорененію совершенно зла, описываемаго преосвящен. Платономъ въ притѣсненіи нѣкоторыми помѣщиками православныхъ крестьянъ, то, по крайней мѣрѣ, къ ослабленію таковаго ближайшимъ вашимъ въ ономъ дѣлѣ посредствомъ, и потому все изложенное здѣсь я покорнѣйше прошу принять въ настоящемъ его значеніи [1]), то есть въ единственномъ моемъ желаніи воспособить сколько отъ меня зависѣть можетъ, къ достиженію ближайшимъ путемъ цѣли вашей, въ отношеніи къ пр. Платону изъясненной: затѣмъ, я буду ожидать вашего отзыва для дальнѣйшихъ со стороны моей распоряженій".

Эти главныя основанія были Высочайше одобрены.

Хотя, какъ видятъ читатели, министръ государственныхъ имуществъ подчинялся всѣмъ оговоркамъ князя Суворова, почти буквально повторялъ въ своей бумагѣ его же предположенія и отдавалъ въ полное его распоряженіе средства нужныя для приведенія ихъ въ исполненіе, тѣмъ не менѣе главный начальникъ края далеко не поспѣшилъ ими воспользоваться. Онъ никакъ не ожидалъ, что увѣренія, которыми онъ надѣялся отдѣлаться отъ преосв. Платона, будутъ приняты au sérieux, и рѣшился просто на просто ничего не отвѣчать на обязательный вызовъ графа Киселева.

Между тѣмъ, въ Лифляндіи, помѣщики, которымъ ходъ дѣла извѣстенъ былъ до мельчайшихъ подробностей, сильно встревожились. Какъ бы высшее правительство ни скрывало отъ православныхъ Латышей своихъ добрыхъ намѣреній, они все-таки догадались бы, что оно хочетъ и можетъ вознаградить ихъ чѣмъ нибудь за претерпѣваемыя ими обиды. Мысль, что они не совсѣмъ забыты, вѣроятно ободрила бы ихъ и можетъ быть пріостановила бы начавшееся обратное движеніе изъ православія въ лютеранство, чего ни подъ какимъ видомъ допускать не слѣдовало. Съ этою цѣлью мѣстные землевладѣльцы, по указаніямъ своихъ петербургскихъ руководителей, поспѣшили распустить по всѣмъ мызамъ секретный mot

[1]) Графъ Киселевъ зналъ, къ кому онъ писалъ

d'ordre, чтобъ вотчинныя правленія, на время, повоздержались отъ слишкомъ безцеремоннаго изгнанія православныхъ хозяевъ.

Пропустивъ въ молчаніи восемь съ половиною лѣтъ, выждавъ перевода графа Киселева посланникомъ въ Парижъ и надѣясь, безъ него, похоронить дѣло окончательно, князь Суворовъ отъ 16 сент. 1858 года за Nr. 408, напомнилъ преосвященному Платону о бывшемъ его предположеніи и присовокупилъ: „имѣя въ виду, что требованій объ отводѣ земель съ тѣхъ поръ не поступало и что настоящія обстоятельства дѣлаютъ сказанную мѣру излишнею, считаю долгомъ покорнѣйше просить в. пр – во о почтеніи меня отзывомъ: не слѣдуетъ ли затѣмъ считать переписку по предлежащему дѣлу оконченною?"

Но епископъ Рижскій былъ иного мнѣнія. Вотъ отвѣтъ его: „Имѣю честь сообщить в. с—ти: 1) что въ настоящее время, по моему мнѣнію, никакъ не слѣдуетъ считать конченною переписку по вышеозначенному предположенію и признавать его излишнимъ, ибо нынѣ, какъ извѣстно в. с—ти изъ отношенія моего отъ 5 сент. сего года Nr. 588, нѣкоторые Лифляндскіе помѣщики угрожаютъ лишить православныхъ крестьянъ хозяйствъ и удалить ихъ изъ имѣній своихъ безъ всякой съ ихъ стороны вины, единственно потому, что они не соглашаются выполнять въ пользу лютеранскихъ пасторовъ извѣстныя повинности, отъ которыхъ они давно освобождены Высочайшимъ повелѣніемъ [1]). 2) Если доселѣ не было требованій объ отводѣ казенныхъ земель для православныхъ крестьянъ удаляемыхъ изъ частныхъ мнѣній безъ вины ихъ, то это произошло оттого, что сіи крестьяне не знаютъ о существующемъ предположеніи отводить казенныя земли, а я не просилъ в. с—ть объ отводѣ имъ такихъ земель потому, что не зналъ достовѣрно утверждено ли окончательно это предположеніе, ибо мнѣ доселѣ неизвѣстны ни отзывъ в. с—ти на отношеніе бывшаго министра госуд. имуществъ по сему предмету отъ 7 марта

[1]) Прошу читателей припомнить сказанное мною объ этихъ повинностяхъ въ примѣчаніи къ протоколу аудіенціи въ виллѣ Бергъ.

1850 г., ни послѣдовавшее затѣмъ распоряженіе его сіятельства, и 3) со времени сказаннаго предположенія, менѣе поступало ко мнѣ жалобъ отъ православныхъ крестьянъ на несправедливые поступки помѣщиковъ можетъ быть потому, что помѣщики узнали о семъ предположеніи и стали лучше обращаться съ крестьянами; однако же нерѣдко бываютъ такія жалобы, но я, не зная чѣмъ кончится помянутое предположеніе, старался устранять оныя и утѣшалъ бѣдныхъ крестьянъ упованіемъ на лучшую будущность. Сообщая это в. с—ти, покорнѣйше прошу васъ м. г. почтить меня увѣдомленіемъ, могу ли я, на основаніи перваго правила изложеннаго въ упомянутомъ отношеніи министра г. и. подъ буквою *а*, обращаться къ в. с—ти съ ходатайствомъ объ отводѣ казенныхъ земель тѣмъ православнымъ крестьянамъ, которыхъ помѣщики лишатъ хозяйства и станутъ удалять изъ имѣній своихъ не за дурное поведеніе, а по какимъ либо другимъ причинамъ, напр., за то, что они не соглашаются нести повинностей въ пользу лютеранскаго духовенства".

Не знаю, что̀ отвѣтилъ князь Суворовъ, не знаю даже отвѣтилъ ли онъ что нибудь; но извѣстно, что при немъ даже приступа къ исполненію сдѣлано не было. Послѣ него, когда совершилось у насъ освобожденіе крестьянъ и когда во всей имперіи приступлено было къ укрѣпленію земли за крестьянами въ казенныхъ имѣніяхъ, дѣло чуть было окончательно не заглохшее опять всплыло наружу, но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Оно расширилось и раздвоилось. Съ одной стороны, благодаря правдивымъ донесеніямъ бывшаго предсѣдателя лифляндской палаты госуд. имуществъ, который первый раскрылъ передъ министерствомъ страшную картину даже не прозябанія, а хозяйственнаго гніенія цѣлаго класса тамошняго населенія, такъ называемыхъ бобылей и коморниковъ (Häusler), возникло предположеніе объ отводѣ небольшихъ участковъ приписаннымъ къ казеннымъ имѣніямъ безземельнымъ крестьянамъ вообще, безъ различія исповѣдуемой ими вѣры. Эта сторона дѣла, сама по себѣ крайне поучительная, заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія, и потому я теперь не коснусь ея. Одновременно, высшее правитель-

ство, въ продолженіи двадцати лѣтъ ничего не успѣвшее сдѣлать для своихъ лифляндскихъ единовѣрцевъ и допустившее ихъ отчаяться въ его заступничествѣ, встрѣтилось наконецъ съ щекотливымъ вопросомъ: какъ отнестись къ повальному бѣгству православныхъ Латышей и Эстовъ изъ господствующей церкви въ лютеранство? Поневолѣ пришлось всмотрѣться въ ихъ положеніе попристальнѣе, и только тогда открыли въ Петербургѣ, что православная паства въ Лифляндіи не образуетъ сплошнаго населенія, а большею частью живетъ въ разсѣяніи, на значительномъ пространствѣ, въ перемежку съ большинствомъ лютеранскаго населенія; что при этихъ условіяхъ, во многихъ мѣстностяхъ, не было никакой возможности устроить православные приходы, въ смыслѣ не административныхъ, а общественныхъ единицъ; наконецъ, что при отсутствіи приходовъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, было крайне трудно удовлетворить настоятельной потребности прихожанъ въ постоянномъ, общедоступномъ богослуженіи и въ средствахъ къ начальному образованію въ духѣ исповѣдуемой ими вѣры. Отсюда родилась мысль: собрать по возможности православныхъ крестьянъ и сгруппировать ихъ въ казенныхъ имѣніяхъ около православныхъ церквей; о вознагражденіи же ихъ за систематическое обезземеленіе, которому они такъ долго подвергались, перестали и говорить. Такимъ образомъ, воскресло прежнее предположеніе, но съ другою подбивкою. Оба проэкта, о надѣленіи безземельныхъ крестьянъ вообще и о надѣленіи православныхъ, естественно должны были встрѣтить на мѣстахъ отчаянное сопротивленіе. Для одолѣнія его требовались со стороны высшаго правительства твердая воля и строгая послѣдовательность, а со стороны главныхъ его агентовъ, призванныхъ къ исполненію на мѣстахъ, внутреннее убѣжденіе въ разумности предпріятія, вѣра въ возможность успѣха и безоговорочная готовность на всякую борьбу съ препятствіями, хотя бы даже она была сопряжена съ нѣкоторымъ рискомъ для дальнѣйшей служебной ихъ карьеры. Но мы далеко не располагали этими условіями. За исключеніемъ графа Баранова, недолго управлявшаго Остзейскимъ краемъ, прочіе генералъ-губернаторы, слѣдовавшіе за княземъ Суворовымъ, не одинъ баронъ Ли-

венъ, но и графъ Шуваловъ и генералъ-адъютантъ Альбединскій, относились къ этому дѣлу какъ-то робко, холодно и недовѣрчиво [1]). Всѣ они, во первыхъ, чуяли, что на немъ, скорѣе чѣмъ на всякомъ другомъ, можно было сломить себѣ шею; во вторыхъ, всѣ они, въ большей или меньшей степени, частью безсознательно, а частью добровольно, подчинялись опекѣ бывшаго лифляндскаго губернатора Ф. Эттингена до самаго того времени, когда онъ, окончательно избаловавшись продолжительными поблажками, самъ не напросился на свое удаленіе отъ должности безцеремонною своею дерзостью въ сношеніяхъ съ высшимъ правительствомъ и съ главнымъ начальникомъ края. Этотъ даровитый дѣятель, неуклонно и съ замѣчательнымъ успѣхомъ, держался одной программы: парализировать властью, данною ему отъ правительства, всѣ правительственныя начинанія, почему либо несогласныя съ политическими притязаніями нѣмецкаго провинціализма. Онъ дѣлалъ это открыто, въ виду всѣхъ, въ формальныхъ бумагахъ за NN., и потому нельзя даже упрекнуть его въ двуличности. Такъ онъ относился ко всѣмъ столкновеніямъ государственныхъ законовъ съ мѣстными, ко введенію русскаго языка въ официальное дѣлопроизводство, къ стремленію Латышей высвободиться изъ подъ нѣмецкой опеки и сблизиться непосредственно съ Россіею [2]). Само собою разу-

[1]) Остзейскіе кореспонденты заграничныхъ нѣмецкихъ газетъ увѣряли даже будто бы генералъ-адъютантъ Альбединскій потому оставилъ должность, что не захотѣлъ исполнить распоряженій бывшаго министра государственныхъ имуществъ по отводу безземельнымъ крестьянамъ надѣловъ изъ казенныхъ мызныхъ земель (см. на пр. Кельнскую Газету 1870, № 287). Но это извѣстіе невѣрно. Генералъ-адъютантъ Альбединскій выпросился изъ Риги потому, что ставъ на первыхъ порахъ на фальшивую ногу и давъ опутать себя мѣстной интригѣ, онъ наконецъ сдѣлался ея игралищемъ и утратилъ всякій авторитетъ. Ввѣренная ему власть вываливалась изъ рукъ его. Къ чести его должно прибавить, что, уразумѣвъ наконецъ и почувствовавъ унизительность своего положенія, онъ самъ не захотѣлъ оставаться въ немъ долѣе. Этого нельзя сказать ни про его преемника въ должности, ни про многихъ изъ его предшественниковъ.

[2]) Недавно узнали мы изъ газетъ, что г. ф. Эттингенъ назначенъ президентомъ генеральной лютеранской консисторіи. Чтобъ оцѣнить смыслъ этого назначенія, нужно вспомнить, что Балтійцы считаютъ инстанціонное подчиненіе своихъ провинціальныхъ лютеранскихъ консисторій одной генеральной, вѣдающей дѣла лютеранскаго исповѣданія во всей имперіи, кровною себѣ обидою

мѣется, что и проэктъ надѣленія землею православныхъ крестьянъ не могъ не встрѣтить въ немъ непримиримаго противника.

Преемникъ г. ф. Эттингена по должности, къ счастью менѣе его даровитый, бывшій лифляндскій губернаторъ Лизандеръ, видя что его предшественникъ не могъ пожаловаться на свое служебное положеніе даже и по увольненіи своемъ отъ должности губернатора [1]), разсудилъ конечно, что безопаснѣе всего идти по его стопамъ. Къ тому же направленію примкнулъ и правитель канцеляріи генералъ-губернатора, г. Жилинскій, передъ этимъ прошедшій въ петербургскомъ комитетѣ остзейскихъ дѣлъ самую лучшую школу канцелярской остзейской тактики.

За водвореніе православныхъ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ стоялъ конечно бывшій преосвященный рижскій Платонъ; но его авторитетъ въ то время былъ уже въ значительной мѣрѣ подорванъ отчасти ироническими, офиціальными объ немъ отзывами графа Шувалова [2]), а еще болѣе собственною его непростительною уступчивостью въ другихъ дѣлахъ и несчастною его привычкою предпочитать прямымъ путямъ глухіе и косвенные, въ которыхъ онъ же самъ обыкновенно терялся.

Къ счастью для дѣла, оно на первыхъ же порахъ попало въ руки одного изъ тѣхъ рѣдкихъ у насъ людей, которыхъ

и однимъ изъ нарушеній, со стороны нашей, ихъ такъ называемой провинціальной конституціи. Слѣдовательно, здѣсь, въ области лютеранскаго церковнаго управленія, происходитъ такая же коллизія общеимперскаго учрежденія съ мѣстными и государственнаго интереса съ провинціальными притязаніями, какую мы видимъ и на другихъ поприщахъ. Теперь представительство и защита интереса государственнаго противъ провинціальнаго ввѣрена усерднѣйшему адвокату, послѣдняго, никогда въ этомъ отношеніи не измѣнявшему своимъ принципамъ. Оставалось бы еще выписать изъ за границы ф. Бокка и поручить ему судебную реформу въ Остзейскомъ краѣ, а г. Ширрену предложить заняться введеніемъ преподаванія на русскомъ языкѣ въ учебныхъ заведеніяхъ дерптскаго округа. Тогда бы дѣло пошло еще дружнѣе.

[1]) До назначенія своего президентомъ генеральной консисторіи ф. Эттингенъ считался причисленнымъ къ министерству императорскаго двора и получалъ жалованья, столовыхъ и арендныхъ денегъ 9870 руб.

[2]) Эти секретные отзывы, въ подлинникахъ, разносились по городу Ригѣ изъ генералъ-губернаторской канцеляріи и доходили до г. ф. Бокка.

судьба иногда показываетъ намъ на короткое время какъ будто для того, чтобъ отнять у насъ послѣднее оправданіе въ недостаткѣ живой иниціативы, именно—ссылку на мнимое безлюдіе. С. Н. Шафрановъ, давно служившій въ остзейскомъ краѣ по министерству народнаго просвѣщенія и почти уже дослужившійся до полной пенсіи, принялъ предложенную ему должность управляющаго прибалтійскою палатою государственныхъ имуществъ въ 1865 году, незадолго до того времени, когда во второй разъ возникло предположеніе о водвореніи въ казенныхъ имѣніяхъ безземельныхъ крестьянъ. Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ это мѣсто было далеко не безопасно. Г. Шафрановъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ убѣдиться, что лифляндское дворянство не пощадитъ исполнителя ненавистнаго ему проекта; но его не остановило предчувствіе лично для него неблагопріятныхъ послѣдствій неравной борьбы съ партіею, неразборчивою на средства, всесильною на мѣстахъ и почти одинаково сильною въ Петербургѣ. Онъ понималъ не менѣе ясно, чѣмъ будущіе его противники, что ввѣряемая ему административная операція представляла можетъ быть послѣдній случай поднять въ цѣломъ краѣ сильно поколебленное значеніе православной Россіи, и находилъ, что для такой цѣли, какъ бы сомнительно ни было ея достиженіе, можно было, не жалѣя себя, подвергнуть риску свою служебную будущность. Цѣли этой конечно не отвергали и въ Петербургѣ, но тамъ, почему-то, считали нужнымъ маскировать ее (отъ кого именно?—неизвѣстно), а на бѣду для Шафранова, онъ вообще не обладалъ даромъ маскированія. Ему даже казалось унизительнымъ для правительства, и въ то же время крайне не практичнымъ, хитрить въ такомъ дѣлѣ, которое для всѣхъ заинтересованныхъ въ немъ доброжелателей и зложелателей было ясно какъ день, и котораго конечный успѣхъ зависѣлъ не столько отъ количества розданныхъ десятинъ земли, сколько отъ нравственнаго дѣйствія этой мѣры, отъ возстановленія въ православномъ населеніи края упавшей вѣры въ силу правительства и въ его заботливость. Впрочемъ, живой интересъ къ политической сторонѣ выпавшей на его долю задачи нисколько не отвлекалъ г. Шафранова отъ точнаго исполненія лежавшихъ на немъ собственно чиновничьихъ,

подъ часъ кропотливыхъ обязанностей. Его хватало на все и онъ работалъ не только за себя, но и за другихъ. Изъ представленій его министерство извлекало лучшіе свои проекты по дѣламъ Остзейскаго края; онъ же не разъ выручалъ генералъ-губернаторовъ изъ сѣтей, въ которыя загоняли ихъ мѣстные дѣльцы, пронося передъ ними разнаго рода пугала; онъ-же, отбиваясь мимоходомъ отъ сыпавшихся на него доносовъ, провѣрялъ въ кабинетѣ и на мѣстахъ проэкты люстраціонныхъ коммиссій, самъ объѣзжалъ всѣ имѣнія, при себѣ опредѣлялъ границы отводимыхъ надѣловъ, собиралъ по возможности точныя справки о каждомъ водворяемомъ крестьянинѣ и съ большею частью изъ нихъ знакомился лично. Сотни недобрыхъ глазъ стерегли его съ утра до ночи и не могли усмотрѣть въ его дѣйствіяхъ ни одного беззаконія, даже ни одного серьезнаго упущенія. Поневолѣ приходилось прибѣгать къ вымысламъ и, за отсутствіемъ дѣлъ и словъ, строить обвиненія на предполагаемыхъ тенденціяхъ. Такого рода голословнымъ доносамъ конечно не могли вѣрить главные начальники края, съ которыми г. Шафрановъ имѣлъ дѣло, но въ ихъ глазахъ ему вредили нѣкоторыя его свойства (не знаю назвать ли ихъ недостатками или достоинствами), дѣйствительно не гармонировавшія съ системою и тономъ ихъ управленія. Въ дѣлахъ, съ которыми сопряжены были интересы и честь Россіи, г. Шафрановъ неохотно допускалъ сдѣлки; онъ не поддавался на уступки, исторгаемыя угрозами оппозиціонныхъ манифестацій, и не одобрялъ полумѣръ, обличающихъ слабость власти, никого въ сущности не удовлятворяющихъ и всегда вызывающихъ новыя притязанія; наконецъ, ему лично болѣе всего вредило то, что довольно трудно было обворожить его. Онъ не поддавался ни чарамъ утонченно-изящнаго обращенія, ни усладительной гармоніи звучныхъ фразъ, и когда, въ объясненіяхъ своихъ съ главнымъ начальникомъ края, тонкій слухъ его улавливалъ въ краснорѣчивыхъ заявленіяхъ всецѣлой преданности русскому дѣлу, фальшивую ноту, обличавшую внутренній трепетъ говорившаго за свою будущую карьеру, чувство недовѣрія шевелившееся въ душѣ Шафранова невольно отражалось на правдивомъ его лицѣ. Такого рода молчаливыя обличенія не забываются

и не прощаются. Люди этого разбора слывутъ вообще безпокойными, и съ ними служить не любятъ; иногда имъ отдаютъ справедливость, но въ то же время стараются сбыть ихъ отъ себя подальше. Какъ однако ни кратковременно было пребываніе Шафранова въ Остзейскомъ краѣ, оно оставило по себѣ добрые и прочные слѣды, не только въ области служебной его дѣятельности, но и въ средѣ тамошняго русскаго общества, и мы не разъ еще будемъ имѣть случай говорить объ немъ. Собственно въ дѣлѣ сосредоточенія православныхъ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ онъ былъ главнымъ и почти единственнымъ двигателемъ; насколько оно шло успѣшно, честь успѣха принадлежитъ ему; чего онъ самъ не успѣлъ довершить, то остается и вѣроятно останется недовершеннымъ навсегда; а что было испорчено, то произошло послѣ него и благодаря его удаленію.

Въ Петербургѣ искренно сочувствовалъ дѣлу бывшій министръ государственныхъ имуществъ А. А. Зеленый, къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ почти одинокій. Даже въ собственномъ его министерствѣ далеко не всѣ ему содѣйствовали, и когда дружная интрига, подкрѣпленная двусмысленными отзывами остзейскаго генералъ-губернатора, потребовала удаленія Шафранова, бывшій министръ не могъ поддержать своего подчиненнаго, котораго онъ лично зналъ и цѣнилъ по достоинству.

При такой обстановкѣ, трудно было ожидать большого успѣха.—Разскажу теперь ходъ дѣла.

По предварительномъ совѣщаніи бывшаго министра государственныхъ имуществъ съ бывшимъ остзейскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Барановымъ, положеніемъ комитета министровъ, Высочайше утвержденнымъ 12 августа 1866 г., рѣшено было между прочимъ: „для сосредоточенія православныхъ Эстовъ и Латышей возлѣ православныхъ церквей, разрѣшить министру государственныхъ имуществъ отводить тѣмъ изъ нихъ, которые не имѣютъ земли, участки земли изъ казенныхъ угодій, по мѣрѣ освобожденія тѣхъ угодій изъ подъ арендныхъ контрактовъ, единственно въ видѣ хозяйственнаго распоряженія, приводимаго въ исполненіе

сообразно условіямъ времени и мѣстности, по соглашенію министра съ генералъ-губернаторомъ".

Читатели вѣроятно обратятъ вниманіе на подчеркнутыя слова: „единственно въ видѣ хозяйственнаго распоряженія". Эта оговорка, лучше всякихъ коментаріевъ, характеризуетъ внутреннее настроеніе правительства. Повидимому, оно, хоть и поздно, пришло таки къ сознанію своего долга сдѣлать что нибудь для православнаго населенія, такъ дорого поплатившагося за свое безотчетное къ нему довѣріе; и въ то же время, приступая къ дѣлу, оно какъ будто чего-то стыдилось, или, въ сознаніи своей неспособности довести его до конца, заблаговременно облегчало себѣ отступленіе, скрывая отъ самого себя дѣйствительное значеніе и размѣры своего предпріятія. Бывали примѣры, что потерянное сраженіе, въ печатной реляціи, превращалось въ простую рекогносцировку; но, по крайней мѣрѣ, въ подобныхъ случаяхъ, истина маскировалась отъ публики. Тутъ же, правительство скрывало свои намѣренія отъ самого себя, безъ всякой надежды скрыть ихъ отъ другихъ; ибо могъ ли кто нибудь предполагать, что когда дойдетъ до раздачи участковъ однимъ православнымъ крестьянамъ помимо лютеранъ, тѣ и другіе не догадаются, что подъ видомъ хозяйственныхъ распоряженій преслѣдовалась иная цѣль? Можетъ быть, министерство государственныхъ имуществъ помирилось съ этою странною оговоркою въ надеждѣ сосредоточить всю операцію въ своемъ вѣдомствѣ и получить большій просторъ въ распоряженіяхъ; но, въ сущности, оговорка эта исходила изъ тѣхъ же побужденій, которыя, за шестнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, внушили князю Суворову мысль сперва, со всевозможною огласкою, надѣлить землею нѣсколькихъ лютеранъ, а потомъ, потихоньку, надѣлять однихъ православныхъ. Такой починъ обѣщалъ мало добраго.

По порученію своего начальника, г. Шафрановъ, сообразивъ на мѣстахъ сообщенную ему волю высшаго правительства съ потребностями и наличными средствами, предложилъ слѣдующія мѣры исполненія:

1) Православное сельское населеніе Лифляндіи состоитъ, какъ извѣстно, изъ двухъ племенъ, Эстовъ и Латышей, говорящихъ на разныхъ языкахъ и другъ друга не понимающихъ.

Первые занимаютъ сѣверные уѣзды, а вторые южные. Г. Шафрановъ совѣтовалъ не нарушать этой естественной, этнографической группировки при размѣщеніи православныхъ крестьянъ на свободныхъ мѣстахъ въ казенныхъ имѣніяхъ. По собраннымъ имъ справкамъ, оказывалось возможнымъ сосредоточить безземельныхъ православныхъ Эстовъ (въ числѣ 43,800 муж. душъ) на казенныхъ мызныхъ земляхъ, расположенныхъ въ сѣверныхъ Эстскихъ уѣздахъ и на островахъ; но, для надѣла 23,500 муж. душъ безземельныхъ православныхъ Латышей, казенныхъ земель въ Латышскихъ уѣздахъ Лифляндіи было далеко недостаточно. За то въ смежной Курляндіи, населенной также Латышами, казна владѣла 44-мя имѣніями, въ количествѣ 12,000 десятинъ, которыя въ ближайшіе три года должны были поступить въ непосредственное ея распоряженіе, и сверхъ того 90 другими имѣніями, сданными въ аренду на болѣе продолжительные сроки. Г. Шафрановъ предлагалъ, не ограничиваясь Лифляндіею, воспользоваться, для надѣла части Латышей, свободными землями курляндскихъ имѣній. Съ этимъ согласился бывшій генералъ-губернаторъ графъ Шуваловъ, и въ этомъ же смыслѣ составлены были начальныя предположенія, въ іюлѣ 1866 г. одобренныя въ особомъ предварительномъ совѣщаніи министровъ. Но на мѣстахъ, они встрѣчены были ропотомъ, сопровождавшимся обычнымъ отголоскомъ въ Петербургѣ.—„Разнесшійся слухъ встревожилъ вѣрноподданную Курляндію (такъ писали оттуда и повторяли у насъ). До сихъ поръ религіозныя смуты, отъ которыхъ едва оправилась сосѣдняя Лифляндія, не проникали въ наши предѣлы; захочетъ ли правительство, введеніемъ у насъ новаго начала (православія!), подвергать и здѣшній народъ неразлучнымъ съ нимъ соблазнамъ, какъ будто для того, чтобъ никогда не прекращались въ Балтійскомъ краѣ опасныя волненія?“—Прислушиваясь къ этимъ рѣчамъ, можно бы было подумать, что дѣло шло о занесеніи какой нибудь моровой язвы. Шафрановъ убѣждалъ правительство стоять твердо на своемъ намѣреніи. Онъ писалъ въ министерство, что Курляндія никогда не была заперта для православія и въ доказательство указывалъ на 5 православныхъ церквей и причтовъ въ тамошнихъ частныхъ имѣніяхъ и на

6000 б. м. душъ нашихъ единовѣрцевъ Латышскаго племени, числящихся въ составѣ тамошнихъ сельскихъ обществъ; онъ напоминалъ, что правительство, безъ всякаго опасенія религіозныхъ смутъ и соблазновъ, издавна и не разъ водворяло на самыхъ льготныхъ условіяхъ цѣлыя колоніи иновѣрцевъ и сектантовъ въ мѣстностяхъ исключительно православныхъ, и спрашивалъ: не странно ли было бы давать мѣсто соображеніямъ противоположнаго свойства тогда лишь, когда заходила рѣчь о приселеніи къ лютеранамъ послѣдователей вѣры, слывущей господствующей?

Всѣмъ было хорошо извѣстно, что дѣло шло не о привлеченіи къ ней иновѣрцевъ приманкою вещественныхъ выгодъ, а напротивъ о предупрежденіи къ прискорбію слишкомъ частыхъ отъ нея отпаденій, вызываемыхъ сравненіемъ бѣдственнаго положенія православныхъ съ хозяйственнымъ бытомъ лютеранъ. Если правительство до того простерло свое уваженіе къ полноправію частныхъ владѣльцевъ, что не захотѣло мѣшать имъ въ систематическомъ отобраніи земли у православныхъ для передачи ея лютеранамъ, то кто же могъ бы роптать на него за предпочтеніе оказываемое имъ православнымъ при отводѣ земель, которыми располагаетъ казна на правѣ полной вотчинной собственности? Быть можетъ, что, давая у себя пріютъ пущеннымъ по міру православнымъ крестьянамъ, правительство тѣмъ самымъ вырветъ изъ рукъ лютеранъ сильнѣйшее орудіе, которымъ они теперь отторгаютъ отъ церкви разрозненную ея паству (этого дѣйствительно боялись и такова была настоящая причина ропота); но если правительство, при первомъ сопротивленіи, сдѣлаетъ шагъ назадъ въ вопросѣ о водвореніи православныхъ въ Курляндіи, то не поставитъ ли оно себя въ безотвѣтное положеніе и передъ лифляндскимъ дворянствомъ, когда послѣднее приступитъ къ нему съ тѣми же возраженіями противъ водворенія ихъ въ казенныхъ имѣніяхъ лифляндской губерніи? Одна уступка неминуемо повлечетъ за собою другую. Наконецъ, благоразумно ли давать мѣсто опасенію возбудить мнимую смуту въ Курляндіи и въ то же время забывать, что слухъ объ отпаденіи отъ православія цѣлыхъ массъ, побуждаемыхъ къ тому единственно неизбѣжностью выбора

между вѣроотступничествомъ и разореніемъ, мало по малу разносился по Россіи и что такое небывалое у насъ явленіе не могло не производить въ православномъ обществѣ дѣйствительнаго смущенія?

Въ Петербургѣ все это выслушивалось, отчасти даже повторялось, но противная партія, какъ и всегда, дѣйствовала настойчивѣе и потому добилась своего.

Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность генералъ-губернатора, графъ Барановъ, на одномъ изъ первыхъ свиданій своихъ съ Шафрановымъ объявилъ ему, ссылаясь на словесное Высочайшее повелѣніе, что онъ не допуститъ водворенія православныхъ крестьянъ на мызныхъ земляхъ курляндскихъ казенныхъ имѣній. Объ этомъ Высочайшемъ повеленіи министерство государственныхъ имуществъ въ то время, повидимому, ничего еще не знало; оно было объявлено только въ 1869 году.

2) Ознакомившись наглядно съ положеніемъ батраковъ и бобылей, Шафрановъ, въ концѣ 1865 года, внесъ въ министерство цѣлый проектъ объ улучшеніи ихъ быта. Онъ между прочимъ развивалъ въ немъ мысль о постепенномъ обученіи ихъ, въ сельскихъ школахъ, простымъ ремесламъ и рукодѣльямъ, совершенно неизвѣстнымъ въ лифляндскихъ деревняхъ и слывущимъ по старой традиціи исключительною привилегіею тамошнихъ городовъ. Въ той же запискѣ излагалось предположеніе объ отводѣ батракамъ и бобылямъ обоихъ вѣроисповѣданій, лютеранамъ и православнымъ безъ различія, усадебной осѣдлости въ казенныхъ имѣніяхъ Лифляндіи и Курляндіи. По представленнымъ въ то время разсчетамъ, оказывалось возможнымъ надѣлить ихъ небольшими участками, не свыше 3 десятинъ, употребивъ на это всѣ мызныя земли и кромѣ того $^1/_9$ полевыхъ угодій крестьянскихъ хозяйскихъ надѣловъ, по мѣстному обычаю отводившуюся батракамъ, въ видѣ платы за работу на хозяина двора. Шафрановъ долго отстаивалъ эту мысль, но онъ долженъ былъ отказаться отъ нея, когда министерство рѣшилось ограничиться надѣломъ безземельныхъ крестьянъ православнаго исповѣданія. Тогда, по предложенію его, положено было отводить имъ участки двоякаго рода: хозяйскіе, въ сравнительно меньшемъ числѣ, величиною въ 20 деся-

тинъ, и бобыльскіе, въ гораздо большемъ числѣ, величиною приблизительно въ 5 дес. При опредѣленіи размѣра участковъ перваго рода, принято было въ соображеніе, что, по мѣстнымъ наблюденіямъ, хозяинъ Латышъ или Эстъ, владѣвшій большимъ количествомъ земли, обыкновенно отвыкалъ отъ своеручнаго труда, превращался мало по малу въ полубарина, и, разумѣется, дѣтей своихъ производилъ въ полунѣмцевъ. Противъ пятидесятинныхъ участковъ, какъ извѣстно, съ особенною запальчивостью возставали лифляндскіе помѣщики и администраторы; они брали на себя безполезный трудъ доказывать, что на такомъ клочкѣ земли не было возможности для цѣлой семьи добыть себѣ пропитаніе одною выручкою отъ собственной своей запашки. Никто этого и не предполагалъ. Участки эти предназначались для той многочисленной части мѣстнаго сельскаго населенія, которая и прежде кормилась преимущественно работою на сторонѣ и впослѣдствіи должна была наниматься на чужую работу; но Шафрановъ, съ полнымъ основаніемъ, добавлялъ къ этому, что о с ѣ д л ы й работникъ, на время оставляющій свою семью въ собственной избѣ, съ коровою, при огородѣ и при самомъ маломъ посѣвѣ, гораздо свободнѣе могъ располагать собою на сторонѣ и потому всегда нанимался въ работу на условіяхъ болѣе для него выгодныхъ, чѣмъ тотъ, который, не имѣя собственнаго домашняго крова, поневолѣ долженъ былъ переноситься съ мѣста на мѣсто со всею своею семьею.

3) Относительно временныхъ льготъ водворяемымъ на первоначальное хозяйственное обзаведеніе, Шафрановъ предлагалъ: въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ не предстояло надобности уступать мызныя, жилыя и хозяйственныя строенія православному духовенству, отводить ихъ водворяемымъ бобылямъ съ нужными приспособленіями, какъ для собственнаго ихъ помѣщенія, такъ и для крайне необходимой домашней скотины; въ прочихъ же имѣніяхъ, гдѣ не имѣлось въ виду готовыхъ и свободныхъ помѣщеній, отпускать лѣсъ на постройки частью даромъ, частью съ разсрочкою уплаты, и снабжать всѣхъ водворяемыхъ сѣменами на посѣвъ изъ наличныхъ въ каждомъ имѣніи запасовъ съ обязанностью возврата по снятіи первой жатвы; сверхъ того, на каждую семью выдавать

денежную ссуду, не далѣе какъ на 15 лѣтъ, въ размѣрѣ отъ 75 до 85 руб. на прокормленіе до первой жатвы и на пріобрѣтеніе необходимаго рабочаго инвентаря въ дополненіе къ той движимости, которую привезутъ сами водворяемые; наконецъ, освободить отъ поземельнаго оброка на срокъ отъ 3 до 4 лѣтъ тѣхъ, которые получатъ въ надѣлъ земли уже распаханныя, и на срокъ болѣе продолжительный водворяемыхъ на пустошахъ и лѣсныхъ зарослях. Но комитетъ министровъ предпочелъ ограничиться отводомъ ненужныхъ для причтовъ строеній, отпускомъ лѣса въ необходимыхъ случаяхъ и освобожденіемъ отъ оброка на 6, 8 или 10 лѣтъ, смотря по обстоятельствамъ.

4) Успѣхъ предположенной операціи зависѣлъ въ значительной степени особенно на первыхъ порахъ отъ удачнаго выбора водворяемыхъ. Шафрановъ долго настаивалъ на необходимости, при выборѣ ихъ, принимать въ соображеніе не только матеріальныя средства и большую или меньшую хозяйственную добропорядочность изъявляющихъ желаніе получить надѣлъ, но и степень ихъ твердости въ православной вѣрѣ. Въ этихъ видахъ онъ предлагалъ въ зиму 1866 года объѣхать лично православные приходы для нагляднаго ознакомленія съ бытомъ, потребностями и настроеніемъ православныхъ батраковъ; въ 1867 году сдѣлать окончательный выборъ, а въ послѣдующіе два года назначать очередь водворенія по мѣрѣ освобожденія мызныхъ земель изъ подъ арендnаго владѣнія по заключеннымъ контрактамъ; между тѣмъ, поручить мѣстнымъ священникамъ, частнымъ образомъ и негласно, вести переговоры съ каждымъ изъ избранныхъ лицъ и черезъ тѣхъ же священниковъ оповѣщать ихъ о срокѣ и порядкѣ ихъ водворенія. Это было необходимо между прочимъ и для того, чтобъ дать имъ возможность своевременно предупредить прежнихъ своихъ хозяевъ (по мѣстному обычаю за два мѣсяца до Егорьева дня) и, въ случаѣ перехода изъ одной волости въ другую, исполнить требуемыя закономъ формальности. Но министерству этотъ пріемъ не понравился; оно усмотрѣло въ немъ нѣчто похожее на приглашеніе или склоненіе крестьянъ къ водворенію и предписало управлявшему палатою ограничиваться выжиданіемъ и пріемомъ заявленій

отъ желающихъ водвориться. При этомъ строгая разборчивость въ выборѣ становилась конечно дѣломъ крайне труднымъ.

5) Наконецъ, Шафрановъ возбудилъ важный вопросъ, котораго въ Петербургѣ, кажется, не затрогивали. Онъ спрашивалъ: благоразумно ли будетъ ограничиться одновременною мѣрою, то есть водвореніемъ на мызныхъ казенныхъ земляхъ бобылей и батраковъ нынѣ исповѣдующихъ православную вѣру, и можно ли будетъ затѣмъ считать православную паству въ хозяйственномъ отношеніи прочно и навсегда обезпеченною? Образованіе въ казенныхъ имѣніяхъ православныхъ центровъ конечно не могло быть по сердцу той всемогущей партіи, которая такъ успѣшно трудилась надъ искорененіемъ православія, и потому легко было предвидѣть, что если ей не удастся предупредить ихъ устройство, то она постарается понемногу разбить ихъ, перетянувъ мало по малу только что розданные участки изъ рукъ православныхъ въ руки лютеранъ. Къ этой цѣли нужно было идти двумя путями: поощреніемъ добровольной передачи участковъ и разнаго рода мелочными притѣсненіями православныхъ хозяевъ. Для этого враги православія располагали болѣе чѣмъ достаточными средствами, которымъ мы съ своей стороны не могли противопоставить ничего равносильнаго, именно: капиталами для временныхъ ссудъ, администраціею, судомъ во всѣхъ инстанціяхъ и пріобрѣтеннымъ издавна навыкомъ къ политическимъ стачкамъ. Опытъ доказалъ, что при установившихся въ Остзейскомъ краѣ порядкахъ, можно было въ теченіе одного двадцатипятилѣтія, совершенно безпрепятственно, даже почти незамѣтно, окончательно обезземелить православное сельское населеніе и въ значительной степени устранить его отъ участія въ заработкахъ по найму. Теперь, новый походъ противъ православнаго землевладѣнія начался бы при обстоятельствахъ еще болѣе благопріятныхъ для нѣмецко-лютеранской партіи; ибо во первыхъ, весь протестантскій сельскій пролетаріатъ, который тоже никогда не разстается съ мечтою о пріобрѣтеніи гдѣ нибудь клочка земли, безъ всякаго даже подговора, сталъ бы усердно помогать ей въ постепенномъ вытѣсненіи православныхъ изъ казенныхъ имѣній; во вторыхъ дѣйствіе главной пружины—помѣстнаго

дворянства, легко бы укрылось отъ наблюденія за поставленными декораціями общественныхъ сельскихъ учрежденій, за волостными судами и волостными управами.

По собраннымъ Шафрановымъ свѣдѣніямъ, въ казенныхъ имѣніяхъ количество крестьянскихъ земель, издавна разбитыхъ на крупные дворы, въ нѣсколько разъ превышало количество мызныхъ земель. Эти дворы, такъ же какъ и въ частныхъ имѣніяхъ, находились почти безъ исключенія во владѣніи крестьянъ лютеранскаго вѣроисповѣданія; изъ мызныхъ же земель, которыми правительство могло свободно располагать, почти половина предназначалась на обезпеченіе православныхъ церквей и школъ. Такимъ образомъ, даже по разбивкѣ остальной половины на мелкіе участки и по раздачѣ ихъ православнымъ, въ каждомъ казенномъ имѣніи образовалось бы, въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, все таки два центра: общество протестантское, состоящее изъ сельскихъ аристократовъ, то есть изъ крупныхъ крестьянъ-хозяевъ, и общество православное, состоящее изъ осѣдлыхъ батраковъ. На сторонѣ первыхъ оставалось бы повсемѣстно первенство, обусловленное сравнительно высшею степенью зажиточности, образованія и вліянія на всю окружающую среду, а въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ,—даже первенство численное. При такомъ составѣ волостныхъ обществъ, не могло быть недостатка въ ежедневныхъ поводахъ къ столкновеніямъ, которыхъ лютеране, увѣренные въ покровительствѣ мѣстныхъ судовъ и администраціи, конечно не стали бы избѣгать, тогда какъ высшее правительство было бы рѣшительно не въ состояніи защищать и опекать каждаго изъ православныхъ порознь. Въ виду этихъ обстоятельствъ, г. Шафрановъ совѣтовалъ, для завершенія дѣла, предоставить православнымъ исключительное право на *всю* крестьянскую землю въ казенныхъ имѣніяхъ и тѣмъ застраховать навсегда хозяйственную будущность православныхъ колоній отъ конкуренціи и давленія мѣстнаго протестантства, противъ котораго, будучи предоставлены самимъ себѣ, онѣ не въ силахъ были устоять по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ.

Онъ предлагалъ постановить:

а) Что вновь отводимые изъ казенныхъ мызныхъ угодій

православнымъ Латышамъ и Эстамъ участки, какъ хозяйскіе такъ и батрацкіе, не могутъ переходить во владѣніе лицъ другаго вѣроисповѣданія ни по наслѣдству, ни по продажѣ, ни по какимъ либо частнымъ сдѣлкамъ.

б) Что тѣмъ же ограниченіямъ въ правѣ завѣщанія и уступки подчиняются въ казенныхъ имѣніяхъ и всѣ прочіе участки состоящіе нынѣ въ составѣ крестьянской земли, не выключая находящихся во владѣніи лютеранъ.

в) Что тѣ изъ упомянутыхъ въ предъидущемъ пунктѣ участковъ, которые впослѣдствіи могли бы сдѣлаться вакантными, сдаются исключительно православнымъ хозяевамъ; наконецъ:

г) Что право выкупа крестьянскихъ земель вообще, въ казенныхъ имѣніяхъ, предоставляется исключительно лицамъ того же вѣроисповѣданія.

Генералъ-губернаторъ Альбединскій, которому управлявшій палатою государственныхъ имуществъ, по данному ему отъ министерства предписанію, представлялъ всѣ предположенія свои на предварительное разсмотрѣніе, сперва было изъявилъ полное согласіе на всѣ четыре прописанные пункта, но черезъ нѣсколько дней одумался и отвергъ второй, не возражая однако на прочіе. Шафрановъ долго отстаивалъ свой проэктъ во всѣхъ частяхъ, доказывая ихъ тѣсную, взаимную связь. Между прочимъ онъ писалъ: разрѣшивъ лютеранамъ переуступать казенные участки, состоящіе въ ихъ пользованіи, своимъ единовѣрцамъ, трудно бы было отказать имъ въ общемъ правѣ пріобрѣтенія этихъ участковъ въ собственность; а предоставивъ имъ право арендnаго владѣнія и покупки, непослѣдовательно было бы отказывать православнымъ въ правѣ сдачи, продажи и оставленія въ наслѣдство лютеранамъ же участковъ, которыми казна нынѣ жертвуетъ исключительно въ видахъ обезпеченія православнаго населенія. Этими путями, значительная часть земель опять перешла бы въ руки лютеранъ, особенно при распространяющемся въ Лифляндіи обычаѣ крестить по лютеранскому чину не только дѣтей происходящихъ отъ смѣшанныхъ браковъ, но и такихъ, которыхъ отцы и матери исповѣдуютъ православную вѣру.

Г. Шафрановъ конечно не хуже чѣмъ кто либо понималъ,

что изложенныя предположенія его напрашивались на строгую критику. Самъ онъ, въ принципѣ, вовсе не былъ сторонникомъ какого либо ограниченія поземельныхъ правъ вѣроисповѣдными условіями; онъ говорилъ не разъ, что было время, когда правительство могло бы избавить себя отъ необходимости когда либо прибѣгать къ такого рода мѣрамъ и что это, безъ всякаго сомнѣнія, было бы лучше. Пока крестьянскій вопросъ былъ еще въ рукахъ законодательной власти, отъ нея зависѣло, прочнымъ огражденіемъ поземельнаго права всѣхъ крестьянъ вообще и установленіемъ нормы поземельныхъ повинностей, предупредить навсегда систематическое обезземеленіе православнаго населенія; но это время было упущено и не было повода предполагать, чтобы правительство намѣревалось воротить его. Общій вопросъ считался окончательно разрѣшеннымъ; историческое право крестьянъ на землю было подорвано; установленіе предѣла произвольному возвышенію повинностей и одинаково произвольному округленію крестьянскихъ дворовъ, то есть поглощенію мелкихъ крестьянскихъ усадьбъ, признано было ненужнымъ; помѣщикамъ дана была полная свобода въ распоряженіи крестьянскою землею.

Что эта свобода обращена была въ стѣнобитное орудіе противъ господствующей церкви и что послѣдовательнымъ переводомъ крестьянскихъ дворовъ въ частныхъ имѣніяхъ изъ рукъ православныхъ хозяевъ въ руки лютеранъ удалось наконецъ выхватить почву изъ подъ ногъ православнаго населенія - это было очевидно и не подлежало спору. Фактически, владѣніе землею въ крестьянскомъ сословіи связалось уже наглухо съ лютеранствомъ и сдѣлалось почти исключительною привилегіею исповѣдниковъ одной вѣры. Оставаясь въ предѣлахъ этой дѣйствительности и подчиняясь поневолѣ этимъ условіямъ, г. Шафрановъ крѣпко стоялъ на томъ, что если правительство, допустивъ дѣло до такой крайности, рѣшалось теперь на пожертвованія для спасенія православія отъ конечнаго упадка, то оно уже не могло не вступить въ рѣшительное соперничество съ протестантствомъ на почвѣ мѣстнаго провинціальнаго права, самимъ же правительствомъ признаннаго и узаконеннаго. У него оставалось только одно

орудіе, далеко правда неравносильное, но однородное тому, которое съ такимъ успѣхомъ приспособлено было противною стороною къ ея цѣлямъ, именно: вотчинное его право принадлежащее ему какъ владѣльцу казенныхъ имѣній. Пусть же, по крайней мѣрѣ, извлекаетъ оно изъ этого права всевозможную пользу и знаетъ напередъ, что, для образованія прочныхъ православныхъ центровъ, недостаточно открыть у себя нѣсколько пріютовъ для выживаемыхъ отовсюду православныхъ людей, но нужно еще твердымъ закономъ оградить эти центры отъ дальнѣйшаго вторженія протестантства.

Министерство однако не только не одобрило всѣхъ предположеній г. Шафранова, но даже отвергло тѣ изъ нихъ, противъ которыхъ не находилъ возраженій остзейскій генералъ-губернаторъ. Я передамъ подлинными словами отрывокъ изъ министерской бумаги по этому дѣлу, посланной въ Ригу 11 февраля 1867 года за Nr. 51: «Вслѣдствіе представленія отъ 20 минувшаго января за Nr. 9, считаю нужнымъ васъ увѣдомить, что какъ, по точному смыслу Высочайшаго повелѣнія, изъясненнаго въ предложеніи моемъ отъ 5 сент. 1866 г. за Nr. 244, водвореніе на свободныхъ мызныхъ угодіяхъ православныхъ Эстовъ и Латышей допускается «единственно въ видѣ хозяйственнаго распоряженія, приводимаго въ исполненіе сообразно условіямъ времени и мѣстности», то и примѣненіе этой мѣры можетъ сопровождаться такими лишь распоряженіями, которыя могутъ зависѣть отъ министерства государственныхъ имуществъ, въ силу предоставленной ему власти по хозяйственному устройству крестьянъ, поселенныхъ на казенныхъ земляхъ, и по заключенію условій съ крестьянами на предоставленіе имъ въ пользованіе казенныхъ земель [1]); но не можетъ служить поводомъ къ измѣненію, законодательнымъ порядкомъ, существующихъ въ остзейскихъ губерніяхъ постановленій, и въ особенности въ ограниченіи правъ предоставленныхъ закономъ водвореннымъ въ казенныхъ имѣніяхъ крестьянамъ, безъ различія исповѣда-

[1]) Это однако нисколько не помѣшало лифляндской оппозиціи, какъ мы сейчасъ увидимъ, вторгнуться въ область министерскихъ распоряженій, возвести ихъ на степень политическаго вопроса и самого министра поставить въ необходимость оправдываться.

ній, съ цѣлью предоставить православнымъ какія либо исключительныя преимущества".—Далѣе: „Руководствуясь вышеизложенными соображеніями, невозможно допустить предположенія объ испрошеніи особаго закона, по которому состоящіе нынѣ въ потомственномъ пользованіи лютеранъ участки крестьянской земли не могли бы, по прежнему, переходить по наслѣдству къ ихъ дѣтямъ, если послѣдніе не православные, и по которому право выкупа крестьянскихъ участковъ было бы сохранено для православныхъ и отнято у лютеранъ. Что же касается предоставляемыхъ православнымъ крестьянамъ участковъ мызныхъ земель, то, для предотвращенія передачи участковъ этихъ лютеранамъ, достаточно принять за правило предоставлять участки эти православнымъ крестьянамъ на основаніи письменныхъ, срочныхъ контрактовъ, въ коихъ можетъ быть положительно оговорено, что переуступка участка не допускается безъ разрѣшенія управленія государственныхъ имуществъ, подъ опасеніемъ отобранія участка. Такимъ образомъ, безъ изданія какого либо новаго по сему предмету закона, отъ управленія государственными имуществами всегда будетъ зависѣть наблюдать, чтобы участки не были переуступаемы лютеранамъ, и возобновлять подобные контракты, по истеченіи сроковъ, только въ томъ случаѣ, если участокъ не перешелъ по наслѣдству къ лютеранину, и если тотъ крестьянинъ, коему участокъ былъ предоставленъ, самъ не совратился въ лютеранство". [1])

Очевидно, что въ возраженіяхъ своихъ на дополнительныя предположенія Шафранова, министерство было право; но одинаково очевидно, что не менѣе правъ былъ и Шафрановъ, доказывая, что безъ этихъ дополненій, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ упущеній, предпринимаемый опытъ не могъ имѣть ус-

[1]) Можетъ быть управленіе государственныхъ имуществъ и наблюдало бы за этимъ, пока управляющимъ палатою былъ бы Шафрановъ, а министромъ А. А. Зеленый, но потомъ, при другомъ персоналѣ? Кажется, что простое сравненіе правительственной системы покойнаго М. Н. Муравьева съ системою нынѣшняго генералъ-губернатора сѣверозападнаго края могло бы убѣдить каждаго въ несостоятельности всякаго плана, основаннаго на предположеніи какого нибудь постоянства въ намѣреніяхъ и какой нибудь выдержки въ пріемахъ нашей администраціи.

пѣха. Словомъ, дѣло было окончательно испорчено и не оставалось выхода изъ западни, въ которую попало правительство.

На разрѣшеніе перечисленныхъ вопросовъ въ Петербургѣ естественно уходило не мало времени; съ другой стороны, регуляціонная коммиссія, дѣйствовавшая на мѣстахъ и состоявшая изъ чиновниковъ того же министерства государственныхъ имуществъ но вообще не сочувствовавшихъ водворенію православныхъ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ, также не очень спѣшила окончаніемъ порученныхъ ей техническихъ работъ по проектированію разбивки земель. Между тѣмъ, провинціальная оппозиція конечно не дремала. Вотъ что писалъ Шафрановъ о тогдашнемъ положеніи дѣла.

„Забота объ успѣхѣ перваго опыта сосредоточенія православнаго населенія въ казенныхъ имѣніяхъ побуждаетъ меня ходатайствовать о скорѣйшемъ утвержденіи раздѣла 9 имѣній, по представленнымъ мною проектамъ и картамъ, а также формы контрактовъ, безъ заключенія коихъ нельзя раздавать земель. Коммиссія регулированія сперва обѣщала мнѣ изготовить всѣ проекты въ началѣ февраля, а вмѣсто того, сколько я ни просилъ ее поспѣшить, протянула дѣло до половины апрѣля, да и теперь еще не доставлены мнѣ проекты по двумъ имѣніямъ. Окружные начальники приняли уже имѣнія отъ арендаторовъ и, черезъ двѣ недѣли, надобно бы отводить земли, а у меня не только не заключено контрактовъ съ поселенцами, но ни одного поселенца еще и не подобрано. По поступившимъ ко мнѣ отъ желающихъ водвориться письменнымъ и другимъ заявленіямъ, ничего не могу начать, пока не имѣю въ рукахъ утвержденныхъ проектовъ и формы контрактовъ. Само собою представляется, что меня ожидаетъ положеніе человѣка, которому доводится оснащивать корабль не прежде какъ очутившись въ открытомъ морѣ и когда загудитъ буря. Самъ ли я создалъ себѣ такое положеніе, или оно подготовлено для меня безучастіемъ къ предпринятому дѣлу однихъ и несочувствіемъ къ нему другихъ? Я напередъ зналъ, что приверженцы „нѣмецкаго провинціальнаго земскаго штата (deutscher Landesstaat) въ русскомъ государствѣ“ не останутся равнодушными зрите-

лями исполненія мѣры столь рѣшительно противодѣйствующей ихъ политическимъ мечтамъ, зналъ и то, какое оружіе они обратятъ противъ нее. Ложь и клевета — таковы средства, которыми умѣютъ они производить въ народѣ искусственное движеніе, а въ Петербургѣ смущеніе. И вотъ интрига, не считая болѣе нужнымъ скрываться, проболталась печатно въ Рижской Газетѣ. Тамъ прямо говорится, что водвореніе батраковъ есть дѣло соціализма, преднамѣренно распространяемаго въ здѣшнемъ народѣ, есть революціонный пріемъ, влекущій за собою насильственный раздѣлъ между батраками земель принадлежащихъ помѣщикамъ и хозяевамъ-собственникамъ [1]). Такими толками, влагаемыми въ

---

1) Въ № 80, 1867 года, на который здѣсь указывается, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Настоящій аграрный вопросъ (die eigentliche Agrarfrage)“, вопросъ этотъ приводится въ прямое соотношеніе съ правительственными мѣрами по надѣленію батраковъ. Далѣе значится буквально: „На практикѣ всего хуже то, что соціалистическія надежды на общую раздачу земель и тому подобное, искусственно разсѣваемыя и питаемыя, выросли не на нашей мѣстной почвѣ. Съ своими доморощенными наставниками въ соціализмѣ мы бы какъ нибудь управились; но наши провинціи почти беззащитны противъ зарубежныхъ пророковъ, имѣющихъ постоянную осѣдлость въ сторонѣ отъ насъ и только случайно запускающихъ къ намъ свою руку“. Тутъ же указывалось на цѣлый рядъ статей однороднаго содержанія, появившихся прежде въ Рижской и другихъ мѣстныхъ газетахъ. Черезъ нѣсколько дней, въ той же Рижской газетѣ, № 91, вышла новая передовая статья на ту же тему, подъ заголовкомъ: „О положеніи здѣшнихъ дѣлъ (zur Situation)“. Въ ней заявлялось, какъ несомнѣнный фактъ и какъ послѣдствіе приготовительныхъ распоряженій въ казенныхъ имѣніяхъ, что въ краѣ поколеблена всякая увѣренность въ прочности правомѣрнаго землевладѣнія, что у состоятельныхъ крестьянъ пропала всякая охота къ покупкѣ земель у помѣщиковъ, а масса сельскаго населенія волнуется ожиданіемъ скорой раздачи даровыхъ надѣловъ. Ссылаясь на Высочайшій рескриптъ 13 мая 1866 года на имя князя Гагарина, редакція совѣтовала земскому представительству (т. е. дворянству) потребовать отъ главнаго мѣстнаго начальства офиціальнаго опроверженія разнесшихся слуховъ „чтобъ этимъ образумить народъ и вырвать всякую опору изъ рукъ злонамѣренныхъ агитаторовъ“. Чего не смѣли выговорить мѣстныя газеты, то договаривали за нихъ нѣмецкія заграничныя. Тамъ прямо называли А. А. Зеленаго отъявленнымъ демократомъ и обличали злонамѣренность его между прочимъ тѣмъ, что онъ, вопреки исконному обычаю, назначилъ въ Ригу управляющимъ палатою р у с с к а г о. Оба, министръ и его подчиненный, служили де вожаками партіи такъ называемыхъ молодыхъ Латышей и русскихъ соціалистовъ.

уста народу, обозначается образъ настоящихъ и грядущихъ дѣйствій нѣмецкихъ агитаторовъ на петербургскія власти съ одной стороны, и на лифляндскія народныя массы съ другой. А что значитъ имѣть дѣло съ возбужденнымъ народомъ, мнѣ также не безъ-извѣстно; народъ — вода, сила стихійная, разъ двинулась и удержаться не можетъ. Имѣя все это въ виду, я, еще въ началѣ прошлой осени, имѣлъ честь представить министерству рядъ предположеній, между прочимъ и о лучшемъ способѣ сосредоточенія православныхъ крестьянъ. Соблюденіе административнаго такта при исполненіи этой мѣры я полагалъ въ томъ, чтобы въ продолженіи осени и зимы, выглядѣвъ и сговоривъ по одиночкѣ водворяемыхъ, съ наступленіемъ весны, размѣстить ихъ по участкамъ заблаговременно подготовленнымъ регулированіемъ и этимъ способомъ, не только въ нынѣшнемъ году, но и въ слѣдующіе года, предотвратить неизбѣжныя безъ того столпленія безземельныхъ крестьянъ, чему наши недоброхоты такъ легко могутъ придать видъ мятежа и воскресить ужасы Беверсговскихъ экзекуцій. Въ разрѣшеніе мнѣ предписано ожидать заявленій отъ желающихъ водворяться и не имѣющихъ на то средствъ безземельныхъ крестьянъ. Такихъ заявленій поступило ко мнѣ уже не мало, но чуть ли не упущено время къ повѣркѣ ихъ, то есть къ отчетливому выбору водворяемыхъ. Прошлаго не воротишь, но я считалъ своею обязанностью изобразить положеніе дѣла, какъ оно представляется непосредственному дѣлателю, видящему его лицемъ къ лицу.“

Шафрановъ нѣсколько разъ и убѣдительно просилъ министерство огласить намѣренія и распоряженія правительства по сосредоточенію православнаго населенія въ казенныхъ имѣніяхъ. Онъ писалъ между прочимъ: „Судя по сильному безпокойству остзейской печати, слѣдуетъ заключить, что настроеніе умовъ въ народѣ не соотвѣтствуетъ желаніямъ здѣшней интеллигенціи. Значитъ: сочиненіе народного ненія, по поводу надѣленія безземельныхъ православныхъ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ, не удается. Латыши и Эсты, извѣрившись въ Нѣмцевъ, на этотъ разъ не даютъ себя обморочить и нейдутъ подъ обухъ. Замѣтно напротивъ, что слухи о намѣреніяхъ правительства удерживаютъ пра-

вославныхъ отъ совращенія въ лютеранство; замѣтно даже, что вслѣдствіе неточности и неопредѣленности этихъ слуховъ, сами лютеране, повидимому, начинаютъ склоняться къ православію. На сколько первое явленіе согласно съ цѣлью правительства, на столько второе расходится съ нею и затруднило бы приведеніе въ исполненіе предположенныхъ мѣръ. Поэтому было бы крайне необходимо, для парализированія враждебной намъ журнальной агитаціи съ одной стороны, а съ другой для предупрежденія несбыточныхъ ожиданій въ темной массѣ, огласить во всеуслышаніе намѣренія правительства и разъяснить всѣмъ скромные размѣры предпринимаемой имъ операціи".

Но высшія власти смотрѣли на дѣло съ другой точки зрѣнія. Бывшій министръ и бывшій генералъ-губернаторъ Альбединскій были недовольны тѣмъ, что дѣлу о сосредоточеніи православнаго населенія Шафрановъ „придалъ характеръ религіозный, вмѣсто того, чтобы сохранить за нимъ характеръ хозяйственнаго распоряженія"—это было ему объявлено генералъ-губернаторомъ. Надобно сознаться, что задача была нелегкая. Казна отказывалась отъ всѣхъ своихъ мызныхъ земель, раздавала ихъ частью подъ православныя школы, частью православнымъ причтамъ, частью православнымъ крестьянамъ на льготныхъ для нихъ условіяхъ, и добровольно принимала на себя убытокъ исчисленный приблизительно въ 200 тыс. въ 12 лѣтъ, а отъ исполнителя, дѣйствовавшаго на мѣстахъ, требовалось, чтобъ онъ нашелъ средство замаскировать заботливость правительства о православіи отъ нѣмцевъ и лютеранъ, въ глазахъ которыхъ производилась вся операція, и чтобъ они оставались при наивномъ убѣжденіи, что правительство руководилось не религіозными или политическими, а чисто хозяйственными соображеніями!

Вслѣдъ за журнальными застрѣльщиками, пошелъ въ атаку самъ губернаторъ Ф. Эттингенъ. Прежде всего онъ потребовалъ къ своему просмотру всю переписку по вопросу о водвореніи православныхъ крестьянъ, происходившую, помимо его, между министромъ и генералъ-губернаторомъ. Послѣдній помялся, но все таки уступилъ — это было еще до

окончательной его размолвки съ г. ф. Эттингеномъ. Вооружившись такимъ образомъ всѣми нужными справками, губернаторъ вклеилъ во всеподданнѣйшій свой отчетъ за 1866 годъ слѣдующую статью:

„Мѣры, проектированныя управленіемъ государственныхъ имуществъ, не соотвѣтствуя ни интересамъ казны, ни успѣшному развитію крестьянскаго экономическаго быта, могутъ считаться лишь раздражительнымъ способомъ къ достиженію агитаторскихъ цѣлей [1]). Предположенное раздробленіе казенныхъ дворовъ и раздача земель православнымъ крестьянамъ производятся, какъ утверждаютъ, съ цѣлью сосредоточенія православнаго элемента. Подобная цѣль, если она можетъ быть достигнута, конечно заслуживаетъ уваженія; но одинъ уже взглядъ на географическую карту и на распредѣленіе народонаселенія по вѣроисповѣданію достаточно убѣждаетъ, что осуществленіе означенной мѣры влечетъ за собою лишь уменьшеніе цѣнности казенныхъ дворовъ, матеріальное обогащеніе православныхъ крестьянъ [2]) и, что всего опаснѣе, возбужденіе недовольствія между большинствомъ населенія, т. е. между безземельными крестьянами [3]), тогда какъ мнимая цѣль сосредоточенія православнаго элемента остается въ сторонѣ". — Тамъ же: „Управленіе государственныхъ имуществъ изъято отъ круга вѣдомства моего; тѣмъ не менѣе однако, я не счелъ себя въ правѣ умолчать во всеподданнѣйшемъ моемъ отчетѣ передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ о такихъ мѣрахъ означеннаго управленія [4]), которыя, ни въ какомъ отношеніи, не могутъ служить въ пользу, а во мно-

[1]) Систематическое обезземеленіе православныхъ крестьянъ конечно не раздражало ихъ и не имѣло характера стремленія къ агитаторской цѣли?—А что бы сказали, еслибы на пр. ген. Головинъ употребилъ подобныя выраженія!

[2]) Не обогащеніе (на 5-ти десятинахъ цѣлая семья не разживется) а осѣдлость и обезпеченіе отъ голода; но этого то именно и не хотѣли въ Лифляндіи; пусть де нищенствуютъ православные въ предостереженіе лютеранамъ.

[3]) Будто бы ужъ онъ и не зналъ, что и объ нихъ заботилось министерство?

[4]) Мѣры эти исходили не отъ мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ, а изъ министерства, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ, и изъ комитета министровъ. Наконецъ, онѣ уже получили Высочайшее утвержденіе и губернаторъ все это зналъ.

гихъ отношеніяхъ служатъ во вредъ ввѣренной управленію моему губерніи, а слѣдовательно и во вредъ государству. Возникшая идея раздачи казенныхъ земель въ Лифляндіи особенно характеризуется еще тѣмъ, что не только всѣ пріуготовительныя распоряженія по осуществленію этого проекта были отъ меня скрыты [1]) но и въ настоящее время, когда мнѣ сообщено главнымъ управленіемъ края, что означенная мѣра почитается вопросомъ рѣшеннымъ, мѣстное управленіе госуд. им. все еще скрываетъ отъ меня происходившую по сему предмету переписку [2]). Подобныя дѣйствія, въ отношеніи начальника и хозяина (?) губерніи, объясняются развѣ только тѣмъ опасеніемъ, что губернаторъ, узнавъ офиціально о свойствѣ и цѣли проектированной мѣры, счелъ бы священнымъ долгомъ всемѣрно стараться парализировать пагубныя, какъ для губерніи, такъ и для государства стремленія".

Этотъ отрывокъ годился бы цѣликомъ въ любое изданіе ф. Бокка или Ширрена—тонъ и побужденія одинаковы. Читая подобныя рѣчи, невольно спросишь себя: отчего эта устойчивость и неподатливость въ воззрѣніяхъ, эта смѣлость въ пріемахъ, доходящая до дерзости, встрѣчаются только на противоположной намъ сторонѣ, тамъ гдѣ ко всякому начинанію, согласному съ призваніемъ и честью Россіи, относятся враждебно, по убѣжденію или по разсчету? Отчего наоборотъ, русскій генералъ-губернаторъ или губернаторъ новѣйшей школы, или православный архіерей, обмакивая перо для написанія своего отчета, задается мыслью: какъ бы составить его такъ, чтобы Высочайшій слухъ не встрѣтилъ въ немъ ни единаго звука, который бы не былъ отголоскомъ извѣстной или предполагаемой Высочайшей мысли? А нельзя не сознаться, что это такъ!

Государь Императоръ нимало не раздражился выходкою

---

1) Всѣ пріуготовительныя распоряженія дѣлались съ вѣдома генералъ-губернатора и по соглашенію съ нимъ. Еще бы отдать все дѣло въ руки г. ф. Эттингену, которому оно было ненавистно!

2) Самъ генералъ-губернаторъ Альбединскій разрѣшилъ Шафранову не сообщать г. ф. Эттингену своей личной, совершенно конфиденціальной переписки съ министромъ.

лифляндскаго губернатора, но обратилъ на нее вниманіе и, ставя суть дѣла выше тона, ограничился передачею выписаннаго отрывка на ближайшее соображеніе министра государственныхъ имуществъ. Генералъ-адъютанту Зеленому конечно очень не трудно было бы опровергнуть весь этотъ наборъ коварныхъ инсинуацій и притворныхъ опасеній; но чтобъ сдѣлать это основательнѣе и представить одновременно взглядъ на дѣло главнаго мѣстнаго начальства, при непосредственномъ, личномъ участіи котораго принимались всѣ приготовительныя мѣры, онъ обратился къ генералъ-губернатору съ просьбою высказать свое мнѣніе по содержанію отчета ф. Эттингена. Онъ ждалъ этого отвѣта цѣлыхъ два года и не дождался его. Генералъ-адъютантъ Альбединскій предпочелъ отмолчаться — что конечно гораздо безопаснѣе, когда нѣтъ увѣренности, что своимъ отвѣтомъ потрафишь безошибочно въ Высочайшую мысль; но въ подобномъ случаѣ, если бы представилась возможность, хотя бы съ нѣкоторымъ рискомъ для себя лично, послужить провинціальнымъ интересамъ своей земли, Остзеецъ поступилъ бы иначе. Прискорбно!—а опять таки нельзя въ этомъ не сознаться.

Наконецъ, въ исходѣ мая 1867 года, министерство утвердило форму контрактовъ и проекты раздѣла двухъ имѣній. Шафрановъ тотчасъ же доложилъ генералъ-адъютанту Альбединскому о предположенныхъ имъ исполнительныхъ распоряженіяхъ и, получивъ на все полное его согласіе, немедленно приступилъ къ дѣлу; но на другой день до свѣдѣнія генералъ-губернатора дошло, что дворянскій конвентъ готовился подать какой-то протестъ, и одно это извѣстіе повергло его въ такой ужасъ, что онъ пріостановилъ всѣ дѣйствія, имъ же наканунѣ одобренныя. Въ концѣ концевъ виноватымъ остался Шафрановъ. Чтобъ скрыть свои колебанія, генералъ-губернаторъ накинулся на него съ рѣзкими упреками за мнимую произвольность его дѣйствій и происшедшее между ними по этому поводу столкновеніе, не смотря на послѣдовавшее за нимъ примиреніе, оставило въ обоихъ тяжелое впечатлѣніе, послужившее главнымъ поводомъ къ переводу Шафранова. Болѣе всего раздражило генералъ-губернатара то обстоятельство, что управлявшій палатою распорядился при-

глашеніемъ депутатовъ отъ православнаго епархіальнаго начальства къ предстоявшей сдачѣ казенныхъ мызныхъ земель. Страхъ, наведенный на главнаго начальника края дворянскою угрозою, былъ такъ великъ, что онъ не сообразилъ даже, что безъ депутата отъ духовнаго вѣдомства не было никакой возможности исполнить требуемаго закономъ ввода во владѣніе участками, которые нарѣзывались православнымъ причтамъ и школамъ.

Несмотря однако на всѣ интриги, козни и колебанія, по май мѣсяцъ 1870 года, въ 33 лифляндскихъ казенныхъ имѣніяхъ нарѣзано было (только нарѣзано) подъ водвореніе православныхъ безземельныхъ крестьянъ 6087 дес., раздѣленныхъ большею частью на 5-ти десятинные участки, слѣдовательно, примѣрно на 1200 дворовъ. Число это было менѣе половины всѣхъ православныхъ батраковъ, проживавшихъ въ однихъ казенныхъ имѣніяхъ лифляндской губерніи, не считая острова Эзеля.

Изъ этихъ 1200 участковъ, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ (за полноту которыхъ я не смѣю ручаться) дѣйствительно роздано православнымъ крестьянамъ только 288, а изъ этихъ 288 самимъ Шафрановымъ (до 1868 года) роздано было 213, въ десяти имѣніяхъ; слѣдовательно, послѣ него водворено было только 75 человѣкъ.

Я не берусь разъяснить причины сравнительной медленности хода этого дѣла въ послѣднее время; думаю однако, что удаленіе Шафранова осталось не безъ вліянія на него. Но вотъ что мнѣ достовѣрно извѣстно: еще при немъ, когда онъ осматривалъ на мѣстахъ нарѣзанные бобыльскіе участки, предназначавшіеся къ раздачѣ, оказывалось кое гдѣ, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ совершенно самовольно, безъ вѣдома и разрѣшенія палаты, успѣли уже водвориться лютеране. Подобныхъ случаевъ было немного, не болѣе 5 или 6; объ нихъ Шафрановъ входилъ съ представленіями и министерство, изъ снисхожденія, оставляло самовольныхъ поселенцевъ на мѣстахъ, отводя имъ по 1 десят. (вмѣсто 5) и въ то же время облагая ихъ оброкомъ. Этотъ фактъ, какъ онъ ни мелокъ, не ускользнулъ отъ напряженнаго вниманія мѣстныхъ дѣльцевъ. Изъ области законодательной, въ которой ихъ происки

не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, они спустились въ область исполнительныхъ распоряженій и остановились на мысли просто на просто не допускать православныхъ до водворенія Въ этомъ стремленіи сошлись всѣ: волостные старшины, ихъ писаря, земская полиція и мѣстные суды.

На практикѣ установился слѣдующій порядокъ: какъ только въ какомъ нибудь казенномъ имѣніи оканчивалась разбивка мызныхъ земель, бобыли-лютеране немедленно захватывали участки, предназначавшіеся для православныхъ. Это происходило въ глазахъ волостныхъ правленій и земской полиціи, но они ничего не видѣли и ничего не знали.

Разъ, палата государственныхъ имуществъ донесла министерству, что въ двухъ казенныхъ имѣніяхъ участки были нарѣзаны; но когда министерство спросило генералъ-губернатора, кому бы онъ думалъ раздать ихъ, генералъ-адъютантъ Альбединскій отвѣтилъ, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, въ одномъ изъ этихъ имѣній, всѣ участки были уже заняты лютеранами.—Такъ нельзя ли, по крайней мѣрѣ, впредь до возстановленія права, нарушеннаго самовольнымъ захватомъ, приступить въ другомъ имѣніи къ раздачѣ участковъ согласно волѣ правительства?—Конечно, можно бы, но дѣло въ томъ, что о другомъ имѣніи мы еще не имѣемъ точныхъ свѣдѣній и потому не лучше ли сперва спросить: не заняли ли и тамъ лютеране нарѣзанные участки?—Это не шутка, а фактъ; мысль о предварительномъ спросѣ внушена была генералъ-губернатору правителемъ его канцеляріи, и объ этомъ знала вся Рига.

Приведу еще одинъ случай, изъ котораго читатели увидятъ, въ какой мѣрѣ можно разсчитывать, въ хваленой странѣ законности, на скорое возстановленіе права въ тѣхъ случаяхъ, когда оно нарушается на зло православію и въ ущербъ казнѣ.

Въ 1870 году, приступлено было къ отводу участковъ православнымъ крестьянамъ въ казенныхъ имѣніяхъ Гольстферсгофѣ и Альтъ-теннасильмѣ; но тамошніе крестьяне изъ лютеранъ оказали явное сопротивленіе чиновникамъ коммиссіи регулированія и управленія государственныхъ имуществъ, командированнымъ на мѣста, и не допустили ихъ ввести пра-

вославныхъ во владѣніе предназначенными послѣднимъ надѣлами. Случись подобное въ помѣщичьемъ имѣніи или въ ущербъ лютеранамъ, ландратская коллегія ударила бы въ набатъ и упросила бы генералъ-губернатора вытребовать казаковъ; по крайней мѣрѣ, она воспользовалась бы случаемъ для исходатайствованія высылки изъ края административнымъ порядкомъ какихъ нибудь такъ называемыхъ агитаторовъ; но на сей разъ ландратская коллегія не встревожилась. Въ первомъ имѣніи, командированный изъ министерства чиновникъ возстановилъ порядокъ, а во второмъ дѣло усложнилось особенными обстоятельствами. Оказалось, что мызныя угодья, впредь до раздачи ихъ православнымъ, временно сданы были на короткій срокъ въ арендное содержаніе мѣстному крестьянскому обществу; мызнымъ хозяйствомъ распоряжался волостной старшина и самовольно допустилъ до 36 бобылей-лютеранъ водвориться на участкахъ, уже предназначенныхъ къ отводу православнымъ. Тутъ не могло быть никакого недоразумѣнія; это былъ актъ явнаго и вполнѣ сознательнаго произвола, ибо въ арендномъ контрактѣ значилось ясно, что общество обязывается сдать землю къ 23 апрѣля 1870 года. Тѣмъ не менѣе, захватившіе участки отказались на отрѣзъ сойти съ нихъ, а мѣстныя полицейскія власти отказались отъ употребленія противъ нихъ понудительныхъ мѣръ, ссылаясь на 693 ст. Св. Мѣстн. Узак. (части III зак. гражд.), по которой нарушенное захватомъ или отнятое насильно владѣніе возстановляется немедленно с у д о м ъ? [1]) Генералъ-губернаторъ нашелъ возраженіе резоннымъ и управляющій палатою началъ дѣло исковымъ порядкомъ. Главный начальникъ края обнадеживалъ его въ ноябрѣ 1870 года увѣреніемъ, что онъ принялъ мѣры къ скорѣйшему разрѣшенію этого дѣла въ мѣстныхъ судебныхъ инстанціяхъ по крестьянскимъ дѣламъ; надежды эти однако не оправдались. Мало того, что крестьяне уже успѣвшіе самовольно занять участки въ Гольсферсгофѣ не сошли съ нихъ, но, глядя на это, и другіе, позднѣе пришедшіе, разумѣется лютеране же, пользуясь явнымъ пот-

[1]) Въ подобномъ случаѣ, если бы крестьянинъ, временно арендующій помѣщичью землю, отказался сойти съ нея по истеченіи контрактнаго срока, его бы просто согнали полицейскимъ, ускореннымъ порядкомъ.

ворствомъ старшины и мѣстныхъ властей, стали также захватывать казенныя земли, даже вытѣснять православныхъ крестьянъ изъ розданныхъ имъ участковъ. Весною 1871 года, нѣкоторые изъ этихъ крестьянъ вошли въ министерство съ жалобою; произведено было дознаніе и обнаружилось, что 6 участковъ, изъ числа розданныхъ православнымъ по распоряженію правительства въ сентябрѣ 1870 года, находились уже въ „совмѣстномъ ихъ пользованіи“ съ лютеранами, которые самовольно обработали упомянутые участки и обстроились на нихъ. Изъ этихъ шести хозяевъ двое показали, что они заняли свои мѣста еще до сентября 1870 года (т. е. до раздачи участковъ православнымъ); но по наведенной справкѣ обнаружилось, что, передъ самымъ приступомъ къ раздачѣ, управленіе государственныхъ имуществъ требовало поименнаго списка безземельныхъ батраковъ, самовольно водворившихся на мызныхъ угодьяхъ, предназначенныхъ къ водворенію православныхъ, что списокъ этотъ былъ доставленъ волостнымъ правленіемъ и что въ немъ упомянутые два хозяина показаны не были. Откуда же они взялись?—„Они были пропущены по ошибкѣ“, отвѣчалъ старшина. Прочіе четыре хозяева показали, что они водворились не самовольно, а съ разрѣшенія старшины, дозволившаго имъ пользоваться совмѣстно съ православными отведенною послѣднимъ землею. Спросили старшину, на какомъ основаніи онъ далъ такое разрѣшеніе, и старшина отвѣчалъ, что при его участіи состоялась мировая сдѣлка, по которой православные батраки добровольно согласились предоставить лютеранамъ право совмѣстнаго съ ними пользованія отведенными имъ участками. Стало быть, эта аки бы добровольная сдѣлка состоялась между людьми не имѣвшими никакого права и людьми имѣвшими полное, исключительное право.

Въ виду такой безцеремонности обращенія съ казенною собственностью, палата государственныхъ имуществъ два раза просила начальника губерніи вразумить волостнаго старшину; въ іюлѣ 1871 года, она вновь просила его устранить старшину отъ должности и назначить надъ нимъ слѣдствіе, удалить волостнаго писаря (на котораго еще прежде чиновникъ, командированный изъ министерства, указывалъ губер-

патору какъ на руководителя и вдохновителя старшины), наконецъ допустить къ присутствію при слѣдствіи чиновника министерства государственныхъ имуществъ. Но бывшій начальникъ губерніи Лизандеръ во всемъ отказалъ и, вмѣсто отобранія самовольно захваченныхъ участковъ, предложилъ палатѣ начать въ судебномъ мѣстѣ новый искъ. Мѣстное начальство, какъ видно, перестало бояться соціализма и самовольныхъ захватовъ чужой земли.

По дѣлу о первыхъ 36 участкахъ двѣ низшія инстанціи (волостной и приходскій суды) отказали казнѣ въ ея искѣ; но уѣздный судъ, по ея жалобѣ, отмѣнилъ рѣшеніе и вернулъ дѣло на вторичное разсмотрѣніе въ волостной судъ. Волостной судъ вторично отказалъ казнѣ, и дѣло, по апелляціи, перешло опять въ приходскій судъ. Оно тянулось болѣе года и, кажется, до сихъ поръ не кончено. Изъ этого можно видѣть, что министерство государственныхъ имуществъ отдавало себѣ не совсѣмъ ясный отчетъ въ своихъ средствахъ и въ своей силѣ, когда оно еще недавно заявляло съ такою увѣренностью, что, и безъ всякихъ законовъ, высшей администраціи л е г к о будетъ оградить отъ вторженія лютеранъ пріюты, открываемые въ казенныхъ имѣніяхъ для православныхъ безземельныхъ крестьянъ. На дѣлѣ обнаруживается противное.

Во исполненіе Высочайшей воли, министерство дѣлаетъ распоряженіе объ отводѣ нарѣзанныхъ надѣловъ; но волостной старшина забѣгаетъ впередъ и водворяетъ на нихъ лютеранъ. Онъ виноватъ вдвойнѣ, ибо, какъ представитель своего общества, онъ не имѣлъ никакого права распоряжаться казенною землею по истеченіи контрактнаго срока, на который она была сдана, а какъ полицейскій агентъ, онъ даже обязанъ былъ немедленно устранить самовольный захватъ. Несмотря на то, генералъ-губернаторъ (точнѣе: правитель его канцеляріи) и губернаторъ не допускаютъ примѣненія къ этому случаю общаго порядка административнаго отобранія у съемщиковъ заарендованнаго имущества по истеченіи контрактнаго срока, а подводятъ дѣло подъ правило о возстановленіи судебнымъ порядкомъ права владѣнія на имущество самовольно захваченное и остававшееся извѣстное время въ

постороннемъ владѣніи безъ протеста со стороны собственника. Начинается искъ и идетъ по всѣмъ инстанціямъ, снизу вверхъ, до кассаціи, потомъ обратнымъ путемъ, внизъ и опять вверхъ. Между тѣмъ, подъ прикрытіемъ лживой сдѣлки, производятся новые захваты. Полиція не трогается и какъ будто ничего не видитъ; старшина и писарь остаются при своихъ должностяхъ; начальникъ губерніи не усматриваетъ повода ни къ устраненію ихъ, ни къ привлеченію ихъ къ отвѣтственности, а тѣмъ временемъ православные батраки стоятъ у обѣтованной земли, въ которую ихъ не пускаютъ, и думаютъ про себя: нѣтъ! видно и царская воля не поможетъ, когда господа противъ насъ.

Вотъ къ чему сводятся на дѣлѣ тѣ „громадные надѣлы, тѣ преміи и разнаго рода привилегіи“, которыми (по наблюденіямъ делегата Евангелическаго Союза, объѣхавшаго всю Лифляндію) правительство будто бы такъ щедро, даже расточительно награждаетъ православныхъ къ ущербу лютеранъ. Изъ приведенной длинной справки читатели усмотрятъ, кто кого притѣсняетъ, кому потворствуютъ и кто въ загонѣ.

Перехожу теперь къ школамъ.

Сельскія школы въ Лифляндіи.

О школахъ для православныхъ крестьянъ начали помышлять съ 1845 года, слѣдовательно съ того времени какъ правительство разрѣшило Латышамъ и Эстамъ переходить въ православіе.

Девятый пунктъ дополнительной, Высочайше утвержденной инструкціи 25 апрѣля 1845 года, данной преосвященному Филарету рижскому (въ то время еще викарному псковскому) гласилъ: „Священникамъ латышскихъ и эстскихъ православныхъ церквей немедленно озаботиться открытіемъ у себя приходскихъ школъ, чтобы дѣти новоприсоединившихся не были лишены тѣхъ средствъ къ изученію закона Божія, коими они уже пользовались состоя въ лютеранствѣ. Въ сихъ школахъ обучать безмездно закону Божію, русскому и латышскому или эстскому языкамъ, чтенію и письму, первымъ правиламъ ариѳметики и, сверхъ того, непремѣнно церковному пѣнію. Дозволять посѣщать сіи школы дѣтямъ всякаго исповѣданія“. На послѣднія, курсивомъ напечатанныя слова я прошу читателей обратить вниманіе для переду.

Сами новообращенные Латыши съ перваго почти дня заговорили о школахъ.

Въ перепискѣ преосвященнаго Филарета съ графомъ Протасовымъ, мы находимъ слѣдующія свидѣтельства: „Православные крестьяне, какъ доносятъ мнѣ съ разныхъ сторонъ

священники, начинаютъ безпокоиться и спрашиваютъ: откроются-ли школы и какъ бы не сбылось то, что пророчатъ имъ пасторы, а именно, что ихъ дѣти останутся навсегда безграмотными дураками". Въ другомъ письмѣ: „Крестьяне приступаютъ къ священникамъ все изъ за школъ, священники ко мнѣ. Нѣкоторые священники стали обучать на своихъ квартирахъ; но тамъ тѣсно и неудобно".

Школы не могли же однако сами собою вырасти изъ земли. Въ ноябрѣ 1845 года, бывшій Государь Наслѣдникъ (во время пребыванія покойнаго Императора за границею) повелѣлъ: при отводѣ временныхъ помѣщеній для церквей, впредь до выстройки, пріискивать по возможности такія же временныя помѣщенія и для школъ; а въ 1846 (21 января и 24 августа) и въ 1847 годахъ (27 августа) Высочайше повелѣно было принять на счетъ казны постройку какъ церквей такъ и школъ въ православныхъ приходахъ, на которые предполагалось въ то время раздѣлить всю Лифляндію, дабы отклонить всякое требованіе отвода помѣщеній отъ прихожанъ; тогда же было повторено: впредь до выстройки, изыскать средства къ временному помѣщенію школъ, для скорѣйшаго открытія въ нихъ обученія, и поручить остзейскому генералъ-губернатору, совокупно съ епархіальнымъ архіереемъ, составить проектъ какъ о мѣстахъ, гдѣ должны быть открыты при православныхъ церквахъ школы (здѣсь подразумѣвались постоянныя), такъ и вообще о предметахъ обученія и необходимыхъ на содержаніе ихъ издержкахъ, и внести по порядку на утвержденіе.

Когда приступлено было на мѣстахъ къ обсужденію этихъ вопросовъ, бывшій преосвященный прежде всего обратилъ вниманіе на существовавшія лютеранскія школы. По закону, помѣщики обязаны были отпускать даромъ матеріалъ на постройку и починку сельскихъ школъ. Это была своего рода повинность, которую несли всѣ вообще помѣщики, въ качествѣ не лютеранъ а землевладѣльцевъ, и не въ пользу лютеранской церкви, а на удовлетвореніе общественной потребности крестьянъ водворенныхъ въ ихъ имѣніяхъ. Повинность эта составляла одно изъ обязательныхъ условій взаимныхъ отношеній, установленныхъ закономъ между собственниками

и съемщиками земли, а эти отношенія ни въ чемъ не измѣнялись съ переходомъ крестьянъ въ другую вѣру. Постройка изъ доставленнаго матерьяла и ремонтъ производились крестьянами на свой счетъ и школы считались общественною собственностью.

Отсюда естественно вытекало, что съ обращеніемъ цѣлаго общества въ православіе, школа, оставаясь при прежнемъ своемъ назначеніи, должна была перейти изъ одного духовнаго вѣдомства въ другое, то есть изъ лютеранской сдѣлаться православною; вытекало также, что въ случаѣ распаденія общества на двѣ части, православную и лютеранскую, каждая изъ нихъ могла предъявить нѣкоторое право на зданіе поставленное совокупными трудами всѣхъ, а такъ какъ нельзя было ни раздѣлить его, ни оставить его въ поочередномъ пользованіи обѣихъ частей, то та часть общества, которая лишилась бы школы, имѣла бы право на соотвѣтственное вознагражденіе.

На этихъ основаніяхъ двумя генералъ-губернаторами (Головинымъ и послѣ него княземъ Суворовымъ) и преосвященнымъ Филаретомъ выработаны были слѣдующія предположенія: 1) въ тѣхъ имѣніяхъ, въ коихъ всѣ крестьяне перешли въ православіе, передать немедленно существующія школьныя зданія въ вѣдѣніе православныхъ крестьянъ и священниковъ. 2) Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ не всѣ крестьяне изъявили желаніе присоединиться къ православію, поступать такимъ же порядкомъ, если изъявившіе желаніе составляютъ половину или болѣе половины мѣстнаго общества (такъ значилось въ проектѣ генерала Головина, а въ проектѣ князя Суворова: если дѣйствительно присоединившіеся составляютъ болѣе половины). При этомъ, предоставить лютеранамъ право, по желанію, отдавать дѣтей своихъ въ ту же школу или, согласно Положенію 1819 года (о Лифляндскихъ крестьянахъ) соединиться съ другою ближайшею единовѣрною общиною для содержанія училища на общій счетъ. 3) Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ православные составляютъ менѣе половины (по проекту генерала Головина, а по проекту князя Суворова: не болѣе половины) оставлять школьное зданіе въ вѣдѣніи лютеранъ, предоставивъ православнымъ право, по ихъ

желанію, соединиться съ православными крестьянами другаго имѣнія для устройства и содержанія особой школы. 4) Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ двухъ обществахъ, находящихся въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, православныхъ въ сложности окажется, по одному проекту—не менѣе половины, а по другому—болѣе половины, тамъ изъ двухъ наличныхъ школъ отдавать одну православнымъ, а другую оставлять въ исключительномъ вѣдѣніи лютеранъ. 5) Въ случаяхъ упомянутыхъ въ п. 2 и 3, когда часть общества лишится пользованія прежнимъ своимъ школьнымъ зданіемъ, вмѣнить въ обязанность другой части общества выдать первой денежное вознагражденіе соотвѣтственное стоимости употребленнаго ею на постройку этого зданія труда (не кладя въ оцѣнку матеріала). Въ тѣхъ случаяхъ, когда вознагражденіе будетъ слѣдовать въ пользу лютеранъ, принимать этотъ расходъ на счетъ суммъ православнаго вѣдомства.

Въ 1847 году, предположенія эти поступили на разсмотрѣніе особаго комитета по устройству духовной части православнаго исповѣданія въ Лифляндіи, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ князя Орлова, изъ графа Киселева, графа Протасова и графа Перовскаго [1]). Комитетъ, въ общей сложности, одобрилъ мѣры выработанныя въ Ригѣ, придерживаясь мнѣній князя Суворова; но Государь не утвердилъ составленнаго въ этомъ смыслѣ журнала, а приказалъ препроводить его вторично на предварительное заключеніе князя Суворова, отъ котораго, вмѣсто ожидаемаго согласія, поступила безпощадно строгая критика на всѣ статьи журнала и, слѣдовательно, на собственное его мнѣніе поданное за годъ съ небольшимъ. Но, въ этотъ короткій промежутокъ времени, личный составъ ближайшаго его окруженія совершенно измѣнился; немногіе русскіе чиновники унаслѣдованные имъ отъ его предшественника выбыли, и главный начальникъ края совершенно подчинился вліянію мѣстныхъ дѣльцевъ. Онъ писалъ: „1) Что комитетъ не принялъ въ надлежащее соображеніе Высочайшее повелѣніе о пріисканіи временныхъ для школъ помѣщеній, а опредѣлялъ для нихъ постоянныя. 2) Что передачею учи-

[1]) И ни единаго члена отъ православнаго духовенства!

лищныхъ зданій отъ одной части жителей другой, уменьшаются средства къ образованію [1]). 3) Что предположеніе вознаградить лютеранъ за школьное зданіе изъ суммъ духовнаго вѣдомства, а православныхъ изъ собственныхъ средствъ протестантскихъ прихожанъ противно Высочайшимъ повелѣніямъ, коими воспрещено предоставлять какія либо вещественныя выгоды присоединившимся къ православію крестьянамъ, которые и безъ того уже имѣютъ преимущество въ томъ, что погребаютъ своихъ покойниковъ безплатно [2]), пользуются главными духовными требами безмездно и временно освобождены отъ отбыванія церковныхъ повинностей, впредь до окончательнаго о нихъ постановленія [3]). Наконецъ, 4) что въ дѣлѣ этомъ устранено участіе лифляндскаго дворянства, которое, по § 516 Полож. 1819 года (о крестьянахъ) и по §§ 6, 7 и 9 ст. 32, части II Св. Мѣстн. Узаконеній, имѣетъ на то право; наконецъ, что нѣкоторыя волостныя школы, какъ нынѣ оказывается, построены на счетъ помѣщиковъ, а другія предоставлены ими изъ собственныхъ строеній [4])". На этомъ основаніи, князь Суворовъ испрашивалъ Высочайшаго соизволенія на предварительное истребованіе по сему предмету заключенія лифляндскаго дворянства—это было вѣрнѣйшее средство возбудить безконечный диспутъ и погубить все дѣло. Не могъ же князь Суворовъ не знать какими глазами дворянство смотрѣло на распространеніе и укорененіе православія вообще.

---

1) Почему?—Число школъ ни въ какомъ случаѣ не уменьшалось; но чиновникъ, придумавшій этотъ аргументъ для князя Суворова, вѣроятно считалъ школу переданную въ вѣдѣніе православной церкви какъ бы погибшею въ смыслѣ орудія образованія.

2) Эту выгоду покойники конечно высоко цѣнили; но для полноты справки надлежало бы кстати заявить и то, что во многихъ приходахъ вовсе не позволялось православнымъ хоронить своихъ покойниковъ на кладбищахъ.

3) Въ одно и тоже время князь Суворовъ, отвѣчая преосвященному Платону на проектъ о надѣленіи въ казенныхъ имѣніяхъ обезземеленныхъ православныхъ крестьянъ (подлинный отзывъ приведенъ выше), сознавалъ однако, что въ хозяйственномъ отношеніи, они находились въ условіяхъ гораздо худшихъ чѣмъ лютеране, ибо не пользовались с н и с х о ж д е н і е м ъ помѣщиковъ.

4) Все же школы эти составляли уже собственность обществъ, а не помѣщиковъ.

Комитетъ вывелъ противорѣчія князя Суворова съ самимъ собою, но не далъ окончательнаго заключенія и усматривая, что незадолго передъ тѣмъ назначенный въ Ригу новый епископъ Платонъ не участвовалъ еще въ обсужденіи дѣла, испросилъ Высочайшаго соизволенія поручить ему войти въ соглашеніе съ генералъ-губернаторомъ и представить свое мнѣніе.

Въ проектѣ правилъ, который былъ затѣмъ представленъ княземъ Суворовымъ и преосвященнымъ Платономъ совокупно, значилось между прочимъ: „Какъ для лучшаго устройства и содержанія православныхъ школъ, такъ и для устраненія жалобъ со стороны лифляндскаго дворянства на нарушеніе правъ его, не должно устранять помѣщиковъ отъ завѣдыванія православными школами, но надлежитъ предоставить имъ тѣ же права и обязанности по отношенію къ онымъ, какія присвоены имъ въ Положеніи 1819 года (о Лифляндскихъ крестьянахъ) касательно лютеранскихъ волостныхъ и приходскихъ школъ, только съ нѣкоторыми ограниченіями“.—И на это согласился безоговорочно тотъ самый преосвященный Платонъ, который, прежде еще, столько разъ и такъ убѣдительно свидѣтельствовалъ о крайне враждебномъ расположеніи дворянства къ православной церкви!

Комитетъ, въ засѣданіи 1 мая 1850 года, прежде всего выяснилъ, что завѣдываніе школами (не въ хозяйственномъ а въ педагогическомъ отношеніи) входило въ кругъ занятій дворянскаго сословія in corpore единственно потому, что по §§ 516 и 517 Полож. 1819 года, школы въ Лифляндіи считались учрежденіемъ церковнымъ, наравнѣ съ другаго рода богоугодными заведеніями, и что по мѣстнымъ законамъ дворянству предоставлено было широкое участіе въ дѣлахъ управленія лютеранскою церковью вообще; но это очевидно не могло служить основаніемъ къ передачѣ предположеній объ устройствѣ школъ православныхъ на заключеніе дворянскаго представительства, такъ какъ сіи послѣднія школы отданы были въ исключительное завѣдываніе мѣстнаго епархіальнаго управленія—что было ясно высказано впослѣдствіи въ § 648 Положенія о лифляндскихъ крестьянахъ 1849 года. На томъ же основаніи, комитетъ отвергъ и послѣднее пред-

положеніе князя Суворова и преосвященнаго Платона о подчиненіи надзору каждаго помѣщика состоящей въ его имѣніи православной школы. Затѣмъ, согласно съ мнѣніемъ князя Суворова, комитетъ постановилъ и было Высочайше утверждено: „1) не возлагать на приходскихъ священниковъ наблюденія за скорѣйшимъ и прочнѣйшимъ устройствомъ церквей и зданій для причтовъ и школъ. 2) Для временнаго помѣщенія сихъ послѣднихъ, предоставить духовному начальству в р е м е н н о [1]) занять нынѣ существующіе училищные дома (лютеранскіе) если в сѣ крестьяне приняли православіе; въ противномъ же случаѣ, нанять для нихъ помѣщеніе, дабы не требовать таковыхъ отъ прихожанъ, оставшихся въ лютеранствѣ, на томъ же самомъ основаніи, какъ это дѣлалось при наймѣ помѣщеній для временныхъ церквей".

Въ такомъ видѣ, правило о передачѣ лютеранскихъ школъ православному вѣдомству, во первыхъ, теряло всякое практическое значеніе, даже временное; ибо, когда дѣло дошло до исполненія, оказалось, что не было ни одной волости, въ которой бы всѣ до единаго крестьяне перешли въ православіе. Во вторыхъ, это правило заключало въ себѣ прямое нарушеніе права собственности, ибо, съ устраненіемъ вопроса о вознагражденіи, право православныхъ крестьянъ на школы выстроенныя ихъ трудами, совокупно съ ихъ однообщественниками лютеранскаго исповѣданія, просто на просто упразднялось. Иными словами, изъ опасенія какъ бы православные не воспользовались какою нибудь выгодою сравнительно съ лютеранами, князь Суворовъ настоялъ на томъ, чтобы правительство сдѣлало лютеранамъ подарокъ на счетъ православныхъ—все это во имя равноправности и справедливости!

Такимъ образомъ, относительно помѣщеній для православныхъ школъ, дѣло сводилось на постройку новыхъ зданій, при церквахъ и на пріискиваніе наемныхъ по соглашенію съ владѣльцами имѣній.

---

[1]) На этомъ настоялъ князь Суворовъ и комитетъ подчинился его мнѣнію. Но спрашивается: когда в сѣ члены общества, стало быть в с е общество, перешло въ православіе, почему же лишать его права пользоваться не в р е м е н н о а постоянно о б щ е с т в е н н ы м ъ домомъ, выстроеннымъ подъ школу? И кому же, по истеченіи срока временнаго пользованія, передать этотъ домъ?

Одновременно, 1-го мая 1850 года, утверждены были правила для православныхъ приходскихъ школъ въ лифляндской губерніи, составленныя генералъ-губернаторомъ Головинымъ вмѣстѣ съ преосвященнымъ Филаретомъ и впослѣдствіи одобренныя княземъ Суворовымъ. Эти правила были скалькированы съ правилъ о школахъ, найденныхъ въ Положеніи о лифляндскихъ крестьянахъ 1819 года (§§ 516 и 517) и, во многихъ отношеніяхъ, рѣшительно не соотвѣтствовали ни персоналу, ни вещественнымъ средствамъ, которыми располагали епархіальное начальство и православная паства. Предполагалось имѣть, кромѣ приходскихъ школъ, при всѣхъ церквахъ, еще такъ называемыя вспомогательныя школы [1]) (для мірскихъ обществъ, отдаленныхъ отъ церквей) въ наемныхъ помѣщеніяхъ, по одной на 500 душъ муж. пола (§§ 1—4).

Въ школахъ вспомогательныхъ обучать: чтенію и письму на русскомъ и латышскомъ (или эстскомъ) языкахъ, пѣнію употребительнѣшихъ молитвъ и первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики; а въ приходскихъ школахъ, сверхъ того: краткому катихизису, краткой священной исторіи, первой части ариѳметики, чистописанію и церковному пѣнію; наконецъ въ тѣхъ и другихъ школахъ „практическому, живому упражненію въ разговорахъ на русскомъ языкѣ, для чего опредѣлялись два дня въ недѣлю, въ которые ученики непремѣнно должны были, какъ съ учителемъ, такъ и между собою, какъ въ школѣ, такъ и въ свободное отъ занятій время, подъ опасеніемъ неотпуска домой или оставленія безъ обѣда, говорить по русски“ (§ 5).

Еслибы правило это имѣло цѣлью отбить у крестьянъ охоту (которую они уже въ то время обнаруживали) учиться по-русски, то трудно-бы было придумать средство болѣе дѣйствительное.

Въ приходскихъ школахъ должны были обучать безмездно священники и причетники, а въ вспомогательныхъ сельскіе учителя. Послѣдніе получали жалованье отъ общества, такое

1) Приходскихъ школъ, на первое время, хотѣли устроить 63, а вспомогательныхъ 30.

же, какое получалось въ лютеранскихъ школахъ, и, во время состоянія въ должности, избавлялись отъ рекрутства, отъ платежа податей и отъ тѣлесныхъ наказаній. Отъ нихъ требовалось, сверхъ достаточныхъ познаній въ православномъ катихизисѣ, знаніе русскаго языка по возможности, хотя онъ составлялъ одинъ изъ главныхъ предметовъ обязательнаго преподаванія (§ 5 и пр. къ 7). Учителя вспомогательныхъ школъ избирались мірскими обществами, утверждались, по аттестаціи священника (у котораго они должны были находиться въ совершенномъ повиновеніи) епископомъ и имъ же удалялись отъ должности въ случаѣ ихъ негодности (§§ 7, 8, 11). Естественный вопросъ: откуда же взялось бы такое множество учителей, удовлетворяющихъ требуемымъ условіямъ, особенно по части обученія русскому языку, когда ощущался крайній недостатокъ даже въ священникахъ и причетникахъ, часто ставившій епархіальное начальство въ прискорбную необходимость слишкомъ неразборчиво посвящать въ духовный санъ?—этотъ вопросъ даже не затрогивался и о мѣрахъ къ постепенному подготовленію учителей, какъ то: объ устройствѣ учительской семинаріи и т. п. ни въ Положеніи, ни въ представленіяхъ того времени по предмету народнаго образованія, даже не упоминалось. Между тѣмъ, вводилась сразу система обязательнаго обученія. Родителямъ вмѣнялось въ обязанность представлять въ школы своихъ дѣтей, начиная съ 8 лѣтняго возраста; изъятіе допускалось, съ удостовѣренія священника, только для больныхъ и для обучаемыхъ на дому православными священниками. Курсъ полагался 4-хъ лѣтній; время ученія отъ 1 октября до 15 марта, а по желанію родителей и круглый годъ; въ послѣднемъ случаѣ, полный курсъ сокращался на одинъ годъ (§§ 6, 17). По господствующей въ одной части Лифляндіи системѣ односелія (т. е. разбросанности крестьянскихъ дворовъ) всѣ ученики не могутъ ежедневно приходить въ школу изъ дому, и потому большая часть учащихся, во все учебное время, живетъ въ школѣ, которая служитъ для нихъ не только классною, но и пріютомъ. Поэтому и въ правилахъ о православныхъ школахъ положено было отпускать на домъ къ родителямъ отъ субботы до понедѣльника только дѣтей, живущихъ

не въ дальнемъ разстояніи отъ школы, а прочихъ оставлять все время въ школѣ. По росписанію, напередъ составленному священникомъ, мірской судъ обязанъ былъ собирать съ родителей натурою продовольствіе, нужное на содержаніе обучающихся дѣтей, по Положенію 1819 года, и, сверхъ того, деньгами, на учебныя пособія по 95 к. за каждаго ученика. За сиротъ и за неимущихъ родителей эти расходы возлагались на мірское общество (§§ 12—17) [1]).

Какъ уже заявлено было выше, большая часть этихъ статей, въ томъ числѣ и тѣ, въ которыхъ говорилось объ обязанностяхъ мірскихъ обществъ по отношенію къ православнымъ школамъ, выписаны были изъ Положенія о лифляндскихъ крестьянахъ 1819 года; но въ то время, когда оно писалось, всѣ крестьяне исповѣдывали лютеранство; затѣмъ, съ раздѣленіемъ обществъ въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, естественно могъ возникнуть вопросъ: должны ли обязанности, возложенныя на общество по отношенію къ школамъ, лежать на всѣхъ членахъ общества, какъ на нераздѣльной административной единицѣ, или раздвоиться на два независимыя общества: православное и лютеранское? При редактированіи правилъ 1850 года и при ихъ утвержденіи, этотъ вопросъ разъясненъ не былъ и отсюда возникло впослѣдствіи не мало недоразумѣній.

Надзоръ за школами, подъ высшимъ наблюденіемъ епархіальнаго начальства, производство экзаменовъ, выдача аттестатовъ ученикамъ и т. п. возлагались на благочинныхъ (§§ 19—22, 27).

Все это Положеніе, въ исполнимость котораго никто, кажется, искренно не вѣрилъ и которому суждено было, во мно-

---

[1]) Преосвященный Филаретъ разсчитывалъ, что на первоначальное устройство школы вспомогательной (на 40 учениковъ), не считая найма помѣщенія, потребуется 120 руб., а на содержаніе каждаго мальчика въ школѣ (при полугодовомъ ученіи) 15 руб. Онъ предлагалъ обратить на содержаніе школъ всю сумму повинностей отбывавшихся въ пользу лютеранскихъ церквей и пасторовъ, отъ которыхъ православные крестьяне были освобождены. По его приблизительнымъ разсчетамъ, это составило бы съ 8000 домохозяевъ (въ то время еще насчитывалось 8000 православныхъ крестьянъ хозяевъ!) 40 тыс. р.; но это предположеніе не было утверждено.

гихъ отношеніяхъ, оставаться мертвою буквою, прошло безъ серьезнаго обсужденія, для формальной очистки дѣла.

Прежде всего, нужно было найти помѣщенія. Въ лифляндскихъ деревняхъ, кромѣ крестьянскихъ дворовъ, въ которыхъ трудно было предполагать свободныя помѣщенія, и которыми, въ добавокъ, сами хозяева не могли располагать безъ позволенія вотчинныхъ конторъ, прочія строенія принадлежали помѣщикамъ. Съ ними приходилось вести переговоры о наймѣ; но разсчитывать на готовность съ ихъ стороны содѣйствовать, хотя бы косвенно, укорененію ненавистнаго имъ православія, или ожидать, чтобъ они подчинились неизбѣжнымъ послѣдствіямъ совершившагося факта, было бы безуміемъ— это ужь было доказано опытомъ. Не задолго передъ тѣмъ, мѣстному начальству поручено было пріискать, на тѣхъ же основаніяхъ, временныя помѣщенія для православныхъ церквей; началась переписка тянувшаяся нѣсколько лѣтъ; но на всѣ предложенія, просьбы и увѣщанія получались отъ вотчинныхъ конторъ (за очень и очень рѣдкими исключеніями) рѣшительные отказы, большею частью мотивированные отсутствіемъ всякихъ свободныхъ помѣщеній, не безусловно необходимыхъ для жилья и господскаго хозяйства. О безуспѣшности своихъ усилій по этой части неоднократно писалъ въ Петербургъ генералъ-губернаторъ Головинъ, и наконецъ покойный Императоръ, видя, что дѣло не подвигалось, соизволилъ Высочайше повелѣть 25 января 1846 года „чтобы временныя помѣщенія непремѣнно наняты были въ городахъ въ теченіе двухъ недѣль, а въ селеніяхъ въ теченіе одного мѣсяца подъ особымъ наблюденіемъ генералъ-губернатора и подъ отвѣтственностью мѣстныхъ полицій".

Слова, такимъ тономъ произнесенныя, въ то время, имѣли смыслъ для всѣхъ понятный и, не смотря на то, все таки дѣло кончилось тѣмъ, что подъ временныя церкви пришлось занять дома выстроенные для воинскаго постоя.

На такое же сопротивленіе наткнулось начальство, когда пришлось озаботиться пріисканіемъ помѣщеній для школъ. Генералъ-губернаторъ, разумѣется, наводилъ справки и сносился съ помѣщиками чрезъ начальника губерніи, мѣстнаго дворянина, иногда черезъ земскую полицію, то есть черезъ

тѣхъ же помѣщиковъ, назначавшихся по выбору отъ своего сословія и дѣйствовавшихъ съ нимъ во всемъ заодно. Полиція, естественно, нигдѣ годныхъ помѣщеній не находила или передавала отъ вотчинныхъ конторъ такія требованія, которыя были равносильны отказамъ, съ оттѣнкомъ ироніи. Преосвященный Филаретъ, еще въ іюнѣ 1847 года, писалъ графу Протасову: „о наймѣ квартиръ нечего и думать; ихъ или не дадутъ ни за какія деньги, или, если и дадутъ, то запросятъ баснословною цѣну, 100 и 150 руб. за полгода, тогда какъ постройка помѣщенія можетъ обойтись рублей въ 300. Такъ гласятъ собранныя на мѣстахъ свѣдѣнія, такъ гласитъ прежній опытъ съ квартирами подъ церкви". По пріѣздѣ своемъ въ Ригу, князь Суворовъ кажется долго не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ принципіальномъ характерѣ, въ естественности и неизбѣжности той упорной оппозиціи, которую генералъ Головинъ встрѣчалъ на каждомъ шагу. Новый генералъ-губернаторъ приписывалъ ее, главнѣйшимъ образомъ, неумѣнію своего предшественника обращаться съ благороднымъ рыцарствомъ, непопулярности, которую онъ навлекъ на себя мнимою суровостью своихъ административныхъ пріемовъ, и, въ особенности, присутствіемъ нѣсколькихъ русскихъ чиновниковъ въ составѣ своего управленія. Все это измѣнилось съ быстротою, напоминавшею перемѣны декорацій по свистку: князь Суворовъ, на первыхъ же порахъ, принялъ на себя роль заступника передъ Престоломъ за дворянство, якобы оклеветанное и обиженное; онъ поспѣшилъ сдѣлать ему нѣсколько важныхъ уступокъ и отъ своего лица предъявилъ въ Петербургѣ нѣсколько внушенныхъ ему тѣмъ же сословіемъ домогательствъ, въ успѣхѣ которыхъ оно почти уже отчаявалось. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно прошли.

Рига ликовала, дворянство превозносило рыцарское благородство, смѣлость, благодушіе и справедливость новаго, обожаемаго начальника края. Все это внушало ему увѣренность, что при немъ пойдутъ лучше и тѣ дѣла, которыя возникли по иниціативѣ не сословій а правительства. Онъ разсчитывалъ на личную къ себѣ признательность и надѣялся также, что дворянство, добровольною съ своей стороны уступчиво-

стью, поспѣшитъ оправдать его систему дѣйствій передъ высшимъ правительствомъ.

Но не сбылись эти ожиданія и вскорѣ князь Суворовъ увидѣлъ себя въ необходимости написать изъ Петербурга лифляндскому губернатору предложеніе отъ 16 февраля 1851 года за Nr. 150, которое я привожу цѣликомъ, какъ поучительное свидѣтельство одного изъ первыхъ испытанныхъ имъ разочарованій:

„Изъ предшедшей переписки в. п-ву извѣстно съ сколь многоразличными затрудненіями сопряжено устройство мѣстныхъ крестьянскихъ православныхъ школъ. Кромѣ обремененія земскихъ полицій надлежащими по сему предмету изысканіями, кромѣ столь же обременительной переписки между орднунгсгерихтами, вашимъ превосходительствомъ, епархіальнымъ начальствомъ и мною, наконецъ кромѣ частой неудовлетворительности найденныхъ помѣщеній, нынѣ оказывается, что въ нѣкоторыхъ приходахъ, офиціальный окончательный результатъ всѣхъ изысканій и всей переписки ограничивается недостиженіемъ цѣли, для которой они производились. Ваше превосходительство еще на сихъ дняхъ (отъ 25 и 30 января NNr. 692, 693, 694, 880) изволили меня увѣдомить, что въ 4 приходахъ, а именно Толькгофскомъ, Кавелехтскомъ, Дингентскомъ и Яковлевскомъ, всѣ старанія земской полиціи къ пріисканію помѣщеній для школъ остались безуспѣшными, и что посему кажется необходимымъ построить для тѣхъ школъ новыя зданія. Вашему превосходительству извѣстно изъ дѣлъ губернской строительной и дорожной коммиссіи, что производство подобныхъ попостроекъ въ свою очередь сопряжено съ новыми изслѣдованіями, новою перепискою и иными многоразличными трудностями и промедленіями. Между тѣмъ, дѣло устройства приходскихъ православныхъ школъ, по несомнѣнной важности своей, по вниманію обращаемому на него правительствомъ и по самому свойству цѣли его, не терпитъ отлагательствъ и медленности. На семъ основаніи, и постоянно сохраняя въ виду отвѣтственность, лежащую по этому дѣлу на мѣстныхъ начальствахъ, я вынужденъ буду, по возвращеніи въ Ригу, непосредственно распорядиться повѣркою резуль-

товъ тѣхъ изысканій, которыя въ вышепомянутыхъ приходахъ были произведены. Присемъ, я не сомнѣваюсь въ офиціальной правильности распоряженій земскихъ полицій; напротивъ того, я полагаю, что съ ихъ стороны во всей точности исполнены предписанія вашего превосходительства, предприняты поѣздки въ подлежащія мѣстности и испрошены отзывы отъ подлежащихъ вотчинныхъ управленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ принимая въ соображеніе, что члены орднунгсгерихтовъ не могутъ подвергать личному осмотру, во всемъ пространствѣ подлежащихъ приходовъ, каждое зданіе болѣе или менѣе годное для помѣщенія школы, я вообще увѣренъ, что успѣхъ или безуспѣшность ихъ стараній преимущественно обусловлены оказаніемъ или неоказаніемъ надлежащаго содѣйствія со стороны самихъ владѣльцевъ помѣстій. Я съ прискорбіемъ замѣчаю, что сего содѣйствія ими не оказывается въ той мѣрѣ, въ какой я считалъ себя въ правѣ ожидать онаго. Симъ объясняется, что въ нѣсколькихъ приходскихъ округахъ не пріискано никакого помѣщенія для школъ, кромѣ крестьянскихъ дворовъ и по устройству своему для того неудобныхъ. Заранѣе извѣстно было, что почти всѣ иныя строенія, въ каждомъ отдѣльномъ помѣстьѣ, состоятъ въ вѣдѣніи вотчиннаго хозяйства, и за тѣмъ очевидно, что возможность найма тѣхъ строеній для школъ непосредственно зависитъ отъ усмотрѣнія вотчинныхъ управленій, которыя всегда могутъ отозваться необходимостью сохранить то или другое изъ нихъ въ своемъ распоряженіи для хозяйственныхъ цѣлей. Если существенная правильность [1]) подобныхъ отзывовъ, въ частности, не всегда можетъ быть изслѣдуема, то общій фактъ, что въ нѣсколькихъ приходахъ не могло быть пріискано скуднаго помѣщенія требуемаго для мѣстной школы, явно обнаруживаетъ, по моему мнѣнію, что вотчинныя управленія не содѣйствовали къ пріисканію оныхъ или даже не желали, чтобы оныя были пріисканы. На этотъ именно фактъ дол-

[1]) Существенная правильность значитъ правильность по существу дѣла, въ противоположность формальной.

томъ считаю покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить особое вниманіе. Одно сравненіе основаній, на которыхъ, въ началѣ 1848 года, предполагалось устроить приходскія православныя школы, съ правилами нынѣ по сему предмету установленными и соблюдаемыми, достаточно доказываетъ, что правительство имѣетъ полное и безспорное право на признательную оцѣнку, со стороны вотчинниковъ, той крайней бережливости [1]) и снисходительности, которыя имъ были оказаны. Принимая на свой счетъ издержки по предварительному временному устройству школъ, правительство могло и должно было ожидать, что владѣльцы помѣстій съ благодарною готовностью будутъ содѣйствовать къ успѣшному движенію дѣла. Но сіи ожиданія не оправданы опытомъ; напротивъ того, имъ обнаружено, что если лифляндскіе вотчинники не противодѣйствуютъ явно устройству православныхъ школъ, то, по крайней мѣрѣ, они смотрятъ на него съ безусловнымъ равнодушіемъ, какъ на дѣло постороннее и будто бы исключительно касающееся внутренняго устройства мѣстной православной церкви. Эти понятія и этотъ образъ дѣйствій основаны на двойной ошибкѣ. Во первыхъ, учрежденіе приходскихъ школъ есть не только дѣло церковнаго устройства, но и мѣстнаго крестьянскаго сословія. Во вторыхъ, даже и то участіе, которое предоставлено вотчинникамъ по вѣдомству лютеранскихъ школъ, предоставлено имъ не по праву единовѣрія, а по праву вотчинному [2]), на основаніи общей обязанности заботиться о благоустройствѣ и улучшеніи быта крестьянъ. Условіемъ единовѣрія опредѣляется различная мѣра участія въ дѣлѣ, но не измѣняется коренное начало, на которомъ основана обязанность заботиться о его успѣхѣ. Въ настоящемъ случаѣ, чѣмъ менѣе правительство требуетъ отъ вотчинниковъ, тѣмъ болѣе они обязаны съ готовностью исполнять его требованія. Они обязаны сохранять въ памяти, что

---

[1]) Бережливость значитъ обереганіе помѣщичьихъ интересовъ.

[2]) Это вѣрно только относительно хозяйственной стороны дѣла, т. е. отвода мѣста, постройки, отопленія и т. д. Но завѣдываніе учебною частью предоставлено было дворянству и дворянамъ, именно въ качествѣ лютеранъ, совокупно съ лютеранскимъ духовенствомъ, по праву дѣятельнаго участія во всѣхъ дѣлахъ церковно-лютеранскаго управленія.

православные крестьяне, наравнѣ съ лютеранами, отбываютъ повинности въ пользу вотчинныхъ хозяйствъ, одинаково подлежатъ власти вотчинныхъ полицій, одинаково подвѣдомы судебнымъ мѣстамъ, гдѣ преобладаютъ тѣ же самые вотчинники, и наконецъ одинаково подчинены дѣйствію общихъ законоположеній объ устройствѣ лифляндскаго крестьянскаго сословія, въ составленіи коихъ правительство доселѣ постоянно допускало участіе мѣстнаго дворянства, какъ главнаго представителя мѣстныхъ вотчинныхъ правъ. Если же всѣ сіи уваженія окажутся недостаточными для убѣжденія лифляндскихъ вотчинниковъ въ возможности и въ обязанности отвода, притомъ не безплатнаго, одной или двухъ комнатъ въ каждомъ приходѣ для помѣщенія приходской школы, то я сочту долгомъ, съ своей стороны, представить на усмотрѣніе высшаго правительства объ отмѣнѣ распоряженій его по сему предмету, мною самимъ исходатайствованныхъ, и о принятіи другихъ менѣе бережливыхъ и щедрыхъ но болѣе благонадежныхъ мѣръ къ достиженію цѣли [1]). Имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство сообщить содержаніе сего отношенія лифляндскому дворянскому представительству и, вмѣстѣ съ тѣмъ, снабдить орднунгсгерихты на семъ же самомъ основаніи, дополнительными наставленіями, по вашему усмотрѣнію".

Если бы, по полученіи этой бумаги, дворянское представительство, вопреки своимъ традиціямъ, увлеклось порывомъ откровенности, то оно отвѣтило бы князю Суворову слѣдующее:

„Между вашею свѣтлостью и нами есть недоразумѣніе, и мы поспѣшаемъ разъяснить его. Ваша свѣтлость ошибаетесь, предполая, что неуспѣхъ розысковъ происходитъ отъ равнодушія помѣщиковъ—причина гораздо глубже. Православная школа учреждается для укорененія въ краѣ церкви, сложившейся на счетъ другой церкви, которую мы чтимъ и любимъ,

[1]) Дѣло въ томъ, что дворянство было твердо увѣрено, что князь Суворовъ этого не сдѣлаетъ и сдѣлать не могъ. Какъ говорятъ Французы il s'était trop engagé.

считая ее чистѣйшимъ выраженіемъ христіанства. Равнодушіе къ вѣроисповѣднымъ вопросамъ намъ чуждо и непонятно: мы, лютеране, по вѣрѣ и убѣжденію, радовались бы распространенію лютеранства, глубоко скорбимъ о распространеніи другой вѣры, вытѣсняющей нашу, и, по совѣсти, не можемъ и не хотимъ содѣйствовать ея укорененію, ни прямо ни косвенно. Далѣе, вашей свѣтлости извѣстно, что православная вѣра называется здѣсь вѣрою русскою. Это названіе неточно, но далеко не лишено смысла; оно открываетъ намъ, чего искали отпавшіе отъ лютеранства и къ чему, въ соціально-политическомъ отношеніи, ведетъ это отпаденіе. Мы—Германцы, по національности, и хорошо видимъ, что паденіе протестантства въ Лифляндіи повлекло бы за собою постепенное исхуданіе мѣстнаго германизма, какъ господствующей національной стихіи, которая, рано или поздно, поглотила бы въ себѣ мѣстныя національности. Теперь, духовное общеніе между нами и отпавшими отъ лютеранства окончательно порвано, и православная школа, черезъ посредство русскаго языка, потянетъ ихъ къ другому національному центру. Они получатъ образованіе, въ которомъ нуждаются (если только получатъ!), не изъ нашихъ рукъ, и такимъ образомъ мы лишимся части живаго матеріала, изъ котораго могло бы черпать новыя силы наше слишкомъ изолированное германское общество. Къ вопросамъ національнымъ мы также неравнодушны. Да не подумаетъ однако ваша свѣтлость, чтобъ мы не цѣнили вашей объ насъ заботливости. Напротивъ, мы ежечасно возсылаемъ къ небу благодарственныя моленія болѣе всего за ниспосланіе краю именно такого начальника, который къ своей вѣрѣ и къ своей народности относится иначе, чѣмъ мы къ своимъ. Личной нашей къ вамъ признательности нѣтъ предѣловъ; мы оглашаемъ и будемъ оглашать ее здѣсь, на мѣстахъ, въ Петербургѣ и за границею, всѣми способами, совмѣстными съ нашею совѣстью; мы закажемъ вашъ бюстъ и въ память потомству поставимъ его въ залѣ нашихъ собраній; мы поднесемъ вамъ длинный рескриптъ, въ которомъ пространно распишемъ все вами сдѣланное для спасенія въ краѣ лютеранства и германизма; но, ваша свѣтлость, не возбуждайте тяжелаго для насъ конфликта между нашею личною предан-

ностью особѣ вашей и нашими кровными убѣжденіями, религіозными и національными. Въ вопросахъ этого рода мы рады принимать уступки, но сами ихъ не дѣлаемъ". Никто, разумѣется, ничего подобнаго не сказалъ, хотя и безъ словъ можно бы было кажется угадать, что̀ думали и какъ относились внутренно къ системѣ управленія князя Суворова ревностнѣйшіе его поклонники. Можетъ быть онъ это и понялъ, но поздно, когда, вкусивъ сладостной популярности, онъ уже не въ силахъ былъ отъ нея отказаться.

Послѣ безплоднаго внушенія и безплодной угрозы, дѣло начальнаго образованія православнаго населенія пошло, какъ могло оно идти, при систематическомъ противодѣйствіи всесильнаго дворянства и при постепенномъ обѣднѣніи православныхъ прихожанъ.

Почти непреодолимыя трудности, съ которыми, на каждомъ шагу, должно было бороться православное духовенство, сводятся къ слѣдующимъ:

Во первыхъ, каждую лофштель помѣщичьей земли (нѣсколько болѣе $^1/_3$ десятины), предназначавшуюся подъ православную школу, приходилось брать какъ крѣпость, правильною осадою, длившеюся по нѣскольку лѣтъ, иногда до восьми, а о наймѣ помѣщеній у крестьянъ, кое гдѣ уступавшихъ свободныя избы по соглашенію со священниками, нельзя было и помышлять собственно потому, что помѣщики, за рѣдкими исключеніями, строго запрещали хозяевамъ заводить православныя школы на своихъ дворахъ. Вслѣдствіе этого, учителю часто приходилось обучать дѣтей порознь, странствуя въ зимнее время по разбросаннымъ крестьянскимъ жильямъ. Школы протестантскія не встрѣчали подобнаго рода препятствій. Помѣщики всегда находили въ своихъ имѣніяхъ, если не готовыя для нихъ помѣщенія, то по крайней мѣрѣ свободныя мѣста для постройки школъ и часто уступали ихъ обществамъ въ безплатное пользованіе. Мало того, въ силу Высочайше утвержденнаго журнала Остзейскаго Комитета, 4 іюля 1865 года, сельскимъ обществамъ предоставлено было право принудительнаго выкупа у помѣщиковъ (экспропріаціи) участковъ крестьянской земли подъ школы, полагая на каждую не болѣе трехъ лофштелей. Вознагражденіе, причи-

тавшееся владѣльцу, опредѣлялось въ этихъ случаяхъ судебнымъ порядкомъ, на основаніи § 44 крестьянскаго Положенія 1860 года; но, такъ какъ это важное право выведено было изъ возложенной на губернскую училищную управу (Oberlandesschulbehörde) обязанности озаботиться открытіемъ по малой мѣрѣ одной школы на каждыя 500 мужскихъ душъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, то оно и не распространялось на школы, учреждаемыя для православныхъ.

Во вторыхъ, для православныхъ школъ нужно было исподволь подготовлять учителей, о чемъ, до шестидесятыхъ годовъ, никто у насъ и не помышлялъ; тогда какъ въ Курляндіи, въ дворянскомъ имѣніи Ирмлау, семинарія для образованія учителей въ тамошнія лютеранскія школы открыта была еще въ 1841 году и шла успѣшно. Лифляндское дворянство взялось за это дѣло позднѣе курляндскаго, но все таки гораздо раньше насъ [1]).

Въ третьихъ, нужны были денежныя средства на жалованье учителямъ, на содержаніе дѣтей во время пребыванія ихъ въ школахъ и на учебныя пособія. По правиламъ 1850 года, эти расходы отнесены были частью на родителей обучавшихся, частью на общества; но такъ какъ между православными прихожанами сравнительно зажиточныхъ крестьянъ-хозяевъ было немного, а масса состояла изъ бѣдныхъ батраковъ и бобылей, то учителю всегда назначалось отъ православнаго общества нищенское жалованье, иногда ниже десяти рублей въ годъ, обыкновенно въ размѣрѣ отъ 15 до 20, и рѣдко свыше. При такомъ вознагражденіи, должность учителя представляла мало заманчиваго. По тѣмъ же правиламъ на продовольствіе дѣтей въ школѣ полагался обязательный сборъ натурою, а на книги обязательный же сборъ деньгами; но на практикѣ, по бѣдности православныхъ прихожанъ, второй сборъ нигдѣ не взимался, а первый установленъ былъ въ немногихъ лишь мѣстностяхъ, да и тамъ поступалъ крайне неисправно. Родители были вообще не въ состояніи содержать своихъ дѣтей внѣ дома, хотя бы въ зимніе мѣсяцы, на-

[1]) Извѣстный пасторъ Вальтеръ, еще въ 1839 году, открылъ училище имѣвшее такое же назначеніе; потомъ, оно было закрыто по распоряженію правительства, а затѣмъ вновь открыто.

значенные для ученія, и оттого обыкновенно отпускали ихъ въ школу на день съ ломтемъ хлѣба. Кромѣ того, тѣснота большей части школьныхъ помѣщеній не позволяла открывать въ нихъ пріютовъ для учениковъ и складовъ провизіи для ихъ продовольствія.

Въ четвертыхъ, для раскладки и взиманія сборовъ на учителя и на школу, равно какъ и для понужденія родителей къ посылкѣ дѣтей въ школу (при установленной системѣ обязательнаго ученія) необходимо было содѣйствіе ближайшей мірской власти, мірскаго суда. По правиламъ 1850 года, все это на него возлагалось; въ дѣйствительности же ни мірскіе суды, ни поставленные надъ ними приходскіе, не только не исполняли своихъ обязанностей въ отношеніи къ православнымъ школамъ, а напротивъ сознательно вредили имъ своими упущеніями и послабленіями. Въ большей части волостей не отпускалось вовсе изъ волостныхъ кассъ требуемаго закономъ пособія (§§ 15 и 16) на содержаніе въ школѣ сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей; правильныхъ раскладокъ не дѣлалось; взиманіе или вовсе не производилось, или производилось врасплохъ, поголовно, со всѣхъ православныхъ, и то послѣ многократныхъ требованій священника и благочиннаго, какъ бы въ угоду имъ, а не въ силу закона. Обыкновенно православный учитель ставился въ необходимость, по нѣсколько разъ, обходить нищихъ батраковъ и бобылей, собирая грошевую милостыню себѣ на жалованье и на содержаніе школы и выслушивая при этомъ въ каждой избѣ ропотъ неудовольствія. Когда священникъ обращался къ мірскому суду съ просьбою понудить нерадивыхъ родителей къ отдачѣ дѣтей ихъ въ школу, ему или ничего не отвѣчали или давали знать, что мірскому суду нѣтъ дѣла до православныхъ. Случалось, что и приходскіе суды не только самовольно освобождали православныхъ прихожанъ отъ обязательныхъ сборовъ на школу, но даже, вопреки закону, предоставляли имъ на волю посылать своихъ дѣтей въ лютеранскія школы.

Въ пятыхъ, какъ бы въ дополненіе къ недостаточному жалованью, правительство предоставило сельскимъ православнымъ учителямъ тѣ же личныя преимущества, какими поль-

зовались лютеранскіе, именно: избавленіе отъ платежа податей, отъ тѣлесныхъ наказаній и отъ рекрутства (§ 7 правилъ 1850); но эти льготы часто нарушались, и отстаиваніе ихъ подавало поводъ къ многосложнымъ процессамъ. Бывали примѣры, что православныхъ учителей отдавали въ военную службу, будто бы по незнанію, что они занимаютъ мѣста учителей.

На все это, въ приложеніяхъ къ настоящему выпуску [1]), приведены фактическія доказательства, частью буквально, а частью въ сокращенномъ видѣ, заимствованныя изъ офиціальныхъ документовъ. Я убѣдительно прошу читателей обратить на нихъ вниманіе не столько для огражденія меня отъ подозрѣнія въ натяжкахъ и преувеличеніяхъ, сколько для личнаго ихъ ознакомленія съ живою, наглядною стороною дѣла. Такихъ доказательствъ я могъ бы легко привести цѣлые томы.

Остзейскіе генералъ-губернаторы, всѣ безъ исключенія, смотрѣли на православныя школы довольно равнодушно, нѣсколько свысока и исключительно въ качествѣ блюстителей закона. Ихъ дѣятельность по этой части ограничивалась тѣмъ, что̀ непремѣнно отъ нихъ требовалось ихъ служебными обязанностями и возбуждалось единственно обращеніемъ къ нимъ епархіальнаго начальства съ ходатайствами и жалобами. Они, напримѣръ, писали бумаги о пріисканіи мѣстъ для школъ или наряжали дознанія, когда православныхъ учителей обижали слишкомъ явно, и, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, возлагали свои порученія на земскую полицію, какъ на единственное исполнительное орудіе, бывшее въ ихъ рукахъ. Но орудіе это служило не правительству, а дворянству, чего генералъ-губернаторы не могли не знать. Конечно, помимо служебной своей дѣятельности, отъ которой при этихъ условіяхъ нельзя было многаго ожидать, помимо всякихъ формальныхъ сношеній и мѣръ взысканія, главный начальникъ края, облеченный довѣріемъ самого Монарха, могъ бы въ значительной мѣрѣ поднять православныя народныя школы однимъ своимъ личнымъ участіемъ. Если бъ онъ, напримѣръ, самъ

[1]) Въ концѣ подъ №№ V—XV.

посѣщалъ ихъ почаще и, къ пріѣзду своему, сзывалъ учениковъ; если бъ онъ оказывалъ имъ вниманіе и удостовѣрялся разспросами въ ихъ успѣхахъ, если бъ онъ, хотя бы ободрительнымъ словомъ и ничего не стоющею ласкою награждалъ усердныхъ къ дѣлу учителей и священниковъ: тогда онъ самъ узналъ бы о школахъ много такого, чего нельзя найти ни въ какихъ офиціальныхъ отчетахъ, и нѣтъ сомнѣнія, что его вниманіе, его одобреніе или порицаніе, даже простое появленіе его въ какой нибудь заброшенной клѣти, гдѣ мальчики учатся русской вѣрѣ и русскому языку, возбуждало бы благотворное соревнованіе и поддерживало бы упадающій духъ православнаго населенія. Не пренебрегали же этимъ въ сѣверозападномъ краѣ такіе же генералъ-губернаторы и генералъ-адъютанты Муравьевъ и Кауфманъ. Во всякомъ случаѣ, такого рода дѣятельность, предполагающая конечно нѣкоторую долю собственной иниціативы, могла бы быть для самихъ остзейскихъ генералъ-губернаторовъ отраднѣе, а для края была бы несомнѣнно полезнѣе многихъ административныхъ начинаній, на которыя они умѣли же находить свободное время. Лучше бы было заняться православными школами, чѣмъ, напримѣръ, сгонять въ православные соборы на царскія молебствія въ табельные дни мѣстныхъ чиновниковъ протестантскаго вѣроисповѣданія, какъ дѣлали это безъ всякаго успѣха князь Суворовъ и генералъ-адъютантъ Альбединскій [1]).

---

[1]) Въ послѣднее время, иностранныя газеты, на основаніи остзейскихъ корреспонденцій, приписали это распоряженіе бывшему эстляндскому губернатору Галкину, и ф. Боккъ напечаталъ отвѣтъ ревельскаго магистрата на его приглашеніе. Этому дѣлу за границей приданы были возможная огласка и размѣры политической неудачи, въ подмогу эстляндскому дворянству, которое въ то время подкапывалось подъ г. Галкина. При этомъ кореспонденты заграничныхъ газетъ разсудили за благо утаить отъ публики, что обязательнаго присутствія всѣхъ чиновниковъ, безъ различія вѣроисповѣданія, на царскихъ молебствіяхъ потребовалъ первый князь Суворовъ, 19 декабря 1853 года; что распоряженіе его въ то время никакихъ протестовъ не вызвало, даже со стороны членовъ лютеранскаго духовенства, состоявшихъ на службѣ и для которыхъ князь Суворовъ *не дѣлалъ никакихъ изъятій*; что въ 1869 году, эстляндскій губернаторъ напомнилъ о распоряженіи князя Суворова, не по собственной своей иниціативѣ, а какъ исполнитель распоряженія исходившаго отъ высшаго

Сообразивъ изложенныя обстоятельства, читатели вѣроятно согласятся, что православныя школы, въ какое нибудь двадцатилѣтіе, положительно не могли уравняться съ протестантскими. Удивляться надобно не тому, что послѣднихъ въ Лифляндіи больше, что въ матеріальномъ отношеніи онѣ болѣе обеспечены, что учителя въ нихъ лучше подготовлены и преподаваніе идетъ успѣшнѣе чѣмъ въ первыхъ, а скорѣе тому, что православныя школы все-таки кое какъ устроивались и что образованіе лифляндскихъ нашихъ единовѣрцевъ пошло впередъ, а не вспять. Во время утвержденія неоднократно упомянутыхъ правилъ, именно въ 1850 году, въ Лифляндіи по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, за безусловную точность которыхъ я не ручаюсь, насчитывалось не болѣе 28 православныхъ школъ, только что открытыхъ; всѣ онѣ находились при приходскихъ церквахъ; въ 1870 году было приходскихъ школъ 107, вспомогательныхъ 252; число учившихся въ тѣхъ и въ другихъ доходило до 9500 безъ малаго. Въ продолженіе этого двадцатилѣтія, на счетъ казны строились постоянныя и иногда нанимались временныя помѣщенія для школъ; другихъ пособій отъ правительства онѣ до 1870 года не получали, а дворянство ни разу не отпустило на нихъ ни копѣйки. Итакъ, расходы православныхъ школъ на всѣ предметы, кромѣ помѣщенія, покрывались исключительно добровольными пожертвованіями православныхъ прихожанъ. Я называю ихъ добровольными не потому только, что, по закону, опредѣленіе размѣра жалованья учителямъ предоставлялось усмотрѣнію обществъ, а главнѣйшимъ образомъ по-

---

начальства; что, прежде всего, онъ г. Галкинъ, дѣлалъ мѣстнымъ чиновникамъ напоминанія на словахъ и уже, когда съ ихъ стороны обнаруживалось на дѣлѣ видимое уклоненіе, издалъ свой циркуляръ, содержавшій въ себѣ не болѣе какъ повтореніе прежняго; наконецъ, что къ циркуляру отправленному имъ въ ревельскую лютеранскую консисторію, онъ приложилъ особое увѣдомленіе, въ которомъ пояснилъ, что выраженное въ циркулярѣ требованіе относилось только до свѣтскихъ членовъ консисторіи. Это однако не помѣшало эстляндскому губернскому предводителю, который вслѣдъ за дерзкими протестами ревельскаго магистрата и оберъ-ландгерихта, поѣхалъ въ Петербургъ съ жалобою на губернатора, донести государю, будто бы г. Галкинъ требовалъ присутствія на молебнахъ и пасторовъ.

тому, что православное духовное вѣдомство, какъ было объяснено выше, лишено было возможности, черезъ посредство мѣстныхъ гражданскихъ властей, взыскивать принудительными мѣрами даже тѣ сборы на школы, которые, по закону, имѣли для плательщиковъ строго обязательный характеръ. Скудость и невѣрность поступленія этой своего рода милостыни отъ прихожанъ, при очевидной зависимости судьбы православія отъ успѣха школьнаго образованія въ духѣ церкви, побудили епархіальное начальство, при опредѣленіи причетниковъ, недостаточно подготовленныхъ къ этой должности и сознававшихъ свою слабость, входить съ ними въ соглашеніе относительно вычета въ пользу школъ нѣкоторой доли изъ положеннаго имъ жалованья. Изъ этихъ нынѣ прекращенныхъ вычетовъ, вмѣстѣ съ штрафами взыскивавшимися съ низшаго духовенства, составился къ 1867 году такъ называемый училищный капиталъ въ 12 т. р., состоящій въ распоряженіи епархіальнаго начальства; изъ него производились расходы на изданіе и покупку книгъ, разныхъ школьныхъ принадлежностей, даже иногда на ремонтъ зданій, въ которыхъ помѣщались школы.

При такой во всѣхъ отношеніяхъ неблагопріятной обстановкѣ, несправедливо было бы не признать въ достигнутыхъ результатахъ явныхъ доказательствъ усердія къ дѣлу самихъ прихожанъ и немаловажной заслуги, если не всего православнаго духовенства in corpore, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ хорошо образованныхъ священниковъ изъ Русскихъ, и въ особенности, нѣсколькихъ священниковъ и причетниковъ, вышедшихъ изъ среды лифляндскаго простонародія и личнымъ, горькимъ опытомъ извѣдавшихъ его нужды. Ими, этими скромными и темными тружениками, имена которыхъ нигдѣ не встрѣчаются кромѣ развѣ дворянскихъ доносовъ на такъ называемыхъ подстрекателей народа, выплакана и выстрадана, въ полномъ значеніи этихъ словъ, большая часть лифляндскихъ православныхъ школъ, особенно такъ называемыхъ вспомогательныхъ.

Но никакая личная энергія мѣстныхъ подвижниковъ не пробилась бы къ цѣли сквозь дружное сопротивленіе плотной общественной среды, еслибы частныя усилія не совпали въ

этомъ случаѣ съ общимъ стремленіемъ совершенно неожиданно охватившимъ народную массу.

Оказалось, вопреки всякому чаянію, что Латыши и Эсты, всѣ вообще, православные и лютеране безъ различія, непремѣнно хотятъ учиться по-русски. Такимъ образомъ, для массы, православная школа получила особенное значеніе не какъ школа церковная, а какъ школа русская—такъ она и называется въ народѣ. Это явленіе, конечно, ничѣмъ и никѣмъ съ нашей стороны вызываемо не было, и если ужь искать для него объясненія внѣ самородныхъ инстинктовъ массы, то скорѣе всего можно бы было видѣть въ немъ естественный отпоръ усиленной германизаціи черезъ лютеранскія школы; но корень его былъ гораздо глубже и первые признаки его, долго ускользавшіе отъ вниманія, стали обнаруживаться прежде чѣмъ дворянство серьезно принялось за онѣмеченіе крестьянъ.

Въ ноябрѣ 1845 года, въ то время когда Латыши валили въ Дерптъ для присоединенія къ православію, тамошній университетскій профессоръ Розенбергъ писалъ объ этомъ движеніи любопытныя письма [1]), основанныя на личныхъ его наблюденіяхъ и на разговорахъ его съ крестьянами. Въ одномъ изъ этихъ писемъ мы читаемъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ поколѣніе трудно станетъ распознавать Леттовъ и Чухонъ отъ коренныхъ обитателей нашего отечества [2]); уже теперь они мало-по-малу перенимаютъ обычаи нашихъ поселянъ, заводятъ мѣстами, какъ слышно, ихъ упряжь, повозки, стараются подражать ихъ образу жизни, одеждѣ, и упорно ищутъ случаевъ говорить на нашемъ языкѣ [3]). Многіе освѣдомлялись у протоіерея отца Ѳедора Березскаго: нѣтъ ли возможности основать съ такою цѣлью обыкновенныя сельскія училища—„когда намъ или дѣтямъ нашимъ придется

---

1) Письма эти адресовались на имя графа Протасова, или, по крайней мѣрѣ, сообщались ему.

2) Да!—Это было въ то время возможно и вѣроятно, а какъ однако ошибся авторъ въ своемъ предсказаніи!

3) Напомню читателямъ, что Индрикъ Страумитъ, авторъ „Записокъ Православнаго Латыша“ (Окраины Россіи), указывалъ на то же явленіе, конечно не сговариваясь съ дерптскимъ профессоромъ.

поступать въ рекруты — присовокупляли они — намъ, при знаніи русской рѣчи, самая служба царская будетъ понятнѣе и легче". Развѣ только нѣмецкое, изощренное обоняніе способно пронюхать тутъ запахъ возмущенія.

Въ той же мѣстности, но гораздо позднѣе, въ 1868 и 1869 годахъ, обнаружилось такое же стремленіе, только по другому поводу и гораздо громче. Во время объѣзда епархіи рижскимъ преосвященнымъ, ему подано было нѣсколько просьбъ крестьянами, въ томъ числѣ и лютеранами во множествѣ, въ которыхъ они испрашивали его ходатайства объ устройствѣ для нихъ русскихъ школъ и о введеніи въ нихъ русскаго закона. Такого же содержанія просьбы были поданы въ Петербургѣ остзейскому генералъ-губернатору посланными туда депутатами. Подписей на всѣхъ просьбахъ насчитывалось болѣе 3,000. Мѣстныя власти встревожились и, по обыкновенію, поспѣшили пустить въ ходъ издавна подготовленную на всѣ подобные случаи версію, именно: что крестьяне о русскомъ языкѣ не думаютъ и русскихъ школъ не желаютъ, что предъявленное ими ходатайство внушено имъ злонамѣренными агитаторами преслѣдующими революціонныя цѣли, что все движеніе возбуждено искусственно и что подписи подъ просьбами подложны. Въ подтвержденіе послѣдняго обстоятельства, заявлялось съ особеннымъ удареніемъ, что въ числѣ подписей попадались въ довольно значительномъ числѣ имена малолѣтнихъ и нѣсколькихъ лицъ вовсе неизвѣстныхъ въ тѣхъ обществахъ, отъ которыхъ поданы были прошенія. Подъ вліяніемъ такого предустановленнаго взгляда на дѣло, наряжено было дознаніе, не столько о содержаніи просьбъ, сколько о степени ихъ подлинности и преимущественно о томъ, кто подалъ мысль объ нихъ, кто написалъ ихъ, кто переводилъ ихъ на русскій языкъ и кого бы за всѣ эти провинности подвергнуть взысканію. Къ счастью, кромѣ дерптскаго ордынгсърихтера, успѣвшаго уже дать дѣлу такой оборотъ, это порученіе возложено было и на другаго чиновника, кажется изъ русскихъ, который, хотя и уступилъ своему товарищу въ постановкѣ вопросовъ, но все же своимъ присутствіемъ помѣшалъ дознанію принять направленіе слишкомъ одностороннее. Въ общемъ результатѣ оказалось, что

просьбы возникли совершенно естественно, изъ экономическихъ и соціальныхъ условій, и безъ всякаго подговора со стороны; что подлинность ихъ была несомнѣнна, а содержаніе ихъ дѣйствительно соотвѣтствовало желаніямъ просителей. Изъ опросовъ выяснилось между прочимъ, что подъ выраженіемъ „русскій законъ“ (о введеніи котораго крестьяне также ходатайствовали) они подразумѣвали основныя начала Положенія 19 Февр. 1861 года, то есть утвержденіе за цѣлымъ обществомъ поземельнаго надѣла разсчитаннаго по числу душъ, и оттого отцы семействъ, подписываясь подъ просьбами, настойчиво требовали, чтобъ были поименованы и малолѣтніе ихъ дѣти, дабы пропущенные не были впослѣдствіи обдѣлены землею. Первое мѣсто въ прошеніяхъ занимало ходатайство объ открытіи русскихъ школъ, о землѣ же или о русскомъ законѣ упоминалось въ нихъ вскользь; но, по мнѣнію чиновника участвовавшаго въ опросахъ крестьянъ, просьбы ихъ, въ этомъ именно и только въ этомъ отношеніи, давали неточное понятіе о ихъ надеждахъ. По его наблюденіямъ, они желали и домогались болѣе и прежде всего поземельнаго надѣла; русскій же языкъ отодвигался на второй планъ, какъ дѣло второстепенное и, во всякомъ случаѣ, обусловленное предварительнымъ отводомъ земли. Дѣйствительно, почти всѣ опрошенные крестьяне отвѣчали, что они заведутъ у себя русскую школу не прежде какъ по отводѣ имъ надѣла по русскому закону; но и самый вопросъ о желаніи или не желаніи ихъ учиться по русски связывался вопрошателями наглухо съ вопросомъ о готовности или неготовности просителей принять на свой счетъ содержаніе русскаго учителя. Естественно, что на такую постановку вопроса они, такъ громко заявлявшіе о своей нищетѣ и о крайней обременительности лежавшихъ на нихъ всякаго рода сборовъ, не могли отвѣчать иначе, какъ словами: „теперь, намъ не по силамъ, а послѣ, если получимъ землю, наймемъ и учителя“.

Прислушиваясь безпристрастно къ рѣчамъ просителей и устраняя едва ли разрѣшимый вопросъ объ относительной силѣ потребностей совершенно разнородныхъ, нельзя было не признать, что желаніе войти въ тѣснѣйшее общеніе съ Россіею посредствомъ усвоенія себѣ ея языка, было не под-

сказано со стороны, даже не придумано самими просителями какъ бы въ видахъ склоненія правительства къ благосклонному принятію другихъ ходатайствъ, но что и въ настоящемъ случаѣ, гдѣ оно высказывалось въ связи съ другими и въ зависимости отъ нихъ, оно имѣло всетаки въ сознаніи массы свой собственный корень.

Въ другихъ мѣстностяхъ и при другихъ обстоятельствахъ, то же желаніе высказывалось помимо всякихъ домогательствъ объ отводѣ земли. Такъ, на примѣръ, изъ Эстляндіи писали слѣдующее: „крестьяне рѣшительно не поддаются германизаціи и не хотятъ учиться нѣмецкому языку; до сихъ поръ преподаваніе его введено только въ 5 сельскихъ школахъ, и чѣмъ болѣе старается объ этомъ дворянство, тѣмъ болѣе, по врожденному къ нему недовѣрію, упираются крестьяне. На оборотъ, во время объѣзда губерніи новымъ губернаторомъ г. Галкинымъ, они, въ разныхъ мѣстахъ и много разъ, словесно и письменно просили его объ открытіи у нихъ эстонорусскихъ школъ, въ которыхъ бы они могли учиться по русски. Въ одной волости, они даже заявили, что у нихъ имѣется на примѣтѣ до 70 мальчиковъ готовыхъ поступить въ школу, если въ ней будутъ учить по русски. Съ такого же рода заявленіями они обращались уже не разъ къ православнымъ священникамъ въ уѣздныхъ городахъ. На вопросъ: на что имъ нуженъ русскій языкъ? — они обыкновенно отвѣчали: „здѣсь на мѣстѣ житье плохое; помѣщики упраздняютъ мелкіе крестьянскіе участки и округляютъ крупные, крестьянскіе дворы; приходится искать работы на сторонѣ. Но вѣдь мы же знаемъ, что не Германія насъ прокормитъ, а Петербургъ; такъ какъ же намъ идти на работу въ вашу сторону не зная по русски“. — И это не одни слова. Во множествѣ крестьянъ, являющихся съ просьбами разнаго рода въ пріемные дни, человѣкъ по сту и болѣе, гораздо чаще попадались понимающіе по русски, чѣмъ по нѣмецки. Губернаторъ принимаетъ всѣ этого рода заявленія къ соображенію, намѣревается довести объ нихъ до свѣдѣнія генералъ-губернатора; но здѣсь, на мѣстахъ, онъ не даетъ имъ огласки по просьбѣ самихъ крестьянъ, изъ опасенія повредить имъ. Бывали примѣры, что слишкомъ открытое обнаруженіе желанія заводить

русскія школы впослѣдствіи припоминалось просителямъ при возобновленіи съ ними контрактовъ на помѣщичью землю и отзывалось очень для нихъ невыгодно на условіяхъ хозяйственнаго ихъ быта“ [1]).

Превосходство лютеранскихъ сельскихъ школъ надъ православными по отношенію къ помѣщенію, къ содержанію учениковъ и къ самой системѣ обученія ни для кого не было тайною. Тѣ и другія были у крестьянъ на виду и сравнить ихъ было не трудно. Близость, удобства всякаго рода, наконецъ убѣжденія помѣщиковъ и пасторовъ — все это естественно могло склонять православныхъ родителей къ отдачѣ дѣтей своихъ въ лютеранскія училища — что и случалось; но рядомъ съ этимъ встрѣчалось очень нерѣдко обратное явленіе, явно свидѣтельствовавшее о сильномъ желаніи учиться по русски, ибо никакимъ другимъ побужденіемъ нельзя его объяснить.

Въ 1869 году, въ православныхъ школахъ Пернавскаго благочинія обучалось 23 мальчика лютеранскаго исповѣданія; при Фестенскомъ молитвенномъ домѣ, необходимость заставила отвести для ученія комнату предназначавшуюся для причетниковъ и, несмотря на неудобство такого помѣщенія, въ этой комнатѣ не только училось, но и ночевало до 30 и болѣе учениковъ; притомъ, школа эта не закрывалась ни лѣтомъ ни зимою собственно потому, что въ нее отдавали лютеране своихъ дѣтей учиться русскому языку. Такихъ учениковъ было въ 1869 году 12 и число ихъ несомнѣнно бы увеличилось, если бы помѣщеніе было просторнѣе и если бы можно было принимать всѣхъ желавшихъ. Нерѣдко также случалось, что крестьяне-лютеране порознь договаривались съ православнымъ учителемъ и отдавали своихъ дѣтей на выучку русскому языку. Вообще, при наймѣ учителей, какъ въ православныя такъ и въ лютеранскія школы, крестьяне, по свидѣтельству нѣкоторыхъ благочинныхъ, назначали высшую плату тѣмъ учителямъ, которые брались учить русскому языку.

---

[1]) Требованіе русскихъ школъ и желаніе учиться по русски заявлялось много разъ и въ другихъ мѣстностяхъ. См., напримѣръ, Риж. Вѣст. 1869 г. NNr. 52, 70, 105 и др.

Я долженъ прибавить, что приведенные мною факты [1]) обнаруживались совершенно случайно, по разнымъ поводамъ, и что никто никогда съ нашей стороны не собиралъ свѣдѣній съ спеціальною цѣлью выяснить: дѣйствительно ли и въ какой мѣрѣ Латыши и Эсты ощущаютъ потребность учиться по русски. Но противники наши были внимательнѣе насъ къ явленію, которымъ мы не умѣли пользоваться; оно озабочивало ихъ серьезно и, въ этомъ случаѣ, ихъ свидѣтельство имѣетъ силу доказательства непререкаемаго. Въ 1868 году, Ф. Боккъ помѣщалъ въ своемъ изданіи, въ числѣ другихъ матерьяловъ, отрывки изъ писемъ остзейскихъ своихъ корреспондентовъ [2]).

Въ одномъ изъ нихъ [3]) мы читаемъ: „Вы питаете къ здѣшнему народу горячее сочувствіе и потому я сообщу вамъ нѣчто достойное примѣчанія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, страсть къ изученію русскаго языка доходила у людей до бѣшенства. (Die Leute waren wie besessen russisch zu lernen [4]). Въ то время, мы уступили этому народному натиску и кое гдѣ включили русскій языкъ въ программу преподаванія приходскихъ школъ [5]). Оказалось однако, что потребность въ

---

[1]) Множество другихъ, подобныхъ, читатели могутъ найти въ Рижскомъ Вѣстникѣ.

[2]) Къ сожалѣнію, онъ теперь вовсе закрылъ этотъ любопытный отдѣлъ. Прекратилось также печатаніе цѣлыхъ статей, доставлявшихся ему изъ Петербурга для помѣщенія въ Лифляндскихъ Вкладахъ, лицами, занимающими на службѣ высокія мѣста, и конечно не выставляющими своихъ именъ подъ своими произведеніями (Livl. Beitr. Neue Folge. II, I.). Вѣроятно, земляки г. Ф. Бокка дали ему почувствовать, что слишкомъ явное ихъ сотрудничество можетъ быть поколебало бы вѣру въ правдивость ихъ завѣреній о совершенномъ ихъ безучастіи въ его литературной дѣятельности и о непитаніи ими никакого сочувствія къ его политическимъ взглядамъ.

[3]) Livl. Beitr. B. II, H. 2, S. 70, 71.

[4]) Стало быть, фактъ признанъ, хотя и отнесенъ къ прошедшему, какъ нѣчто минувшее; но этому противорѣчатъ другія, позднѣйшія свидѣтельства приведенныя выше.

[5]) А г. Вурстембергеръ увѣрялъ, что онъ введенъ во всѣхъ училищахъ и ни слова не сказалъ о томъ, что руководители народнаго образованія противъ воли уступали народному бѣснованію, какъ выражается корреспондентъ г. Бокка.

русскомъ языкѣ была повидимому не такъ сильна; ибо, послѣ сдѣланной нами уступки, люди успокоились и теперь никто даже не спрашиваетъ учатся ли дѣти по русски, много ли учатся и чему выучиваются. Совсѣмъ не то съ нѣмецкимъ языкомъ. Всѣ 137 учениковъ, посѣщавшихъ нашу приходскую школу, говорятъ порядочно по нѣмецки и теперь начинаютъ требовать себѣ женъ образованныхъ на нѣмецкій ладъ (nach deutsch gebildeten Frauen). У насъ уже насчитывается въ приходѣ 28 крестьянъ-хозяевъ тоже усвоившихъ себѣ нѣмецкое образованіе.... Наша школа теперь процвѣтаетъ. Это конечно здоровый прогресъ и прогресъ къ германизму.... Я задаю себѣ вопросъ: позволятъ ли наши крестьяне, такъ, безъ сопротивленія, отнять у себя свою школу? Не вѣрю этому; у нихъ передъ глазами стоитъ, какъ пугало, жалкій образъ русскихъ школъ. Мы, изъ предосторожности, кое что сообщили наиболѣе развитымъ крестьянамъ о послѣднихъ поползновеніяхъ по части руссификаціи: но предположенія эти были встрѣчены улыбкою презрѣнія“ [1]).

Въ то самое время, какъ простой народъ такъ настойчиво добивался средствъ учиться по русски, а дворянство и лютеранское духовенство такъ усердно учили его по нѣмецки и отчасти, вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ сталкивавшихся усилій, преосвященный Платонъ составилъ для православныхъ школъ своей епархіи проектъ новыхъ правилъ, отъ которыхъ естественно было бы ожидать твердо установившагося взгляда на дѣло народнаго образованія; но довольно продолжительный опытъ, повидимому, немногому научилъ, и въ нѣкоторыхъ статьяхъ этого проекта, сравнительно съ прежними правилами, обнаружилась даже еще большая несообразность

---

[1]) Иными словами: мы постарались заблаговременно настроить народъ противъ предполагаемыхъ и еще не оглашенныхъ намѣреній правительства съ цѣлью, на всякій случай, вызвать въ массѣ оппозицію. — Это патріотическій подвигъ; а еслибъ кто нибудь сталъ уговаривать народъ къ заявленію желаній, согласныхъ съ видами правительства, это было бы, по остзейской правдѣ, злонамѣренное подстрекательство, и уличеннаго или заподозрѣннаго въ этомъ преступленіи сослали бы куда-нибудь безъ суда и слѣдствія, какъ Безбардесса, какъ Петерсона и другихъ.

предъявляемыхъ требованій съ мѣстными условіями и наличными средствами.

Такъ, на примѣръ, предполагалось возложить на родителей обязанность, въ теченіи двухъ приготовительныхъ къ обязательной отдачѣ въ школу годовъ, отъ восьми до десятилѣтняго возраста, обучать своихъ дѣтей грамотѣ на дому. Священники должны были, при посѣщеніи приходовъ, обращать на этотъ предметъ строгое вниманіе и разъ въ мѣсяцъ собирать къ себѣ всѣхъ дѣтей, готовившихся къ поступленію въ школы, для испытанія ихъ. При дознанной безуспѣшности домашняго обученія, дѣти отбирались у родителей и помѣщались въ школу, не выжидая установленнаго возраста. Кажется, и безъ особенной прозорливости, можно было сказать напередъ, что это допускаемое изъятіе изъ правила, на практикѣ, обратится въ общее правило. Къ чему же было возлагать на батраковъ и бобылей, едва добывавшихъ себѣ насущный хлѣбъ работою по найму, обязанность рѣшительно имъ непосильную по совершенному недостатку досуга и средствъ?

Преосвященный Платонъ предлагалъ также расширить кругъ предметовъ преподаванія въ приходскихъ школахъ и ввести въ него между прочимъ обученіе чтенію и письму на нѣмецкомъ языкѣ и главнѣйшимъ правиламъ русской и латышской (или эстской) грамматикъ. При этомъ, на прохожденіе всего курса полагалось 4 неполныхъ полугодія (отъ 1 Ноября до 1 Апрѣля), слѣдовательно менѣе двухъ лѣтъ, и въ этотъ короткій срокъ, епархіальное начальство намѣревалось обучать дѣтей тремъ языкамъ, не считая другихъ предметовъ, какъ то: катихизиса, церковной исторіи, географіи, ариѳметики и пѣнія молитвъ! Генералъ-адъютантъ Альбединскій, въ замѣчаніяхъ своихъ на проектъ новыхъ правилъ, указалъ между прочимъ на излишнее усложненіе программы преподаванія, въ чемъ онъ былъ безусловно правъ; но вотъ что онъ возразилъ въ особенности на предположенное обученіе тремъ языкамъ: „Обученіе чтенію и письму на нѣмецкомъ языкѣ могло бы быть полезно, если бы съ нимъ соединялось знаніе этого языка, безъ этого же условія чтеніе и

писаніе будутъ составлять механическій трудъ [1]); сверхъ того, не въ каждой приходской школѣ возможно это обученіе, такъ какъ, по всей вѣроятности, не каждый священникъ знаетъ по нѣмецки. Въ равной мѣрѣ преподаваніе главнѣйшихъ правилъ русской и латышской (эстской) грамматикъ, при совершенной неразработанности этихъ предметовъ и за неимѣніемъ хорошихъ учебниковъ, можетъ быть слишкомъ обременительно для малолѣтнихъ безъ особенной для нихъ пользы". Это писалось въ то время когда народъ въ Лифляндіи, православный и лютеранскій безъ различія, усиленно домогался обученія его русскому языку! Какъ бы мы Русскіе не отстали отъ Нѣмцевъ, Французовъ и Англичанъ въ разработкѣ роднаго своего языка, нельзя же однако предполагать, чтобъ мы не успѣли еще разработать его настолько, насколько это нужно для начальнаго преподаванія главнѣйшихъ грамматическихъ его правилъ десятилѣтнимъ дѣтямъ. Можно было конечно указать на недостатокъ удовлетворительныхъ учебниковъ русскаго языка, составленныхъ спеціально для Латышей и Эстовъ; но неужели это была задача неразрѣшимая и такая трудность, которая должна бы была остановить Россію въ первомъ ея движеніи на встрѣчу стремившемуся къ ней народу? Что бы стоило, на примѣръ, обнародовать программу и назначить премію за лучшій учебникъ по ней составленный?

Чтоже касается до языковъ латышскаго и эстскаго, то въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, писанныхъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, епископъ рижскій писалъ: „напечатаны сперва эстская, а потомъ латышская грамматика; обѣ приняты священниками съ величайшею радостью, но это не понравилось недругамъ православія". Стало быть, генералъ-губернаторъ объ этомъ повидимому ничего не зналъ, но едвали онъ могъ не знать, что грамматики обоихъ языковъ давно уже преподавались въ объемѣ даже болѣе широкомъ чѣмъ предполагалось, въ народныхъ лютеранскихъ школахъ, по учебникамъ составленнымъ пасторами, и что преподаваніе шло довольно успѣшно.

---

[1]) Могъ ли думать генералъ-губернаторъ, что преосвященный Платонъ, говоря о чтеніи и письмѣ, не подразумѣвалъ п о н и м а н і я читаемаго и диктуемаго?

Вообще, проектъ преосвященнаго Платона не выдерживалъ самой снисходительной критики; въ немъ предъявлялись требованія очевидно неосуществимыя, несоображенныя ни съ организаціею сельской администраціи, ни съ средствами мѣстнаго народонаселенія. Отношеніе школъ приходскихъ къ вспомогательнымъ не было выяснено. Послѣднія учреждались для тѣхъ обывателей, которые, по отдаленности мѣста своего жительства, не могли пользоваться первыми; слѣдовательно вспомогательныя школы назначались въ замѣнъ приходскихъ, а вовсе не для приготовленія къ нимъ учениковъ, и потому въ кругъ преподаванія приходскихъ школъ естественно должны были входить всѣ предметы, начиная съ низшихъ; между тѣмъ, въ программу приходскихъ школъ почему-то не были включены ни краткій катихизисъ, ни священная исторія, которымъ полагалось обучать дѣтей въ школахъ вспомогательныхъ. При обиліи наставленій совершенно излишнихъ и неумѣстныхъ въ проектѣ закона, онъ поражалъ крайнею сбивчивостью въ изложеніи самыхъ существенныхъ правилъ; такъ на примѣръ, въ тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ исчислялись обязанности возлагаемыя по отношенію къ школамъ на мѣстныя общества, въ иныхъ случаяхъ подразумѣвались подъ этимъ терминомъ волостныя общества, а въ другихъ общества православныхъ прихожанъ; наконецъ, замѣчательно слѣдующее упущеніе: Высочайше утвержденное правило 1845 года, положительно разрѣшавшее иновѣрцамъ (дѣтямъ всякаго исповѣданія) безпрепятственно посѣщать православныя школы, почему-то не нашло мѣста въ проектѣ преосвященнаго Платона.

Сдѣлавъ на него нѣкоторыя, отчасти довольно дѣльныя, хотя поверхностныя замѣчанія, генералъ-адъютантъ Альбединскій, отъ себя, представилъ въ 1869 году министру народнаго просвѣщенія особую записку о томъ, что̀ по его мнѣнію нужно было сдѣлать для православныхъ школъ въ Лифляндіи. Она начиналась сопоставленіемъ худобы православныхъ сельскихъ училищъ крѣпости, цвѣтущему состоянію и быстрому росту протестантскихъ. Для такого сравненія матеріаловъ было много; стоило только перелистать донесенія благочинныхъ и представленія трехъ архіереевъ. По заявленію генералъ-губернатора „несостоятельность православныхъ учи-

лищъ въ сравненіи съ лютеранскими сознавалась самими крестьянами, которые, въ прибалтійскихъ губерніяхъ, любятъ грамоту и охотно посылаютъ дѣтей своихъ въ школу, если надѣятся, что она просвѣтитъ ихъ. Но православныя школы не оправдываютъ подобныхъ надеждъ. Сравнивая своего сына, учащагося въ православной школѣ, съ дѣтьми сосѣдей лютеранъ, учащимися въ лютеранскихъ народныхъ училищахъ, православный крестьянинъ замѣчаетъ насколько первый отсталъ въ образованіи отъ послѣднихъ, и въ его душѣ невольно зараждается горькое чувство неудовольствія при мысли о причинѣ мѣшающей его сыну учиться въ хорошо устроенныхъ лютеранскихъ школахъ и получить прочное образованіе".—Во всемъ этомъ была несомнѣнная доля правды, именно та сторона ея, которая сама собою бросалась въ глаза и издавна выставлялась на видъ противниками православныхъ школъ; но отъ главнаго начальника края, кажется, можно было ожидать бо̀льшаго. Какъ бы сравнительно ни были плохи православныя школы, а всетаки повсемѣстно раздавались жалобы на тѣсноту отведенныхъ для нихъ помѣщеній; стало быть онѣ были полны; православные прихожане заваливали священниковъ, благочинныхъ, архіереевъ и генералъ-губернаторовъ просьбами не о разрѣшеніи отдавать своихъ дѣтей въ лютеранскія училища, а объ открытіи новыхъ училищъ православныхъ, иначе русскихъ, хотя просители очень хорошо знали, что на содержаніе ихъ они должны будутъ удѣлять часть своихъ собственныхъ, очень скудныхъ достатковъ; далѣе, какъ было замѣчено выше, православныя школы устраивались и посѣщались одними желающими, почти безъ понужденія къ тому со стороны мѣстныхъ властей, изъ чего можно было заключить, что народъ, въ общей сложности, относился къ нимъ не такъ строго и не такъ презрительно какъ увѣрялъ генералъ-губернаторъ; наконецъ, хотя онъ объ этомъ и умалчивалъ, но онъ не могъ не знать, что довольно значительное число лютеранъ посѣщало православныя школы и что протестантское духовенство такъ сильно озабочивалось этимъ крайне для него непріятнымъ явленіемъ, что принимало противъ него мѣры крайней строгости. Все это свидѣтельствовало о присутствіи въ народѣ какой то общей по-

требности, которой, какъ видно, не удовлетворяли цвѣтущія и благоустроенныя школы протестантскія, а удовлетворяли, по крайней мѣрѣ въ большей степени, тѣсныя, неудобныя, нищенскія и едва едва пробивавшіяся со дня на день школы православныя. Какой же именно?—Этого вопроса генералъ-губернаторъ не затрогивалъ.

Для подъема православныхъ народныхъ школъ, онъ предлагалъ слѣдующія мѣры:

1) Предоставить гражданской власти, совмѣстно съ духовнымъ начальствомъ, главный надзоръ за православными народными школами, для чего учредить особый епархіальный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, изъ епархіальнаго архіерея, директора Александровской гимназіи и ректора духовной рижской семинаріи. Этотъ совѣтъ посылалъ бы особыхъ ревизоровъ изъ духовныхъ и гражданскихъ лицъ для собиранія на мѣстахъ точныхъ свѣдѣній о школахъ. Тогда, увѣрялъ генералъ-губернаторъ, непосредственное участіе главнаго начальника края въ высшемъ надзорѣ за училищами „устранитъ равнодушіе мѣстныхъ лютеранскихъ властей къ нуждамъ православныхъ школъ и низшія училищныя начальства, опираясь на авторитетъ высшей гражданской власти, не будутъ встрѣчать отказовъ въ исполненіи ихъ законныхъ требованій“.

По правиламъ 1850 года, православныя школы состояли въ вѣдѣніи духовенства, но устройство и наемъ помѣщеній возлагались на гражданское начальство. Дѣломъ этимъ занимались непосредственно всѣ генералъ-губернаторы, начиная съ князя Суворова, какъ видно изъ вышеприписаннаго его предложенія. Сверхъ того, въ тѣхъ почти ежедневныхъ случаяхъ, когда волостныя и приходскія власти оказывали слишкомъ явное пренебреженіе къ требованіямъ учителей, священниковъ и благочинныхъ, епархіальные архіереи, по необходимости, всегда прибѣгали къ заступничеству генералъ-губернаторовъ. Изъ переписокъ этого рода къ концу года набирались фоліанты.

Словомъ, грѣшно бы было пожаловаться на отсутствіе случаевъ или законныхъ поводовъ для генералъ-губернаторовъ къ обнаруженію своего непосредственнаго участія или на

недостатокъ простора для благодѣтельнаго проявленія авторитета высшей гражданской власти. Но двадцатилѣтній опытъ неопровержимо засвидѣтельствовалъ полнѣйшую ея несостоятельность. Критикуя православныя училища болѣе чѣмъ строго, генералъ-адъютантъ Альбединскій глядѣлъ на нихъ какъ то со стороны, какъ какой нибудь заѣзжій туристъ, какъ будто-бы дѣло до него и не касалось, между тѣмъ какъ, въ сущности, устраненіе внѣшнихъ препятствій къ ихъ устройству и преуспѣянію прямо входило въ кругъ его обязанностей и слѣдовательно лежало на его отвѣтственности.

Если бъ такія ожиданія отъ предсѣдательствованія генералъ-губернатора въ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ, какими ублажалъ министерство генералъ-адъютантъ Альбединскій, попались намъ въ докладной запискѣ какого нибудь столоначальника, никогда не выѣзжавшаго изъ Петербурга, можно бы было приписать ихъ ребяческой неопытности и полнѣйшему незнанію мѣстныхъ условій: но въ настоящемъ случаѣ такое предположеніе не можетъ имѣть мѣста. Проживъ нѣсколько времени въ Ригѣ и послѣ нѣсколькихъ покушеній проявить авторитетъ власти, всегда оканчивавшихся позорными для нея пораженіями, генералъ-адъютантъ Альбединскій не могъ не восчувствовать ея безсилія, происходившаго отъ ненормальности условій, въ которыхъ она была поставлена. Онъ не могъ не сознавать, что при Остзейскомъ Комитетѣ, при дворянскомъ конвентѣ и при дворянской полиціи, для генералъ-губернатора, лишеннаго надежныхъ глазъ и послушныхъ рукъ, всякая административная иниціатива становилась положительно невозможною, и онъ даже высказывалъ это очень ясно въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ почти одновременно поданномъ [1]).

---

[1]) Я видѣлъ этотъ отчетъ за границею въ нѣмецкомъ переводѣ, кѣмъ-то присланномъ изъ Россіи въ редакцію одного, пользующагося особеннымъ благоволеніемъ остзейской публики нѣмецкаго повременнаго изданія. Цитуя, я перевожу буквально на русскій языкъ съ нѣмецкаго перевода, за точность котораго, конечно, поручиться не могу. Отчетъ этотъ присланъ былъ съ предоставленіемъ редакціи права пользоваться имъ по усмотрѣнію, и онъ вѣроятно скоро появится въ печати. Въ сопровождавшемъ его письмѣ значилось, что Государь Императоръ будто бы остался имъ очень доволенъ и выразилъ свое полное

Въ немъ значится между прочимъ: „было бы въ высшей степени неосторожно довѣрять сколько нибудь здѣшнимъ должностнымъ лицамъ въ дѣлахъ, имѣющихъ хотя бы слабый политическій оттѣнокъ [1])“. Но, спрашивается: что же можетъ не имѣть политическаго характера въ такомъ краѣ, гдѣ на всѣхъ пунктахъ, во всѣхъ сферахъ дѣятельности частной, общественной и правительственной, борятся два языка, двѣ народности, два вѣроисповѣданія, два начала: провинціальный сепаратизмъ и государственное объединеніе? Развѣ однѣ больницы? Что же касается до народнаго образованія, то политическая подкладка вопроса о томъ, кому имъ орудовать и направлять его, сама по себѣ такъ ощутительна и съ такимъ самодовольствіемъ выворачивается остзейскими патріотами, что и она не могла укрыться отъ генералъ-адъютанта Альбединскаго. Онъ и на нее указывалъ самъ же въ своемъ отчетѣ, заявляя, „что молодая, либеральная партія въ дворянствѣ покровительствуетъ народнымъ училищамъ собственно съ цѣлью распространенія черезъ нихъ нѣмецкаго языка [2]); въ тѣхъ же видахъ, сознавая свою слабость, эта партія старается приблизить къ себѣ преимущественно передовой классъ крестьянъ-хозяевъ, дабы найти въ нихъ опору для своей оппозиціи вторженію національно-русскихъ государственныхъ началъ“... [3]) Легко объяснить себѣ усиленныя старанія дворянства и духовенства образовать эту немногочисленную

одобреніе на поляхъ замѣчаніями, съ которыхъ кореспондентъ заграничнаго изданія не могъ еще однако, къ сожалѣнію своему, достать копій. Этому я положительно отказываюсь вѣрить, потому, во первыхъ, что кажется легче было достать отчетъ по возвращеніи его Государемъ съ замѣчаніями, чѣмъ до этого времени, во вторыхъ потому, что одобреніе такого отчета было бы равносильно отреченію за Россію отъ Прибалтійскаго ея поморія.

[1]) Въ Нѣмецкомъ: mit irgend einem, wenn auch leisen politischen Anstrich.

[2]) Als nothwendige Bedingung einer allmähligen Verbreitung der deutschen Sprache.

[3]) Um in ihr einen Anhaltspunkt gegen den Eindrang national-russischer Staatsprincipien zu finden. Это совершенно вѣрно, хотя почти буквально выписано изъ Бокка; непонятно только, почему генералъ-адъютантъ Альбединскій приписывалъ высмотрѣнную или вычитанную имъ систему такъ называемой либеральной партіи. Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ партій, и противъ Россіи Ф. Бокки и Нолькены (консерваторы) всегда стояли заодно съ псевдолибералами въ родѣ

группу крестьянъ-хозяевъ. Введеніе нѣмецкаго языка въ средніе, а потомъ, мало по малу, въ народныя школы теперь уже приноситъ результаты, проявляющіеся въ постепенномъ онѣмеченіи верхнихъ слоевъ крестьянства. „Такъ, въ многочисленныхъ училищахъ края укореняется и развивается національное, германское чувство". Стало быть напрасно тотъ же генералъ-губернаторъ въ запискѣ своей о православныхъ школахъ говорилъ объ устраненіи равнодушія къ нимъ мѣстныхъ лютеранскихъ властей; не съ равнодушіемъ приходится имѣть дѣло, а съ систематическою, упорною и совершенно сознательною оппозиціею цѣлаго общества, исходящею изъ глубокихъ политико-религіозныхъ побужденій. И что же предлагалось какъ средство для ея одолѣнія? Учредить новое коллегіальное присутствіе, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, то есть повѣсить новую вывѣску, вмѣсто старой, и завести бланковую бумагу съ новымъ заголовкомъ! Посмотримъ, что будетъ дальше.

2) Для ближайшаго наблюденія на самомъ мѣстѣ за училищами и пробужденія въ крестьянахъ сочувствія и довѣрія къ нимъ, учредить приходскія попечительства, подъ предсѣдательствомъ приходскаго священника, изъ старшаго причетника, какъ постояннаго члена, и трехъ членовъ отъ прихода, избираемыхъ прихожанами изъ своей среды на 5 лѣтъ. На обязанность членовъ попечительствъ возложить: возможно частое посѣщеніе находящихся въ ихъ приходѣ училищъ, представленіе ежегодно отчета о состояніи ихъ епархіальному совѣту, попеченіе объ открытіи по мѣрѣ надобности вспомогательныхъ школъ и вообще изысканіе и принятіе мѣръ къ усовершенствованію положенія всѣхъ училищъ прихода.

Это мотивировалось слѣдующими соображеніями: „Въ настоящее время крестьянинъ имѣетъ только обязанности, но не имѣетъ никакихъ правъ въ отношеніи училищъ. Онъ долженъ посылать своихъ дѣтей въ школу, но худо ли, хорошо ли

Фелькерзамовъ и Эттингеновъ. Теперь, по заявленію самихъ Остзейцевъ, въ тамошнемъ краѣ, одна партія—конституціонная (die Verfassungspartei) иначе: антигосударственная.

идутъ школьныя дѣла, онъ не можетъ имѣть на нихъ вліянія. При этомъ условіи, дѣла школы становятся для него чужими и теряютъ въ глазахъ его всякій интересъ. Управляемыя же попечительствомъ изъ выборныхъ отъ крестьянъ, школы пріобрѣтутъ къ себѣ общее довѣріе, а въ этомъ заключается главное условіе для того, чтобы дѣти охотно посылались въ школы".

Здѣсь все, что говорится о тогдашнемъ положеніи школъ, фактически невѣрно, а несбыточныя ожиданія, относимыя къ будущему, свидѣтельствуютъ о поразительномъ незнаніи мѣстныхъ условій. По правиламъ 1850 года (§§ 7, прим. 2, 14, 19) и по установившимся на основаніи ихъ обычаямъ, мірскому обществу предоставлялись: выборъ учителя въ вспомогательную школу и назначеніе ему жалованья; слѣдовательно, нельзя утверждать, чтобы крестьяне не имѣли никакихъ правъ въ отношеніи училищъ. На полугодичные экзамены, въ приходскихъ школахъ, приглашались крестьяне, пользовавшіеся уваженіемъ; независимо отъ этого, такъ какъ всѣ потребности православныхъ школъ, кромѣ найма помѣщенія, удовлетворялись сборами, хотя и обязательными по закону, но въ сущности добровольными, или точнѣе выпрашиваемыми, то силою вещей издавна установился обычай ничего не предпринимать и не заводить по школамъ, не заручившись напередъ согласіемъ и поддержкою прихожанъ. Не говоря уже о другихъ къ тому побужденіяхъ, учителя, священники и благочинные, по необходимости, не только не устраняли прихожанъ отъ завѣдыванія школами, а напротивъ, всѣми средствами (конечно не принудительными) привлекали ихъ къ этому дѣлу. Такимъ образомъ, въ той мѣрѣ въ какой общественное попечительство въ Лифляндіи было возможно, то есть въ смыслѣ необязательнаго и неоформленнаго участія приходскаго общества въ управленіи школами, оно уже существовало, и заявленіе, будто бы непредоставленіе крестьянамъ вліянія на школы порождало въ нихъ равнодушіе и недовѣріе, было совершенно произвольно.

Множество и частое повтореніе просьбъ отъ обществъ объ открытіи школъ указывали на противное, а жалобы отъ нихъ доходившія нисколько не относились до порядка завѣдыванія

училищами; онѣ свидѣтельствовали только о ихъ бѣдности и о недостаткѣ средствъ на ихъ содержаніе.

Мысль объ открытіи въ Лифляндіи приходскихъ коллегіальныхъ учрежденій для управленія школами есть очевидно не иное что, какъ простое перенесеніе на ея почву (не скажу даже примѣненіе) изданнаго для внутреннихъ губерній Положенія о приходскихъ попечительствахъ; но при этомъ были упущены изъ виду многія мѣстныя особенности, бросающіяся въ глаза.

Я укажу на три: во первыхъ, на значительное сравнительно съ нашими протяженіе лифляндскихъ православныхъ приходовъ; во вторыхъ, на систему односелья и на разбросанность крестьянскихъ дворовъ, отстоящихъ другъ отъ друга и отъ церкви на большихъ разстояніяхъ; въ третьихъ, на хозяйственный бытъ православнаго населенія, почти исключительно состоящаго изъ батраковъ, проживающихъ по найму у крестьянъ-хозяевъ на постоянной работѣ, или изъ бобылей, добывающихъ себѣ поденщиною скудное пропитаніе. Если бы, при такихъ условіяхъ, вздумалось кому нибудь объявить имъ, что правительство предоставляетъ православнымъ, какъ новое право, употреблять свои досуги (которыхъ у нихъ нѣтъ) на возможно частыя посѣщенія находящихся въ приходѣ училищъ, на составленіе объ нихъ отчетовъ и на изысканіе мѣръ къ ихъ усовершенствованію, то они приняли бы это за горькую насмѣшку; а если бы за дарованіемъ права послѣдовало наложеніе на нихъ обязанности не уклоняться отъ должности попечителей, то вѣроятно пришлось бы въ непродолжительномъ времени закрыть часть существующихъ школъ.

3) Учредить особыя училища для приготовленія сельскихъ учителей, одно для эстскихъ, а другое для латышскихъ приходовъ, на подобіе лютеранскихъ учительскихъ семинарій, въ видахъ постепенной замѣны спеціально подготовленными людьми елеграмотныхъ крестьянъ, нынѣ обучающихъ въ вспомогательныхъ школахъ, и нерадивыхъ причетниковъ, преподающихъ въ приходскихъ. Устройство этихъ двухъ училищъ генералъ-адъютантъ Альбединскій предполагалъ отнести на школьный капиталъ (12 тыс. руб.), а содержаніе на ежегод-

ное пособіе Высочайше дарованное на улучшеніе школъ (10 тыс. руб.). Но генералъ-губернатору конечно не безизвѣстно было, что послѣдняя сумма имѣла уже опредѣленное назначеніе; она употреблялась безъ остатка на наемъ помѣщеній и вообще на поддержаніе вспомогательныхъ школъ, которыя безъ этого пособія положительно не могли бы существовать; слѣдовательно нельзя было обращать ея, не только сполна но даже и отчасти, на содержаніе предполагаемыхъ семинарій. Что же касается до такъ называемаго школьнаго капитала, то, не говоря уже о томъ, что, какъ фондъ на устройство двухъ семинарій, онъ былъ бы недостаточенъ, правительство едва ли имѣло основаніе присвоивать себѣ право располагать имъ по своему усмотрѣнію, помимо лифляндскаго епархіальнаго начальства; ибо онъ, какъ объяснено было выше, составился накопленіемъ добровольныхъ вычетовъ изъ жалованій при опредѣленіи въ церковныя должности.

4) Выбирать въ причетники людей болѣе грамотныхъ, выдержавшихъ извѣстное испытаніе, по крайней мѣрѣ въ курсѣ приходскихъ училищъ, и назначать имъ хотя временныя пособія за преподаваніе въ училищахъ.—Изъ какихъ суммъ?—не объяснено.

5) Опредѣленіе содержанія учителямъ вспомогательныхъ школъ оставить на прежнемъ основаніи, то есть по соглашенію ихъ съ крестьянскими обществами, при участіи училищныхъ попечительствъ, возложивъ на послѣднія наблюденіе за точнымъ исполненіемъ заключенныхъ условій; сверхъ того, назначать учителямъ пособія отъ правительства въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне не въ состояніи будутъ положить имъ достаточное содержаніе.

Пособіе изъ десятитысячной суммы отпускалось въ подобныхъ случаяхъ и прежде; слѣдовательно, при предположенномъ въ пунктѣ 3 обращеніи этой суммы на другой предметъ, вознагражденіе получаемое учителями вспомогательныхъ школъ, въ общей сложности, нисколько бы не увеличилось, а недостаточность его, по совершенно справедливому замѣчанію генералъ-губернатора, ставила въ необходимость довольствоваться елеграмотными крестьянами, при которыхъ ученіе не могло идти успѣшно. Для привлеченія къ этому дѣлу людей

болѣе способныхъ, было бы необходимо назначить имъ соотвѣтсвенное ихъ познаніямъ и способностямъ содержаніе, а такой расходъ былъ бы не по силамъ крестьянскимъ обществамъ. Генералъ-губернаторъ указалъ на это затрудненіе и думалъ отъ него отдѣлаться предположеніемъ, что воспитанники семинарій охотно будутъ поступать въ учительскія должности, даже при самомъ скромномъ содержаніи, въ виду личныхъ льготъ, сопряженныхъ съ учительскою должностью; но вѣдь тѣми же льготами пользовались и прежніе учителя, а будущіе, болѣе образованные и лучше приготовленные, конечно, стали бы требовательнѣе.

6) Въ видахъ побужденія крестьянъ къ изученію русскаго языка, сократить срокъ военной службы, примѣрно, на два года, для лицъ знающихъ русскую грамоту.—Эта мѣра несомнѣнно принесла бы пользу на всѣхъ нашихъ окраинахъ, не исключая и прибалтійской; но не должно однако забывать, что именно въ остзейскихъ губерніяхъ она оказалась бы менѣе дѣйствительною чѣмъ, гдѣ либо. Тамъ, сокращеніе срока военной службы послужило бы поощреніемъ къ изученію русскаго языка только для безземельныхъ работниковъ и бобылей и нисколько бы не подѣйствовало на цѣлый классъ крестьянъ-хозяевъ (Wirthe), тотъ самый, на который преимущественно обращены усилія германизаторовъ. Весь этотъ классъ и безъ того уже, по дѣйствующимъ нынѣ законамъ, пользуется совершеннымъ изъятіемъ отъ рекрутской повинности. Крестьяне-хозяева пріобрѣтаютъ эту драгоцѣннѣйшую изъ всѣхъ льготъ самымъ фактомъ арендованія или покупки у помѣщиковъ дворовъ извѣстнаго размѣра и, разумѣется, оплачиваютъ ее вотчиннымъ конторамъ подъ названіемъ добровольной платы за землю.

Нѣтъ сомнѣнія, что такой порядокъ вещей рѣшительно несовмѣстенъ съ системою общеобязательной военной повинности, но изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, чтобъ онъ отжилъ свой вѣкъ и чтобы дни его были изочтены. Замаскированная продажа рекрутскихъ квитанцій такъ выгодна для дворянства, что оно, безъ сомнѣнія, будетъ отстаивать ее до послѣдней возможности, а общіе порядки, установляемые для всей имперіи, по всѣмъ частямъ законодательства, приви-

ваются къ остзейскому краю такъ туго, что еще далеко неизвѣстно, за кѣмъ и въ этомъ случаѣ останется побѣда: за общимъ ли законодательнымъ принципомъ или за провинціальнымъ, дворянскимъ интересомъ?

Вотъ и все, что придумалъ остзейскій генералъ-губернаторъ для улучшенія православныхъ сельскихъ школъ. Записка его поражаетъ не столько бѣдностью своего содержанія, сколько систематическимъ умолчаніемъ о самыхъ существенныхъ сторонахъ дѣла, которыхъ нельзя было проглядѣть и нельзя было обойти непреднамѣренно. Говоря простонароднымъ языкомъ, авторъ не посмѣлъ ухватить чорта за рога.

Объ упорномъ противодѣйствіи дворянства отводу мѣстъ для постройки школъ и найму временныхъ помѣщеній у крестьянъ не сказано ни слова, хотя устраненіе этого препятствія прямо входило въ кругъ дѣятельности мѣстной администраціи. Вопросъ о томъ: должно ли быть посѣщеніе православныхъ школъ строго обязательно и если должно, то какимъ образомъ обезпечить дѣйствительное исполненіе этой обязанности, при дознанныхъ послабленіяхъ мірскихъ, вотчинныхъ и приходскихъ властей всякаго рода уклоненіямъ отъ нея—этотъ вопросъ даже не затронутъ, хотя епархіальное начальство много разъ на него указывало, настаивая на примѣненіи къ православнымъ школамъ тѣхъ самыхъ дисциплинарныхъ правилъ, которыя такъ строго и бдительно соблюдались въ лютеранскихъ.

Не обращено никакого вниманія на неоднократныя предложенія нѣкоторыхъ достойныхъ православныхъ священниковъ, вызывавшихся, за самое умѣренное вознагражденіе, взять на свое попеченіе нѣсколькихъ мальчиковъ, изъ наиболѣе даровитыхъ учениковъ своихъ, и приготовлять изъ нихъ будущихъ учителей для вспомогательныхъ школъ [1]). хотя, впредь

[1]) Напримѣръ, Эзельскій благочинный Вальдемановскій, по собственной своей иниціативѣ и безъ всякаго пособія со стороны, началъ приготовлять крестьянскихъ мальчиковъ къ учительской должности. Открытое имъ училище посѣщалъ даже самъ генералъ-адъютантъ Альбединскій. Другой священникъ, Линденбергъ, Перновскаго уѣзда, изъявлялъ готовность, если начальство найдетъ возможность отпускать ему по 400 рублей въ годъ, открыть у себя особую школу, для той же цѣли, и представилъ программу обученія. Кокенгузенскій

до открытія предположенныхъ семинарій и даже по открытіи ихъ, это былъ бы самый сподручный и дешевый способъ удовлетворить въ мѣрѣ возможности настоятельной потребности въ преподавателяхъ, по крайней мѣрѣ для начальнаго обученія. Очевидно было, что православные прихожане не могли на собственныя свои средства поставить православныя школы въ уровень съ лютеранскими и что, для достиженія этой цѣли, мало было и десятитысячнаго пособія отъ правительства. Оставалось бы усилить въ значительной степени отпускъ изъ государственнаго казначейства, то есть отнести на средства всей имперіи удовлетвореніе мѣстной потребности одной губерніи, или обратиться къ мѣстнымъ источникамъ.

Въ губерніи, гдѣ уже введена была обязательность обученія, кажется, естественно должна бы родиться мысль: почему бы, вмѣсто такъ называемыхъ добровольныхъ дворянскихъ пожертвованій, не установить обязательнаго земскаго сбора со всей губерніи на народныя школы вообще и не опредѣлить, на томъ или другомъ основаніи, порядка распредѣленія выручки между школами православными и лютеранскими? Такая мѣра возбудила бы, конечно, въ тамошнемъ высшемъ обществѣ ропотъ негодованія, противъ котораго генералъ-губернаторъ предложившій ее, можетъ-быть, не устоялъ бы на мѣстѣ; но она была бы вполнѣ разумна и безукоризненна съ точки зрѣнія справедливости. У насъ, во внутреннихъ губерніяхъ, дворянство вѣдаетъ исключительно свои сословныя дѣла и располагаетъ только выручкой отъ тѣхъ сборовъ, которыми оно само себя облагаетъ; дѣлами же земства, удовлетвореніемъ общихъ мѣстныхъ потребностей, и въ томъ числѣ устройствомъ и содержаніемъ начальныхъ народныхъ школъ ,завѣдуютъ земскія учрежденія, пользующіяся правомъ всесословнаго обложенія въ опредѣленныхъ закономъ видахъ и границахъ. Въ остзейскомъ краѣ, учрежденій земскихъ,

---

священникъ Окновъ, который уже успѣлъ въ своей школѣ приготовить нѣсколькихъ очень дѣльныхъ причетниковъ, вызывался также готовить учителей для вспомогательныхъ школъ, если только найдено будетъ средство обезпечить имъ, по вступленіи ихъ въ должность, сколько нибудь приличное вознагражденіе. Кажется, какъ бы всего этого не знать Остзейскому генералъ-губернатору.

въ точномъ значеніи этого слова, то есть всесословныхъ или безсословныхъ, не существуетъ; ихъ замѣняютъ дворянскіе ландтаги и постоянныя дворянскія представительства, носящія разныя названія. По составу своему, эти учрежденія имѣютъ характеръ почти исключительно сословный, то есть дворянскій, а не земскій; по предоставленному же имъ кругу дѣйствія, по праву обложенія и по средствамъ, которыми они располагаютъ, они не только приравниваются къ нашимъ земскимъ, но даже пользуются большими преимуществами. Вслѣдствіе этой аномаліи, въ остзейскомъ краѣ средства мѣстнаго земства расходуются какъ частная повинность, или какъ сословная собственность. Такъ, напримѣръ, дворянство, облагая между прочимъ и казенныя земли на удовлетвореніе потребностей протестантской церкви, поддерживаетъ только лютеранскія школы и не отпускаетъ ни копѣйки на школы православныя, потому что дворянство печется о своей церкви [1]) и потому что ни въ одномъ изъ мѣстныхъ учрежденій, играющихъ роль земскихъ, другая мѣстная церковь—православная, не имѣетъ ни единаго голоса.

Въ числѣ другихъ предположеній, имѣвшихъ цѣлью привлечь на причетническія мѣста людей способныхъ быть хорошими учителями, нѣкоторые благочинные, между прочимъ, указывали на возможность, въ тѣхъ приходахъ, гдѣ устроены хоры пѣвчихъ изъ дѣтей учащихся въ школахъ, обойтись однимъ причетникомъ вмѣсто двухъ. Если бы жалованье, положенное на обоихъ въ размѣрѣ 480 р., выдавалось одному, то пошли бы въ причетники (и вмѣстѣ въ приходскіе учителя) воспитанники семинаріи, окончившіе въ ней курсъ, по крайней мѣрѣ до открытія священнической ваканціи. Объ этомъ предположеніи, одобренномъ епархіальнымъ начальствомъ, также не сказано ни слова.

Ни слова о поддержаніи существующихъ и объ учрежденіи новыхъ православныхъ братствъ, хотя это было един-

[1]) Дворянство, между прочимъ, облагаетъ казенныя мызныя угодья разнаго рода повинностями (кромѣ земскихъ) въ пользу лютеранскихъ церквей и пасторатовъ. Этотъ сборъ взимается и съ земель отведенныхъ въ надѣлъ православному духовенству. Г. Шафрановъ на это возражалъ въ 1867 году, но безуспѣшно.

ственное средство, въ то время уже испытанное въ сѣверозападномъ и даже отчасти въ остзейскомъ краѣ, возбудить въ русскомъ обществѣ участіе къ мѣстнымъ школамъ; ни слова о примѣненіи русскаго алфавита (вмѣсто нѣмецкаго) къ латышскому и эстскому языкамъ, о чемъ такъ усердно заботился и такъ много писалъ опять-таки С. Н. Шафрановъ [1]), который долго, одинъ, настаивалъ на первостепен-

---

[1]) Въ изданной имъ брошюрѣ („Латыши"—Москва 1867) С. Н. Шафрановъ показалъ, что хотя латышскій языкъ есть вовсе не смѣсь другихъ языковъ, а языкъ первобытный и своеобразный, тѣмъ не менѣе, по лексическому составу и граматическому строю, онъ наиболѣе близокъ къ славянскому. По переборѣ 4500 первобытныхъ латышскихъ словъ, оказалось въ нихъ $^1/_5$ происходящихъ отъ общихъ корней съ однозначащими русскими и только $^1/_{15}$ заимствованныхъ изъ нѣмецкаго языка. Вслѣдъ за тѣмъ, Шафрановъ, вмѣстѣ съ Яличемъ, составилъ и издалъ въ Петербургѣ латышско-русскій букварь, въ которомъ онъ, въ первый разъ, примѣнилъ къ латышскому языку русскій алфавитъ, то есть русскія буквы, вмѣсто употреблявшихся до сихъ поръ готическихъ. Онъ не разъ обращался къ преосвященному Платону съ предложеніемъ примѣнить этотъ алфавитъ къ православному катихизису и вообще къ другимъ книгамъ издаваемымъ для православныхъ Латышей; но преосвященный кажется не уразумѣлъ важности этого дѣла и отнесся къ нему холодно. Успѣшнѣе шло оно въ сѣверозападномъ краѣ. Тамъ, въ латышскія школы динабургскаго и лицинскаго уѣздовъ введены были отпечатанные русскими буквами букварь (изданный въ Вильнѣ въ 1864 году) и книга для чтенія. Тамъ же, въ 1868 году, изданы русскими же буквами „Памятники латышскаго народнаго творчества" собранные воспитанникомъ рижской духовной семинаріи Спрогисомъ. Въ 1871 году, иждивеніемъ рижскаго петропавловскаго братства и благодаря содѣйствію совѣта по дѣламъ православныхъ сельскихъ училищъ, вышли вторымъ изданіемъ Русская азбука для латышей Крауклиса и Русская азбука для Эстовъ Михкельсона. Въ обѣихъ этихъ книгахъ напечатано русскими буквами нѣсколько статеекъ на языкахъ латышскомъ и эстскомъ. Сдѣланныя до сихъ поръ попытки доказали, что нашъ алфавитъ примѣняется гораздо легче къ латышскому, чѣмъ къ эстскому языку; но изъ этого, какъ справедливо замѣчаетъ петропавловское братство въ своемъ отчетѣ за 1871 годъ, никакъ не слѣдуетъ выводить, чтобъ нужно было отказаться отъ послѣдней задачи. Ни Латыши ни Эсты не выработали себѣ *своего* алфавита; имъ навязанъ готическій, но и тотъ *примѣненъ* или *приспособленъ* къ этому употребленію введеніемъ новыхъ, условныхъ знаковъ (н. п. перечеркиваніемъ согласныхъ буквъ и т. п.) Вѣроятно ли, чтобъ рѣшительно невозможно было приспособить въ тѣхъ же видахъ русскій алфавитъ, который самъ по себѣ гораздо богаче нѣмецкаго и звуками и знаками для ихъ выраженія? Къ сожалѣнію, нѣкоторые даже изъ русскихъ смотрятъ на это дѣло съ какимъ-то

ной важности этого дѣта въ видахъ сближенія мѣстныхъ народностей съ русскою. Ни слова наконецъ о назначеніи премій для составленія необходимыхъ учебниковъ.

Весь проектъ писанъ безъ сердечнаго участія къ дѣлу, безъ всякой вѣры въ его будущность, и какъ будто для очистки совѣсти, чтобъ только поговорить о школахъ и не сказать объ нихъ ничего такого, что бы могло серьезно озаботить правительство, а тѣмъ паче подать поводъ къ столкновенію съ мѣстнымъ дворянствомъ. Въ этомъ отношеніи, коментаріемъ къ проекту служитъ не разъ уже цитованный мною отчетъ, въ которомъ генералъ-адъютантъ Альбединскій гораздо откровеннѣе высказалъ свое понятіе какъ о русскихъ

предвзятымъ недовѣріемъ и какъ-то свысока. Вотъ, между прочимъ, что̀ писалъ недавно одинъ изъ нихъ, которому мѣстныя обстоятельства должны бы быть близко знакомы:„Что касается до печатанія латышскихъ книгъ русскими буквами, то пришли къ убѣжденію, что польза отъ такихъ книгъ ощущается лишь въ предѣлахъ элементарнаго обученія дѣтей (да развѣ этого мало!) и то единственно въ видахъ скорѣйшаго ознакомленія учащихся съ чтеніетъ книгъ русской печати (бездѣлица!). Весьма сомнительно (?) чтобъ это нововведеніе обратилось у Латышей во что либо обиходное. Они для этого слишкомъ равнодушны (?), да и льнутъ-то они къ Русскимъ и къ русскому только въ воображеніи нашихъ предвзятыхъ борзописцевъ“. А множество адресовъ и просьбъ о введеніи въ сельскія школы русскаго языка? а отдача дѣтей въ русскія школы? а печатныя свидѣтельства ф. Бокка и его кореспондентовъ о настойчивыхъ требованіяхъ Латышей, вынудившихъ руководителей лютеранскихъ школъ ввести въ нѣкоторыхъ изъ нихъ обученіе русскому языку? а свидѣтельство рижскаго пастора Вендта, который такъ убѣдительно доказывалъ удобство, легкость и пользу введенія русскаго алфавита? Неужели все это существуетъ только въ воображеніи нашихъ борзописцевъ?—Вопросъ объ алфавитѣ сводится вотъ къ чему: теперь, выучиваясь своему языку, Латыши и Эсты тѣмъ самымъ выучиваются читать по нѣмецки, а буде они впослѣдствіи пожелаютъ выучиться читать по русски, то должны начинать съ азбуки. А можно бы устроить дѣло такъ, что выучиваясь своему языку, они одновременно пріобрѣтали бы ключъ къ уразумѣнію русскаго. Что лучше? Дѣло это такъ важно, что правительство должно бы было обратить на него особенное вниманіе, не щадя ни расходовъ ни трудовъ. Почему бы, напримѣръ, не издать Новаго Завѣта на латышскомъ и на эстскомъ языкахъ, русскими буквами, и не пустить этого изданія по дешевой цѣнѣ, хотя бы въ убытокъ? Почему бы также не принять русскаго алфавита для всѣхъ правительственныхъ публикацій на мѣстныхъ языкахъ? Обращаю вниманіе читателей на дѣльныя статьи по этому вопросу въ Голосѣ (1871, Nr. 19) и въ Рижскомъ Вѣстникѣ (1870, NNr. 216, 288, 1871, NNr. 17 и 32).

школахъ, такъ вообще и о будущемъ направленіи народнаго образованія въ остзейскомъ краѣ. Я приведу изъ него еще одну выписку:

„Расположеніе Латышей и Эстовъ къ Россіи и ко всему русскому всегда было шатко и неопредѣленно [1]); въ добавокъ, оно замѣтно убываетъ по мѣрѣ развитія народнаго образованія [2]). Масса православныхъ Латышей, уклоняясь болѣе и болѣе къ возврату въ лютеранство, относится ко всему русскому [3]) съ бо̀льшимъ даже недовѣріемъ, чѣмъ мѣстное лютеранское населеніе, что̀ особенно замѣтно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послѣднее сочувственно встрѣчаетъ русскія начала и обращаетъ взоры преисполненныя надеждъ къ своему Государю“.—До сихъ поръ, ни у одного изъ лютѣйшихъ враговъ православныхъ Латышей не поворачивался языкъ на такой упрекъ; но если это фактъ, а не фантазія, то съ чего бы стало правительство расходовать деньги и тратить заботы на укрѣпленіе православія посредствомъ школъ? Не гораздо ли лучше махнуть на нихъ рукою? Къ такому именно заключенію и ведетъ читателя генералъ-адъютантъ Альбединскій. Вотъ съ какимъ совѣтомъ обращается онъ къ правительству въ томъ же своемъ отчетѣ: „1) отказаться отъ всякихъ попытокъ къ обрусенію края черезъ народную массу [4]), разобщивъ ее съ высшими слоями мѣстнаго общества, ибо подобныя усилія никогда ни къ какому результату не приведутъ, такъ какъ нѣтъ возможности ни преобразовать сложившихся сельско-хозяйственныхъ отношеній, ни исторгнуть народное образованіе изъ рукъ лютеранскаго духовенства и изъ подъ вліянія помѣстнаго дворянства“.

Стало быть что̀ бы мы ни предпринимали, лѣтъ черезъ пятьдесятъ, намъ придется имѣть дѣло на балтійской нашей окраинѣ съ тѣмъ же германизмомъ, но въ лицѣ не двухъ или трехъ сословій, какъ теперь, а цѣлаго народа сплочен-

[1]) Schwankend und unbestimmt.

[2]) Bei steigender Volksbildung.

[3]) Zum Russenthum.

[4]) Auf jeden Russificirungsversuch des Landes durch die Volksmasse zu verzichten.

наго въ неразрывную массу. Знайте это напередъ и потому не утруждайте себя безплодными попеченіями.

Не правда ли, что въ этомъ совѣтѣ слышно своего рода отчаяніе, нисколько впрочемъ не трагическое, а какое-то легкое, беззаботное, почти эпикурейское. Это особый, мало еще изслѣдованный видъ современнаго нигилизма, характеризующій нашу новѣйшую школу государственныхъ дѣятелей, въ отличіе отъ старой школы, воспитанной событіями 1812—1814 годовъ—нигилизмъ не религіозный и не соціальный, а политическій, процвѣтающій не въ студентскихъ, а въ генералъ-адъютантскихъ кругахъ. Онъ слагается изъ двухъ элементовъ: изъ обожанія служебнаго комфорта и изъ полнаго невѣрія въ историческую будущность Россіи. Съ одной стороны, невѣріе естественно заставляетъ уклоняться на всѣхъ поприщахъ отъ всякой серьезной борьбы и отмахиваться отъ слишкомъ трудныхъ вопросовъ; съ другой, любовь къ покою, умственная лѣнь и разслабленіе воли, ища себѣ извиненія, находитъ его въ систематическомъ отрицаніи національнаго призванія Россіи. Такимъ образомъ установляется своего рода взаимная подслуга между дряблостью политическаго темперамента и политическою теоріею. Одна другую подкрѣпляетъ и оправдываетъ.

Въ самомъ концѣ 1869 года, состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о приведеніи въ исполненіе нѣкоторыхъ изъ предположеній генералъ-адъютанта Альбединскаго, а именно:

Главное наблюденіе за православными сельскими народными училищами въ прибалтійскихъ губерніяхъ возложено на совѣтъ по дѣламъ православныхъ сельскихъ народныхъ училищъ прибалтійскихъ губерній, состоящій подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, изъ епархіальнаго архіерея, ректора рижской духовной семинаріи, попечителя, а въ случаѣ его отсутствія помощника попечителя дерптскаго учебнаго округа и директора Александровской рижской гимназіи. Впослѣдствіи, введенъ въ этотъ совѣтъ и директоръ рижской учительской семинаріи.

Ближайшее наблюденіе за православными народными училищами возложено на приходскія попечительства, состоящія

изъ двухъ постоянныхъ членовъ, мѣстнаго приходскаго священника и старшаго причетника, и изъ трехъ членовъ прихода, избираемыхъ на 5 лѣтъ въ общемъ собраніи прихожанъ съ утвержденія совѣта. Предсѣдательствуетъ священникъ. Очередныя собранія попечительства бываютъ разъ въ недѣлю.

Для собранія на мѣстахъ свѣдѣній о состояніи училищъ и о ходѣ преподаванія и для повѣрки дѣйствій приходскихъ попечительствъ, совѣту предоставлено командировать въ приходы особыхъ ревизоровъ, въ разное время, изъ лицъ духовнаго или гражданскаго вѣдомства, по своему усмотрѣнію.

Вслѣдъ за тѣмъ, 26 января 1870 года, изданы были министерствомъ народнаго просвѣщенія новыя правила для православныхъ сельскихъ народныхъ училищъ прибалтійскихъ губерній. Въ сущности, это былъ разсмотрѣнный выше проектъ преосвященнаго Платона, нѣсколько исправленный, смягченный и получше изложенный. Для обязательной отдачи дѣтей въ школу назначенъ десятилѣтній возрастъ. Избраніе учителей въ вспомогательныя школы, назначеніе имъ жалованья отъ православныхъ членовъ общества и заключеніе съ ними условій предоставлено приходскимъ попечительствамъ, а утвержденіе избранныхъ совѣту училищъ. Неимѣющіе аттестатовъ объ окончаніи курса въ приходскомъ училищѣ или въ иномъ высшемъ учебномъ заведеніи должны выдержать предварительно экзаменъ на званіе сельскаго учителя въ собраніи приходскаго попечительства. Удаленіе учителя отъ должности предоставлено тому же попечительству, съ обязанностью доносить объ этомъ совѣту [1]).

Остальное въ правилахъ 1870 года было не ново и несущественно. Впрочемъ, никакія преобразованія въ порядкѣ завѣдыванія школами, никакія программы, ни перечисленія обязанностей учителей, священниковъ, благочинныхъ и т. д. не могли бы отозваться на практикѣ живыми результатами, еслибы, благодаря настойчивости министра народнаго просвѣщенія, одновременно не получили утвержденія другія двѣ мѣры, дѣйствительно важныя и благодѣтельныя.

Во первыхъ, положено было, для приготовленія русскихъ

[1]) Правила 26 янв. 1870, §§ 4—7, 11, 13, пр. 18.

учителей въ народныя училища прибалтійскаго края, учредить въ немъ учительскую семинарію, съ примѣненіемъ къ ней штата Молодеченской таковой же семинаріи. Она открыта была въ Ригѣ въ сентябрѣ 1870 года. Курсъ ученія продолжается три года и, слѣдовательно, первый выпускъ воспитанниковъ будетъ въ нынѣшнемъ году. На вступительный экзаменъ явилось 158 молодыхъ людей, большею частью изъ крестьянъ; подверглось испытанію до 138, принято 54, въ томъ числѣ Латышей и Эстовъ 50, изъ нихъ 11 лютеранъ [1]).

Во вторыхъ, на расходы по содержанію семинаріи, на открытіе вновь русскихъ народныхъ училищъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ и особенно: на вспоможенія учрежденнымъ или учреждаемымъ сельскими обществами училищамъ, на усиленіе содержанія учителямъ вспомогательныхъ школъ и на пособія лицамъ занимающимся приготовленіемъ русскихъ сельскихъ учителей, ассигновано было въ 1870 году до 42,500 р. а съ 1871 года 30,000 р. въ томъ числѣ на семинарію 17,810 р., на прочіе предметы 12,190 р.

Въ настоящее время, не считая расхода на семинарію, собственно на народныя православныя школы отпускается ежегодно: изъ духовно-учебнаго капитала 10 тыс. руб., по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія—12,190 р. итого 22,190 р.

Если бы все это сдѣлано было двадцатью годами раньше, въ то время, когда за дѣло народнаго образованія взялись такъ усердно дворянскія общества балтійскаго края съ спеціальною цѣлью отвлекать народъ отъ православія и отъ Россіи, тогда въ настоящую минуту правительство не стояло бы въ недоумѣніи передъ щекотливымъ вопросомъ: разрѣшать или не разрѣшать отступничество отъ господствующей вѣры?

Какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, народныя школы въ Лифляндіи имѣли отъ начала строго вѣроисповѣдной характеръ. Православныя состояли въ исключительномъ вѣдѣніи нашего духовенства, а протестантскія въ вѣдѣніи духо-

[1]) Въ офиціальномъ сообщеніи Правит. Вѣстника (1871, Nr. 46) значится, однако, что въ семинаріи приготовляются учителя для школъ въ селеніяхъ православныхъ Латышей и Эстовъ. Прошу читателей обратить вниманіе на приложеніе XVI.

венства лютеранскаго и дворянства, по праву широкаго участвія предоставленнаго послѣднему во всѣхъ дѣлахъ мѣстнаго церковно-протестантскаго управленія. Ни на тѣ ни на другія школы министерство народнаго просвѣщенія не имѣло никакого вліянія; онѣ даже не подлежали его наблюденію, и оно въ первый разъ вошло въ соприкосновеніе съ православными школами черезъ посредство новоучрежденнаго совѣта, въ которомъ дано было мѣсто нѣкоторымъ изъ его агентовъ. Нельзя сказать, чтобъ съ нашей стороны эта система введена была вслѣдствіе предпочтенія сознательно отданнаго школамъ строго вѣроисповѣднымъ передъ мірскими [1]; она установилась почти безъ нашего вѣдома и мы только допустили ее. Но лифляндское дворянство, въ этомъ случаѣ (какъ и во многихъ другихъ) болѣе дальновидное, всегда стояло за нее крѣпко и хорошо знало почему [2].

Дѣло въ томъ, что благодаря своему вѣроисповѣдному характеру, нѣмецко-лютеранскія школы, во первыхъ, поглощали всѣ денежныя средства мѣстнаго земства, собиравшіяся подъ разными названіями, по распоряженію дворянства, на народ-

---

1) Слово мірской я здѣсь употребилъ въ смыслѣ laique. Говоримъ же мы міряне въ противоположность церковникамъ, жизнь въ мірѣ, власть мірская и т. п.

2) Окончательное и полное разъединеніе народныхъ школъ по вѣроисповѣданіямъ, съ отреченіемъ дворянства отъ всякаго участія въ завѣдываніи православными училищами и съ предоставленіемъ лютеранскихъ въ исключительное завѣдываніе того же дворянства и лютеранскаго духовенства, совершилось въ 1849 году при составленіи Положенія о лифляндскихъ крестьянахъ. Проведеніе этого начала приписывается въ остзейскомъ краѣ сознательной настойчивости очень извѣстнаго покойнаго епископа Ульмана, который, по отзывамъ его земляковъ, „тѣмъ самымъ подготовилъ скандальное, вопіющее всѣхъ совершившееся крушеніе православной вѣроисповѣдной школы“. За этотъ подвигъ прибалтійская публика поминаетъ его съ глубокою признательностью, какъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ политическихъ дѣятелей, а правительство, въ 1856 году, не знаю ужъ за что, назначило его вицепрезидентомъ генеральной, лютеранской консисторіи. Передъ этимъ, Ульманъ занималъ профессорскую каѳедру въ Дерптѣ и, въ 1842 году, былъ сосланъ административнымъ порядкомъ за подстрекательство молодежи, потомъ издавалъ богословскую газету и занимался, по порученію дворянства, переустройствомъ народныхъ школъ. (Livländ. Beitr. II, 1867. Notizen aus dem Gebiete der Landvolksschule. Hamburg. Corresp. 1871, Nr. 251).

ное образованіе, а школы православныя, какъ неподвѣдомственныя дворянству, естественно лишались всякаго пособія изъ этихъ источниковъ; во вторыхъ, лютеранскія школы, какъ учрежденія церковныя, ускользали отъ всякаго контроля со стороны министерства народнаго просвѣщенія, что̀ было чрезвычайно важно для безпрепятственнаго направленія ихъ къ главной, общей цѣли: отклонить отъ Россіи и постепенно обратить къ Германіи сочувствія, надежды и помыслы народной массы.

Бывали однако съ нашей стороны попытки, правда очень слабыя и непослѣдовательныя, измѣнить этотъ порядокъ вещей и поставить правительство въ иныя отношенія къ дѣлу народнаго образованія въ остзейскомъ краѣ.

Еще въ 1837 году, графъ Уваровъ предлагалъ попечителю дерптскаго учебнаго округа дать свое заключеніе по вопросу о подчиненіи тамошнихъ сельскихъ школъ, на общемъ основаніи, надзору губернскаго директора училищъ; но тогдашній попечитель округа Крафтштремъ привелъ противъ этого тысячу резоновъ [1]) и министръ отказался отъ своей мысли, удовольствовавшись полученіемъ отъ дворянства краткихъ статистическихъ свѣдѣній о числѣ сельскихъ школъ и учащихся въ нихъ. Въ 1856 году, тотъ же вопросъ предложенъ былъ другимъ министромъ народнаго просвѣщенія, Норовымъ, кажется по иниціативѣ министра внутреннихъ дѣлъ, а возражалъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ его предшественникъ, попечитель округа Брадке. Въ 1866 году опять возникло тоже предположеніе, въ связи съ вопросомъ объ усиленіи преподаванія русскаго языка, и на сей разъ довелось возражать почтенному графу Кейзерлингу.

Записка имъ поданная, какъ и все исходившее изъ подъ его пера, не могла не произвести впечатлѣнія кажущеюся дѣльностью доводовъ и безстрастностью наставительнаго тона, не чуждаго самой тонкой, изящной ироніи. Избѣгая прямого противорѣчія, онъ ограничился заявленіемъ, что на его взглядъ, вмѣ-

[1]) Въ числѣ другихъ доводовъ онъ доказывалъ, что § 233 Устава учеб. окр., въ которомъ значится, что частныя учебныя заведенія, городскія и с е л ь с к і я, подчиняются директору училищъ, никакъ не относится къ с е л ь с к и м ъ училищамъ.

шательство правительства въ дѣло начальнаго народнаго образованія вѣроятно не привело бы къ результатамъ особенно благопріятнымъ. Можно было съ достовѣрностью предполагать, писалъ графъ Кейзерлингъ, что дворянство воспользовалось бы случаемъ освободиться отъ своихъ попеченій о школахъ, прекратить добровольныя свои пожертвованія на ихъ содержаніе и сложить съ себя всякую по этой части отвѣтственность. Стало быть: пожалуй, попробуйте, коли у васъ чешутся руки, но знайте напередъ, что вы останетесь безъ денегъ и что забранныя вами школы закроются. Это былъ своего рода вызовъ, котораго мы не приняли. Можно бы было конечно отвѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ лучше вовсе отказаться отъ иной заботливости, чѣмъ пользоваться ею, когда дознанное направленіе ея противно интересамъ государства; что, напримѣръ, лучше бы было оставить иную каѳедру въ Дерптѣ вовсе незамѣщенною, чѣмъ сажать на нее какого нибудь Ширрена и, подъ названіемъ русской исторіи, преподавать съ нея на казенный счетъ провинціальный сепаратизмъ; что большая часть средствъ на содержаніе сельскихъ школъ шла въ то время и теперь идетъ отъ крестьянскихъ обществъ, а не отъ дворянства; наконецъ, что правительство имѣло бы полное право и совершенно разумное основаніе установить, въ случаѣ надобности, особый обязательный земскій сборъ на народныя училища, въ которомъ, наравнѣ съ другими сословіями, участвовало бы и дворянство — но, до серьезнаго диспута дѣло кажется не дошло. Далѣе графъ Кейзерлингъ, зная хорошо, что радикально покончить съ любымъ проектомъ гораздо легче подвернувъ взамѣнъ его что нибудь на видъ похожее, чѣмъ ограничиваясь простымъ отрицаніемъ предложеннаго, давалъ правительству слѣдующій совѣтъ: чтобъ дать крестьянамъ возможность учиться по русски, если ужъ это непремѣнно нужно, не лучше ли правительству, на свой счетъ, посылать молодыхъ людей, готовящихся въ учителя сельскихъ школъ, на извѣстное число лѣтъ въ одну изъ внутреннихъ губерній гдѣ существуютъ учительскія семинаріи (которыхъ въ то время нигдѣ не существовало) учиться русскому языку съ выдачею имъ стипендіи, а потомъ опредѣлять ихъ въ сельскія школы казенныхъ имѣній.

Кто даетъ волю своимъ прихотямъ и заводитъ оранжереи, звѣринцы или русскія школы, тотъ дѣлай это по крайней мѣрѣ на свой счетъ и у себя, не тревожа сосѣдей — вотъ что внушалъ намъ учтивымъ образомъ бывшій попечитель дерптскаго округа и, разумѣется, противъ его діалектики намѣренія правительства не устояли.

Какая школа лучше для начальнаго обученія: вѣроисповѣдная или мірская, и кому приличнѣе орудовать образованіемъ массъ: духовенству или чиновникамъ? — это такой вопросъ, на который едвали можно искать принципіальнаго, абсолютновѣрнаго разрѣшенія, одинаково примѣнимаго ко всѣмъ мѣстностямъ, эпохамъ и обстоятельствамъ. Ограничивая его одною современною Лифляндіею и не отрицая, что по отношенію собственно къ ней можно сказать многое въ пользу системы мірскаго обученія, я однако думаю, что выгоды ея перевѣшиваются ея невыгодами и что преобразованіе православныхъ школъ изъ вѣроисповѣдныхъ въ мірскія было бы положительно вредно, даже при одновременномъ преобразованіи лютеранскихъ школъ съ подчиненіемъ ихъ министерству народнаго просвѣщенія. На чемъ основано мое убѣжденіе, читатели увидятъ ниже. Но можно бы сдѣлать еще хуже, именно: стереть съ православныхъ школъ ихъ вѣроисповѣдный характеръ, изъять ихъ изъ церковнаго вѣдомства и передать ихъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, а нѣмецко-лютеранскія школы оставить при ихъ строго вѣроисповѣдномъ характерѣ, въ исключительномъ безконтрольномъ распоряженіи лютеранскаго духовенства и мѣстнаго дворянства.

Трудно повѣрить, а на эту-то именно мысль и набрели нынѣшніе генералъ-губернаторъ остзейскаго края, князь Багратіонъ, и попечитель дерптскаго округа г. Жерве.

Первому изъ нихъ прежде всего почему-то крайне не понравилась вывѣска повѣшенная его предмѣстникомъ; я разумѣю тотъ самый совѣтъ по дѣламъ православныхъ сельскихъ училищъ, отъ котораго генералъ-адъютантъ Альбединскій ожидалъ такихъ чудесъ и на который онъ возлагалъ столько надеждъ.

Со времени его открытія, не прошло полныхъ двухъ годовъ и вотъ ужь главный начальникъ края радикально порочитъ это

учрежденіе поставившее, по его словамъ, сельскія православныя школы въ крайне неопредѣленное положеніе. Отсюда все зло. Этою неопредѣленностью „подрывается между прочимъ всякое довѣріе къ дѣльности и цѣлесообразности производящихся въ православныхъ школахъ учебныхъ занятій“ [1]) и изъ нея представляется только одинъ, за то несомнѣнно вѣрный и спасительный выходъ: „надзоръ надъ православными школами по учебной части предоставить исключительно вѣдомству народнаго просвѣщенія“.— Только тогда станутъ онѣ въ уровень съ протестантскими.

Въ пользу этого предложенія генералъ-губернаторъ приводилъ слѣдующіе мотивы: „подчиненіе православныхъ школъ министерству будетъ первымъ, естественнымъ шагомъ къ осуществленію давнишняго предположенія объ установленіи отношеній министерства къ дѣлу народнаго образованія въ краѣ на соотвѣтствующихъ (чему?) началахъ“, то есть къ подчиненію тому же министерству и на тѣхъ же основаніяхъ народныхъ училищъ лютеранскихъ.

Здѣсь самъ собою рождается цѣлый рядъ вопросовъ: если признается нужнымъ, или чему-то соотвѣтствующимъ, передать вообще народное образованіе въ вѣдѣніе министерства, то почему же естественнѣе начинать съ подчиненія ему училищъ православныхъ, отложивъ на неопредѣленное время подчиненіе протестантскихъ? Если нужно подчинить первыя только для возстановленія будто бы несуществующаго довѣрія къ нимъ, для улучшенія въ нихъ системы преподаванія и вообще для подъема ихъ до уровня протестантскихъ, которыми князь Багратіонъ восхищается, то всѣ эти соображенія положительно непримѣнимы къ послѣднимъ, то есть къ протестантскимъ училищамъ, и первый шагъ никоимъ образомъ не оправдаетъ втораго; если же подчиненіе обусловливается причинами инаго свойства, напримѣръ дознанною необходимостью вырвать изъ рукъ остзейскаго германизма сильнѣйшее орудіе онѣмеченія народа, то не гораздо ли

[1]) Какая-то особеннаго рода тяжеловѣсность и безграмотность изложенія наводитъ на предположеніе, что оригиналъ этой бумаги писанъ для князя Багратіона не по русски и что мы имѣемъ передъ глазами переводъ съ нѣмецкаго

естественнѣе поступить обратнымъ порядкомъ, то есть, оставивъ въ покоѣ православныя школы, въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ совершенно безвредныя, и, не теряя времени, подчинить министерству протестантскія? Во всякомъ случаѣ, было бы гораздо легче совладать съ мѣстною оппозиціею при одновременномъ подчиненіи всѣхъ безъ изъятія школъ одному общему порядку, чѣмъ тогда, когда, покончивъ дѣло съ православными школами, пришлось бы начинать новую кампанію исключительно противъ школъ лютеранскихъ. Наконецъ, неужели князь Багратіонъ не убѣдился еще въ томъ, что первый шагъ сдѣланный въ Россіи, или въ примѣненіи къ чему либо русскому общихъ законодательныхъ началъ признанныхъ правительствомъ, отнюдь не облегчаетъ второго шага, то есть примѣненія тѣхъ же началъ къ остзейскому краю? Примѣровъ передъ глазами кажется довольно. У насъ давно отнятъ у дворянства выборъ полицейскихъ чиновниковъ, введено въ городахъ дѣйствительно общественное управленіе, открыты для хозяйственныхъ дѣлъ земства всесословныя учрежденія, устроены правильные суды; а много ли послѣ этихъ первыхъ шаговъ сдѣлано было дальнѣйшихъ къ распространенію тѣхъ же реформъ на прибалтійскій край?

Другой мотивъ: „съ подчиненіемъ православныхъ народныхъ училищъ въ учебномъ отношеніи министерству народнаго просвѣщенія окажется удобнѣе ввести въ нихъ преподаваніе лютеранскаго закона, чѣмъ устранится поводъ для лютеранскаго духовенства отклонять лютеранское населеніе отъ посѣщенія православныхъ школъ, которыми населеніе это могло бы пользоваться для изученія русскаго языка“.

Установить преподаваніе двухъ вѣроученій въ городѣ, въ какомъ нибудь высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи въ гимназіи или въ семинаріи, гдѣ есть нѣсколько учителей, подчиненныхъ одному директору, нѣсколько классовъ и нѣсколько учебныхъ комнатъ, конечно дѣло немудреное; но трудно даже представить себѣ, какимъ образомъ могъ бы быть примѣненъ тотъ же порядокъ къ сельскимъ начальнымъ школамъ, въ которыхъ всѣ предметы преподаются однимъ учителемъ, иногда учителемъ и его помощ-

никомъ, въ одной комнатѣ, много въ двухъ, и гдѣ этотъ учитель есть вмѣстѣ и начальникъ училища? Не гораздо ли проще остаться при инструкціи 1845 года и настоять на томъ, чтобъ она самовольно не нарушалась, то есть чтобъ дозволялось посѣщать православныя школы дѣтямъ всякаго исповѣданія?

Генералъ-губернаторъ повидимому довольствуется малымъ; онъ хочетъ только устранять поводъ, которымъ пользуется нынѣ лютеранское духовенство для отклоненія своихъ прихожанъ отъ посѣщенія православныхъ училищъ, именно поводъ—выраженіе подобрано вѣрно—но сила не въ поводѣ; отнимите одинъ, явится завтра другой, и недостатка въ нихъ никогда не окажется. Нужно дѣйствовать не противъ поводовъ или предлоговъ, а противъ дѣйствительныхъ причинъ и намѣреній, которыя въ настоящемъ случаѣ выказываются такъ явно, что не видѣть и не признавать ихъ можетъ только тотъ, кто нарочно закрываетъ глаза.

Къ предположенію генералъ-губернатора присоединился и попечитель округа. Онъ также совѣтовалъ надзоръ за всѣми православными школами по учебной части предоставить исключительно министерству, черезъ попечителя округа, при чемъ однако почему-то находилъ возможнымъ и нужнымъ оставить по прежнему за училищнымъ совѣтомъ отвѣтственность за благосостояніе училищъ и главное и общее ими завѣдываніе.—Главное и общее безъ участія въ надзорѣ за преподаваніемъ!

Во всемъ этомъ понятны, по крайней мѣрѣ, побужденія: князю Багратіону, предсѣдательствующему въ совѣтѣ, хотѣлось отъ него избавиться и сложить съ себя всякую заботу о православныхъ училищахъ, а попечитель округа думалъ, вѣроятно, что онъ услужитъ своему вѣдомству, расширивъ кругъ его правъ и обязанностей; но есть слухъ, крайне впрочемъ невѣроятный, будто бы и весь совѣтъ, in corpore, усвоилъ себѣ мысль генералъ-губернатора. Трудно однако предположить, чтобы преосвященный Веньяминъ и ректоръ рижской духовной семинаріи могли не понять, какимъ опасностямъ подверглось бы православіе въ Лифляндіи, еслибъ осуществилось это легкомысленное предположеніе, и не хотѣлось бы

вѣрить, чтобы, предусмотрѣвъ ихъ, они смолчали и подались на уступку.

Сношенія съ министерствомъ по этому предмету, начавшіяся гораздо раньше и возобновившіяся въ исходѣ 1870 года, не остались тайною для остзейской публики и конечно сильно ее встревожили. Само собою разумѣется, что пасторовъ и дворянъ интересовала не судьба православныхъ училищъ, а дошедшій до нихъ темный слухъ, что обсуждается какое-то предположеніе о подчиненіи министерству всѣхъ вообще училищъ, въ томъ числѣ и лютеранскихъ. Слухъ этотъ такъ ихъ напугалъ, и они такъ хорошо поняли важность его, что сразу прибѣгли къ крайнему средству противодѣйствія, небезопасному для нихъ самихъ, и до котораго они вообще не большіе охотники, именно: они начали подъ рукою стращать народъ и подготовлять народныя манифестаціи.

Одинъ православный священникъ недавно писалъ: „Я достовѣрно узналъ отъ многихъ моихъ прихожанъ и мірскихъ судей, что О... пасторъ собираетъ народъ въ О..., а лютеранскіе школьмейстеры повсюду по деревнямъ, и убѣждаютъ его послать отъ себя заявленіе о нежеланіи своемъ, чтобъ сельскія школы были изъяты изъ вѣдѣнія пасторовъ и подчинены непосредственному вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія и чтобы въ сихъ школахъ преподавался русскій языкъ. Школьмейстеры объявляютъ народу, что непремѣнно нужно послать начальству такое заявленіе, ибо де, въ противномъ случаѣ, впредь будутъ обучать только дѣтей богатыхъ родителей, которые въ состояніи будутъ платить ежегодно за каждаго ребенка отъ 12 до 14 руб., а дѣтей бѣдныхъ родителей вовсе не будутъ принимать въ школы [1]). Не смотря на такое стращаніе, большая часть крестьянъ не соглашается ставить кресты подъ написанными у школьмейстеровъ заявленіями. Вслѣдствіе этого П..., школьмейстеръ въ деревнѣ К..., упросилъ помощника старшины созвать народъ въ домъ, гдѣ помѣщается волостной судъ, чтобы тамъ отобрать подписи; но и здѣсь крестьяне не соглашались, а нѣкоторые

[1]) Это не подстрекательство, не злонамѣренное разглашеніе завѣдомо ложныхъ слуховъ?

изъ присутствовавшихъ сказали даже школьмейстеру: „насъ довольно долго обманывали, пусть хоть теперь Государь сдѣлаетъ для насъ то, что ему угодно“.—Школьмейстеръ же отвѣчалъ: „если вы несогласны ставить кресты, я и безъ васъ изъ мызныхъ батраковъ наберу столько людей, готовыхъ на то, что господа, собравшись на ландтагъ въ Ригу, все таки будутъ имѣть основаніе представить, что народъ желаетъ оставленія школъ на прежнемъ основаніи“. Сколько я могъ узнать отъ прихожанъ, по сіе время подписались немногіе, преимущественно въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ нѣтъ православныхъ; подписались также и тѣ православные, которые уклонялись въ лютеранство. Достовѣрно не могу сказать, откуда пасторъ и школьмейстеры взяли, будто бы сельскія школы будутъ подчинены министерству народнаго просвѣщенія и въ нихъ введено будетъ обученіе русскому языку; но народъ утверждаетъ, что предписаніе объ этомъ получено въ приходскомъ судѣ, который будто бы, ничего не объявляя мірскимъ судамъ, препроводилъ его къ пастору на его усмотрѣніе“.

Изъ другаго, нѣсколько позднѣйшаго извѣстія, полученнаго изъ другой мѣстности, можно заключить, что слухи, распущенные въ народѣ, произвели на него дѣйствіе прямо противоположное ожидаемому. Вотъ что писалъ въ концѣ прошлаго года одинъ лютеранскій сельскій учитель изъ Латышей: „Народъ началъ составлять просьбы о томъ, чтобъ сельскія школы перешли въ вѣдѣніе правительства, дабы дѣти могли учиться по-русски. Узнавъ объ этомъ, пасторъ собралъ въ пасторатъ школьмейстеровъ и церковныхъ старостъ и сказалъ имъ: „Идите и разъясните народу, на что онъ напрашивается себѣ же на зло. Вѣдь если школы поступятъ въ завѣдываніе попечителя округа, то онъ потребуетъ себѣ, по малой мѣрѣ, 1000 руб. добавочнаго жалованья, да инспектору рублей 500. Въ состояніи ли народъ выплачивать такую сумму? Сверхъ того, правительство въ каждую школу назначитъ учителемъ стараго унтеръ-офицера, а вы, школьмейстеры, останетесь безъ мѣстъ, и слово Божіе изъ школъ изгонится“. Наставленные, такимъ образомъ, бѣдные, малодушные школьмейстеры и старосты должны были идти уго-

варивать народъ къ подачѣ прошеній объ оставленіи школъ подъ управленіемъ пасторовъ. Велѣно было записывать имена подававшихся на эти убѣжденія, дабы отъ ихъ лица изготовить новую просьбу и тѣмъ выставить въ невыгодномъ свѣтѣ, какъ пустыхъ агитаторовъ, подателей первой просьбы. Эту первую просьбу подписалъ и я, а послѣдующаго приказанія пастора не исполнилъ. За это онъ на меня негодуетъ, преслѣдуетъ меня насмѣшками и всѣми способами старается мнѣ вредить".—Читатели скажутъ, что это не болѣе какъ одностороннее заявленіе одного лица, можетъ быть и не заслуживающее вѣры. Я и не выдаю его за доказанный фактъ, но прошу припомнить кстати другое извѣстіе, идущее изъ противоположнаго лагеря—письмо лифляндскаго корреспондента г. ф. Бокка имъ напечатанное, въ которомъ говорится о какихъ-то внушеніяхъ, подъ рукою сдѣланныхъ народу въ видахъ предостереженія его по поводу слуховъ о намѣреніяхъ правительства взять сельскія школы подъ свое наблюденіе. Одно къ одному! [1])

Виды министерства народнаго просвѣщенія мнѣ положительно неизвѣстны. Какъ приняло оно мысль князя Багратіона и что оно отвѣчало — не знаю; но сомнѣваюсь, чтобъ графъ Толстой, которому издавна и хорошо извѣстенъ обыкновенный ходъ и исходъ всѣхъ преобразованій предпринимаемыхъ въ остзейскомъ краѣ, могъ увлечься подаваемою ему надеждою будто бы, подчинивъ себѣ православныя школы, онъ тѣмъ самымъ подготовитъ и вынудитъ распространеніе правительственнаго надзора на протестантскія.

Какъ бы то ни было, судьба православныхъ училищъ виситъ теперь на волоскѣ и потому не мѣшаетъ уяснить себѣ значеніе и вѣроятныя послѣдствія идущихъ изъ Риги проектовъ. Повторяю опять: я оставляю совершенно въ сторонѣ общій вопросъ о преимуществахъ той или другой системы начальнаго народнаго обученія, вѣроисповѣдной и мірской, а разсматриваю его исключительно по отношенію къ теперешней Лифляндіи, въ связи со всею мѣстною обстановкою,

[1]) Есть и другія извѣстія, совершенно сходныя, доказывающія, что пасторы повсемѣстно дѣйствовали на народъ разглашеніемъ завѣдомо ложныхъ слуховъ. См. Моск. Вѣд. 189. Nr. 83.

въ виду настоящихъ цѣлей правительства, его теперешнихъ средствъ, умственныхъ и вещественныхъ, наконецъ принимая въ соображеніе ту степень устойчивости и послѣдовательности въ своихъ предпріятіяхъ, которой можетъ ожидать отъ самого себя, не говорю правительство вообще, а именно наше, теперешнее.

Прежде всего, нужно уяснить понятія.

Имѣть надъ школами право надзора или контроля и завѣдывать школами или управлять ими— далеко не одно и тоже. Подъ правомъ надзора я разумѣю: участіе правительства въ выдачѣ разрѣшеній на открытіе школъ, въ утвержденіи программы преподаванія, то есть предметовъ и объема его, равно какъ и разрѣшаемыхъ къ употребленію учебниковъ, въ опредѣленіи условій требуемыхъ для пріобрѣтенія права обучать, въ испытаніи испрашивающихъ себѣ этого права и въ выдачѣ разрѣшеній на преподаваніе, наконецъ право, во всякое время, назначать отъ себя ревизіи надъ школами и, въ извѣстныхъ случаяхъ, удалять учителей. Право надзора понятое въ этомъ смыслѣ можетъ и должно распространяться на всѣ вообще учебныя заведенія, отнюдь не требуя и не предполагая преобразованія ихъ въ мірскія. Доказательствомъ тому служатъ наши церковно-приходскія школы, которыя, на одинаковомъ основаніи съ земскими, общественными и частными, подчиняются общему, установленному надъ ними контролю. Для того, чтобы правительство дѣйствительно могло пользоваться правомъ надзора, не представляется никакой надобности забирать всѣ учебныя заведенія въ исключительное вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, а вполнѣ достаточно имѣть въ общественныхъ, сословныхъ и церковныхъ учрежденіяхъ ими завѣдующихъ, хоть по одному агенту, который бы пользовался въ извѣстныхъ случаяхъ прокурорскою властью, то есть правомъ остановить рѣшеніе или распоряженіе и перенести дѣло въ высшую правительственную инстанцію.

Въ новѣйшихъ рижскихъ проектахъ, о подчиненіи лютеранскихъ народныхъ школъ надзору министерства народнаго просвѣщенія говорится вскользь, какъ о чемъ то очень еще отдаленномъ, но въ настоящее время ненужномъ или невозмож-

номъ; за то относительно школъ православныхъ (вспомогательныхъ, приходскихъ и учрежденныхъ братствами) требуется непосредственное подчиненіе ихъ въ учебномъ отношеніи исключительно вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. Изъ этого само собою вытекаетъ, что совѣту по дѣламъ православныхъ сельскихъ училищъ оставалось бы только заниматься хозяйственною частью (что прямо высказано въ проектѣ) и такимъ образомъ архіерей, благочинные и все мѣстное православное духовенство лишилось бы всякаго голоса въ общемъ направленіи учебныхъ заведеній, за которыми всетаки оставляется названіе православныхъ. Мало того, въ томъ же проектѣ заявляется, какъ одна изъ главныхъ цѣлей предлагаемой мѣры, намѣреніе ввести въ эти школы преподаваніе лютеранскаго закона, что́ совершенно равносильно упраздненію ихъ вѣроисповѣднаго характера. Всякій понимаетъ, что съ допущеніемъ въ школу двухъ преподавателей закона Божія, православнаго и лютеранскаго, тотъ и другой ставятся на степень равноправныхъ учителей, но тогда уже ни тотъ ни другой не можетъ быть въ ней главнымъ лицемъ, которому она подчиняется и которое отвѣчаетъ за нее во всѣхъ отношеніяхъ; равномѣрно ни благочинный ни оберъ-пробстъ не можетъ быть надъ ней ни ревизоромъ ни руководителемъ. Всѣ эти обязанности и сопряженныя съ ними права естественно должны перейти къ чиновникамъ министерства, и школа, теряя окончательно прежній свой характеръ, дѣлается мірскою.

Итакъ, относительно православныхъ школъ, проектъ требуетъ для правительства гораздо болѣе простаго надзора, а относительно протестантскихъ, не требуетъ пока ровно ничего. Я спорю противъ этого болѣе и противъ этого ничего.

Мнѣ кажется, что право надзора, понятое въ томъ смыслѣ въ какомъ оно опредѣлено выше, это право по существу своему чисто предупредительное, слѣдовательно болѣе отрицательное чѣмъ положительное, должно распространяться на всѣ школы безъ изъятія и что оно гораздо необходимѣе въ примѣненіи къ школамъ протестантскимъ чѣмъ къ школамъ православнымъ.

Недавно, при обсужденіи въ прусской палатѣ депутатовъ предложенія объ устраненіи членовъ католическихъ монашескихъ орденовъ и конгрегацій отъ преподаванія въ народныхъ школахъ, министръ просвѣщенія Фалькъ произнесъ слѣдующія слова: „Нельзя оспоривать у правительства права ставить себѣ вопросъ: воспитываютъ ли учителя ввѣренную имъ молодежь въ такой преданности своему отечеству и въ такомъ повиновеніи законамъ, чтобъ она, въ зрѣломъ возрастѣ, искала точки опоры для всего нравственнаго своего бытія и руководства для своихъ дѣйствій внутри отечества, а не внѣ его“[1]). — Это сказано какъ будто для насъ. Теперешняя протестантская школа въ прибалтійскомъ краѣ есть не иное что какъ своего рода лабораторія, въ которой Латыши и Эсты перерабатываются въ Нѣмцевъ, умственно отрываются отъ Россіи и пріучаются всѣми своими помыслами и надеждами обращаться къ Германіи, молиться на нее. Успѣхами своими въ этомъ направленіи хвалятся громко, во всеуслышаніе, печатно и съ каѳедръ, остзейскіе заграничные публицисты; наконецъ самъ бывшій генералъ-губернаторъ Альбединскій недавно рѣшился объявить объ этомъ по секрету высшему правительству. Это одна изъ причинъ невольно заставляющихъ правительство иногда оглядываться съ безпокойствомъ на остзейскій край. Оно чувствуетъ, что на немъ лежитъ обязанность прекратить эксплоатацію народной школы какъ политическаго орудія для достиженія антирусскихъ цѣлей, но оно просто боится приступить къ дѣлу, оно пасуетъ [2]). Что касается до школъ православныхъ, то правительственный надъ ними надзоръ, въ той мѣрѣ, въ какой онъ нуженъ для предупрежденія всякой злонамѣренной или односторонней тенденціи, и въ настоящее время болѣе чѣмъ достаточенъ. Стоитъ лишь вспомнить, что онѣ подчинены совѣту, въ которомъ предсѣдательствуетъ генералъ-губернаторъ и засѣдаютъ архіерей, ректоръ духовной семинаріи и два лица отъ мини-

[1]) Любопытно бы было уяснить себѣ: многоли бы осталось отъ теперешняго штата дерптскаго университета, если бы правительство вздумало обревизовать его серьезно, именно съ этой точки зрѣнія?

[2]) Это вѣдь не то, что идти въ атаку на нашихъ городскихъ головъ и на совѣтниковъ губернскаго правленія.

стерства народнаго просвѣщенія, стало быть исключительно лица по назначенію отъ правительства.

Но въ отношеніи къ православнымъ школамъ предстоитъ совершенно иная задача. Тутъ нужно не сдерживать и не обуздывать, а помогать, поощрять, подталкивать и вести впередъ. Поставить православное населеніе края въ условія одинаково благопріятныя съ протестантскимъ, относительно общедоступности, количества и качества средствъ къ начальному образованію, можетъ только высшее правительство. Безъ его помощи, православныя школы существовать не могутъ. Кромѣ отпуска денежныхъ средствъ на ихъ содержаніе, на немъ лежитъ обязанность снабжать ихъ спеціально подготовленными учителями, издавать для нихъ учебники, вводить русскій алфавитъ, знакомить наше тамошнее духовенство съ современными педагогическими пріемами, слишкомъ медленно проникающими въ клерикальную среду. Кажется, что оно хоть и поздно, при нынѣшнемъ министрѣ народнаго просвѣщенія, взялось за это дѣло серьезно и толково. По крайней мѣрѣ сдѣланъ починъ: благодаря настойчивости графа Д. А. Толстаго, ассигнована постоянная субсидія изъ государственнаго казначейства, издано нѣсколько книгъ для Латышей [1]), наконецъ—и это важнѣе всего: открыта учительская семинарія.

Но для дальнѣйшаго слѣдованія этимъ путемъ и для достиженія указанныхъ цѣлей не предстоитъ никакой надобности въ коренномъ измѣненіи существующаго порядка завѣдыванія православными школами и въ окончательной передачѣ ихъ съ рукъ духовенства на руки министерства. То немногое что въ Лифляндіи было сдѣлано для народнаго образованія съ 1850 года по настоящее время, на грошевыя средства, при полнѣйшемъ отсутствіи участія со стороны главнаго мѣстнаго начальства, при систематическомъ противодѣйствіи всего дворянства, лютеранскаго духовенства и всѣхъ мѣстныхъ властей, общественныхъ и коронныхъ, начиная отъ волостныхъ правленій и судовъ и кончая дворянскимъ конвентомъ, отнюдь

[1]) Въ томъ числѣ первый русско-латышско-нѣмецкій словарь, который, какъ слышно, быстро раскупается—лучшее доказательство, что въ немъ ощущалась потребность.

не даетъ повода предполагать въ православномъ духовенствѣ радикальной неспособности или недостатка усердія къ умственному развитію ввѣренной ему паствы. Напротивъ, позволительно думать, что при тѣхъ же условіяхъ, не достигло бы такихъ результатовъ ни одно министерство. Причина понятна. Школа выросшая при церкви и отъ церкви вбираетъ въ себя часть соковъ, которыми питается послѣдняя, а церковь своими корнями глубже проникаетъ въ душу человѣка и въ народную жизнь, обхватываетъ ихъ всестороннѣе чѣмъ любое административное учрежденіе. Я желалъ бы знать, напримѣръ, какого гражданскаго вѣдомства люди ужились бы въ той обстановкѣ, въ которой живутъ же въ лифляндскихъ деревняхъ нынѣшніе учителя сельскихъ народныхъ школъ, то есть священники, причетники, лица чающія когда нибудь попасть въ причетники и получающія въ годъ менѣе десяти рублей жалованья? Кто согласился бы обучать не въ комнатѣ, а въ половинѣ или въ трети комнаты занятой мастеровыми и загроможденной всякимъ хламомъ, или обходить пѣшкомъ одинокіе крестьянскіе дворы, для такъ называемаго прослушиванія уроковъ, таскаться по десяти разъ къ ряду въ волостной судъ за жалованьемъ, наконецъ отказаться отъ всякой надежды на какое либо поощреніе и, въ видѣ приправы къ скудной трапезѣ, кормиться ежедневными, грубыми оскорбленіями отъ низшихъ и оказательствами холоднаго презрѣнія отъ высшихъ? Если мнѣ возразятъ, что министерство народнаго просвѣщенія, взявъ въ свои руки народное образованіе, отнюдь не подумаетъ устранять отъ школъ способныхъ и усердныхъ церковниковъ, а напротивъ воспользуется ихъ опытностью и поощритъ ихъ къ усиленной дѣятельности, то я на это замѣчу, что съ переводомъ тѣхъ же людей, какъ преподавателей и воспитателей, изъ одного вѣдомства въ другое, измѣнится все, даже ихъ понятіе о самихъ себѣ, о своемъ призваніи, о своихъ правахъ и обязанностяхъ. Теперь они считаютъ себя творцами сельскихъ школъ и, съ полнымъ основаніемъ, смотрятъ на нихъ какъ на свое насажденіе; тогда они займутъ въ нихъ опредѣленное мѣсто, но руководство школами ускользнетъ изъ ихъ рукъ. Усердіе неминуемо ослабѣетъ, а притязанія возрастутъ. Пусть только припомнятъ

читатели какимъ пользуются значеніемъ законоучители, какую играютъ они роль и въ какой мѣрѣ вліяніе ихъ отзывается на развитіи молодыхъ умовъ во всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, высшихъ, среднихъ и низшихъ.

Общее направленіе учащихся поколѣній зависитъ гораздо болѣе отъ направленія лицъ непосредственно съ ними соприкасающихся и орудующихъ ихъ образованіемъ, чѣмъ отъ пріуроченія школы къ тому или другому вѣдомству. При теперешнемъ порядкѣ вещей, какъ бы ни были слабы и недостаточны личныя средства, которыми располагаетъ православная церковь для своихъ школъ (я разумѣю подъ личными средствами познанія, спеціальную подготовку и степень усердія какъ преподающихъ такъ и надзирающихъ за преподаваніемъ), мы все таки знаемъ, что эти елеграмотные крестьяне обучающіе въ вспомогательныхъ школахъ, эти причетники, для которыхъ преподаваніе въ школахъ приходскихъ составляетъ часто обременительную повинность, наконецъ эти священники и благочинные, которыхъ такъ сурово отталкиваетъ отъ себя высшее общество, всѣ эти своего рода отверженцы, о которыхъ наши генералъ-губернаторы обыкновенно отзываются съ такимъ тупымъ пренебреженіемъ, всѣ они держатся крѣпко за свою вѣру, за Россію, и, въ мѣру личнаго своего вліянія на учениковъ, тянутъ и ихъ за собою въ ту же сторону. Эти люди своимъ званіемъ, печатью церковности на нихъ лежащею, наконецъ самымъ сознаніемъ своего изгойства въ средѣ мѣстнаго общества отъ котораго имъ нечего ждать, такъ сказать застраховываются отъ господствующихъ въ немъ тенденцій. Они могутъ быть мучениками, но не могутъ быть предателями. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно дѣлались жертвами коаліціи нѣмецко-лютеранскихъ интересовъ, но ни одинъ никогда не дѣлался ни сознательнымъ, ни слѣпымъ ихъ орудіемъ. Стало быть нельзя не признать въ нихъ присутствія того самаго русскаго начала, которое мы намѣреваемся противопоставить процессу германизаціи лифляндскаго простонародія. Прибавлю: въ нихъ, и въ нихъ однихъ, а ужь конечно не въ генералъ-губернаторахъ новѣйшей школы, вся сила этого начала, они же одни способны быть надежными проводниками его въ народъ.

Тѣхъ изъ читателей, которымъ высказанное мнѣніе могло бы показаться одностороннимъ и исключительнымъ, я попросилъ бы сообразить: въ чьи руки полагали бы они передать народныя школы, когда завѣдываніе ими отойдетъ отъ духовенства въ министерство народнаго просвѣщенія? Отъ бывшаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Альбединскаго, котораго никто конечно не заподозритъ ни въ клерикализмѣ, ни въ славянофильскихъ поползновеніяхъ, мы слышали, что безразсудно было бы искать въ средѣ мѣстныхъ уроженцевъ, считающихъ себя Нѣмцами, надежныхъ исполнителей какого либо дѣла, имѣющаго хотя бы слабую политическую окраску. Итакъ нужны люди русскіе. Но если читатели когда нибудь вздумаютъ разговориться съ русскими старожилами, въ Ригѣ, Дерптѣ, Митавѣ или Ревелѣ, и спросить у нихъ: много ли насчитали они на вѣку своемъ людей дѣйствительно русскихъ, изъ множества военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, носившихъ русскія фамиліи и на ихъ глазахъ управлявшихъ краемъ или исполнявшихъ въ немъ временныя порученія, то имъ назовутъ человѣкъ шесть, много восемь, за сорокалѣтній періодъ. А не мало въ это время перебывало въ краѣ людей съ русскими фамиліями, даже носящихъ историческія имена.

Посмотримъ теперь на служебную судьбу наиболѣе извѣстныхъ русскихъ дѣятелей послѣднихъ годовъ. На нашихъ глазахъ высшее правительство задавало себѣ въ остзейскомъ краѣ двѣ крупныя задачи: сгруппировать православныхъ Латышей и Эстовъ въ казенныхъ имѣніяхъ Лифляндіи и ввести русскій языкъ въ офиціальное дѣлопроизводство. Съ первою изъ этихъ задачъ связано имя С. Н. Шафранова, вторую успѣшнѣе всѣхъ подвигалъ къ разрѣшенію бывшій эстляндскій губернаторъ М. Н. Галкинъ-Врасскій. Оба усвоили себѣ искренно виды правительства, трудились надъ ихъ осуществленіемъ по убѣжденію, послѣдовательно и настойчиво, но не выходя никогда изъ предѣловъ закона и данныхъ имъ уполномочій, не уклоняясь отъ борьбы съ систематическимъ сопротивленіемъ мѣстныхъ властей и, въ тоже время, никогда не преслѣдуя личностей. Оба общимъ направленіемъ и особенно безупречностью своей административной дѣятельности есте-

ственно навлекли на себя вражду первенствующихъ сословій, нисколько не скрывавшихъ, что отдавая полную справедливость ихъ способностямъ и ихъ честности, они ненавидѣли не ихъ лично, а цѣли, которымъ они служили. Какъ Шафранова такъ и Галкина близко знали и цѣнили по достоинству ихъ ближайшіе начальники, бывшій министръ государственныхъ имуществъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, слѣдившіе за всѣми ихъ движеніями на скользкомъ и опасномъ поприщѣ ихъ дѣятельности, и не смотря на то, что въ этомъ отношеніи они казались застрахованными отъ всякой голословной клеветы, интрига всетаки взяла свое. Правительство принесло ей въ жертву обоихъ, и по какой то ироніи судьбы, перебросило ихъ, одного за другимъ, изъ Риги и Ревеля въ Саратовъ.

Подобнаго рода примѣры (ихъ бы можно было насчитать много) содержатъ въ себѣ доступное всѣмъ назиданіе, которое конечно даромъ не пропадаетъ, а дѣйствуетъ на правительственныхъ агентовъ, среднихъ и высшихъ, гораздо рѣшительнѣе министерскихъ инструкцій и даже Высочайшихъ повелѣній. Всякій видитъ, что не въ примѣръ безопаснѣе уклоняться отъ общихъ цѣлей поставленныхъ самимъ правительствомъ, чѣмъ отваживаться на борьбу съ мѣстнымъ провинціализмомъ и не пасовать передъ всесильнымъ дворянствомъ.

Постараемся же представить себѣ что́ бы могло произойти, еслибы православныя школы перешли изъ церковнаго вѣдомства въ непосредственное и исключительное вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія.

Теперешнее его направленіе извѣстно, но насколько приблизительно лѣтъ можно считать его обезпеченнымъ отъ крутой реакціи и въ состояніи ли оно будетъ удержать за собою захваченное имъ поприще? Разсчитывать лѣтъ на пять постоянныхъ усилій въ одномъ направленіи было бы слишкомъ смѣло, а въ дѣлѣ народнаго образованія пятилѣтіе то же что день. Не гораздо ли вѣроятнѣе, что очень скоро, мѣста директоровъ, инспекторовъ и смотрителей разобрали бы между собою недавніе ученики професора Ширрена, которые, разумѣется, и учителей подобрали бы себѣ подъ масть? Мундиръ вѣдь не то что ряса; послѣдняя такъ сказать приростаетъ къ

человѣку, а надѣть первый и потомъ скинуть ничего не стоитъ. Мундиръ губернатора долго насилъ г. ф. Эттингенъ, прежде чѣмъ онъ облекся въ мундиръ президента генеральной консисторіи; въ мундирѣ вице-президента гофгерихта недавно красовался г. ф. Боккъ. Можно ли даже быть увѣрену въ томъ, что во главѣ самого министерства народнаго просвѣщенія не явится чистокровный остзеецъ и что забота о подъемѣ православныхъ народныхъ училищъ и о противодѣйствіи онѣмеченію Латышей и Эстовъ не перейдетъ, вмѣстѣ съ другими, къ какому нибудь Ливену, Будбергу, Икскулю или Кейзерлингу.

Не надобно предпринимать дѣлъ непосильныхъ, а чтобъ составить себѣ понятіе о силѣ теперешняго нашего правительства, стоитъ взглянуть на высшія и среднія учебныя заведенія остзейскаго края, стоящія на виду, содержимыя на счетъ казны и непосредственно подчиненныя министерству народнаго просвѣщенія. Удалось ли правительству овладѣть ими и дать имъ направленіе согласное съ его видами, то есть съ призваніемъ и историческими интересами Россіи? Станутъ ли отрицать, что дерптскій университетъ и среднія учебныя заведенія, вращающіяся около него какъ планеты около центральнаго своего свѣтила, представляютъ собою стройную систему умственныхъ фокусовъ, въ которыхъ, по выраженію генералъ-адъютанта Альбединскаго (въ одномъ изъ его отчетовъ), зараждается, ростетъ и плодится нѣмецкое національное чувство? Университетское начальство не только не скрываетъ этого, оно даже поддразниваетъ насъ торжественнымъ заявленіемъ своихъ сочувствій къ Боккамъ и Ширренамъ [1]), а мы только отворачиваемся, будто бы ничего не замѣчая и не понимая. Не свидѣтельствовалъ ли недавно самъ министръ народнаго просвѣщенія, во всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ за 1869 годъ, „что успѣхи въ русскомъ языкѣ въ гимназіяхъ дерптскаго округа не могутъ быть признаны удовлетворительными и, въ настоящее время, стоятъ даже на низшей степени противъ той, на которую они поставлены были лѣтъ

[1]) Прошу читателей вспомнить печатныя извѣстія о недавнемъ празднованіи университетскаго юбилея.

двадцать тому назадъ!“ Наконецъ, когда русское населеніе края громко потребовало себѣ такихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ дѣти русскихъ чиновниковъ, купцовъ и священниковъ могли бы пріобрѣтать среднее образованіе не подъ условіемъ отреченія отъ своей народности, что̀ сдѣлало правительство? Оно открыло для нихъ нѣсколько новыхъ гимназій названныхъ русскими въ отличіе отъ прочихъ—и это ужъ была своего рода побѣда.

Въ виду указанныхъ фактовъ, нельзя кажется не придти къ заключенію, что правительство впало бы въ добровольное самообольщеніе, еслибъ оно сочло себя способнымъ, не на бумагѣ а на самомъ дѣлѣ, захватить въ непосредственное свое завѣдываніе начальныя, народныя училища и управиться съ ними.

Пусть бы оно, на первый разъ, прорубило себѣ окно въ совершенно для него закрытый міръ протестантскихъ школъ и въ тоже время сосредоточило бы свои средства, денежныя и умственныя, на подъемѣ православныхъ, вѣроисповѣдныхъ народныхъ училищъ, не посягая на ихъ строго церковный типъ, которымъ обусловливается ихъ жизненность.

Читатели видятъ, что я далекъ отъ мысли, чтобы намъ оставалось только, какъ думалъ генералъ-адъютантъ Альбединскій, сойти безъ боя съ поприща народнаго образованія въ прибалтійскихъ губерніяхъ. На мой взглядъ, это значило бы то же, что напередъ уступить ихъ Германіи. Напротивъ, я думаю, что тяга Латышей и Эстовъ къ Россіи такъ не случайна, такъ экономически естественна и исторически разумна, что она одна должна склонить вѣсы въ нашу сторону и перетянуть всѣ прочія для насъ неблагопріятныя условія, если только мы захотимъ ею воспользоваться и перестанемъ относиться къ ней подозрительно и сурово, какъ было до сихъ поръ.

Хотя верхніе слои крестьянства, благодаря тому, что мы легкомысленно выпустили изъ своихъ рукъ разрѣшеніе поземельнаго вопроса, дѣйствительно отдѣляются уже отъ народа и начинаютъ приростать къ нѣмецкому обществу; но масса все еще глядитъ въ нашу сторону и охотнѣе приняла бы образованіе въ такой формѣ, которая придвинула бы ее къ Россіи. Оттого наша православно-русская школа, надлежа-

щимъ образомъ поставленная, могла бы не бояться протестантско-нѣмецкой, а смѣло вступить съ нею въ соперничество.

Я знаю, что наши петербургскіе генералы-нигилисты пожмутъ плечами, а Бокки, Экгарты и Ширрены разразятся при этомъ громкимъ хохотомъ; но меня подкрѣпляютъ въ высказанномъ убѣжденіи два обстоятельства: во первыхъ, добровольная отдача мальчиковъ лютеранъ въ школы православныя, или русскія (какъ ихъ называютъ Латыши), вопреки вліянію высшихъ сословій, всякому разсчету и естественному предпочтенію лучшихъ училищъ сравнительно худшимъ; во вторыхъ, и болѣе всего, то ожесточеніе, съ которымъ протестантское духовенство отстаиваетъ свою учебную монополію.

Я приведу, въ видѣ примѣровъ, нѣкоторые факты, за достовѣрность которыхъ могу поручиться.

Въ лѣто 1871 года, къ православному архіерею явился крестьянинъ, пришедшій въ Ригу пѣшкомъ изъ дому, за 70 верстъ, и обратился къ нему съ такою рѣчью: Я лютеранинъ и ничего у васъ не прошу кромѣ добраго совѣта; съ меня взыскиваютъ три рубля штрафа за то, что сынъ мой учится по русски, а мнѣ платить эти деньги обидно. Дѣло вотъ въ чемъ: сынъ мой, лютеранинъ такъ же какъ и я, и въ добавокъ крестникъ мѣстнаго пастора; на него нашла охота непремѣнно выучиться по русски и онъ началъ посѣщать русскую школу. Пасторъ объ этомъ узналъ и сталъ его допрашивать: „къ чему де тебѣ русская грамота и что ты это вздумалъ ходить въ русскую школу? Ужъ не бываешь ли ты и въ русской церкви?“ — Мальчикъ и проговорись: „иногда бываю“.

Пастору это не понравилось; сталъ онъ добиваться: ужъ не нравится ли ему и русская церковная служба? Мальчикъ отвѣтилъ, что кое что нравится. Наконецъ, спросилъ у него пасторъ: „такъ ты пожалуй, еслибъ отецъ твой вздумалъ перейти въ русскую вѣру, послѣдовалъ бы за нимъ?“ — Мальчикъ отвѣчалъ: „не знаю какъ думаетъ о себѣ отецъ, а про себя скажу, что если захочу перейти въ русскую вѣру, то и безъ отца перейду“.

Вотъ и взыскиваютъ съ меня штрафъ, за то, что сынъ мой учится по русски. Скажите, какъ мнѣ быть?—Крестья-

нинъ хотѣлъ сказать: за то, что сынъ мой посѣщалъ русскую школу, чтобъ выучиться по русски.

Разумѣется это показаніе никѣмъ не провѣренное и не изслѣдованное оштрафованнаго лица. Но, спрашивается: какая была нужда ему приходить издали и лгать ради одного удовольствія? А предлогъ къ наложенію взысканія несомнѣнно былъ, ибо мальчикъ, посѣщая православную школу, или вовсе не ходилъ въ лютеранскую или заглядывалъ въ нее рѣдко. Недавно, въ устраненіе этого повода, обнародовано было Высочайшее повелѣніе, 31 іюля 1872 года, изданное въ видѣ разъясненія къ 3 п. § 516 Положенія 1819 года о лифляндскихъ крестьянахъ. Крестьянскія дѣти, посѣщающія православныя сельскія школы, освобождаются отъ платежа штрафа, установленнаго за уклоненіе отъ обязательнаго посѣщенія волостныхъ школъ. Въ сущности, это было не иное что, какъ повтореніе прежняго Высочайше утвержденнаго правила 1845 года (оно приведено было выше), которое съ тѣхъ поръ не было отмѣнено, но о которомъ забыли. Въ концѣ разъясненія значится, что дѣти лютеранъ, обучающіяся въ православныхъ школахъ, не освобождаются отъ испытанія въ законѣ Божіемъ, предшествующаго такъ называемой конфирмаціи. Это понятно и иначе быть не можетъ; но не мѣшаетъ знать напередъ, что лютеране, посѣщающіе православныя школы, на практикѣ никогда не будутъ выдерживать этого испытанія. Пасторы будутъ держать ихъ на положеніи вѣчныхъ недорослей.

Другой случай: недавно одинъ изъ лифляндскихъ благочинныхъ писалъ: лютеране, для обученія русскому языку, стали часто отдавать дѣтей своихъ въ русскія, то есть православныя школы. Пасторы ради этого отказываютъ родителямъ этихъ дѣтей въ причастіи. Нѣкоторые изъ нихъ обратились къ священнику одного изъ подвѣдомственныхъ мнѣ приходовъ съ просьбою: не можетъ ли онъ причастить ихъ въ своей церкви? Когда священникъ отвѣтилъ имъ, что безъ церковнаго присоединенія онъ не можетъ ихъ допустить къ причастію, тогда крестьяне сказали ему: „что до насъ, то мы бы охотно присоединились къ православію, но наши жены этого не хотятъ, а причащаться въ вашей церкви и онѣ желаютъ“.

Третій случай: при Гапсальской православной церкви, устроена была по мысли и на сумму, пожертвованную покойнымъ Государемъ Наслѣдникомъ, школа съ спеціальною цѣлью обученія русской грамотѣ эстонскихъ дѣтей, лютеранъ и православныхъ безъ различія. Посѣщали ее ученики обоихъ вѣроисповѣданій, но лютеранъ въ ней было больше и число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Но въ 1869 году, инспекторъ Гапсальскихъ школъ запретилъ священнику Каменеву, который завѣдывалъ школою, принимать въ нее лютеранъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ нанятъ для нихъ особый законоучитель. Священникъ возражалъ, что въ качествѣ православнаго іерея онъ имѣетъ дѣло только съ своими единовѣрцами, которымъ преподаетъ безвозмездно законъ Божій и предлагалъ пастору лютеранской церкви, на томъ же основаніи и въ той же школѣ, преподавать законъ Божій своимъ; но ничто не помогло, и, вопреки желанію родителей, инспекторъ настоялъ на роспускѣ всѣхъ лютеранъ.

Четвертый случай: при Рижскомъ Петропавловскомъ братствѣ существуетъ училище, по поводу котораго православная консисторія получила отъ евангелической лютеранской городской консисторіи бумагу, отъ 5 апрѣля 1872 года, за Nr. 128, слѣдующаго содержанія: „Состоящее здѣсь Петропавловское братство основано на положеніи, утвержденномъ 25 января 1871 года греко-россійскимъ архіепископомъ города Риги, и имѣетъ своею цѣлью способствовать дѣлу греко-россійской церкви. Братство это, какъ значится въ первыхъ двухъ §§ его устава, должно служить нуждамъ греческихъ (т. е. православныхъ) церквей и приходовъ и, кромѣ сооруженія и поддержанія греческихъ храмовъ, главнымъ образомъ обязано заботиться о заведеніи въ греческихъ приходахъ училищъ. При такомъ назначеніи братства, школы его, безъ сомнѣнія, предполагаются исключительно для греческихъ церковныхъ приходовъ и имѣютъ характеръ школъ церковныхъ. Если же школа носитъ характеръ конфессіональный, то преподаваніе въ ней закона Божія должно имѣть предметомъ своимъ только (?) ученіе родной церкви и поступать въ такую школу могутъ только единовѣрцы. Въ противоположность школамъ съ конфессіональнымъ характеромъ, существуютъ училища, подчи-

ненныя общему государственному надзору, которыя не имѣютъ исключительно конфессіональнаго характера, въ которыхъ законъ Божій преподается по ученію той церкви, къ которой принадлежитъ тотъ или другой изъ учениковъ.

„Понятно, что право на поступленіе въ такія училища имѣетъ каждый, безъ различія вѣроисповѣданія. Изъ опубликованнаго отчета Петропавловскаго братства за 1871 годъ городская консисторія усматриваетъ, что въ школѣ упомянутаго братства, состоящей въ городѣ Ригѣ, обучается 40 человѣкъ дѣтей евангелическаго вѣроисповѣданія. На основаніи вышесказаннаго слѣдуетъ, что ученики эти были приняты противозаконно и дальнѣйшее ихъ пребываніе въ упомянутой школѣ не могло бы быть оправдано даже въ такомъ случаѣ, если бы имъ преподавался законъ Божій по ученію евангелической церкви, на что, впрочемъ, по словамъ упомянутаго отчета, нельзя разсчитывать [1]).

[1]) Вотъ подлинныя слова отчета: „Законъ Божій, съ одной стороны въ силу существующихъ постановленій, съ другой при недостаточности средствъ братства, православнымъ мальчикамъ преподавали наличные наставники. Что касается до мальчиковъ лютеранъ (40 учениковъ), то довольно большой наплывъ ихъ поставилъ православное братство въ затруднительное положеніе. Отказать имъ въ пріемѣ значило бы парализировать просьбы ихъ родителей обучать дѣтей ихъ русскому языку и ознакомленію со всѣмъ русскимъ. Извѣстно, что такого характера просьбы поступали какъ отъ лютеранъ, такъ и отъ православныхъ.—Поэтому братство и не отказывало въ пріемѣ мальчиковъ-лютеранъ. Но во избѣжаніе нареканій въ прозелитизмѣ, отъ котораго далеко православное братство, сіе послѣднее сочло долгомъ своимъ обратиться къ одному изъ ближайшихъ, по мѣсту жительства, лютеранскихъ пасторовъ съ просьбою безмездно преподавать лютеранскимъ мальчикамъ законъ Божій—безмездно только потому, что оплачивать его уроки не было никакихъ средствъ. Къ сожалѣнію, пасторъ рѣшительно отказалъ въ просьбѣ братства, главнѣйше выходя изъ той основной мысли, что въ православной братской школѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ необходимо должно носить характеръ православія; (православное братство, конечно, не можетъ допустить, чтобы преподаваніе какого нибудь предмета было противно православію, но никакъ не желаетъ чрезъ преподаваніе каждаго предмета насильно, съ предвзятою цѣлію, навязывать православіе дѣтямъ не православныхъ родителей); что поэтому его единичная законоучительская дѣятельность не можетъ сдѣлать дѣтей лютеранскихъ родителей истинными лютеранами; что они по необходимости будутъ полувѣрцами,—ни истинными лютеранами, ни истинными православными,—а онъ не

„Въ силу § 301 п. 8 устава евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи 1832 года, къ кругу дѣйствій консисторіи принадлежитъ общій надзоръ за наставленіемъ евангелическо-лютеранскаго юношества въ законѣ Божіемъ; подчинить же своему надзору Петропавловское училище городская консисторія не можетъ, такъ какъ оно есть греко-православное церковное учрежденіе. Поэтому, городская консисторія считаетъ своею непремѣнною обязанностью обратить вниманіе греко-православной консисторіи на присутствіе въ Петропавловской братской школѣ дѣтей евангелическаго исповѣданія и покорнѣйше просить консисторію сдѣлать распоряженіе, чтобы дѣти евангелическаго вѣроисповѣданія немедленно были выключены изъ названной школы и на будущее время въ оную таковыя принимаемы не были. Съ своей стороны, городская консисторія немедленно озаботится опредѣленіемъ уволенныхъ изъ Петропавловской школы учениковъ своего вѣроисповѣданія въ одну изъ здѣшнихъ городскихъ или приходскихъ школъ и, съ этою цѣлью, проситъ прислать ей списокъ именъ упомянутыхъ учениковъ“.

Эта бумага поучительна во многихъ отношеніяхъ.

Взглянемъ на нее, во первыхъ, съ точки зрѣнія законности. Лютеранская консисторія основываетъ свое требованіе на уставѣ евангелико-лютеранской церкви въ Россіи 1832 года. На сей разъ и онъ пригодился. Законъ! на первомъ планѣ законъ!—Но въ томъ же уставѣ есть другой § 254, которымъ, подъ страхомъ немедленнаго отрѣшенія отъ должности, запрещается лютеранскому духовенству присоединять къ своей церкви членовъ православной и совершать для нихъ какія либо духовныя требы. Это однако не мѣшаетъ пасторамъ, тайно и явно, принимать православныхъ въ лютеранство и крестить младенцевъ происходящихъ не только отъ смѣшанныхъ браковъ, но и отъ православныхъ отцевъ и матерей; мало того, провинціальная лифляндская консисторія формально отказывается подвергать за это подчиненное ей духовенство

можетъ допустить такой нерѣшительной половинчатости и не желаетъ поддерживать ее, что было бы допущено съ его стороны, если бы онъ согласился на предложеніе братства быть законоучителемъ въ братской школѣ“.

какой либо отвѣтственности. Стало быть, въ одномъ случаѣ, вопреки закону, родителямъ предоставляется полная свобода въ выборѣ для своихъ дѣтей того или другаго вѣроисповѣданія, а въ другомъ случаѣ, на основаніи того же самаго закона, имъ отказывается въ правѣ, по своему выбору, посылать ихъ въ ту или другую школу. Такой способъ обращенія съ закономъ можетъ быть не совсѣмъ логиченъ, но онъ несомнѣнно выгоденъ для исполнителей въ томъ отношеніи, что даетъ имъ широкій просторъ.

Во вторыхъ, обратимся къ практикѣ. Изъ прописанной бумаги мы видимъ, какъ далеко простирается заботливость лютеранскаго духовенства объ огражденіи отъ всякихъ соблазновъ и искушеній правовѣрія юной его паствы. Посмотримъ теперь, какъ встрѣчается въ томъ же краѣ и въ совершенно однородныхъ случаяхъ заботливость православнаго духовенства о томъ же предметѣ. Въ видѣ примѣра я приведу офиціальную бумагу и затѣмъ отрывокъ изъ записки составленной православнымъ священникомъ, преподававшимъ законъ Божій въ училищѣ одного изъ лифляндскихъ уѣздныхъ городовъ.

По §. 516 Положенія 1819 года о лифляндскихъ крестьянахъ установлена обязательность посылки дѣтей въ школу и назначенъ денежный штрафъ съ родителей, уклоняющихся отъ этого безъ законныхъ причинъ. Это правило долго оставалось мертвою буквою, но оно установлялось для переду и теперь, съ размноженіемъ лютеранскихъ школъ, строго примѣняется мірскими судами къ протестантскому населенію подъ бдительнымъ надзоромъ и при неослабномъ побужденіи со стороны пасторовъ, попечителей и всѣхъ мѣстныхъ властей. Въ § 6 правилъ 1850 года для православныхъ школъ (составленныхъ примѣнительно къ Положенію 1819 года) такъ же постановлено, что всѣ дѣти православныхъ родителей, начиная съ 8 лѣтняго возраста, должны быть представляемы въ православныя школы; но штрафа съ уклоняющихся не положено. Для понужденія родителей и хозяевъ, у которыхъ проживаютъ дѣти православнаго вѣроисповѣданія, къ отдачѣ ихъ въ школы, священники, по §§ 14—16 тѣхъ же правилъ, должны обращаться въ мірскіе суды; но здѣсь они не только

не встрѣчаютъ содѣйствія, а напротивъ наталкиваются на систематическое противодѣйствіе. Въ протоколѣ собранія священниковъ пернавскаго уѣзда, по дѣлу объ устройствѣ школъ 1868 года, мы читаемъ: „Сельскіе судьи и старосты, коихъ большинство вездѣ лютеране, весьма строго штрафуютъ лютеранскихъ дѣтей за нехожденіе въ свои школы, а по сообщаемымъ въ суды спискамъ православныхъ дѣтей или не дѣлаютъ никакихъ распоряженій о посылкѣ ихъ въ школы, или даже отговариваютъ родителей, почти приказываютъ имъ не посылать дѣтей своихъ въ православныя школы".

Это общее заявленіе подтверждается слѣдующимъ фактомъ.

Въ Августѣ 1867 года вольмарскаго уѣзда эйхенангернскій священникъ Поляковъ доносилъ консисторіи „что такъ какъ, въ истекшую зиму, нѣкоторыя православныя дѣти въ моемъ приходѣ, вмѣсто того, чтобы посѣщать православныя школы, посѣщали лютеранскія и даже къ прослушиванію [1]) не являлись, то я просилъ мѣстный приходскій судъ (V рижскаго уѣзда) сдѣлать распоряженіе, дабы, на основаніи правилъ 1850 года, православныя дѣти были посылаемы въ православныя школы. Къ этому мною присовокуплено, что обученіе православныхъ дѣтей ввѣрено православному духовенству, которое два раза въ годъ должно давать отчетъ о семъ епархіальному начальству и вообще, что дѣло это лежитъ на отвѣтственности священниковъ. Приходскій судъ, въ отношеніи своемъ ко мнѣ отъ 1 Іюня 1867 года за № 883, увѣдомилъ меня, „что онымъ по поводу моей жалобы предписано подвѣдомственнымъ волостнымъ судамъ внушить кому слѣдуетъ, чтобы православныя дѣти являлись къ прослушиванію въ религіи къ своему священнику; въ школы же, въ которыхъ преподаются свѣтскія науки, дозволяется родителямъ посылать дѣтей своихъ въ какія сами пожелаютъ". Находя такое распоряженіе противнымъ Высочайше утвержденнымъ правиламъ 1850 года, я просилъ приходскій судъ отмѣнить его, но судъ на это не согласился и объяснилъ, „что распоряженіе его не противорѣчитъ правиламъ о школахъ и

[1]) Подъ прослушиваніемъ разумѣютъ въ Лифляндіи срочные экзамены производимые священниками (§§ 19, 21, 28 правилъ 1 мая 1850).

что родители могутъ посылать дѣтей своихъ въ ту или другую школу (т. е. въ православную или лютеранскую), если только наставниками будетъ соблюденъ законъ въ отношеніи религіи". Въ томъ же смыслѣ сдѣлано было приходскимъ судомъ циркулярное оповѣщеніе.

Послѣдствія этого распоряженія были слѣдующія: „Получивъ прописанное увѣдомленіе отъ приходскаго суда, волостные суды начали собирать жалованье, для сельскихъ учителей, не со всѣхъ православныхъ платящихъ подушныя, какъ было доселѣ, а только съ тѣхъ, которые посылали дѣтей своихъ въ православныя школы. Поэтому, иному отцу семейства, вмѣсто прежнихъ 30 коп. пришлось платить учителю жалованья отъ 2 до 3 руб., тогда какъ учителей лютеранскихъ школъ содержатъ отчасти помѣщики отчасти хозяева дворовъ; у меня же (писалъ священникъ) за малочисленностью хозяевъ, содержатъ учителей работники. Ясно, что при такомъ распоряженіи всѣ будутъ посѣщать школы лютеранскія, ибо бобылю или работнику, каковы мои прихожане, гораздо выгоднѣе посылать дѣтей въ ту школу, въ которой не берутъ съ него ничего на жалованье учителю. Распоряженіе это, кажется (еще бы!), сдѣлано съ цѣлью уничтожить православныя школы въ моемъ приходѣ".

Лифляндская православная консисторія обратилась въ губернское правленіе, которое увѣдомило ее отъ 2 мая 1868 года за № 888, что дѣйствительно распоряженіе приходскаго суда неправильно и „потому, въ отмѣну онаго, дало знать суду для надлежащаго исполненія, что всѣ дѣти православныхъ родителей, за исключеніемъ лишь увольняемыхъ по § 6, должны быть посылаемы въ мѣстныя православныя школы и обучаться въ нихъ, кромѣ закона Божія, также и всѣмъ другимъ предметамъ".

За свое незаконное и явно недобросовѣстное распоряженіе приходскій судъ не получилъ даже замѣчанія; это распоряженіе дѣйствительно было отмѣнено бумагою, но цѣль его была достигнута и, на практикѣ, глубокій слѣдъ его остался на долго. Какъ доносилъ впослѣдствіи священникъ: „многіе православные крестьяне, ободренные оказаннымъ имъ потворствомъ, не хотятъ ни посылать дѣтей своихъ въ школу, ни

участвовать въ сборѣ на вознагражденіе учителя". Дѣло дошло до того, что послѣдній остался вовсе безъ жалованья и вынужденъ былъ отказаться отъ должности.

Приведу теперь отрывокъ изъ записки православнаго законоучителя, писанной нѣсколько лѣтъ тому назадъ. „Съ нѣкотораго времени, я сталъ замѣчать, что православные ученики мои положительно отвыкаютъ отъ своей церкви и, подъ вліяніемъ среды, въ которой они воспитывались, начинали даже глумиться надъ православіемъ. Въ классной, гдѣ преподавался законъ Божій, висѣла икона; мальчики стали поднимать ее на смѣхъ и она вдругъ исчезла неизвѣстно куда. Сталъ было одинъ изъ учениковъ приносить на уроки закона Божія свою икону, но и та у него пропала, такъ что, передъ урокомъ и по окончаніи его, мы стали молиться на небо. Въ училищѣ, по заведенному порядку, день начинался общею молитвою и православные ученики справляли ее вмѣстѣ съ лютеранами, отзываясь неимѣніемъ времени молиться еще особо. Тогда я обратился къ учителю русскаго языка съ просьбою: можетъ ли онъ, пока молятся лютеране, въ особой комнатѣ, молиться съ православными? Учитель согласился; нужно было только получить согласіе начальника заведенія, но онъ не далъ его на томъ основаніи, что этимъ нарушился бы искони заведенный порядокъ. Тогда я обратился къ тому же начальнику съ письменною просьбою: 1) посылать въ православную церковь православныхъ учениковъ по крайней мѣрѣ два раза въ мѣсяцъ и именно 8 и 22 числа, или въ слѣдующіе за этими числами воскресные дни, когда въ церкви совершается богослуженіе и читаются проповѣди по русски; сверхъ того, въ большіе праздники, въ которые не полагалось ученія. 2) Въ самой школѣ отвести комнату, гдѣ бы православные ученики могли молиться Богу и поставить въ ней икону. 3) Не посылать православныхъ учениковъ ни въ лютеранскую церковь, ни на молитву отправляемую въ школѣ для лютеранъ. На эти кажется довольно скромныя требованія полученъ былъ слѣдующій отвѣтъ: „Я самъ удивляюсь, что наши ученики греческаго вѣроисповѣданія такъ рѣдко посѣщаютъ вашу церковь. Всякій разъ когда мы ходимъ въ евангелическую, они отправляются въ свою, русскую; но я по-

дозрѣваю, что они уходятъ куда нибудь въ другое мѣсто, да и не мудрено, такъ какъ они ходятъ безъ присмотра. Затѣмъ, я долженъ замѣтить, что я не только не удерживаю ихъ отъ посѣщенія своей церкви, а даже требую отъ нихъ этого и вовсе не принуждаю ихъ ходить въ нашу. Но если они идутъ въ нее охотно, особенно же если это дѣлается по желанію ихъ родителей [1]), не могу же я запретить этого. Дней назначаемыхъ для посѣщенія церкви нельзя опредѣлять по погодѣ! Что касается до прочихъ желаній вашихъ, то обстоятельства не позволяютъ на нихъ согласиться. Вообще, въ такихъ предметахъ, распоряжаются сами родители учащихся, они одни; а такъ какъ и дѣти никогда еще не заявляли ни о какихъ затрудненіяхъ отъ заведеннаго порядка, то тѣмъ паче не представляется никакого основанія къ перемѣнѣ нашего обычая, который существуетъ уже издавна".

Но вѣдь родители лютеране и въ Петропавловскую школу отдавали своихъ дѣтей не по принужденію, а добровольно, и сами ученики также не просились изъ нея вонъ; зачѣмъ же было выгонять ихъ оттуда? Гдѣ тутъ послѣдовательность, гдѣ совѣстливость и кому нужнѣе заступничество иностранныхъ ассоціацій для огражденія отъ обидъ и для установленія вѣроисповѣдной равноправности?

Наконецъ, вотъ на что еще нельзя не обратить вниманіе. Оказывается по видимому „что жалкій видъ (das elende Bild)" православной школы дѣйствуетъ на Латышей и Эстовъ повидимому не совсѣмъ „какъ пугало (abschreckend)" — по увѣренію Ф. Бокка и его кореспондентовъ, если, для отклоненія отъ нея лютеранъ, убѣжденія оказываются недостаточными, и если приходится выгонять ихъ оттуда силою.

Прописанная бумага городской лютеранской консисторіи заготовлялась и обсуждалась во время пребыванія г. Вурстембергера въ остзейскомъ краѣ. По связямъ своимъ съ тамошнимъ лютеранскимъ духовенствомъ, онъ вѣроятно объ

---

[1]) Стало быть точь въ точь на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ въ братское училище принимаются лютеране.

ней слышалъ; впрочемъ слышалъ ли, нѣтъ ли, во всякомъ случаѣ отъ человѣка спеціально изучавшаго на мѣстахъ положеніе церковныхъ школъ въ видахъ сравненія лютеранскихъ съ православными, казалось бы, не могъ укрыться тотъ вовсе не исключительный, а часто повторяющійся и дѣйствительно замѣчательный фактъ, что хотя (по его наблюденіямъ) всѣ училища православныя крайне плохи, хотя въ нихъ будто бы не преподаются даже эстскій и латышскій языки, а ограничиваются затверживаніемъ кондаковъ и тропарей, хотя наконецъ, по его же словамъ, православная церковь находится у всѣхъ въ пренебреженіи и внушаетъ къ себѣ отвращеніе, тѣмъ не менѣе, лютеране, въ довольно значительномъ числѣ, добровольно идутъ или отдаются родителями въ эти школы, даже въ городахъ, слѣдовательно конечно не по нуждѣ, не по недостатку въ сподручныхъ училищахъ протестантскихъ.

Отчего же безпристрастный Швейцарецъ, такъ хорошо знающій Лифляндію, умолчалъ о явленіи, которое при нѣкоторой съ его стороны добросовѣстности, должно бы было заставить его усомниться въ вѣрности его выводовъ; ибо одно изъ двухъ: или православныя школы не настолько хуже лютеранскихъ, какъ онъ увѣряетъ, или таятся въ тамошнемъ народѣ какія то существенныя, невысмотрѣнныя имъ потребности, которымъ послѣднія не удовлетворяютъ. Любопытно бы было также знать: какъ бы отнесся Евангелическій Союзъ къ требованію рижской, городской лютеранской консисторіи и одобрилъ ли бы онъ правило, которымъ руководствуются его балтійскіе кліенты: уклоняться отъ преподаванія въ православныхъ школахъ закона Божія по лютеранской вѣрѣ, чтобъ имѣть предлогъ требовать изгнанія лютеранъ изъ училищъ, въ которыхъ они могли бы научиться русскому языку? Понялъ ли бы онъ наконецъ, что для этихъ людей, свобода совѣсти не цѣль, а орудіе національной политики?

Но оставимъ въ сторонѣ Евангелическій Союзъ и вернемся къ вопросу. Соображеніе фактовъ, которые я могъ собрать, приводятъ меня къ слѣдующему заключенію:

Вѣроисповѣдная православная сельская школа въ эсто-латышскомъ краѣ есть въ то же время школа рус-

ская, и притомъ единственно возможная въ немъ, въ настоящее время, форма русской школы.

Только изъ этой вѣроисповѣдной православно-русской школы можетъ вырости со временемъ русская школа мірская — другаго корня для нея нѣтъ.

Въ одномъ изъ своихъ выпусковъ ф. Боккъ, разсуждая о народныхъ школахъ говоритъ: mit dem Lutherthum fällt das Deutschthum (вмѣстѣ съ лютеранствомъ палъ бы и германизмъ). Въ этомъ я съ нимъ совершенно согласенъ и, примѣняя то же начало къ намъ, повторяю за нимъ: вмѣстѣ съ православною школою пала бы въ остзейскомъ краѣ и русская школа.

Взглянемъ теперь на лютеранскія школы.

Въ послѣдней брошюрѣ своей о Евангелическомъ Союзѣ и русской дипломатіи, ф. Боккъ увѣряетъ своихъ читателей, что начало попеченій остзейскаго дворянства и лютеранскаго духовенства о народномъ образованіи теряется во мракѣ вѣковъ и что трудно даже опредѣлить время происхожденія первыхъ тамошнихъ сельскихъ школъ.

Въ этой фантазіи есть микроскопическая доля правды.

Въ самомъ существѣ протестантства неоспоримо заключается внутреннее побужденіе къ распространенію грамотности, котораго могло и не быть въ латинствѣ. Порвавъ всѣ нити живаго преданія, раздробивъ церковь на множество вѣрующихъ единицъ и указавъ каждой изъ нихъ на книгу какъ на единственный источникъ Богопознанія, реформаторы не могли не почувствовать необходимости вручить своимъ послѣдователямъ и ключь къ ея уразумѣнію. Оттого во всѣхъ вообще земляхъ протестантскихъ, ранѣе чѣмъ въ другихъ, начали поговаривать о народномъ обученіи. Отголоски этого говора слышались изрѣдка и въ Лифляндіи, даже въ XVII вѣкѣ; но это были слова пропадавшія втунѣ; помѣщики смотрѣли на народъ какъ на рабочую силу, а доказать имъ, что грамотный крестьянинъ больше вспашетъ или сожнетъ на барщинѣ, притомъ не избалуется, то есть не почувствуетъ глубже чѣмъ безграмотный варварскаго съ нимъ обращенія, было довольно трудно. Меркель, изслѣдовавшій Лифляндію вдоль и поперекъ въ концѣ прошлаго вѣка, упоминаетъ о

приходскихъ школахъ и объ учителяхъ, обыкновенно исправлявшихъ одновременно и должность причетниковъ; но школы эти были открыты только въ 1765 году, и то по требованію русскаго правительства, при введеніи Положенія о намѣстничествахъ. Меркель же свидѣтельствуетъ, что въ его время большая часть Латышей не умѣла читать и что очень немногіе умѣли писать [1]).

Полвѣка спустя, въ 1846 — 1848 годахъ, я имѣлъ случай видѣть сотни просьбъ, поданныхъ лифляндскими крестьянами лютеранскаго исповѣданія, и помню, что подъ ними крайне рѣдко попадались подписи; вмѣсто собственныхъ именъ своихъ просители ставили кресты, стало быть и тогдашнее взрослое поколѣніе было, если не безграмотно, то по крайней мѣрѣ не умѣло писать.

Помышлять серьезно о народномъ образованіи начали въ Лифляндіи на нашей памяти, именно въ сороковыхъ годахъ, подъ вліяніемъ тогдашняго религіознаго движенія. Оно то заставило нѣмецкую интеллигенцію встрепенуться и, указывая на этотъ фактъ, преосвященный рижскій Веньяминъ, въ одной изъ своихъ записокъ, имѣлъ полное основаніе сказать „что въ дѣлѣ народнаго образованія, водвореніе православія въ Лифляндіи косвеннымъ образомъ послужило и лютеранскому сельскому населенію“.

Ту же тему, разумѣется съ своей точки зрѣнія, развилъ пасторъ Вальтеръ въ знаменитой рѣчи, произнесенной имъ при открытіи ландтага 1864 года; это было своего рода публичное покаяніе въ вѣковомъ небреженіи отозвавшемся горькими для лютеранскаго сердца послѣдствіями, и, въ то же время, это была программа будущихъ дѣйствій для овладѣнія умственнымъ воспитаніемъ массъ.

Задача состояла конечно не въ томъ, чтобъ образовать народъ, а въ томъ, чтобъ, посредствомъ образованія, отвоевать его у Россіи; но этою то именно постановкою вопроса и объясняются несомѣнно великіе успѣхи, достигнутые въ послѣдніе года.

Первое и самое полное Положеніе объ организаціи лиф-

---

[1]) Die Letten etc. v. G. Merkel. Leipzig, 1797. Seite 48, 137, 339, 349, 351.

ляндскихъ сельскихъ школъ мы находимъ въ книгѣ III закона 1819 года о прекращеніи личной крѣпостной зависимости лифляндскихъ крестьянъ и объ одновременномъ упраздненіи ихъ права на землю.

Сельскія школы учреждались въ двухъ видахъ: общественныхъ, иначе мірскихъ или волостныхъ (точнѣе было бы назвать ихъ вотчинными (Gebietsschulen) [1]) и приходскихъ (Kirchspielschulen). Строить и содержать первыя на свой счетъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность волостнымъ обществамъ. Для постройки вторыхъ, помѣщики обязаны были жертвовать строевой матерьялъ и уплачивать половину расходовъ на наемъ мастеровыхъ и на покупку мелкихъ предметовъ (краски, гвоздей и т. п.); другая половина падала на общество, которое, сверхъ того, обязано было подвозить строевой матерьялъ, давать отъ себя потребное количество соломы и ставить чернорабочихъ. Жалованье учителямъ приходскихъ школъ производилось также отъ обществъ, а содержаніе учениковъ въ этихъ школахъ, частью отъ обществъ, частью отъ родителей обучавшихся, частью отъ помѣщиковъ—за учениковъ, которыхъ они подготовляли себѣ въ разныя должности по вотчинному управленію. Взиманіе съ обществъ всѣхъ вообще сборовъ на школы и понужденіе обществъ къ постройкѣ и содержанію школъ поручалось волостнымъ судамъ. Относительно волостной школы помѣщику предоставлялись права: опредѣлять (по соглашенію съ пасторомъ) учителя, штрафовать и удалять его; брать на себя высшій надзоръ за обученіемъ и требовать, чтобъ школа помѣщалась на его дворѣ. Приходская школа находилась въ ближайшемъ завѣдываніи пастора и помѣщика, подъ контролемъ приходскаго, школьнаго конвента, который надзиралъ также надъ волостными школами, собирался разъ въ годъ и состоялъ изъ приходскихъ помѣщиковъ, церковныхъ старостъ и пастора. Этотъ конвентъ опредѣлялъ и окончательно отрешалъ отъ должности учителей приходскихъ школъ. Выборъ

---

[1]) Не Gemeindeschulen; впрочемъ и за основаніе дѣленія крестьянъ на общества принималась одновотчинность и отступленія отъ этого правила допускались только въ видѣ изъятій.

учебниковъ и метода преподаванія предоставлялся лифляндской консисторіи, а высшее наблюденіе за всѣми школами въ предѣлахъ губерніи возлагалось на главное церковное попечительство, состоявшее изъ дворянъ и членовъ отъ духовенства, и на дворянскій ландтагъ.

Посѣщеніе волостной школы или обученіе на дому (въ видѣ изъятія, съ разрѣшенія пастора) вмѣнялось въ непремѣнную обязанность всѣмъ крестьянскимъ дѣтямъ съ 10 лѣтняго возраста; въ приходскую же школу каждое волостное общество должно было ставить не менѣе 12 учениковъ отъ 14 до 17 лѣтъ; въ крайности ихъ выбиралъ и наряжалъ конвентъ.

Въ волостныхъ школахъ обучали: чтенію (на мѣстномъ народномъ языкѣ), катихизису и пѣнію употребительнѣйшихъ молитвъ, письму не обучали—какая осторожность: боялись письменныхъ просьбъ! — Въ приходскихъ: письму, счету (Rechnen) катихизису (въ большемъ объемѣ) и сверхъ того сообщались общія понятія о разныхъ предметахъ, въ видахъ искорененія господствовавшихъ въ народѣ предразсудковъ. (Полн. Соб. Зак. т. XXXVI, прилож. къ Nr. 27,735, §§ 118, 516, 517, 519).

Всѣ эти правила, особенно относящіяся до волостныхъ школъ, писались и утверждались для переду, въ видѣ программы, о скоромъ осуществленіи которой никто въ то время особенно не заботился. Дворянство, на всякій случай, забирало начальное народное образованіе въ свои руки, но въ сущности оно не только не усматривало въ немъ особенной надобности, а скорѣе даже относилось къ нему недовѣрчиво и не совсѣмъ доброжелательно. Кое гдѣ можетъ быть и заводились волостныя или вотчинныя школы, но это были рѣдкія исключенія. Къ тому же и хозяйственныя условія, въ которыя народъ былъ поставленъ, не благопріятствовали развитію его образованія. При быстромъ упадкѣ матеріальнаго благосостоянія крестьянъ, начавшемся послѣ и вслѣдствіе безземельной эмансипаціи, трудно было и ожидать сильной охоты къ ученію: они по прежнему пребывали въ невѣжествѣ и не сознавали его. Кажется даже, что послѣ 1819 года наступила пора упадка и въ дѣлѣ народнаго образованія; по крайней

мѣрѣ на это предположеніе наводитъ сравненіе свидѣтельства Меркеля, въ концѣ прошлаго столѣтія находившаго школы во всѣхъ приходахъ, съ свидѣтельствомъ преосвященнаго Филарета, писавшаго въ 1846 году „что существованіе приходскихъ училищъ, требуемыхъ Положеніемъ 1819 года почти незамѣтно и что ихъ едва ли можно насчитать болѣе десятка на всѣ 106 лютеранскихъ приходовъ Лифляндіи, не считая острова Эзеля".

Положеніе о лифляндскихъ крестьянахъ 1849 года не внесло въ организацію лютеранскихъ школъ ничего особенно новаго, кромѣ нѣкоторой путаницы въ статьяхъ о распредѣленіи повинностей, отбываемыхъ на этотъ предметъ крестьянами православнаго и лютеранскаго вѣроисповѣданій; во всякомъ случаѣ все новое, обусловленное водвореніемъ въ краѣ православія, вошло въ Положеніе 1860 года, которымъ опредѣляется теперешняя система административнаго устройства народнаго образованія въ Лифляндіи.

Сельскія школы, по Положенію 1819 года, какъ читатели могли видѣть изъ представленнаго имъ краткаго обозрѣнія, имѣли характеръ учрежденій не столько церковныхъ, сколько вотчинныхъ; въ сороковыхъ годахъ, онѣ преобразились и теперь являются учрежденіями носящими характеръ церковно-земскій.

„Нынѣшнія волостныя школы евангелическо-лютеранскаго исповѣданія принадлежатъ къ церковнымъ учрежденіямъ (gehören zu den kirchlichen Anstalten); на семъ основаніи, онѣ состоятъ въ завѣдываніи церковныхъ властей.—Равнымъ образомъ и домашнее обученіе членовъ волостнаго общества, принадлежащихъ къ евангелическо-лютеранскому исповѣданію, подлежитъ, по прежнему, надзору лютеранскаго духовенства и вѣдомству лютеранскихъ, церковныхъ властей. Евангелическо-лютеранскія приходскія школы имѣютъ подлежать прежнему надъ ними надзору, а православныя, по силѣ общихъ законовъ имперіи, состоятъ въ исключительномъ вѣдѣніи православнаго духовенства и святѣйшаго правительствующаго сунода" [1]).—Такъ гласитъ По-

[1]) Полн. Соб. Зак. XXXV, Nr. 36312, §§ 590, 591. См. также XXXIV. Nr. 23385, § 647.

ложеніе. Здѣсь, какъ видятъ читатели, разграниченіе сферы народнаго образованія по вѣроисповѣдываніямъ проводится уже во всей строгости.

Въ настоящее время, завѣдываніе протестантскими сельскими школами, какъ приходскими такъ и волостными, ввѣрено тремъ коллегіальнымъ присутствіямъ: приходской школьной управѣ (Kirchspiel-Schulverwaltung), окружному комитету земскихъ школъ (Kreisland-Schulbehörde) и главному церковному попечительству (Oberkirchenvorsteheramt). Первое присутствіе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ церковнаго головы (Kirchenvorsteher) по выбору отъ прихода, изъ пастора, учителя приходской школы и одного приходскаго школьнаго старшины по выбору отъ всѣхъ церковныхъ попечителей (Kirchenvormündern) и школьныхъ старшинъ (Schulältesten). Второе присутствіе учреждается на каждые два полицейскихъ (орднунгсгерихтскихъ) округа и состоитъ изъ главнаго церковнаго попечительства (Oberkirchenvorsteheramt), двухъ членовъ ревизоровъ избираемыхъ отъ дворянства, двухъ отъ духовенства избираемыхъ лифляндскою консисторіею и двухъ членовъ избираемыхъ приходскими школьными старшинами изъ своей среды. Въ лицѣ этихъ двухъ послѣднихъ членовъ, вводится въ почетный кругъ крестьянская аристократія—это уступка современному духу сдѣланная въ 1871 году [1]). Третье присутствіе состоитъ изъ четырехъ головъ (Oberkirchenvorstehern), лифляндскаго генералъ-суперинтендента и одного совѣтника (Schulrath) по части школъ избраннаго дворянствомъ.

Эти три присутствія находятся между собою въ отношеніяхъ инстанціоннаго подчиненія.

Губернское присутствіе распоряжается испытаніемъ учителей, опредѣленіемъ ихъ къ должности, производствомъ имъ жалованья, ревизіею школъ, открытіемъ новыхъ, по соглашенію съ дворянствомъ, введеніемъ въ употребленіе учебныхъ книгъ по совѣщанію съ консисторіею, и окончательно рѣшаетъ всѣ вопросы и споры по части ввѣренныхъ ей школъ.

Средняя инстанція, подчиняясь высшей, также ревизуетъ

[1]) Правит. Вѣст. 24 ноября 1871 г. Nr. 280.

школы въ своемъ округѣ; она можетъ отъ себя налагать штрафы до 25 рублей и приводитъ въ исполненіе свои распоряженія черезъ орднунгсъ-герихтъ.

Низшая инстанція наблюдаетъ за училищами въ предѣлахъ прихода.

Надзоръ за преподаваніемъ въ волостныхъ школахъ и за домашнимъ обученіемъ порученъ церковному головѣ и пастору, при содѣйствіи причетниковъ, церковныхъ попечителей и школьныхъ старшинъ, избираемыхъ изъ числа волостныхъ судей.

Устройство и содержаніе крестьянскихъ волостныхъ школъ (Bauergemeindeschulen) остается на непосредственной обязанности волостныхъ обществъ.

По Положенію 1819 года, взиманіе сборовъ на школы вообще возлагалось на волостные суды (§ 118. п. 9); въ Положеніи 1849 года значилось также, что волостные суды собираютъ съ членовъ общества причитающееся на пасторовъ, церкви, школы и почту (§ 388 п. 9), а въ соотвѣтствующей статьѣ Положенія 1860 года (§ 346 п. 9) вмѣсто повинностей на школы поставлены повинности общественныя (Gemeindeabgaben). Эта на видъ ничего незначащая перемѣна въ редакціи сдѣлана была не спроста; она, вопервыхъ, даетъ волостнымъ правленіямъ поводъ (которымъ они и пользуются) привлекать православныхъ къ участію въ сборахъ, подъ общимъ, глухимъ названіемъ общественныхъ, идущихъ на содержаніе лютеранскихъ церквей и школъ; во вторыхъ, она служитъ тѣмъ же правленіямъ благовиднымъ предлогомъ уклоняться отъ взысканія съ православныхъ членовъ обществъ обязательныхъ сборовъ на школы православныя, ибо въ тѣхъ обществахъ гдѣ православные члены составляютъ меньшинство, то есть въ большей части лифляндскихъ волостныхъ обществъ, удовлетвореніе потребностей протестантскихъ школъ причисляется къ повинностямъ общественнымъ, а содержаніе школъ православныхъ считается частнымъ дѣломъ православныхъ членовъ общества, о которыхъ волостное правленіе не обязано заботиться [1]).

---

[1]) Полн. Соб. Зак. XXXV, Nr. 36312, §§ 346, 588—599.

Это толкованіе конечно неправильно и не выдерживаетъ юридической критики, но и употребляется оно не противъ юристовъ, а противъ полуграмотныхъ крестьянъ.

Вотъ все что мы находимъ въ Гл. III Полож. 1860 года о земскихъ народныхъ школахъ. Какъ видно, оно вовсе не касается многихъ предметовъ вошедшихъ въ Положеніе 1819 года; такъ, напримѣръ, не упоминается ни объ отношеніяхъ помѣщика къ школѣ существующей въ его имѣніи, ни о предметахъ и объемѣ преподаванія. Изъ этого однако никакъ не слѣдуетъ заключать, чтобы прежнія постановленія по этимъ предметамъ по сю пору оставались въ силѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что очень многое измѣнилось; не говоря уже о томъ, что помѣщики въ настоящее время едва ли пользуются правомъ, по собственному усмотрѣнію назначать, штрафовать и смѣнять учителей, которымъ жалованье выдаютъ общества, мы знаемъ изъ сообщеній г. Юнга-Штиллинга, что кругъ предметовъ преподаванія значительно расширился; въ волостныхъ школахъ обучаютъ теперь, кромѣ предметовъ указанныхъ въ Положеніи 1819 года, письму и библейской исторіи, въ приходскихъ: исторіи вообще, географіи, геометріи и рисованію; мы знаемъ также изъ другихъ источниковъ, что съ пятидесятыхъ годовъ стали постепенно вводить и обученіе нѣмецкому языку, кое гдѣ даже, противъ воли руководителей, и русскому; но на это никогда не испрашивалось разрѣшенія. Кругъ преподаванія очерченный законодательнымъ порядкомъ раздвинулся въ значительной степени безъ вѣдома законодательной власти.

По извѣстіямъ г. Юнга-Штиллинга, съ 1851 по 1867 годъ, число протестантскихъ сельскихъ школъ въ Лифляндіи увеличилось отъ 639 до 844, слѣдовательно на 205 школъ, а число учащихся отъ 25,283 до 33,895. Въ 1867 году, учащіеся въ школахъ составляли 15, 43% общаго числа дѣтей протестантскаго вѣроисповѣданія [1]).

По дворянской оцѣнкѣ, школьныя земли и строенія представляютъ капиталъ въ 1,139,912 руб. Считая по 5% съ этихъ земель, получается дохода 56,995 р. Дворянство жерт-

[1]) Statistisches Material etc. v. Jung-Stilling. Petersb. 1868.

вуетъ [1]) на свои (лютеранскія) школы деньгами: 15,000 р. и натуральными продуктами (по дворянской же оцѣнкѣ) 16,000 р. Общественные сборы съ крестьянъ на тѣ же школы (по частнымъ свѣдѣніямъ, за точность которыхъ нельзя поручиться) составляютъ болѣе 50,000 рублей.

Читателей вѣроятно поразитъ скудость и неполнота предложенныхъ имъ свѣдѣній о протестантскихъ школахъ въ Лифляндіи. Сухія выписки изъ разновременно изданныхъ Положеній, да двѣ, три цыфры—все это не даетъ еще никакого представленія ни о физіономіи училищъ, ни о направленіи учителей, ни о духѣ преподаванія, ни о понятіяхъ выносимыхъ учениками изъ школъ. Къ сожалѣнію, я не могу дать бо̀льшаго; еслибъ я захотѣлъ коснуться этихъ предметовъ, то долженъ бы былъ, по неимѣнію другихъ источниковъ, ограничиться повтореніемъ извѣстій сообщаемыхъ ф. Боккомъ, отъ котораго мы уже давно слышали, что лютеранскія школы процвѣтаютъ, что эсто-латышская молодежь научается въ нихъ благоговѣть передъ Германіею, чуждаться Россіи, презирать все русское и что стало быть народное образованіе поставлено на вѣрную дорогу и идетъ къ своей цѣли. То же самое твердятъ намъ и всѣ нѣмецкія газеты.

Въ утѣшеніе читателямъ я могу только прибавить, что и правительство знаетъ объ остзейскихъ лютеранскихъ народныхъ школахъ не больше чѣмъ мы. Что дѣлается въ упомянутыхъ трехъ коллегіальныхъ присутствіяхъ завѣдующихъ ими—ему неизвѣстно; оно повидимому совершенно довольствуется коротенькими, сухими, ничего не объясняющими отчетами, которые ежегодно подаются ему по̀ заведенному изстари порядку, и даже не любопытствуетъ заглянуть въ этотъ для него закрытый міръ и узнать, по̀ какимъ учебникамъ и что именно тамъ преподается хоть бы, напримѣръ, подъ названіемъ исторіи?

А вѣдь если Бокки, Эккарты, Ширрены и вся фаланга остзейскихъ корреспондентовъ нѣмецкихъ газетъ хоть на половину правы въ своей оцѣнкѣ народныхъ лютеранскихъ школъ,

---

[1]) Жертвуетъ значитъ: облагаетъ какъ дворянскія, частныя, т а к ъ и к а з е н н ы я земли обязательнымъ сборомъ.

то кажется стоило бы удѣлить на нихъ хоть малую долю того вниманія, съ которымъ министерство народнаго просвѣщенія слѣдитъ за нашими невинными, едва зараждающимися народными училищами внутри Россіи.

Вспомните: у насъ училищный совѣтъ уѣздный и такой же губернскій. Въ первомъ, на трехъ членовъ отъ земства и города, засѣдаютъ непремѣнно два члена отъ двухъ министерствъ и одинъ отъ духовнаго вѣдомства, не считая другихъ членовъ отъ разныхъ правительственныхъ вѣдомствъ. Въ губернскомъ совѣтѣ, которому подчиняется уѣздный, на двухъ членовъ отъ земства, архіерей, губернаторъ, попечитель округа и директоръ училищъ.

Сверхъ того, для постояннаго и непосредственнаго наблюденія за народными училищами, правительство держитъ въ каждой губерніи по одному инспектору непосредственно подчиненному попечителю округа.

Онъ надзираетъ за всѣми народными училищами, аттестуетъ учителей, ненадежныхъ увольняетъ, бракуетъ книги и учебныя пособія неодобренныя правительствомъ, присутствуетъ въ училищныхъ совѣтахъ на правахъ прокурора. Но оказывается, что и этого мало; мы недавно узнали, что теперь уже рѣшено придать инспекторамъ помощниковъ, измѣнить составъ училищныхъ совѣтовъ и подчинить ихъ непосредственно учебному начальству министерства народнаго просвѣщенія [1]).

А тамъ, въ Лифляндіи ни въ одномъ изъ трехъ присутствій, приходскомъ, окружномъ и губернскомъ, правительство не имѣетъ не единаго голоса, даже попечитель округа и его товарищъ безусловно устранены не только отъ всякаго участія въ завѣдываніи лютеранскими школами, но и отъ всякаго надъ ними наблюденія.

Я однако ошибся, сказавъ нѣсколькими строками выше, что правительству никогда не приходило на мысль заглянуть въ нѣмецкія лютеранскія школы. Разъ, одинъ только разъ, оно ощутило желаніе ознакомиться съ ними.

Это было въ 1868 году, подъ жгучимъ впечатлѣніемъ мно-

---

[1]) Правит. Вѣстникъ 1871 г. Nr. 46.

гихъ, обидныхъ разочарованій, въ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ политическаго прозрѣнія, когда и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ потребность дознать всю правду, какъ бы горька она ни была, пересиливаетъ привычку уклоняться отъ непріятныхъ ощущеній. Притомъ, это было не въ остзейскомъ краѣ, а въ ковенской губерніи, но въ тѣхъ уѣздахъ ея, которые составляютъ какъ бы продолженіе Курляндіи, въ которыхъ большая часть имѣній скуплена остзейскими дворянами или пожалована имъ, и гдѣ народныя школы состоятъ (по крайней мѣрѣ недавно еще состояли) неизвѣстно почему въ вѣдѣніи курляндской консисторіи. Двѣ объ нихъ статьи, очевидно офиціальнаго происхожденія, появившіяся въ Виленскомъ Вѣстникѣ, а потомъ въ Сѣверной Почтѣ, такъ интересны, и вѣроятно такъ давно всѣми забыты, что я считаю не лишнимъ, въ дополненіе ко всему вышесказанному, перепечатать изъ нихъ отрывки. Читатели найдутъ ихъ въ приложеніи XVII.

Все, что тамъ говорится о лютеранской школѣ какъ о проводникѣ, черезъ который германизмъ незримыми путями переливается изъ высшихъ сословій въ народъ и переработываетъ духовный организмъ его, вполнѣ примѣняется къ школамъ остзейскимъ, съ тою, конечно, разницею, что въ сѣвѣрно-западномъ краѣ процессъ онѣмеченія совершается въ нѣсколькихъ пунктахъ, тогда какъ на балтійскомъ нашемъ поморьѣ онъ охватываетъ сплошную территорію трехъ губерній, поддерживается цѣлымъ обществомъ, всею системою мѣстныхъ административныхъ, церковныхъ и сословныхъ учрежденій, наконецъ ведетъ къ цѣлямъ болѣе близкимъ и яснѣе сознаннымъ.

Мнѣ кажется, что пора подумать объ этомъ серьезно.

Сводя общія черты крупныхъ историческихъ событій, происходившихъ на нашей памяти, и стараясь извлечь изъ прошедшаго указанія для переду, нельзя не убѣдиться, что началу народной автономіи предназначена первостепенная историческая роль во всѣхъ будущихъ политическихъ комбинаціяхъ. Давно миновала пора фамильныхъ сдѣлокъ и примѣненія къ государствамъ началъ гражданскаго права; поколеблена вѣра въ теорію политическаго равновѣсія, требовав-

шую искусственнаго усиленія государствъ слабѣвшихъ и не менѣе искусственнаго ослабленія усиливавшихся. Теперь, мало по малу, вырабатывается въ образованномъ мірѣ признаніе за каждою народностью, сложившеюся историческимъ процессомъ въ живую, коллективную личность, рѣшительнаго голоса въ строеніи собственной ея политической судьбы. По крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ, то есть по закону свободныхъ народныхъ тяготѣній, измѣнялась въ послѣднее время карта Европы объединеніемъ народностей искусственно разорванныхъ въ Италіи и Германіи и постепеннымъ распаденіемъ народностей искусственно сплоченныхъ—въ Турціи и Австріи. Если есть поводъ думать, что въ будущихъ переворотахъ устоятъ только тѣ политическіе организмы, которые окажутся сообразными съ этими свободными тяготѣніями, то нѣтъ надобности распространяться о первостепенной важности въ настоящемъ всѣхъ тѣхъ условій и данныхъ, которыми направляются въ ту или другую сторону сочувствія массъ, и особенно тѣхъ изъ нихъ, которыхъ политическія стремленія не успѣли еще окончательно установиться.

Таково теперь положеніе прибалтійскихъ Латышей и Эстовъ. Историческая судьба поставила ихъ въ прямую о б щ е с т в е н н у ю зависимость отъ сословій, составляющихъ какъ бы передовую дружину германизма; та же судьба ввела ихъ въ политическій составъ Россіи, сдѣлала ихъ гражданами русскаго государства и связала ихъ съ нами единствомъ экономическихъ интересовъ. Мысль отрѣшиться одновременно отъ обѣихъ національныхъ стихій, германской и русской, и выработать изъ себя самостоятельную политическую единицу, возникнуть не можетъ—для нея нѣтъ необходимыхъ задатковъ; но есть мѣсто для колебаній, для выбора между двумя національными полюсами и для взаимной между ними борьбы изъ за первенства на почвѣ, на которой они впервые пришли въ соприкосновеніе своими окраинами.

Позиція, которую мы на ней заняли по отношенію къ мѣстному туземному населенію, была на первыхъ порахъ довольно для насъ выгодна. Германскій общественный гнетъ былъ такъ невыносимо тяжекъ и такъ ненавистенъ Латышамъ и Эстамъ, что всякій политическій переворотъ могъ только вести къ

сравнительному улучшенію ихъ быта. Терять имъ было нечего — они это сознавали и готовы были встрѣтить вмѣшательство третьяго лица, какъ начало спасенія. Нужно было только, чтобъ Россія, такъ сказать, подошла къ нимъ поближе и протянула имъ руку. Но цѣлое государство не можетъ иначе дѣйствовать на племенныя группы, входящія въ составъ его, какъ черезъ посредство мѣстныхъ своихъ учрежденій и агентовъ, а въ этомъ отношеніи, средства нашего правительства были конечно нѣсколько скуднѣе тѣхъ, которыми располагало шведское. Тѣмъ не менѣе, въ прошломъ вѣкѣ, ихъ было значительно больше чѣмъ въ настоящее время.

Во первыхъ, мѣстный судебно-административный штатъ, унаслѣдованный нами отъ Швеціи, издревле отличался множествомъ коронныхъ должностей, замѣщавшихся по назначенію отъ правительства и, разумѣется, при польскихъ корояхъ—коренными Поляками, а при шведскомъ владычествѣ—Шведами. Во вторыхъ, казнѣ принадлежало огромное количество недвижимыхъ, населенныхъ имѣній, такъ что правительство первенствовало въ составѣ мѣстныхъ чиновъ, какъ самый крупный землевладѣлецъ. Въ третьихъ, большинство частныхъ населенныхъ имѣній принадлежало остзейскому дворянству на правѣ помѣстнаго, а не вотчиннаго владѣнія. Наконецъ, въ мѣстномъ нѣмецкомъ обществѣ, отъ котораго можно было ожидать противодѣйствія, не было еще и подобія національнаго единства; оно дробилось на рѣзко разобщенныя между собою сословія, которыя находились въ вѣковой между собою враждѣ и осаждали правительство взаимными другъ на друга жалобами и доносами.

Въ теченіе какихъ нибудь восьмидесяти лѣтъ все это измѣнилось; мы раздарили безъ толку значительную часть казенныхъ имѣній, притомъ не помелочамъ, не въ видахъ колонизаціи края русскими людьми, а крупными массами, богатымъ вельможамъ, никогда не заглядывавшимъ въ свои новопожалованныя имѣнія. Эти русскіе soit disant аристократы не только не поняли своего призванія, какъ естественныхъ представителей и органовъ національной политики, а напротивъ, сами сдѣлались очень скоро и остаются до сихъ

поръ слѣпыми орудіями нѣмецкихъ интригъ, чѣмъ-то въ родѣ петербургскихъ стряпчихъ остзейскаго дворянства.

Мы обратили помѣстья въ вотчины; мы предоставили мѣстнымъ чинамъ право замѣщать по выбору изъ своей среды большую часть судебныхъ и полицейскихъ должностей; сами пріучили себя во всѣ должности оставшіяся коронными назначать почти исключительно членовъ мѣстнаго дворянства и тѣмъ самымъ естественно пріучили и его видѣть въ этихъ должностяхъ не агентовъ правительства, а своихъ повѣренныхъ [1]).

Добровольно обезсиливъ и обобравъ такимъ образомъ самихъ себя, мы, по крайней мѣрѣ, къ началу текущаго столѣтія не успѣли еще испортить нашихъ отношеній къ простому народу. Мы какъ будто игнорировали его существованіе и оставляли его въ откупномъ содержаніи у дворянства, которое, пользуясь этимъ, въ тихомолку зачеркивало и стирало слѣды законодательной дѣятельности шведскаго правительства по ограниченію помѣщичьяго произвола и по уст-

---

[1]) Напрасно стали бы приписывать этотъ рядъ административныхъ и законодательныхъ промаховъ безотчетному произволу, возможность котораго присуща самодержавной формѣ правленія. Личный произволъ до Петра I и послѣ него пользовался одинаковымъ просторомъ и, въ этомъ отношеніи, Царь Иванъ IV не имѣлъ бы повода завидовать Императору Павлу I. Но при всей формальной неограниченности до-Петровскаго самодержавія, въ ту эпоху, въ общемъ ходѣ нашихъ дѣлъ съ Ордою, съ Новгородомъ и Псковомъ, съ Польшею, съ Литвою и съ Ливонскимъ орденомъ, личныя воззрѣнія или прихоти вѣнценосцевъ не нарушали неуклоннаго слѣдованія сознательно усвоенной программѣ. Словомъ, до Петра, было у насъ то, чего отсутствіе такъ рѣзко мечется въ глаза въ послѣдующую эпоху: были въ политикѣ, внутренней и внѣшней, твердыя національныя традиціи, и оттого оставалась она вѣрною себѣ самой при холодно-разсудительномъ Іоаннѣ III, при дикомъ его внукѣ, при дряблomъ Ѳедорѣ и при добродушно-лукавомъ Алексѣѣ. Съ Петра I, мѣсто порванной государственной традиціи занялъ другой историческій агентъ: личный темпераментъ вѣнценосца. Оттого, между прочимъ, все пріобрѣтенное Россіею до Петра приросло къ ней крѣпче послѣдующихъ ея пріобрѣтеній. Эта разница между двумя эпохами, конечно, не менѣе важная чѣмъ брадобритіе и сравнительная длина кафтановъ, не вполнѣ оцѣнена даже теперь, хотя мы уже перестали относиться къ Петровской революціи какъ къ открытой темѣ для полемики за и противъ и повидимому поняли, что уже наступила пора сказать объ ней всю правду, какъ о пережитомъ историческомъ фактѣ.

ройству крестьянскаго быта. Но цѣлый народъ не такъ легко отказывается отъ своихъ надеждъ. Онъ, не безъ основанія, приписывалъ наше объ немъ небреженіе простому невѣдѣнію и, вслѣдствіе этого, тяга въ нашу сторону не ослабѣвала, даже усиливалась. Въ самомъ народѣ зародилось, конечно въ формѣ темнаго броженія, желаніе какъ нибудь пробиться къ намъ черезъ германское средостѣніе, повѣдать намъ о своемъ бытіѣ и слиться съ нами во едино.

Три раза Эсто-Латыши давались намъ въ руки; но мы не поняли ни ихъ нуждъ, ни своего призванія; мы ровно ничего не поняли, упустили два случая и, кажется, намѣреваемся теперь упустить третій.

Въ первый разъ тяга къ Россіи проявилась въ религіозномъ движеніи сороковыхъ годовъ. Сперва мы приняли его за бунтъ и, вмѣсто проповѣдниковъ, послали въ Лифляндію солдатъ съ шпицрутенами; потомъ, дозволивъ переходъ въ нашу вѣру, мы, однако, не переставали всячески сдерживать его; наконецъ, остановивъ движеніе, мы поставили перешедшихъ въ безвыходное положеніе и махнули на нихъ рукою. Это малое разрозненное стадо, оторвавшееся отъ мѣстнаго лютеранскаго общества и имъ отвергнутое, не встрѣтило съ нашей стороны ни сочувствія, ни заботливаго призрѣнія. Безнаказанно обираемое и оскорбляемое на каждомъ шагу, лишенное всего, что могло бы укрѣпить и просвѣтить его вѣру, оно неминуемо должно было отстать во всѣхъ отношеніяхъ отъ своихъ одноплеменниковъ протестантскаго вѣроисповѣданія и впасть въ отчаяніе. Мы этого какъ будто не подозрѣвали и только тогда, когда переполнившаяся чаша народнаго долготерпѣнія стала склонять вѣсы въ обратную сторону и когда дошли до нашего слуха рукоплесканія заграничнаго германизма, торжествовавшаго побѣду лютеранства надъ православіемъ на балтійской нашей окраинѣ, только тогда стали мы смекать, что мы чего-то не сдѣлали, что-то существенное упустили. Догадавшись наконецъ, что православію трудно существовать безъ правильнаго богослуженія, мы принялись наскоро за постройку церквей, стали навѣдываться о степени подготовки и о хозяйственныхъ нуждахъ тамошняго духовенства, стали собирать

пожертвованія иконами и утварью. Но время было упущено. Горькая судьба повѣрившихъ въ русскую вѣру и позднее раскаяніе многихъ изъ нихъ успѣли уже произвести на народную массу глубокое впечатлѣніе, которое едвали скоро изгладится.

Во второй разъ стремленіе къ объединенію съ Россіею вызвано было великими законодательными мѣрами перваго періода нынѣшняго царствованія. Слѣдя издали за происходившими у насъ преобразованіями, Эсто-Латыши, во множествѣ поданныхъ ими адресовъ и просьбъ, стали напоминать о себѣ. Они выпрашивали не чего либо новаго, не привилегіи, а того самаго, что уже было даровано всей Россіи: неприкосновеннаго надѣла, законной нормы повинностей, выкупа, гласнаго суда съ присяжными и всесословныхъ земскихъ учрежденій. Но мы и тутъ не могли отдѣлаться отъ внушенныхъ намъ подозрѣній и взглянуть на это естественное стремленіе въ нашу сторону безъ предубѣжденія. Вмѣсто того, чтобы прислушаться къ голосамъ просителей и вникнуть въ дѣло, мы занялись обрываніемъ депутатовъ и ловлею зачинщиковъ; первыхъ, на кого указало намъ дворянство, мы отправили въ ссылку. Послѣ этого, намъ показалось, что мы что-то усмирили и кого-то побѣдили. О приспособленіи къ Прибалтійскому краю земскихъ учрежденій никто не хотѣлъ и думать; судебная реформа отдана была въ руки мѣстныхъ юристовъ, иными словами: похоронена заживо, а въ довершеніе крестьянской реформы, мы подписали не задумываясь проэкты положеній, присланные намъ изъ Риги и Ревеля, и такимъ образомъ, одновременно одною рукою разрушили въ томъ краѣ то самое ,что другою закладывали въ остальной Россіи. Повторена была капитальная ошибка 1819 года: личное право крестьянъ на землю поставлено было въ зависимость отъ доброй воли помѣщиковъ; дворянству дана была возможность изъ всей массы сельскаго народонаселенія отобрать чело и сосредоточить крестьянскую землю, крупными участками, въ рукахъ немногихъ избранныхъ. Это дѣлалось не столько на основаніи хозяйственныхъ разсчетовъ, сколько въ политическихъ видахъ. Нужно было образовать сельскую ари-

стократію, своего рода мелкую сельскую шляхту, которая, оставивъ далеко за собою сельскую чернь, заняла бы мѣсто въ хвостѣ дворянства и, отдѣлившихъ отъ народа, впослѣдствіи слыла бы за цѣлый народъ. Этотъ верхній слой теперь отвоеванъ у насъ германизмомъ и едва ли не окончательно потерянъ для Россіи.

Покуда мы такимъ образомъ пропускали мимо ушей историческіе призывы, нѣмецкое, прибалтійское общество вразумлялось переживаемыми имъ кризисами. Нельзя не отдать справедливости, даже позволительно позавидовать, быстротѣ его политическаго мужанія. Прежде всего, познавъ изъ опыта, что сословное разъединеніе и внутренняя борьба партій ослабляетъ его, оно поспѣшило прекратить мировыми сдѣлками или по крайней мѣрѣ отсрочить всѣ свои старыя домашнія тяжбы. Это обошлось конечно не безъ обоюдныхъ уступокъ, но за то теперь о подобнаго рода дѣлахъ почти уже нѣтъ и слуховъ. Разорванные ряды сомкнулись въ національную оппозицію подъ общимъ знаменемъ такъ называемой провинціальной конституціи—die Landesverfassung.

Оттого всѣ возникающіе теперь вопросы, какого бы свойства они ни были, естественно переходятъ въ одинъ общій принципіальный вопросъ объ отношеніи края къ цѣлому государству и, изъ опасенія встрѣтиться съ этимъ щекотливымъ вопросомъ, правительство мало по малу отрекается отъ всякой законодательной иниціативы.

Далѣе, нѣмецкая интеллигенція поняла прежде чѣмъ мы, что безвозвратно миновало то время, когда грубая сила могла служить достаточно надежнымъ основаніемъ для господства надъ массою и что край окончательно останется за тою изъ двухъ встрѣтившихся на немъ національныхъ стихій, которую добровольно усвоитъ себѣ народъ путемъ образованія. Пробудившаяся въ немъ потребность грамотности представляла самый благопріятный поводъ вступить съ нимъ въ дружеское общеніе на этомъ совершенно новомъ и ничѣмъ еще не засоренномъ поприщѣ. Съ свойственною ему толковитостью и настойчивостью, нѣмецкое общество взялось за дѣло, недавно еще слывшее у иныхъ опаснымъ, а у другихъ—излишнимъ. Школы стали быстро размножаться, наполня-

лись еще быстрѣе, а успѣхи учащихся превосходили самыя смѣлыя ожиданія.

Можетъ быть, оттолкнувъ отъ себя и выдавъ два раза народъ, валившій къ намъ на встрѣчу, мы и на поприщѣ народнаго образованія ничего бы для него не сдѣлали, даже не замѣтили бы, что у насъ его отвоевываютъ, если бы самъ народъ не поднялъ тревоги. Онъ обратился въ нашу сторону въ третій разъ и далъ намъ понять, что онъ все-таки видитъ свою будущность въ Россіи, а не въ Германіи, и потому хотѣлъ бы учиться порусски. Вотъ въ какомъ положеніи обрѣтаются теперь дѣла на нашей прибалтійской окраинѣ. Тяжба между руссицизмомъ и германизмомъ за обладаніе массою кореннаго мѣстнаго населенія вступила въ третій, вѣроятно, послѣдній фазисъ и разрѣшается теперь въ стѣнахъ сельской школы. Пойдетъ ли народъ въ нѣмецкую или въ русскую школу? Послужитъ ли ему ключемъ къ дальнѣйшему образованію языкъ нѣмецкій или языкъ русскій? Въ первомъ случаѣ онъ мало по малу повернется всею массою лицемъ къ Германіи, усвоитъ себѣ, вмѣстѣ съ ея языкомъ, общественные и политическіе ея идеалы, ея національныя сочувствія и антипатіи и тогда наша балтійская окраина въ сущности будетъ для насъ потеряна, какъ бы долго ни числилась она въ составѣ Россіи, подобно тому какъ уже теперь потеряна для нѣмецкой Австріи не только Венгрія, но и Богемія и Галиція.

Во второмъ случаѣ, пріобрѣтеніе Петра I укрѣпится за нами навсегда, не въ силу Ништатскаго трактата, а въ силу органическаго сращенія тамошняго народа съ Россіею. Тогда само собою притупится обращенное противъ насъ остріе балтійскаго германизма. Онъ сдѣлается безвреденъ. Лишенный корней, которые обновляли бы его свѣжими соками, высасываемыми изъ земли, онъ скоро исхудаетъ и носителямъ его ничего болѣе не останется, какъ обречь себя добровольно на политическую чахотку, или безоговорочно пріобщиться къ судьбѣ не одной царствующей династіи, но вмѣстѣ и Русской земли.

Обратимся же теперь еще разъ къ школамъ и соберемъ вкратцѣ результаты представленнаго выше сравненія.

Странно бы было отрицать очевидность: школы православныя (по мѣстной терминологіи — русскія) въ теперешнемъ ихъ видѣ уступаютъ во всѣхъ отношеніяхъ школамъ протестантскимъ или нѣмецкимъ. Пасторы и учителя, вышедшіе изъ семинарій основанныхъ дворянствомъ, въ общей сложности, образованнѣе нашихъ священниковъ и причетниковъ; у первыхъ больше досуга, больше педагогическихъ средствъ, учебниковъ и всякаго рода пособій. О матеріальныхъ условіяхъ, разумѣя подъ этимъ помѣщеніе, жалованье полагаемое учителямъ и содержаніе учащихся, нечего и говорить. Все это несомнѣнно; но главная причина отсталости православной школы отъ лютеранской заключается въ сравнительной невыгодности общественной обстановки первой. Лютеранская школа пользуется попечительствомъ помѣщика, въ имѣніи котораго она открыта, въ особенности заботливымъ вниманіемъ его жены, покровительствомъ мѣстнаго орднунгсъ-рихтера и приходскаго судьи, дѣятельнымъ участіемъ многихъ благотворительныхъ обществъ, всего дворянскаго сословія, наконецъ, ученой корпораціи, чрезъ посредство которой доходятъ до нея практическіе результаты педагогической опытности Германіи.— Есть кому наставить учителя, при случаѣ дать ему добрый совѣтъ и поддержать его усердіе. Онъ трудится въ виду цѣлаго общества, хорошо понимающаго первостепенную важность порученнаго ему дѣла, и потому онъ берется за него съ полною увѣренностью, что скромный трудъ его не останется безъ надлежащей оцѣнки. Есть также кому поощрить и пріохотить учениковъ, пробудить въ нихъ соревнованіе, подогнать отсталыхъ, отличить усердныхъ, а въ праздничный день или послѣ экзамена наградить отличившихся и угостить всѣхъ. Тому, кто знакомъ по опыту съ ходомъ начальнаго обученія въ деревняхъ, нѣтъ надобности объяснять, въ какой степени успѣхъ его зависитъ отъ совокупности именно подобнаго рода условій. Но никакое правительство въ мірѣ не можетъ создать ихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ; оно даже не въ состояніи замѣнить ихъ ни высокими жалованьями, ни частыми ревизіями. Въ этой области полный хозяинъ и единственный дѣятель о б щ е с т в о, а въ прибалтійскомъ краѣ есть на одной

сторонѣ издавна сложившееся, единодушное нѣмецко-протестантское общество, на другой есть православные бобыли, православное духовенство, нѣсколько, очень немного русскихъ чиновниковъ, нѣсколько русскихъ купцовъ, проживающихъ въ городахъ и, къ сожалѣнію, никогда не заглядывающихъ въ уѣзды; но русскаго общества еще нѣтъ. Сказать, что православная сельская школа обставлена иначе, чѣмъ лютеранская, было бы неточно: у первой вовсе нѣтъ общественной обстановки; она стоитъ одиноко, какою то безродною сиротою; помѣщикъ и его семья отворачиваются, проходя мимо ея, мѣстныя власти тоже; пастору до нея нѣтъ дѣла и если ему когда нибудь случится промолвить объ ней слово на конфирмаціи или при такъ называемомъ прослушиваніи своихъ учениковъ, то развѣ только для того, чтобъ выставить передъ слушателями ея жалкій видъ и бѣдность въ сравненіи съ школою протестантскою. Впрочемъ, ученики обоихъ вѣроисповѣданій, безъ всякихъ коментаріевъ, живо и глубоко сознаютъ эту разницу. Одинаково безотрадно положеніе православнаго учителя и священника. Помѣщичій домъ для нихъ закрытъ; переговорить, посовѣтоваться, отвести душу положительно не съ кѣмъ. Правда, никто не мѣшаетъ имъ утѣшаться мыслью, что въ тѣсной и непривѣтливой средѣ своей волости или своего прихода они служатъ посильно православной Россіи; но что знаетъ объ нихъ православная Россія и сами то они часто ли объ ней слышатъ? Мудрено ли, при такихъ условіяхъ, опуститься и поддаться унынію?

Вопросъ теперь въ томъ: захочетъ ли русское общество, не рижское или дерптское, а общество всероссійское, сдѣлать для привлеченія Латышей и Эстовъ къ Россіи, если не все то, то хоть долю того, что дѣлаетъ нѣмецкое прибалтійское общество съ цѣлью обратить ихъ лицомъ къ Германіи?

Въ послѣднее время между нами и нашими лифляндскими единовѣрцами установилась, черезъ посредство тамошнихъ православныхъ братствъ [1]) нѣкоторая общественная связь,

---

[1]) Въ рижской епархіи состоитъ нынѣ 9 братствъ: Рижское Петро-Павловское, Кальценауское Іоанно-Богословское, Венденское Преображенское, Кур-

покрайней мѣрѣ готовая форма для будущаго сближенія. На публикаціи о нуждахъ бѣдствующей остзейской паствы многіе изнутри Россіи отозвались сочувственно. Собрано было довольно много пожертвованій большею частью иконами, ризами и сосудами и отправлено изъ столицъ въ лифляндскіе приходы. По разсказамъ о впечатлѣніи, произведенномъ на мѣстахъ этими первыми осязательными признаками участія русскаго общества къ единовѣрцамъ его пребывающимъ въ лифляндскомъ разсѣяніи, можно составить себѣ понятіе о томъ какъ глубоко въѣлось въ нихъ мучительное сознаніе ихъ духовнаго одиночества. Изъ дальнихъ мѣстъ, изъ другихъ приходовъ люди нарочно приходили въ церкви, чтобъ только посмотрѣть на полученные подарки, ощупать ихъ и получить наглядное подтвержденіе радостнаго, но невѣроятнаго слуха, быстро разнесшагося по всему краю, что тамъ, въ далекой Россіи, откуда прежде высылались казаки съ нагайками и солдаты съ шпицрутенами, нашлись же наконецъ добрые люди, узнавшіе о ихъ нуждахъ и захотѣвшіе имъ помочь. Священники, которыхъ прихожане и сторонніе закидывали вопросами, должны были по нѣскольку разъ повторять одни и тѣ же объясненія; народъ выслушивалъ ихъ съ жадностью и расходился утѣшенный. По поводу этихъ сборовъ на церкви завязались кое гдѣ письменныя сношенія между нѣкоторыми изъ жертвователей и тамошними священниками. Это также принесло свою пользу. Въ одинокой и раздражительной борьбѣ съ неблагопріятною обстановкою, упадающія силы иногда мгновенно оживаютъ подъ вліяніемъ ободрительнаго привѣта, полученнаго со стороны, даже при одной мысли, что въ минуту тоски можно излить накопившуюся на душѣ горечь въ письмѣ, которое прочтется и будетъ понято людьми, настроенными сочувственно. Но все это только починъ.

Церкви на первый разъ обезпечены, по крайней мѣрѣ, существенными принадлежностями приличнаго богослуженія: теперь нужно поддержать православныя школы и дать имъ средства обзавестись необходимыми учебными пособіями.

кундское Николаевское, Таккерортское Успенское, Эзельское Николаевское, Туккумо-Тальсенское, Гольдингенское Покровское и Либавское Николаевское. Всѣ они основаны въ 1866—1870 годахъ.

Жертвуемыми на этотъ предметъ деньгами лифляндскія православныя братства, на мѣстахъ, распорядятся сами лучше, чѣмъ мы. Но еще нужнѣе и гораздо дѣйствительнѣе всякихъ вещественныхъ пожертвованій было бы личное, наглядное ознакомленіе русскихъ людей, неравнодушныхъ къ народному образованію Латышей и Эстовъ, съ положеніемъ тамошнихъ школъ. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, пароходамъ и правильному устройству почтъ, не представилось бы никакихъ матеріальныхъ затрудненій, войдя въ предварительныя сношенія съ мѣстнымъ преосвященнымъ или съ которымъ нибудь изъ тамошнихъ братствъ, получить нужныя указанія и затѣмъ въ какихъ нибудь полтора мѣсяца осмотрѣть православныя училища въ нѣсколькихъ уѣздахъ. Трудъ былъ бы не великъ, а сколько свѣжихъ, живыхъ впечатлѣній набралось бы отъ такой поѣздки, сколько бросилось бы въ глаза предметовъ, совершенно новыхъ, заслуживающихъ полнаго вниманія и ускользающихъ отъ взглядовъ присмотрѣвшихся къ нимъ людей; наконецъ, какъ бы ожили и ободрились всѣ эти полунагіе мальчики, толпящіеся въ тѣсныхъ лачугахъ, чтобъ выучиться лепетать порусски, если бы, по временамъ, заглядывали къ нимъ настоящіе русскіе люди, нарочно пріѣзжающіе изъ Россіи, чтобы посмотрѣть на нихъ и обмѣняться съ ними нѣсколькими словами порусски!

При отсутствіи гласности, это нетолько лучшее, но положительно единственное средство придвинуть Россію къ лифляндскимъ хатамъ и разбить ложныя объ ней представленія, преднамѣренно внушаемыя тамошнему простонародію.

Посмотрите на протестантовъ: какъ только разнесся слухъ, что князь Горчаковъ приписываетъ заботливости правительства, а не дворянства, размноженіе и успѣхи лифляндскихъ народныхъ школъ, два члена Евангелическаго Союза немедленно отправились изъ Швейцаріи на мѣста за справками и уликами, съ единственною цѣлью запастись данными для опроверженія его свидѣтельства. Не поскучали же они объѣхать весь край, посѣтить множество школъ, опросить учениковъ, просмотрѣть ихъ тетради, войти въ самыя близкія сношенія съ незнакомыми имъ пасторами и священниками, отобрать отъ нихъ нужныя показанія, сличить и провѣрить

ихъ, наконецъ, составить подробный отчетъ о своей поѣздкѣ и обнародовать его въ назиданіе Европы. Послѣднее слово осталось за ними. Спрашивается: почему бы намъ, Русскимъ, не послѣдовать ихъ примѣру?

Если два иностранца, предварительно объявившіе правительству о цѣли своей поѣздки, не только не встрѣтили препятствій, но даже пользовались обязательнымъ содѣйствіемъ мѣстныхъ полицій, жандармской и земской, то позволительно думать, что и поѣздка русскихъ туристовъ въ тотъ же край, предпринятая безъ притязаній на офиціальное покровительство, съ единственною цѣлью посмотрѣть на православныя школы и наглядно ознакомиться съ ихъ нуждами, не возбудила бы подозрѣній ни съ чьей стороны.

Наконецъ, еслибъ даже могло имѣть мѣсто опасеніе прослыть подстрекателемъ и подать поводъ къ секретной перепискѣ по доносу какого нибудь ординнгсъ-рихтера, недавно развозившаго Швейцарца Вурстембергера по мызамъ своего уѣзда, неужели одинъ этотъ рискъ помѣшаетъ намъ посильно послужить серьезному дѣлу, настоятельно требующему отъ всѣхъ Русскихъ свободной, личной иниціативы? Еще разъ: пора и очень пора объ этомъ подумать!

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ IV ВЫПУСКУ.

I.

Въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ производилось множество дѣлъ по жалобамъ новообращенныхъ крестьянъ и нашихъ священниковъ на препятствія всякаго рода, которыми пасторы задерживали совершеніе браковъ между православными и лютеранами. По всѣмъ этого рода жалобамъ преосвященный Платонъ всегда обращался сперва къ суперинтенденту Вальтеру и между ними завязывалась безконечная переписка, которая никогда не приводила къ соглашенію, а обыкновенно оканчивалась колкостями. Отстаивая каждаго изъ обвиняемыхъ пасторовъ порознь, суперинтендентъ Вальтеръ самъ, однако, нисколько не отрицалъ общаго факта противодѣйствія смѣшаннымъ бракамъ и даже оправдывалъ его. Вотъ, между прочимъ, что онъ писалъ преосвященному Платону, въ отношеніи отъ 1-го мая 1860 года: „въ виду дѣйствующихъ законовъ вашей церкви, каждый лютеранскій пасторъ обязанъ всякаго лютеранина, намѣревающагося вступить въ смѣшанный бракъ, предостерегать серьезно отъ такого шага (vor solchem Schritte ernstlich zu warnen)“.

Въ томъ же году, эзельскій пасторъ Карблаумъ отвѣчалъ тамошнему православному священнику: „на вопросъ вашъ, не было ли со стороны моей рѣчей противъ смѣшанныхъ браковъ, отвѣчаю: рѣчей было довольно; я не одобряю выхода лютеранокъ за мужъ за православныхъ, ибо черезъ это на-

рушается вѣроисповѣдное единство семьи". Какого рода было противодѣйстіе, читатели усмотрятъ изъ слѣдующихъ фактовъ.

Въ 1854 году маріенбургскій приходскій пасторъ Купферъ, въ проповѣди, говоренной имъ въ киркѣ, обратился къ своимъ слушателямъ съ такими словами: „Вы слѣпы и безсмысленны, моя обязанность вразумить васъ. Вы мѣшаетесь, посредствомъ браковъ, съ русскими (т. е. православными), не подозрѣвая, какія отъ этого могутъ произойти послѣдствія. Подумайте: можетъ быть, со временемъ придется совсѣмъ закрыть эту церковь. Знайте же, что отнынѣ всѣхъ дерзающихъ брачиться съ русскими я буду проклинать съ этой самой кафедры". Слова эти были переданы священнику и засвидѣтельствованы крестьянами—семью лютеранами и четырьмя православными; послѣдніе присовокупляли, что пасторъ въ той же проповѣди назвалъ православіе *собачьей вѣрою*. По требованію преосвященнаго и по распоряженію князя Суворова, произведено было дознаніе чиновникомъ Рачинскимъ. Послѣдній доносилъ, что пасторъ дѣйствительно отклонялъ своихъ прихожанъ отъ смѣшанныхъ браковъ, въ чемъ самъ сознавался; что угрожалъ ли онъ имъ проклятіемъ—не удалось разъяснить вполнѣ; что выраженіе *собачья вѣра* было дѣйствительно употреблено по единогласному свидѣтельству всѣхъ опрошенныхъ и самого пастора; но, по его словамъ, оно имѣло въ его проповѣди другой смыслъ, а именно: возставая противъ вѣроисповѣднаго индиферентизма лютеранокъ, выходившихъ за мужъ за православныхъ, онъ сказалъ объ нихъ: онѣ такъ равнодушны къ вѣрѣ вообще, что говорятъ: „пусть будетъ хоть собачья вѣра, лишь бы хорошо жилось". Это объясненіе подтвердили семь свидѣтелей и, по отзыву чиновника, производившаго дознаніе, показаніе ихъ внушало болѣе къ себѣ довѣрія, чѣмъ показаніе четырехъ свидѣтелей, (передававшихъ эти слова какъ сужденіе самого пастора о православной вѣрѣ), потому что въ числѣ семи находились приходскій учитель (лицо подчиненное пастору) и двое мірскихъ судей (лютеранъ).

Въ 1860 году православный крестьянинъ Петръ Колькъ получилъ согласіе крестьянской дѣвушки лютеранки Анны Кивви и ея родителей на выходъ за него за мужъ. Невѣста была приписана по ревизіи къ имѣнію Бентенгофъ, Раугенс-

каго прихода. Женихъ исполнилъ всѣ обычныя формальности и испросилъ для своей невѣсты разрѣшеніе мѣстной вотчинной конторы на вступленіе ея въ бракъ. Ему было выдано оттуда слѣдующее свидѣтельство: „Противъ выхода за мужъ Бентенгофской дѣвки Анны Кивви за Ковенкюльскаго хозяйскаго сына Петра Колька *вотчинное правленіе* и мірской судъ не встрѣчаютъ препятствій. Бентенгофъ, 14 октября 1860 года. Подпись: Г. Якобсъ, за вотчинное правленіе [1])".

Еслибъ я осмѣлился сказать на основаніи собственныхъ моихъ наблюденій, что въ Лифляндіи 1860-хъ годовъ крестьяне, съ 1804 года слывшіе лично свободными, должны были на вступленіе въ бракъ испрашивать позволенія вотчинныхъ конторъ, никто бы этому, разумѣется, не повѣрилъ, а фонъ-Бокки, Вурстембергеры и пр. назвали бы меня клеветникомъ; но я указываю на письменный документъ, находящійся въ подлинникѣ при дѣлѣ рижской консисторіи за № 35-мъ. Желающіе могутъ справиться.

Съ прописаннымъ свидѣтельствомъ женихъ и невѣста отправились къ мѣстному пастору Гольману и просили его огласить ихъ въ церкви. Опросивъ ихъ и узнавъ, что Колькъ православный, пасторъ откавалъ имъ наотрѣзъ и приказалъ имъ отнести назадъ въ вотчинную контору полученное отъ нея свидѣтельство, на которомъ онъ собственноручно приписалъ отъ себя слѣдующую замѣтку:

„Парень грекъ (т. е. православный) и потому противъ такого брака со стороны евангелико-лютеранскаго приходскаго управленія Раугенской общины встрѣчается очень много препятствій, вслѣдствіе чего на первый разъ этой четѣ отказано и оглашеніе сдѣлано не будетъ. 15 октября 1860 года Ф. Гольманъ, мѣстный пасторъ [2])".

---

[1]) Приведу подлинное свидѣтельство: Wider die Eheverbindung der Bentenhof'schen Magd, Anna Kewwi, mit dem Cowenküll'schen Wirthssohn, Peter Kolk, hat die Gutsverwaltung und das Gemeindegericht nichts einzuwenden. Bentenhof, den 14 Oct. 1860. G. Jacobs, als Gutsverwaltung.

[2]) Der Junge ist Grieche — und das ist seitens des evangelisch-lutherischen Pfarramtes, des der Raugenschen Gemeinde, sehr viel gegen eine solche Ehe einzuwenden. Das Paar wird darum für's erste nicht angenommen und auch nicht aufgeboten werden. Dat. d. 15 Oct. 1860. F. Hollmann, Pastor loci.

Озадаченные суровымъ пріемомъ и рѣшительнымъ отказомъ пастора, женихъ и невѣста, вмѣсто того, чтобъ идти въ вотчинную контору, куда посылалъ ихъ пасторъ, обратились за помощью къ мѣстному священнику и ему же вручили свидѣтельство вотчиннаго правленія съ припискою. Священникъ препроводилъ его къ преосвященному Платону, а послѣдній къ суперинтенденту Вальтеру, прося его вразумить пастора Гольмана.

Поводъ къ отказу въ оглашеніи былъ такъ положительно и ясно высказанъ въ припискѣ къ свидѣтельству, что, кажется, трудно было не признать фактической несомнѣнности намѣренія, хотя, разумѣется, съ протестантской точки зрѣнія можно было сказать многое въ его оправданіе; не менѣе того, пасторъ Гольманъ, въ пространнѣйшемъ объясненіи, имъ представленномъ, приписалъ самому себѣ совершенно иныя побужденія. Онъ де отказалъ въ оглашеніи потому, во-первыхъ, что до него дошелъ слухъ о несогласіи родителей невѣсты на вступленіе ея въ бракъ (это было неправда — пасторъ вызывалъ ихъ въ мірской судъ и долго уговаривалъ ихъ отказать въ своемъ согласіи, но они не подались на его увѣщанія); во-вторыхъ, потому, что невѣста заявила ему, что она находилась уже въ связи съ своимъ женихомъ (оказалось, что она сама на себя наклепала въ надеждѣ склонить пастора къ ускоренію брака); въ третьихъ, потому, что женихъ и невѣста предъявили ему такъ называемое дозволительное свидѣтельство (Erlaubnisschein) отъ вотчинной конторы, тогда какъ выдача таковыхъ свидѣтельствъ воспрещена была указомъ губернскаго правленія 29 октября 1823 года". „Всѣхъ этихъ и другихъ моихъ соображеній (продолжалъ пасторъ) я не счелъ себя въ правѣ сообщать вотчинной конторѣ и потому, въ припискѣ своей, нарочно выразился кратко и употребилъ формулу, совершенно понятную для г. Якобса (управляющаго имѣніемъ), къ которому я обращался, но непонятную для православнаго священника, въ руки котораго она попала".

Итакъ, на языкѣ, служившемъ для взаимныхъ сношеній пастора съ вотчинною конторою, слова: „женихъ исповѣдуетъ православную вѣру и потому я не оглашаю брака" значили:

я не оглашаю брака потому, что родители на него несогласны, потому что невѣста утратила свою невинность и потому что вотчинная контора выдала незаконное свидѣтельство".

Генералъ-суперинтендентъ Вальтеръ не посовѣстился принять это объясненіе; онъ даже нашелъ его удовлетворительнымъ и сдѣлалъ пастору выговоръ за то только, что, по его неосторожности, замѣтка, предназначавшаяся для свѣдѣнія вотчинной конторы, попала къ православному священнику.

Въ томъ же году, къ тому же пастору Гольману явилась прихожанка его Марья Боккель, объявила ему о своемъ намѣреніи выдти за мужъ за православнаго виленскаго мѣщанина Перфилья Сидорова и просила сдѣлать оглашеніе. Пасторъ отказалъ ей въ этомъ, говоря, что онъ не одобряетъ браковъ съ иновѣрцами. Тогда Марья Боккель обратилась къ мѣстному священнику, прося его присоединить ее къ православной церкви, но онъ не исполнилъ ея просьбы, потому что по заведенному порядку ей слѣдовало заявить о своемъ желаніи за шесть мѣсяцевъ (записаться въ числѣ желающихъ) и получить на то свидѣтельство. Вторичное обращеніе къ пастору съ убѣдительною просьбою не препятствовать ея браку осталось также безуспѣшнымъ. Тогда, не видя другаго исхода, Марья Боккель рѣшилась перейти въ сосѣдній Каннапетскій приходъ; для этого она должна была взять у пастора Гольмана выписку изъ метрической книги. Онъ выдалъ ей выписку, но въ графу подъ заголовкомъ *примѣчанія* вписалъ слѣдующія строки: „имѣетъ намѣреніе выдти замужъ за Грека и пришла ко мнѣ въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ принадлежитъ къ моему приходу, съ просьбою тотчасъ же огласить ее въ церкви; въ исполненіи ея просьбы въ этотъ день я рѣшительно ей отказалъ. Прошу Каннапетскаго моего сослужителя, которому она намѣревается представить это свидѣтельство, отклонить ее отъ вступленія въ этотъ безразсудный бракъ. Вообще замѣчаю, что вслѣдствіе долговременнаго своего пребыванія въ Россіи, она одичала душою; тоже самое слышу объ ней со стороны; поэтому поручаю эту душу моему собрату и прошу его объ ней позаботиться".

Собратъ исполнилъ просьбу и встрѣтилъ препровожденную къ нему съ этою аттестаціею одичалую душу такъ непривѣт-

ливо и грубо, что она окончательно рѣшилась не имѣть болѣе дѣла ни съ какими пасторами.

II.

Въ 1844—1846 годахъ, когда Латыши и Эсты стремились изъ лютеранства въ православіе, нашимъ священникамъ строго запрещалось *склонять* ихъ къ перемѣнѣ вѣры, иными словами: запрещалось проповѣдывать свою вѣру. Они должны были относится къ дѣлу пассивно и *выжидать* заявленій о желаніи присоединиться къ церкви.

Принимать заявленія могли не всѣ священники, а только немногіе изъ нихъ, спеціально на то уполномоченные, и то не повсемѣстно и отнюдь не при объѣздѣ приходовъ для совершенія требъ, а только при церквахъ, на мѣстахъ постояннаго своего жительства или въ тѣхъ мѣстахъ, куда они для этого командировались.

Чтобъ войти въ сношеніе съ православнымъ священникомъ и выразить ему лично желаніе перейти въ православіе, иначе: чтобъ *записаться* (мѣстный терминъ), крестьянинъ долженъ былъ прежде всего испросить на то письменный видъ у вотчинной конторы, а если онъ намѣревался идти къ священнику, жительствовавшему въ сосѣдней губерніи, хотя бы рядомъ, напримѣръ, въ Якобштатѣ (Курляндской губерніи), то долженъ былъ добыть себѣ паспортъ.

Виды выдавались одновременно не болѣе какъ десятой части рабочихъ душъ въ имѣніи на проходъ или проѣздъ въ опредѣленное мѣсто, указанное въ самомъ видѣ, къ ближайшему священнику. Крестьяне, являвшіеся безъ видовъ или не туда, куда имъ было указано идти, наказывались розгами и обращались назадъ безъ принятія отъ нихъ заявленій.

Добыть видъ было дѣло вовсе не легкое. Вотчинная контора обыкновенно начинала съ того, что каждаго изъявлявшаго желаніе идти къ священнику отправляла на предварительное увѣщаніе къ мѣстному пастору; тамъ ему внушалось, что, перейдя въ русскую вѣру, онъ пагубитъ свою душу и на вѣки сдѣлается несчастнымъ какъ въ земной, такъ и въ бу-

дущей жизни. Упорствовавшему въ своемъ намѣреніи вотчинная контора объявляла съ глазу на глазъ, что онъ лишится двора, или, что ему будетъ отказано въ работѣ, и подъ разными предлогами отсрочивала выдачу вида, а иногда просто отказывала въ выдачѣ. Случалось также, что безъ дальнихъ разговоровъ, въ волостномъ правленіи, отсчитывали изъявлявшимъ желаніе перейти въ православіе по 30 ударовъ; а пасторы печатно прославляли благочестивое усердіе старшинъ, этимъ способомъ оберегавшихъ отъ соблазновъ ввѣренную имъ паству [1]).

Когда священникъ принималъ приходившихъ къ нему съ билетами крестьянъ, при этомъ долженъ былъ всегда находиться чиновникъ мѣстной полиціи, ординнгсъ-рихтеръ или приходскій судья. Святѣйшій Синодъ первый предложилъ это правило, и оно соблюдалось во всей строгости. Приходившіе подвергались опросу: чистосердечно ли они желаютъ присоединиться къ православной церкви? Не примѣшивается ли къ ихъ желанію надежды на пріобрѣтеніе какихъ либо мірскихъ выгодъ? Знаютъ ли они, что отношенія ихъ къ помѣщикамъ ни въ чемъ не измѣнятся? Обо всемъ этомъ составлялся актъ, въ которомъ прописывались имена явившихся, и отвѣтившимъ удовлетворительно на предложенные имъ вопросы вручались свидѣтельства, дававшія имъ право явиться къ миропомазанію, не ранѣе однако, какъ по истеченіи шестимѣсячнаго срока.

Для опроса и записыванія назначалось обыкновенно два дня въ недѣлю, по соглашенію священника съ полицейскимъ чиновникомъ, а въ рабочую, лѣтнюю пору, пріемъ заявленій прекращался вовсе.

Крестьянинъ, вернувшійся домой, подвергался новымъ увѣщаніямъ, упрекамъ, угрозамъ и очень нерѣдко истязаніямъ всякаго рода, превращавшимъ данный ему на спокойное размышленіе срокъ, въ шестимѣсячную пытку. Въ это время, пользуясь полнымъ разобщеніемъ записавшихся съ православными священниками, пасторы и вотчинныя конторы всѣми мѣрами старались отбирать свидѣтельства, что̀ имъ нерѣдко

---

[1]) Подлинная проповѣдь приведена въ „Окраинахъ Россіи“. III, стр. 121.

и удавалось. Само собою разумѣется, что первоначальная записка и полученіе свидѣтельства ни къ чему не обязывали изъявившаго желаніе перейти въ православіе, но безъ свидѣтельства нельзя было явиться къ миропомазанію.

Самое присоединеніе, то есть таинство миропомазанія, долгое время совершалось тѣмъ же порядкомъ какъ и опросъ, то есть не иначе, какъ при полицейскомъ чиновникѣ.

До 1846 года, священникамъ запрещалось даже, при объѣздѣ своихъ приходовъ, совершать требы для присоединенныхъ къ церкви иначе какъ въ присутствіи чиновника, въ качествѣ посредствующаго лица между пастыремъ и паствою [1]).

Для предупрежденія въ народѣ несбыточныхъ ожиданій, священникамъ запрещалось записывать при крестьянахъ ихъ жалобы, а причетникамъ даже разговаривать съ крестьянами объ ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Наконецъ, разглашатели ложныхъ слуховъ подвергались строжайшей отвѣтственности. Признанные злонамѣренными судились военнымъ судомъ, а повторявшіе безъ дурного умысла слышанное отъ другихъ наказывались полицейскимъ порядкомъ.

Вотъ какими предосторожностями, формальностями, задержками и препятствіями обставленъ былъ въ 1845 и 1846 годахъ переходъ изъ лютеранства въ православіе. Трудно даже придумать, чѣмъ бы можно было еще усложнить и затруднить его. Для удовлетворенія лютеранской консисторіи и лифляндскаго дворянства, правительству оставалось бы только принять на себя инквизиторскую роль—произнести огульное осужденіе внутреннихъ побужденій обращавшихся въ православіе и безусловно затворить передъ ними церковь. Этого и домогались нынѣшніе поборники свободы совѣсти.

Сопоставивъ внѣшнія условія двухъ разновременныхъ религіозныхъ движеній, происходившаго въ сороковыхъ годахъ и начавшагося въ шестидесятыхъ, пусть рѣшатъ читатели: кто пользовался большимъ просторомъ и большею свободою

---

[1]) Впрочемъ, не было сказано, чтобъ чиновникъ обязанъ былъ прислушиваться къ исповѣди.

дѣйствія, православные ли священники или пасторы? Чьи желанія благосклоннѣе принимались и легче удовлетворялись, желанія ли просившихся изъ лютеранства въ православіе, или желанія просившихся изъ православія въ лютеранство?

III.

Во всеподданнѣйшемъ своемъ отчетѣ за 1869 годъ (Журн. Мин. Народ. Прос. Марта 1871 г.) министръ графъ Толстой писалъ между прочимъ: „уклоняющіеся отъ обученія русскому языку, по свидѣтельству начальника Дерптскаго округа, принадлежатъ, главнымъ образомъ, къ лучшему и весьма вліятельному классу городскаго населенія, отъ котораго зависитъ направленіе взглядовъ господствующихъ въ странѣ". А насъ увѣряютъ, что всѣ разсудительные люди сознаютъ надобность учиться по-русски!

Многіе изъ рижскихъ купцовъ русскаго происхожденія не разъ обращались въ рижскій биржевой комитетъ съ просьбою дѣлать отъ себя публикаціи по предметамъ интересующимъ все торговое сословіе (напримѣръ объ устройствѣ при биржевой залѣ телеграфной станціи) не на одномъ нѣмецкомъ но и на русскомъ языкѣ. Комитетъ находилъ это излишнимъ.

На лѣто устраивается пароходное сообщеніе между Ригою и Дуббельномъ. О времени прихода и отхода пароходовъ публикуется на нѣмецкомъ языкѣ. Многіе русскіе рижане письменно просили содержателей пароходовъ печатать такія же объявленія на русскомъ языкѣ.

Въ пользу ихъ ходатайства въ продолженіе цѣлаго года печатались статьи въ Рижскомъ Вѣстникѣ и все напрасно! Не знаю удалось ли наконецъ Русскимъ одержать хоть эту побѣду (см. Риж. Вѣст. за 1871 годъ).

IV.

Въ Вольмарскомъ уѣздѣ, Уббенормскомъ приходѣ, въ имѣніи Позендорфъ, принадлежащемъ одному изъ барономъ Вольфовъ, находится около 28 хозяйскихъ дворовъ. Изъ нихъ, въ

сороковыхъ годахъ, до 17-ти были во владѣніи православныхъ. Къ 1855 году, число православныхъ хозяевъ уменьшилось до 10-ти, а въ началѣ 1865 года не оставалось ни одного. Въ этомъ же имѣніи вотчинное правленіе строго запрещало хозяевамъ нанимать въ работники православныхъ изъ другихъ волостей; лютеранъ же можно было нанимать безъ всякаго ограниченія. Контракты на сдачу дворовъ заключались на срокъ отъ одного до шести лѣтъ, но съ тѣмъ условіемъ, что помѣщикъ оставляетъ за собою право продать дворъ и до истеченія контрактнаго срока и, въ такомъ случаѣ, контрактъ самъ собою упраздняется. Процессъ постепенной продажи дворовъ и далъ владѣльцу возможность безъ особенной огласки, законнымъ образомъ, очистить свое имѣніе отъ православныхъ хозяевъ, ибо, какъ извѣстно, лифляндское Положеніе не даетъ крестьянамъ права выкупа. Помѣщикъ можетъ вовсе не продавать и можетъ продать дворъ кому вздумаетъ, помимо хозяина, не отдавая въ томъ никому отчета, а баронъ Вольфъ принялъ за правило не продавать православнымъ ни единой пяди земли.

Вотъ въ короткихъ словахъ исторія, кажется, послѣдняго православнаго хозяина Позендорфской вотчины, Александра Блау. Я узналъ объ ней изъ двухъ совершенно различныхъ источниковъ, отъ людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія и не сговарившихся между собою; видѣлъ также копіи съ подлинныхъ актовъ.

Этотъ Блау, до 1857 года, держалъ въ имѣніи дворъ, называвшійся Курашъ [1]); въ этомъ году, баронъ Вольфъ созвалъ всѣхъ своихъ хозяевъ лютеранскаго вѣроисповѣданія и предложилъ имъ пріобрѣсти въ собственность дворы, которыми они владѣли; православныхъ хозяевъ онъ не созывалъ и никакихъ предложеній имъ не дѣлалъ. Нашелся покупщикъ между лютеранами и на Курашскій дворъ. Помѣщикъ запродалъ его и потребовалъ отъ Блау, чтобы онъ сошелъ съ мѣста. Блау сталъ просить помѣщика, чтобъ онъ ему, какъ хозяину, продалъ этотъ дворъ, но баронъ Вольфъ отвѣчалъ ему: „я Русскимъ (всѣ православные въ Лифляндіи называются Рус-

[1]) Въ Лифляндіи каждый крестьянскій дворъ имѣетъ свое названіе.

скими) земли у себя не продаю". Впослѣдствіи, баронъ на судѣ отрекся отъ этихъ словъ и даже показывалъ, будто бы Блау не просилъ его о продажѣ ему двора.

Нечего было дѣлать; Блау долженъ былъ сойти съ насиженнаго мѣста. Былъ въ томъ же имѣніи другой праздный дворъ Сау, совершенно выпаханный, издавна сдававшійся, но не находившій съемщиковъ; не смотря на частыя публикаціи въ церквахъ, всѣ обѣгали его, зная, что онъ разстроенъ и запущенъ. Блау обратился къ помѣщику съ просьбою продать ему хоть этотъ дворъ и получилъ такой же отказъ. Тогда Блау снялъ упомянутый дворъ въ оброчное содержаніе на 6 лѣтъ. Будучи отличнымъ хозяиномъ, онъ привелъ его въ совершенную исправность и значительно возвысилъ его цѣнность. Передъ истеченіемъ арендnаго срока, Блау опять сталъ просить помѣщика продать ему этотъ дворъ, на который онъ, проситель, потратилъ немало труда; но и эта просьба осталась неудовлетворенною. Помѣщикъ крѣпко стоялъ на своемъ и согласился только на возобновленіе контракта на новый шестилѣтній срокъ, возвысивъ, разумѣется, арендную плату. Это было въ 1863 году, а въ 1864-мъ баронъ Вольфъ сталъ пріискивать на этотъ дворъ стороннихъ покупщиковъ. Прослыша объ этомъ, Блау въ третій разъ вызвался купить его, но баронъ прогналъ его и въ августѣ запродалъ дворъ Сау другому хозяину, конечно лютеранину. Оставалось только найти благовидный предлогъ къ удаленію Блау за какую-нибудь провинность, чтобъ имѣть основаніе не выдавать ему вознагражденія, на которое онъ имѣлъ бы право за упраздненіе контракта до истеченія арендnаго срока. Съ этою цѣлью (по запродажѣ двора) баронъ Вольфъ распорядился перемѣромъ посѣва, и оказалось, что Блау засѣялъ льномъ, вмѣсто разрѣшенныхъ ему по контракту и дополнительному условію 12-ти лофштелей, $14^1/_2$ лофштелей, слѣдовательно лишнихъ $2^1/_2$ лофштеля, или, на нашу мѣру, $^9/_{10}$ десятины [1]). На одномъ этомъ основаніи, баронъ потребовалъ отъ Блау, чтобъ онъ, какъ нарушитель контракта, очистилъ дворъ. Блау отвѣчалъ

[1]) Такія перепашки встрѣчаются очень часто, и за нихъ обыкновенно взимается штрафъ.

ему: „О перепашкѣ я заводить спора не стану—пусть будетъ по вашему. Положимъ, я испортилъ землю усиленнымъ посѣвомъ; но какое вамъ до этого дѣла, когда я заявляю вамъ, что я у васъ покупаю весь дворъ за ту самую цѣну, за которую вы продаете его другому? Лучше же продайте его мнѣ, такъ какъ я его улучшилъ, я вамъ платилъ за него оброкъ...“ Баронъ конечно и слушать его не сталъ, и Блау остался безъ земли и безъ вознагражденія. Глубоко обиженный, онъ вздумалъ поискать правды и подалъ жалобу архіерею и генералъ-губернатору. Ему указано было обратиться по порядку въ крейсъ-герихтъ. Тамъ, въ декабрѣ 1864 года, онъ подробно повторилъ свою жалобу и прямо заявилъ, что терпитъ на каждомъ шагу обиды за свое вѣроисповѣданіе и что одно это обстоятельство мѣшаетъ ему до сихъ поръ, по примѣру лютеранъ, сдѣлаться крестьяниномъ собственникомъ. Судъ предупредилъ его, что изъ поданной имъ жалобы ничего благопріятнаго для него не выйдетъ, такъ какъ законъ ничѣмъ не ограничиваетъ помѣщика въ выборѣ покупщиковъ, но, по настоянію просителя, потребовалъ отъ помѣщика объясненія. Баронъ Вольфъ, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтилъ, что онъ никогда Блау за его вѣру не притѣснялъ и привелъ въ доказательство, что онъ сдавалъ ему дворы въ оброчное содержаніе; но почему онъ не захотѣлъ продать Блау послѣдняго двора бывшаго у него въ арендѣ?—этого баронъ не объяснилъ, да и не обязанъ былъ объяснять. Далѣе, баронъ конечно не преминулъ намекнуть, что поданная жалоба свидѣтельствовала о подстрекательствѣ и злонамѣренномъ натравливаніи со стороны и, переходя къ причинѣ удаленія Блау, указалъ на перепашку и на статью контракта. Въ заключеніе, баронъ просилъ подвергнуть Блау строгой отвѣтственности за неосновательную жалобу. Судъ съ своей стороны также отвергъ ее, находя ее легкомысленною и противозаконною (frivol und rechtswidrig). Блау опять обратился къ тогдашнему генералъ-губернатору барону Ливену, который поручилъ произвести изслѣдованіе своему чиновнику по особымъ порученіямъ, нѣкому Гакену. Это слѣдствіе произведено было довольно страннымъ образомъ. Просителя заблаговременно не оповѣстили, а случайно-ли, нѣтъ-ли, выбрали

для опроса свидѣтелей день, въ который онъ долженъ былъ находиться въ уѣздномъ городѣ, по вызову уѣзднаго суда. Наканунѣ приступа къ слѣдствію, за нимъ послали и, разумѣется, не нашли его дома; тогда разослали полицію во всѣ стороны разыскивать его вездѣ, гдѣ его не было. Опросъ произведенъ былъ въ его отсутствіи, и онъ лишился возможности отвести нѣкоторыхъ свидѣтелей и своевременно потребовать спроса нѣкоторыхъ другихъ, на которыхъ онъ впослѣдствіи указывалъ. По распоряженію слѣдователя, вызвано было много свидѣтелей лютеранъ и православныхъ; явились тѣ и другіе, но почему-то всѣхъ православныхъ батраковъ удалили. Въ результатѣ оказалось, что баронъ Вольфъ во всемъ чистъ и правъ, а кругомъ виноватъ Блау. Послѣдній, однако, не терялъ надежды. Назначенъ былъ новый генералъ-губернаторъ графъ Шуваловъ, и онъ подалъ ему жалобу на неправильное производство слѣдствія. Этой жалобы графъ Шуваловъ даже не принялъ и хорошо сдѣлалъ. Когда законъ предоставляетъ помѣщику право продавать землю кому ему вздумается, не отдавая въ томъ никому отчета, когда тотъ-же законъ даетъ ему тысячи средствъ спустить подъ благовиднымъ предлогомъ всякаго неугоднаго ему арендатора, когда наконецъ, разбирательство жалобъ по всѣмъ инстанціямъ находится въ рукахъ тѣхъ-же помѣщиковъ, образующихъ замкнутую и единодушную корпорацію, очевидно, ни къ чему не ведетъ въ частныхъ случаяхъ, порознь взятыхъ, добиваться юридическихъ доказательствъ намѣреннаго притѣсненія православныхъ крестьянъ, какъ бы ясно оно ни обнаруживалось въ общихъ результатахъ.

V.

Лифляндская помѣщица баронесса Мейерсъ (кажется православная, вышедшая замужъ за лютеранина) обѣщала священнику Журавскому отвести въ своемъ имѣніи Венденскаго уѣзда, мызѣ Лаудонъ, мѣсто подъ православную школу и лѣсъ на постройку безплатно. Разсчитывая на это, священникъ и благочинный выхлопотали деньги на производство работъ и планъ. Къ сожалѣнію, баронесса умерла, не оформивъ

надлежащимъ образомъ своего пожертвованія, и имѣніе перешло по наслѣдству къ ея дочери. Къ ней обратился священникъ въ 1868 году съ просьбою привести въ исполненіе волю ея матери и получилъ въ отвѣтъ, не отъ нея, а отъ повѣреннаго ея слѣдующее письмо:

„Милостивый государь! на письмо ваше честь имѣю именемъ баронессы отвѣтить, что такъ какъ покойная ихъ мать только словесно, по собственнымъ вашимъ словамъ, вамъ обѣщала построить школу, а письменно у васъ ничего подобнаго нѣтъ, то баронесса не считаетъ долгомъ исполнять всѣ словесныя обѣщанія покойной матери, тѣмъ болѣе, что покойница никогда не была владѣтельницею мызъ и вовсе не имѣла ни власти, ни права обѣщать что либо касающееся до нихъ, такъ какъ онѣ принадлежали всегда только нынѣшней владѣлицѣ. Если, однакожъ, высшая духовная власть считаетъ нужнымъ и для своихъ вѣроисповѣдниковъ строить школы, то баронесса такому желанію сопротивляться не будетъ, но она считаетъ долгомъ заблаговременно объяснить, что она тогда сама выберетъ и назначитъ мѣсто для постройки тамъ гдѣ ей будетъ угодно, а не тамъ гдѣ вамъ можетъ быть это кажется выгоднымъ. Вы обязаны тогда за мѣсто отведенное ей вамъ заплатить деньгами, считая за десятину по 150 рублей, и лѣсъ она вамъ продастъ по тѣмъ же цѣнамъ, какъ и всѣмъ чужимъ покупщикамъ. Здѣшніе мужики весьма довольны и нынѣшнею школою (лютеранскою) и вовсе не въ состояніи построить на свой счетъ теперь новую, а что касается до стараго мѣста, какъ вы говорите, то оно съ давнишнихъ временъ было предназначено для лютеранской школы, слѣдовательно не могло быть у васъ отнято, какъ вы въ письмѣ вашемъ говорите. Прошу васъ, милостивый государь, впредь всегда съ такими дѣлами обращаться прямо ко мнѣ, а не къ баронессѣ и т. д.“ Священникъ, въ доказательство, что лѣсъ на постройку былъ обѣщанъ, представилъ записку вотчиннаго лѣсничаго и спросилъ, гдѣ же и когда отведена будетъ земля подъ школу, хотя бы въ продажу? На это онъ получилъ въ отвѣтъ: „Возвращая при семъ записку лѣсничаго, которая вовсе ничего не значитъ (ибо онъ никогда по контракту своему не имѣлъ права давать отъ себя подобныя

обязательства), честь имѣю объяснить: 1) Мѣсто для постройки школы будетъ мною лично вамъ отведено, коль скоро вы заключите контрактъ на то именно число десятинъ, которое вамъ нужно, и коль скоро вы мнѣ за нихъ заплатите чистыми деньгами, а раньше ни минуты. 2) Православная школа должна находиться отъ лютеранской по крайней мѣрѣ въ верстѣ, ибо разстояніе менѣе версты подастъ только поводъ къ разнымъ спорамъ между дѣтьми разныхъ вѣроисповѣданій. Государь Императоръ всемилостивѣйше пожертвовалъ 160 т. руб. сер. на постройку школъ, а наши лютеранскіе мужики не имѣютъ права пользоваться этою царскою милостью и обязаны изъ своихъ кармановъ оплатить постройку лютеранской школы, которая имъ обойдется въ 1880 рублей. Вы напротивъ того, въ состояніи, по милости возлюбленнаго нашего Государя, строить школы на государевъ счетъ. Вотъ почему я считаю съ моей стороны долгомъ справедливости противъ всѣхъ здѣшнихъ мужиковъ не исполнять вашего желанія, т. е. не дарить вамъ ни мѣста, ни лѣса на постройку".

VI.

Въ 1863 году помѣщикъ Феллинскаго уѣзда Ф. Вааль, на мызѣ Паюсъ, отвелъ мѣсто подъ православную школу безплатно и отпустилъ также безплатно лѣсъ на ея постройку. Этотъ случай, по своей необычайности, обратилъ на себя вниманіе епархіальнаго начальства; бывшій архіепископъ Платонъ письменно заявилъ помѣщику свою глубочайшую благодарность и довелъ о его пожертвованіи до свѣдѣнія Синода. Школа была выстроена, если не исключительно, то преимущественно трудами православныхъ крестьянъ; въ ней открылось ученіе и она скоро наполнилась учениками; но, потому ли что поступокъ помѣщика навлекъ на него нареканія со стороны мѣстнаго высшаго общества, какъ извѣстно, не слишкомъ хорошо расположеннаго къ православію, по другимъ ли причинамъ, года черезъ четыре, произошла въ понятіяхъ жертвователя крутая перемѣна. Онъ неожиданно отобралъ зданіе, въ которомъ помѣщалась школа,

въ свое распоряженіе и, вслѣдствіе этого, обученіе прекратилось. Православные, успѣвшіе уже привыкнуть къ своей школѣ, крайне этимъ опечалились и обратились къ помѣщику съ просьбою хоть бы продать имъ домъ, въ которомъ она помѣщалась, но встрѣтили упорный отказъ. Имъ было отвѣчено, что сколько бы ему ни предлагали за домъ, хотя бы 1000 р., онъ ни въ какомъ случаѣ не отдастъ его подъ православную школу. То же самое повторилъ онъ лично благочинному, котораго крестьяне просили за нихъ заступиться. Прописавъ изложенныя обстоятельства, они оканчивали свою просьбу словами: „Въ волости нашей три школы лютеранскія; была одна православная, теперь и ту закрыли, чтобъ заставить насъ посылать нашихъ дѣтей въ лютеранскую, но мы этого не хотимъ. Мірской судъ, къ которому мы обращались, отказываетъ намъ даже въ вознагражденіи за нашъ трудъ при постройкѣ дома. Что намъ дѣлать? Пусть ужъ лучше отлучатъ насъ совсѣмъ отъ лютеранъ; мы готовы выселиться куда угодно, лишь бы жить отдѣльно отъ враговъ нашей вѣры, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы мы и дѣти наши могли спокойно обучаться ея правиламъ и праздновать свои праздники“. Съ своей стороны, мѣстный священникъ просилъ преосвященнаго, на основаніи дѣйствующихъ правилъ, войти въ сношеніе съ гражданскимъ начальствомъ о пріисканіи какого нибудь помѣщенія для школы, но самъ предупреждалъ, „что это будетъ крайне трудно, ибо православныхъ хозяевъ въ имѣніи осталось очень мало и то только въ самыхъ бѣдныхъ дворахъ; ни у одного изъ нихъ нѣтъ порядочной комнаты для школы, при томъ же они боятся подвергнуться преслѣдованію, если помѣстятъ у себя православное училище, а о хозяевахъ лютеранахъ нечего и думать“.—Епархіальное начальство дѣлало что могло, т. е. просило, ходатайствовало и наконецъ, послѣ двухлѣтней переписки, начальникъ губерніи, въ 1869 году, поручилъ орднунгсъ-рихтеру отправиться на мѣсто и во первыхъ, изслѣдовать претензію православныхъ крестьянъ на домъ, въ которомъ помѣщалась школа; во вторыхъ, пріискать для нея временное помѣщеніе въ томъ же имѣніи, и наконецъ, указать тамъ же мѣсто, гдѣ бы можно было по-

строить постоянную школу. Тогда объяснились обстоятельства этого загадочнаго дѣла. На допросѣ православные крестьяне показали, что они одни, безъ всякаго участія въ томъ лютеранъ, по приказу мірскаго суда и, несмотря на свою бѣдность, подвозили весь матеріалъ для выстройки упомянутаго дома подъ школу, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, не имѣя собственныхъ лошадей, нанимали за деньги другихъ на подвозку, послѣ чего они же, православные, производили безплатно часть работъ и по постройкѣ; что черезъ четыре года помѣщикъ, отобравъ у нихъ этотъ домъ, продалъ его за 100 руб. всему мѣстному мірскому обществу, стало быть въ томъ числѣ и имъ, православнымъ; что послѣ этого, они обращались къ старшинѣ съ просьбою дозволить ихъ дѣтямъ, хоть разъ въ мѣсяцъ, собираться въ этомъ домѣ, который стоялъ до того времени пустымъ и запертымъ, но получили отказъ, вслѣдствіе чего должны были просить священника, хоть изрѣдка, собирать ихъ дѣтей для испытанія, на открытомъ воздухѣ, на близь лежащемъ холмѣ, и представить начальству о печальномъ ихъ положеніи. Въ подкрѣпленіе убѣдительныхъ просьбъ объ огражденіи ихъ отъ явной обиды, съ которыми крестьяне обращались къ орднунгсъ-рихтеру, тамошній православный священникъ заявилъ ему, что помѣщикъ могъ бы еще имѣть нѣкоторое право присвоивать тотъ домъ себѣ, если бъ онъ самъ не продалъ его обществу и если бы православные были предварительно вознаграждены деньгами за трудъ, употребленный ими по приказу мірскаго правленія на подвозъ матеріала, но что, по учиненіи продажи и по полученіи денегъ (100 р.), помѣщикъ долженъ быть вовсе устраненъ, а остается православнымъ членамъ общества вѣдаться не съ нимъ, а съ лютеранскими своими однообщественниками.

Когда помѣщикъ на это отвѣтилъ, что домъ всетаки принадлежитъ теперь ему, такъ какъ онъ обратно купилъ его у мірскаго общества, православные въ подробности раскрыли всю процедуру, употребленную имъ единственно въ тѣхъ видахъ, чтобъ домъ ни подъ какимъ видомъ не служилъ помѣщеніемъ для православной школы. По ихъ словамъ, отобравъ его у православныхъ изъ подъ школы, онъ

уговорилъ старшину пріобрѣсти его покупкою на счетъ общества, будто бы для помѣщенія мірскаго суда, а въ сущности для того, чтобъ былъ предлогъ сказать православнымъ: домъ у васъ не отнятъ, онъ служитъ вамъ же, только на другой предметъ, по желанію большинства, т. е. лютеранъ; но оказалось, что по тѣснотѣ своей, домъ не годился подъ мировой судъ; другаго назначенія дать ему не могли и онъ оставался пустымъ и запертымъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Видя это и не желая ни въ какомъ случаѣ дозволять православнымъ, которые его объ этомъ просили, посылать своихъ дѣтей въ тотъ домъ для испытаній, старшина взялся сбыть его совершенно, думалъ было сперва разыграть его въ лотерею, а потомъ продать кому нибудь, лишь бы не подъ православную школу, и сталъ даже приглашать къ осмотру его сосѣднихъ старшинъ.

Узнавъ объ этомъ, священникъ, которому было извѣстно, что епархіальное начальство вошло уже въ сношеніе съ губернскимъ о возвращеніи дома православнымъ крестьянамъ, написалъ къ старшинѣ, прося его повременить продажею; но старшина отправился съ бумагою къ помѣщику, который объявилъ, что если такъ, то онъ самъ покупаетъ домъ, хотя отсрочиваетъ платежъ за него денегъ до Егорьева дня. Затѣмъ, помѣщикъ приказалъ старшинѣ немедленно созвать выборныхъ и судей, составить актъ о продажѣ и подписать его. Это было исполнено, но ни одинъ изъ православныхъ акта не подписалъ; они опротестовали продажу, доказывая, что имѣютъ на купленный у помѣщика домъ болѣе правъ, чѣмъ ихъ однообщественники лютеране, ибо, во первыхъ, положили на него болѣе чѣмъ на 100 р. своего труда; во вторыхъ, потому что, составляя болѣе трети всего мѣстнаго общества, считаютъ своими 40 руб. изъ числа 100 р. заплаченныхъ за домъ при его покупкѣ изъ общественныхъ денегъ. Не менѣе того, актъ былъ составленъ будто бы отъ имени всего общества. Священникъ просилъ помѣщика не покупать дома, православные также приходили къ нему съ просьбою, но онъ ихъ прогналъ, принялъ продажный актъ и, получивъ уже изъ орднунгсъ-герихта увѣдомленіе, что орднунгсъ-рихтеръ пріѣдетъ на мѣсто изслѣдовать все дѣло,

поспѣшилъ черезъ два дня отправить этотъ актъ въ приходскій судъ на утвержденіе. Все это было обстоятельно разъяснено православными крестьянами и священникомъ; составленъ былъ протоколъ, который однако прочитанъ на мѣстѣ не былъ и котораго священникъ не видалъ, а орднунгсъ-рихтеръ всетаки заключилъ, что домъ принадлежитъ помѣщику, такъ какъ онъ проданъ большинствомъ мірскаго общества и продажа утверждена приходскимъ судомъ. Свое донесеніе объ этомъ дѣлѣ священникъ оканчивалъ словами: „Православные пріуныли, видя, что они, повидимому, лишатся окончательно и безъ всякаго вознагражденія дома, ихъ трудами выстроеннаго и затѣмъ купленнаго частью на ихъ же деньги. Лютеране поднимаютъ ихъ на смѣхъ, приговаривая „съ Русскими дѣлай что хочешь, кто заступится!“ Тяжело все это видѣть и выслушивать. При этомъ не слѣдуетъ также упускать изъ виду слѣдующаго обстоятельства. Очень нерѣдко случается, что мірскія общества, въ которыхъ лютеране, состоя въ большинствѣ, первенствуютъ надъ православными, покрываютъ изъ общественныхъ суммъ многіе расходы на содержаніе лютеранскихъ церквей и пасторатовъ, привлекая къ тому же и православныхъ, не только хозяевъ, но и работниковъ и бобылей. Это повторялось не разъ и здѣсь въ теченіе многихъ годовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что православные такимъ образомъ переплатили гораздо болѣе 60 руб. на неотносящіяся къ нимъ потребности чужой церкви. Правда, все это имъ не въ диковину и они могли бы стерпѣть, если бъ оставалась какая нибудь надежда получить для своей школы другое помѣщеніе; но дѣло въ томъ, что и отъ этой надежды приходится отказаться. Всѣ распоряженія начальства по устройству въ имѣніи православной школы встрѣчали, встрѣчаютъ и впредь будутъ встрѣчать въ нерасположеніи помѣщика непреодолимое препятствіе. Такъ, распоряженіе губернскаго начальства, чтобъ орднунгсъ-рихтеръ отыскалъ въ имѣніи временное помѣщеніе для школы, повело лишь къ тому, что помѣщикъ, и то только благодаря просьбѣ орднунгсъ-рихтера, дозволилъ православнымъ ученикамъ одинъ разъ (8 февраля) собраться въ отнятомъ у нихъ домѣ, который былъ не отопленъ и въ

которомъ нѣтъ оконъ. Дѣти собрались у крыльца, но въ домъ ихъ не впускали до моего прихода; они простояли нѣсколько часовъ на морозѣ, въ дырявыхъ лаптяхъ и лохмотьяхъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые заболѣли. Черезъ двѣ недѣли я хотѣлъ собрать ихъ тамъ же, но на сей разъ ихъ и вовсе не впустили; одни разошлись, другія, не желая остаться безъ испытанія, должны были вмѣстѣ съ посланнымъ отъ меня школьмейстеромъ, шествовать по крестьянскимъ дворамъ, ища пріюта, гдѣ бы можно было прослушать заданные имъ уроки. Другое распоряженіе начальства объ отводѣ земли для постройки постоянной школы было одинаково безуспѣшно. Помѣщикъ указалъ мѣсто на горѣ, гдѣ ломаютъ плиту и гдѣ нѣтъ возможности добыть воды, заявивъ при этомъ, что онъ отведетъ его въ томъ лишь случаѣ, если начальство напередъ обяжется о цѣнѣ съ нимъ не спорить. Думаю, что отыскивая у него мѣста, еще многіе набьютъ себѣ мозоли, а другіе, ведя съ нимъ переговоры—оскомину".

VII.

Эрласскій священникъ Гобинъ въ январѣ 1867 года доносилъ:

„Замѣчая во ввѣренномъ мнѣ приходѣ много дѣтей, остающихся безграмотными, частью потому, что проживаютъ у хозяевъ лютеранъ, частью потому, что православные ихъ родители и воспитатели сами неспособны обучать ихъ, я еще въ 1864 году возъимѣлъ желаніе открыть по одной вспомогательной школѣ въ каждой изъ пяти волостей прихода. Чтобъ ускорить дѣло и избѣжать обыкновенныхъ затрудненій, я рѣшился удовольствоваться немногимъ и сталъ искать помѣщеній у крестьянъ; но избы ихъ вообще такъ тѣсны и грязны, что найти помѣщенія сколько нибудь сносныя стоило большаго труда; не меньшаго труда стоило уговорить хозяевъ, у которыхъ я предполагалъ устроить школы, уступить подъ нихъ помѣщеніе за умѣренную плату. Однако, къ концу 1864 года, мнѣ удалось найти таковыя помѣщенія въ четырехъ волостяхъ и заключить на нихъ контракты, которые въ

томъ же году были мною отосланы на утвержденіе въ надлежащіе мірскіе суды. Мнѣ, однако, было извѣстно, что суды эти сами не приступятъ къ утвержденію прежде, чѣмъ получатъ отъ вотчинныхъ правленій формальныя разрѣшенія хозяевамъ держать школы на своихъ дворахъ, и потому я одновременно обратился съ покорнѣйшими просьбами не противиться договореннымъ наймамъ въ три вотчинныя правленія, а по четвертой волости къ самому помѣщику, проживавшему на мѣстѣ. Что же вышло? Одинъ изъ мірскихъ судовъ отвѣтилъ мнѣ, что контрактъ не можетъ быть утвержденъ потому, что владѣлецъ имѣнія не дозволяетъ хозяину отвести въ своемъ домѣ мѣсто подъ школу, ибо де неизвѣстно—въ состояніи ли онъ будетъ самъ, на будущее время, держать свой дворъ въ арендѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, немедленно начались придирки къ хозяину, заключившему контрактъ, съ цѣлью согнать его со двора. Не желая подвергать православныхъ хозяевъ немилости помѣщика, я съ тѣхъ поръ пересталъ и хлопотать объ открытіи школы въ первой волости. Во второй и третьей волостяхъ пришлось имѣть дѣло съ однимъ вотчиннымъ правленіемъ, которое поступило гораздо хитрѣе. Оно созвало православныхъ представителей обѣихъ волостей, вѣроятно напугало ихъ предполагаемою школою и отвѣтило мнѣ, что означенныя волости не желаютъ имѣть школъ изъ опасенія новыхъ на нихъ поборовъ, а потому о школьныхъ помѣщеніяхъ нечего и толковать. Тогда, 3 марта 1865 года, я просилъ вотчинное правленіе не мѣшать моему дѣлу съ крестьянами, а дать мнѣ только положительный отвѣтъ: позволятъ ли оно двумъ хозяевамъ, съ которыми я договорился, помѣстить школы на своихъ дворахъ? Ту же просьбу я повторялъ нѣсколько разъ и по сю пору (по 15 января 1867) не получилъ письменнаго отвѣта. Наконецъ, вотчинное правленіе, на словахъ, объявило мнѣ, что необходимое на утвержденіе контрактовъ разрѣшеніе дано обоимъ судамъ словесно же, въ самомъ присутствіи. Я лично побывалъ въ судахъ и просилъ поспѣшить утвержденіемъ, что и было мнѣ обѣщано; но время проходило, а я контрактовъ не получалъ. Наконецъ, въ октябрѣ 1867 года, мнѣ принесъ ихъ одинъ крестьянинъ неутвержденными, безъ всякихъ объясненій со

стороны мірскихъ судовъ. Я послалъ оба контракта въ приходскій судъ съ просьбою утвердить ихъ отъ себя или дать предписаніе объ утвержденіи ихъ мірскимъ судамъ, но приходскій судъ мнѣ ихъ возвратилъ съ отвѣтомъ, что онъ ни того ни другаго сдѣлать не можетъ, прежде чѣмъ получится разрѣшеніе хозяевамъ дворовъ отъ вотчиннаго правленія. Я, однако, не успокоился и обратился въ тотъ же приходскій судъ съ просьбою вытребовать отъ себя упомянутое разрѣшеніе, такъ какъ вотчинное правленіе не удостоивало меня отвѣта. Приходскій судъ отвѣтилъ мнѣ, что это не его дѣло. Болѣе обращаться было некуда, и я вынужденъ былъ прекратить свои хлопоты по двумъ волостямъ. Такимъ образомъ, пришлось отказаться отъ трехъ школъ изъ числа предположенныхъ пяти. Въ четвертой волости помѣщикъ выдалъ дозволеніе на открытіе школы, и въ его же имѣніи, въ другой волости, я нашелъ еще одно помѣщеніе, съ хозяиномъ котораго также договорился; оба контракта были утверждены сперва въ мірскихъ судахъ, а потомъ епархіальнымъ начальствомъ. Я объявилъ православнымъ крестьянамъ, что расходы на наемъ помѣщеній беретъ на свой счетъ казна и что за тѣмъ имъ остается взять на себя наемъ учителей, и письменно просилъ мірскіе суды обѣихъ волостей созвать православныхъ хозяевъ и, съ ихъ согласія, опредѣлить содержаніе двумъ учителямъ. Дѣло не трогалось, пока я лично не явился въ эти суды. При мнѣ хозяева одной волости уступили моимъ убѣжденіямъ, назначили учителю жалованье, и вспомогательная школа была мною у нихъ открыта, но многіе хозяева отказываются посылать въ нее своихъ дѣтей. Изъ православныхъ хозяевъ другой волости не всѣ явились на мое приглашеніе въ мірской судъ, а изъ числа явившихся только трое признали необходимость вспомогательной школы и согласились жертвовать на сельскаго учителя; прочіе же отъ этого отказались. Такимъ образомъ, въ этой послѣдней волости открытіе вспомогательной школы не состоялось, хотя оно для нея крайне необходимо по множеству въ ней безграмотныхъ дѣтей и по шаткости въ ней православія. Назначенный для этой волости учитель ходитъ по дворамъ и учитъ дѣтей без-

возмездно; но понятно, что отъ такого рода обученія польза не велика.

„Обо всемъ этомъ я пишу вовсе не изъ желанія выставить мои личныя заботы, а съ единственною цѣлью показать на живомъ примѣрѣ, какъ трудно православному сельскому священнику заводить школы въ этомъ краѣ и какъ мало онъ можетъ успѣть въ дѣлѣ народнаго образованія безъ помощи мірской власти (т. е. крестьянскихъ общественныхъ судовъ и управленій). Въ самомъ дѣлѣ, отчего именно здѣсь заботы и хлопоты о школахъ возложены на одно духовенство, тогда какъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ объ открытіи и содержаніи сельскихъ школъ предписано заботиться гражданской власти, а дѣло духовенства—обучать? Кажется, что и въ Лифляндіи школы нужны не для одной православной вѣры, но и въ интересахъ государственныхъ. Здѣшнія лютеранскія школы никогда не лежали на заботливости одного лютеранскаго духовенства; ихъ всегда поддерживала гражданская власть; для нихъ всегда существовали и теперь существуютъ законы, обязывающіе лютеранскія крестьянскія общества содержать школы и посылать въ нихъ своихъ дѣтей; за исполненіемъ этихъ законовъ имѣется надлежащее наблюденіе. Именно, въ послѣднее время, мѣстная гражданская власть стала принимать рѣшительныя мѣры къ образованію всѣхъ лютеранскихъ дѣтей. Мнѣ извѣстно, что, вслѣдствіе ходатайства лютеранской консисторіи, съ разрѣшенія начальства, орднунгсъ-рихтеры сдѣлали распоряженіе, чтобъ каждая волость выстроила себѣ лютеранскую школу, содержала ее и волостнаго учителя и чтобъ родители посылали въ нее своихъ дѣтей. Въ нынѣшнемъ же году, во всѣхъ волостяхъ зданія для лютеранскихъ школъ будутъ готовы, и онѣ постепенно будутъ открываться.— Если и намъ со стороны гражданской власти не будетъ оказываемо содѣйствія къ открытію сельскихъ школъ, то дальнѣйшее существованіе православія въ этомъ краѣ сдѣлается вопросомъ, и народъ скоро обратится къ Россіи спиною. Въ лютеранскихъ школахъ, разумѣется, будетъ преподаваться протестантство и будутъ усердно обучать нѣмецкому языку. По неимѣнію или по малому числу православныхъ школъ, и православ-

ныя дѣти пойдутъ въ лютеранскія, слѣдовательно будутъ рости и воспитываться въ протестантствѣ и германизмѣ. Такимъ образомъ, большинство молодаго поколѣнія отпадетъ отъ церкви и онѣмечится.

„Что же намъ дѣлать?—На мой взглядъ, нужно бы испросить у правительства слѣдующихъ мѣръ: 1) Въ тѣхъ волостяхъ, въ коихъ православное населеніе составляетъ половину или болѣе, обязывать его строить для школъ особыя зданія, по примѣру лютеранскихъ. Землю подъ школы лютеранскіе помѣщики отводятъ даромъ; можетъ быть нѣкоторые сдѣлаютъ тоже и для школъ православныхъ *), если только они убѣдятся, что правительство серьезно этого желаетъ; въ тѣхъ же имѣніяхъ, гдѣ не послѣдуетъ даровой уступки, тамъ требовать обязательнаго отвода необходимаго подъ школу количества земли, съ вознагражденіемъ на общемъ основаніи, по правиламъ о принудительномъ отчужденіи. 2) Въ прочихъ волостяхъ, гдѣ православныхъ числится не менѣе 100 душъ муж. пола и гдѣ они были бы не въ состояніи выстроить особые школьные дома, не допускать со стороны вотчинныхъ правленій произвольныхъ запрещеній крестьянамъ, по добровольному найму, отводить помѣщенія для православныхъ школъ въ своихъ избахъ. 3) Для облегченія православныхъ можно бы оказывать имъ пособіе изъ суммы на остзейскія школы, отпускаемой въ распоряженіе духовнаго начальства, а именно: гдѣ православное поселеніе, по малочисленности и бѣдности своей, будетъ не въ состояніи выстроить себѣ школу, тамъ нанимать подъ нее помѣщеніе изъ этой суммы, какъ и теперь почти повсемѣстно дѣлается, но съ тѣмъ, чтобы крестьяне непремѣнно содержали отъ себя учителя и посылали своихъ дѣтей въ школу; тамъ же, гдѣ будетъ строиться особый домъ, отпускать изъ того же источника единовременное пособіе, собственно для найма мастеровыхъ, нужныхъ для возведенія

*) Очень сомнительно, чтобъ такихъ жертвователей нашлось много. По крайней мѣрѣ, изъ Высочайшаго повѣленія 18 сентября 1865 г. видно, что въ то время бывшій генералъ-губернаторъ графъ Шуваловъ насчитывалъ во всей Лифляндіи только семь школъ, построенныхъ на мѣстахъ, *уступленныхъ* помѣщиками, и то неизвѣстно: даромъ или за вознагражденіе.

зданія. Нельзя конечно отрицать, что во всякомъ случаѣ существованіе школы все-таки влечетъ за собою расходы для общества; но, зная настроеніе крестьянъ и приглядываясь къ происходящему на нашихъ глазахъ, можно поручиться, что возложеніе на нихъ предполагаемыхъ обязанностей не произведетъ худаго на нихъ дѣйствія. Замѣтно, что всѣ они теперь уже безропотно припасаютъ матеріалъ для лютеранскихъ школъ и готовятся къ стройкѣ. На совѣщаніи моемъ съ хозяевами двухъ волостей, о которыхъ было говорено выше, они мнѣ прямо объявили, что они безпрекословно будутъ заводить школы, если этого потребуетъ гражданское начальство. Они еще, очевидно, не успѣли выпрямиться, все еще ощущаютъ на себѣ привычный гнетъ, не пріобрѣли еще навыка къ самоуправленію и, по старой привычкѣ, на всякое начинаніе ждутъ приказанія. Наконецъ, напрасно стали бы думать, что, отказываясь отъ соперничества съ лютеранскими школами, мы сберегаемъ расходы и трудъ православныхъ крестьянъ; ибо ихъ средства и ихъ рабочія силы, которыми мы не пользуемся, все-таки отъ нихъ требуются и идутъ въ дѣло, только на пользу не православія, а лютеранства и германизма. На это есть разныя косвенныя средства, обыкновенно ускользающія отъ наблюденія, но которыми мѣстныя власти хорошо умѣютъ пользоваться. Такъ, напримѣръ, принято вообще строить лютеранскія школы подъ одною крышею съ общественными домами, въ которыхъ будутъ помѣщаться мірскіе суды, и такъ какъ православные суть такіе же члены крестьянскихъ обществъ, какъ и лютеране, то и они привлекаются къ участію въ работахъ на сооруженіе, за одно съ общественнымъ домомъ, и лютеранской школы. Отговориться очевидно невозможно. Вотъ и другой примѣръ: въ одной изъ вышеупомянутыхъ волостей, въ границахъ которой находятся двѣ мызы, помѣщикъ объявилъ православнымъ крестьянамъ, что они обязаны, наравнѣ съ лютеранами, участвовать въ постройкѣ школы; мотивировалъ это тѣмъ, что лютеранъ при тѣхъ мызахъ очень мало; что постройка школы, содержаніе ея и наемъ учителя были бы имъ однимъ не по силамъ; что въ чьемъ вѣдѣніи будетъ школа пока еще неизвѣстно, и что

если въ ней будетъ преподавать православный, то это ни сколько не помѣшаетъ и лютеранамъ посылать въ нее своихъ дѣтей. Само собою разумѣется, что это все ничто иное какъ хитрость, придуманная для привлеченія рабочихъ силъ православнаго населенія къ дѣлу, которымъ оно не воспользуется. По постройкѣ, школа непремѣнно поступитъ въ вѣдѣніе лютеранства, и никогда ни кирхенъ-форштееръ, ни пасторъ не позволятъ, какъ и прежде не позволяли, дѣтямъ лютеранъ посѣщать православныя школы. Теперь (въ 1867 году) самое время обо всемъ этомъ подумать, ибо если мы упустимъ его, если мы дадимъ во всѣхъ волостяхъ лютеранскимъ школамъ выстроиться совокупными трудами православныхъ и лютеранъ, тогда трудно будетъ устранить первыхъ отъ этихъ школъ и убѣдить ихъ приняться за ту же работу сызнова, т. е. устроить себѣ особыя православныя школы и уже на сей разъ исключительно своими руками".

VIII.

Систематическое бездѣйствіе мірскихъ судовъ по самымъ законнымъ требованіямъ, относящимся къ дѣламъ православныхъ школъ, и разныя притѣсненія, испытываемыя православными учителями, видны, между прочимъ, изъ слѣдующихъ случаевъ, офиціально дознанныхъ:

Въ 1867 году, лифляндская православная консисторія сообщила губернскому правленію, что, по донесенію каркусскаго священника, старшины, завѣдующіе въ хозяйственномъ отношеніи православными школами и обязанные вытребовать отъ кого слѣдуетъ все необходимое на содержаніе сихъ школъ и учениковъ [1]), объявляли священнику, что обучающіеся въ нихъ сироты по нѣскольку лѣтъ не получали опредѣленнаго имъ изъ волостнаго магазина вспоможенія. Если кому и выдается хлѣбъ, то не иначе какъ подъ условіемъ возврата съ

[1]) Считаю не лишнимъ напомнить, что, по разбросанности крестьянскихъ дворовъ на большихъ разстояніяхъ, ученики, во время зимнихъ мѣсяцевъ ученія, снабжаются въ школѣ квартирами и тамъ же получаютъ продовольствіе или привозятъ его съ собою

процентомъ; между тѣмъ сироты и бѣдные, обучающіеся въ лютеранскихъ школахъ, получаютъ (кромѣ помѣщенія) собственно на продовольствіе: квасъ, хлѣбъ, соль, сало для похлебки, словомъ — готовый столъ и одежду. Сверхъ того, всѣ ученики, безъ различія состоянія, сами себя содержащіе или содержимые на общественный счетъ, въ тѣхъ же лютеранскихъ школахъ получаютъ дважды въ недѣлю супъ. По этимъ заявленіямъ приходскій священникъ неоднократно обращался въ мірскіе суды, прося ихъ объ удовлетвореніи законныхъ требованій старшинъ; но суды, вмѣсто выдачи пособія бѣднымъ православнымъ дѣтямъ, тайно и явно уговаривали ихъ ходить въ лютеранскія школы, гдѣ они будутъ получать все нужное наравнѣ съ прочими учениками.

По § 7-му правилъ 1850 года, сельскіе учителя православныхъ школъ избавляются отъ платежа подушныхъ денегъ, при чемъ отнюдь не требуется, чтобъ за нихъ платило общество. Между тѣмъ, требованіе подушныхъ денегъ мірскимъ судомъ сперва съ самого учителя, потомъ обыкновенно (вслѣдствіе отказа) съ православныхъ крестьянъ, избравшихъ его, и наконецъ (по поводу уклоненія ихъ) опять таки съ самого учителя, принадлежитъ къ числу самыхъ обычныхъ явленій и составляетъ предметъ безконечной переписки между духовнымъ начальствомъ и губернскимъ. Вотъ примѣръ: въ 1867 году фетельнскій священникъ доносилъ: „Въ 1865 году, епархіальнымъ начальствомъ утвержденъ былъ сельскимъ учителемъ для фетельнской волости крестьянскій сынъ Яковъ Гайметъ, и тогда же сдѣлано было сношеніе съ гражданскимъ начальствомъ о предоставленіи ему правъ и преимуществъ, званію его присвоенныхъ. Но мірской судъ три года къ ряду не оставляетъ его въ покоѣ, требуетъ съ него подушныхъ и, въ случаѣ не уплаты, грозитъ приступить ко взысканію съ его имущества. При этомъ судъ нисколько не отрицаетъ полученія увѣдомленія отъ начальства о назначеніи учителя въ занимаемую имъ должность. Я самъ, въ прошлую зиму, ѣздилъ по этому дѣлу въ судъ; тамъ мнѣ объявили, что конечно учитель лично уволенъ отъ платежа податей, но что за него должна бы уплатить ихъ православная часть общества, а такъ какъ она отъ этого отказывается, то судъ счи-

таетъ себя вынужденнымъ взыскивать съ самого учителя. Тогда я старался убѣдить православныхъ крестьянъ хозяевъ, чтобъ они приняли эту тягость на себя (чего законъ вовсе отъ нихъ не требуетъ) тѣмъ болѣе, что они отказались выплачивать ему жалованье, по закону, обязательное для общества. Но хозяева на это не согласились и отвѣчали мнѣ, что съ нихъ и такъ взимается, подъ названіемъ общественныхъ, много всякаго рода сборовъ, законныхъ и не законныхъ. Къ числу послѣднихъ относили они ежегодный сборъ съ нихъ извѣстнаго количества ржи, ячменя и овса на волостныхъ нищихъ, изъ котораго большая часть, по ихъ словамъ, поступала въ пользу мѣстнаго пастора. Пусть, прибавляли они, эта часть поступающаго съ насъ сбора обращается на содержаніе учителя и бѣдныхъ учениковъ; она окажется вполнѣ на это достаточною. Я передалъ письменно это заявленіе мірскому суду, но не получилъ на него, равно какъ и на прежнія мои отношенія, никакого отвѣта; между тѣмъ судъ не перестаетъ требовать съ учителя подушныхъ за все истекшее трехлѣтіе, со дня его опредѣленія".

Въ 1867 году дерптскаго уѣзда, кастолацкій приходскій священникъ доносилъ: „Въ февралѣ сдѣлано было по управленію государственными имуществами распоряженіе о выдачѣ двухъ кубиковъ березовыхъ дровъ на отопленіе православной школы, состоящей въ казенномъ имѣніи Шлоссъ-Оденпе, и билетъ на полученіе этихъ дровъ препровожденъ былъ вмѣстѣ съ другими въ мѣстный волостной судъ; но судъ этого билета не доставилъ ни мнѣ, ни старостѣ, ни учителю, даже не сказалъ намъ ни слова о его полученіи. По слуху только узнали мы, что судъ намѣревается вывезти эти дрова изъ лѣсу бревнами и употребить ихъ на починку своей лютеранской школы. Тогда я обратился въ судъ съ письменной просьбою доставить билетъ мнѣ, старостѣ или учителю, дабы можно было своевременно вывезти дрова и употребить ихъ на отопленіе школы. На это волостной судъ отвѣтилъ мнѣ, что въ нынѣшнемъ году православной школы въ волости вовсе нѣтъ, а что православный школьный учитель задолжалъ двумъ крестьянамъ, и судъ намѣренъ употребить дрова на уплату этого долга. Я письменно же возразилъ, что, не смотря на

всѣ попытки суда упразднить школу, она все таки существуетъ и будетъ существовать и что за тѣмъ, по частному долгу, хотя бы и дѣйствительному, нельзя обращать взысканія на имущество общественное. Вмѣстѣ съ симъ обратился я въ приходскій судъ съ просьбою понудить волостной къ выдачѣ по принадлежности билета. Въ такомъ смыслѣ дано было предписаніе, но волостной судъ не исполнилъ его, а отвѣтилъ приходскому суду, что онъ не можетъ выдать билета потому, что въ нынѣшнемъ году казенный лѣсничій отпустилъ на волость тремя кубиками менѣе прошлогодняго количества, на что уже подана жалоба по принадлежности, и по удовлетвореніи ея, волостной судъ отдастъ школѣ ея дрова [1]). Очевидно, если не вступится за насъ высшее начальство, мы останемся безъ топлива".

IX.

О необходимости нѣкотораго понужденія обществъ къ устройству школъ преосвященный рижскій, въ одной изъ своихъ записокъ, писалъ между прочимъ слѣдующее: „Крестьянинъ сунцельскаго прихода Иванъ Броншмидтъ, засѣдающій въ волостномъ правленіи и во 2-мъ рижскомъ приходскомъ судѣ, выражалъ мнѣ лично сожалѣніе, что въ этомъ приходѣ нѣтъ школы. Я спросилъ его: почему же бы вамъ самимъ не выстроить себѣ школы, какъ дѣлаютъ это лютеране? А онъ мнѣ на это отвѣтилъ: лютеранамъ велятъ заводить школы, а намъ никто не приказываетъ; поэтому многіе изъ нашихъ думаютъ, что для православныхъ онѣ и не полагаются".

Вотъ другой случай однородный: въ одной мѣстности стали довольно сильно налегать на лютеранъ, заставляя ихъ строить школы и отдавать въ нихъ своихъ дѣтей, а православныхъ между тѣмъ никто къ тому не понуждалъ. Видя это, лютеране стали роптать и обнаружили намѣреніе перейти въ

---

[1]) По всѣмъ этимъ изворотамъ трудно не предположить довольно опытной въ ябедническихъ дѣлахъ и вѣроятно не латышской руки, заправлявшей крестьянскимъ судомъ.

православіе, чтобъ избавиться отъ расходовъ на школы [1]); но тамошній помѣщикъ придумалъ слѣдующее средство: онъ сталъ и православныхъ понуждать къ постройкѣ себѣ школы. Тогда какъ лютеране, такъ и православные подчинились необходимости и теперь ни тѣ, ни другіе не ропщутъ.

По § 7 Положенія 1850 года, жалованье учителямъ вспомогательныхъ школъ обязаны были выплачивать общества въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ оно производилось (въ 1850 г.) учителямъ волостныхъ лютеранскихъ школъ, принимая однако въ соображеніе и число учениковъ. Относительно размѣра жалованья это правило никогда не соблюдалось, и православнымъ учителямъ всегда назначалось, да и теперь назначается, вознагражденіе въ полномъ смыслѣ слова нищенское; относительно же самаго полученія этой скудной мзды за свои труды, они ставились въ безусловную зависимость отъ мірскаго суда, который очень часто или вовсе не взыскивалъ съ православныхъ членовъ общества положеннаго жалованья, или преднамѣренно прибѣгалъ къ самому безуспѣшному и въ то же время раздражительному способу взысканія. Въ случаѣ жалобы на нихъ, мірскіе суды всегда могли разсчитывать на поддержку приходскихъ судовъ, подъ руководствомъ которыхъ они дѣйствовали. Оттого учителя православныхъ школъ такъ часто бросали свою должность.

Въ 1868 году, эйхенангернскій священникъ доносилъ: „Въ двухъ обществахъ (царнаускомъ и пуйкельнскомъ) учителя отказываются отъ должности, и замѣнить обоихъ невозможно, такъ какъ они требуютъ увольненія вслѣдствіе неполученія ими положеннаго жалованья. Оба они и я самъ много разъ обращались въ мірскіе суды съ просьбою взыскать причитающееся жалованье, но всѣ старанія наши остались безуспѣшными. Мы просили также приходскаго судью понудить мірскіе суды къ исполненію лежащей на нихъ обязанности, но онъ отвѣчалъ мнѣ офиціально, что нѣтъ повода къ употребленію мѣръ взысканія, такъ какъ православные родители

[1]) Изъ этого видно, между прочимъ, какъ не глубокъ корень протестантства въ народѣ. Мыслимо ли такое явленіе у насъ въ самой даже глухой и дикой мѣстности?

могутъ отдавать дѣтей своихъ, по желанію, въ православныя или въ лютеранскія школы, безъ различія, и оповѣстилъ объ этомъ общество. Теперь полученіе жалованья становится невозможнымъ. По существующему здѣсь порядку, денежное вознагражденіе, положенное учителямъ протестантскихъ школъ, взыскивается вмѣстѣ съ подушными и уплачивается хозяевами за живущихъ у нихъ работниковъ. Тотъ же порядокъ соблюдается въ нѣкоторыхъ обществахъ относительно сбора на православнаго учителя, именно въ тѣхъ, гдѣ мірскіе суды распоряжаются нѣсколько самостоятельно и не состоятъ въ полной опекѣ у приходскаго. Тамъ дѣло идетъ лучше; жалованье уплачивается своевременно, а когда не удастся собрать его съ плательщиковъ къ сроку сполна, недостающее количество заимствуется изъ волостной кассы. Но въ другихъ обществахъ, именно въ тѣхъ, которыя теперь останутся безъ учителей, поступаютъ иначе: когда учитель приходитъ въ мірской судъ просить о жалованьѣ, надъ нимъ издѣваются и отвѣчаютъ ему, что „русскіе не хотятъ платить“; за тѣмъ, если послѣдуетъ понужденіе свыше, мірской судъ сзываетъ поголовно всѣхъ православныхъ прихожанъ и объявляетъ имъ „что вотъ де вашъ священникъ требуетъ съ васъ жалованья для учителя“. Многіе, особенно батраки и бобыли, разумѣется, возражаютъ, заявляя, что у нихъ вовсе нѣтъ дѣтей или что ихъ дѣти проживаютъ не у нихъ, а у стороннихъ хозяевъ; но судъ повторяетъ свое, ничего имъ не объясняя, а ссылаясь только на требованіе священника. Упорствующихъ въ возраженіяхъ сѣкутъ розгами или отсылаютъ ко мнѣ: „ступайте молъ къ священнику, вѣдайтесь съ нимъ, попробуйте его умилостивить“. Крестьяне дѣйствительно осаждаютъ меня толпами и постоянно указываютъ мнѣ на другіе сосѣдніе приходы, гдѣ подобнаго сбора не существуетъ (т. е. гдѣ онъ никого не поражаетъ, потому что иначе взимается). Я разумѣется не могу уволить отъ обязательной уплаты жалованья, положеннаго учителю, и негодованіе неудовлетворенныхъ просителей обрушивается естественно на православномъ священникѣ, а косвенно и на церковь. Они уходятъ съ затаенною злобою, а нѣкоторые, послѣ подобныхъ раздражительныхъ сценъ, уклоняются въ лютеранство. Тамъ, при

помощи помѣщиковъ и хозяевъ, работники по мѣстамъ ничего не платятъ учителямъ или платятъ вмѣстѣ съ податьми по 5 коп. съ души.

„Все это дѣлается, очевидно, не спроста; хотятъ, чтобы православное народонаселеніе не взлюбило свою школу и своего пастыря, а въ какую сторону оно за тѣмъ обратится—понимаетъ всякій".

Вотъ одна изъ просьбъ одного изъ двухъ учителей, Якова Лисмана:

„Честнѣйшему священнику приношу покорнѣйшую свою жалобу, касательно прохожденія моей должности. Съ удовольствіемъ исполняю я свою обязанность и впредь исполнялъ бы ее такъ же, какъ и доселѣ, но невыносимо намъ, православнымъ учителямъ, проходить свою должность особенно относительно жалованья. Оно положено очень малое, 16 р., но и того не можемъ мы получать въ свое время. Приходится ходить за нимъ разъ десять и болѣе въ волостной судъ и раза три, четыре въ приходскій судъ, какъ это случилось нынче со мною, и за всѣмъ тѣмъ еще неизвѣстно, когда получу я свое жалованье за прошедшее время. Годъ нынѣче плохой, мнѣ недостаетъ насущнаго хлѣба на зимнее время ученія дѣтей. Даже 16 руб. неохотно уплачиваются. Такой хлѣбъ очень тяжело ѣсть. Меня считаютъ ѣдущимъ хлѣбъ нищихъ, пріобрѣтенный ихъ трудомъ, и потомъ меня укоряютъ и трезвонятъ, что я звѣрь. Какъ вамъ уже извѣстно, мірскіе правленія и суды не хотятъ оказывать намъ никакой справедливости и помощи, даже сами побуждаютъ, чтобы православные не платили учителю и не водили дѣтей своихъ въ школу. Такъ, приходскій судъ нашъ издалъ циркуляръ, что родители въ правѣ посылать дѣтей своихъ въ какую угодно школу. Отсюда уже можно заключить: если свѣтъ начинаетъ являть тьму, то что же должны дѣлать сидящіе во тьмѣ, когда тьму являютъ тѣ, которые должны являть свѣтъ. Я уже довольно жаловался вамъ и высказывалъ свое положеніе и затрудненія, но, видно, нѣтъ никакой защиты. Я не могу нарекать на васъ, чтобъ вы не заботились и не писали въ суды; но, понятно, что у насъ, православныхъ, отнята всякая сила, когда суды дѣлаютъ что имъ

угодно. Прошу честнѣйшаго священника уволить меня отъ моей должности, хотя и не хотѣлось бы мнѣ оставлять ее и т. д".

Эта просьба, вмѣстѣ съ рапортомъ священника, свидѣтельствовавшаго, что все въ ней изложенное—правда, пересланы были консисторіею на зависящее распоряженіе въ губернское правленіе, отъ котораго полученъ слѣдующій отвѣтъ отъ 15-го января 1869 года, за № 90: „Отношеніемъ отъ 25 октября 1868 г., за № 5432, рижская духовная консисторія, вслѣдствіе жалобы эйхенангернскаго православнаго школьмейстера Якова Лисмана за удержаніе жалованья его, просила губернское правленіе приказать V-му рижскому приходскому суду уплатить православному школьмейстеру Лисману слѣдующее ему за прошедшій годъ жалованье по школѣ—16 руб. и сдѣлать распоряженіе, чтобы оно впредь выдавалось какъ Лисману, такъ и другимъ школьмейстерамъ своевременно. V-й рижскій приходскій судъ, отъ котораго истребовано было объясненіе по сему дѣлу, донесъ слѣдующее: Яковъ Лисманъ жалуется, что ему не выдаютъ жалованья, за которымъ онъ ходилъ уже десять разъ, и слышалъ отъ приходскаго судьи только насмѣшки будто бы православные ничего не платятъ [1]). Что Яковъ Лисманъ десять разъ по этому дѣлу ходилъ въ судъ, чистая выдумка; судья вообще не помнитъ, чтобы онъ видалъ Лисмана по нѣскольку разъ въ судѣ [2]); изъ дѣла видно, что просьбы его о выдачѣ ему жалованья не были оставлены безъ послѣдствій, а напротивъ, приходскимъ судомъ два раза было дано предложеніе отъ 17 мая, 1868 года за № 894 и отъ 23 августа 1868 года № 1615 о взысканіи въ пользу его денегъ экзекуціоннымъ порядкомъ [3]). Равнымъ образомъ, жалоба его на насмѣшки будто бы православные крестьяне ничего не платятъ опровергается упомянутыми предписаніями [4]) царликаускому сель-

[1]) Это обстоятельство прописано было со словъ Лисмана въ рапортѣ священника.

[2]) Вообще не помнитъ изъ этого развѣ слѣдуетъ что показаніе чистая выдумка?

[3]) Хорошо доказательство—отписка!

[4]) Опроверженіе—еще лучше!

скому правленію о взысканіи причитающагося православному школьмейстеру жалованья. Показаніе Лисмана касательно изданія циркуляра, по которому православнымъ родителямъ предоставляется посылать своихъ дѣтей въ школу какую имъ угодно, относится къ сдѣланному имъ судьею распоряженію отъ 17 іюня 1867 года. А какъ это дѣло, согласно предписаніямъ лифляндскаго губернскаго правленія за № 382, 480 и 887 подвергнуто было разсмотрѣнію губернскаго правленія и имъ уже рѣшено, о чемъ и давно уже объявлено подлежащимъ волостнымъ правленіямъ, то судъ считаетъ себя освобожденнымъ отъ притязаній Лисмана. Обвиненіе же его въ томъ, будто бы онъ подъ рукою [1]) внушаетъ родителямъ не посылать своихъ дѣтей въ православную школу, опровергается уже самымъ выраженіемъ „подъ рукою“. Въ этихъ словахъ, коими Лисманъ ограждаетъ себя отъ требованія доказательствъ, выражается уже нежеланіе его представить какое-либо доказательство справедливости своего показанія [2]). Поэтому судъ считаетъ всякое объясненіе по этому пункту жалобы излишнимъ. По вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, приходскій судъ просилъ лифляндское губернское правленіе, отказавъ Лисману въ жалобѣ, подвергнуть его взысканію за ложное обвиненіе и оклеветаніе его.

Сообщая рижской духовной консисторіи, для свѣдѣнія, вышеизложенное объясненіе V-го рижскаго приходскаго суда, лифляндское губернское правленіе присовокупляло „что за сдѣланнымъ уже и сообщеннымъ консисторіи, отношеніемъ правленія отъ 2 мая 1868 г. № 888, распоряженіемъ губернскаго правленія, оно при изложенныхъ обстоятельствахъ, не находитъ основательнаго повода къ какимъ-либо дальнѣйшимъ мѣрамъ взысканія по настоящему дѣлу“.

---

[1]) Это также значилось въ рапортѣ священника.

[2]) Во-первыхъ, доказательствъ никто отъ него еще не требовалъ; онъ могъ сослаться на свидѣтельство тѣхъ, къ которымъ эти слова были обращены; во-вторыхъ, въ пользу вѣроятности такого рода частныхъ внушеній говорило уже то обстоятельство, что приходскій судъ не усомнился, циркулярно, признать за православными родителями право посылать своихъ дѣтей въ лютеранскія школы. Подлинность циркуляра была несомнѣнна и губернское правленіе вынуждено было формально отмѣнить его; но, какъ видно, онъ уже успѣлъ произвести желанное дѣйствіе.

Итакъ, губернское правленіе будто-бы и не поняло, что консисторія домогалась вовсе не расправы, не привлеченія кого бы то ни было къ личной отвѣтственности, а простаго распоряженія о взысканіи должнаго жалованья. Послѣ такой отписки со стороны правленія не трудно было догадаться, что Лисманъ останется безъ удовлетворенія. Онъ дѣйствительно не получилъ ни копѣйки и окончательно оставилъ должность, не будучи въ силахъ долѣе кормиться однѣми насмѣшками. На его мѣсто священникъ вынужденъ былъ назначить одного изъ своихъ причетниковъ, который долженъ былъ ходить учить дѣтей зимою за двадцать верстъ отъ своего жилья.

По доведенной до губернскаго правленія консисторіею жалобѣ православныхъ на неправильныя дѣйствія мірскаго суда относительно раскладки сборовъ на школу, правленіе отвѣтило „что съ подобною жалобою они должны обратиться въ мѣстный приходскій судъ, въ который, согласно донесенію онаго, до сего времени подобныхъ жалобъ не поступало“. Въ формальномъ отношеніи, отвѣтъ губернскаго правленія былъ, можетъ быть, и правиленъ; по существу же дѣла выходило, что съ жалобой на дѣйствія мірскаго суда, вызванныя распоряженіемъ приходскаго суда, недовольные должны были обратиться въ этотъ послѣдній судъ.

X.

Венденскій благочинный не разъ доносилъ, что православные крестьяне, проживающіе въ имѣніяхъ Гроссъ и Клейнъ-Роопъ, по отдаленію приходской ихъ церкви (въ Венденѣ) на 30 верстъ отъ нихъ, не могутъ ни присутствовать при богослуженіи, ни посылать своихъ дѣтей въ находившуюся при той же церкви школу. Вслѣдствіе этого, по ходатайству епархіальнаго начальства и на основаніи Высочайшаго повелѣнія 21 января 1846 г., для богослуженія и для устройства школы на мызѣ Клейнъ-Роопъ отведенъ былъ въ 1862 году домъ военнаго постоя, или, говоря точнѣе, не домъ, а одна комната, да и та предоставлялась въ распоряженіе священ-

ника только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Въ остальное время она служила складочнымъ мѣстомъ для разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей, иногда даже занимали ее рабочіе люди. Не трудно себѣ представить, въ какомъ видѣ доставалась она священнику, пріѣзжавшему наканунѣ дня назначеннаго для богослуженія или въ самый этотъ день. Школы при такомъ помѣщеніи, разумѣется, нельзя было устроить. Все это возбуждало въ прихожанахъ естественный ропотъ, заставившій бывшаго преосвященнаго рижскаго Платона въ 1865 г. поручить благочинному пріискать по близости помѣщеніе для школы на какомъ-либо крестьянскомъ дворѣ. Черезъ нѣсколько времени, благочинный увѣдомилъ, что мѣстные помѣщики баронъ Розенъ и г. Ф. Богенбахъ оповѣстили своихъ крестьянъ домохозяевъ, чтобы никто изъ нихъ, подъ страхомъ отнятія у него двора, не смѣлъ отводить у себя помѣщенія подъ школу. Такимъ образомъ пришлось отказаться отъ найма и пріискивать мѣсто для постройки такъ называемаго молитвенно-школьнаго дома. По предписанію генералъ-губернатора графа Шувалова, орднунгсъ-рихтеръ вмѣстѣ съ депутатомъ отъ духовенства нашли два мѣста: одно въ имѣніи того же барона Розена, другое въ имѣніи барона Мейндорфа. Первый изъ этихъ господъ, котораго жена и дѣти исповѣдуютъ православную вѣру, объявилъ на отрѣзъ, что во всемъ его имѣніи, очень значительномъ, нѣтъ ни клочка земли, который бы онъ могъ уступить подъ православный молитвенно-школьный домъ, и что нѣтъ никакой надобности въ постройкѣ его, такъ какъ православныхъ крестьянъ немного и тѣ могутъ, безъ всякаго неудобства, ходить въ ближайшую церковь (за 30 верстъ). Другой владѣлецъ, баронъ Мейндорфъ, оказался болѣе сговорчивымъ: онъ согласился на продажу примѣрно шести лофштелей, запросивъ за каждую [1]) по 100 руб. сер.; благочинный находилъ эту цѣну умѣренною и совѣтовалъ не торговаться. Но не смотря на многократныя свои просьбы, благочинный не могъ убѣдить владѣльца отвести на одну зиму временное помѣщеніе для школы и временный же какой-нибудь пріютъ

[1]) Въ лофштелѣ нѣсколько болѣе 800 сажень.

для назначеннаго уже учителя. Въ 1866 году, дѣло находилось въ такомъ положеніи: учитель, по неимѣнію постояннаго жилья, перекочевывалъ съ мѣста на мѣсто; по неимѣнію школы, онъ обходилъ крестьянскіе дворы, уча дѣтей, каждаго порознь, и собиралъ ихъ гдѣ могъ, не болѣс одного раза въ мѣсяцъ.

Въ 1869 году тамошніе крестьяне подали венденскому благочинному просьбу, въ которой они писали между прочимъ: „Наши дѣти выросли безъ школы, безъ пастырскаго надзора, хотя мы вмѣстѣ съ подушными ежегодно платили и на сельскихъ учителей и на постройку школы, но не видали ея, а у лютеранъ она есть и они пользуются ею издавна. Теперь только, по истеченіи 20 лѣтъ, дожили мы, наконецъ, до учителя и до школы, но легче ли отъ этого тѣмъ погибшимъ, которые болѣе 20 лѣтъ прожили безъ ученія и провели дѣтство и отрочество въ своеволіи и шалостяхъ? Теперешній нашъ учитель, правда, старателенъ и заботится о приведеніи нашихъ дѣтей къ познанію, и мы довольны имъ; но вопросъ въ томъ: долго ли онъ у насъ пробудетъ, такъ какъ онъ не имѣетъ постояннаго помѣщенія и не получаетъ содержанія. Не требовать же отъ него, чтобы онъ обрекъ себя на голодную смерть изъ за насъ и нашихъ дѣтей! А лютеранскіе школьмейстеры обезпечены всѣмъ и получаютъ хорошее содержаніе. Изложивъ вамъ всѣ наши нужды и тѣсноту нашу, просимъ васъ хоть разъ вслушаться въ просьбу долго ожидавшихъ и впавшихъ въ отчаяніе. Извѣстно, что вы не можете вдругъ построить школьно-молитвеннаго дома, но можно бы было, по крайней мѣрѣ до отстройки его, нанять приличное помѣщеніе для ученія и для молитвы. Если вы нашей просьбы не услышите, то пусть нашъ священникъ и не пріѣзжаетъ къ намъ по напрасну: мы въ грязное и нечистое помѣщеніе за нимъ не пойдемъ, а останемся въ вольномъ мірѣ“. (Переведено буквально).

XI.

Въ 1868 году орренгофскій, пернавскаго уѣзда, приходскій священникъ Пранцъ писалъ: „Школы въ нашемъ приходѣ въ

большомъ запущеніи. При одной изъ нихъ до сей поры и въ эту зиму не было учителя, такъ что православныя дѣти учатся у лютеранскаго школьмейстера. Я уже писалъ объ этомъ въ мірской судъ, но не получилъ отвѣта. Нѣтъ помѣщенія и для приходской школы, а крестьяне постоянно являются съ просьбами о принятіи дѣтей ихъ въ школу и объ обученіи ихъ закону Божію, ариѳметикѣ и русскому языку. Я радъ бы былъ взять ихъ къ себѣ на квартиру, но она крайне тѣсна, состоитъ изъ двухъ комнатъ. Хотя и причетники живутъ тѣсно, однако, по настоятельнымъ просьбамъ родителей, они приняли трехъ мальчиковъ; помѣстить большее число нѣтъ возможности. Ни въ школахъ, ни въ церкви нѣтъ буквально никакихъ книгъ, кромѣ богослужебныхъ; особенно сильно нуждаются въ краткихъ катихизисахъ и въ молитвословахъ. Староста церковный нарочно за этимъ ѣздилъ къ отцу благочинному, но и у него ихъ не оказалось. Кромѣ этихъ недостатковъ, мы терпимъ и отъ другаго рода безпорядковъ. Напримѣръ, въ одной православной школѣ, въ комнатахъ, назначенныхъ для жилья учителю, помѣщается отставной женатый солдатъ, лютеранинъ, а учителю приходится жить въ учебной комнатѣ. Другому учителю не доплачиваютъ жалованья, отбираютъ подъ лютеранскую школу половину земли, предназначенной подъ православную, такъ что куда ни посмотришь—вездѣ безпорядокъ или обиды!“.

XII.

Вотъ въ какомъ положеніи находились нѣкоторыя изъ школьныхъ помѣщеній въ 1868 году:

Въ зербенскомъ приходѣ школьная будка (она дѣйствительно не больше будки) совершенно разваливается, такъ что, напримѣръ, потолокъ уже провалился въ одномъ мѣстѣ, крыша ни отъ чего не охраняетъ, ни отъ снѣга, ни отъ дождя; печи болѣе топить нельзя, а поставить новую стоило бы дороже стоимости всей будки; да и одна печь, хотя бы даже исправная, не послужила бы ни къ чему, если стѣны, потолокъ и крыша останутся въ теперешнемъ видѣ. Словомъ,

въ такой школѣ нѣтъ мѣста для живой души, и я вынужденъ былъ (писалъ священникъ) 1-го февраля распустить учениковъ. Стало быть, школы теперь въ приходѣ нѣтъ и прихожане очень этимъ недовольны; они намѣревались посылать въ нее не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ. Даже нѣкоторые лютеране посылали своихъ дѣтей, хотя лютеранская школа у нихъ подъ бокомъ.

XIII.

Въ Рижскомъ Вѣстникѣ 1869 г. № 103 мы читаемъ:

„Въ Л. православномъ приходѣ самая большая волость М. всѣмъ міромъ построила въ началѣ этого года домъ для помѣщенія въ ономъ подъ одною крышею волостнаго правленія и школъ православной и лютеранской. Православный волостной учитель найденъ и еще въ прошломъ году утвержденъ въ своей должности. И вотъ православный Л. приходъ сталъ было радоваться, что наконецъ имѣетъ хоть въ одной волости вспомогательную школу, и что во время откроетъ ученіе въ ней. Но эта радость оказалась немного поспѣшною: комната, назначенная для православной школы, по сіе время никѣмъ не занята, между тѣмъ какъ сосѣдняя комната, назначенная для лютеранской школы, наполнена дѣтьми иновѣрцевъ и ихъ уже, скоро два мѣсяца будетъ, какъ обучаютъ грамотѣ. Это почему? Чего священникъ православный смотритъ? Пожалуй кто нибудь скажетъ. Мало, значитъ, заботится наше духовенство. Нѣтъ, вовсе не потому. Приходскій пасторъ далъ знать волостному правленію, что онъ не согласенъ позволить быть подъ одною крышею православной и лютеранской школамъ, что это противозаконно, и волостное правленіе дѣло затянуло, и открытіе школы не послѣдовало и по настоящее время, не смотря на то, что надъ постройкою дома и православные трудились не менѣе лютеранъ, не смотря на свою относительную бѣдность“.

XIV.

Въ 1868 году, пернавскаго благочинія православные крестьяне мызы Рейденгофъ жаловались на разные произвольные

съ нихъ поборы на лютеранскую школу и на лютеранскую церковь. Между прочимъ они заявляли, что, по распоряженію приходскаго судьи, пріобрѣтенъ былъ органъ для лютеранской церкви. Генералъ-губернаторъ, къ которому преосвященный препроводилъ эту просьбу, передалъ ее обыкновеннымъ порядкомъ начальнику губерніи, который отослалъ ее въ приходскій судъ на обслѣдованіе. Черезъ 7 мѣсяцевъ, генералъ-губернаторъ увѣдомилъ преосвященнаго „что жалоба по всѣмъ статьямъ совершенно ложна и неосновательна, ибо де, по дознанію, между прочимъ обнаружилось, что органъ былъ пріобрѣтенъ на деньги волостной кассы съ разрѣшенія приходскаго судьи, по желанію большинства членовъ общества, не для церкви, а для школы". Можетъ быть! Но когда православные крестьяне испрашиваютъ пособія изъ той же кассы на свою школу, имъ отвѣчаютъ, что православная школа учрежденіе церковное, до котораго лютеранамъ нѣтъ дѣла и котораго содержаніе должно оплачиваться исключительно православными прихожанами. Приходскій судья находитъ отвѣтъ резоннымъ и прибавляетъ отъ себя: кто же мѣшаетъ и православнымъ посылать своихъ дѣтей въ лютеранскую школу?

XV.

Въ 1869 году, министерство народнаго просвѣщенія пріискивало въ Ревелѣ помѣщеніе для русской гимназіи, которую оно намѣревалось тамъ устроить и теперь уже открыло. Нашелся годный для этого домъ тамошняго гражданина ратсгера Роттермана (недавно умершаго), съ которымъ министерство вошло въ соглашеніе относительно покупки. Дѣло, повидимому, улаживалось, но молва объ этомъ разнеслась по городу, и въ то время, какъ шли переговоры, Роттерманъ получилъ отъ одного изъ членовъ ревельскаго магистрата (Думы) письмо слѣдующаго содержанія (перевожу буквально съ нѣмецкаго).

„Многоуважаемый господинъ ратсгеръ!

„Вотъ уже нѣсколько мѣсяцовъ значительная и, конечно, не худшая часть населенія нашего города постоянно вол-

нуется слухомъ, который часто и положительно выдается за достовѣрный, хотя съ другой стороны онъ не считается еще окончательно засвидѣтельствованнымъ, а именно: что не только намѣреваются осчастливить насъ русскою гимназіею, но что это намѣреніе можетъ даже въ скоромъ времени осуществиться, благодаря тому, что въ вашемъ домѣ, на Русскомъ рынкѣ, нашлось для нея годное помѣщеніе. Понятно, что это ожиданіе должно было повергнуть въ еще большее уныніе мѣстное общество и безъ того находящееся въ тяжеломъ настроеніи (die allgemein gedrückte Stimmung nur noch mehr zu deprimiren). Дѣйствительно, мысль такъ близко къ намъ всѣмъ подступившая, что вашъ изящный домъ, видомъ котораго мы такъ давно привыкли утѣшаться, можетъ превратиться въ русскую гимназію, не могла не произвести унынія, даже упадка духа (höchst verstimmend, ja entmuthigend wirken).

„Не считаю нужнымъ увѣрять васъ, что я находился подъ такимъ же впечатлѣніемъ.

„Какъ же обрадовался я сегодня, узнавъ отъ бургомистра Л...., что вы, многоуважаемый господинъ, выразили намѣреніе ни подъ какимъ видомъ не отдавать вашего дома подъ это назначеніе. По истинѣ, сердце мое встрепенулось при этомъ извѣстіи, какъ будто бы его коснулся нежданно лучъ надежды; ибо хотя мнѣ и въ голову не приходитъ давать мѣсто мечтательной надеждѣ, что правительство откажется отъ своего намѣренія, тѣмъ не менѣе, я думаю, что мы въ двоякомъ отношеніи будемъ въ выигрышѣ. Прежде всего, мы получимъ возможность указать на поданный примѣръ патріотическаго подвига (ein patriotisches Beispiel) доказывающаго, что здѣсь не все продажно, а сила даннаго примѣра велика. Затѣмъ, по всей вѣроятности, правительству не легко будетъ, по крайней мѣрѣ не скоро удастся пріобрѣсти другой домъ, и тогда исполненіе подвергнется спасительной для насъ отсрочкѣ (eine heilsame Verzögerung).

„Я хорошо знаю, что вашъ домъ на Русскомъ рынкѣ доставляетъ вамъ много огорченій и непрестанныхъ заботъ. Тѣмъ болѣе радуетъ меня, что вы не захотѣли воспользоваться случаемъ сбыть его потому, что вы знали, что онъ

послужилъ бы нечистымъ цѣлямъ и враждебнымъ намъ личностямъ (unlautern Zwecken und feindlich gesinnten Personen).

„Не могу отказать себѣ въ удовольствіи выразить эту радость мою по поводу вашего по истинѣ патріотическаго рѣшенія. Позволяя себѣ просить васъ принять сердечную, искреннѣйшую мою признательность за ту радость, которую вы намъ доставили, я считаю себя въ правѣ присовокупить увѣреніе, что я этимъ выражаю мысли и чувства многихъ, очень многихъ, одинаково мыслящихъ".

Примите увѣреніе и т. д.

В... Г...

Не смотря на это внушеніе, выраженное въ формѣ благодарственнаго адреса, наслѣдники г. Роттермана, вскорѣ послѣ его смерти, все таки домъ свой продали въ казну подъ гимназію. Письмо это ходило по рукамъ въ Ревелѣ еще при жизни владѣльца, которому оно было адресовано, и копія съ него переслана была за-границу.

А г. Вурстембергеръ увѣряетъ свою публику, что всѣ разсудительные Остзейцы ничего не имѣютъ противъ русскаго языка и очень хорошо сознаютъ необходимость учиться ему! Оказывается поэтому, что ревельскій магистратъ in corpore, и еще многіе и многіе принадлежатъ къ числу неразсудительныхъ.

Если такъ смотрятъ въ городѣ Ревелѣ, гдѣ живетъ довольно много Русскихъ, на устройство на счетъ правительства русской гимназіи, не строго вѣроисповѣдной и посѣщеніе которой ни для кого не обязательно, то какъ же не повѣрить, что въ деревняхъ, гдѣ вся власть полицейская и судебная находится въ рукахъ мѣстнаго дворянства, оно всячески выживаетъ изъ своихъ имѣній православныхъ учителей и душитъ православныя народныя школы, посѣщеніе которыхъ обязательно для крестьянъ, и которыя все же конкурируютъ съ вѣроисповѣдными лютеранскими школами, состоящими въ вѣдѣніи дворянства?

XVI.

Въ недавно открытую правительственную учительскую семинарію въ Ригѣ принимаются безъ различія православные, лютеране и католики. Это прекрасно, но вотъ что странно: въ 1872 году, въ упомянутой семинаріи кончили курсъ двое лютеранъ, Попель и Брейкшъ (они прямо были приняты во второй классъ) и оба, говорятъ, по назначенію совѣта управленія православными народными школами, назначены (одинъ въ Вольмарѣ а другой въ Венденѣ) учителями въ православныя сельскія школы. Если это извѣстіе справедливо, то нельзя не подивиться ему.

Говорятъ, что ни въ какія лютеранскія школы ихъ не принимали; но неужели совѣтъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, такъ плохъ и безсиленъ, что не могъ воспользоваться своимъ вліяніемъ для пристройки ихъ къ лютеранскимъ сельскимъ школамъ, существующимъ во множествѣ въ казенныхъ имѣніяхъ?

Говорятъ еще что они обязаны учить всему, кромѣ закона Божія, который будетъ преподаваться мѣстными священниками и причетниками. Но мы знаемъ, что даже въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, духовенство, за множествомъ требъ и службъ, не успѣваетъ посѣщать сельскія школы такъ часто и постоянно какъ бы слѣдовало, и потому мы и отдаемъ всегда предпочтеніе учителямъ, имѣющимъ право преподавать, не только другіе предметы, а и законъ Божій. Тѣмъ паче въ Лифляндіи, при сравнительной громадности тамошнихъ православныхъ приходовъ, при разбросанности прихожанъ и при сильномъ на нихъ дѣйствіи протестантской пропаганды.

Говорятъ наконецъ, что это было сдѣлано въ видѣ опыта. Но не пора ли намъ перестать facere experimenta надъ anima vili десятилѣтнихъ православныхъ дѣтей? И когда же начальство признаетъ результаты своихъ опытовъ достаточно убѣдительными для окончательнаго его вразумленія? Тогда ли, когда окажется, что ученики успѣваютъ во всемъ, кромѣ закона Божія? Или оно будетъ выжидать, пока услышитъ отъ православныхъ учениковъ обычныя между протестантами

глумленія надъ иконами и крестнымъ знаменьемъ? Или оно убѣдится въ неудачѣ опыта тогда лишь, когда часть учениковъ, по выходѣ изъ школы, перейдетъ въ лютеранство?

Что-то не вѣрится, чтобъ члены совѣта, мѣстный преосвященный и ректоръ православной духовной семинаріи, дали свое согласіе на такой опытъ.

Въ запискѣ недавно мною прочтенной и писанной русскимъ, православнымъ рижаниномъ, отказъ рижскаго пастора Гильда обучать закону Божію, по своему вѣроисповѣданію, лютеранъ, воспитывающихся въ православномъ училищѣ Петропавловскаго братства, оправдывался тѣмъ „что то же самое сдѣлалъ бы и православный священникъ, если бъ его пригласили въ такую тенденціозную (читай: строго вѣроисповѣдную) школу, какою нельзя не признать состоящей при Петропавловскомъ братствѣ“. Я этого не думаю, но допустивъ даже, что это безусловно вѣрно, я позволилъ бы себѣ спросить автора записки какъ онъ думаетъ (если уже примѣръ другихъ имѣетъ въ его глазахъ такое значеніе): согласилось ли бы которое нибудь изъ мѣстныхъ коллегіальныхъ учрежденій, уѣздныхъ и губернскихъ, завѣдующихъ *лютеранскими* вѣроисповѣдными сельскими школами, назначить или утвердить учителемъ въ одну изъ нихъ исповѣдника *православной* вѣры?

XVII.

Въ „Сѣверной Почтѣ“ 1868 года, въ №№ 221 и 223 мы читаемъ:

Чтобы представить всю полноту выгодъ, какими пользуются иновѣрческія школы сравнительно съ русскими народными училищами, слѣдуетъ принять въ соображеніе и то обстоятельство, что, при условіи обязательнаго приготовленія конфирмантовъ, церковныя школы лютеранъ и реформатовъ пользуются правомъ обязательнаго обученія. Обязательность приготовленія къ конфирмаціи есть своего рода Schulzwang и Schulpflichtigkeit. Справедливость требуетъ прибавить, что сила этого условія умаляется во столько, во сколько, съ одной стороны, не всѣ пасторы требуютъ, чтобъ

дѣти посѣщали церковныя училища непремѣнно съ восьми и до пятнадцатилѣтняго возраста, т. е. до времени конфирмаціи, а съ другой стороны, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пасторы дѣйствуютъ ревнивѣе и настойчивѣе по отношенію къ церковнымъ школамъ, не всѣ члены обществъ (Gemeinde), по бѣдности своей и по разстоянію ихъ мѣстожительствъ отъ церквей, могутъ выполнять требованія пасторовъ.

Реформатскія школы обязательно учатъ — смотря по племенному составу прихожанъ—мѣстами по-литовски, мѣстами по-литовски и по-латышски (по преимуществу въ буквахъ латинскаго или нѣмецкаго алфавита), и только желающихъ обучаютъ по-нѣмецки и по-русски. Обученіе русскому языку, какъ извѣстно изъ данныхъ, имѣющихся въ ковенской дирекціи народныхъ училищъ, стоитъ на степени попытки научить по крайней мѣрѣ процессу чтенія и писанія безъ пониманія читаемаго и написаннаго, потому что сами учители, по большей части органисты и канторы, не говорятъ и не понимаютъ по-русски. Не говоря о томъ, какъ мучительна должна быть такая механическая школа для учащихся, нельзя не обратить серіознаго вниманія на самый фактъ подобныхъ попытокъ: онъ знаменуетъ весьма важную, хотя и безполезную, уступку прежнихъ церковныхъ реформатскихъ школъ новымъ жизненнымъ требованіямъ населенія научиться по-русски. Нельзя также не замѣтить и того противорѣчія, въ какое эти школы становятся сами съ собою и съ русскими народными училищами: не будучи въ состояніи учить по-русски, онѣ сообщаютъ ученикамъ механизмъ чтенія и письма русскихъ буквъ и въ то же время по-литовски и по-латышски учатъ въ буквахъ нѣмецкаго и большею частью латинскаго алфавита, не смотря на то, что въ русскія училища для литовскаго и латышскаго нарѣчія введены книги, изданныя русскою азбукою. Это противорѣчіе не только вполнѣ оправдываетъ распоряженіе одного реформатскаго пастора по отношенію къ церковной школѣ, бывшей въ Новоалександровскомъ уѣздѣ, но и убѣждаетъ всѣхъ другихъ пасторовъ послѣдовать этому примѣру, т. е. пригласить прихожанъ отдавать дѣтей въ русскія народныя училища и обязать органистовъ и канторовъ посѣщать эти училища, въ

качествѣ законоучителей, опредѣленное число разъ въ недѣлю, какъ дѣлаютъ православные священники и римско-католическіе ксендзы.

Лютеранскія школы всюду учатъ исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, и изъ всѣхъ 22 училищъ едва въ десяти, и по преимуществу въ городскихъ, обучаютъ механическому чтенію и письму по-русски. Такимъ образомъ, лютеранскія школы отдаютъ очевидное предпочтеніе нѣмецкому языку, какъ предмету и языку обученія, и въ то же время, въ силу жизненныхъ требованій, дѣлаютъ небольшую, въ учебномъ смыслѣ ни къ чему не ведущую уступку въ пользу русской грамоты и относятся съ полнымъ невниманіемъ къ мѣстному литовскому языку, несмотря на то, что въ ковенской губерніи, за исключеніемъ городовъ, большинство лютеранскихъ прихожанъ принадлежитъ къ литовскому племени. Видъ нѣкоторой уступки племенному языку со стороны этихъ школъ можетъ имѣть распродажа по неимовѣрно дешевой цѣнѣ, а иногда и даровая раздача книгъ Новаго Завѣта на прусско-литовскомъ нарѣчіи, но въ нѣмецкихъ буквахъ [1]). Само собою понятно, что эта кажущаяся уступка въ пользу племеннаго языка обращается исключительно въ пользу нѣмецкой грамоты, какъ такой, которая обусловливаетъ и облегчаетъ усвоеніе нѣмецкаго языка.

Сравненіе лютеранскихъ и реформатскихъ школъ съ русскими народными училищами не по языкамъ преподаванія, но единственно по алфавитамъ, въ которыхъ преподаются мѣстные литовскій, жмудскій и латышскій языки, приводитъ къ заключенію, что русскія народныя училища, создаваемыя въ ковенской губерніи учебнымъ вѣдомствомъ министерства народнаго просвѣщенія, стоятъ въ рѣшительной противоположности съ тѣми школами, которыя

[1]) До какой степени дешевы подобныя книги, можно судить изъ купленнаго нами экземпляра одного изъ лучшихъ, а потому и не самыхъ дешевыхъ изданій, въ этомъ родѣ. Экземпляръ этотъ пріобрѣтенъ въ лютеранской церковной школѣ въ Россіенахъ за 36 к. сер.—цѣна такъ незначительна, что, при нашихъ средствахъ въ изготовленіи печатныхъ книгъ, почти не представляется возможности сдѣлать за нее одинъ такой же переплетъ. (Ред. Вил. В.).

создаются учащими и духовенствомъ лютеранскаго и реформатскаго исповѣданій.

Если нельзя еще утверждать, что введеніе его чрезъ русскія народныя училища увѣнчается полнымъ успѣхомъ и сдѣлаетъ мѣстные языки письменными, то во всякомъ случаѣ безспорно, что буквы русскаго алфавита вполнѣ достаточны для совершенно точнаго и совершенно простаго выраженія всѣхъ звуковыхъ особенностей здѣшнихъ языковъ. Впрочемъ, если бы попытка русскихъ народныхъ училищъ ввести русскій алфавитъ въ мѣстные племенные языки оказалась не болѣе успѣшной, чѣмъ вѣковыя навязыванія имъ латинской и нѣмецкой азбуки, то и въ такомъ случаѣ для мѣстнаго населенія русскій алфавитъ полезнѣе, нежели всѣ другіе, ибо проводитъ и облегчаетъ освоеніе массъ съ русскимъ языкомъ, наиболѣе необходимымъ какъ въ житейскомъ, такъ и въ государственномъ отношеніяхъ. Если вѣковыя усилія усвоить мѣстнымъ языкамъ латинскій и нѣмецкій алфавитъ привели только къ тому, что рѣдкія исключенія между грамотными изъ туземцевъ въ житейскихъ нуждахъ и сношеніяхъ пишутъ по-польски или по-нѣмецки, то введеніе русскаго алфавита безспорно приведетъ къ такимъ исключеніямъ между грамотными туземцами, которые будутъ писать только по-русски.

Не только съ точки зрѣнія русскихъ народныхъ училищъ ковенской губерніи, но и съ общей учебной точки зрѣнія лютеранскія и реформатскія школы не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Несмотря на то, что въ послѣднія пять лѣтъ большинство наставниковъ—органистовъ и кистеровъ, призвано изъ за-границы, учители эти, какъ свидѣтельствуютъ люди близко изучившіе дѣло, стоятъ не выше посредственности, за самыми рѣдкими исключеніями. Есть даже такіе, которые безграмотно пишутъ, и два—три такихъ, которые почти не умѣютъ писать даже по-нѣмецки.

Самые учебники въ церковныхъ лютеранскихъ школахъ во столько различны, во сколько выборъ ихъ зависитъ не только отъ личнаго усмотрѣнія пасторовъ, кистеровъ и органистовъ, но и отъ разныхъ случайностей, какъ напримѣръ, большей или меньшей близости къ курляндской

или прусской границѣ. Въ первомъ случаѣ найдется болѣе рижскихъ, во второмъ—болѣе заграничныхъ изданій. По причинѣ относительно большаго выбора книгъ для первоначальнаго обученія въ сосѣдней Пруссіи, во всѣхъ училищахъ преобладаютъ книги заграничнаго изданія. Этимъ условіемъ, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что болѣе половины, и лучшихъ, наставниковъ состоятъ въ иностранномъ подданствѣ, дѣти знакомятся изъ чтенія разсказовъ съ исторіею и географіею не Россіи, но Пруссіи и вообще Германіи, и, за двумя—тремя исключеніями, не знаютъ имени не только государства, въ которомъ живутъ, но и Государя Императора.

Изъ предшествующаго изложенія оказывается, что школы при реформатскихъ и при лютеранскихъ церквахъ, въ задачѣ своей и въ самыхъ существенныхъ свойствахъ, расходятся съ русскими народными училищами. По отношенію къ послѣднимъ первыя, по всей справедливости, слѣдуетъ назвать иностранными. Справедливость этого заключенія доказывается всего болѣе тѣмъ фактомъ, что не только иностранцы новые учители, но и тѣ кистеры, которые служатъ около 30 лѣтъ на своихъ мѣстахъ, не знаютъ, не говорятъ, и большинство даже не понимаетъ по-русски. И, несмотря на иностранный составъ учащихъ, выборъ ихъ, самое открытіе училищъ, предѣлы, способы и направленіе обученія вполнѣ зависятъ отъ мѣстныхъ пасторовъ, а въ послѣднихъ условіяхъ и отъ самихъ наставниковъ училищъ. Говоря опредѣлительнѣе, слѣдуетъ сказать, что только одни настоятели лютеранскихъ и реформатскихъ церквей пользуются ничѣмъ не ограничиваемымъ правомъ открытія училищъ по личному усмотрѣнію; училища же ихъ пользуются исключительнымъ правомъ на свободу обученія. Послѣдній принципъ для низшихъ школъ не уступленъ никому не только въ Россіи, но и въ Германіи. Единственнымъ ограниченіемъ свободы обученія служитъ уступка матеріальныхъ средствъ или отказъ въ нихъ со стороны прихожанъ. Единственнымъ ручательствомъ за то, что принципъ свободы обученія не употребляется во зло, служатъ съ одной стороны довѣріе родителей, а съ другой — fides pastoralis. Довѣріе родителей можетъ быть слѣпымъ, а личное усмот-

рѣніе, при всей силѣ fidei pastoralis — ошибочнымъ. Но, не бросая никакой тѣни на задачу и направленіе нынѣшнихъ школъ при лютеранскихъ и реформатскихъ церквахъ, нельзя не замѣтить, что онѣ не организованы въ правильную систему и тѣмъ не менѣе, по отношенію къ русскимъ народнымъ училищамъ, составляютъ систему въ системѣ. Въ этой сферѣ status in statu тѣмъ менѣе понятенъ въ настоящее время что не только все обученіе, но и непосредственное воспитательное руководство дѣтей русскихъ подданныхъ лютеранскаго и реформатскаго вѣроисповѣданій довѣрены почти безконтрольно иностраннымъ подданнымъ въ большинствѣ необразованнымъ, мало обученнымъ и слѣдовательно вполнѣ чуждымъ того государства, въ которое навсегда или временно переселились.

Послѣ всего сказаннаго, само собою истекаетъ заключеніе, что школы при лютеранскихъ и реформатскихъ церквахъ составляютъ исключительный, своеобразный и, скажемъ прямо, противозаконный училищный институтъ.

Въ настоящее же время въ ковенской губерніи, за немногими исключеніями, какъ въ городахъ, такъ и въ мѣстечкахъ, и особенно въ россіенскомъ уѣздѣ, не смотря на существованіе приходскихъ и народныхъ училищъ, ни пасторы или „проповѣдники“, ни кистеры и органисты ихъ не считаютъ себя обязанными „тщательно посѣщать“ эти училища. На письменныя просьбы о томъ со стороны училищнаго начальства они обыкновенно довольствовались молчаніемъ или даже прямо заявляли требованіе, чтобы ученики приходскихъ и народныхъ училищъ посѣщали церковныя училища. Короче, училищное начальство не могло согласить гг. пасторовъ посѣщать народныя училища для преподаванія закона Божія лютеранскаго и реформатскаго вѣроисповѣданій; если же имъ намекалось о правѣ требовать такого посѣщенія, то на это они давали замѣтить, что училища зависятъ отъ гг. пасторовъ, а гг. пасторы состоятъ въ распоряженіи своего іерархическаго начальства и министерства внутреннихъ дѣлъ. Какъ бы въ доказательство независимости отъ министерства народнаго просвѣщенія и зависимости отъ министерства внутреннихъ

дѣлъ, одинъ извѣстный намъ канторъ, не состоя ни въ какой другой штатной службѣ, носитъ иногда форменный полукафтанъ сего послѣдняго министерства Отвѣтами въ приведенномъ смыслѣ совершенно устранялось непосредственное участіе училищнаго начальства въ школахъ при лютеранскихъ и реформатскихъ церквахъ.

На письменные офиціальные запросы гг. настоятелямъ лютеранскихъ и реформатскихъ приходовъ о сообщеніи свѣдѣній касательно школъ, одинъ, напримѣръ, на вопросъ о томъ, съ чьего разрѣшенія открыта школа при приходской церкви, отвѣчаетъ такъ: „Разрѣшеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ на существованіе лютеранскихъ училищъ, въ которыхъ позволено обучать всѣмъ предметамъ, необходимымъ къ обряду лютеранскому, пасторамъ евангелическо-лютеранскаго округа было объявлено черезъ курляндскую евангелическо-лютеранскую консисторію около шести лѣтъ тому назадъ (т. е. одновременно съ открытіемъ народныхъ училищъ въ сѣверозападныхъ губерніяхъ), копія же этого разрѣшенія можетъ быть взята изъ той же курляндской консисторіи“. Поданный отзывъ тѣмъ страннѣе, что въ то же время и на тотъ же вопросъ другой пасторъ отвѣтилъ, что особыхъ разрѣшеній на открытіе училища нѣтъ, а всякій канторъ обязанъ заниматься приготовленіемъ дѣтей къ конфирмаціи. Отзывы другихъ лицъ то приближаются къ первому, то указываютъ на разрѣшеніе другихъ учрежденій. Такъ, напр., одинъ канторъ говоритъ о своемъ училищѣ: „Сіе училище открыто въ 1851 году курляндскою евангелическо-лютеранскою консисторіею на основаніи Высочайше утвержденнаго устава, изданнаго 18-го декабря 1832 г. для евангелическо-лютеранскихъ церквей въ Россіи“; а на вопросъ, въ чьемъ завѣдываніи состоитъ училище, прибавляетъ: „Находится въ ближайшемъ завѣдываніи пастора и въ вѣдомствѣ курляндской евангелическо-лютеранской консисторіи“. Другой кистеръ на подобные же запросы говоритъ, что его училище „разрѣшено къ открытію с.-петербургскою генеральною консисторіею, каковое разрѣшеніе находится у такого-то пастора“. Такое разногласіе въ отзывахъ на одинъ и тотъ же вопросъ оправдываетъ предположеніе, что школы при лютеранскихъ и ре-

форматскихъ церквахъ существуютъ болѣе въ силу обычая, нежели въ силу закона, и что развитіе ихъ до принципа свободы низшаго обученія не можетъ быть оправдано соображеніями, основанными на положительныхъ статьяхъ нынѣ дѣйствующаго законодательства.

Выше замѣчено, что лютеранскія и реформатскія церковныя школы еще не организованы въ правильную систему. Это замѣчаніе относится ко всѣмъ реформатскимъ школамъ; но между лютеранскими слѣдуетъ выдѣлить изъ него церковныя школы россіенскаго уѣзда (который съ запада и юго-запада непосредственно граничитъ съ Пруссіею). Во второй половинѣ XVIII столѣтія въ этомъ уѣздѣ была всего одна лютеранская церковь въ м. Таурогенѣ. Построеніе ея относятъ къ 1736 или 1766 году. Много старше ея реформатская церковь въ сѣверовосточномъ углу россіенскаго уѣзда, въ м. Кельмахъ: она построена въ 1615 году. По всему вѣроятію, еще въ тѣ отдаленныя времена при кельменской, а потомъ при таурогенской церкви образовались первыя школы. Школѣ при кельменской церкви, вѣроятно по причинѣ уступки реформатскаго вѣроисповѣданія предъ послѣдовательными успѣхами лютеранскаго, не суждено было развиться. Таурогенской школѣ, напротивъ, посчастливилось устроить семь пришколковъ: въ м. Новомъ Мѣстѣ, въ г. Россіенахъ, въ мм. Скавдвиляхъ, Жвирахъ, Шилеляхъ и Юрбургѣ, а въ 1852 г. въ м. Швекшняхъ. Мало по малу при этихъ пришколкахъ увеличилось число лютеранъ какъ переселенцами изъ Пруссіи, такъ и новыми адептами изъ мѣстныхъ литовцевъ. При увеличившемся числѣ прихожанъ устроены были и молитвенные дома, или филіальныя церкви: въ 1814 г. построена такая церковь въ Новомъ Мѣстѣ, въ 1818 въ Россіенахъ, въ 1827 въ Скавдвиляхъ, около того же времени въ Жвирахъ и Шилеляхъ, въ 1851 г. въ Юрбургѣ и въ 1852 г. въ м. Швекшняхъ. Въ настоящее время число прихожанъ этихъ филіальныхъ церквей на столько увеличилось, что уже послѣдовало разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ на образованіе новыхъ отдѣльныхъ приходовъ въ г. Россіенахъ, въ м. Новомъ Мѣстѣ и, какъ слышно, въ Жвирахъ. Само собою очевидно, что большинство прихожанъ

составилось изъ литовцевъ, перешедшихъ изъ католицизма въ лютеранство. Большая часть переходовъ совершилась въ теченіе послѣднихъ тридцати и никакъ не болѣе пятидесяти лѣтъ. Оказавъ столь значительную услугу распространенію лютеранства, таурогенская школа стала развиваться какъ школа. Съ теченіемъ времени она обратилась въ двухкласную и въ настоящее время обучаетъ 128 мальчиковъ и 106 дѣвочекъ, а всего 234 учащихся. Въ предшествующіе годы, т. е. въ 1864, 1865 и 1866, она имѣла по 273 учащихся обоего пола. Чтобы увеличить успѣхи учащихся въ этомъ училищѣ, понадобились приготовительныя училища, или пришколки. Такихъ, начиная съ 1864 года, образовано было шесть въ шести деревняхъ, расположенныхъ вокругъ м. Таурогена, въ разстояніи отъ 3 до 8 верстъ. Такимъ образомъ, таурогенское училище въ теченіе времени постепенно развивалось въ цѣлую систему училищъ, чрезъ нихъ распространило знаніе нѣмецкаго языка, обусловило построеніе филіальныхъ церквей и учрежденіе новыхъ лютеранскихъ приходовъ, а подъ конецъ окружило себя цѣлымъ кольцомъ приготовительныхъ школъ. Для этой цѣли оно воспользовалось опытностью сосѣднихъ прусскихъ школъ, и если не довело себя до полнаго Schulzwang'a съ системою штрафовъ за непосѣщеніе училища, то почти воспитало массу въ полномъ признаніи принципа Schulpflichtigkeit. Какъ училище, благодаря неутомимой ревности, замѣчательной начитанности, мастерству и опытности учителя, оно представляется образцомъ вполнѣ достигнутаго совершенства по всѣмъ предметамъ, кромѣ русскаго языка, который преподается такъ же механически, какъ и въ другихъ училищахъ.

ОКРАИНЫ РОССІИ.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ

РУССКОЕ БАЛТІЙСКОЕ ПОМОРІЕ.

Выпускъ пятый.

ПРИВѢСОКЪ

КЪ IV ВЫПУСКУ

ОКРАИНЪ РОССІИ.

Къ читателямъ.

Четвертый выпускъ Окраинъ остался почти неизвѣстенъ русской публикѣ, по крайней мѣрѣ мало ею читался; за то онъ обратилъ на себя вниманіе нашихъ остзейскихъ земляковъ не въ меньшей, если не въ большей мѣрѣ, чѣмъ предшествовавшіе.

Вскорѣ по выходѣ его, я получилъ нѣсколько писемъ, разумѣется, анонимныхъ изъ Риги, Дерпта и изъ за-границы, писанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ, и одно изъ Петербурга, писанное по-русски. Къ этому послѣднему, коротенькому письму приложены были любопытные документы — четыре записки бывшаго остзейскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Альбединскаго. Затѣмъ вышелъ въ Лейпцигѣ почти полный переводъ и вмѣстѣ подробный разборъ четвертаго выпуска, подъ заглавіемъ: „Русскія обращенія въ томъ видѣ, въ какомъ признаётъ и разоблачаетъ ихъ Юрій Самаринъ“ — сочиненіе какого-то скрывшаго свое имя „Скромнаго Наблюдателя“ [1]).

Большая часть упомянутыхъ писемъ пропитана ненавистью ко мнѣ лично и ко всему русскому, ищущею въ бранчивомъ словоизверженіи спасенія отъ удушья. Инымъ, болѣе отчетливымъ побужденіемъ, а не простымъ физіологическимъ по-

[1]) Russische Bekehrungen, wie sie H. G. v. Samarin enthüllt und bekennt, von einem stillen Beobachter. Leipzig, 1874.

зывомъ, трудно бы было объяснить себѣ происхожденіе цѣлыхъ страницъ мелкаго письма, не предназначаемыхъ для печати и до того грубыхъ и пошлыхъ, что самое раздражительное авторское самолюбіе не могло бы ими оскорбиться. Само собою разумѣется, что я и не подумаю знакомить читателя съ этого рода продуктами остзейской образованности; но, для уясненія нѣкоторыхъ недоразумѣній, для исправленія нѣкоторыхъ ошибокъ, въ которыя я невольно впалъ, и отчасти для моей очистки, я считаю нелишнимъ остановиться на одномъ изъ полученныхъ мною писемъ, потомъ перейду къ брошюрѣ скрывшаго свое имя „Наблюдателя“ и, наконецъ, перепечатаю цѣликомъ, съ нужными коментаріями, интересныя записки генералъ-адъютанта Альбединскаго, изъ которыхъ я приводилъ небольшіе отрывки по бывшему у меня въ рукахъ нѣмецкому переводу.

Такимъ образомъ, настоящій выпускъ составитъ какъ бы дополненіе или привѣсокъ къ четвертому.

Юрій Самаринъ.

Москва, 1874.

I

Письмо, которое я намѣренъ сообщить читателямъ, писано по-нѣмецки, отправлено изъ за-границы и, повидимому, идетъ отъ лица, въ послѣднее время принимавшаго участіе въ остзейской администраціи или, по крайней мѣрѣ, стоявшаго близко къ кругу тамошнихъ должностныхъ лицъ. Я привожу изъ него все, что касается до надѣленія землею въ казенныхъ имѣніяхъ православныхъ крестьянъ.

„Вы пишете памфлеты, очевидно съ цѣлью возбудить страсти и надѣетесь привлечь вниманіе вашей публики необычною въ русской литературѣ дерзостью вашего тона. Въ то же время вы, кажется, претендуете на дѣловую точность вашихъ сообщеній. Нѣкоторыя цыфры, двѣ, три выписки изъ бумагъ, не всѣмъ доступныхъ, пожалуй укрѣпятъ за вами репутацію знатока и спеціалиста; но дѣло въ томъ, что очень трудно согласить обѣ ваши цѣли. Первая для васъ, разумѣется, дороже, и потому вы жертвуете ей всѣмъ. Вы докладчикъ только по формѣ, по намѣренію же — вы пристрастный обвинитель, часто даже клеветникъ, которому ничего не стоитъ утаивать факты неподходящіе подъ предвзятую цѣль. Я говорю утаивать, ибо, судя по тому, что̀ вамъ извѣстно, вы и ихъ не можете не знать. Но вы напрасно думаете, что вы одни ихъ знаете; они памятны многимъ, и обличить васъ въ недобросовѣстности очень не трудно. Я вамъ это докажу.

„Прописавъ цѣликомъ двѣ или три бумаги изъ дѣла о надѣленіи участками въ казенныхъ имѣніяхъ православныхъ бобылей, вы заявляете, что остзейскіе генералъ-губернаторы, и въ томъ числѣ графъ Шуваловъ, котораго вы прямо на-

зываете, относились къ этой мѣрѣ робко, холодно и недовѣрчиво, изъ опасенія испортить свое служебное положеніе (стр. 125 *). Я лично убѣжденъ въ ея внутренней несостоятельности и считаю ее неудачнѣйшимъ изъ всѣхъ изобрѣтеній издыхавшаго фанатизма русскихъ клерикаловъ; поэтому, конечно, не я упрекнулъ бы кого бы то ни было въ нежеланіи содѣйствовать ея осуществленію; но — suum cuique. Такъ какъ дѣло генералъ-губернаторской канцеляріи о раздачѣ православнымъ крестьянамъ ни на что негодныхъ клочковъ земли, очевидно, было въ вашихъ рукахъ, то вы не можете не знать, что оно много лѣтъ оставалось безъ всякаго движенія и что поднялъ его вновь и далъ ему ходъ, по собственной своей иниціативѣ, не иной кто какъ именно графъ Шуваловъ. Само собою разумѣется, что отъ его проницательнаго взгляда не могла укрыться искусственность и дряблость всего православнаго насажденія въ Лифляндіи; онъ не разъ офиціально и въ частныхъ разговорахъ очень недвусмысленно высказывалъ свое сожалѣніе о томъ, что въ прошлое царствованіе правительство втянулось въ пропаганду, которая должна была неминуемо довести его до позорнаго fiasco, и во все время своего управленія самымъ рѣшительнымъ образомъ осаживалъ всякую попытку возобновить ее; но оттого ли, что ему казалось нужнымъ чѣмъ нибудь ублажить старорусскую партію, оттого ли, что, по его мнѣнію, правительство оставалось какъ бы въ долгу передъ тою частью мѣстнаго населенія, которая соблазнилась предательскими обѣщаніями, данными ей будто бы отъ имени верховной власти, онъ дѣйствительно ухватился за прежнюю мысль, или самъ собою напалъ на мысль, отводомъ нищенскихъ надѣловъ расквитаться разъ навсегда съ обманутыми, заплативъ имъ и то, чего правительство въ сущности отнюдь не было имъ должно. Онъ же пустилъ въ ходъ эту мысль въ Петербургѣ. На мой взглядъ, эта поблажка была коренною ошибкою, но на вашъ — это былъ подвигъ національнаго благочестія, за который вы должны бы были славить графа Шувалова, а вы не только умолчали объ этой его за-

*) этой книги. *Прим. изд.*

слугѣ, но позволили себѣ даже упрекнуть его въ равнодушіи къ судьбѣ православныхъ Латышей, вѣроятно, оттого, что вамъ противна была общая система его просвѣщенно-либе ральнаго управленія остзейскимъ краемъ.

„Добросовѣстно ли это? [1])

„Далѣе, вы указываете на нераспространеніе на казенныя имѣнія, расположенныя въ Курляндіи, проекта о водвореніи православныхъ безземельныхъ крестянъ, какъ на позорную уступку со стороны правительства, сдѣланную имъ будто бы въ угоду мѣстной агитаціи и въ противорѣчіе прежнимъ его намѣреніямъ (стр. 130—133). Вамъ хочется уличить его еще разъ въ шаткости и непослѣдовательности — это одна изъ вашихъ любимыхъ темъ; вамъ нужно также возвеличить вашего героя Шафранова, который одинъ де настаивалъ на осуществленіи прежняго проекта во всемъ его объемѣ — это другая ваша тема; но гдѣ же правда? — Или вы, спеціалистъ по дѣламъ остзейскаго края, не знали, что на самыхъ первыхъ порахъ, въ 1866 году, какъ только зашла рѣчь о сгруппированіи православныхъ Латышей въ казенныхъ имѣніяхъ около православныхъ церквей, самъ Государь Императоръ выразилъ рѣшительную свою волю, чтобы Курляндія была пощажена и чтобъ эта мѣра отнюдь не распространялась за предѣлы Лифляндіи? Стало быть ни графъ Шуваловъ, ни бывшій министръ государственныхъ имуществъ, ни комитетъ министровъ не могли даже предварительно изъявлять на это своего согласія. Высочайшая воля была извѣстна всѣмъ, кому подобало объ ней знать, въ томъ числѣ и Шафранову, которому даже запрещено было входить съ представленіями о захватѣ Курляндіи. Если онъ, несмотря на это, утруждалъ свое начальство совершенно безполезными своими предполо-

[1]) Съ 1848 г., я не видалъ ни одного дѣла изъ канцеляріи остзейскаго генералъ-губернатора, и ничто въ системѣ управленія графа Шувалова, насколько она была мнѣ извѣстна, не могло навести меня на предположеніе, что дѣло о водвореніи православныхъ Латышей въ казенныхъ имѣніяхъ возобновилось по его иниціативѣ. Письмо неизвѣстнаго моего обличителя заставило меня навести справки, по которымъ оказалось, что въ этомъ случаѣ онъ совершенно правъ, а я, по незнанію, впалъ въ ошибку, которую спѣшу исправить. Повторяю за нимъ: suum cuique.

женіями, то это доказываетъ только, что раздражительное самолюбіе и желаніе выказать свою дальновидность безпрестанно увлекали его за предѣлы скромныхъ обязанностей чиновника исполнителя. Стало быть, правительство въ этомъ случаѣ не сдѣлало шага назадъ (какъ вы увѣряете), ибо не дѣлало шага впередъ. И вы всего этого будто бы не знали? Наконецъ, еслибъ даже и не знали, то во всякомъ случаѣ вы никакъ не могли не знать слѣдующаго совершенно аналогическаго факта изъ исторіи обращеній въ сороковыхъ годахъ: въ самый разгаръ религіознаго помѣшательства, овладѣвшаго массами, нѣкоторые ваши попы вздумали было заглянуть и въ Курляндію съ тѣмъ, чтобы и тамъ посѣять православную смуту; но какъ только извѣстіе объ этомъ дошло до покойнаго Императора, онъ немедленно осадилъ ихъ усердіе и строго запретилъ касаться Курляндіи, даже принимать отъ тамошнихъ крестьянъ какія либо quasi добровольныя заявленія. Къ чему же послѣ этого прибѣгать къ натянутымъ предположеніямъ, когда позднѣйшій фактъ такъ просто объясняется предъидущимъ и когда оба вмѣстѣ указываютъ на систематическое изолированіе Лифляндіи, въ надеждѣ облегчить себѣ побѣду надъ мѣстною ея оппозиціею, лишивъ ее поддержки родственныхъ и сосѣднихъ областей? [1])

---

[1]) Замѣчу прежде всего, что я не только не отрицалъ дѣйствительности Высочайшаго повелѣнія о выдѣленіи Курляндіи, но прямо заявилъ (стр. 133), что на него ссылался графъ Барановъ въ 1869 году. Слѣдовательно, вопросъ только о времени, когда оно состоялось. Было ли оно объявлено на первыхъ порахъ, или позднѣе? — ибо въ послѣднемъ только случаѣ оно имѣло бы характеръ уступки. Думаю, что дѣло было изложено мною совершенно вѣрно, и вотъ тому доказательства. Въ первой запискѣ бывшаго министра государственныхъ имуществъ о сосредоточеніи православныхъ Эстовъ и Латышей около православныхъ церквей прямо заявлялось, что нужно было для этого воспользоваться и казенными имѣніями Курляндіи. По этому дѣлу, въ 1866 году, происходило, по Высочайшему повелѣнію, особое совѣщаніе нѣкоторыхъ изъ гг. министровъ, на которое приглашенъ былъ и бывшій остзейскій генералъ-губернаторъ графъ Барановъ. Послѣдній дѣйствительно проводилъ въ немъ, какъ свое личное мнѣніе, мысль оставить въ сторонѣ Курляндію, мотивируя это мнѣніе между прочимъ тѣмъ, что тамошніе Латыши отличались отъ лифляндскихъ обычаями и нарѣчіемъ; но прочіе члены совѣщательнаго присутствія соглашались съ нимъ далеко не безусловно, а полагали только начать отводъ съ Лифляндской губерніи, и затѣмъ, сообразно практическимъ указаніямъ и открыва-

„Хороша ли эта система?—это другой вопросъ. Я думаю, что она во всякомъ случаѣ нѣсколько несвоевременна. Вниманіе возбуждено; нѣмецкое національное чувство стоитъ на сторожѣ на всемъ балтійскомъ поморьѣ и подобными хитростями вы не потрясете единодушія, составляющаго всю его силу.

„Если вы не знали, или преднамѣренно игнорировали много такого, что должно быть извѣстно всякому, принимающемуся писать о нашемъ краѣ, то съ другой стороны надобно сознаться, что вы знаете и много такого, чего у насъ никто не знаетъ. Всматриваясь, напримѣръ, въ черты и размѣры той идеальной фигуры, которую вамъ почему то вздумалось назвать Шафрановымъ, мы, близко съ нимъ знакомые, видавшіе его у дѣлъ, въ изумленіи переглядываемся и спрашиваемъ себя: точно ли это тотъ безтактный, безпокойный, ни съ кѣмъ не уживавшійся пустозвонъ, вѣчно мучимый какимъ то агитаторскимъ зудомъ, грозный въ замашкахъ и

ющейся возможности, распространить, по сношеніи съ генералъ-губернаторомъ, отводъ свободныхъ казенныхъ земель и на Курляндію. Это заключеніе, въ томъ же году, было поднесено Государю Императору и, по Высочайшему повелѣнію, внесено въ комитетъ министровъ при запискѣ, въ которой министръ государственныхъ имуществъ опять упоминалъ объ отводѣ казенныхъ земель и въ Курляндіи. Комитетъ согласился съ предположеніями министра, предоставилъ ему приводить ихъ въ исполненіе, въ видѣ хозяйственнаго, распоряженія, но въ журналѣ своемъ, который удостоился Высочайшаго утвержденія, говоря о казенныхъ имѣніяхъ и казенныхъ земляхъ вообще, не указалъ губерній и не назвалъ ни Курляндіи, ни Лифляндіи. Послѣдующія приготовительныя распоряженія на мѣстахъ, до исхода 1866 года, производились, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ, также въ виду Курляндіи, но съ тѣмъ, чтобы на нѣкоторое время отложить, по отношенію къ ней, исполненіе предположенной мѣры. Очевидно, всего этого не могло бы быть, если бы состоялось на первыхъ же порахъ Высочайшее повелѣніе вовсе обойти ее. Стало быть, несомнѣнно, произошла перемѣна въ намѣреніяхъ и сдѣланъ былъ, какъ я выразился, шагъ назадъ. Въ свою очередь позволю себѣ и я спросить моего безъименнаго обличителя: зналъ ли онъ факты, мною теперь изложенные? Если не зналъ, или если онъ усомнится въ ихъ достовѣрности, то ему ничего не стоитъ навести справки. Все это дѣло, какъ извѣстно, очень интересовало лифляндское дворянство, и одинъ изъ его петербургскихъ агентовъ (конечно, хорошо извѣстный моему обличителю) доставлялъ копіи со всѣхъ записокъ, журналовъ и донесеній въ Ригу, гдѣ онѣ расходились по рукамъ. Благодаря этому, онѣ и мнѣ стали извѣстны.

безсильный въ исполненіи, который дѣйствительно, въ извѣстномъ смыслѣ, отравлялъ нашу жизнь своимъ вѣчнымъ, назойливымъ жужжаніемъ и своими въ сущности безвредными, но тѣмъ не менѣе раздражительными уколами? Что вы изъ него сдѣлали [1])!

„Я не хотѣлъ бы поминать не добромъ человѣка, отъ котораго мы наконецъ избавились, но не могу же не сказать, что въ вашемъ изображеніи нѣтъ ни одной черты вѣрной, не идеализированной до карикатурности.

„Начиная съ того, что не „благодаря его донесеніямъ", какъ вы увѣряете (стр. 123), министерство государственныхъ имуществъ возъимѣло мысль объ улучшеніи быта батраковъ и бобылей, а гораздо раньше, еще до его назначенія управляющимъ лифляндскою палатою, и что, при опредѣленіи его къ этой должности, ему уже дано было указаніе на этотъ предметъ [2]).

---

[1]) Лучшею аттестаціею Шафранова служитъ живучесть той ненависти, которую питаютъ къ нему остзейскіе враги русскаго дѣла. По усвоенной ими терминологіи, безтактность значитъ не иное что какъ нежеланіе обречь себя на роль послушнаго агента мѣстной оппозиціи; подъ безпокойствомъ подразумѣвается настойчивость въ исполненіи утвержденныхъ предположеній; подъ неумѣніемъ уживаться—недоступность обольщеніямъ и стращанію; подъ агитаторскимъ зудомъ — твердое и честное служеніе цѣлямъ правительства. Замѣните одни слова другими, и вы получите вѣрную характеристику. Кстати замѣтить, что остзейскіе публицисты до сихъ поръ не могутъ забыть Шафранова и не перестаютъ преслѣдовать его изъ за-границы гнусными пасквилями. (См. наприм. брошюру подъ заглавіемъ: S. N. Sarafanow—aus dem kirchlich-politischen Leben Livlands. Erzählung (вѣрнѣе было бы сказать Lüge) von Rudolf Schultz. Leipzig, 1873. — Не слишкомъ ли много чести для «назойливаго пустозвона?»

[2]) Можетъ быть. Если отыскивать перваго по времени человѣка, разоблачившаго безпомощное положеніе лифляндскаго сельскаго пролетаріата, то пришлось бы, пожалуй, вернуться далеко назадъ и указать на Русскаго же, именно на А. И. Арсеньева, бывшаго въ 1804 и 1805 годахъ предсѣдателемъ рижской ревизіонной коммиссіи. Но дѣло идетъ не объ открытіи чего либо совершенно новаго и никому неизвѣстнаго, а о свѣжемъ, живомъ, сочувственномъ взглядѣ, благодаря которому предметъ извѣстный многимъ, но никого сильно не интересовавшій, выдвигается на первый планъ и привлекаетъ къ себѣ заботливое участіе. Прочтите прежнія сухія донесенія, писавшіяся для очистки совѣсти, сравните ихъ съ донесеніями и письмами на ту же тему Шафранова, и вы поймете, въ какомъ смыслѣ онъ дѣйствительно былъ первымъ, черезъ 60 лѣтъ

„Далѣе, говорите вы, „онъ же (Шафрановъ) провѣрялъ въ кабинетѣ и на мѣстахъ проекты люстраціонныхъ коммиссій, при себѣ опредѣлялъ границы надѣловъ и т. д.“ (стр. 128). Эти слова доказываютъ, что вы не имѣете никакого понятія, или получили фальшивое, объ упомянутыхъ операціяхъ. Одному человѣку было бы положительно невозможно лично провѣрять на мѣстахъ всѣ проекты люстраціонныхъ комиссій и обходить всѣ межи: никто отъ него этого и не требовалъ. Коммиссіи, какъ вы должны бы были знать, дѣйствовали совершенно самостоятельно, и повѣрка ихъ дѣйствій Шафранову не поручалась [1]).

„Пристрастіе ваше къ нему простирается такъ далеко, что вы не пощадили его покровителя, бывшаго министра генералъ-адъютанта Зеленаго, котораго вы, кажется, не безъ основанія, причисляете *къ своимъ*. Вы заявляете, что въ собственномъ его министерствѣ не всѣ содѣйствовали Шафранову. На кого вы тутъ намекаете, я не знаю. Если на директора департамента, носившаго нѣмецкую фамилію, то вѣдь вы не можете не знать, что дѣло о водвореніи православныхъ производилось совершенно помимо его и что всѣ распоряженія по этому дѣлу исходили отъ самого министра и передавались черезъ посредство управлявшаго временнымъ отдѣломъ по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ, котораго вы, вѣроятно, не заподозрите въ поблажкѣ остзейскому провинціализму.

„Выходитъ, по вашему, что генералъ-адъютантъ Зеленой пожертвовалъ Шафрановымъ мѣстной интригѣ, выказалъ слабость и не сумѣлъ поддержать своего подчиненнаго, хотя зналъ его лично и цѣнилъ по достоинству (стр. 129). Отста-

---

послѣ Арсеньева. Охотно вѣрю, что министерство указало ему на задачу или тему, но все же принятыя имъ мѣры оно заимствовало изъ его же представленій, обрѣзавъ и окорнавъ ихъ.

[1]) Я не говорилъ ни всѣ проекты, ни всѣ межи; а что Шафрановъ подробно провѣрялъ нѣкоторые проекты, это я знаю изъ видѣнныхъ мною подробныхъ замѣчаній его; что онъ много разъ самъ отводилъ надѣлы на мѣстахъ, это знаютъ всѣ въ Лифляндіи, и безъименный мой возражатель, вѣроятно, еще не забылъ, что именно частые его разъѣзды по имѣніямъ и близкія сношенія, въ которыя онъ входилъ съ крестьянами, болѣе всего пугали и раздражали нѣмецкую публику.

ивать противъ васъ бывшаго министра я не считаю себя призваннымъ и не имѣю охоты; на мой взглядъ, съ бо̀льшимъ основаніемъ можно бы было упрекнуть его въ томъ, что онъ назначилъ Шафранова по рекомендаціи преосвященнаго Платона оставившаго по себѣ въ Ригѣ очень не лестную память, и слишкомъ долго держалъ его при должности, успѣвъ много разъ убѣдиться въ его административной безтактности. Но, повторяю, меня въ настоящемъ случаѣ занима̀етъ не личность бывшаго министра, а вашъ пріемъ. „Дружная интрига, говорите вы, потребовала удаленія Шафранова“ Нѣтъ! — не интрига, а самъ Государь Императоръ, волѣ котораго министръ обязанъ былъ покориться — вы это знаете [1]).

„Наконецъ, по словамъ вашимъ, съ удаленіемъ Шафранова дѣло почти остановилось; онъ одинъ водворилъ 213 православныхъ хозяевъ, а послѣ него водворено ихъ только 75 (стр. 149). Такъ выходитъ по вашимъ свѣдѣніямъ, потому что такъ должно выходить по вашимъ намѣреніямъ. Герой вашъ былъ всему душею и потому, какъ только его не стало, все должно было замереть. И оставались бы вы при этихъ общихъ выраженіяхъ; но къ чему же было при-

*) Положительно не зналъ, не знаю навѣрное и теперь, и потому не стану ни оспаривать, ни подтверждать. Впрочемъ, если бъ я даже имѣлъ несомнѣнную увѣренность въ справедливости этого извѣстія, я все-таки не измѣнилъ бы ни единаго слова въ написанныхъ мною строкахъ. Помимо той юридической, на законѣ основанной отвѣтственности, которой подлежатъ министры передъ народнымъ представительствомъ въ государствахъ конституціонныхъ, есть еще отвѣтственность свойства нравственнаго, предполагаемая всегда и вездѣ, составляющая непремѣнное условіе всякой формы правленія и, можетъ быть, еще болѣе необходимая въ государствѣ самодержавномъ, чѣмъ во всякомъ иномъ, такъ какъ она, служа какъ бы щитомъ, съ одной стороны для верховной власти, а съ другой для общества, замѣняетъ всѣ гарантіи, заключающіяся, при другомъ порядкѣ вещей, въ строгомъ разграниченіи государственныхъ властей. Въ силу этой нравственной отвѣтственности всякій, смотрящій на правительство снизу, имѣетъ полное право предполагать въ каждомъ министрѣ, по крайней мѣрѣ, согласіе на всѣ распоряженія, исходящія отъ него или черезъ него, и на немъ останавливаться въ своихъ сужденіяхъ, не восходя далѣе. Думаю также, что не только генералъ-адъютантъ Зеленой, но и ни одинъ изъ нашихъ министровъ не захотѣлъ бы сторониться передъ критикою, обращенною на дѣйствія ввѣреннаго ему вѣдомства, и пропускать ее мимо себя.

водить цифры и напрашиваться добровольно на неопровержимую улику? Вотъ что я могу вамъ заявить, какъ фактъ достовѣрный, почерпнутый изъ мѣстныхъ свѣдѣній, въ моихъ глазахъ далеко не радостный, свидѣтельствующій, что правительство, къ несчастью, все еще не отказалось отъ своей затѣи, но свидѣтельствующій также о томъ, что Шафрановъ былъ не единственнымъ въ этомъ дѣлѣ двигателемъ.

„По послѣднимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ нынѣшнемъ 1874-мъ году, по окончаніи регулированія казенныхъ имѣній въ Лифляндіи, отведено земли:

1) Православнымъ причтамъ (въ дополненіе къ прежнимъ 1440 дес.) еще 5355, итого 6795 десятинъ удобной земли.

2) Православнымъ школамъ, въ числѣ 60-ти, безъ малаго 1455 десятинъ удобной же земли.

3) Вновь образовано изъ 8178 дес. мызныхъ земель 1308 крестьянскихъ участковъ для водворенія исключительно православныхъ, безземельныхъ крестьянъ (по 6 $^1/_4$ дес. удобной земли на кругъ на каждый участокъ).

4) Изъ 8085 десятинъ тѣхъ же мызныхъ земель вновь образовано для водворенія безземельныхъ крестьянъ вообще, безъ различія вѣроисповѣданія, 762 участка (по 11 десятинъ удобной земли).

„Вы видите изъ этого, что вамъ нѣтъ повода жаловаться; разорительное для казны, а съ точки зрѣнія экономическихъ и общественныхъ интересовъ крестьянскаго сословія— безумное предпріятіе, шло и идетъ своимъ чередомъ и безъ Шафранова. Преложите же на радость ваше притворное сокрушеніе“.

Благодарю автора за эту справку; она почти безусловно совпадаетъ съ официальными свѣдѣніями, обнародованными отъ правительства. Итакъ, образовано (иначе нарѣзано) собственно для православныхъ крестьянъ 1308 участковъ; но сколько изъ нихъ дѣйствительно роздано православнымъ, изъ справки не видно. Далѣе оказывается, что почти одинаковое количество десятинъ (8178 и 8085) предназначено исключительно для православныхъ и для безземельныхъ кресть-

янъ вообще; но, при огромномъ, численномъ перевѣсѣ лютеранъ надъ православными въ общей массѣ сельскаго пролетаріата и при извѣстной силѣ мѣстныхъ вліяній, участки второй категоріи, безъ всякаго сомнѣнія, попадутъ въ руки лютеранъ, а православные останутся (и дай Богъ, чтобъ остались) при 1308-ми участкахъ. Между тѣмъ, мы знаемъ изъ свѣдѣній, собранныхъ Шафрановымъ, что нарѣзанные при немъ 1200 участковъ оказывались недостаточными для надѣленія даже половины православныхъ безземельныхъ крестьянъ, проживавшихъ въ однихъ казенныхъ имѣніяхъ Лифляндской губерніи, не считая острова Эзеля; съ тѣхъ поръ, къ этимъ 1200 участкамъ прибавлено только 108. А задача въ комитетѣ министровъ поставлена была такъ: дать возможность „обезземеленнымъ и притѣсненнымъ лютеранами Эстамъ и Латышамъ православнаго вѣроисповѣданія сгруппироваться около православныхъ храмовъ въ казенныхъ имѣніяхъ.“—Я не спрашиваю, достигнута ли цѣль, а есть ли какое нибудь соотвѣтствіе между цѣлью и употребленнымъ средствомъ, т. е. отводомъ 8178 десятинъ? Если казна дѣйствительно такъ бѣдна землею въ Лифляндіи, что могла располагать, для надѣленія крестьянъ вообще, только крайне ограниченною площадью, то не лучше ли было бы не гоняться разомъ за тремя цѣлями, т. е. не увеличивать существовавшихъ уже крестьянскихъ дворовъ (прирѣзкою къ нимъ 3851 дес.) и не помышлять о надѣленіи батраковъ вообще (изъ 8085 дес.), а, по крайней мѣрѣ, все свободное количество земли раздать исключительно православнымъ? Вѣдь ужъ если самъ графъ Шуваловъ признавалъ, что ихъ *притѣсняли* лютеране, то неужели въ этомъ притѣсненіи, которому они подвергались именно въ качествѣ православныхъ, стало быть они исключительно, не нашлось бы достаточнаго оправданія для сосредоточенія исключительно на нихъ же той милостыни, все таки нищенской по отношенію къ потребности, которою располагало правительство?—Особенной причины радоваться тому, что сдѣлано, я право не вижу. Гора разрѣшилась мышенкомъ.

II.

Изъ подъ опущеннаго забрала „Скромнаго Наблюдателя“ (stiller Beobachter), недавно обогатившаго остзейскую заграничную литературу разборомъ и переводомъ четвертаго выпуска Окраинъ (Russische Bekehrungen etc.), сквозятъ довольно ясно знакомыя намъ черты и слышится незабытый голосъ дѣятельнѣйшаго изъ публицистовъ прибалтійскаго края, повѣдавшаго намъ о своей родинѣ столько интереснаго и новаго, что мы считаемъ себя почти вправѣ назвать его нашимъ дорогимъ сотрудникомъ. Читатели догадаются, что рѣчь идетъ о бывшемъ вицепрезидентѣ лифляндскаго гофгерихта, издателѣ такъ называемыхъ „Лифляндскихъ Вкладовъ“ г. ф. Боккѣ. Узнать его нетрудно по свойственной ему оригинальной безцеремонности тона, по какой то особенной, нѣсколько тяжеловѣсной игривости его манеры, по обилію ссылокъ на прежнія его изданія, по той истинно отеческой заботливости, съ которою онъ выслѣживаетъ и ставитъ въ счетъ каждое дѣйствительное или мнимое изъ нихъ заимствованіе [1]), наконецъ по нѣкоторымъ любимымъ его сравнені-

[1]) Это мнительное обереганіе своего авторскаго первенства внушаетъ ему иногда довольно комическія притязанія. Напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ ковенской губерніи значительная часть имѣній скуплена курляндскими дворянами. Въ сороковыхъ годахъ происходила даже официальная переписка, вызванная ходатайствомъ нѣкоторыхъ курляндцевъ о присоединеніи этихъ уѣздовъ, въ административномъ отношеніи, къ ихъ губерніи. Въ IV выпускѣ Окраинъ я упомянулъ объ этомъ вскользь по поводу наряженной пра-

ямъ, чести изобрѣтенія которыхъ никто конечно не станетъ у него оспаривать [1]).

Можно даже угадать причину, заставившую его на сей разъ надѣть маску.

Всѣмъ, слѣдящимъ за нѣмецкими періодическими изданіями и политическими брошюрами, конечно не безъизвѣстно, что въ послѣднее время отношенія нашихъ прибалтійскихъ емигрантовъ къ родной Германіи нѣсколько измѣнились. Она пропустила мимо ушей обращенныя къ ней воздыханія ея заморскихъ поклонниковъ и не оправдала ихъ надеждъ, можетъ быть слишкомъ сангвиническихъ, на скорое заступничество. Мало того: она не угодила имъ и домашнею своею политикою. Лихорадочная, не слишкомъ разборчивая на сред-

---

вительствомъ ревизіи народныхъ школъ въ сѣверо-западномъ краѣ, никакъ не подозрѣвая, что ссылка на простой фактъ, ни для кого никогда не составлявшій тайны, зачтется мнѣ въ посягательство на чужое открытіе. Однако это не сошло мнѣ даромъ: мой переводчикъ и строгій рецензентъ поставилъ противъ этого мѣста знакъ и въ подстрочномъ примѣчаніи замѣтилъ: „опять какъ будто выписано изъ ф. Бокка, зри Лиф. Вкл. 111. 5. стр. 22“. Далѣе, я повторилъ давно избитую мысль, „что мало-по-малу вырабатывается въ образованномъ мірѣ признаніе за каждою народностью, сложившеюся историческимъ процессомъ въ живую коллективную личность, рѣшительнаго голоса въ строеніи собственной ея политической судьбы“.—„Вотъ и еще поддѣлка подъ Лиф. Вкл. зри 1. 2. стр. 233 и III. стр. 124 и слѣд.“—восклицаетъ можетъ быть и „скромный“ но въ этомъ случаѣ нѣсколько придирчивый „наблюдатель“.

[1]) Приведу одинъ примѣръ: Г. ф. Боккъ давно набрелъ на счастливое уподобленіе такъ называемой старорусской или національной школы стрѣльцамъ временъ Петра I-го и уже предлагалъ правительству, для обузданія ея, употребить въ дѣло его земляковъ. Мы де, писалъ онъ недавно, не дождемся той счастливой минуты, когда самодержецъ обратится къ заступничеству своей остзейской дружины и, указавъ ей на своихъ москалей, скомандуетъ ей сдѣлать по нимъ дружный залпъ. Теперь, Скромный Наблюдатель, выписывая изъ моего четвертаго выпуска одно мѣсто, въ которомъ ему разсудилось высмотрѣть какую-то угрозу, прибавляетъ отъ себя: „будемъ надѣяться, что его Величество вспомнитъ какимъ языкомъ Петръ Великій умѣлъ говорить съ стрѣльцами“ (стр. 169).—Опять стрѣльцы! Могъ ли кто нибудь, кромѣ самого г. ф. Бокка, выразить такую надежду и будь Скромный Наблюдатель другое лицо, а не самъ замаскировавшійся издатель Лифляндскихъ Вкладовъ, то позволилъ ли бы онъ себѣ воспользоваться счастливымъ уподобленіемъ своего собрата, не указавъ на позаимствованіе и не воздавъ чести первому изобрѣтателю, онъ, который такъ строго оберегаетъ права авторскаго первенства?

ства поспѣшность, съ которою ея правительство принялось за внутреннее объединеніе новосозданной имперіи, заставила остзейскихъ мудрецовъ нѣсколько поморщиться. Въ ихъ мало по малу отрезвлявшихся умахъ естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ: многое ли бы уцѣлѣло отъ такъ называемой провинціальной автономіи ихъ родины, если бы ей когда нибудь пришлось столкнуться съ требованіями новѣйшаго государственнаго порядка не въ благодушномъ образѣ русскаго, а въ строгомъ лицѣ прусскаго правительства? Надобно полагать, что надъ вѣроятнымъ исходомъ такого столкновенія призадумался невольно и авторъ брошюры о послѣднемъ выпускѣ Окраинъ, ибо вотъ что мы въ ней читаемъ: напрасно думаютъ, будто бы мы желали освободиться изъ подъ власти одного правительства потому только, что оно не-нѣмецкое, и подчиняться другому только потому, что оно нѣмецкое (aus undeutscher Herrschaft unter nationaldeutsche). Шведы, по крови, были, какъ и мы, Германцы и въ добавокъ, по вѣроисповѣданію, лютеране — это однако не помѣшало намъ отложиться отъ нихъ и отдаться (?) русскому властителю. Намъ дорогъ нашъ Паткуль, и мы чтимъ его какъ символъ. Это значитъ, что подъ какимъ бы правительствомъ ни доводилось намъ жить (gleichviel welchem), пребываетъ ли оно въ Варшавѣ, Стокгольмѣ, Берлинѣ, Москвѣ, или Петербургѣ, намъ положительно все равно, лишь бы оно было въ состояніи и умѣло оберегать отъ посягательствъ извнѣ и изнутри существенныя условія нашей исторически сложившейся своеобразности, иначе нашего „своеправнаго партикуляризма (particularistisches Eigenrecht“ [1]).

Все это очень утѣшительно и, я думаю, даже искренно, въ смыслѣ сознательнаго возведенія областнаго егоизма на степень политической догмы; но дѣло въ томъ, что очень недавно мы слышали совершенно иное.

Не далѣе какъ лѣтъ семь тому назадъ г. Ф. Боккъ, обращаясь къ Германіи, внушалъ ей, что она напрасно относилась свысока къ мѣстнымъ. провинціальнымъ учрежденіямъ Прибалтійскаго края, знакомымъ ей по собственной ея исто-

[1]) Russische Bekehrungen etc. S. 281, 282.

ріи и давно ею отброшеннымъ у себя дома, по дознанной ихъ устарѣлости, ибо де, каковы бы они ни были сами по себѣ, они оказывали громадную услугу тѣмъ, что подъ ними и благодаря имъ „сберегалась для Германіи, въ чаяніи лучшихъ временъ, ея сѣверовосточная колонія и въ самой этой заброшенной колоніи поддерживалось сознаніе историческаго призванія, выпавшаго на ея долю по предопредѣленію божественнаго промысла спеціально пекущагося о судьбахъ германизма". Стало быть, въ то время, мѣстнымъ учрежденіямъ и провинціальнымъ особенностямъ края отводилось второстепенное служебное значеніе орудій, пригодныхъ для достиженія высшихъ національныхъ цѣлей, ставившихся на первый планъ. Теперь, на оборотъ, провозглашается полное отреченіе отъ всякаго національнаго призванія, лишь бы оставались неприкосновенными мѣстныя учрежденія, дорогія an und für sich. Понятно, что лицу подписавшему свое имя подъ одною изъ этихъ двухъ декларацій, въ 1867-мъ году, дѣйствительно должно было показаться неудобнымъ выставить тоже имя подъ другою, въ 1874-мъ году.

Впрочемъ, кто бы ни былъ авторъ и что бы ни побудило его притаиться, намъ все равно; мы имѣемъ дѣло не съ лицомъ, а съ книгою.

Она писана съ двоякою цѣлью: повѣдать нѣмецкой публикѣ, что я лично начинаю обращаться на путь истины, то есть понемногу онѣмечиваюсь, и выставить ребромъ тѣ частью вольныя, частью невольно вырвавшіяся у меня признанія, которыми будто бы опровергается то, что я утверждалъ до сихъ поръ, и подтверждается то, что я отрицалъ.

Скромному Наблюдателю, повидимому довольно близко слѣдившему за мною во время послѣдней моей поѣздки за границу, удалось открыть мою подпись въ спискѣ посѣтителей франценсбаденскихъ водъ. Онъ акуратно приводитъ годъ (1871) и число (15 іюля). Оказывается, что я подписался не Juri Samarin, какъ называли меня до сихъ поръ г. Ф. Боккъ и другіе лифляндскіе публицисты, а Georg v. Samarin. — Въ этой (какъ выражается Скромный Наблюдатель) „германизаціи моего имени въ звуковомъ и сословномъ отношеніяхъ (sprachlich und ständisch germanisirter Name)" онъ усматри-

ваетъ первый признакъ моего „обращенія“ и поспѣшаетъ подѣлиться съ читателями своимъ открытіемъ. Въ отплату за такое лестное для меня вниманіе къ моей личности, я готовъ подслужиться ему новыми справками, въ которыхъ онъ вѣроятно найдетъ подтвержденія своихъ наблюденій, именно: когда мнѣ случается писать по-нѣмецки, я германизирую не только самого себя, но и свою родину, ибо пишу не Rossiya а Russland, и не Moskwa а Moskau. Можетъ быть и это мое заявленное отступничество отъ строгихъ требованій національности въ области географической терминологіи пригодится ему для дальнѣйшихъ выводовъ.

Противорѣчій съ тѣмъ что я говорилъ прежде, невольныхъ самообличеній и вынужденныхъ признаній Скромный Наблюдатель насчиталъ въ четвертомъ выпускѣ Окраинъ такъ много, что я не рѣшаюсь вдаваться по каждому въ подробныя объясненія. Смѣю надѣяться, что и читатели избавятъ меня отъ этого труда, ознакомившись изъ слѣдующихъ примѣровъ съ тѣми пріемами, посредствомъ которыхъ противорѣчія и признанія извлекаются изъ моего текста.

На стр. 38 и 39-ой своей брошюры Скромный Наблюдатель переводитъ приведенное мною отношеніе преосвященнаго Платона о водвореніи въ казенныхъ имѣніяхъ Лифляндіи православныхъ крестьянъ и, между прочимъ, передаетъ пунктъ б. ст. 4-ой этого проекта слѣдующими словами (перевожу буквально съ нѣмецкаго перевода): „число православныхъ крестьянъ, которымъ теперь (jetzt) потребовалось бы дать землю, будетъ невелико, если помѣщики станутъ впредь хорошо обращаться съ ними“—на это переводчикъ замѣчаетъ: „трудно представить себѣ какимъ образомъ незначительность числа нуждающихся въ водвореніи въ настоящее время (in der Gegenwart — курсивъ въ нѣмецкомъ переводѣ) могла бы находиться въ зависимости отъ улучшенія въ способѣ обращенія помѣщиковъ съ крестьянами, когда самое это улучшеніе представляется только надеждою, осуществленіе которой ожидается въ будущемъ, какъ послѣдствіе предшествующаго водворенія“.— Въ первую минуту меня самого смутила эта несообразность, но справившись съ текстомъ (стр. 111) я тотчасъ усмотрѣлъ, что въ немъ нѣтъ ни „теперь“ ни

„въ настоящее время“. Коротенькое „jetzt“ переводчикъ вставилъ отъ себя и вышла безсмыслица.

Говоря о томъ же предметѣ, то есть объ отводѣ надѣловъ въ казенныхъ имѣніяхъ, я сказалъ (на стр. 130), что правительство „хоть и поздно, пришло таки къ сознанію своего д о л г а сдѣлать что нибудь для православнаго населенія, такъ дорого поплатившагося за свое безотчетное къ нему довѣріе“. Всякій пойметъ, что здѣсь подъ словомъ „долгъ“ подразумѣвалась та нравственная, всегда предполагаемая и всякимъ правительствомъ сознаваемая общая обязанность его оберегать всѣхъ и каждаго отъ всякаго рода обидъ и притѣсненій; но это слишкомъ широкое понятіе не давало матеріала для извлеченія искомаго признанія, и потому Скромный Наблюдатель замѣнилъ слово „долгъ“—Pflicht словомъ „о б я з а т е л ь с т в о“ —Verpflichtung (стр. 66). Смыслъ всей рѣчи разумѣется измѣнился и оказалось возможнымъ, безъ особенной натяжки, вывести изъ нея слѣдующее признаніе: „Здѣсь г. Самаринъ, очевидно, съ свойственною ему одному тонкостью, намекаетъ на тѣ обѣщанія, которыя давались народу въ 1845 — 46-хъ годахъ, хотя и не гласнымъ, но все-таки офиціознымъ путемъ, въ то самое время, когда генералъ-губернаторъ Головинъ громко и офиціально заявлялъ будто бы съ переходомъ въ православіе не было сопряжено никакихъ мірскихъ выгодъ“.

Далѣе, стараясь выяснить ту мысль, что переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое можетъ быть совершенно искренень, разуменъ и чистъ, по внутреннимъ своимъ побужденіямъ, хотя бы онъ и не сопровождался научно-отчетливымъ сознаніемъ вѣроисповѣдныхъ различій, я сказалъ, въ примѣненіи къ Латышамъ и Эстамъ сороковыхъ годовъ, „что курса сравнительнаго вѣроученія они конечно не проходили“ (стр. 15). Эти слова также зачитываются мнѣ въ признаніе. Скромный Наблюдатель съ благодарностью расписывается въ полученіи (стр. 20) и, разумѣется, выводитъ отсюда, что стало быть обращенія сороковыхъ годовъ были не „свободны“ (frei) а вынуждались посулами и подговорами.

Для окончательнаго моего обличенія оставалось найти въ моей книгѣ прямое указаніе на подговорщиковъ или агитаторовъ. Это было конечно не легко, но усердіе все преодо-

лѣваетъ. На стр. 178, говоря о неутомимой, не оцѣненной по достоинству, почти никому неизвѣстной дѣятельности нѣсколькихъ священниковъ и причетниковъ, трудами которыхъ, при самой неблагопріятной обстановкѣ, открывались и поддерживались въ Лифляндіи немногія православныя школы, я назвалъ этихъ тружениковъ „подвижниками“. Скромный Наблюдатель переводитъ: „агитаторами“ (agitatore) и восклицаетъ съ торжествомъ: „Стало быть“! (also doch!)—Дѣйствительно, отыскались и агитаторы.

Но, кажется, довольно и этихъ моихъ „признаній“. О другихъ темахъ затронутыхъ авторомъ, какъ напримѣръ о церковныхъ повинностяхъ, о мнимомъ укрѣпленіи права крестьянъ на землю въ 1849 году и др. я выскажу свое мнѣніе въ послѣдующихъ выпускахъ, когда дойду до этихъ вопросовъ, а теперь воспользуюсь его брошюрою для исправленія тѣхъ ошибокъ и недосмотровъ, въ которые я невольно впалъ въ четвертомъ выпускѣ Окраинъ и на которые онъ указалъ съ нескрываемымъ злорадствомъ. Да позволитъ онъ мнѣ выразить ему печатно мою признательность за эти указанія и вмѣстѣ съ тѣмъ поднести ему на сей разъ дѣйствительныя признанія.

Въ подстрочномъ примѣчаніи, на стр. 125, я сказалъ, что бывшій лифляндскій губернаторъ Эттингенъ назначенъ былъ президентомъ генеральной лютеранской консисторіи. По свидѣтельству Скромнаго Наблюдателя, которому я въ этомъ случаѣ охотно вѣрю, это несправедливо вдвойнѣ: назначенъ не бывшій губернаторъ, а родной братъ его, и президентомъ не генеральной, а лифляндской консисторіи.

На страницѣ 239 у меня значится „что приходскія школы открыты были въ Лифляндіи только въ 1765 году, по требованію правительства, при введеніи Положенія о намѣстничествахъ“. Здѣсь, положившись на Меркеля и не наведя точной справки, я ошибся въ годахъ. Законъ о намѣстничествахъ введенъ былъ въ Лифляндіи 18 лѣтъ спустя, въ 1783 году, а въ 1765-мъ тогдашній главный начальникъ края Броунъ сдѣлалъ только предложеніе ландтагу по предмету улучшенія быта крестьянъ вообще и устройства народныхъ школъ въ особенности.

На страницѣ 179 у меня проскользнули двѣ ошибки: во-первыхъ, я назвалъ крестьянъ, валившихъ въ 1845 году цѣлыми толпами въ Дерптъ для присоединенія къ православію, Латышами, тогда какъ это были Эсты, населяющіе окрестности Дерпта; во-вторыхъ, я неправильно назвалъ автора писемъ на имя графа Протасова объ этомъ движеніи „профессоромъ Розенбергомъ“ тогда какъ рѣчь шла о лекторѣ Розенбергерѣ.

Наконецъ, на страницѣ 243, я ошибся въ названіи третьяго, высшаго коллегіальнаго присутствія завѣдующаго народными школами во всей лифляндской губерніи. Слѣдовало назвать его не „главнымъ церковнымъ попечительствомъ (Oberkirchenvorsteheramt)“ а главнымъ мѣстнымъ по школьнымъ дѣламъ присутствіемъ (Oberlandschulbehörde) въ составъ котораго входятъ и церковные попечители.

Скромный Наблюдатель оканчиваетъ свой разборъ обращеннымъ ко мнѣ лично совѣтомъ съѣздить въ Лифляндію и прожить тамъ года два. Онъ даже ободряетъ меня на случай еслибъ я дрогнулъ при одной мысли объ этой поѣздкѣ, увѣряя меня „что съ моей стороны прятаться было бы совершенно излишнею предосторожностью, что я, ничего не рискуя, могу показаться тамъ смѣло, съ поднятымъ забраломъ (ganz dreist, mit offenem Visire auftreten [1]) и что во всякомъ случаѣ (въ этомъ ручается Скромный Наблюдатель) я встрѣчу со стороны лифляндскихъ дворянъ, пасторовъ и мѣстныхъ учрежденій, къ которымъ я захотѣлъ бы обратиться за справками, самый довѣрчивый и радушный пріемъ (стр. 290 и 291). Это послѣднее обѣщаніе меня тѣмъ болѣе обрадовало, что, признаюсь откровенно, я не ожидалъ отъ Скромнаго Наблюдателя благопріятной для себя рекомендаціи послѣ той аттестаціи, которую онъ нашелъ нужнымъ выдать мнѣ на страницѣ 23.

Вотъ что я тамъ узналъ про себя: недавно еще ходилъ слухъ, что нашъ рыцарь независимаго образа (unser Ritter von der unabhängigen Gestalt — это я) находился въ столь близкихъ сношеніяхъ съ всемогущимъ графомъ Шуваловымъ, что это обстоятельство не могло не поколебать вѣры въ его

[1]) Я, кажется, доказалъ уже, что не имѣю привычки ни прятаться, ни опускать забрала.

политическую независимость. Повидимому, какъ говорятъ въ Россіи, между ними пробѣжала черная кошка, или можетъ быть съ г. Самаринымъ случилось тоже, что съ тѣмъ негромъ, (подкупленнымъ для совершенія убійства), котораго Фіеско (въ извѣстной трагедіи Шиллера) взялъ было въ свое услуженіе для выполненія разнаго рода темныхъ порученій и котораго онъ потомъ прогналъ отъ себя, бросивъ ему въ ноги горсть золота. — Скромный Наблюдатель правда не ручается за достовѣрность этой „старой гипотезы“, но во всякомъ случаѣ онъ не нашелъ бы ничего удивительнаго въ томъ, что „даровитый, высоко-образованный мужъ, обладающій широтою взгляда государственнаго человѣка каковъ графъ П. А. Шуваловъ, не поколебался бы просто прогнать отъ себя такого закоренѣлаго, узкосердаго и близорукаго дуботолка (einen so krassen, engherzigen und kurzsichtigen Klopffechter) каковъ нашъ рыцарь Юрій, хотя бы онъ (графъ Шуваловъ) при случаѣ, мимоходомъ, и воспользовался его дѣйствительными или мнимыми услугами и т. д.“

Простымъ переводомъ этого отрывка на русскій языкъ я доставляю себѣ вполнѣ достаточное удовлетвореніе и, въ тоже время, дорисовываю нравственный образъ моего замаскировавшагося противника.

На этой послѣдней чертѣ нельзя не остановиться. Съ появленія перваго выпуска Окраинъ Россіи, мнѣ возражали и меня опровергали печатно остзейцы принадлежащіе къ разнымъ слоямъ общества: консерваторы, либералы, дворяне, чиновники, профессора, журналисты, и ни одинъ изъ нихъ не устоялъ противъ искушенія употребить въ дѣло доносъ правительству или обществу, иногда тотъ и другой въ перемежку. Случайный ли это фактъ или общій признакъ, по которому можно составить себѣ приблизительно вѣрное понятіе о высотѣ нравственнаго уровня цѣлой соціальной среды? Припоминая, что похожую черту можно встрѣтить въ журнальныхъ выходкахъ Австрійцевъ противъ Чеховъ и Поляковъ противъ Галичанъ, я скорѣе склоняюсь къ мысли, что эта поразительная неразборчивость въ выборѣ средствъ едва ли не происходитъ отъ внутреннаго, мучительнаго сознанія неправоты защищаемаго дѣла. Такое сознаніе, хотя и подав-

ляемое насильно, разъѣдаетъ національное самолюбіе, нарушаетъ внутреннее согласіе человѣка съ самимъ собою, наводитъ его на всякаго рода сдѣлки съ совѣстью, которая постепенно тупѣетъ и наконецъ утрачиваетъ всякое чутье для распознанія честныхъ пріемовъ отъ подлыхъ.

III.

Другое, полученное мною безъименное письмо состоитъ изъ нѣсколькихъ строкъ.

„М. Г.—Въ послѣднемъ выпускѣ вашихъ Окраинъ вы между прочимъ приводите цитаты изъ всеподданнѣйшихъ записокъ (неправильно названныхъ вами отчетомъ) поданныхъ въ концѣ марта 1868 года бывшимъ генералъ-губернаторомъ прибалтійскаго края, генералъ-адъютантомъ Альбединскимъ. Онѣ достались вамъ въ нѣмецкомъ переводѣ, съ котораго вы перекладываете ихъ на языкъ оригинала и, такимъ образомъ, даете читателямъ не текстъ, а переводъ съ перевода. Если ужь вы непремѣнно хотѣли ими пользоваться, то благоразумнѣе было бы постараться добыть оригиналъ, что̀ было вовсе не трудно, такъ какъ никто не считалъ его государственною тайною. Тогда вы избѣгли бы тѣхъ неточностей, довольно существенныхъ, въ которыя вы впали, благодаря странному и неосторожному пріему, которымъ вы удовольствовались. Для вразумленія вашего, прилагаю точныя копіи съ этихъ записокъ“.

Приношу автору письма искреннюю благодарность за его сообщеніе, которымъ поспѣшаю подѣлиться съ публикою. Рѣшившись, по необходимости, переводить съ перевода, я естественно не претендовалъ на воспроизведеніе текста съ буквальною точностью; тѣмъ не менѣе, сличивъ теперь переведенныя мною мѣста съ оригиналомъ, я не отыскалъ въ

нихъ никакихъ существенныхъ неточностей по отношенію къ смыслу. Впрочемъ, пусть объ этомъ судятъ читатели.

I. Общія соображенія.

Настоящее положеніе главнѣйшихъ вопросовъ возбужденныхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ ясно свидѣтельствуетъ, что правительство сознало необходимость объединенія этого края съ остальными частями имперіи [1]). Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ оно сдѣлало рядъ усилій къ (sic) приложенію этой мысли разнаго рода непосредственными (?) мѣрами и преобразованіями въ существующихъ учрежденіяхъ на началахъ болѣе соотвѣтственныхъ общимъ государственнымъ интересамъ и сходныхъ съ тѣми, которыя положены въ основаніе всѣхъ реформъ совершающихся въ Россіи въ настоящее царствованіе [2]).

Подобное стремленіе правительства по отношенію къ прибалтійскимъ губерніямъ явно проявилось и приводится въ дѣйствіе двумя способами:

1) рядомъ мѣръ имѣющихъ непосредственнымъ назначеніемъ распространеніе русскихъ началъ, а именно: введеніе русскаго языка [3]) въ администрацію, учрежденіе русскихъ учебныхъ заведеній, усиленіе русскаго языка въ нѣмецкихъ училищахъ, поддержаніе православія и сосредоточеніе православныхъ крестьянъ вокругъ церквей и училищъ и т. п.

2) законодательнымъ путемъ: перестраивая существующее въ краѣ старинное устройство разныхъ учрежденій, измѣняя взаимныя отношенія сословій между собою и прекращая раз-

---

[1]) Пора было сознать—черезъ полторасто лѣтъ!

[2]) Сколько извѣстно, правительство не трогало до сихъ поръ ни организаціи сословій, ни городскихъ, ни земскихъ учрежденій, ни судоустройства, ни полиціи, ни церковнаго управленія. Оно довершило, то есть окончательно испортило, только крестьянскую реформу, примѣнивъ къ ней начала радикально противоположныя тѣмъ, которыя оно проводило въ остальной Россіи и въ Привислянскомъ краѣ. Поэтому надобно полагать, судя по результатамъ, что рядъ никому невѣдомыхъ усилій, о которомъ свидѣтельствуетъ генералъ-адъютантъ Альбединскій, по крайней мѣрѣ не слишкомъ утомилъ правительство.

[3]) Странно, что русскій языкъ попалъ въ число русскихъ н а ч а л ъ.

ные мѣстные порядки, несоотвѣтствующіе потребностямъ времени и способствующіе къ сохраненію отдѣльности края отъ прочихъ частей государства. Сюда относятся: улучшеніе быта крестьянъ чрезъ прекращеніе издѣльной повинности [1]) и постепенный выкупъ [2]) арендуемыхъ ими участковъ или дворовъ, введеніе волостного положенія, отмѣна тѣлесныхъ наказаній и уравненіе въ полномъ объемѣ предѣловъ власти (?) существующихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ судебно-полицейскихъ учрежденій съ таковыми въ прочихъ частяхъ имперіи [3]), настоящее предположеніе о введеніи мироваго разбирательства съ закрытіемъ множества мелкихъ судовъ, проектъ общей судебной реформы, предположеніе о преобразованіи городскаго устройства, прекращеніе разныхъ стѣснительныхъ условій, существующихъ для тор-

---

[1]) Выражаясь точно, слѣдовало бы сказать: принудительный переводъ крестьянъ съ опредѣленной издѣльной повинности на ничѣмъ неограниченный оброкъ.

[2]) Выкупомъ (Ablösung) называется операція посредствомъ которой одно лицо пользующееся по праву, за извѣстную повинность, недвижимою собственностью другаго лица, расквитывается съ нимъ разъ навсегда одновременною уплатою этой капитализированной повинности и само дѣлается собственникомъ. Выкупъ происходилъ въ Германіи и происходитъ теперь у насъ; но въ остзейскомъ краѣ нѣтъ и подобія выкупа; тамъ просто идетъ торговля крестьянскою землею; помѣщикъ продаетъ ее кому вздумаетъ, тому, кто больше за нее дастъ, хотя бы и помимо сидящаго на ней крестьянина, который въ подобномъ случаѣ обязывается сойти съ нея. Выкупъ есть завершеніе развитія поземельнаго права крестьянъ, а остзейская торговля землею заключаетъ въ себѣ прямое отрицаніе этого права. Все это—азбука крестьянскаго дѣла. О томъ, что́ лучше: переходъ на оброкъ или переводъ на оброкъ, выкупъ или покупка, можно пожалуй спорить; но во всякомъ случаѣ, остзейскому генералъ-губернатору слѣдовало бы кажется знать, во-первыхъ, что это далеко не одно и тоже и, во-вторыхъ, что инициатива законовъ о расширеніи права пріобрѣтать дворянскія имѣнія, объ упраздненіи барщины, о торговлѣ крестьянскою землею и т. д. принадлежала не правительству, а мѣстному дворянству. Всѣ они выработаны были на ландтагахъ и ужъ конечно не въ видахъ объединенія остзейскаго края съ Россіею. Смѣшно даже увѣрять правительство, будто бы оно ихъ изобрѣло съ этою, приписываемою ему цѣлью.

[3]) Непонятно! какое же прибалтійское учрежденіе „уравнено въ полномъ объемѣ предѣловъ власти“ напримѣръ хоть бы съ мировыми судьями, или съ судами присяжныхъ, или съ судебными палатами, которыхъ въ томъ краѣ нѣтъ и подобія?

говцевъ изъ внутреннихъ губерній, предположеніе о соединеніи главнѣйшихъ портовъ прибалтійскаго края посредствомъ желѣзныхъ дорогъ съ внутренними областями (Балтійскаго порта и Ревеля съ Петербургомъ, Либавы съ Ковно и Виндавы съ Ригою и т. д. [1]).

Всѣ исчисленныя выше мѣры и предположенія клонятся, очевидно, къ сближенію прибалтійскихъ губерній, какъ въ отношеніи ихъ внутренняго устройства, такъ и ихъ торговыхъ и политическихъ интересовъ со всею Россіею и имѣютъ, болѣе или менѣе, цѣлью полное объединеніе края въ обширномъ значеніи этого слова [2]). Для того, чтобы прочнѣе установилось подобное направленіе, политическая важность котораго всѣми сознаваема и не требуетъ никакихъ особыхъ доказательствъ, необходимо казалось бы, прежде всего, уяснить себѣ дѣйствительное положеніе этого края, его составные элементы, степень ихъ развитія и подготовленности къ усвоенію проводимыхъ правительствомъ государственныхъ началъ, и тогда только опредѣлить съ нѣкоторою точностью самые пріемы необходимые для выполненія столь трудной и многосложной задачи. Разсмотримъ поэтому почву, на которой предстоитъ трудиться, по отношенію ея къ русскимъ началамъ. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ уже существуютъ готовыя русскія силы, на которыя обыкновенно болѣе всего указываютъ и которыя принято признавать за существенную опору въ этомъ отношеніи, а именно: 1) коренные русскіе жители края и преимущественно въ Ригѣ, Ревелѣ и Дерптѣ и 2) православные крестьяне — Латыши и Эсты, съ православнымъ духовенствомъ во главѣ. Первые, т. е. русскіе жители, составляютъ въ трехъ названныхъ городахъ лишь меньшую часть населенія, а именно: въ Ригѣ 25 т. на 100 т.

---

[1]) Выходитъ, выражаясь языкомъ генералъ-адъютанта Альбединскаго, что „стремленіе правительства по отношенію къ прибалтійскимъ губерніямъ приводится въ дѣйствіе“ почти исключительно предположеніями и проектами, изъ коихъ одинъ, о преобразованіи городскаго устройства, странствуетъ по разнымъ комитетамъ болѣе пятидесяти лѣтъ, другой: объ отмѣнѣ стѣснительныхъ пріемовъ торговой полиціи—болѣе тридцати лѣтъ, а третій: о судебной реформѣ—около десяти лѣтъ.

[2]) Даже дорога отъ Виндавы до Риги?

населенія, въ Ревелѣ до 10 т. на 30 т., въ Дерптѣ 2 т. на 15 т.; Русскіе есть также въ небольшомъ числѣ въ Митавѣ и Пернавѣ: они составляютъ часть жителей незначительныхъ городовъ Фридрихштата и Якобштата курляндской губерніи и разбросаны по иллукскому уѣзду той же губерніи. По незначительности вообще подобнаго населенія, заслуживаютъ слѣдовательно наибольшаго вниманія русскіе жители города Риги и Ревеля и преимущественно перваго изъ сихъ городовъ, такъ какъ въ Ревелѣ повторяются въ меньшемъ размѣрѣ тѣже почти явленія что и въ Ригѣ. Къ сожалѣнію, надо прежде всего сказать, что почти вся масса этого русскаго населенія составляетъ самый низшій городской рабочій классъ, бѣдный и въ высшей степени невѣжественный. Только незначительная часть изъ нихъ имѣетъ самостоятельныя занятія, въ качествѣ купцовъ, прикащиковъ, коммиссіонеровъ и содержателей ремесленныхъ и иныхъ заведеній. Послѣдніе сравнительно высшіе классы, до настоящаго времени, не сознавали еще серьезной потребности въ образованіи; въ Ригѣ было только одно уѣздное русское училище [1]) и притомъ родители охотнѣе отдавали дѣтей въ нѣмецкія школы [2]). Между этими Русскими едвали найдется одинъ окончившій полное гимназическое образованіе; въ ихъ семействахъ рѣшительно преобладаетъ нѣмецкій языкъ и самые выдающіеся изъ русскихъ Рижанъ не хорошо говорятъ порусски. При всей ихъ предпріимчивости, весьма немногіе изъ русскихъ купцовъ въ Ригѣ пріобрѣли значительныя состоянія. Большинство ихъ, въ настоящее время, пришло въ упадокъ и находится въ рукахъ нѣмецкихъ или иностранныхъ торговыхъ домовъ господствующихъ на биржѣ; самостоятельная торговля все болѣе замѣняется коммиссіонер-

---

1) Въ добавокъ очень плохое; изъ этого можно было бы выводить заключеніе объ отсутствіи въ русскомъ обществѣ потребности образованія въ томъ лишь случаѣ, если бы на него возложена была забота объ открытіи училищъ, или если бы ему, по крайней мѣрѣ, дано было на то право. Но такъ ли было и что могли сдѣлать Русскіе, когда они даже не составляли признаннаго закономъ общества?

2) Стало быть, они предпочитали лучшія училища худшему. Слѣдуетъ ли изъ этого, что они не сознавали потребности въ образованіи?

ствомъ и посредничествомъ между купцами внутреннихъ губерній и главными мѣстными и иностранными торговцами [1]). Если прибавить къ этому замкнутость устройства городскаго управленія [2]), въ которомъ господствуютъ Нѣмцы до такой степени, что Русскому, даже нѣсколько образованному, почти невозможно получить какое нибудь второстепенное мѣсто и что изъ числа 25 т. Русскихъ слишкомъ 8 т. раскольниковъ, хотя и твердо охраняющихъ свою народность и свои обычаи, но совершенно неподвижныхъ, запуганныхъ и боящихся образованія, легко понять какъ невелико въ настоящее время значеніе русскихъ жителей въ Ригѣ. Въ послѣдніе годы въ нихъ однако проявилось сознаніе своей народности, между ними возникли разныя общественныя собранія, учреждены вспомогательныя кассы и большинство изъ нихъ стало сочувственно относиться къ учрежденію русскихъ гимназій, къ русскимъ пріютамъ и вообще къ дѣламъ общественнымъ [3]); но, не смотря на это, въ виду всего здѣсь сказаннаго и несравненнаго численнаго перевѣса остальныхъ городскихъ жителей Нѣмцевъ и превосходства сихъ послѣднихъ въ отношеніи общественнаго устройства и образованія, не подлежитъ сомнѣнію, что если правительство можетъ и должно сдѣлать усилія для поднятія уровня образованія и разширенія правъ русскихъ жителей въ прибалтійскихъ городахъ, оно, во всякомъ случаѣ не найдетъ въ нихъ существенной опоры для распространенія русскаго преобладанія въ краѣ [4]).

1) Таковъ былъ всегда общій характеръ всей нашей отпускной торговли; остзейскія нѣмецкія фирмы, такъ же какъ и русскія, торгуютъ большею частью на иностранные капиталы и занимаются преимущественно коммиссіонерскими дѣлами.

2) Почему же его до сихъ поръ не разомкнули? Чье это было дѣло?

3) Все это такъ; но для полноты слѣдовало бы прибавить, что сближеніе русскихъ рижанъ между собою и объединеніе ихъ въ цѣльное общество, отчетливѣе прежняго сознающее свое призваніе и свое національное достоинство, совершилось, благодаря неутомимымъ стараніямъ немногихъ частныхъ лицъ, главнѣйшимъ образомъ Шафранова, и нетолько не по иниціативѣ остзейскихъ генералъ-губернаторовъ, но даже безъ малѣйшаго съ ихъ стороны содѣйствія. Всѣ они, и въ томъ числѣ генералъ-адъютантъ Альбединскій, смотрѣли на это дѣло совершенно равнодушно, холодно, даже недовѣрчиво.

4) Жаль, что авторъ записки не объяснилъ какого рода о п о р ы для правительства онъ ожидалъ бы отъ русскихъ горожанъ Прибалтійскаго края? Въ

Православное населеніе прибалтійскихъ губерній, за исключеніемъ нѣсколькихъ тысячь русскихъ городскихъ жителей, о которыхъ сейчасъ говорилось, состоитъ, какъ извѣстно, изъ крестьянъ Латышей и Эстовъ въ одной только лифляндской губерніи, обратившихся изъ лютеранства въ православіе въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія. По спискамъ рижской епархіи, православнаго сельскаго населенія считается до 150 т. душъ обоего пола, но есть основаніе предполагать, что число это нѣсколько преувеличено. Обстоятельства, при которыхъ совершался переходъ всего этого населенія въ православіе, и причины породившія въ немъ такія многочисленныя отклоненія въ лютеранство, слишкомъ

какихъ случаяхъ правительство обращалось къ нимъ за опорою и въ чемъ обнаружилась ихъ неспособность служить для него опорою? Конечно не въ матеріальной силѣ и даже не въ деньгахъ могло нуждаться правительство; затѣмъ, опора могла бы проявиться въ области должностной и частной дѣятельности. Посмотримъ сперва на первую. Есть служба по выборамъ и служба по назначенію отъ правительства. Должности, замѣщаемыя по выборамъ въ остзейскихъ учрежденіяхъ, Русскимъ положительно недоступны, не потому чтобъ они неспособны были или не хотѣли занимать ихъ, а вслѣдствіе замкнутости этихъ учрежденій, которыхъ правительство въ полтораста лѣтъ не собралось разомкнуть—не могли же Русскіе сдѣлать этого сами, помимо правительства! Почти съ того дня, какъ было отмѣнено императоромъ Павломъ I Екатерининское городовое положеніе и возстановлено старое, нѣмецкое, русскіе горожане не переставали упрашивать правительство уравнять ихъ въ муниципальныхъ правахъ съ ихъ согражданами Нѣмцами, т. е. разрѣшить имъ вступленіе въ братства такъ называемыхъ городскихъ гильдій и въ цехи, открыть имъ доступъ къ общественнымъ должностямъ и дать имъ голосъ въ общественныхъ дѣлахъ. Имъ отвѣчали, что ихъ положеніе конечно незавидно, но что оно имѣетъ свое основаніе въ мѣстныхъ привилегіяхъ и потому ходатайство ихъ не можетъ быть удовлетворено до пересмотра всего городскаго учрежденія. Тогда Русскіе стали просить, чтобъ имъ дозволили образовать ихъ себя отдѣльное общество, не трогая существующихъ корпорацій, и организоваться на томъ же основаніи, на какомъ жили Татары въ Казани и Жиды въ сѣверозападномъ краѣ. Имъ возразили, что это было бы несовмѣстно съ достоинствомъ правительства и господствующей національности.—„Да наше теперешнее положеніе не въ примѣръ хуже; гдѣ ужъ намъ помышлять о господствѣ“, отвѣчали Русскіе. Тогда имъ зажали ротъ внушеніемъ не утруждать правительства неосновательными домогательствами. Я здѣсь передаю въ короткихъ словахъ суть дѣла, производившагося въ моихъ глазахъ, въ сороковыхъ годахъ. Позволю себѣ спросить: кому и чья опора въ этомъ случаѣ измѣнила: опора Русскихъ правительству, или опора правительства Русскимъ?—Взглянемъ те-

хорошо извѣстны, чтобъ здѣсь ихъ повторять. Изъ заявленій мѣстнаго епархіальнаго начальства можно заключить, что только въ нѣсколькихъ приходахъ (преимущественно въ южной части лифляндской губерніи) православіе пустило нѣкоторые корни и крестьяне дѣйствительно къ нему привязаны; въ остальномъ же населеніи замѣтно сильное колебаніе. Въ числѣ православныхъ огромное большинство составляютъ батраки, не имѣющіе никакой самостоятельности и разбросанные по всей губерніи, часто вдали отъ православныхъ церквей. Нѣкоторыя изъ этихъ церквей до такой степени бѣдны и не прочны, что въ нихъ, въ иную пору, вовсе нельзя совершать богослуженія. О положеніи право-

---

перь на составъ служащихъ по назначенію отъ правительства и прежде всего на учрежденіе ближайшее къ мѣстному представителю власти, на канцелярію генералъ-губернатора. Она наполнена Нѣмцами, сыновьями дворянъ, адвокатовъ, стряпчихъ, литераторъ, пасторовъ и т. д. Есть между ними и нѣсколько Русскихъ пріѣзжихъ изъ Петербурга; но постарался ли кто нибудь изъ нашихъ генералъ-губернаторовъ, хоть бы въ видѣ опыта, привлечь въ нее двухъ или трехъ молодыхъ людей изъ русскихъ мѣстныхъ уроженцевъ, для пріученія ихъ къ дѣламъ подъ руководствомъ опытнаго чиновника и для приготовленія ихъ къ будущей должностной дѣятельности, хотя бы второстепенной? Я не знаю ни одного такого примѣра. Наконецъ, внѣ службы, въ области частной дѣятельности, какъ и въ чемъ могли бы Русскіе оказать правительству желанное содѣйствіе? Мнѣ кажется, оно могло бы проявиться въ троякой формѣ: вопервыхъ, наведеніемъ правительственныхъ органовъ на законодательныя и административныя задачи, посредствомъ указаній, въ формѣ ходатайствъ и представленій, на мѣстныя общественныя потребности; вовторыхъ, дѣятельнымъ участіемъ, пожертвованіями и личнымъ трудомъ по призыву правительства, въ общеполезныхъ предпріятіяхъ; въ третьихъ, добросовѣстною оцѣнкою дѣйствій правительства, истолкованіемъ ихъ значенія и честною, незаказною обороною ихъ отъ превратныхъ толковъ и злонамѣренныхъ нареканій. Послѣднее дѣло есть собственно задача прессы. Въ первомъ отношеніи, трудно сказать, чтобъ Русскіе ничѣмъ себя не заявили. Просьбы, жалобы и адресы отъ ихъ лица насчитываются десятками. Нельзя же было ожидать отъ нихъ, чтобъ они подслуживались правительству готовыми проектами законовъ; но кто же, какъ не они, указалъ ему на притѣсненія торговой полиціи, на безобразія цеховыхъ привилегій, на кормленія браковщиковъ и лигеровъ, на отсутствіе всякихъ средствъ къ образованію, на систематическое онѣмеченіе ихъ дѣтей въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ на необходимость ввести въ Остзейскомъ краѣ русскій языкъ, городовое положеніе, судебныя учрежденія и земское устройство? Послѣдній въ этомъ смыслѣ изготовленный ими и уже подписанный, но не поданный адресъ, а также и причину неподачи его, читатели

славнаго духовенства, о его бѣдности, уединенномъ и даже униженномъ положеніи среди богатаго лютеранскаго духовенства, стоящаго на довольно высокой ступени образованія и встрѣчающаго поддержку во всѣхъ слояхъ населенія, я уже засвидѣтельствовалъ во всеподданнѣйшей запискѣ представленной мною въ іюлѣ 1867 года. Въ этой же запискѣ я упоминалъ и о безпомощномъ состояніи школъ устроенныхъ при православныхъ церквахъ. Изъ всего сказаннаго можно заключить, что православіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ еле держится и, если прибавить къ этому, что въ сельскихъ церквахъ самое богослуженіе совершается не на церковнославянскомъ, а на мѣстныхъ языкахъ, латышскомъ и эст-

---

усмотрятъ изъ приложенія къ настоящему выпуску. Виноваты ли Русскіе въ томъ, что въ прежнее время ихъ просьбы пропускались мимо ушей, а въ послѣднее время вызывали даже со стороны мѣстнаго начальства репрессивныя мѣры? Упрекъ въ отсутствіи дѣятельнаго участія въ общеполезныхъ учрежденіяхъ былъ бы одинаково несправедливъ. Сберегательныя кассы, пріюты, общественныя собранія—все это возникло хотя недавно, но — повторяю опять— не по приглашенію правительства и безъ всякаго съ его стороны поощренія. Наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сталъ выходить въ Ригѣ первый русскій журналъ, первый литературный органъ мѣстныхъ русскихъ интересовъ. Онъ издается на скудныя средства собираемыя ежегодно по добровольной подпискѣ въ средѣ русскаго купечества въ Ригѣ и въ Москвѣ. И что же? Этому скромному предпріятію, которое при дальнѣйшемъ развитіи своемъ дѣйствительно могло бы послужить опорою для правительства противъ рѣшительно враждебнаго ему направленія мѣстной нѣмецкой прессы и ея заграничныхъ отголосковъ, оно не оказало ни матеріальной поддержки, ни сочувствія; мало того, оно отнеслось къ нему въ послѣднее время какъ то особенно недовѣрчиво и непріязненно, какъ къ чему то непрошенному и безпокоющему его. На первыхъ порахъ, редакція допускалась въ архивы старыхъ дѣлъ и, рядомъ интересныхъ статей, знакомила публику съ исторіею мѣстной администраціи въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго; теперь этотъ источникъ для нея закрытъ. Цѣлый рядъ безтолковѣйшихъ цензурныхъ придирокъ и запрещеній упоминать о томъ и о другомъ вынуждаетъ ее обходить именно тѣ предметы, которыми наиболѣе интересуются ея читатели и лишилъ ее главнаго ея достоинства—мѣстнаго колорита. Она поневолѣ должна ограничиваться объявленіями и перепечатываніемъ безцвѣтнѣйшихъ статей изъ другихъ журналовъ. Въ такихъ тискахъ трудно рости и процвѣтать, а чего добраго—лѣтъ черезъ пять тотъ самый князь Багратіонъ, который теперь такъ усердно вымѣщаетъ на ней свою неспособность вести борьбу съ болѣе сильными противниками, или его преемникъ одной съ нимъ школы, вздумаетъ опять оглянуть свысока русское общество и, пожалуй, въ доказательство его неспособности служить опо-

скомъ, ясно становится, что оно въ этомъ краѣ служитъ не столько символомъ русской народности, сколько признакомъ бѣдности и невѣжества. — Православное латышское населеніе, стремясь все болѣе и болѣе къ совращенію въ лютеранство, обнаруживаетъ при томъ глубокое недовѣріе ко всему русскому, не только въ большей степени нежели лютеранское населеніе края, но даже и въ такихъ случаяхъ, когда послѣднее сочувственно относится къ русскимъ началамъ и съ надеждою смотритъ на своего Государя. По всѣмъ этимъ причинамъ, поддержаніе православія, тамъ гдѣ оно упрочилось, можетъ входить въ виды правительства; но всякія попытки къ распространенію его, подавая лишь поводъ къ противодѣйствію всего остальнаго, гораздо многочисленнѣйшаго населенія, не имѣютъ разумнаго основанія [1]). Вотъ единственныя русскія силы, на которыя можно

рою для правительства, укажетъ на нежеланіе или неумѣніе его обзавестись серьезнымъ, интереснымъ и прочнымъ литературнымъ органомъ. Снимая съ русскаго прибалтійскаго общества незаслуженныя нареканія, я впрочемъ далекъ отъ мысли считать его политически зрѣлымъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ противнаго служитъ благодарственный адресъ, поднесенный Русскими рижанами тому же генералъ-адъютанту Альбединскому, по оставленіи имъ Остзейскаго края, который только что аттестовалъ ихъ передъ Государемъ неспособными служить опорою для правительства. Лучше, чѣмъ кто либо, они знали, что онъ не сдѣлалъ для нихъ ровно ничего и началъ было относиться къ нимъ нѣсколько благосклоннѣе только въ самое послѣднее время своего управленія, притомъ только потому, что нѣмецкое общество грубо повернулось къ нему спиною, а въ этомъ адресѣ онъ ставился на одну доску съ княземъ Н. И. Рѣпинымъ и съ Е. А. Головинымъ! — Кто такъ неразборчиво расточаетъ свою признательность и свои похвалы, тотъ самъ роняетъ на нихъ цѣну.

[1]) Какъ видно изъ этого параграфа, православіе занимаетъ бывшаго остзейскаго генералъ-губернатора не само по себѣ, а исключительно по отношенію къ правительству, въ той мѣрѣ, въ какой оно способно или неспособно служить для него опорою. Въ этомъ отношеніи оно также оказывается ненадежнымъ. Почему? Во-первыхъ: такъ какъ православное богослуженіе совершается на латышскомъ и эстскомъ языкахъ, то изъ этого, по логикѣ бывшаго генералъ-губернатора, очевидно слѣдуетъ, что оно не служитъ символомъ русской народности. Отчего же однако, въ сороковыхъ годахъ, когда обращенія совершались массами, толпа на всѣ вопросы о побужденіяхъ, заставлявшихъ ее покидать протестантство, отвѣчала постоянно и повсемѣстно: мы хотимъ быть одной вѣры съ р у с с к и м ъ царемъ, или: мы убѣждены, что вѣра царская есть лучшая вѣра? Отчего до сихъ поръ, въ протестантскихъ проповѣдяхъ, въ

указать въ краѣ. Очевидно для всякаго неослѣпленнаго пристрастіемъ, что на такомъ шаткомъ основаніи нельзя ничего построить. По этому необходимо обратиться къ преобладающему, инородническому населенію края и разъяснить его отношенія къ русскимъ началамъ.

Еще донынѣ сельское населеніе прибалтійскихъ губерній отдѣлено рѣзкою чертою отъ среднихъ и высшихъ классовъ населенія края, но въ настоящее время, въ этихъ классахъ совершается столь замѣтный поворотъ къ сближенію всѣхъ сословій и народностей (кромѣ русской), что полезно ближе разсмотрѣть сущность этого направленія. Дворянство, городскія сословія, лютеранское духовенство, образованное сословіе извѣстное подъ названіемъ литератовъ, экономы, управляющіе, чиновничество всѣхъ степеней — все это въ сово-

---

разговорахъ, въ журнальныхъ статьяхъ, даже въ офиціальныхъ бумагахъ, остзейскіе Нѣмцы, сплошь да рядомъ, по укоренившейся привычкѣ, называютъ православіе вѣрою русскою, православныя церкви церквами русскими, православныхъ священниковъ, даже Латышей и Эстовъ по происхожденію, священниками русскими? Или все это ничего не значитъ? Спрошу еще: такъ какъ и лютеранское богослуженіе совершается въ селахъ не на нѣмецкомъ, а на тѣхъ же народныхъ языкахъ, то замѣчается ли, по наблюденіямъ генералъ-адъютанта Альбединскаго, чтобъ и протестантство не служило символомъ нѣмецкой національности?

Далѣе, оказывается, что православные Латыши и Эсты отличаются отъ лютеранъ особеннымъ, глубокимъ недовѣріемъ ко всему русскому, далеко уступая послѣднимъ въ сочувствіи къ русскимъ началамъ и въ упованіи на своего Государя. Никогда ничего подобнаго не слыхали мы ни отъ православнаго духовенства, ни отъ самыхъ заклятыхъ враговъ православія. До сихъ поръ послѣдніе, напротивъ, твердили намъ въ одинъ голосъ, что православіе опасно потому, что исповѣданіе одной вѣры съ русскимъ царемъ внушало какія то несбыточныя ожиданія особенныхъ попеченій и особеннаго покровительства со стороны власти. Генералъ-губернаторъ, мимоходомъ, сообщаетъ намъ свое совершенно новое, чрезвычайно важное наблюденіе и въ подкрѣпленіе не приводитъ ни одного факта, ни одного указанія. Странно! Нѣтъ ли однако тутъ недоразумѣнія отъ неточности выраженія? Подъ недовѣріемъ ко всему русскому не подразумѣваетъ ли генералъ-адъютантъ Альбединскій утрату или ослабленіе довѣрія къ слову правительства, къ его твердости въ намѣреніяхъ и къ его послѣдовательности въ дѣйствіяхъ? Если таковъ смыслъ приведенныхъ словъ, то мы почти согласны съ авторомъ записки. Когда, послѣ многократныхъ объявленій воли высшаго правительства ничѣмъ не награждать за перемѣну вѣры, но въ то же время не допускать и притѣсненія православныхъ,

купности составляетъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ вліятельное и образованное населеніе края, простирающееся свыше 250 т. человѣкъ и принадлежащее къ нѣмецкой національности. Въ этихъ классахъ примѣтно еще доселѣ нѣкоторое разобщеніе, происходящее отъ средневѣковаго консервативнаго устройства. До ближайшаго къ намъ времени, надъ всѣми этими разобщенными корпораціями безусловно преобладало дворянское сословіе вслѣдствіе важнаго значенія, которое оно успѣло пріобрѣсти въ государствѣ. О дворянствѣ прибалтійскихъ губерній сложилось уже прочное мнѣніе: всѣми признаны заслуги его русскому престолу и та непоколебимая вѣрность, которую оно доказало, наравнѣ съ кореннымъ русскимъ дворянствомъ, на поляхъ чести и въ трудныхъ дѣлахъ государственныхъ [1]). Это общее мнѣ-

---

исповѣдники господствующей вѣры стали подвергаться самымъ изысканнымъ оскорбленіямъ и систематическому разоренію именно въ качествѣ православныхъ, не находя ни въ комъ защиты; когда, послѣ самыхъ рѣшительныхъ заявленій о невозможности когда либо разрѣшить переходъ изъ господствующей вѣры въ другую, этотъ переходъ фактически разрѣшается; когда, послѣ одинаково категорическихъ отказовъ допустить крещеніе въ лютеранскую вѣру младенцевъ рожденныхъ отъ смѣшанныхъ браковъ, предбрачныя подписки вдругъ безъ огласки отмѣняются; когда, послѣ цѣлаго ряда настойчивыхъ требованій по части введенія въ офиціальное употребленіе русскаго языка, правительство, въ минуту исполненія, пасуетъ передъ сопротивленіемъ и обрѣзываетъ свои требованія—тогда естественно подрывается вѣра въ его логику и въ его силу. Таково общее впечатлѣніе, оставленное мѣропріятіями послѣдняго времени не только въ кругу православныхъ, но и во всѣхъ безъ изъятія слояхъ прибалтійскаго общества, и мы сейчасъ услышимъ отъ самого генералъ-адъютанта Альбединскаго, что тамошнее дворянство глубоко убѣждено въ шаткости высшаго правительства и въ возможности понудить его въ любомъ дѣлѣ къ попятнымъ шагамъ. Итакъ, извѣрились въ правительствѣ всѣ, но справедливо то, что такъ какъ непослѣдовательность его всегда обнаруживалась уступками интересамъ нѣмецко-протестантскимъ, къ ущербу интересамъ православно-русскимъ, то представители первыхъ радуются этой непослѣдовательности и надѣются на новыя уступки, а представители вторыхъ сокрушаются и смотрятъ на дальнѣйшее развитіе той же системы со страхомъ и трепетомъ. Если это хотѣлъ сказать авторъ записки, то онъ былъ безусловно правъ.

[1]) Сколько же разъ придется еще повторять одно и то же, именно, что историческая роль дворянъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, соотоящихъ въ рядахъ арміи или засѣдающихъ въ присутственныхъ мѣстахъ, и историческая роль дворянства in corpore, какъ сословія (о чемъ здѣсь идетъ рѣчь) не

ніе составляетъ и теперь гордость прибалтійскаго дворянства; но нельзя не замѣтить, что подобный духъ развивался при обстоятельствахъ особенно благопріятствовавшихъ въ теченіи долгаго времени вообще классу дворянскому, между которымъ прибалтійское дворянство, взятое въ совокупности, отличалось значительно высшимъ образованіемъ, и что многія изъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ уже утратили, или постепенно утрачиваютъ свою силу. Нельзя не видѣть, что за послѣднія 10—15 лѣтъ, съ усиленнымъ развитіемъ общественной жизни во всемъ государствѣ, дворянское сословіе, какъ корпорація, стало утрачивать свое безусловное преобладаніе и въ прибалтійскихъ губерніяхъ, сливаясь съ прочими образованными классами. Сліяніе это наименѣе еще примѣтно въ Курляндіи и Эстляндіи, вслѣдствіе отсутствія мѣстныхъ центровъ умственной дѣятельности; но въ Лифляндіи, въ этомъ отношеніи, остается уже ожидать немногаго.—Надобно думать, что подобному сближенію сословій, независимо отъ распространенія образованія и уничтоженія законодательнымъ путемъ наиболѣе рѣзкихъ разграниченій между образованными классами, не мало содѣйствовало пробудившееся въ нихъ опасеніе за сохраненіе въ краѣ преобладанія нѣмецкаго характера, въ виду развитія русской государственной жизни и неминуемаго распространенія ея на окраины имперіи. Такимъ образомъ, въ средѣ дворянства и привилегированныхъ городскихъ сословій прибалтійскаго края, по мѣрѣ этого сознанія и опасенія и въ силу необходимости, рѣзко выдѣляются въ настоящее время двѣ партіи: консервативная и либеральная, съ замѣтнымъ уже численнымъ перевѣсомъ на сторонѣ послѣдней [1]).

одно и то же? Многіе остзейскіе дворяне дѣйствительно служили отлично, но не лучше Лефорта, Гордона, Миниха, Паулуччи, Ланжерона, Дестрема и тысячи другихъ иностранцевъ, а вѣрность и преданность остзейскаго дворянства, какъ политической корпораціи, подверглась испытанію, только одинъ разъ, въ 1812 году, въ Курляндіи, и въ этотъ разъ оно стало въ уровень не съ русскимъ дворянствомъ (которое нигдѣ, ни въ смоленской, ни въ московской губерніяхъ, не покорялось непріятелю), а съ польскимъ дворянствомъ сѣверозападнаго края.

[1]) Все это сбивчиво, неточно и даетъ о дѣлѣ совершенно фальшивое понятіе. Такъ называемая консервативная и такъ называемая либеральная партіи

Эти двѣ партіи однако, поставленныя обстоятельствами въ замкнутое положеніе и не находя опоры въ народѣ, имѣютъ множество неблагопріятныхъ особенностей, вытекающихъ изъ ихъ политическаго характера, и оттого онѣ весьма мало соотвѣтствуютъ понятію, которое вообще соединяютъ съ наименованіемъ этихъ двухъ оттѣнковъ. Консерватизмъ, хотя и вытекаетъ вообще изъ чувства самосохраненія, есть однако понятіе болѣе обширное и предполагаетъ выдержанную систему дѣйствій, основанную на сознаніи опасности для всего государственнаго организма отъ допущенія какихъ либо новыхъ, не свойственныхъ ему началъ [1]). Прибалтійскій же консерватизмъ есть понятіе болѣе узкое; онъ ограничивается стремленіемъ представителей незначительныхъ (?) отдѣльныхъ корпорацій сохранить во что бы то ни стало свои особыя выгодныя условія существованія, не взирая на то, что при этомъ иногда страдаетъ охранительный принципъ въ главномъ его значеніи. При такомъ направленіи допускаются вызываемыя настойчивостью либераловъ нововведенія и уступки, но въ той только мѣрѣ насколько при нихъ возможно существованіе необходимыхъ для каждой сословной группы особенностей и преимуществъ. Подобная узкость

въ прибалтійскомъ краѣ существуютъ издавна; борьба ихъ доходила до скандаловъ на ландтагахъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, когда еще не было ни малѣйшихъ признаковъ ни сознанія распространенія государственной жизни на окраины имперіи, ни опасенія за сохраненіе преобладанія нѣмецкаго характера (какъ выражается генералъ-адъютантъ Альбединскій); слѣдовательно, не это сознаніе и не это опасеніе были причинами рѣзкаго выдѣленія консервативной и либеральной партій. Напротивъ, въ наше время, произошло явленіе совершенно обратное: междоусобная борьба ихъ стихла, отошла на задній планъ, и консерваторы и либералы сплотились въ одну антирусскую и антиправительственную національную оппозицію.

[1]) Не знаю поблагодарятъ ли автора консерваторы вообще за это опредѣленіе. Мы думали до сихъ поръ, что, кромѣ чувства самосохраненія, которымъ природа вообще надѣляетъ всѣхъ людей въ достаточномъ количествѣ, кромѣ выдержки въ дѣйствіяхъ, въ которой нельзя отказать и интернаціоналкѣ, кромѣ наконецъ способности пугаться, которая едва ли можетъ быть источникомъ силы, консерватизмъ предполагалъ еще, и прежде всего, цѣлый строй извѣстнаго рода политическихъ убѣжденій.—Впрочемъ, автору, по его связямъ, должно быть лучше извѣстно требуются ли еще отъ консерваторовъ новѣйшаго образованія какія либо убѣжденія или можно обойтись безъ нихъ?

мѣстныхъ консерваторовъ, которая повсюду лишила бы ихъ всякаго значенія, уравновѣшивается до нѣкоторой степени односторонностью мѣстнаго либерализма. Послѣдній, вытекая не столько изъ просвѣщеннаго сознанія въ необходимости общественныхъ реформъ для достиженія справедливыхъ, взаимныхъ отношеній, сколько изъ постороннихъ обстоятельствъ (?), стремится, повидимому, къ общему благу, но только побужденный страстнымъ желаніемъ охранить въ краѣ господство нѣмецкаго элемента и предупредить всякое вторженіе русскихъ, государственныхъ началъ [1]).

Чувствуя свою слабость въ виду неизбѣжнаго соприкосновенія съ болѣе сильнымъ элементомъ, либеральное дворянство спѣшитъ нетолько примкнуть къ остальнымъ одноплеменнымъ сословіямъ, но, по мѣрѣ упроченія независимости крестьянскаго населенія, выказываетъ готовность къ сближенію даже и съ симъ послѣднимъ и преимущественно съ высшимъ разрядомъ крестьянъ-хозяевъ и арендаторовъ, надѣленныхъ, по особеннымъ мѣстнымъ условіямъ, значительными правами и располагающихъ всѣмъ остальнымъ безземельнымъ крестьянскимъ сословіемъ. Отсюда проистекаетъ такая готовность помѣщиковъ содѣйствовать развитію народныхъ школъ, подъ условіемъ распространенія въ нихъ нѣмецкаго языка [2]). Отсюда такое противодѣйствіе именно [3])

---

[1]) Въ этомъ страстномъ желаніи, консерваторы (Нолькены, Бокки, Кейзерлинги и т. п.) ни на волосъ не уступаютъ либераламъ: Эттингенамъ и подобнымъ. Требованія и политическіе идеалы первыхъ даже болѣе расходятся съ русскими государственными началами.

[2]) И такъ, народная сельская школа служитъ въ рукахъ дворянства средствомъ сближенія съ народомъ и привлеченія къ себѣ высшихъ слоевъ его; а сближеніе и привлеченіе нужны дворянству для болѣе успѣшнаго политическаго противодѣйствія цѣлямъ правительства. Вотъ какое значеніе имѣетъ сельскан школа въ прибалтійскомъ краѣ. Убѣдившись въ этомъ, что же сдѣлало правительство? Оно подчинило православныя школы вѣдѣнію министра народнаго просвѣщенія, отодвинувъ на второй планъ православное духовенство, которое съ полнымъ основаніемъ считало ихъ своимъ твореніемъ, а школы лютеранскія оставило въ исключительномъ и безконтрольномъ вѣдѣніи дворянства.—Разумно!

[3]) Отнюдь не именно. Духовенство, купцы, адвокаты, чиновники и либералы дворяне противодѣйствуютъ обѣимъ этимъ реформамъ ничуть не болѣе чѣмъ прибалтійскіе аристократы.

со стороны либеральной партіи лифляндскаго дворянства введенію русскаго языка въ администрацію, а отчасти и въ общія учебныя заведенія, при совершенномъ въ тоже время равнодушіи къ благодѣтельной судебной реформѣ, потребность которой въ этомъ краѣ быть можетъ болѣе ощущается чѣмъ гдѣ либо въ Россіи, но введеніе которой, по мнѣнію мѣстныхъ образованныхъ сословій, угрожаетъ сохраненію мѣстныхъ особенностей края и сблизитъ эти губерніи съ остальною Россіею [1]). Быстрота сообщеній съ Германіею, вслѣдствіе проведенія желѣзной дороги и послѣднія въ ней событія съ одной стороны, а съ другой, пробужденіе народнаго сознанія въ Россіи, не остались, повидимому, безъ вліянія на усиленіе въ образованныхъ классахъ прибалтійскаго края германскаго либерализма. При этомъ считаю долгомъ указать и на то, что все подрастающее поколѣніе въ прибалтійскихъ губерніяхъ воспитывается въ этомъ духѣ. Въ многочисленныхъ учебныхъ заведеніяхъ края, доступъ къ которымъ открытъ всѣмъ сословіямъ и состояніямъ, ростетъ и крѣпнетъ нѣмецкое національное чувство [2]). Не осуждая всей системы воспитанія въ дерптскомъ учебномъ округѣ, не могу не замѣтить, что прибалтійское юношество пропитывается на школьныхъ скамьяхъ духомъ совершенно чуждымъ всему русскому. Молодые люди оканчивающіе курсъ глядятъ совершенными иностранцами [3]) и гораздо болѣе стыдятся [4]) говорить по-русски нежели взрослые или, въ особенности, пожилые, которые охотно пользуются случаемъ выказать посильное знаніе въ русскомъ языкѣ. Эти чуждые Россіи образованные классы прибалтійскихъ губерній естественно получатъ въ недальнемъ будущемъ совершенное преобладаніе въ краѣ и немного надо прозорливости, чтобы предвидѣть какія серьезныя затрудненія можетъ встрѣтить

---

[1]) Оттого-то вѣроятно судебная реформа и подвигается такъ успѣшно въ министерствѣ ввѣренномъ графу Палену.

[2]) Пріятно слышать это!—А вѣдь графъ Кейзерлингъ, такъ удачно обратившій всѣ учебныя заведенія, содержимыя отъ правительства, въ разсадники нѣмецкаго національнаго чувства, никогда не слылъ либераломъ.

[3]) Это наши будущіе министры, корпусные командиры и посланники.

[4]) Не то, что не могутъ, а «стыдятся»!

правительство при неизбѣжномъ, съ теченіемъ времени, столкновеніи съ германскимъ либеральнымъ населеніемъ въ одной изъ значительнѣйшихъ нашихъ областей [1]).

Нельзя однако не отдать справедливости нѣмецкому населенію прибалтійскихъ губерній въ отношеніи общаго характера его частной и общественной жизни. Въ быту образованныхъ сословій, добросовѣстность и вѣрность слову такъ высоко развиты, что большинству изъ нихъ можно спокойно ввѣрить свое состояніе, свою честь, безъ всякаго опасенія; но, при всѣхъ неоспоримыхъ достоинствахъ частнаго и общественнаго быта, было бы крайне легкомысленно положиться сколько нибудь на мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлахъ съ малѣйшимъ политическимъ оттѣнкомъ [2]). Ревниво слѣдя за

---

[1]) Прозорливости на это, дѣйствительно, требуется немного, а все-таки ея не достало, когда обсуждалась отмѣна предбрачныхъ подписокъ при заключеніи смѣшанныхъ браковъ. По окончаніи курса ученія, значительная часть молодыхъ остзейскихъ дворянъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и поступаетъ на службу. Многіе у насъ остаются и кормятся жалованьемъ; между тѣмъ ихъ сестры большею частью сидятъ дома и съ нашею молодежью почти не встрѣчаются. Оттого гораздо чаще Остзейцы женятся на Русскихъ, чѣмъ Русскіе на Остзейкахъ. Въ прежнее время дѣти, рожденныя отъ барона лютеранина и православной матери, крестились по закону въ православной вѣрѣ; тѣмъ самымъ они отпадали отъ отцовской общественной среды и пріурочивались къ материнской. Такимъ образомъ, и только благодаря этому, нѣсколько вѣтвей остзейскихъ дворянскихъ родовъ успѣли постепенно обрусѣть. Теперь, этому процессу свободнаго и постепеннаго обрусѣнія положенъ конецъ. Отъ смѣшанныхъ браковъ впредь будутъ плодиться чистокровные Нѣмцы—лютеране, въ руки которыхъ, мало-по-малу будутъ переходить, въ видѣ приданаго, русскіе капиталы и русскія вотчины. А кто придумалъ отмѣну предбрачныхъ подписокъ, и кто въ Петербургѣ старался провести ее?—Отношенія возникающія изъ смѣшаннаго брака, по своей особенности, оправдываютъ, даже требуютъ вмѣшательства гражданской власти въ область вѣроисповѣдныхъ убѣжденій. Вопросъ о томъ, къ какому вѣроисповѣданію должны принадлежать дѣти, не всегда можетъ разрѣшаться обоюднымъ соглашеніемъ родителей; къ тому же, въ замкнутой области супружескихъ отношеній, могутъ быть тысячи неизслѣдимыхъ способовъ вынудить у жены ея согласіе, и оттого вопросъ этотъ почти вездѣ разрѣшается закономъ, хотя различно въ различныхъ гражданскихъ кодексахъ. Какая же была надобность разрѣшать его у насъ въ ущербъ господствующей вѣрѣ и господствующей народности, именно теперь, въ виду неизбѣжнаго столкновенія съ усиливающимся въ предѣлахъ Россіи германизмомъ?

[2]) А много ли такихъ дѣлъ и предпріятій, которыя бы не имѣли ни малѣйшаго политическаго оттѣнка?

всѣми дѣйствіями правительства и мѣстныхъ, русскихъ его представителей, прибалтійскіе Нѣмцы считаютъ всѣ способы [1]). пригодными для противодѣйствія русскому вліянію въ краѣ [2]). Всякій новый порядокъ, затрогивающій сколько нибудь нѣмецкое преобладаніе и имѣющій въ виду всѣхъ жителей края, встрѣчаетъ на всѣхъ пунктахъ [3]) дружное противодѣйствіе, облеченное въ такія искусныя и благовидныя формы, что его нельзя иначе назвать какъ вѣрноподданническимъ [4]). Въ вопросѣ о судебной реформѣ, о преобразованіи отжившаго городскаго устройства, въ крестьянскомъ дѣлѣ, а въ особенности въ вопросѣ о введеніи государственнаго языка въ администрацію, множество живыхъ тому примѣровъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что на пути къ достиженію государственныхъ цѣлей, представятся неоднократныя столкновенія съ притязаніями нѣмецкаго населенія прибалтійскихъ губерній, но, сопоставляя между собою различные оттѣнки мѣстныхъ партій, нельзя не замѣтить, что несравненно сообразнѣе съ цѣлью правительства опираться на мѣстныя консервативныя начала, какъ бы ни были они узки, нежели на мѣстныхъ либераловъ, безраздѣльно преданныхъ идеѣ германизма и враждебно относящихся ко всему русскому [5]).

---

[1]) Всѣ способы! — и этимъ то людямъ генералъ-адъютантъ Альбединскій, тремя строками выше, находилъ безопаснымъ ввѣрять свою честь?!

[2]) Здѣсь сужденіе автора, кажется, имѣетъ основаніе въ личномъ его опытѣ, въ собственныхъ его ощущеніяхъ, и потому оно довольно вѣрно.

[3]) Если на всѣхъ пунктахъ, то стало быть не на тѣхъ только, которые заняты и укрѣплены либеральною партіею.

[4]) Иными словами: самые дерзкіе свои адресы и представленія они пересыпаютъ словами «вѣрность, вѣрноподданническая преданность» и тому подобными, отъ которыхъ генералъ-адъютантъ Альбединскій приходитъ въ умиленіе и сладостный трепетъ, совершенно его обезоруживающій. Наивность этого признанія въ свою очередь обезоруживаетъ всякую критику.

[5]) Это, во-первыхъ, совершенно ошибочно, во-вторыхъ, прямо противорѣчитъ всему предъидущему. Авторъ записки составилъ себѣ понятіе о политическихъ партіяхъ по ихъ внѣшнему тону и по ихъ манерѣ обращенія съ представителями власти и съ нимъ лично въ особенности. Дѣло въ томъ, что его долго и очень строго держалъ въ рукахъ лифляндскій губернаторъ Эттингенъ, который слылъ либераломъ и пользовался во всемъ краѣ авторитетомъ, доходившимъ до дерзкаго самовластія. Можетъ быть, какой нибудь консерваторъ въ родѣ Нолькена, будь онъ на мѣстѣ Эттингена, держалъ бы себя нѣсколько скромнѣе

Обращаясь къ самому многочисленному инородческому населенію прибалтійскихъ губерній, то есть къ Латышамъ и Эстамъ, мы и здѣсь замѣтимъ, что расположеніе ихъ къ Россіи и ко всему русскому, всегда слабое и смутное, становится слабѣе по мѣрѣ ихъ развитія. Чѣмъ болѣе крестьянское населеніе оставалось въ крѣпкой зависимости отъ помѣщиковъ, тѣмъ болѣе оно было нерасположено къ нравамъ,

---

и обходился бы съ генералъ-губернаторомъ снисходительнѣе; но, будучи одинаково преданъ идеѣ германизма и одинаково враждебенъ всему русскому, онъ такъ же настойчиво и послѣдовательно противодѣйствовалъ бы правительству во всѣхъ его начинаніяхъ. Мало того, можно быть напередъ увѣрену въ томъ, что если консерваторамъ когда нибудь удастся взять перевѣсъ надъ либералами въ мѣстномъ управленіи, то, для поддержанія себя въ общественномъ мнѣніи, они будутъ вынуждены пойти далѣе своихъ политическихъ соперниковъ и принять въ отношеніи къ правительству позу еще болѣе оппозиціонную. Наконецъ, не мѣшало бы прежде всего уяснить себѣ, что̀ именно охраняютъ остзейскіе консерваторы и чего бы они хотѣли? Извѣстно, что они стоятъ за свои унаслѣдованныя отъ предковъ историческія учрежденія; стало быть они хотѣли бы, чтобъ организація городовъ оставалась тѣмъ, что она есть теперь, то есть комбинаціею рѣзко между собою разобщенныхъ и тѣсно замкнутыхъ сословій, подъ управленіемъ начальствующаго сословія (магистрата) восполняющагося путемъ самоизбранія; они хотѣли бы, чтобы, въ составѣ земства, дворянство не только первенствовало, но чтобъ оно по прежнему представляло все земство въ своемъ лицѣ; чтобъ ландтаги оставались закрытыми сословными собраніями и чтобы на нихъ рѣшались всѣ дѣла земства; чтобъ дворянство, черезъ своихъ избранныхъ, владѣло судомъ и полиціею и т. д. Между тѣмъ было выше заявлено, что правительство стремится къ постепенному преобразованію мѣстныхъ остзейскихъ учрежденій на основаніи русскихъ началъ и это стремленіе его было одобрено авторомъ. Какимъ же образомъ помирило бы оно съ политическими идеалами консерваторовъ: городское общественное учрежденіе, состоящее изъ выборной управы и контролирующаго ее всесословнаго собранія; земское общественное учрежденіе, состоящее изъ тѣхъ же элементовъ; судъ присяжныхъ судей по назначенію отъ правительства или по выбору отъ всесословныхъ собраній; правительственную полицію и т. д.? Я говорю не о подробностяхъ, а объ основныхъ началахъ. Не очевидно ли, что если правительство намѣрено не отступать отъ своихъ начинаній, то оно должно заранѣе откинуть всякую надежду осуществить ихъ «опираясь на мѣстныя консервативныя начала» и что, наоборотъ, самое исканіе въ нихъ опоры предполагало бы полное отреченіе отъ этихъ цѣлей? Вообще, вопросъ объ опорахъ, какъ видно, очень озабочивающій автора, рѣшительно не дался ему. Онъ не видитъ ихъ тамъ, гдѣ онѣ есть, и указываетъ на нихъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Повторяю еще разъ: на чемъ бы ни столкнулись государственные интересы съ мѣстными остзейскими, на судебной ли реформѣ, на введеніи ли русскаго языка,

обычаямъ и языку своихъ ближайшихъ утѣснителей и смотрѣло съ надеждою на русскаго государя, отъ котораго ожидало избавленія и какъ бы торжества надъ своими господами. Но, по мѣрѣ того какъ положеніе крестьянъ становилось независимѣе, нерасположеніе ихъ къ помѣщикамъ утрачивало силу и самую причину своего существованія, а матеріальныя выгоды побуждаютъ оба сословія столь долго разобщенныя къ возможно полному и мірному сближенію [1]). Здѣсь рѣчь идетъ о томъ классѣ крестьянъ, которые пользуются на извѣстныхъ условіяхъ землею и, вслѣдствіе этого, разнаго рода общественными правами и преимуществами, ибо только эти 90 тыс. имѣютъ существенное значеніе [2]).

правительство увидитъ передъ собою сплошную оппозицію, а не либераловъ на одной сторонѣ и консерваторовъ на другой. Расходятся эти двѣ партіи только въ слѣдующемъ: консервативная отстаиваетъ донельзя всѣ существующія въ краѣ, давно отжившія свой вѣкъ учрежденія особенно потому, что считаетъ ихъ неизмѣнимою гарантіею господства нѣмецкой національности и самымъ надежнымъ оплотомъ противъ правительства и Россіи; а либеральная, сознавая непрочность этихъ учрежденій, охотнѣе согласилась бы подновить ихъ, разумѣется въ тѣхъ же видахъ, воспользовавшись для своихъ цѣлей близорукостью правительства.

1) Практическій выводъ изъ этого слѣдующій: тяга простонародія къ Россіи обусловливалась его невѣжествомъ и его ненавистью къ помѣщикамъ, и потому, если мы сколько нибудь дорожили сочувствіемъ массъ, ненадобно было допускать учрежденія народныхъ школъ и ненадобно было упразднять крѣпостнаго права. Но такъ какъ распространеніе образованія въ народѣ и освобожденіе крестьянъ были неизбѣжны въ силу историческаго закона, то мы должны примириться и съ постепенною утратою народнаго сочувствія, какъ съ явленіемъ совершенно нормальнымъ, непредотвратимымъ и почти желаннымъ. Авторъ записки даже не задаетъ себѣ вопроса: не оттого ли народная масса извѣрилась въ насъ, что мы карали, какъ бунтъ, всякое проявленіе ея довѣрія, никогда не хотѣли стать къ ней прямо, лицомъ къ лицу, а всегда прятались за дворянство; наконецъ, что мы, въ угоду дворянству, не только не осуществили ожиданій народа, но даже не устояли въ нашихъ торжественныхъ обѣщаніяхъ, перевершили въ ущербъ крестьянамъ многіе давно разрѣшенные вопросы, отняли у нихъ исключительное право пользованія крестьянскою землею, упразднили норму повинностей и т. д.

2) Почему же батраки, коморники и бобыли не имѣютъ существеннаго значенія? Не говоря о другомъ, неужели сила большинства, перевѣсъ числительности, въ глазахъ государственнаго человѣка, ничего не значатъ? Изъ того, что мы до сихъ поръ не заботились о массѣ сельскаго населенія, игнорировали ее, никакъ еще не слѣдуетъ, чтобъ она сама по себѣ ничего не стоила.

Классъ крестьянъ-арендаторовъ составляетъ какъ бы аристократію въ отношеніи несравненно многочисленнѣйшаго [1]) класса работниковъ, нанимающихся за извѣстную годовую плату на помѣщичьихъ мызахъ и у крестьянъ-хозяевъ. Различіе между обоими классами крестьянскаго населенія простирается до того, что даже женитьбы стали совершаться въ каждомъ изъ нихъ отдѣльно, ибо крестьянинъ-арендаторъ считаетъ для себя унизительнымъ жениться на дочери работника. Замѣтно, что оба эти класса стали рѣзко отдѣляться со введеніемъ денежно-оброчныхъ отношеній, поставившихъ арендаторовъ въ болѣе независимое и почетное положеніе. Понятною по этому становится особенная заботливость дворянства и духовенства объ образованіи этого послѣдняго, немногочисленнаго класса крестьянъ. Постепеннымъ введеніемъ нѣмецкаго языка въ высшія, а за тѣмъ и въ начальныя народныя школы, уже достигнуты нѣкоторые результаты въ дѣлѣ онѣмеченія высшихъ разрядовъ крестьянскаго сословія.

Въ виду всего здѣсь описаннаго, правительство располагаетъ т о л ь к о тремя несовершенными, но за то далеко еще неисчерпанными орудіями дѣйствія, а именно: законодательствомъ, администраціею и учебными заведеніями [2]).

Изъ настоящаго обзора видно однако, что успѣхи законодательства въ прибалтійскихъ губерніяхъ, за немногими лишь исключеніями, постоянно служа къ сліянію сословій и разобщенныхъ интересовъ, тѣмъ самымъ давали новую пищу развитію нѣмецкаго элемента [3]).

Лѣтъ черезъ десять другой генералъ-адъютантъ, вѣроятно, вспомнитъ и объ ней и заявитъ намъ со вздохомъ, что по такимъ-то и такимъ-то причинамъ (не упоминая о ближайшей и простѣйшей) и они отшатнулись отъ русскаго правительства всѣми своими помыслами и надеждами. - Чья это будетъ вина?

[1]) И по логикѣ генералъ-адъютанта Альбединскаго «ничего незначущаго».

[2]) Т о л ь к о этимъ!—Это «только» прелестно.

[3]) Жаль, что авторъ записки не объяснилъ: происходило ли это отъ того, что мы безъ толку законодательствовали, или отъ того, что по божественному предопредѣленію, лучшіе законы непремѣнно должны идти въ пользу нѣмецкой народности и въ ущербъ русской? Кажется, впрочемъ, что онъ склоняется ко второму мнѣнію, такъ что лучше бы было вовсе отказаться отъ перваго изъ трехъ «несовершенныхъ» орудій, то есть вовсе перестать законодательствовать. Можетъ быть, онъ въ этомъ и правъ.

Администрація края, подвергавшаяся неоднократно разнороднымъ колебаніямъ въ верхнихъ слояхъ, оставалась и остается во всѣхъ прочихъ слояхъ неизмѣнно нѣмецкою. Учебныя заведенія, до настоящаго времени, за исключеніемъ нѣсколькихъ начальныхъ училищъ и новоучрежденной гимназіи въ Ригѣ, всѣ нѣмецкія и направленіе ихъ было выше указано. Важныя неудобства проистекающія изъ этихъ двухъ послѣднихъ недостатковъ, тѣсно связанныя между собою, обнаружились со всею силою при введеніи русскаго дѣловаго языка. Законъ 1850 года касается всѣхъ коронныхъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ безъ изъятія, между тѣмъ и нынѣ пришлось ограничиться только одними губернскими учрежденіями [1]). Масса чиновниковъ потребныхъ для уѣздныхъ учрежденій должна наполняться неизбѣжно [2]) изъ мѣстныхъ жителей, въ нѣкоторыхъ же вѣдомствахъ (полиція и судъ) по закону [3]) состоитъ изъ мѣстныхъ дворянъ и городскихъ сословій. Всѣ они обучаются въ нѣмецкихъ училищахъ, на нѣмецкомъ языкѣ, и почти вовсе не знаютъ по-русски. Какъ бы ни были строги требованія правительства, они очевидно замрутъ передъ невозможностью создать новую администрацію [4]); поэтому, только съ увеличеніемъ числа мѣстныхъ уроженцевъ образованныхъ въ русскихъ училищахъ [5]), явится возможность противопо-

[1]) Отчего же это «пришлось?» Надобно было сказать: я упросилъ, чтобъ избавиться отъ борьбы, которая была мнѣ не по силамъ.

[2]) Если это „неизбѣжно“, тогда не объ чемъ и хлопотать и гораздо лучше просто на просто отказаться отъ безумной затѣи.

[3]) Если этого закона измѣнить нельзя, то конечно дѣло плохо.

[4]) Съ этимъ убѣжденіемъ лучше и не браться за дѣло. Это все равно, что вести полкъ въ атаку, объявивъ ему заранѣе, что онъ будетъ на голову разбитъ. А вѣдь удалось же однако, на нашихъ глазахъ, во всемъ царствѣ польскомъ, въ два года, создать новую администрацію изъ людей новыхъ и черезъ нихъ привести въ исполненіе цѣлый рядъ крупныхъ преобразованій, о которыхъ старая администрація не смѣла и помышлять? Не отъ того ли, что люди, орудовавшіе русскимъ дѣломъ въ Польшѣ, составляли въ томъ отношеніи самую рѣзкую противоположность къ генералъ-адъютанту Альбединскому, что они напротивъ всецѣло вѣрили въ успѣхъ?

[5]) Кто же однако могъ бы ихъ заставить или что, могло бы ихъ побудить идти за образованіемъ въ русскія училища, когда рядомъ съ ними существуютъ такъ называемыя нѣмецкія; когда сами учащіеся, ихъ родители, родственники, знакомые, словомъ всѣ окружающіе ихъ, считаютъ себя Нѣмцами, хо-

ставить во всѣхъ слояхъ администраціи и суда языку нѣмецкому—языкъ русскій и лицамъ незнающимъ по русски—людей вполнѣ имъ владѣющихъ [1]). Въ противномъ случаѣ, правительство въ этомъ краѣ всегда будетъ безсильно для предпріятія какого либо серьезнаго преобразованія и всегда будетъ находиться въ нѣкоторой зависимости отъ мѣстныхъ дѣятелей.

тятъ оставаться Нѣмцами и систематически чуждаются всего русскаго; когда наконецъ имъ даютъ знать и чувствовать, что прежде, чѣмъ они добровольно преобразятся въ Русскихъ, правительство никогда не будетъ въ состояніи вытѣснить нѣмецкій языкъ изъ офиціальнаго употребленія и замѣнить его русскимъ? Это значило бы ожидать отъ нихъ, чтобъ они сами, въ извѣстномъ смыслѣ, наложили на себя руку.

[1]) Да откуда же они возьмутся изъ мѣстныхъ уроженцевъ?—Здѣсь авторъ, очевидно, не договариваетъ своей мысли, предоставляя самимъ читателямъ догадаться, что введеніе русскаго языка въ офиціальное дѣлопроизводство просто на просто немыслимо. Когда покойный Государь издавалъ законъ 1850 г. и назначалъ терминъ для его исполненія, ему было отнюдь не безъизвѣстно, что воля его придется Остзейцамъ далеко не по сердцу; но дѣло казалось ему на столько важнымъ, что онъ намѣревался переломить ихъ сопротивленіе. Русскій языкъ долженъ быть введенъ и будетъ введенъ – это требованіе ставилось на первый планъ и служило точкою отправленія. Затѣмъ: останется ли мѣстная администрація въ прежнемъ составѣ, или обновится введеніемъ въ кругъ мѣстныхъ уроженцевъ людей изъ другой среды, сохранится или измѣнится порядокъ назначенія въ должности, замѣщаемыя по выборамъ отъ сословій?—все это были такіе вопросы, которыхъ разрѣшеніе ставилось въ зависимость отъ главнаго и начальнаго требованія. Тогдашнее правительство разсуждало такимъ образомъ: что нѣтъ ни невозможности ни особенной трудности для уроженцевъ прибалтійскаго края выучиваться русскому языку на столько, на сколько это нужно для веденія на немъ офиціальнаго дѣлопроизводства, тому доказательствомъ служитъ множество Остзейцевъ, наполняющихъ министерства и гвардейскіе полки; они по-русски командуютъ, по-русски рапортуютъ, по-русски добиваются чиновъ, окладовъ и эксельбантовъ; съ другой стороны, что есть въ остзейскомъ обществѣ рѣшительное нежеланіе допустить русскій языкъ въ офиціальное дѣлопроизводство прибалтійскаго края, это видно между прочимъ изъ того, что, по выходѣ въ отставку и по возвращеніи на родину, эти самые бывшіе эскадронные и полковые командиры, директора, столопачальники, секретари и т. д. мгновенно какъ будто забываютъ русскій языкъ и, вмѣстѣ съ своими земляками, подписываютъ адресы о невозможности научиться ему и ввести его, какъ обязательный предметъ преподаванія, не разстроивъ всей системы общественнаго воспитанія. При такихъ условіяхъ, нельзя миновать косвеннаго принужденія. Если, по наступленіи даннаго срока, правительство назначитъ отъ себя въ присутственныя мѣста прибалтійскаго края съ десятокъ

Безполезно было бы, послѣ всего сказаннаго, исчислять всѣ второстепенныя неудобства и затрудненія для будущаго отъ сохраненія въ краѣ нѣмецкой администраціи, нѣмецкихъ архивовъ (??) и преобладанія нѣмецкихъ училищъ.—Позволю себѣ однако думать, что правительство остановится передъ важностью настоящаго положенія дѣлъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ и не сочтетъ сообразнымъ уступить быстрому развитію въ нихъ нѣмецкаго элемента [1]).

чиновниковъ, вполнѣ владѣющихъ русскимъ языкомъ, уволивъ незнающихъ его или внезапно позабывшихъ его, то такой приступъ къ исполненію заставитъ мѣстную оппозицію одуматься. Люди, внезапно разучившіеся русскому языку, вѣроятно также моментально припомнятъ его, а незнающіе русскаго языка только тогда и примутся серьезно за изученіе его или по крайней мѣрѣ начнутъ обучать ему своихъ дѣтей, ибо двѣ трети остзейскаго дворянства живутъ службою и не могутъ обойтись безъ нея. Правительство разсуждало правильно; оставалось бы только заняться исподоволь подготовленіемъ при управленіяхъ генералъ-губернатора, губернаторовъ и при губернскихъ правленіяхъ нѣсколькихъ хорошо образованныхъ русскихъ чиновниковъ и ознакомленіемъ ихъ съ особенностями мѣстнаго дѣлопроизводства. Это ужъ было дѣло исполнителей Высочайшей воли, но исполнителемъ ея былъ князь Суворовъ. Теперь, судя по запискѣ генералъ-адъютанта Альбединскаго, которому понятія нынѣшняго правительства конечно хорошо извѣстны, термины вопроса совершенно переставляются. Мѣстная администрація „должна неизбѣжно“ состоять изъ мѣстныхъ уроженцевъ, и самый порядокъ замѣщенія должностей по выборамъ отъ сословій „долженъ оставаться неизмѣннымъ“—съ этого начинается аргументація, и соблюденіемъ этихъ требованій обусловливаются всѣ дальнѣйшія мѣропріятія по введенію русскаго языка. Такимъ образомъ, авторъ записки вводитъ насъ за руку въ безвыходный кругъ и предлагаетъ намъ вертѣться въ немъ до тѣхъ поръ, пока это занятіе будетъ доставлять намъ удовольствіе, подъ слѣдующій сочиненный имъ припѣвъ: нельзя и помышлять о введеніи русскаго языка въ официальное дѣлопроизводство прежде, чѣмъ сами мѣстные уроженцы себѣ его не усвоятъ; но мѣстные уроженцы не только не обнаруживаютъ намѣренія учиться ему, а напротивъ, съ каждымъ поколѣніемъ болѣе и болѣе стыдятся говорить по-русски; итакъ, слѣдовало бы ихъ понудить; но единственное понудительное средство, которымъ располагаетъ правительство, заключается въ требованіи обязательнаго введенія русскаго языка въ официальное дѣлопроизводство; но введеніе его невозможно, пока сами остзейскіе уроженцы ему не выучатся; а остзейскіе уроженцы положительно не хотятъ ему учиться, и такъ далѣе безъ конца.

[1]) Я позволяю себѣ думать совершенно противное, а именно, что если правительство повѣритъ автору записки, то оно непремѣнно уступитъ быстрому развитію нѣмецкаго элемента и чѣмъ скорѣе оно это сдѣлаетъ, тѣмъ будетъ лучше. Прошу читателей припомнить все намъ повѣданное.

Въ предположеніи, что это будетъ признано нынѣ своевременнымъ, я позволю себѣ представить о необходимости признанія нѣкоторыхъ главныхъ началъ [1]), которыя могли бы служить руководящими правилами при дальнѣйшемъ устройствѣ прибалтійскаго края, сообразномъ съ интересами государственнаго единства.

Съ этою цѣлью я признаю необходимымъ:

1) Отстранить всякія попытки къ обрусенію края посредствомъ народа чрезъ разобщеніе его съ прочими высшими классами населенія, по совершенной безполезности подобныхъ

Мѣстные русскіе элементы не представляютъ для правительства никакой опоры.

Въ высшихъ слояхъ общества преобладаетъ либерализмъ, подбитый мыслью о политическомъ обособленіи края. Съ каждымъ днемъ въ нихъ растетъ, мужаетъ и крѣпнетъ нѣмецкое національное чувство. Изъ этихъ слоевъ выходитъ весь личный составъ мѣстной администраціи — это естественно и неизбѣжно.

Крестьяне-хозяева болѣе и болѣе онѣмечиваются и отчуждаются отъ Россіи и ея правительства—это нормальное послѣдствіе развивающагося въ нихъ навыка къ свободѣ и постепеннаго ихъ просвѣщенія.

Остается масса сельскаго пролетаріата, составляющая огромное большинство мѣстнаго народонаселенія, но она ничего не значитъ.

Правительственная администрація безсильна, потому что ея органы, во всѣхъ дѣлахъ имѣющихъ какой нибудь политическій оттѣнокъ, стоятъ противъ правительства и служатъ мѣстной оппозиціи.

Создать новую администрацію изъ людей новыхъ, недоступныхъ вліянію мѣстной, общественной среды — невозможно. Надѣяться, чтобъ сама эта среда перевоспиталась изъ нѣмецкой въ русскую—было бы безумно уже потому, что она не ощущаетъ ни малѣйшаго къ тому побужденія пока можно, не владѣя государственнымъ языкомъ, даже гнушаясь его, дослуживаться въ краѣ до высшихъ должностей, до бургомистра, ландрата, ректора университета, предсѣдателя любой палаты и губернатора, а прежде чѣмъ мѣстное общество перевоспитается, всякая попытка ввести русскій языкъ и русскія начала въ мѣстныя учрежденія окончилась бы, какъ доказалъ опытъ, позорнымъ fiasco.

Какъ же при этихъ условіяхъ продолжать борьбу съ торжествующимъ германизмомъ? Нельзя же всѣхъ Нѣмцевъ выслать за море.

[1]) То есть нѣсколькихъ громкихъ фразъ, начиненныхъ общими мѣстами самаго неопредѣленнаго свойства. Такихъ главныхъ, руководящихъ началъ, начиная съ сороковыхъ годовъ, было провозглашено очень много, но никто ими не руководился. Не это нужно: нужна, во первыхъ, вѣра въ свой національный принципъ и въ его историческую будущность; во вторыхъ, твердая воля служить ему и только ему; словомъ, нужны такія условія, которыхъ нѣтъ возможности передать неимущему на листѣ бумаги, въ конвертѣ за номеромъ.

усилій, по невозможности измѣнить существующія въ краѣ экономическія отношенія и изъять народное образованіе изъ рукъ лютеранскихъ пасторовъ и вліянія помѣщиковъ [1]). Въ этихъ видахъ, всякое частное (?) надѣленіе землею съ цѣлью политическою и религіозною, скорѣе обнаружитъ безсиліе правительства дѣйствовать иными способами [2]) для достиженія своихъ цѣлей [3]).

2) Оставить надежду дѣйствовать въ томъ же смыслѣ чрезъ распространеніе въ народѣ православія, такъ какъ тѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ оно должно (?) существовать, не могутъ быть измѣнены никакими усиліями правитель-

---

1) Перечень руководящихъ началъ начинается съ правила отрицательнаго — чего не дѣлать. Но, во первыхъ, нѣтъ повода отстранять попытки, которыхъ никто никогда не предпринималъ. Мы не пробовали разобщить народъ съ высшими классами населенія и взять въ свои руки его образованіе и потому не можемъ знать, къ чему бы привели наши въ эту сторону направленныя усилія. Во вторыхъ, намъ повѣдалъ авторъ записки, что народъ быстро нѣмечится и что главнымъ орудіемъ его онѣмеченія служитъ сельская школа; изъ этого видно, что Эсто-Латышская народность не имѣетъ въ себѣ такой устойчивости, которая давала бы ей возможность усвоить себѣ даже начальное образованіе, не теряя своего природнаго закала. Стало быть, откинуть всякую мысль о возможности обрусенія народа значитъ въ сущности одобрить и благословить совершающееся его онѣмеченіе—такъ бы и слѣдовало сказать. — Теперь борьба съ притязаніями остзейскаго германизма нелегка, но она возможна потому, что корни его за-границею; но если онъ пуститъ ихъ глубоко въ землю, надъ которою онъ теперь только носится, какъ бы тогда стали мы вести ее, имѣя дѣло не съ пришлою колоніею инородцевъ, а съ цѣльнымъ народомъ, сверху до низу окрашеннымъ въ одинъ, національный цвѣтъ? Сочувствія, убѣжденія, вѣрованія и антипатіи подрастающихъ поколѣній направляются въ ту или другую сторону въ школѣ, черезъ которую они проходятъ, слѣдовательно уступить Нѣмцамъ народную школу значитъ отдать имъ безъ боя ключъ позиціи. Это первое стратегическое правило для будущей кампаніи нашей противъ германизма. Достоинство его заключается въ томъ, что оно очень удобно къ исполненію для нашего главнокомандующаго и въ то же время встрѣчено будетъ съ живѣйшею радостью всѣмъ главнымъ штабомъ нашихъ противниковъ.

2) Напримѣръ, какими?

3) Въ третьемъ выпускѣ Окраинъ, я привелъ факты доказывающіе, что когда правительство въ казенныхъ имѣніяхъ Лифляндіи нарѣзывало участки для надѣленія православныхъ безземельныхъ крестьянъ, лютеране, до раздачи, самовольно ихъ захватывали въ глазахъ генералъ-адъютанта Альбединскаго, который смиренно склонялся передъ совершавшимся. Дѣйствительно, трудно было обнаружить большее административное безсиліе.

ства, которое всегда будетъ имѣть въ этомъ дѣлѣ противъ себя не только меньшинство но и огромную массу всего лютеранскаго населенія [1]). Этимъ убѣжденіемъ легко объяснить всѣ мои дѣйствія по отношенію къ религіозному вопросу. Правительству необходимо дѣятельно заняться улучшеніемъ быта православнаго духовенства, расширеніемъ его образованія и тщательнымъ выборомъ священниковъ для тѣхъ мѣстностей гдѣ православные составляютъ большинство и искренно преданы своей религіи [2]). Возвышеніемъ значенія и образованія духовенства, вмѣстѣ съ совершеннымъ пресѣченіемъ всякаго прозелитизма [3]), была бы оказана существенная услуга русскому вліянію въ краѣ.

3) Обратить вмѣсто того всѣ силы на главные правительственные, политическіе и умственные центры въ краѣ, то есть на Ригу, Дерптъ и отчасти на Ревель, по причинѣ чрезвычайнаго вліянія этихъ центровъ на весь край. Все въ нихъ совершающееся отзывается въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ 3-хъ губерній и даже повторяется въ меньшемъ размѣрѣ. Здѣсь надо расширить права русскихъ жителей посредствомъ введенія новаго городскаго устройства, сравнять ихъ въ отношеніи образованія съ Нѣмцами, привлечь новыя силы и создать, хоть бы на ряду съ нѣмецкими, русскіе умственные

---

1) Въ сороковыхъ годахъ, масса лютеранскаго населенія рвалась изъ лютеранства, а меньшинство выпрашивало у правительства казаковъ и экзекуцій. Кого въ то время послушалось правительство: большинства или меньшинства?

2) А гдѣ они, составляя меньшинство, подвергаются въ большей степени вліянію иновѣрцевъ, или гдѣ они колеблются въ своей вѣрѣ, тамъ стало быть тщательный выборъ не нуженъ, или не такъ нуженъ? До сихъ поръ думали наоборотъ.

3) Прозелитизмъ значитъ по-русски исканіе послѣдователей, стараніе путемъ убѣжденія привлечь къ общенію съ собою людей въ области вѣры съ нами разобщенныхъ—въ этомъ состоитъ призваніе духовенства въ силу божественнаго завѣта и никакая власть въ мірѣ не имѣетъ права воспретить прозелитизма. Такой совѣтъ доказываетъ въ подателѣ его полнѣйшее отсутствіе самыхъ элементарныхъ понятій о церкви; со стороны правительства—принятіе такого совѣта и приведеніе его въ исполненіе было бы актомъ грубѣйшаго произвола; наконецъ, относительно православнаго духовенства, запрещеніе прозелитизма было бы равносильно величайшему оскорбленію, какое только могло бы быть нанесено ему. И тутъ же говорится о возвышеніи его значенія! Ради Бога, не возвышайте, оставьте его только въ покоѣ.

центры [1]); для этого можно не жалѣть никакихъ средствъ и усилій, ибо каждое изъ нихъ несомнѣнно принесетъ плодъ.

4) Не останавливаться на томъ, что уже сдѣлано, а идти твердо въ отношеніи распространенія русскаго дѣловаго языка до предѣловъ указанныхъ закономъ 1850 года [2]). Требованіе это сколько законно столько и справедливо и притомъ дости-

[1]) Мысль не новая, но никогда не утрачивающая своей оригинальной прелести. Открыть русскіе умственные центры, или, говоря языкомъ не фигуральнымъ, основать учебныя заведенія, въ которыхъ бы молодежь воспитывалась на счетъ правительства въ духѣ русской народности, и тутъ же, рядомъ съ ними, содержать такія же заведенія, въ которыхъ будетъ опорочиваться русская народность и прославляться нѣмецкая. Впрочемъ, требованія сторонниковъ двухъ паралельно идущихъ системъ воспитанія, относительно собственно русской народной системы, довольно скромны; они ограничиваются средними учебными заведеніями, вовсе не касаясь низшихъ и не захватывая высшихъ; ибо, съ одной стороны, всякое вмѣшательство правительства въ дѣло начальнаго, народнаго образованія радикально устранено первымъ правиломъ; съ другой, трудно помышлять объ открытіи рядомъ съ дерптскимъ, императорскимъ, нѣмецкимъ университетомъ другаго тоже императорскаго, но русскаго университета. Такимъ образомъ, русскія учебныя заведенія въ томъ краѣ оставались бы навсегда безъ фундамента и безъ вершины. Мальчикъ, поступивъ въ начальную народную школу, выучивался бы въ ней любить Германію и благоговѣть передъ нею, а Россію презирать. По выходѣ оттуда, передъ нимъ открывались бы двѣ дороги: въ нѣмецкую гимназію или въ русскую, на выборъ. Вѣроятность въ пользу поступленія его въ первую; но предположимъ, что онъ предпочелъ бы вторую. Здѣсь ему пришлось бы переучиваться любить Россію какъ свое отечество. Наконецъ, еслибъ онъ захотѣлъ получить высшее образованіе въ мѣстномъ университетѣ, то его опять, и на сей разъ окончательно, повернули бы къ Россіи спиною, а лицомъ и всѣми сочувствіями и надеждами къ родной Германіи. Для достиженія такихъ результатовъ въ Россіи одна только Пруссія дѣйствительно могла бы не жалѣть никакихъ средствъ.

[2]) Это правило генералъ-адъютантъ Альбединскій долженъ-бы былъ прежде всего прочесть самому себѣ. Дѣло о введеніи въ офиціальное употребленіе русскаго языка испортилъ онъ. Онъ, а не иной кто, рядомъ уступокъ мѣстной оппозиціи въ своихъ циркулярахъ (26 октября 1867 года, 18 ноября 1869 года и друг.) допустилъ и призналъ цѣлый рядъ произвольныхъ изъятій изъ закона 1850 г. и совершенно превратныхъ его истолкованій; онъ стѣснилъ, окорналъ и изуродовалъ этотъ законъ до такой степени, что нѣтъ возможности узнать его въ томъ безобразномъ разграниченіи двухъ офиціальныхъ языковъ, которое онъ ввелъ, послѣ долгихъ колебаній и противорѣчій самому себѣ, и который безпрестанно и повсемѣстно нарушается, по совершенной невозможности держаться его на практикѣ. Все это покрыто высочайшими одобреніями, но они испрошены были генералъ-губернаторомъ.

жимо. Противодѣйствіе, встрѣченное въ этомъ дѣлѣ единственно въ лифляндской губерніи [1]), не должно вводить правительства въ заблужденіе, ибо мѣстное населеніе слишкомъ давно уже подготовлено къ мысли о русскомъ языкѣ и большинство Нѣмцевъ тайно сознаетъ законность подобнаго требованія. Только одна вкоренившаяся здѣсь увѣренность въ возможности обойти всякій законъ, при содѣйствіи мѣстныхъ вліятельныхъ должностныхъ лицъ, поддерживала и развивала подобное сопротивленіе. Лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить то, что хотя лифляндское дворянство, употребивъ въ дѣло свой обыкновенный способъ дѣйствовать сообща со всѣми дворянствами, отъ лица всего края, приглашало и на этотъ разъ два другія дворянства и городскія управленія городовъ Риги и Ревеля примкнуть къ его заявленію противъ введенія русскаго дѣлопроизводства, но всѣ они категорически отказались отъ вмѣшательства въ это дѣло [2]).

1) Это заявленіе дѣлаетъ честь незлопамятливости генералъ-адъютанта Альбединскаго. Про строгую нотацію, полученную имъ отъ ревельскаго магистрата, онъ ужь успѣлъ забыть; съ другой стороны, оно доказываетъ крайне недостаточное знакомство его съ настроеніемъ края, которымъ онъ управлялъ. Въ слѣдующихъ же годахъ, 1869-мъ и 1870-мъ, какъ только бывшій эстляндскій губернаторъ Галкинъ-Врасскій началъ, со всевозможною осторожностью, никогда не переступая законной черты, вводить русскій языкъ въ офиціальное употребленіе, тамъ обнаружилось со стороны чиновниковъ и дворянства противодѣйствіе не менѣе дерзкое и упорное, чѣмъ въ Лифляндіи. Оно доходило до того, что вотчинныя полиціи, поддержанныя губернскимъ предводителемъ, на отрѣзъ отказывались отъ обязательной для нихъ выписки мѣстной правительственной газеты — эстляндскихъ губернскихъ вѣдомостей, на томъ единственно основаніи,что онѣ стали появляться на двухъ языкахъ, русскомъ и нѣмецкомъ, въ два столбца. Одновременно эстляндскіе гакенрихтеры отказывались, вопреки ясному Высочайшему повелѣнію, вести переписку по-русски даже съ военною администраціею; въ ревельскомъ статистическомъ комитетѣ происходили по поводу употребленія русскаго языка служебные скандалы; наконецъ, въ тамошнемъ же приказѣ общественнаго призрѣнія, котораго журналы и въ прежнее время всегда велись на русскомъ языкѣ, самъ губернскій прокуроръ опротестовалъ этотъ порядокъ. Стало быть Эстляндія по крайней мѣрѣ не отставала отъ Лифляндіи.

2) Въ то время, какъ генералъ-адъютантъ Альбединскій писалъ эти строки, уполномоченный отъ эстляндскаго дворянства ф. деръ-Рекке былъ уже на пути или собирался въ Петербургъ съ протестомъ, который ни въ чемъ не уступалъ лифляндскому и принятъ былъ на ландтагѣ, когда уже извѣстенъ былъ отвѣтъ послѣдовавшій на жалобу Лифляндцевъ.

Однимъ словомъ, можно съ увѣренностью сказать, что въ совершенную противоположность тому, что обнаружилось и всегда обнаружится при вмѣшательствѣ правительства въ дѣла религіозныя, гдѣ оно имѣетъ противъ себя почти все иновѣрческое населеніе края, всякое разумное требованіе относительно распространенія государственнаго языка въ администраціи, чѣмъ оно будетъ послѣдовательнѣе и серьезнѣе, встрѣтитъ наименѣе противодѣйствія, не говоря уже о народѣ и о низшихъ слояхъ общества, но и въ образованныхъ и вліятельныхъ классахъ населенія, и нѣтъ сомнѣнія, что если бы лифляндское дворянство не опиралось на авторитетъ высшаго въ губерніи должностнаго лица, болѣе преданнаго его личнымъ интересамъ нежели интересамъ государственной пользы [1]), оно не дозволило бы себѣ такъ неумѣстно протестовать противъ монаршаго повелѣнія и люди болѣе разумные или робкіе отпали бы отъ теперешняго большинства [2]).

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, было бы необходимо послѣдовательно и постепенно замѣнять высшій слой администраціи края, если не коренными русскими [3]), то по край-

---

1) Это аттестація бывшему лифляндскому губернатору Эттингену, руководителю четырехъ генералъ-губернаторовъ кряду и въ томъ числѣ самого генералъ-адъютанта Альбединскаго въ началѣ его управленія.

2) Что г. Эттингенъ, именно въ качествѣ вдохновителя и пѣстуна генералъ-губернаторовъ, имѣлъ въ краѣ огромное вліяніе и что онъ пользовался имъ для противодѣйствія всѣмъ начинаніямъ высшаго правительства — это не подлежитъ сомнѣнію; но съ другой стороны, странно изъ за одной личности не высматривать единодушной стачки цѣлыхъ сословій. Извѣстно напримѣръ, что толковѣе и успѣшнѣе всѣхъ противился усиленію преподаванія русскаго языка въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ бывшій попечитель дерптскаго округа г. Кейзерлингъ, который, конечно, дѣйствовалъ не по внушеніямъ г. Эттингена и нисколько не нуждался въ его покровительствѣ. Никто также не вздумаетъ предполагать, чтобъ г. Эттингенъ продиктовалъ ревельскому магистрату грозную ноту, о которой сейчасъ было упомянуто, чтобъ онъ настроилъ эстляндскаго прокурора и чтобъ онъ же натравилъ на губернатора тамошнія вотчинныя правленія.

3) Почему бы не коренными русскими? Въ Высочайшемъ повелѣніи 16 декабря 1836 г. значилось между прочимъ (въ п. 3): „впредь на свободныя мѣста директоровъ гимназій, ихъ помощниковъ и начальниковъ училищъ опредѣлять чиновниковъ преимущественно изъ русскихъ съ исключеніемъ только въ пользу уроженцевъ остзейскихъ губерній, которые,

ней мѣрѣ лицами, долго служившими и воспитывавшимися внѣ прибалтійскихъ губерній. Вліяніе хотя бы одного губернатора, образованнаго и благонамѣреннаго, можетъ оказать въ этомъ краѣ весьма важныя услуги [1]), тогда какъ, напротивъ того, вліяніе подобнаго лица, проникнутаго мѣстнымъ нѣмецкимъ направленіемъ, можетъ породить самыя серьезныя затрудненія.

5) Постепеннымъ и безусловнымъ уравненіемъ правъ русскихъ жителей съ остальными [2]) и иногородныхъ купцовъ съ мѣстными привлечь къ главнымъ торговымъ пунктамъ Прибалтійскаго края торговое и промышленное населеніе изъ внутреннихъ губерній. Подобное предположеніе, повидимому неосуществимое, основано однако на положительныхъ данныхъ, ибо въ настоящее время населеніе Риги увеличивается на счетъ внутреннихъ губерній почти въ такой же степени, какъ и на счетъ сельскихъ и городскихъ жителей края, и нѣтъ сомнѣнія, что, съ проведеніемъ желѣзной дороги отъ Витебска до Орла и далѣе, русское купечество, начавъ съ учрежденія конторъ въ Ригѣ, станетъ мало по малу переселяться къ главному торговому пункту, какъ это сдѣлали въ началѣ нынѣшняго столѣтія московскіе и ярославскіе купцы, поселившіеся въ Ригѣ. Можно думать, что явленіе это повторится, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ до Ревеля, Либавы и Виндавы [3]). Въ предположеніи, что русское населеніе въ этихъ важныхъ

при требуемыхъ для того качествахъ и способностяхъ, будутъ хорошо знать русскій языкъ.

1) Генералъ-адъютантъ Альбединскій могъ разсчитывать на добросовѣстное и ревностное содѣйствіе двухъ русскихъ людей, которыхъ онъ засталъ въ краѣ: на Шафранова и на Галкина-Врасскаго; переводу перваго онъ содѣйствовалъ, а перевода втораго не предупредилъ.

2) Стало быть теперешнее неравенство въ правахъ признано — оно есть. Я указываю на это потому, что князь Суворовъ въ своихъ отчетахъ отрицалъ его.

3) Примѣчаніе генералъ-адъютанта Альбединскаго: неизлишнимъ здѣсь будетъ указать, что, при выдачѣ концессій на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ краѣ, желательно было бы не повторить ошибку, сдѣланную при сооруженіи Рижско-Динабургской желѣзной дороги, и обязать имѣющія возникнуть общества содержать русскую администрацію, вести всѣ сношенія на русскомъ языкѣ и дѣлать всѣ надписи на станціяхъ на русскомъ языкѣ.

центрахъ достигнетъ, хотя и не скоро, нѣкотораго равенства съ прочими, представляется вѣроятнымъ, что при такомъ ходѣ дѣлъ, русскій языкъ сдѣлается равноправнымъ съ нѣмецкимъ въ городскихъ управленіяхъ и мѣстные интересы должны будутъ уступить интересамъ общегосударственнымъ [1]).

6) Обратить возможныя средства на русское образованіе въ главныхъ центрахъ, то есть въ Ригѣ, Дерптѣ и Ревелѣ, независимо отъ постепеннаго, но настойчиваго расширенія русскаго языка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ дерптскаго учебнаго округа. Создавая при малѣйшей потребности русскія училища, русскія гимназіи для мѣстныхъ Русскихъ столько же какъ и для Нѣмцевъ, Латышей и Эстовъ, учебное начальство будетъ поставлено въ возможность увеличить требованія свои относительно русскаго языка въ дерптскомъ университетѣ и, быть можетъ, ввести въ него постепенно русскую науку [2]). Созданіе новыхъ потребностей и самостоятельно русскаго образованія въ краѣ было бы мѣрою справедливою и безусловно необходимою. Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ уже въ виду, для развитія русскаго языка въ дерптскомъ учебномъ округѣ, назначить попечителю округа помощника изъ природныхъ Русскихъ, но предположеніе это, которое могло бы только упрочить русское образованіе въ Прибалтійскомъ краѣ [3]), до сихъ поръ еще не осуществилось.

---

[1]) И такъ, вотъ крайній предѣлъ самыхъ смѣлыхъ мечтаній. Если изъ центральныхъ губерній усилится приливъ Русскихъ къ торговымъ центрамъ прибалтійскаго края — что не невозможно, хотя повидимому неосуществимо, и если, въ далекомъ будущемъ, число Русскихъ нѣсколько уравняется съ числомъ Нѣмцевъ—что также есть не болѣе какъ предположеніе, тогда равноправность русскаго языка съ нѣмецкимъ и подчиненіе мѣстныхъ интересовъ государственнымъ сдѣлается только вѣроятностью. Иными словами, только при этихъ условіяхъ и только тогда, притомъ ненавѣрное, а можетъ быть, будущая рижская или ревельская городская управа согласится принять къ своему разсмотрѣнію просьбу, писанную по-русски, а тамошняя будущая дума позволитъ своему гласному высказать въ собраніи свое мнѣніе по-русски.— Этимъ оканчивается параграфъ „о привлеченіи Русскихъ изъ внутреннихъ губерній въ торговые центры остзейскаго края“. Нечего сказать—заманчиво!

[2]) Всетаки «быть можетъ».

[3]) Вотъ къ чему сводится все дѣло: создать новую должность, возложить на одно лицо попеченіе о русскомъ языкѣ, какъ спеціальную его обязанность, и

7) Всѣ вышеприведенныя мѣры поставить въ зависимость отъ одного общаго правила: дѣлать лучше мало, но достигать вѣрныхъ результатовъ [1]). Необходимость подобнаго правила особенно осязательна въ прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ, вслѣдствіе разнородныхъ причинъ, въ образованныхъ классахъ укоренилось мнѣніе о возможности обойти всякое правительственное начинаніе и ослабить всякій неблагопріятный для нихъ законъ [2]).

Поэтому, всякій рѣзкій поворотъ едва ли не укрѣпитъ подобное мнѣніе, ибо, возбудивъ противодѣйствіе нѣмецкихъ либеральныхъ дѣятелей и сообщая имъ единодушіе, онъ можетъ поставить правительство въ такое затрудненіе, при которомъ самыя лучшія стремленія сдѣлаются еще болѣе недостижимыми [3]).

Въ виду такого положенія дѣла задача генералъ-губернатора состоитъ именно въ томъ, чтобы, неуклонно стремясь къ достиженію цѣлей, указанныхъ ему Высочайшею властью, не поколебать въ населеніи края любви къ своему Государю и довѣрія къ правительству.

Мѣстное управленіе до тѣхъ только поръ имѣетъ значеніе и можетъ приносить пользу, пока опирается на одобреніе верховной власти [4]), а потому и необходимо, чтобы система

тѣмъ самымъ дать поводъ мѣстному управленію по учебной части вообще считать эту обязанность, а вмѣстѣ и сопряженную съ нею отвѣтственность, съ себя сложенными.

[1]) А еще бы лучше: ничего не дѣлать—къ чему и клонитъ вся записка.

[2]) Стало быть невѣріе въ правительство свойственно образованнымъ классамъ, т. е. дворянамъ, купечеству, литератамъ, и не составляетъ отличительной принадлежности православныхъ Латышей, какъ увѣрялъ насъ генералъ-адъютантъ Альбединскій въ первой части своей записки.

[3]) Переложивъ эту мысль изъ предостереженія въ прямой совѣтъ, мы получимъ слѣдующее правило: не предпринимать ничего такого, что бы могло вызвать противодѣйствіе нѣмецкихъ либеральныхъ дѣятелей. Это предлагается въ заключеніе цѣлаго ряда „руководящихъ началъ“, придуманныхъ въ томъ предположеніи, что правительство не уклонится отъ борьбы съ противодѣйствіемъ и, въ стремленіи къ достиженію своихъ цѣлей, «не сочтетъ сообразнымъ уступать быстрому развитію нѣмецкаго элемента».

[4]) Высочайшее одобреніе послѣдовало черезъ два съ половиною года, по увольненіи генералъ-адъютанта Альбединскаго отъ должности генералъ-губернатора, при пожалованіи ему ордена бѣлаго орла.

дѣйствій прибалтійскаго генералъ-губернатора была принята въ принципѣ [1]) высшимъ правительствомъ и поддерживаема неотступно всею совокупностью его разнородныхъ силъ и средствъ.

II. Вопросъ религіозный.

Въ сороковыхъ годахъ, вслѣдствіе небрежности лютеранскихъ пасторовъ и смутнаго сознанія лифляндскихъ крестьянъ, что присоединеніе къ государственной церкви можетъ повлечь за собою разныя выгоды и доставить болѣе независимое существованіе, пробудилось въ Латышахъ и Эстахъ лифляндской губерніи сильное движеніе въ пользу православія, поддержанное въ то время правительствомъ [2]). До 100,000 душъ обоего пола, вмѣстѣ съ дѣтьми присоединились къ господствующей церкви въ теченіи 2 — 3 лѣтъ, не ознакомившись ни съ догматами, ни даже съ обрядами православія и, на самомъ дѣлѣ, образовали изъ себя нѣчто среднее между лютеранами и православными.

Легко понять, какое было вызвано движеніе противъ подобнаго перехода въ остальномъ населеніи края и, преимущественно, въ лютеранскихъ пасторахъ, сознавшихъ въ этомъ свою ошибку. Само правительство вынуждено было вскорѣ положить нѣкоторыя преграды къ переходу народныхъ массъ изъ лютеранства въ православіе, назначивъ для этого шестимѣсячные сроки на испытаніе и установивъ разнаго рода формальности. Очевидно, что вслѣдствіе такого поворота въ умахъ, [3]) положенія вскорѣ измѣнились.

Новоучрежденная православная епархія считала, по обыкновенію, дѣло свое уже оконченнымъ [4]), церкви строились небрежно, суммы расходовались непроизводительно, священники ставились безъ разбора и не были обезпечены въ своихъ нуждахъ настолько, чтобы имѣть досугъ и охоту оказывать

---

[1]) Одинаково трудно было бы принять и не принять,—во всей запискѣ нѣтъ ничего похожаго на какой либо принципъ.

[2]) Какова была такъ называемая поддержка, читатели могутъ узнать изъ 2-го и 3-го выпусковъ Окраинъ Россіи.

[3]) Чьихъ?

[4]) Не епархія, а князь Суворовъ.

и духовную помощь еще не окрѣпшей паствѣ и заняться какъ слѣдуетъ обученіемъ дѣтей въ школахъ. Между тѣмъ, лютеранское духовенство пробудилось къ дѣятельности: сельскія народныя школы стали быстро распространяться по всему краю, именно въ пятидесятыхъ годахъ, между лютеранскими проповѣдниками сталъ замѣтенъ духъ пропаганды противъ православія, дворянство примкнуло къ пасторамъ и во многихъ мѣстахъ дало почувствовать зависимому крестьянскому населенію ошибочность его разсчетовъ относительно преимуществъ православнаго исповѣданія.

Подъ вліяніемъ этихъ причинъ, православные крестьяне, обманутые во всѣхъ своихъ надеждахъ и склоняемые увѣщаніями пасторовъ [1]), стали мало по малу снова уклоняться въ лютеранство. Движеніе это разрослось въ управленіе генералъ-губернатора барона Ливена (1861—1864) и, ко времени назначенія графа Шувалова, достигло такихъ размѣровъ, что изъ 180,000 православныхъ, занесенныхъ въ списки рижской епархіи, едва ли половина могла быть названа на самомъ дѣлѣ православными; остальные же совершенно уклонялись отъ всякаго общенія съ церковью, отъ причастія и отъ молитвъ; даже смѣшанные браки стали рѣже, вслѣдствіе нежеланія родителей подписывать установленное закономъ обѣщаніе о крещеніи дѣтей въ православіе [2]). Трудно провѣрить числовыя данныя въ этомъ отношеніи, но само православное духовенство сознаетъ громадность числа уклоняющихся изъ православія, и даже архіепископъ Платонъ, не успѣвшій при объѣздахъ епархіи возбудить въ этихъ уклоняющихся желаніе остаться вѣрными православію, долженъ былъ выгонять ихъ толпами изъ церквей и неоднократно заявлялъ графу Шувалову о необходимости совершенно отлучить подобныхъ православныхъ отъ церкви и допустить возвращеніе ихъ въ лютеранство (отношеніе графа Шувалова къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 22 октября 1865 года № 3496).

[1]) Стало быть, съ ихъ стороны, прозелитизмъ, который такъ строго запрещается православному духовенству, допускался; по крайней мѣрѣ мѣстныя власти не мѣшали ему или оказались безсильными остановить его.

[2]) Не столько не желали родители, сколько пасторы, всякій разъ воздвигавшіе тысячи формальныхъ препятствій.

Лютеранское же духовенство, невольно (?) радуясь такому положенію дѣлъ, не могло однако принимать снова въ лоно своей церкви всѣхъ возвращающихся къ ней, а равно и крестить дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, не подвергаясь отвѣтственности по закону, а потому огромныя массы крестьянскаго населенія были поставлены между двухъ церквей, и соблазнъ и раздоры всякаго рода увеличивались.

По мнѣнію графа Шувалова, оставалось или употребить вооруженную силу для подавленія между православными безпорядковъ и уклоненій отъ православія, или объявить свободу совѣсти; но такъ какъ первая изъ этихъ мѣръ была бы несообразна съ простымъ человѣколюбіемъ, а вторая не могла быть въ то время допущена, то оставался средній путь—успокоить страсти, указавъ имъ надежду на будущее, чрезъ постепенный переходъ нарождающихся поколѣній въ лютеранство. Въ этихъ видахъ состоялось 15 марта 1865 года, при участіи, хотя неискреннемъ, архіепископа Платона, негласное Высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ предбрачныхъ подписокъ при смѣшанныхъ бракахъ о крещеніи дѣтей, рожденныхъ отъ этихъ браковъ, въ православіе. Мѣра эта была послѣдствіемъ сознанія въ томъ, что большая часть православныхъ Латышей и Эстовъ не суть истинные члены православной церкви, но населеніе, случайно и безсознательно вписанное въ метрическія православныя книги. Этою мѣрою не разрѣшены переходы изъ православія въ лютеранство и вообще не допущено никакихъ радикальныхъ (?) измѣненій, кои могли бы имѣть видъ равнодушія къ интересамъ господствующей церкви. Казалось, всѣ должны бы были удовлетвориться подобнымъ исходомъ; но на самомъ дѣлѣ не только православное духовенство, вмѣстѣ съ своимъ архипастыремъ, всѣми силами противодѣйствовало исполненію новаго закона [1]), но и пасторы считали побѣду неполною. Не ограничиваясь надеждами на благопріятное для лютеранства разрѣшеніе вопроса въ будущемъ, они стали гораздо чаще нарушать существующія въ законахъ ограни-

[1]) Такъ точно, какъ лютеранское противодѣйствовало смѣшаннымъ бракамъ при прежнемъ порядкѣ.

ченія, крестя въ лютеранство дѣтей, рожденныхъ отъ православныхъ родителей или отъ смѣшанныхъ браковъ, заключенныхъ до отмѣны предбрачныхъ подписокъ, допуская православныхъ къ конфирмаціи и вообще распространяя совращеніе даже на взрослыхъ. Въ теченіе трехъ почти лѣтъ, протекшихъ до настоящаго времени съ изданія закона 15 марта 1865 года, жалобы съ обѣихъ сторонъ на разнаго рода нарушенія закона не прекращались; каждый случай обращенія въ православіе или перехода въ лютеранство вызывалъ раздоры въ духовенствѣ. Графъ Шуваловъ предалъ суду нѣсколькихъ пасторовъ, и двое изъ нихъ были отставлены отъ должностей.

Между тѣмъ, архіепископъ Платонъ, неохотно изъявившій согласіе на исполненіе Высочайшаго повелѣнія объ отмѣнѣ предбрачныхъ подписокъ, совершенно препятствовалъ его исполненію. Въ разнородныхъ предложеніяхъ и разъясненіяхъ, данныхъ имъ подвѣдомственному духовенству по этому предмету, заключалось много противорѣчій и двусмысленныхъ оборотовъ: такъ, онъ предписывалъ не отбирать подписокъ только отъ лицъ германскаго, латышскаго и эстонскаго происхожденія (отношеніе его къ генералъ-губернатору отъ 21 октября 1865 г., Nr. 5191), тогда какъ въ Высочайшемъ повелѣніи вовсе не упоминалось о національностяхъ и происхожденіи брачущихся; онъ пояснялъ, что отмѣна предбрачныхъ подписокъ не установляетъ новаго закона и не отмѣняетъ существующихъ, а послѣ того какъ ему было Высочайше подтверждено объ исполненіи во всей точности означеннаго повелѣнія, онъ предписывалъ священникамъ не дѣлать, при совершеніи смѣшанныхъ браковъ, незаконныхъ препятствій [1]).

Само же духовенство, встрѣчая, вмѣсто твердыхъ и опредѣлительныхъ указаній, лишь послабленіе, снисхожденіе и сочувствіе въ епархіальномъ начальствѣ, рѣшительно воспротивилось заключенію смѣшанныхъ браковъ, изобрѣтая разныя стѣснительныя испытанія въ молитвахъ и знаніи вѣры, хотя

---

[1]) Кто виноватъ? Вольно же было отмѣнять законъ негласно и затѣмъ требовать, чтобъ цѣлая епархія въ точности руководилась негласною отмѣною.

и основанныя на правилахъ православной церкви, но прежде никогда не требовавшіяся при заключеніи смѣшанныхъ браковъ [1]). Такимъ образомъ, подъ разными предлогами, откладывались смѣшанные браки отъ одного поста до другаго.

Изъ всеподданнѣйшей докладной записки графа Шувалова, представленной въ концѣ 1865 года, видно, что онъ былъ вообще невыгоднаго мнѣнія объ архіепископѣ Платонѣ, находя его неискреннимъ, какъ блюстителя интересовъ православія въ краѣ и въ качествѣ исполнителя распоряженій правительства. Его уклончивости и нерѣшительности графъ Шуваловъ приписывалъ всего болѣе неудачный ходъ дѣлъ послѣ отмѣны предбрачныхъ подписокъ; но графъ Шуваловъ полагалъ однако возможнымъ, затронувъ слабыя струны преосвященнаго, склонить его искуснымъ обращеніемъ въ пользу правительственныхъ видовъ. Можетъ быть въ свое время это и было возможно, но къ тому времени, когда я вступилъ въ управленіе краемъ, архіепископъ зашелъ уже слишкомъ далеко, чтобы возвратиться по тому же пути къ неуклонному и точному исполненію воли Государя. Къ тому же, онъ тяготился управленіемъ сопряженнымъ съ многочисленными препирательствами и требующимъ особеннаго такта, котораго ему не всегда доставало; поэтому онъ сдѣлался смѣлѣе и открытѣе противодѣйствовалъ видамъ правительства.

Едва я былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ, какъ со всѣхъ сторонъ начали ко мнѣ стекаться свѣдѣнія о неисполненіи духовенствомъ рижской епархіи постановленій объ отмѣнѣ предбрачныхъ подписокъ и о послабленіи въ этомъ отношеніи преосвященнаго, а равно и о неудовлетворительномъ положеніи многихъ православныхъ приходовъ вслѣдствіе постоянныхъ перемѣщеній священниковъ изъ одного прихода въ другой, часто безъ всякой видимой нужды.

Многія изъ этихъ жалобъ оказались заслуживающими вниманія, и я счелъ долгомъ указать архіепископу, со всевозможною почтительностью, на подобное положеніе дѣлъ, заявивъ ему притомъ о непремѣнной волѣ Государя Импера-

---

[1]) Точь въ точь какъ пасторы до изданія негласнаго закона, но тогда генералъ-губернаторы находили это естественнымъ и не смущались.

тора, дабы постановленіе 15 марта 1865 года исполнялось во всемъ его объемѣ и безъ всякихъ препятствій со стороны православнаго духовенства.

Преосвященный, обнадеживая меня въ этомъ отношеніи, не принялъ однакоже никакихъ мѣръ къ устраненію указанныхъ ему мною неправильностей и въ концѣ 1866 г., въ то время, когда всѣ мои заботы устремлены были къ замиренію взволнованныхъ страстей, онъ издалъ на русскомъ языкѣ три окружныя посланія къ православнымъ Латышамъ и Эстамъ [1]), наполнивъ ихъ, кромѣ пастырскихъ поученій о превосходствѣ и единствѣ православной церкви, всякаго рода неблагопріятными для лютеранства сравненіями и сопоставленіями, сближая понятіе народа о лютеранствѣ съ ересью, преслѣдовавшеюся въ первые вѣка христіанства.

Посланія его, будучи написаны на русскомъ языкѣ и напечатаны въ Петербургѣ, могли бы остаться незамѣченными; но архіепископъ перевелъ первое изъ этихъ посланій на мѣстные языки и, вслѣдъ затѣмъ, издатель Рижской газеты, освѣдомившись о томъ, заготовилъ рѣзкую статью въ защиту правъ лютеранства въ Прибалтійскомъ краѣ отъ наносимыхъ ему оскорбленій. Статья эта не была мною дозволена къ печати; но вмѣстѣ съ тѣмъ я обратился и къ преосвященному съ просьбою, ради мира [2]), не переводить остальныхъ посланій своихъ на мѣстные крестьянскіе языки и не подавать вообще повода къ новымъ раздорамъ, угрожающимъ принять серьезные размѣры.

Преосвященный и на этотъ разъ обѣщалъ исполнить мое желаніе, но, какъ только я отправился въ концѣ января по дѣламъ службы въ Петербургъ, онъ приказалъ перевести 2 другія свои посланія на латышскій и эстскій языки и, напечатавъ ихъ отдѣльными оттисками, приказалъ продавать при всѣхъ сельскихъ церквахъ. Не ограничиваясь этимъ, по по-

---

[1]) Сами по себѣ эти посланія сухи, безцвѣтны и безжизненны; это была запоздалая и неудачная попытка противодѣйствія бранчивой и страстной пропагандѣ пасторовъ, много и много лѣтъ не обращавшей на себя никакого вниманія.

[2]) О которомъ никто не заботился, пока поносилось православіе въ лютеранскихъ проповѣдяхъ и популярныхъ изданіяхъ.

воду замѣтки Рижской газеты о напечатанныхъ въ петербургскомъ журналѣ „Странникъ“ посланіяхъ преосвященнаго, затрогивающихъ лютеранскую церковь, онъ вступилъ въ журнальную полемику, помѣстивъ въ Рижской газетѣ на нѣмецкомъ языкѣ письмо, въ которомъ заявлялъ, что пастырскія посланія его написаны съ цѣлью разсѣять въ умахъ его паствы ложныя и вредныя православію мысли, распространяемыя въ изданной на латышскомъ языкѣ кальценаускимъ пасторомъ Дебнеромъ Церковной Исторіи. Рижская газета, воспользовавшись такимъ удобнымъ случаемъ, появилась на слѣдующій же день со статьею по поводу религіознаго вопроса, въ которой, вмѣстѣ съ изъявленіемъ преосвященному признательности, высказана мысль о пользѣ публичнаго, всесторонняго обсужденія столь близкаго для лифляндскихъ интересовъ предмета. Выходка архіепископа, создавшая мнѣ новыя затрудненія, была признана въ Петербургѣ крайне неумѣстною. Оберъ-прокуроръ графъ Толстой рѣшительно недоумѣвалъ, какимъ образомъ преосвященный, управляющій 18-ый годъ епархіею и знающій мѣстныя обстоятельства, рѣшился такъ необдуманно выступить на журнальное поприще съ вопросомъ, разрѣшеніе котораго было уже предначертано Высочайшею волею [1]).

Въ это же время я сталъ получать со всѣхъ сторонъ донесенія о распространеніи по краю посланій преосвященнаго на мѣстныхъ языкахъ. Губернскіе предводители подняли вопль; въ Лифляндіи замышляли созваніе чрезвычайнаго ландтага; курляндскій губернаторъ доносилъ о распространеніи посланій въ Курляндіи и о пропагандѣ въ томъ же духѣ, производимой однимъ крестьяниномъ Бендровымъ, при содѣйствіи гольдингенскаго священника Туфанова. Лифляндскій же губернаторъ, не будучи въ силахъ сдержать свое раздраженіе [2]) и узнавъ, что посланія преосвященнаго напечатаны въ Ригѣ безъ дозволенія цензуры распорядился о воспрещеніи

[1]) Разрѣшеніе вопроса чисто р е л и г і о з н а г о, вопроса о церковномъ у ч е н і и, предначертано Высочайшею волею!!

[2]) Хорошъ губернаторъ! Что онъ не въ силахъ былъ сдерживать своего раздраженія—это естественно, а что не въ силахъ былъ сдерживать своего раздраженія архіерей—это преступленіе.

ихъ въ продажѣ и въ письмахъ ко мнѣ, предсказывая самыя гибельныя (!) послѣдствія отъ дѣйствій архіепископа, требовалъ немедленнаго преданія суду типографщика Платесса, напечатавшаго посланія по просьбѣ преосвященнаго. Послѣдній, жалуясь на дѣйствіе Эттингена и на угрозы, дѣлаемыя пасторами Платессу, просилъ защитить его.

Было бы неумѣстно дозволить малѣйшее посягательство на достоинство архіепископа, и я вынужденъ былъ воздержать стремительность Эттингена, указывая ему на необходимость мирнаго разрѣшенія вопроса и на устраненіе всякихъ новыхъ раздраженій. Московская печать, пользуясь случаемъ, не переставала заявлять объ утѣсненіи православія въ Балтійскихъ губерніяхъ, и положеніе мое требовало, поэтому, особенной рѣшимости и независимости въ дѣйствіяхъ [1]).

Всѣ эти обстоятельства привели меня къ убѣжденію, что дальнѣйшее пребываніе архіепископа Платона въ Ригѣ будетъ постояннымъ камнемъ преткновенія къ прекращенію религіозной борьбы, равно и къ исполненію закона 15 марта 1865 года, отъ котораго онъ постоянно уклонялся. Дозволивши себѣ не уважить мои представленія, преосвященный сталъ бы, безъ сомнѣнія, создавать мнѣ съ каждымъ днемъ новыя затрудненія. Ясно стало, что или онъ, или я не можемъ оставаться на мѣстѣ, и Государю угодно было, вслѣдствіе этого, перевести архіепископа Платона на Донъ, гдѣ въ то время открылась вакансія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и пасторъ Дебнеръ, виновникъ пастырскихъ посланій преосвященнаго, за изданное имъ сочиненіе былъ уволенъ отъ должности, съ воспрещеніемъ издавать книги духовнаго содержанія. Цензоръ лютеранской консисторіи, пропустившій его сочиненіе, былъ также подвергнутъ отвѣтственности.

Преосвященный не ожидалъ, повидимому, такой быстрой развязки; еще менѣе ожидало ея остальное духовенство рижской епархіи, привыкшее въ теченіе многихъ лѣтъ смотрѣть на дѣло глазами своего пастыря и видѣть въ немъ незамѣ-

[1]) Балтійскія корреспонденціи, наполнявшія иностранныя нѣмецкія газеты, какъ видно, не обращали на себя вниманія генералъ-губернатора. Однѣ Московскія имѣли привилегію вызывать въ немъ „особенную рѣшимость и независимость“.

нимый авторитетъ. Горькое разочарованіе священниковъ замѣнилось вскорѣ сознаніемъ необходимости исполнять въ точности постановленія закона [1]) и въ совершенной безполезности возбуждать раздраженіе страстей въ лютеранскомъ населеніи края. И дѣйствительно, по заявленію самой евангелическо-лютеранской консисторіи, случаи, когда священники препятствуютъ заключенію смѣшанныхъ браковъ или инымъ образомъ не исполняютъ постановленій закона, стали встрѣчаться гораздо рѣже, и, въ этомъ отношеніи, удаленіе архіепископа Платона принесло очевидную и существенную пользу.

Преосвященный, примирившись съ мыслью о переѣздѣ на Донъ, хотѣлъ однако до конца остаться вѣрнымъ тому направленію, которое онъ случайно (?) принялъ. Считая себя опальнымъ и втайнѣ желая пріобрѣсти общее къ себѣ сочувствіе, онъ, безъ всякой видимой необходимости, поднялъ вопросъ о пути слѣдованія своего къ мѣсту назначенія, а именно: можетъ-ли онъ ѣхать черезъ столицу на Нижній-Новгородъ и оттуда, съ открытіемъ пароходства, водою по Волгѣ и Дону, или же долженъ немедленно отправиться на Витебскъ и оттуда прямымъ путемъ въ Новочеркаскъ, минуя такимъ образомъ обѣ столицы?

Изъ Петербурга, вслѣдствіе этого, ему приказали отправиться къ мѣсту назначенія, не заѣзжая въ столицу, и поспѣшить по возможности отъѣздомъ изъ Риги, такъ что мнѣ же пришлось вступиться за него и дозволить ему провести здѣсь святую недѣлю [2]). Въ Ѳомино воскресенье архіепископъ отслужилъ торжественно въ соборѣ обѣдню при огромномъ стеченіи народа и, прощаясь съ паствою, сказалъ рѣчь, вызвавшую въ присутствующихъ слезы и рыданія. Изъ собора, весь взволнованный, онъ пріѣхалъ проститься ко мнѣ. Рѣчь его была напечатана вслѣдъ затѣмъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и разошлась по Россіи.

Несправедливо было бы сказать, что я равнодушно относился ко всему этому; но, рѣшаясь дѣйствовать въ извѣст-

[1]) То есть наоборотъ: вопреки неотмѣненному закону, исполнять секретныя инструкціи.

[2]) Это было почти повтореніе изгнанія преосвященнаго Иринарха въ 1841-мъ году.

номъ направленіи не по прихоти и не изъ самолюбія, а съ твердымъ убѣжденіемъ принести пользу чрезъ прекращеніе натянутаго и ненормальнаго положенія дѣлъ [1]) и въ сознаніи необходимости выполнять въ совершенной точности всѣ Высочайшія повелѣнія, которыя въ этомъ краѣ, къ сожалѣнію, не всегда въ точности приводились въ исполненіе, я спокойно вынесъ на себѣ общественное нерасположеніе и не остановился даже передъ возможностью дать поводъ подозрѣвать себя въ равнодушіи къ интересамъ православія.

Преемникъ Платона викарій его Веніаминъ, будучи на самомъ дѣлѣ преданъ пользамъ православной церкви, не усложняетъ однакоже безъ нужды вопроса и, сокрушаясь о положеніи подвѣдомственнаго ему духовенства, принимаетъ посильныя мѣры къ лучшему устройству епархіи. Настоящее положеніе рижской епархіи было подробно и наглядно изображено мною во всеподданнѣйшей запискѣ, представленной въ іюнѣ 1867 года во время пребыванія Государя въ Ригѣ, и Его Величество обратилъ особенное вниманіе оберъ-прокурора Св. Синода на недостаточное и униженное положеніе сельскаго духовенства лифляндской губерніи.

Не подлежитъ кажется сомнѣнію, что въ настоящее время религіозные раздоры отчасти утихли, въ сравненіи съ тѣмъ, что было при вступленіи моемъ въ управленіе краемъ. Предписанныя мною постановленія исполняются обоими духовенствами съ точностью [2]), при чемъ однако православное духовенство выказало болѣе готовности содѣйствовать правительству. Положеніе дѣла можетъ быть признано довольно удовлетворительнымъ, такъ какъ въ настоящее время всѣ недоразумѣнія сосредоточиваются только вокругъ одного вопроса, вытекающаго изъ отмѣны предбрачныхъ подписокъ— а именно: о крещеніи по нуждѣ.

Дѣло въ томъ, что, хотя мѣра 15 марта 1865 года объ отмѣнѣ предбрачныхъ подписокъ требовала исполненія только со стороны православнаго духовенства, но, не объявивъ ее и лютеранскому духовенству, можно было ожидать важныхъ

[1]) Какъ будто можно мѣрою крутаго произвола прекратить натянутое отношеніе двухъ вѣроисповѣданій.

[2]) Лютеранское не думало и не думаетъ исполнять ихъ.

затрудненій, такъ какъ пасторы, связанные присягой [1]) въ исполненіи закона, не имѣя свѣдѣнія объ отмѣнѣ предбрачныхъ подписокъ, могли бы отказываться отъ окрещенія по лютеранскому обряду новорожденныхъ, а въ иныхъ случаяхъ былъ бы данъ поводъ къ ошибочному толкованію и произвольному примѣненію далеко за предѣлы настоящаго ея значенія. Отъ этой мѣры можно было также ожидать, что часть лютеранскаго духовенства, почитая себя достаточно развязанною слухомъ о новой мѣрѣ, но не зная дѣйствительныхъ ея границъ, могла бы придавать ей обратное значеніе, т. е. начавъ присоединять къ своей церкви дѣтей, уже крещеныхъ по православному обряду, или склонять къ совращенію въ лютеранство взрослыхъ людей; въ отклоненіе различныхъ недоумѣній и превышеній власти со стороны пасторовъ, графъ Шуваловъ испросилъ разрѣшеніе объявить содержаніе повелѣнія 15-го марта 1865 года лютеранскому духовенству чрезъ мѣстныя консисторіи.

Лютеранское духовенство этимъ однако не удовольствовалось: лифляндская евангелическая консисторія представила въ исходѣ 1865 года меморіалъ, въ которомъ, жалуясь на стѣсненіе совѣсти пасторовъ въ балтійскихъ губерніяхъ въ отношеніи къ православнымъ, желающимъ возвращенія въ лютеранство, просила такихъ измѣненій въ дѣйствующихъ постановленіяхъ, которыя позволяли бы лютеранскимъ пасторамъ оказывать духовную помощь, хотя временно, тѣмъ лицамъ, кои фактически состоятъ уже внѣ всякой связи съ православною церковью, и до тѣхъ поръ именно, пока вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, окажется возможнымъ разрѣшать имъ формальный переходъ въ лютеранскую вѣру.

Домогательство это было рѣшительно отвергнуто правительствомъ и въ Высочайше одобренныхъ предположеніяхъ министра внутреннихъ дѣлъ по этому предмету постановлено было отказывать всегда и безусловно въ подобныхъ случаяхъ съ указаніемъ на законъ [2]).

---

[1]) Которою большинство на практикѣ нисколько не связывалось—правдивѣйшіе гласно заявляли это.

[2]) Можно себѣ представить, какую силу имѣло указаніе на законъ послѣ секретнаго повелѣнія не исполнять закона о предбрачныхъ подпискахъ.

Тогда генеральная консисторія подняла вопросъ о томъ, что объявленное въ краѣ Высочайшее повелѣніе 16 марта 1865 года ввело будто бы мѣстныхъ пасторовъ въ недоумѣніе относительно того, могутъ ли они крестить и обучать дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ, не подвергаясь за то законной отвѣтственности? Графъ Шуваловъ нашелъ, что было бы полезно снабдить пасторовъ правилами для руководства въ этомъ отношеніи со стороны генеральной консисторіи, которая, такимъ образомъ, приняла бы на себя нѣкоторую отвѣтственность за ихъ дѣйствія.

Въ этихъ видахъ, по соглашенію генералъ-губернатора съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, была утверждена послѣднимъ въ январѣ 1866 г. инструкція протестантскому духовенству остзейскихъ губерній.

Въ 3 параграфъ этой инструкціи вкралось слѣдующее постановленіе: „совершеніе надъ дѣтьми, происшедшими отъ браковъ съ дачею подписки, однимъ изъ родителей протестантскаго исповѣданія или другимъ для сего призваннымъ лицомъ того же исповѣданія обряда крещенія по нуждѣ должно быть вносимо протестантскими проповѣдниками, по неповторяемости крещенія, по надлежащемъ удостовѣреніи въ дѣйствительности и правильности совершенія сего обряда, въ церковныя книги для того только, чтобы самый фактъ крещенія впослѣдствіи не могъ подлежать сомнѣнію, чѣмъ однакоже православная церковь нисколько не теряетъ права считать такое лице принадлежащимъ къ этой церкви. Посему, на обязанности православнаго духовенства тѣмъ не менѣе остается убѣждать родителей приносить таковыхъ дѣтей своихъ для миропомазанія, допускаемаго на основаніи существующихъ узаконеній, и послѣ такого крещенія по нуждѣ“.

Подобное крещеніе допускается обѣими церквами; но само собою разумѣется, что если новорожденное дитя должно по закону принадлежать къ православной церкви, то если оно и было окрещено по нуждѣ лютераниномъ, то, по минованіи нужды, его слѣдуетъ, по закону, непремѣнно приносить для миропомазанія въ православіе, точно такъ же, какъ и

для записки въ православныя метрическія книги, а отнюдь не въ лютеранскія.

Между тѣмъ, инструкція установила новый законъ или правило, по которому дитя, крещенное лютераниномъ по нуждѣ, записывается въ лютеранскія метрическія книги, хотя православная церковь не лишается права считать его принадлежащимъ къ ней. Послѣдствія такого произвольнаго распоряженія даютъ себя чувствовать въ настоящее время.

Со времени изданія инструкціи, всѣ почти дѣти, рождающіяся отъ смѣшанныхъ браковъ, заключенныхъ до отмѣны предбрачныхъ подписокъ, окрещиваются кѣмъ нибудь изъ лютеранъ подъ предлогомъ болѣзни и слабости, а затѣмъ всѣ увѣщанія православнаго духовенства остаются разумѣется безъ всякаго успѣха. Управляющій епархіей обратилъ на этотъ предметъ вниманіе и представилъ Св. Синоду о необходимости отмѣны 3-го пункта инструкціи министра внутр. дѣлъ, подающаго поводъ къ отчужденію изъ православія множества новорожденныхъ.

Вопросъ этотъ не разрѣшенъ еще высшимъ правительствомъ, а потому, до тѣхъ поръ, я руководствуюсь во всѣхъ подобныхъ случаяхъ 2-мъ пунктомъ Высочайше одобренныхъ 2 апрѣля 1865 года соображеній министра внутр. дѣлъ, т. е. кромѣ случаевъ, по чему либо особенно рѣзкихъ или получившихъ большую огласку, оставляю пасторовъ безъ преслѣдованія. Снисходительность служитъ въ этомъ дѣлѣ правиломъ, а строгость исключеніемъ [1]).

Надо однако съ прискорбіемъ сознаться, что лютеранское духовенство, несмотря на все здѣсь описанное снисхожденіе [2]), не оставляетъ попытокъ нѣкоторой пропаганды и злоупотребленія закономъ [3]). Случаи эти въ послѣднее время все еще слишкомъ часты, и въ особенности важно то, что

---

[1]) Снисходительность въ пользу лютеранъ, потому что они, при случаѣ, умѣютъ за себя постоять, и есть кому за нихъ заступиться, и строгость въ отношеніи къ православнымъ, потому что они выносятъ все—вотъ что всегда служило и служитъ правиломъ.

[2]) Не вслѣдствіе ли всего описаннаго?

[3]) Вольно же не понимать, что никогда никакая уважающая себя церковь не откажется отъ пропаганды.

было уже нѣсколько примѣровъ, что пасторы совершенно произвольно принимали на молитву и записывали въ метрическія книги дѣтей, рождающихся отъ двухъ православныхъ родителей, но окрещаемыхъ по нуждѣ лютеранами [1]).

Я обратилъ уже на этотъ предметъ полное вниманіе лифляндскаго генералъ-суперинтендента, и нѣтъ сомнѣнія, что, въ случаѣ повторенія подобныхъ злоупотребленій, необходимо будетъ принять и противъ нихъ законныя мѣры строгости [2]). При всемъ томъ, можно не безъ основанія надѣяться, что вражда двухъ духовенствъ, при постоянствѣ и настойчивости со стороны генералъ-губернатора, вступитъ въ законные предѣлы и цѣль правительства достигнется, ибо, съ теченіемъ времени, будетъ представляться все менѣе и менѣе возможности для столкновеній между ними [3]).

III. Крестьянское дѣло.

Во всеподданнѣйшей запискѣ, представленной мною въ іюнѣ 1867 года, заключался краткій очеркъ настоящаго положенія сельскаго населенія въ разныхъ мѣстностяхъ прибалтійскаго края, и изложены вкратцѣ перемѣны, происшедшія въ его быту вслѣдствіе введенія въ концѣ 1866 года волостнаго Положенія (т. е. Положенія о волостяхъ).

Въ настоящемъ трудѣ необходимо только уяснить относительную важность крестьянскаго дѣла въ этихъ губерніяхъ и тѣ ближайшія улучшенія въ быту крестьянъ, которыя, согласно съ Высочайшими предначертаніями, должны въ скоромъ времени воспріять силу.

Положеніе прибалтійскихъ крестьянъ и самое поземельное

---

[1]) А хлопочутъ о прекращеніи прозелитизма со стороны православія!

[2]) Одинаково несомнѣнно и то, что ихъ не посмѣютъ принять.

[3]) То же самое говорилось для склоненія правительства къ отмѣнѣ предбрачныхъ подписокъ, а опытъ доказалъ, что эта уступка послужила только поводомъ къ предъявленію цѣлаго ряда новыхъ притязаній. — Почему бы не сказать прямо: можно надѣяться, что, при строгомъ запрещеніи всякой пропаганды со стороны православныхъ и при дознанной неспособности правительства фактически прекратить пропаганду лютеранскую, пасторы, мало по малу, привлекутъ всѣхъ православныхъ Латышей и Эстовъ въ протестантство, и тогда наступитъ желанная пора прекращенія всякихъ вѣроисповѣдныхъ столкновеній.

и хозяйственное устройство сихъ губерній находятся въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ имперіи. Положеніе это сложилось исторически и основывается въ настоящее время на законахъ разновременно изданныхъ въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ, т. е. съ того времени, когда прибалтійскіе крестьяне получили личную свободу.

Главнѣйшее различіе состоитъ не столько въ томъ, что крестьяне въ прибалтійскихъ губерніяхъ живутъ вообще на нанимаемой, или обработываемой ими помѣщичьей землѣ, какъ въ томъ, что вся земля въ этихъ губерніяхъ раздѣлена на самостоятельныя, недробимыя крестьянскія хозяйства, кромѣ земель, принадлежащихъ собственно къ помѣщичьимъ мызамъ и составляющихъ въ свою очередь только болѣе крупныя, самостоятельныя хозяйства; поэтому то въ этихъ губерніяхъ нѣтъ вовсе мірской земли и только въ Лифляндіи и Эстляндіи, на основаніи крестьянскихъ Положеній, есть такъ называемыя крестьянскія земли, т. е. такіе участки, которые должны непремѣнно быть въ пользованіи лицъ крестьянскаго сословія [1]) и не могутъ быть пріобщаемы помѣщиками къ ихъ мызнымъ землямъ.

---

[1]) Совершенно ошибочно. Крестьянской земли, въ смыслѣ надѣла, которымъ бы никто не имѣлъ права пользоваться, кромѣ лицъ, принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, не осталось теперь ни клочка. Въ силу послѣднихъ законовъ, бывшая крестьянская земля преобразилась въ повинностную (по офиціальной терминологіи), или (по-русски) въ черную землю, въ отличіе отъ мызной, обѣленной. Черною называется земля, составляющая предметъ обложенія; на нее ложатся непосредственно всѣ общественные сборы и она же служитъ единицею при обложеніи мызныхъ земель. Такъ, частный сборъ на сословныя надобности дворянства раскладывается пропорціонально стоимости черной земли въ каждомъ имѣніи; но черная земля, оставаясь черною (т. е. предметомъ обложенія) можетъ быть пріобрѣтаема въ собственность бюргерами, литератами, дворянами, словомъ лицами всѣхъ сословій. Слѣдовательно, крестьяне утратили свое прежнее исключительное на нее право, ибо дворянинъ, купившій участокъ черной земли и вслѣдствіе этого приписавшійся къ мѣстной волости для платежа поземельнаго сбора, все таки остается дворяниномъ и отнюдь не дѣлается крестьяниномъ. При изданіи послѣднихъ Положеній о крестьянахъ для остзейскаго края, тамошнее дворянство очень ловко подтасовало понятія; оно увѣрило правительство, что крестьянская земля и черная земля одно и то же, и правительство, въ то время, не высмотрѣло разницы; но что ея и теперь

Эти крестьянскія земли, какъ равно и всѣ земли, находящіяся въ пользованіи курляндскихъ крестьянъ, будучи раздѣлены на болѣе или менѣе крупные участки или дворы, находятся поэтому въ пользованіи лишь весьма незначительнаго числа хозяевъ и не представляютъ никакого непосредственнаго обезпеченія для всей массы крестьянскаго населенія Для уясненія сказаннаго достаточно указать на численное отношеніе всего сельскаго населенія въ каждой губерніи къ крестьянамъ хозяевамъ.

Въ лифляндской губерніи, при слишкомъ 800,000 сельскаго населенія, 45,000 крестьянскихъ хозяйствъ.

Въ курляндской губерніи, при 500,000 населенія, до 20,000.

Въ эстляндской, при 300,000 сельскаго населенія, менѣе 17,000 хозяйствъ.

Цифры эти лишь приблизительныя; но онѣ наглядно показываютъ зависимое положеніе массы крестьянскаго населенія прибалтійскихъ губерній.

Законодательство наше, сохранивъ, при устройствѣ быта прибалтійскихъ крестьянъ, существовавшее въ краѣ въ теченіе ряда столѣтій участковое поземельное устройство, имѣло вслѣдствіе этого, главнѣйшимъ образомъ, въ виду незначительный по числу, но самый важный въ экономическомъ отношеніи, классъ крестьянъ-арендаторовъ, которыхъ и въ настоящее время не болѣе 90,000 человѣкъ въ краѣ. Законодательство наше безпрерывно принимало мѣры для постепеннаго упроченія независимости этого разряда крестьянъ отъ землевладѣльцевъ, у которыхъ они нанимали участки. Съ этою цѣлью изданы всѣ узаконенія, опредѣлявшія контрактныя обязательства крестьянъ-арендаторовъ къ помѣщикамъ, ограничивавшія стремленіе сихъ послѣднихъ отнимать или передавать участки, по окончаніи арендныхъ сроковъ, отъ одного крестьянина къ другому и, какъ было выше сказано, присоединять крестьянскія хозяйства, когда они становятся свободными, къ своимъ собственнымъ. Въ силу позднѣйшихъ узаконеній, крестьянскіе участки, нахо-

---

не высматриваетъ остзейскій генералъ-губернаторъ, пишущій для Государя записку о крестьянскомъ дѣлѣ—это превосходитъ всякое вѣроятіе.

дившіеся еще въ недавнее время почти на половину на издѣльной повинности, перешли [1]) постепенно на денежные оброки, а къ 23 апрѣля 1868 года во всѣхъ трехъ губерніяхъ издѣльная повинность должна прекратиться, замѣняясь денежными арендами. Наконецъ, на основаніи законоположеній, особо изданныхъ для каждой изъ прибалтійскихъ губерній, опредѣлены условія выкупа [2]) крестьянами своихъ участковъ въ собственность и, на этомъ основаніи, изъ числа существующихъ крестьянскихъ хозяйствъ уже перешли въ собственность крестьянъ въ Лифляндіи слишкомъ 4200 участковъ, въ Курляндіи свыше 1000, а въ Эстляндіи лишь нѣсколько отдѣльныхъ хозяйствъ, при чемъ крестьяне вносили иногда сразу всю выкупную сумму, доходящую въ Курляндіи среднимъ числомъ до 3600 р. за участокъ.

Всѣ эти мѣры привели къ тому, что собственно крестьяне-хозяева, несмотря на зависимость ихъ отъ помѣщиковъ, изъ которой они изъяты только съ конца 1866 года, представляютъ классъ населенія весьма обезпеченный и важный въ политическомъ отношеніи. Въ доказательство богатства, какое иногда бываетъ накопляемо подобными хозяевами, можно указать на недавній случай покупки однимъ лифляндскимъ крестьяниномъ дворянскаго имѣнія цѣною въ 80 тыс. руб.

Съ другой стороны, изъ этого же можно заключить, что все остальное населеніе, нанимающееся лишь на работы на помѣщичьихъ мызахъ, или у крестьянъ-хозяевъ, не только не имѣетъ надлежащей независимости, но лишено и правильнаго обезпеченія, хотя въ настоящее время крестьянскій трудъ еще достаточно окупается [3]) въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Переходя за симъ къ общественному быту крестьянъ, мы находимъ слѣдующее. До 1866 года, т. е. до введенія волост-

---

[1]) Не перешли, а были переведены, ибо согласія крестьянъ на это не требовалось.

[2]) Не выкупа, а покупки, и не условія, а порядокъ; ибо гдѣ неопредѣленъ размѣръ выкупной платы, тамъ нѣтъ опредѣленныхъ условій выкупа.

[3]) То есть оплачивается? Жаль, что авторъ записки ничѣмъ не подтвердилъ этого голословнаго заявленія.

наго Положенія, вся ветчинная полиція была въ рукахъ помѣщиковъ; крестьяне-хозяева до 1865 года были подвергаемы тѣлесному наказанію по опредѣленіямъ волостныхъ судовъ, члены которыхъ утверждались помѣщикомъ, батраки же могли быть наказываемы безъ всякаго суда, не только помѣщиками, но и всѣми хозяевами, у которыхъ служили. Достаточно этихъ данныхъ, послѣ всего сказаннаго о зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ собственно въ отношеніи пользованія землею, чтобъ убѣдиться, какъ мало отличалось положеніе прибалтійскихъ крестьянъ отъ положенія крѣпостныхъ и какъ часто оно бывало еще хуже вслѣдствіе отсутствія той матеріальной обезпеченности, которую предоставляло до нѣкоторой степени крѣпостное право. Но Высочайшимъ повелѣніемъ 4 іюня 1865 года крестьяне-хозяева вовсе изъяты отъ тѣлеснаго наказанія, хотя въ свою очередь они лишены права наказывать находящихся у нихъ въ услуженіи работниковъ; волостное же Положеніе предоставило имъ самоуправленіе въ ихъ общественныхъ дѣлахъ, отдѣлило судъ отъ администраціи, и самое утвержденіе въ должности судей возложено на начальственныя судебныя учрежденія, съ устраненіемъ такимъ образомъ всякаго вліянія помѣщиковъ на дѣло крестьянъ [1]). Въ дополненіе къ упомянутымъ неблагопріятнымъ особенностямъ, болѣе или менѣе устраненнымъ, необходимо замѣтить, что крестьянскія Положенія, разновременно изданныя, и въ основаніи которыхъ лежалъ принципъ попечительства надъ крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, установили для крестьянскаго населенія прибалтійскихъ губерній особый гражданскій процессъ, сосредоточенный въ особыхъ крестьянскихъ судахъ, гдѣ исключительно преобладаетъ элементъ дворянскій, несмотря на участіе въ сихъ судахъ засѣдателей отъ крестьянъ.

Это отдѣленіе крестьянскаго процесса и составляетъ въ настоящее время самую слабую сторону положенія прибал-

1) Авторъ записки какъ будто не знаетъ, что такъ называемыя начальственныя судебныя учрежденія состоятъ исключительно изъ тѣхъ же мѣстныхъ помѣщиковъ, назначаемыхъ по выбору отъ дворянства. Прежнее вліяніе и прежнія административныя традиціи ни въ чемъ не измѣнились; онѣ только замаскированы новою декораціею.

тійскихъ крестьянъ, почувствовавшихъ уже благодѣтельное вліяніе независимости.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ ясно обнаружилась необходимость преобразованія въ крестьянскомъ процессѣ и сліянія его съ общимъ для всѣхъ сословій. Предполагаемое нынѣ введеніе мировыхъ судей и совершенное закрытіе множества мелкихъ крестьянскихъ судовъ послужитъ, надо надѣяться, къ возстановленію въ крестьянахъ довѣрія къ суду и прекратитъ ихъ смутныя ожиданія и неосновательныя надежды, поддерживаемыя не столько разнаго рода подстрекателями, какъ самою силою вещей.

Въ отдѣлѣ настоящей записки, касающемся введенія въ прибалтійскихъ губерніяхъ мироваго разбирательства, ближе разсмотрѣны обстоятельства, породившія необходимость въ замѣнѣ крестьянскихъ судовъ отдѣльными судьями, избираемыми всѣми сословіями, не исключая и крестьянскаго. Необходимо, однако, здѣсь замѣтить, что это сліяніе особенно будетъ важно для многочисленнаго класса работниковъ, не пользующихся земельными участками. Эти послѣдніе, не пріобрѣтая права на участіе въ дѣлахъ волостнаго общественнаго управленія и на избраніе членовъ волостныхъ судовъ, все еще слишкомъ мало ограждены закономъ и самыми волостными судами отъ всякаго рода стѣсненій и несправедливости своихъ хозяевъ въ самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ столкновеніяхъ. Вліяніе, которое имѣло введеніе мироваго суда во внутреннихъ губерніяхъ на установленіе болѣе правильныхъ и человѣчныхъ отношеній между хозяевами, ихъ слугами и работниками, не замедлитъ проявиться и здѣсь и мало по малу вытѣснитъ произволъ и самоуправство, которые неизбѣжны при отсутствіи скорой защиты и дѣйствительнаго возстановленія нарушеннаго права [1]).

Коснувшись выше смутнаго ожиданія и недовольства, часто проявляющихся въ средѣ крестьянскаго населенія прибалтій-

[1]) Безусловно отрицать этого нельзя, но съ другой стороны опасно ожидать магическаго дѣйствія отъ самаго учрежденія, какъ формы. Мы видѣли на дѣлѣ мировыхъ посредниковъ въ русскихъ губерніяхъ и въ Сѣверозападномъ краѣ; и тамъ и здѣсь порядокъ и условія назначенія, права и обязанности были совершенно одинаковы; но одинаковы ли были плоды ихъ дѣятельности?

скихъ губерній и основанныхъ преимущественно на надеждѣ получить когда нибудь надѣленіе землею, необходимо перейти къ вопросу о надѣленіи казенными землями православныхъ безземельныхъ крестьянъ.

Вопросъ этотъ находится въ прямой связи съ религіозными смутами, часто волновавшими край. Послѣ того какъ правительство, въ видахъ прекращенія этихъ смутъ и раздоровъ, рѣшилось допустить 15 марта 1865 года отмѣну предбрачныхъ подписокъ, оно естественно должно было ожидать перехода нарождающихся поколѣній изъ православія въ лютеранство. Это обстоятельство, при усиленной пропагандѣ лютеранскаго духовенства [1]), могло бы нанести рѣшительный ударъ слабымъ зачаткамъ православія въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Поэтому, въ видахъ поддержанія господствующей вѣры, тамъ гдѣ она можетъ еще принести плоды, и для того, чтобы ослабить вліяніе лютеранскаго духовенства на разбросанныхъ по краю православныхъ крестьянъ, возникло въ 1865 году предположеніе о сосредоточеніи ихъ вокругъ православныхъ церквей, какъ для доставленія имъ религіозной поддержки, которой они лишены среди лютеранскаго населенія, такъ и для обезпеченія ихъ быта отъ неоднократныхъ преслѣдованій не только со стороны помѣщиковъ, но даже крестьянъ-хозяевъ изъ лютеранъ (См. приложеніе № 3) [2]).

Мысль эта принадлежала управлявшему прибалтійскою па-

---

[1]) Наконецъ то фактъ признанъ! Лютеранской пропаганды правительство никогда не благословляло, не одобряло и не разрѣшало; стало быть, если она дѣйствовала, и въ добавокъ усиленно, то единственно потому, что правительство не было въ состояніи ни предупредить, ни сдержать ее. И при этихъ то условіяхъ, ему предлагаютъ воспретить безусловно пропаганду православную!— такъ теперь понимаютъ въ высшихъ сферахъ равноправность двухъ вѣроисповѣданій.

[2]) Къ сожалѣнію, упомянутое приложеніе не было мнѣ доставлено. Тѣмъ не менѣе фактъ заявленъ. Православные подвергались двоякому преслѣдованію: хозяева, отъ помѣщиковъ, отбиравшихъ у нихъ дворы, а батраки, отъ крестьянъ—хозяевъ лютеранскаго вѣроисповѣданія. Я обращаю вниманіе на это послѣднее обстоятельство потому, что остзейскіе публицисты, въ послѣднихъ своихъ заграничныхъ изданіяхъ, увѣряютъ, будто бы вѣроисповѣдный антагонизмъ нисколько не отзывался въ судьбѣ батраковъ.

латою государственныхъ имуществъ статскому совѣтнику Шафранову [1]). Еще при обсужденіи этой мѣры, даже имъ самимъ были высказаны разнаго рода опасенія относительно успѣшности ея примѣненія. Независимо отъ существа вопроса о томъ, въ какой степени православіе въ этомъ краѣ можетъ и должно быть поддерживаемо матеріальнымъ обезпеченіемъ крестьянъ, рождались разнаго рода затрудненія, состоявшія главнымъ образомъ въ томъ, что казенныхъ имѣній въ Лифляндіи слишкомъ недостаточно для удовлетворенія хотя бы незначительной части православныхъ безземельныхъ крестьянъ [2]), и въ томъ, что православныхъ крестьянъ и православныхъ церквей болѣе въ частныхъ имѣніяхъ, нежели въ казенныхъ; слѣдовательно, приходилось бы не только переселять православныхъ крестьянъ изъ частныхъ имѣній въ казенныя [3]), но и строить для нихъ церкви. Кромѣ безпорядковъ, которые могло бы породить подобное движеніе населенія [4]), нельзя было не предвидѣть, что тѣ изъ православныхъ, которые не получатъ надѣла, станутъ еще болѣе недовольны, и положеніе ихъ будетъ казаться еще тягостнѣе и несправедливѣе въ сравненіи съ тѣми, которымъ посчастливилось получить землю [5]).

Въ виду подобныхъ опасеній, комитетъ министровъ 12 августа 1866 года разрѣшилъ предположенія министра государственныхъ имуществъ о надѣленіи православныхъ крестьянъ, съ тѣмъ только, чтобъ они приводились въ исполненіе по мѣрѣ освобожденія казенныхъ земель отъ арендныхъ контрактовъ и единственно въ видѣ хозяйственнаго распоряженія, приводимаго въ исполненіе сообразно условіямъ времени и мѣстности.

---

1) Читателямъ IV выпуска Окраинъ извѣстно, что она принадлежала преосвященному Платону; потомъ подхватилъ ее графъ Шуваловъ. Неужели его преемникъ этого не зналъ?

2) Весьма достаточно, съ присоединеніемъ имѣній курляндскихъ.

3) Переселять людей, неимѣющихъ осѣдлости, бродячій сельскій пролетаріатъ!!

4) И безъ того обреченнаго на постоянное движеніе!

5) Дѣйствительно, изъ чего слѣдуетъ, что такъ какъ нельзя удовлетворить всѣхъ, то гораздо лучше ничего не дѣлать ни для кого, а на всѣхъ махнуть рукою.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что только 10 казенныхъ имѣній въ лифляндской губерніи оказались на первый разъ свободными, мѣра эта породила при исполненіи ея не мало затрудненій и ложныхъ слуховъ въ крестьянскомъ населеніи. Приведеніе ея совпало со временемъ вступленія моего въ управленіе краемъ, и я не могу не приписать довольно значительныхъ безпорядковъ, обнаружившихся въ то время въ Феллинскомъ уѣздѣ, равно и нѣкоторыхъ послѣдующихъ частныхъ безпокойствъ, именно означенной мѣрѣ, усилившей въ крестьянахъ недовольство своимъ положеніемъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я не могу признать частное надѣленіе крестьянъ землею, потому только что они православные, мѣрою справедливою и достигающею цѣли [1]). Земли, которыя предназначены имъ въ раздачу, могли бы съ гораздо большею пользою быть предоставлены подъ заселеніе отставными и безсрочно отпускными нижними чинами [2]).

Предположеніе это естественно вытекаетъ изъ Высочайше утвержденнаго 25 іюня 1867 года Положенія объ отставныхъ и безсрочно отпускныхъ нижнихъ чинахъ, 13-мъ пунктомъ котораго имъ предоставленъ, по возвращеніи въ свои общества, надѣлъ мірскою землею наравнѣ съ прочими членами общества. Основная мысль Положенія, заключающагося въ этомъ пунктѣ, по мѣстнымъ поземельнымъ условіямъ, не можетъ быть выполнена въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Между тѣмъ, возвращающіеся изъ службы нижніе чины толпами являются къ мѣстнымъ властямъ, прося о надѣленіи ихъ землею, и нѣтъ никакой возможности вразумить ихъ въ томъ, что предоставленное помянутымъ Положеніемъ преимущество не можетъ быть распространено на нихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ [3]).

---

[1]) Иное дѣло: „частное“ обезземеленіе хозяевъ и „частное“ притѣсненіе батраковъ „потому только что они православные“—это бы куда ни шло! Справедливость этимъ не нарушается, а цѣль—доказать, что православный въ остзейскомъ краѣ есть своего рода отверженецъ или беззащитный изгой—достигается несомнѣнно.

[2]) Иными словами: создать для остзейскаго края новую привилегію, принявъ на счетъ казны удовлетвореніе потребности, которая, въ другихъ мѣстностяхъ, ложится всею своею тягостью на сельскія общества.

[3]) Какъ они глупы! До сихъ поръ не могли убѣдиться, что воля правительственная

Если правительство не затруднилось предоставить казенныя имѣнія Латышамъ и Эстамъ православнаго исповѣданія, можно надѣяться, что оно признаетъ справедливымъ обратить подобныя же преимущества на отставныхъ солдатъ и, быть можетъ, предпочтетъ послѣднихъ первымъ, какъ людей уже испытанныхъ и имѣющихъ основательное притязаніе на надѣлъ землею.

Подобная мѣра была бы встрѣчена въ краѣ съ сочувствіемъ [1]), успокоила бы умы въ религіозномъ отношеніи [2]) и принесла бы существенные плоды для крестьянскаго населенія. Въ этихъ видахъ мною составлены подробныя соображенія по этому предмету и сообщены министрамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ [3]).

Возвращаясь за симъ къ общему вопросу о крестьянскомъ дѣлѣ, нельзя не замѣтить, что, при существованіи въ прибалтійскихъ губерніяхъ особыхъ основаній всего хозяйства и земельнаго устройства, которое главнымъ образомъ заключается въ томъ, что всѣ выгоды онаго предоставлены меньшинству крестьянскаго населенія, не представляется никакихъ достаточныхъ основаній для измѣненій въ порядкѣ пользованія землею, ибо подобное измѣненіе, нарушая весь экономическій складъ страны, всего гибельнѣе отозвалось бы на сословіи крестьянъ-хозяевъ, для упроченія которыхъ было сдѣлано столько усилій со стороны правительства. Дальнѣйшее искусственное упроченіе сихъ послѣднихъ равнымъ образомъ не принесло бы прямой пользы массѣ крестьянскаго населенія, а потому, по мнѣнію моему, едва ли не полезнѣе не возбуждать никакихъ вопросовъ о преобразованіи поземельнаго устройства прибалтійскихъ губерній [4]), устремляя всѣ усилія на расширеніе личныхъ и общественныхъ правъ всего кре-

---

ства, при встрѣчѣ съ остзейскими порядками, непремѣнно должна разбиться въ щепы.

[1]) Еще бы!

[2]) Какимъ же образомъ и почему?

[3]) Здѣсь и на мысль не приходитъ, что прочія губерніи имѣли бы полное основаніе завидовать льготѣ, даруемой исключительно остзейскому краю. Впрочемъ, можетъ быть, въ подробныхъ соображеніяхъ предполагалось сдѣлать это по секрету, потихоньку отъ Россіи, какъ отмѣну предбрачныхъ подписокъ.

[4]) Если и не „полезнѣе“, то во всякомъ случаѣ удобнѣе и легче.

стьянскаго населенія и въ особенности на предоставленіе ему большаго образованія, по возможности въ духѣ благопріятномъ для цѣлей общегосударственныхъ.

Поэтому, въ заключеніе, необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній о настоящемъ положеніи народнаго образованія въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Развитіе его и устройство школъ совершались своеобразно въ каждой изъ трехъ губерній; нѣкоторое правильное начало въ училищномъ дѣлѣ введено было крестьянскими Положеніями, но только въ одной лифляндской губерніи дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи инструкція, объемлющая всѣ отрасли управленія крестьянскими училищами. Въ двухъ другихъ губерніяхъ, дѣло это находится въ зависимости отъ участія духовенства и дворянства, которымъ исключительно ввѣрено въ прибалтійскихъ губерніяхъ народное образованіе.

Во всѣхъ частныхъ имѣніяхъ школы возникли на средства помѣщиковъ [1]) и содержатся общими усиліями помѣщиковъ и крестьянъ. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ существуютъ различные разряды народныхъ училищъ и самое устройство и содержаніе ихъ весьма разнообразно, завися отъ добровольныхъ на этотъ предметъ пожертвованій. Изъ народныхъ школъ совершенно однако выдѣляются собственно учительскія семинаріи, или высшія народныя училища, устроенныя также дворянствами и составляющія какъ бы переходъ къ нѣмецкимъ школамъ.

Въ курляндской губерніи, при 450,000 крестьянскомъ населеніи, учреждено болѣе 300 школъ, и число обучающихся въ нихъ дѣтей обоего пола простирается до 14,000. Замѣчено было, что пока ученіе производилось безплатно, родители небрежно посылали своихъ дѣтей въ училища; нынѣ же, съ установленіемъ умѣренной платы, отцы строго наблюдаютъ за правильнымъ посѣщеніемъ школы, не желая, чтобы уплаченныя ими деньги пропадали даромъ. Вообще, курляндскій крестьянинъ ежедневно убѣждается въ преимуществахъ, ко-

---

[1]) По иниціативѣ помѣщиковъ и пасторовъ, но преимущественно на средства крестьянъ.

торыми пользуются получившіе образованіе. Въ особенности въ послѣднее время, по введеніи денежныхъ контрактовъ крестьянъ съ помѣщиками вмѣсто прежней барщины, значительно увеличилось число крестьянъ посылающихъ дѣтей своихъ, по окончаніи курса въ крестьянской школѣ, въ городскія училища.

Нерѣдко случается, что сыновья крестьянъ оканчиваютъ курсъ въ гимназіи и поступаютъ въ дерптскій университетъ. Изъ числа окончившихъ воспитаніе въ городскихъ училищахъ, образуются большею частію волостные писаря, управляющіе имѣніями, канцелярскіе чиновники, учителя уѣздныхъ и городскихъ училищъ. Всѣ эти лица примыкаютъ, само собою разумѣется, къ нѣмецкому населенію губерніи и составляютъ какъ бы переходъ отъ послѣдняго къ народу. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ училищахъ обучаются и дѣти нѣмцевъ, управляющихъ имѣніями, прикащиковъ, ремесленниковъ и проч., отдающихъ своихъ дѣтей только на лѣто, въ теченіе котораго обученіе происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ; болѣе зажиточные крестьяне оставляютъ тоже дѣтей своихъ на лѣто въ школахъ.

Въ курляндской губерніи нѣтъ особой семинаріи для крестьянскихъ учителей; но въ 1840 году курляндское дворянство, въ принадлежащемъ ему имѣніи Ирмлау, учредило высшее народное училище, во главѣ котораго поставленъ учитель воспитанный въ кенигсбергской семинаріи. Изъ числа бывшихъ воспитанниковъ этого училища болѣе 40 занимаютъ теперь должности крестьянскихъ учителей; въ высшемъ отдѣленіи его преподается, сверхъ другихъ предметовъ, и нѣмецкій языкъ [1]).

Вообще, введеніе нѣмецкаго языка въ народныя училища составляетъ въ послѣднее время особенную заботливость дворянства, заботливость, которая иногда отзывается неблагопріятно на образованіи народа. Это стремленіе къ онѣмеченію народныхъ школъ такъ сильно, что вызвало еще въ 50-хъ годахъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ двигателей народнаго образованія въ курляндской губерніи, пастора Браше, на слѣдующее замѣчаніе: „преподаваніе на какомъ либо чу-

[1]) О преподаваніи русскаго, разумѣется, нѣтъ и помина.

жомъ языкѣ, наприм. нѣмецкомъ, не должно быть допускаемо въ народномъ училищѣ; оно заняло бы и безъ того короткое учебное время нашихъ крестьянскихъ дѣтей, въ ущербъ болѣе важныхъ предметовъ. Прежде всего нужно возбудить въ народѣ потребность и желаніе учиться, и тогда уже можетъ быть приступлено къ преподаванію иностраннаго языка, если будетъ настоять этому крайняя необходимость.

Несмотря на это замѣчаніе, нѣмецкій языкъ, съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе распространяется въ курляндскихъ школахъ, и я имѣлъ возможность лично въ этомъ удостовѣриться во время объѣздовъ моихъ въ этой губерніи.

Въ лифляндской губерніи, при 700,000 крестьянскаго лютеранскаго населенія, считается свыше 600 народныхъ школъ разнаго рода. Изъ массы этихъ училищъ стали выдѣляться съ 50-хъ годовъ приходскія школы, вслѣдствіе настойчиваго вмѣшательства въ это дѣло епископа Ульмана, который обратилъ вниманіе дворянства на то, что и въ крестьянскомъ сословіи необходимо имѣть нѣкоторое число болѣе образованныхъ людей, и что только въ приходской школѣ болѣе даровитые крестьяне получаютъ возможность приготовиться къ дальнѣйшему образованію въ нѣмецкихъ училищахъ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, главный комитетъ о лифляндскихъ школахъ постановилъ: стараться всѣми мѣрами объ учрежденіи приходскихъ школъ, опредѣлять въ нихъ учителей, выдержавшихъ установленный экзаменъ, принимать въ приходскія училища дѣтей живущихъ въ уѣздѣ нѣмцевъ и для нихъ ввести въ эти училища преподаваніе нѣмецкаго языка.

Вслѣдствіе послѣдняго распоряженія, нѣмецкій языкъ введенъ въ главныхъ народныхъ училищахъ, и Латыши и Эсты охотно ему учатся, находя въ немъ значительное облегченіе въ изученіи ремеслъ у нѣмецкихъ мастеровъ и единственное средство воспользоваться дальнѣйшимъ образованіемъ въ городскихъ училищахъ [1]).

[1]) Все это очень поучительно, особенно въ виду остзейскихъ заграничныхъ публикацій, въ которыхъ насъ увѣряютъ, что въ прибалтійскомъ краѣ народная школа отнюдь не служитъ орудіемъ онѣмеченія массъ.

Въ 1839-мъ году, по иниціативѣ извѣстнаго епископа Вальтера, бывшаго тогда пасторомъ въ Вольмарѣ, возникла въ этомъ городѣ, а впослѣдствіи переведена была въ Валкъ, семинарія для крестьянскихъ учителей, на основаніе которой дворянство пожертвовало 6300 руб. и отпускаетъ ежегодно около 2000 руб.; кромѣ того, оно собрало по подпискѣ сумму для образованія въ учительской семинаріи въ Вейсенфельзѣ одного молодаго Латыша, назначеннаго, по окончаніи образованія, старшимъ учителемъ семинаріи, подъ руководствомъ доктора Вальтера. Вскорѣ послѣ своего учрежденія, семинарія эта была закрыта по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, но впослѣдствіи формальное открытіе ея было разрѣшено.

Семинарія эта процвѣтаетъ въ настоящее время, и нѣмецкій языкъ составляетъ въ ней одинъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія.

Въ эстляндской губерніи насчитывается до 250 школъ съ 8000 учащихся при 300,000 сельскаго населенія и имѣются двѣ учительскія семинаріи, но послѣднія стоятъ не выше лифляндскихъ приходскихъ школъ, а въ отношеніи крестьянскихъ народныхъ школъ замѣчено, что, въ настоящее время, хорошія школы въ Эстляндіи еще невозможны потому, что Эсты довольствуются домашнимъ обученіемъ и неохотно посылаютъ своихъ дѣтей въ школы; если же кто нибудь изъ нихъ желаетъ пріобрѣсти большее образованіе, то онъ всячески старается поступить въ одно изъ городскихъ нѣмецкихъ училищъ. Установленіе же платы за обученіе произвело и здѣсь, какъ въ Курляндіи, свое дѣйствіе и предоставило возможность ввести въ нѣкоторыхъ школахъ нѣмецкій языкъ.

Обзоръ православныхъ крестьянскихъ школъ рижской епархіи былъ представленъ мною во всеподданнѣйшей запискѣ, поданной въ іюнѣ 1867 года; ихъ неудовлетворительное положеніе, засвидѣтельствованное самимъ епархіальнымъ начальствомъ, потребуетъ многихъ жертвъ и усилій со стороны правительства; при томъ необходимо замѣтить, что русскій языкъ не имѣетъ почти никакого развитія въ означенныхъ школахъ, несмотря на то, что въ § 5 Высоч. ут-

верженныхъ 1-го мая 1850 года правилъ, ученики „непремѣнно должны, какъ съ учителями, такъ и между собою, какъ въ школахъ, такъ и въ свободное отъ занятій время, подъ опасеніемъ неотпуска домой, или оставленія безъ обѣда, говорить по русски".

Сопоставляя это принудительное начало и достигнутые имъ результаты съ свободнымъ развитіемъ нѣмецкаго языка въ народныхъ школахъ и постепеннымъ, но вѣрнымъ онѣмеченіемъ высшаго крестьянскаго сословія, легко придти къ заключенію о будущности, ожидающей народное образованіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ [1]).

Неизбѣжныя послѣдствія нынѣшней системы народныхъ школъ и введенія въ нихъ нѣмецкаго языка будутъ ближе разсмотрены въ общихъ соображеніяхъ, прилагаемыхъ къ этому труду; но въ заключеніе нельзя не упомянуть о томъ, что только введеніе русскаго языка въ администрацію, въ судопроизводство и затѣмъ распространеніе русскихъ училищъ, могутъ пріостановить онѣмеченіе народа въ прибалтійскихъ народныхъ школахъ, измѣнивъ требованія и убѣжденія родителей относительно важности нѣмецкаго языка.

IV. О введеніи русскаго дѣловаго языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Въ іюнѣ 1867 года состоялось Высочайшее повелѣніе, подтверждающее о (sic) безотлагательномъ приведеніи въ исполненіе закона 3 января 1850 года о введеніи въ коронныхъ

---

1) Замѣчательно между прочимъ, что генералъ-адъютантъ Альбединскій почему то вовсе умолчалъ объ одномъ фактѣ, о которомъ онъ не могъ не знать, именно: о частыхъ и очень знаменательныхъ проявленіяхъ усиленнаго желанія Латышей и Эстовъ учиться по-русски. Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ во многихъ донесеніяхъ православныхъ священниковъ и въ печатныхъ кореспонденціяхъ заграничныхъ остзейскихъ изданій. Слѣдовательно, кромѣ нелѣпаго принужденія, которое шло сверху, обнаруживалась снизу свободная тяга, которою правительство могло бы воспользоваться. Но вся статья о школахъ писана съ явною цѣлью отбить у него всякую охоту и всякую надежду помѣшать онѣмеченію Латышей и Эстовъ, направивъ ихъ образованіе „въ духѣ благопріятномъ для цѣлей общегосударственныхъ"—какъ выразился самъ авторъ записки.

присутственныхъ мѣстахъ прибалтійскаго края всей переписки и дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ.

Разсмотримъ, какія обстоятельства вызвали это Высочайшее повелѣніе, какія принимались мѣры для исполненія закона 1850 года, въ чемъ собственно онъ состоялъ, насколько было подготовлено успѣшное примѣненіе настоящей мѣры и какія она имѣла послѣдствія.

Усиленіе русскаго языка вообще въ балтійскихъ губерніяхъ составляетъ уже около полустолѣтія одну изъ важныхъ заботъ правительства. Съ 1820 года, въ которомъ установлено обязательное обученіе ему въ гимназіяхъ и иныхъ учебныхъ заведеніяхъ края, принимаемы были различныя мѣры для усиленія его преподаванія; неоднократно увеличивали число учителей, вводили раздвоенное преподаваніе на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, усиливали надзоръ за русскими учителями, установляли особыя отмѣтки при испытаніяхъ и т. п.; но дѣло шло вяло, русскому языку учились неохотно, и тѣ, которые узнавали его, пріобрѣтали познанія въ немъ или въ учебныхъ заведеніяхъ внѣ края, или на службѣ внутри имперіи.

Причина была очевидна. Для общественной дѣятельности и для правительственной службы въ краѣ, русскій языкъ былъ почти совершенно безполезенъ; въ обществѣ на немъ не говорили, высшее учебное заведеніе въ краѣ, куда стремилось все юношество, имѣетъ и въ настоящее время совершенно нѣмецкій характеръ; въ канцеляріяхъ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ дѣлопроизводство совершалось на нѣмецкомъ языкѣ, а потому, какъ учащіеся, такъ и учащіе, смотрѣли на русскій языкъ, какъ на предметъ второстепенный, отнимающій напрасно много времени и какъ бы навязанный правительствомъ.

Императоръ Николай I, во время неоднократныхъ посѣщеній балтійскаго края, сознавъ всю несообразность такого положенія дѣлъ и важныя неудобства, происходящія, какъ для жителей его, такъ и для интересовъ имперіи, отъ сохраненія нѣмецкаго языка въ администраціи трехъ важныхъ губерній, рѣшился установить въ присутственныхъ мѣстахъ края русское дѣлопроизводство, полагая вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ

путемъ побудить жителей къ болѣе тщательному изученію его въ школахъ.

Въ этихъ видахъ, послѣ многолѣтнихъ подготовленій по учебному вѣдомству, состоялось 3 января 1850 года Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ о введеніи русскаго языка во всѣ коронныя учрежденія края, примѣненіе котораго, и въ настоящее время, встрѣчаетъ еще [1]) немаловажныя затрудненія, а потому необходимо ближе ознакомиться съ помянутымъ закономъ.

Правительство, сознавая трудность ввести малоупотребительный въ краѣ языкъ въ дѣловую переписку и не желая увольнять для этого значительное число мѣстныхъ уроженцевъ, установило съ этою цѣлью разумную постепенность, а именно:

Первымъ пунктомъ закона постановлено, чтобы всѣ коронныя (какъ губернскія такъ и уѣздныя) учрежденія, независимо отъ существовавшей уже обязанности сноситься по русски съ общими и высшими государственными установленіями и присутственными мѣстами другихъ губерній, немедленно начали только переписку между собою и съ мѣстами и лицами военнаго вѣдомства на русскомъ языкѣ; такимъ образомъ, дозволено было продолжать писать по нѣмецки въ мѣстныя сословныя учрежденія и даже вести на этомъ языкѣ внутреннее канцелярское дѣлопроизводство, какъ напримѣръ журнальныя опредѣленія, регистры и т. п.

Вторымъ пунктомъ возложено на генералъ-губернатора наблюдать, чтобы впредь (т. е. съ 1850 г.) въ коронныя мѣста опредѣлялись преимущественно лица имѣющія достаточныя въ русскомъ языкѣ познанія для веденія на немъ дѣлопроизводства.

Третьимъ пунктомъ 1 января 1858 года назначено срокомъ, съ котораго во всѣ должности по коронным учрежденіямъ могутъ быть опредѣляемы только лица способныя вести русское дѣлопроизводство. 8 лѣтъ были даны для того, чтобы поступающіе въ 1850 году въ учебныя заведенія могли,

[1]) Не „еще“, а теперь въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде; лѣтъ черезъ десять затрудненій встрѣтится еще болѣе.

въ теченіе полнаго курса, позаботиться объ усвоеніи русскаго языка; причемъ, съ изданіемъ закона 1850 года, усилены во всѣхъ гимназіяхъ и средства для преподаванія русскому языку (sic), а въ университетѣ установлены строгія въ немъ испытанія, наконецъ:

Четвертымъ пунктомъ, хотя и не опредѣленъ срокъ для начатія всего дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ, но генералъ-губернатору поручено, когда онъ признаетъ, что чиновниковъ, знающихъ русскій языкъ, уже достаточно во всѣхъ коронныхъ учрежденіяхъ, представить правительству о назначеніи опредѣленнаго срока для введенія всего дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ, слѣдовательно, даже въ сношеніяхъ съ мѣстными сословными учрежденіями.

Постоянное неуклонное выполненіе изложенныхъ постановленій неминуемо повело бы къ безпрепятственному введенію русскаго языка въ администрацію, къ усиленію его въ школахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, отчасти, и къ распространенію его въ общемъ употребленіи; но извѣстно, въ какой мѣрѣ генералъ-губернаторы въ этомъ дѣлѣ наблюдали, исполняли и представляли, начиная съ князя Суворова, который сначала горячо принялся за дѣло и разослалъ энергическія предписанія [1]), но впослѣдствіи, лишь изрѣдка, дѣлалъ безплодныя подтвержденія, сохраняя однако при себѣ русскихъ чиновниковъ [2]). Затѣмъ, управленіе генералъ-адъютанта барона Ливена изгладило слѣды закона о русскомъ языкѣ [3]) и ввело въ администрацію балтійскихъ губерній такой духъ и такія личности, борьба съ которыми въ настоящее время оказывается не мало затруднительною. Руководитель либеральной партіи лифляндскаго дворянства, губернскій предводитель Эттингенъ былъ назначенъ лифляндскимъ губернаторомъ и получилъ преобладающее значеніе. Само ге-

---

[1]) Къ которымъ никто никогда серьезно не относился, потому что самъ же онъ, на словахъ, объяснялъ, что дѣлалъ это по принужденію свыше и настаивать на исполненіи не будетъ.

[2]) Кого же, кромѣ П. А. Валуева?

[3]) Все что здѣсь говорится о 15-ти лѣтнемъ систематическомъ бездѣйствіи совершенно вѣрно.

неральъ-губернаторское управленіе наполнилось постепенно дерптскими магистрами, частью незнающими вовсе по русски, частью безъ малѣйшаго сочувствія ко всему русскому.

Графъ Шуваловъ, въ кратковременное управленіе свое, почти случайно натолкнулся на законъ 50 года [1]) и заявлялъ о немъ, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ изъ представленій своихъ въ Петербургъ.

Генералъ-адъютантъ графъ Барановъ не приступалъ къ исполненію закона о русскомъ языкѣ, по кратковременности своего управленія.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, а наиболѣе отъ бездѣйствія въ этомъ отношеніи князя Суворова [2]), дѣло введенія русскаго языка было нетолько не подготовлено, но даже испорчено (въ особенности въ Лифляндіи), потому что, въ виду мѣстныхъ жителей, попытка правительства въ этомъ отношеніи оказалась совершенно безуспѣшною; сроки были пропущены и присутственныя мѣста, вмѣсто того, чтобы наполняться постепенно, въ теченіи 17 лѣтъ, чиновниками, знающими русскій языкъ, наполнялись большею частью чиновниками вовсе его незнающими.

Между тѣмъ, вскорѣ по вступленіи моемъ въ должность, происходило обсужденіе въ комитетѣ министровъ предположеній министра народнаго просвѣщенія объ усиленіи въ прибалтійскихъ учебныхъ заведеніяхъ русскаго языка и моихъ соображеній объ учрежденіи въ Ригѣ русской гимназіи. При этомъ случаѣ, комитетъ министровъ, обративъ особенное вниманіе на важность неоднократныхъ заявленій бывшаго генералъ-губернатора графа Шувалова [3]) о томъ, что законъ 1850 года о введеніи русскаго языка въ коронныя присут-

---

[1]) Обстоятельство это замѣчено было при разработкѣ вопроса объ учрежденіи въ краѣ русскихъ гимназій (отношенія графа Шувалова къ министру народнаго просвѣщенія 14 сентября 1865 г. № 2981 и 15 марта 1866 г. № 774). Примѣчаніе автора записки.—Это „случайно натолкнулся“—слово почти историческое, какъ знаменіе времени.

[2]) Отъ того бюстъ его и стоитъ въ залѣ лифляндскаго дворянства.

[3]) Заявленія эти состояли въ двухъ отношеніяхъ его къ министру народнаго просвѣщенія (см. выше) и въ словесныхъ объясненіяхъ въ комитетѣ министровъ. Прим. автора записки.

ственныя мѣста прибалтійскихъ губерній остается мертвою буквою и, рѣшивъ вопросъ о гимназіи въ пользу ея учрежденія, постановилъ между прочимъ: „обратить особенное вниманіе министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями на настоятельную необходимость, совокупными усиліями всѣхъ вѣдомствъ, приступить къ безотлагательному на самомъ дѣлѣ исполненію Монаршей воли о введеніи въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ прибалтійскаго края дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ, которая выражена въ Высочайше утвержденномъ 3-го января 1850 года положеніи комитета министровъ".

Послѣ такого энергическаго заявленія о необходимости безотлагательнаго введенія русскаго языка, я не могъ колебаться и мнѣ оставалось только дѣйствовать, согласно съ Высочайшею волею.

Въ промежутокъ времени между утвержденіемъ этого положенія комитета (1-го іюня) и объявленіемъ его мнѣ къ исполненію (21 іюня), посѣтилъ Ригу Государь Императоръ и, въ рѣчи обращенной къ представителямъ всѣхъ сословій и вѣдомствъ, высказалъ увѣренность найти въ нихъ содѣйствіе къ приведенію въ исполненіе тѣхъ мѣропріятій и нововведеній, которыя онъ признаетъ нужными и полезными для края.

Несмотря на эти милостивыя слова Государя, тотчасъ по полученіи помянутаго Высочайшаго повелѣнія, между Нѣмцами распространилось общее неудовольствіе, высказывавшееся впрочемъ довольно робко, въ ожиданіи дальнѣйшихъ съ моей стороны распоряженій.

Для уясненія положенія дѣла, я прежде всего затребовалъ отъ губернаторовъ и отъ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ управленій положительныхъ свѣдѣній о томъ, въ какой степени, въ настоящее время, выполняется во ввѣренныхъ имъ частяхъ законъ 1850 года, какія имѣются средства къ его выполненію и какого рода мѣры они полагаютъ для того необходимыми [1])?

Съ своей же стороны, находя необходимымъ подать при-

[1]) Такимъ образомъ, генералъ-губернаторъ самъ вызвалъ возраженія и далъ возможность мѣстной оппозиціи облечь ихъ въ безукоризненно законную форму исполнительныхъ донесеній по требованію начальства.

мѣръ неуклоннаго исполненія Высочайшей воли, я приказалъ своей канцеляріи вести все дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего магистраты Риги, Ревеля и Митавы, равно и лифляндская лютеранская консисторія стали получать отъ меня русскія бумаги. Представители упомянутыхъ учрежденій явились ко мнѣ съ словесными по этому поводу протестами, магистратъ же ревельскій заявилъ мнѣ письменно, въ нижайшей просьбѣ [1]), о нарушеніи таковою мѣрою условій Ништатскаго трактата. Объявивъ тѣмъ, которые заявляли мнѣ свои претензіи словесно, что я исполняю въ точности полученное мною Высочайшее повелѣніе и не измѣню моего образа дѣйствій, ежели на то не послѣдуетъ разрѣшеніе Государя Императора [2]), я вытребовалъ изъ Ревеля Синдика и, разъяснивъ ему смыслъ Высочайшаго повелѣнія, объявилъ, что ежели магистратъ не обратится ко мнѣ съ просьбой объ оставленіи безъ дальнѣйшаго хода его прошенія, то я немедленно представлю таковое на благоусмотрѣніе Государя [3]). Въ непродолжительномъ времени получено было мною заявленіе отъ магистрата, въ которомъ онъ просилъ не придавать никакого офиціальнаго значенія его ходатайству [4]) и смотрѣть на оное какъ на частное, чистосердечное и откровенное [5]) сообщеніе представителей города лично мнѣ [6]).

---

[1]) Если это была «нижайшая просьба», то чтоже послѣ этого считать дерзкою нотаціею?—Она вѣдь напечатана за границею.

[2]) Къ чемуже это «ежели»?—Не очевидно ли, что въ ту минуту всякій намекъ на возможность отмѣны только что объявленной Высочайшей воли былъ болѣе чѣмъ неумѣстенъ?

[3]) Право миловать генералъ-губернатору не предоставлено. Его дѣло было подвергнуть виновныхъ отвѣтственности въ строгихъ предѣлахъ закона. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что протестъ ревельскаго магистрата имѣлъ характеръ вызова и писанъ былъ съ явною цѣлью ощупать почву, дознать, въ какой мѣрѣ правительство способно дать отпоръ и произвести на всю остзейскую публику ободрительный ефектъ, побудивъ ее къ стойкому сопротивленію. Эта цѣль была вполнѣ достигнута: протестъ разошелся по всему краю и за границею, а позднѣйшее объясненіе магистрата осталось тайною.

[4]) Какое ходатайство! Это была дерзкая нотація.

[5]) Тѣмъ хуже если оно было чистосердечно и откровенно, а не притворно.

[6]) Что за интимность отношеній между генералъ-губернаторомъ и городскимъ магистратомъ?

Къ сожалѣнію, эти мои дѣйствія, хотя вполнѣ сообразныя съ Высочайшимъ повелѣніемъ, не нашли сочувствія въ графѣ Шуваловѣ и въ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, которые предвидѣли отъ продолженія таковаго порядка весьма неблагопріятныя послѣдствія, во избѣжаніе которыхъ я нашелся вынужденнымъ не включать въ представленный мною впослѣдствіи на утвержденіе циркуляръ постановленія о введеніи въ генералъ-губернаторскомъ управленіи всего дѣлопроизводства на одномъ только русскомъ языкѣ [1]).

Пока происходила упомянутая выше офиціальная переписка съ начальниками губерній, мнѣ приходилось заботиться о разъединеніи партій въ средѣ самихъ административныхъ дѣятелей въ избѣжаніе общаго ихъ противодѣйствія. Открытымъ противникомъ новой мѣры явился вышеупомянутый лифляндскій губернаторъ Эттингенъ; онъ представлялъ различные доводы относительно невозможности исполнить законъ, о безполезности настоящаго распоряженія и о непріятныхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ отъ него произойти. Я имѣлъ много причинъ думать, что и два другіе губернатора стали бы дѣйствовать за одно съ нимъ, еслибъ я выказалъ малѣйшее послабленіе. Дѣйствуя же отдѣльно на каждаго и не давая имъ сближаться [2]), смѣло могу сказать, я достигъ немаловажнаго успѣха. Курляндскій губернаторъ Бреверн, съ ущербомъ для своихъ отношеній къ Курляндцамъ, совершенно вошелъ въ мои виды и принялся усердно за дѣло. Эстляндскій губернаторъ также много помогъ мнѣ. Къ концу августа мѣсяца отъ обоихъ этихъ губернаторовъ получились донесенія. Курляндскій губернаторъ доносилъ, что дѣлопро-

---

[1]) Вотъ ужь первый попятный шагъ. Стало быть побѣда осталась на сторонѣ ревельскаго магистрата.

[2]) Какимъ же образомъ можно было помѣшать губернаторамъ трехъ смежныхъ губерній переписываться между собою хотя бы частнымъ образомъ? — Во всякомъ случаѣ, эта черта не лишена значенія для характеристики административныхъ порядковъ въ остзейскомъ краѣ. Генералъ-губернаторъ, приступая къ исполненію Высочайшей воли въ дѣлѣ первостепенной важности, находитъ себя вынужденнымъ, прежде всего, парализировать дѣйствіе ближайшихъ своихъ помощниковъ, начальниковъ трехъ ввѣренныхъ ему губерній. И это никого не коробитъ, не удивляетъ, проходитъ незамѣченнымъ, какъ явленіе совершенно нормальное!

изводство на русскомъ языкѣ введено имъ въ губернскомъ правленіи, не ожидая дальнѣйшихъ отъ меня распоряженій. Эстляндскій же губернаторъ увѣдомилъ, что ко введенію дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ въ канцеляріи губернатора и въ губернскомъ правленіи особенныхъ препятствій не встрѣчается; все это доказывало, что, при доброй волѣ и при твердомъ сознаніи необходимости исполнять законъ, не смотря ни на какія трудности, русскій языкъ могъ бы быть введенъ въ администрацію балтійскихъ губерній.

Между тѣмъ, лифляндскій губернаторъ составилъ мемуаръ о разнаго рода затрудненіяхъ въ этомъ дѣлѣ и высказывалъ въ немъ мысли свои о вредѣ, который можетъ принести введеніе русскаго языка въ краѣ.

Тѣмъ временемъ, Высочайшее повелѣніе огласилось по краю. Рижская газета ударила въ набатъ; иностранные журналы заговорили о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергаются мирные Остзейцы по случаю введенія русскаго языка; а въ большей части русскихъ началась ожесточенная съ ними полемика, требовавшая немедленнаго и самаго крутаго веденія дѣлъ въ этомъ именно направленіи.

Общественное настроеніе снова стало тревожно [1]). Дворянства, до которыхъ настоящая мѣра отнюдь не касалась, стали дѣлать мнѣ разнаго рода отдѣльныя заявленія и наконецъ, узнавъ, что въ первыхъ числахъ октября я долженъ былъ отправиться въ Петербургъ съ подробными свѣдѣніями о положеніи дѣла и съ предположеніями моими относительно дальнѣйшаго руководства губернаторамъ по этому предмету, всѣ три губернскіе предводителя дворянства отправились въ столицу для испрошенія, въ случаѣ возможности, какой либо отмѣны, или по крайней мѣрѣ ослабленія предпринятыхъ правительствомъ мѣръ.

Немедленно по прибытіи въ столицу, я сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ отзывы трехъ губернаторовъ и предположеніе мое о необходимости дать имъ въ руководство, по вве-

---

[1]) Неужели это было неожиданностью и неужели правительство не могло заранѣе собраться съ духомъ настолько, чтобъ не смущаться хоть бы такою тревогою?

денію русскаго языка, ясный и опредѣлительный циркуляръ, проэктъ котораго сообщался вмѣстѣ съ тѣмъ на одобреніе министра.

Въ этомъ моемъ отношеніи я высказывалъ, что главный предметъ моей заботливости состоитъ въ веденіи переписки и нѣкоторой части дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ въ тѣхъ лишь учрежденіяхъ, гдѣ представляются достаточныя ручательства въ добросовѣстномъ выполненіи Высочайшаго повелѣнія, а потому, не признавъ возможнымъ настоять на безотлагательномъ и строгомъ примѣненіи закона къ уѣзднымъ короннымъ учрежденіямъ [1]), я въ тоже время предположилъ ввести въ губернскихъ учрежденіяхъ и значительную часть дѣлопроизводства, согласно съ отзывами двухъ губернаторовъ. Я заявилъ при этомъ, что по свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ начальниковъ разныхъ отдѣльныхъ управленій, переписка въ коронныхъ губернскихъ учрежденіяхъ уже ведется по русски, но въ уѣздныхъ нѣтъ еще возможности прекратить нѣмецкую переписку [2]).

Проэктъ циркуляра моего былъ доложенъ министромъ Го-

---

[1]) Главное затрудненіе въ отношеніи уѣздныхъ учрежденій вѣдомства министерства внутр. дѣлъ состоитъ въ томъ, что всѣ орднунгсърихтеры въ Лифляндіи, гакенрихтеры въ Эстляндіи и гауптманы въ Курляндіи избираются изъ мѣстныхъ дворянъ и должны при томъ знать мѣстные народные языки; по этой послѣдней причинѣ, даже измѣненіе въ законодательномъ порядкѣ существующихъ уѣздныхъ учрежденій не могло бы доставить лицъ, которыя отвѣчали бы помянутому условію; оно можетъ быть единственно достигнуто чрезъ увеличеніе въ краѣ числа лицъ, получившихъ образованіе въ мѣстной русской гимназіи, гдѣ обучаютъ и народнымъ языкамъ. Примѣч. автора записки.

Здѣсь предполагается, что всѣ эти орднунгсърихтеры, гакенрихтеры и гауптманы вовсе не знаютъ русскаго языка и совершенно упускается изъ виду, что если не всѣ, то многіе изъ нихъ, до возвращенія своего на родину, прослужили нѣсколько лѣтъ въ нашей арміи, или гвардіи, или въ какомъ нибудь министерствѣ.

[2]) Уѣздныя коронныя учрежденія разныхъ вѣдомствъ находятся въ прямой зависимости отъ контингента мѣстныхъ жителей, изъ котораго они неизбѣжно (?) наполняются, по невозможности (?) привлекать на незначительныя должности чиновниковъ, знающихъ русскій и нѣмецкій языки. Отсюда очевидна связь закона о русскомъ языкѣ съ распространеніемъ русскихъ училищъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ.—Примѣч. автора записки.

сударю и удостоился Высочайшаго одобренія, равно какъ и всѣ мои по этому дѣлу предположенія [1]).

Государь, удостоивъ пріемомъ трехъ предводителей дворянства, высказалъ имъ, что введеніе русскаго языка въ администрацію балтійскихъ губерній было желаніемъ покойнаго Государя и составляетъ въ настоящее время непреложную Его волю, что притомъ мѣра эта не затрогиваетъ нисколько интересовъ дворянства и прочихъ жителей края и будетъ выполнена въ предѣлахъ указанныхъ закономъ 1850 года [2]).

Послѣ такихъ словъ Государя, мнѣ оставалось только радоваться за успѣхъ моихъ дѣйствій, вполнѣ согласныхъ съ Монаршею волею. Циркуляръ мой былъ разосланъ къ губернаторамъ 26-го октября, при офиціальныхъ письмахъ, въ коихъ я объяснялъ, что упоминаемыя въ немъ изъятія, предоставленныя благоусмотрѣнію губернаторовъ, должны быть допускаемы лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и на самое короткое время; при этомъ я объявилъ курляндскому губернатору Высочайшее удовольствіе по случаю принятыхъ имъ въ настоящемъ дѣлѣ мѣръ [3]).

Такимъ образомъ, дѣлу о введеніи русскаго языка было дано извѣстное направленіе и слѣдовало только не отступать отъ него. Въ это же время Государю Императору благоугодно было выразить мысль о необходимости успокоить взволнованные умы, какъ между жителями балтійскаго края, такъ и во всей Россіи, вслѣдствіе непрекращавшейся раздражительной газетной полемики. Успокоеніе страстей было дѣйствительно необходимо для того, чтобы предпринятыя мною мѣры могли имѣть успѣхъ и, въ этихъ видахъ, 8-го ноября напечатана была въ Сѣверной Почтѣ статья, которою разъяснялось настоящее значеніе введенія русскаго дѣловаго

---

1) Итакъ, вотъ второй попятный шагъ—безсрочное изъятіе всѣхъ уѣздныхъ учрежденій и должностей.

2) Изъятіемъ уѣздныхъ учрежденій эти предѣлы были тутъ же стѣснены.

3) Странно, что генералъ-губернаторъ не упоминаетъ о третьей уступкѣ, сдѣланной по его иниціативѣ, именно объ особомъ разрядѣ смѣшанныхъ учрежденій, изобрѣтенномъ имъ впервые, собственно для возможно большаго стѣсненія категоріи коронныхъ учрежденій.

языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ и обозначены предѣлы этой мѣры. Съ тѣхъ поръ полемика по вопросу о русскомъ языкѣ дѣйствительно прекратилась и вообще газетныя статьи о прибалтійскомъ краѣ возбудительнаго свойства уже болѣе не появлялись [1]).

Въ началѣ ноября долженъ былъ собраться лифляндскій дворянскій ландтагъ и я поспѣшилъ въ Ригу, чтобы застать его въ началѣ и вліяніемъ своимъ устранить по возможности какія бы то ни было пренія и постановленія относительно введенія русскаго языка, которыхъ можно было ожидать.

Дѣйствительно, вскорѣ по открытіи ландтага, на немъ возбужденъ былъ вопросъ о русскомъ языкѣ. Обсуждались и статья Сѣверной Почты и циркуляръ, данный мною для руководства губернаторамъ.

Часть дворянства, въ томъ числѣ нѣкоторые ландраты и другія заслуженныя лица, принадлежащія большею частью къ консервативной партіи, дѣйствовали осмотрительно, посѣщали меня, просили совѣта и разъясненія [2]) и впослѣдствіи высказывались на ландтагѣ согласно съ моими видами; но главные дѣятели лифляндской партіи, братья Эттингены (братья лифляндскаго губернатора) [3]) и три ландрата приставшіе къ нимъ, дѣйствовали настойчивѣе и къ сожалѣнію склонили большинство на свою сторону. Надо думать, что

---

[1]) Слѣдовало бы прибавить для точности: въ предѣлахъ Россіи.—За то остзейская оппозиція, осужденная на молчаніе у себя дома, перебралась за границу, нашла широкій просторъ въ нѣмецкихъ газетахъ, гостепріимно открывшихъ ей свои столбцы, и огласила своими воплями всю Германію. Лучше ли это?—Собственно достигнута была одна цѣль: у насъ смолкли голоса, сочувствовавшіе мѣрамъ правительства, а тамъ, за границею, голоса враждебные правительству умножились и усилились. Въ pendant къ антирусской литературѣ польскаго происхожденія, образовалась такая же литература происхожденія остзейскаго. Плоды первой, насажденной въ прошлое царствованіе, мы вкусили въ шестидесятыхъ годахъ, а плоды второй, насажденной въ нынѣшнее, вѣроятно вызрѣютъ къ будущему.

[2]) То есть: распрашивали меня и, въ моемъ лицѣ, ощупывали правительство.

[3]) Вообще, во всемъ изложеніи, личная роль Эттингеновъ, губернатора и его братьевъ, хотя несомнѣнно даровитыхъ и вліятельныхъ, значительно преувеличена. Оппозиція всего края была гораздо дружнѣе, цѣльнѣе и обдуманнѣе, чѣмъ она представлена въ запискахъ ген. ад. Альбединскаго.

въ вопросѣ о языкѣ, столь близкомъ сердцу каждаго, сами консервативные бароны поступали не вполнѣ искренно и не выказали надлежащаго противодѣйствія либераламъ [1]). Послѣ многочисленныхъ разсужденій и не взирая на всѣ мои усилія, дворянство постановило въ принципѣ представить Государю Императору, чрезъ губернскаго предводителя, всеподданнѣйшій адресъ съ просьбою объ отмѣнѣ главнѣйшихъ постановленій закона 1850 года, а именно: о перепискѣ уѣздныхъ учрежденій съ военнымъ вѣдомствомъ и о дѣлопроизводствѣ на русскомъ языкѣ. Но предварительно подачи адреса, дворянство нашло болѣе удобнымъ возложить на губернскаго предводителя обязанность обратиться къ органамъ правительственной власти съ просьбою объ исходатайствованіи отмѣны собственно помянутыхъ постановленій.

Узнавъ объ этомъ отъ губернскаго предводителя, который оставался въ совершенномъ бездѣйствіи во время происходившихъ преній, я высказалъ ему, что послѣ Всемилостивѣйше выраженной ему, вмѣстѣ съ двумя другими предводителями, самимъ Государемъ воли Его, я съ своей стороны не могу признать возможнымъ ни изъявить мое одобреніе на подачу адреса, ни ходатайствовать объ отмѣнѣ Высочайшихъ повелѣній. Всѣ эти обстоятельства были постоянно сообщаемы мною министру внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго я получалъ одобрительные отзывы и полное сочувствіе къ моему отказу въ согласіи на поднесеніе адреса дворянскимъ предводителемъ, буде таковой составится.

Наконецъ, на послѣднюю мою телеграмму отъ ... ноября 1867 года, въ которой было сказано: „сегодняшнее засѣданіе ландтага кончилось тѣмъ, что было рѣшено не подавать адреса, а поручить предводителю употребить всѣ средства къ смягченію Высочайшаго повелѣнія 1850 года относительно дѣлопроизводства“, я получилъ въ отвѣтъ отъ него телеграмму слѣдующаго содержанія: „Вы уполномочены объявить Высочайшимъ Именемъ, если и когда сочтете нужнымъ, что Государь Императоръ не изволитъ при-

[1]) По просту: стояли съ ними за одно, хотя не такъ назойливо совались впередъ.

нять никакого ходатайства, въ какой бы формѣ оно ни было выражено, о смягченіи повелѣній 1850 и 1867 годовъ".

Строго придерживаясь выраженій этой послѣдней телеграммы, „если и когда сочтете нужнымъ", я сохранилъ ее, какъ и слѣдовало, втайнѣ, не переставая предполагать, что дворянство отложитъ исполненіе своего постановленія о подачѣ адреса, вслѣдствіе сообщенныхъ мною предводителю дворянства увѣщевательныхъ телеграммъ министра внутреннихъ дѣлъ и графа Шувалова, въ которыхъ положительно высказывалось, что Государь отвергнетъ адресъ и что, слѣдовательно, мнѣ не представится необходимости объявлять дворянству Высочайшее рѣшеніе.

Встрѣтившись черезъ нѣсколько дней послѣ того съ губернскимъ предводителемъ, я узналъ отъ него, что на слѣдующій день онъ долженъ явиться ко мнѣ офиціально съ извѣстнымъ уже постановленіемъ ландтага и, если съ моей стороны не встрѣтитъ готовности ходатайствовать передъ правительствомъ о смягченіи нѣкоторыхъ распоряженій, заключающихся въ разосланномъ мною циркулярѣ, вынужденъ будетъ просить согласія моего на поѣздку въ Петербургъ для представленія всеподданнѣйшаго адреса. Я заявилъ ему при этомъ, что желалъ бы предварительно объясниться съ нимъ конфиденціально и передать ему мои по этому предмету мысли.

Въ происходившей, вслѣдствіе этого, въ тотъ же день частной между нами бесѣдѣ, я употребилъ всѣ усилія, чтобы не доводить дѣла до непріятной развязки и дать понять губернскому предводителю неизбѣжные результаты его домогательства. Предупредивъ его, что онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ имѣть успѣха, я замѣтилъ ему наконецъ, что данное ему ландтагомъ порученіе вовсе не обусловлено необходимостью немедленно привести его въ исполненіе [1]) и что, по мнѣнію моему, заявленія дворянства по поводу введенія русскаго языка могли бы имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, еслибъ мѣстныя власти переступили за предѣлы закона 1850 года. Словомъ сказать, я далъ г. Лилiенфельду полную воз-

[1]) Стало быть генералъ-губернаторъ, повидимому, мирился на отсрочкѣ.

можность съ достоинствомъ отступить отъ задуманнаго предпріятія.

На слѣдующій однако день, противъ моего ожиданія, губернскій предводитель явился ко мнѣ официально, во исполненіе постановленія ландтага, съ просьбою объ упомянутомъ выше ходатайствѣ [1]).

Давъ г. Лиліенфельду отрицательный отвѣтъ, я объявилъ ему Высочайшее повелѣніе, сообщенное мнѣ телеграммою министра внутреннихъ дѣлъ.

Когда же г. Лиліенфельдъ, не удовольствовавшись этимъ, обратился ко мнѣ съ письменнымъ заявленіемъ, я сообщилъ ему Высочайшее повелѣніе письменно, препроводивъ вмѣстѣ съ тѣмъ копію съ его ко мнѣ отношенія, такъ и съ моего къ нему отвѣта, къ министру внутреннихъ дѣлъ. Послѣ всего этого, губернскій предводитель заявилъ мнѣ, что онъ вынужденъ отложить намѣреніе о поднесеніи Государю адреса и оставить всякія въ этомъ отношеніи попытки.

Между тѣмъ, лифляндскій губернаторъ Эттингенъ испросилъ у меня разрѣшеніе отправиться по дѣламъ въ С.-Петербургъ, указавъ при этомъ, что ему будетъ весьма прискорбно, ежели, при представленіи Его Величеству, рѣчь коснется лифляндскаго ландтага. Въ Петербургѣ онъ имѣлъ аудіенціи у Государя Императора и у Императрицы и былъ милостиво принятъ Ихъ Величествами. Я искренно желалъ этого, полагая, что послѣ разговора съ Государемъ Императоромъ, онъ удостовѣрится въ необходимости приняться за дѣло о введеніи русскаго языка и избавитъ меня отъ излишнихъ затрудненій. Но, какъ оказалось, г. Эттингенъ не упустилъ случая заявить министру внутреннихъ дѣлъ и многимъ другимъ лицамъ, какъ въ Петербургѣ, такъ впослѣдствіи и въ Ригѣ, о томъ, что намѣренія лифляндскаго дворянства переданы правительству будто бы не вѣрно [2]) и что дворянство огорчено отказомъ въ вы-

[1]) И такъ, дворянство перехитрило генералъ-губернатора. Рѣшившись твердо брать назойливою дерзостью, оно поддерживало въ немъ надежду, что адресъ не состоится, съ единственною цѣлью вывѣдать отъ него все нужное, а затѣмъ поступило всетаки по своему.

[2]) Г. Эттингенъ утверждалъ впослѣдствіи, что ему сказано было товарищемъ министра внут. дѣлъ, что было донесено о ходатайствѣ дворянства о т м ѣ-

слушаніи его крайне умѣренныхъ желаній. Онъ убѣдительно просилъ Государя о прочтеніи лифляндскаго адреса и, подъ вліяніемъ своего увлеченія, заключилъ изъ словъ Государя, что будто его Величество секретно и частнымъ образомъ, помимо генералъ-губернатора, вытребуетъ адресъ лифляндскаго дворянства [1]). При всемъ томъ, такъ какъ подобный исходъ далеко не могъ удовлетворить дворянства, то Эттингенъ просилъ неотступно графа Шувалова передать Государю адресъ неофиціально, о чемъ впослѣдствіи онъ самъ заявлялъ мнѣ.

Въ теченіе 10 дней я ничего не зналъ о происках губернатора, который тѣмъ временемъ, на возвратномъ пути въ Ригу, остановился въ имѣніи своемъ близъ Динабурга и пригласилъ туда губернскаго предводителя, чтобъ сообщить ему о результатахъ своей поѣздки. Послѣдній, по возвращеніи своемъ, на другой день, вручилъ мнѣ письмо министра внутреннихъ дѣлъ, порученное Эттингену для передачи мнѣ, и заявилъ, съ согласія губернатора, о выраженномъ будто бы Государемъ желаніи имѣть адресъ лифляндскаго дворянства конфиденціальнымъ путемъ.

Крайне удивленный этимъ заявленіемъ, я обратился къ то-

нить законъ 1850 и 1867 годовъ; мною же никогда не было употреблено слово „отмѣна“, ни въ одномъ изъ сообщеній министру внутреннихъ дѣлъ, равно и графу Шувалову. Изъ моихъ телеграммъ и писемъ можно удостовѣриться, что было заявлено лишь о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и о смягченіи упомянутыхъ постановленій, единственно относительно дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ. Вслѣдствіе объясненія, которое я имѣлъ съ г. Эттингеномъ по этому поводу и на вопросъ мой: просилъ ли онъ князя Лобанова показать ему таковое донесеніе до огласки онаго, онъ отвѣчалъ мнѣ, что о томъ не просилъ и такового не читалъ, а удовольствовался словеснымъ отзывомъ товарища министра, который очевидно легко могъ ошибиться въ выраженіи. Примѣч. автора записки.

[1]) Секретно, частнымъ образомъ, помимо генералъ-губернатора!!—это приписывается Императору Всероссійскому лифляндскимъ губернаторомъ! Читая подобныя слова, не вѣришь глазамъ своимъ. Вотъ однако къ чему ведетъ отмѣна дѣйствующихъ законовъ секретно, частнымъ образомъ, помимо Россіи. А кто придумалъ, кто присовѣтовалъ Государю прибѣгнуть къ этому дотолѣ безпримѣрному способу отмѣны законовъ? Не тѣжели самыя лица, у которыхъ первое слово на языкѣ: укрѣпленіе авторитета власти и поддержаніе ея нравственнаго достоинства?

варишу министра, полагая найти въ немъ объясненіе подобнаго заявленія; но въ этомъ письмѣ [1]) статсъ-секретарь Валуевъ сообщалъ мнѣ лишь Высочайшее одобреніе по поводу всѣхъ мѣръ, принятыхъ мною во время ландтага.

Высказавъ поэтому губернскому предводителю, что, за объявленіемъ ему мною Высочайшей воли, мнѣ не остается ничего болѣе, какъ удостовѣриться въ намѣреніяхъ Его Величества, вмѣстѣ съ тѣмъ я вытребовалъ къ себѣ губернатора для объясненій по дѣламъ службы.

Послѣдній передалъ мнѣ все вышеописанное, разумѣется, съ своей точки зрѣнія, и заявилъ на сдѣланное ему мною замѣчаніе, что онъ сообщилъ о намѣреніи Государя г. Лиліенфельду совершенно частнымъ образомъ, точно такъ же, какъ сообщаетъ о томъ и мнѣ, и что онъ не получилъ никакого полномочія объявить мнѣ Высочайшую волю.

Заключивъ изъ словъ его, что онъ, во время бесѣды съ Государемъ, или воспользовался Его милостивою благосклонностью, или во всякомъ случаѣ злоупотребилъ Высочайшимъ довѣріемъ, передавъ частное желаніе Государя прежде всего тому лицу, для котораго оно должно было оставаться тайною, я рѣшился немедленно отправиться въ С.-Петербургъ и разъяснить Государю Императору поступокъ г. Эттингена и тѣ важныя послѣдствія, которыя онъ могъ бы имѣть, оставаясь безнаказаннымъ.

Послѣдствія эти очевидны: вѣсть, сообщенная Эттингеномъ Лиліенфельду, должна была разойтись по всему краю; дворянства увидали бы колебанія правительства въ дѣлѣ русскаго языка; достоинство генералъ-губернатора совершенно исчезло бы въ ихъ глазахъ; въ Эстляндіи, Курляндіи и на островѣ Эзелѣ поняли бы, что дѣйствовать въ разрѣзъ съ правительственными видами, представителемъ которыхъ служитъ генералъ-губернаторъ, гораздо выгоднѣе и полезнѣе, чѣмъ согласоваться съ ними [2]); эстляндское, курляндское и эзельское дворянства, успокоенныя мною [3]) и завѣренныя въ томъ, что

[1]) Здѣсь, въ полученной мною рукописи, кажется что то пропущено.

[2]) Все это давнымъ давно и высмотрѣно и понято всѣми въ остзейскомъ краѣ.

[3]) Какое заблужденіе!

никакія ходатайства по вопросу о русскомъ языкѣ не будутъ приняты, могли бы предположить, что они были какъ бы обмануты и что, твердый въ отношеніи къ нимъ, я уступилъ лифляндскому дворянству.

Всѣ эти послѣдствія тѣмъ болѣе были бы прискорбны, что имѣлись уже положительныя доказательства тому, что въ двухъ губерніяхъ умы совершенно успокоились и примирились съ мѣрою правительства о русскомъ языкѣ; эстляндское, курляндское и эзельское дворянства, вслѣдствіе сообщенія, сдѣланнаго имъ лифляндскимъ дворянствомъ о поданіи адреса, отозвались послѣднему,что не намѣрены и не считаютъ себя въ правѣ слѣдовать за нимъ въ дѣлѣ протестовъ противъ введенія русскаго языка [1]).

Курляндскій губернаторъ письменно подтвердилъ мнѣ, что русское дѣлопроизводство въ его канцеляріи и въ губернскомъ правленіи принялось успѣшно и, по первому моему востребованію, доставилъ мнѣ на выдержку 16 сложныхъ журнальныхъ постановленій губернскаго правленія по разнымъ дѣламъ на русскомъ языкѣ. Эстляндскій губернаторъ представилъ мнѣ такія же положительныя доказательства. Одинъ только лифляндскій губернаторъ не донесъ мнѣ, черезъ два слишкомъ мѣсяца по полученіи предписанія, ни слова о принятіи имъ предписанныхъ мною мѣръ, а, по истеченіи помянутаго срока, поставилъ меня въ извѣстность о приведеніи въ исполненіе только Высочайшаго повелѣнія относительно переписки губернскаго правленія на русскомъ языкѣ съ коронными присутственными мѣстами.

Поѣздка моя въ Петербургъ разъяснила правительству настоящее положеніе дѣла. Государь Императоръ призналъ дѣйствія лифляндскаго губернатора неблаговидными и все это обнаружило наконецъ, что дальнѣйшее пребываніе его въ должности могло сопровождаться важными для правительства затрудненіями. Поэтому, немедленно по возвращеніи моемъ въ Ригу, г. Эттингенъ подалъ прошеніе объ отчисленіи его отъ должности.

Не подлежитъ сомнѣнію, что чѣмъ скорѣе послѣдовало бы

---

[1]) Вслѣдъ затѣмъ эстляндское протестовало отъ себя.

удаленіе Эттингена, тѣмъ болѣе оно было бы въ пору. Значеніе его, какъ поборника мѣстныхъ нѣмецкихъ интересовъ, долгое время считалось въ краѣ непоколебимымъ. За нимъ скрывалась многочисленная партія лифляндскаго дворянства [1]), дѣйствовавшая въ послѣднее время съ особенною смѣлостью въ разрѣзъ съ правительственными видами; мѣстные жители ясно увидали бы твердую волю правительства въ дѣлѣ введенія русскаго языка и перестали бы возбуждать себя безполезными надеждами, полагаясь на авторитетъ столь вліятельнаго должностнаго лица, и смотрѣть на требованія закона слегка.

Къ сожалѣнію, послѣдовавшія затѣмъ колебанія въ назначеніи Эттингену преемника ослабили благопріятныя послѣдствія, которыя должно было имѣть скорое его увольненіе. Въ сторонникахъ его снова пробудились легкомысленныя надежды, сильно поколебленныя вѣстью о его увольненіи. Нерѣшимость правительства прицала въ глазахъ мѣстныхъ Нѣмцевъ нѣкоторое вѣроятіе отзывамъ заграничной печати, основаннымъ на кореспонденціяхъ изъ края о томъ, что Эттингенъ разоблачилъ передъ правительствомъ невѣрныя донесенія главнаго мѣстнаго начальства, а потому и самое удаленіе его не столько уже будетъ казаться неизбѣжнымъ результатомъ послѣдовательной правительственной системы, которой болѣе всего здѣсь опасаются, сколько имѣть видъ жертвы, приносимой генералъ-губернатору вслѣдствіе личныхъ его неудовольствій.

Поэтому, нѣтъ сомнѣнія, что личныя мои затрудненія не прекратятся совершенно вслѣдствіе удаленія Эттингена. Враждебныя дѣйствія его партіи неминуемо проявятся, при первомъ удобномъ случаѣ, въ какомъ нибудь иномъ дѣлѣ и, конечно, будутъ направлены къ тому, чтобы затруднить и пріостановить мою дальнѣйшую дѣятельность; но, въ твердомъ сознаніи важности достоинства правительства и своего долга, я не отступлю при подобномъ противодѣйствіи отъ принятыхъ уже мною мѣръ и полагаю, что важность настоящаго исхода

[1]) Во первыхъ—не партія, а все дворянство, все лютеранское духовенство и всѣ городовые магистраты, дѣйствовавшіе за одно; во вторыхъ — нисколько не скрывались, а стояли у всѣхъ на виду.

неудачной попытки лифляндскаго дворянства и удаленія Эттингена будетъ вполнѣ оцѣнена тѣми, которымъ придется послѣ меня дѣйствовать въ этомъ краѣ въ смыслѣ правительства [1]).

Этимъ кончаются записки генералъ-адъютанта Альбединскаго. Если смотрѣть на нихъ какъ на отчетъ, поданный Государю главнымъ начальникомъ цѣлаго края, то нельзя не признать, что онѣ далеко не удовлетворяютъ самымъ снисходительнымъ требованіямъ. Такія записки, по ихъ безцвѣтности, по скудости ихъ содержанія, по шаткости выводовъ и совершенному отсутствію въ нихъ всякаго твердаго зерна, скорѣе можно бы было приписать средней руки столоначальнику, который легко бы написалъ ихъ въ одинъ присѣстъ, не выѣзжая изъ Петербурга, а имѣя передъ глазами нѣсколько дѣлъ, нѣсколько прежнихъ генералъ-губернаторскихъ отчетовъ и пять или шесть журнальныхъ передовыхъ статей изъ шестидесятыхъ годовъ. Не менѣе того, онѣ не лишены интереса какъ типическое произведеніе той политической школы новѣйшаго образованія, для которой я предложилъ названіе генералъ-адъютантскаго нигилизма. Въ итогѣ, содержаніе всѣхъ четырехъ записокъ сводится на нуль, и въ этомъ заключается характерная ихъ черта. На многихъ страницахъ ставятся такъ называемые принципы, руководящія начала, твердыя правила и т. п.; но если читатель возьметъ на себя трудъ, снявъ съ нихъ канцелярскую скорлупу офиціальной фразеологіи, сопоставить ихъ и сличить одно правило или начало съ другимъ, то онъ убѣдится, что между ними нѣтъ ни одного, которое не находило бы тутъ же, въ приведенныхъ соображеніяхъ, самаго радикальнаго своего осужденія и не упразднялось бы другимъ, прямо ему противоположнымъ и совершенно равносильнымъ.

Просимъ припомнить только что прочитанное: правитель-

---

[1]) Прискорбнѣе всего то, что въ этой траги-комической коллизіи интересовъ, самолюбій, интригъ, служебныхъ хитростей и сплетень, фигура русскаго правительства почти нисколько не отличается своими размѣрами отъ Эттингеновъ, Лиліенфельдовъ и прочихъ дѣйствующихъ лицъ. Она также мелка, мизерна, и говоритъ такимъ же нетвердымъ, какъ будто надломленнымъ голосомъ.

ство стремилось, стремится и должно неуклонно стремиться къ объединенію остзейскаго края съ Россіею; средствомъ объединенія служитъ, между прочимъ, постепенное введеніе новѣйшихъ учрежденій, дѣйствующихъ въ имперіи, начиная съ городоваго положенія и съ переустройства судебной части. Это ясно. Но тутъ же выставляется ребромъ тотъ высмотрѣнный на мѣстахъ и глубоко знаменательный фактъ, что всѣ этого рода преобразованія, „постоянно служа къ сліянію сословій и разобщенныхъ интересовъ, тѣмъ самымъ давали новую пищу развитію нѣмецкаго элемента“, слѣдовательно приводили къ результатамъ діаметрально противоположнымъ той цѣли, которую преслѣдовало правительство.

Послѣ этого, можно ли серьезно совѣтовать ему продолжать, не смущаясь, работать на свою голову, и не очевидно ли, что оно поступило бы не въ примѣръ благоразумнѣе, отказавшись разъ навсегда отъ всякаго обновленія мѣстныхъ учрежденій?

Въ видахъ оказанія существенной услуги русскому вліянію въ прибалтійскомъ краѣ, нужно поднять значеніе православнаго духовенства, улучшить его хозяйственный бытъ, просвѣтить его, поставить православныя школы въ уровень съ протестантскими, вообще укрѣпить православіе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно укоренилось и гдѣ послѣдователи его составляютъ большинство. Совѣтъ добрый; но, прибавляетъ податель его: знайте напередъ, „что тѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ д о л ж н о существовать православіе въ этомъ краѣ, не могутъ быть измѣнены никакими усиліями правительства“; знайте также, „что православіе отнюдь не служитъ символомъ русской народности“ и наконецъ, что, по мѣстнымъ наблюденіямъ, православное населеніе края „обнаруживаетъ, въ гораздо большей степени, чѣмъ лютеранское, недовѣріе ко всему русскому“. Выслушавъ это, съ чего же стало бы правительство тратить деньги и заботы на устраненіе условій, признанныхъ неустранимыми и на укрѣпленіе вѣроисповѣданія, порождающаго политическое недовѣріе?

Въ тѣхъ же видахъ проведенія въ мѣстную жизнь русскихъ началъ, желательно уравнять во всѣхъ правахъ русское населеніе края съ нѣмецкимъ. Это естественно и понятно, думаетъ читатель — въ русскомъ обществѣ правительство най-

детъ сочувствіе и поддержку для своихъ начинаній; но читатель заблуждается. Черезъ нѣсколько строкъ онъ узнаетъ, „что правительство не найдетъ въ Русскихъ существенной опоры для распространенія русскаго преобладанія въ краѣ“.

Далѣе: покуда мы мечтаемъ о постепенномъ объединеніи нашего балтійскаго поморія съ Россіею, дворянство и духовенство дѣятельно и успѣшно перевоспитываютъ въ народныхъ школахъ подрастающія поколѣнія крестьянъ изъ Латышей и Эстовъ въ Нѣмцевъ—это дознано и заявлѣно; прибавлено даже, что въ этомъ намѣреніи заключается тайна теперешней заботливости высшихъ сословій о народномъ образованіи. Дочитавъ до этого мѣста, вы естественно ждете совѣта правительству взять сельскія школы въ свои руки и дать народному воспитанію другое направленіе, но напрасно вы этого ждете.—Сохрани Богъ, восклицаетъ генералъ-адъютантъ Альбединскій, даже отъ „попытки обрусенія края посредствомъ народа“ — всѣ усилія правительства пропали бы даромъ „по совершенной невозможности изъять народное образованіе изъ рукъ пасторовъ и помѣщиковъ“.

Вообще, замѣчаетъ нѣсколько разъ авторъ записокъ, мы слишкомъ легко сторонились передъ мѣстною оппозиціею и этимъ дали укорениться убѣжденію, что можно „обойти всякое правительственное начинаніе и ослабить всякій неугодный краю законъ“; пора наконецъ вспомнить, что было-бы несообразно съ достоинствомъ государственной власти уступать быстрому развитію нѣмецкаго элемента; пора не останавливаться передъ препятствіями, а идти впередъ къ указаннымъ цѣлямъ, не спѣшно, но твердо и неуклонно, и т. п.

Такого рода внушеніями пересыпаны всѣ записки, а для возбужденія въ правительствѣ энергіи и вѣры въ успѣхъ, вотъ въ какомъ видѣ его вдохновитель представляетъ ему тѣ средства, которыми оно располагаетъ для рѣшительныхъ дѣйствій. Послушайте: „было-бы крайне легкомысленно полагаться сколько нибудь на мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлахъ съ малѣйшимъ политическимъ оттѣнкомъ“; между тѣмъ, масса чиновниковъ, потребныхъ для уѣздныхъ учрежденій, „должна наполняться неизбѣжно изъ мѣстныхъ жителей; создать новую администрацію невозможно“, и передъ этою невоз-

можностью очевидно замрутъ требованія правительства, какъ бы они ни были строги.

Такъ и по всѣмъ остальнымъ пунктамъ, затронутымъ въ запискѣ. Затѣмъ остаются общія мѣста, въ родѣ того, что нужно обратить вниманіе на главные центры, развивать торговлю, дѣлать лучше немного, но прочно, чѣмъ затѣвать многое и не додѣлывать, и т. п.

Логика конечно не мирится съ такого рода нанизываніемъ взаимно исключающихся сужденій и совѣтовъ, но дѣло въ томъ, что авторъ не очень то и заботится объ удовлетвореніи ея требованіямъ и что на этотъ родъ офиціально-литературныхъ произведеній слѣдуетъ смотрѣть съ совершенно иной точки зрѣнія. Нужно только вѣрно опредѣлить ее. Предположите, что вамъ приходится писать о предметѣ, о которомъ существуютъ два рѣзко противоположныхъ мнѣнія, и что вы, обмакивая перо, по особеннымъ вашимъ соображеніямъ, ставите себѣ задачею непремѣнно потрафить на вкусъ другаго лица, того, для котораго вы пишете, иными словами — высказаться въ смыслѣ и тонѣ этого лица, зная хорошо его характеръ и общія его воззрѣнія, но не имѣя возможности угадать напередъ, къ которому изъ двухъ противоположныхъ мнѣній оно будетъ болѣе склонно въ минуту прочтенія. При такой постановкѣ задачи, ничего лучшаго придумать нельзя, какъ, отложивъ всякое попеченіе о логической стройности, пустить въ перемежку, въ одной и той же запискѣ, оба взаимно исключающіяся мнѣнія и скомпановать ее такъ, чтобы въ ней нашлось рѣшительно все, слѣдовательно и то, чѣмъ въ данную минуту можно будетъ угодить и выслужить одобреніе. Если удастся соблюсти это условіе, то будетъ полное основаніе надѣяться, что лицо, читающее не съ критическою цѣлью, остановится преимущественно на тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ оно встрѣтитъ отголосокъ своей собственной мысли, и оставитъ безъ вниманія другія мѣста, въ которыхъ проводится противоположная тема. Тогда, какое бы впечатлѣніе ни сложилось въ умѣ читателя и въ какомъ бы смыслѣ окончательно ни выразилось его сужденіе, авторъ записки всегда будетъ въ правѣ сказать, что онъ вѣрно угадалъ руководящую мысль читателя и какъ бы внушилъ ему

своимъ докладомъ положенную на немъ резолюцію. Такъ объясняется вообще процессъ происхожденія той категоріи офиціальныхъ произведеній, къ которымъ относятся прочтенныя нами записки и, глядя на нихъ съ этой точки зрѣнія, нельзя не признать, что онѣ вполнѣ удовлетворяютъ всѣмъ условіямъ этого рода. Другое несомнѣнное достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что авторъ заранѣе прикрываетъ себя со всѣхъ сторонъ и становится рѣшительно неуязвимъ. Критикѣ не къ чему прицѣпиться. Попробовала бы она, напримѣръ, возразить ему, что онъ напрасно внушаетъ правительству недовѣріе къ мѣстнымъ дѣльцамъ—онъ перевернетъ страницу и сошлется на тѣ строки, въ которыхъ правительству подается совѣтъ искать опоры въ мѣстныхъ консерваторахъ, стало быть въ той партіи, которая съ наибольшимъ упорствомъ отстаиваетъ провинціальныя особенности края. Или, вздумала бы она, съ совершенно противоположной точки зрѣнія, поставить ему въ упрекъ именно этотъ совѣтъ—онъ улыбнется и укажетъ на то мѣсто, въ которомъ прямо заявляется, что разсчитывать на мѣстныхъ дѣльцевъ вообще было бы со стороны правительства крайне легкомысленно. Захотѣлъ бы какой нибудь руссофилъ упрекнуть его въ послабленіи притязаніямъ остзейскаго германизма—онъ отвѣтилъ бы, что вся записка его имѣетъ цѣлью убѣдить правительство въ необходимости настойчиво и неуклонно вводить русскій языкъ и русскія начала; но еслибы какой нибудь остзейскій ландратъ, подслушавъ отвѣтъ, вздумалъ надвинуть брови, то генералъ-адъютантъ Альбединскій и тутъ бы не потерялся. Вотъ, что бы онъ могъ сказать для своей очистки: „не забывайте, что я ставлю на первомъ планѣ, какъ непремѣнное условіе, строгое воздержаніе отъ такихъ начинаній, которыя могли бы возбудить въ краѣ единодушную оппозицію“. Кажется не особенно трудно понять, что, при извѣстномъ настроеніи прибалтійскаго общества, эта оговорка равносильна полному отреченію отъ всякой законодательной иниціативы. Итакъ, въ сущности, правительство, такъ сказать, наводится на добровольное уклоненіе отъ борьбы съ германизмомъ, а старая, унаслѣдованная отъ прошлаго царствованія фразеологія о русскихъ началахъ и о постепенномъ объединеніи края съ

Россіею удерживается только потому, что подъ музыку этого давно затверженнаго мотива легче можетъ совершиться переходъ отъ прежней системы безотчетныхъ и непослѣдовательныхъ дѣйствій къ новѣйшей, рекомендуемой теперь системѣ бездѣйствія.

Да, какъ знаменье времени, какъ признакъ постепенно укореняющагося въ нашей внутренней политикѣ національнаго безразличія, — „dieser staatsmännischen Objectivität und Unbefangenheit", которая такъ нравится Остзейцамъ и Нѣмцамъ у насъ, и такъ безпощадно преслѣдуется ими у себя— какъ продуктъ счастливаго сочетанія эпикурейской безпечности съ политическимъ скептицизмомъ, съ невѣріемъ въ историческую будущность Россіи и въ нравственную силу правительства, записки генералъ-адъютанта Альбединскаго, въ своемъ родѣ, могутъ быть названы образцовыми и долго не утратятъ своего значенія.

Не меньшаго конечно вниманія заслуживаетъ другая, чисто объективная сторона этихъ записокъ—сводъ крупныхъ фактовъ, правда не новыхъ, давно заявленныхъ печатно, но едва ли не въ первый разъ признанныхъ офиціально, въ формѣ доклада на Высочайшее имя, поданнаго лицемъ на то уполномоченнымъ отъ правительства и пользующимся полнымъ его довѣріемъ. Замѣчательнѣйшее изъ нихъ мы, такъ сказать, подчеркнули въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ; въ заключеніе остается сдѣлать имъ краткій перечень.

Во множествѣ законоположеній, изданныхъ по крестьянскому вопросу въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ, заботливость правительства ограничивалась всегда улучшеніемъ быта крестьянъ-хозяевъ, составляющихъ только $^1/_5$ тамошняго сельскаго народонаселенія, а для $^4/_5$, т. е. для батраковъ, не сдѣлано ровно ничего. Ихъ хозяйственный бытъ остается по сю пору ничѣмъ не обезпеченнымъ.

Коренные обыватели края русскаго происхожденія доселѣ еще не уравнены съ Нѣмцами по отношенію къ правамъ въ составѣ мѣстныхъ городскихъ обществъ. Такое уравненіе конечно немыслимо, пока Русскіе не получатъ права голоса на родномъ своемъ языкѣ во всѣхъ общественныхъ управленіяхъ и собраніяхъ; но, по теперешнему ходу дѣлъ,

трудно даже ожидать, чтобъ это право могло быть имъ предоставлено прежде, чѣмъ осуществятся многія и многія предварительныя условія, которыхъ осуществленіе далеко не несомнѣнно.

Не существуетъ на практикѣ и вѣроисповѣдной равноправности, ибо православные крестьяне (не одни хозяева, но и батраки) испытываютъ особеннаго рода притѣсненія и обиды, которымъ они подвергаются именно въ качествѣ исповѣдниковъ православной вѣры и отъ которыхъ главный начальникъ края не въ силахъ ихъ оградить.

Нѣтъ фактической равноправности и въ клерикальной средѣ, ибо протестантская пропаганда всетаки продолжаетъ свое дѣйствіе и не оказалось возможности остановить ее, тогда какъ православная пропаганда окончательно прекращена строжайшими воспрещеніями.

Сочувствіе и довѣріе народа къ правительству быстро слабѣютъ; православное населеніе отказалось отъ всякой на него надежды; аристократія сельскаго сословія, крестьяне-хозяева, повернулись къ нему спиною и идутъ теперь туда, куда ихъ ведутъ помѣщики; высшіе слои общества окончательно извѣрились въ силѣ и въ послѣдовательности власти; они глубоко убѣждены въ томъ, что нѣтъ такого предпріятія, въ которомъ бы она не спасовала передъ дружнымъ сопротивленіемъ.

Всѣ Высочайшія повелѣнія и внушенія по предмету введенія русскаго языка въ официальное дѣлопроизводство оставались лѣтъ двадцать мертвою буквою.

Ни въ какомъ дѣлѣ съ малѣйшимъ политическимъ оттѣнкомъ на мѣстныхъ дѣятелей (слѣдовательно и на правительственныхъ чиновниковъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ) нисколько положиться нельзя, а въ ихъ рукахъ находятся полиція, судъ и дѣла земства.

Молодое поколѣніе рѣшительно передалось Германіи всѣми своими сочувствіями и надеждами и такъ далеко отшатнулось отъ Россіи, что даже „стыдится“ говорить по русски.

Вообще, распространенію грамотности и просвѣщенія дано такое направленіе, что оно идетъ паралельно, рука объ руку, съ быстрымъ онѣмеченіемъ всего края. Всѣ учебныя заведе-

нія, не выключая казенныхъ, содержимыхъ отъ правительства, начиная съ сельскихъ начальныхъ школъ и кончая мѣстнымъ университетомъ, обратились въ своего рода лабораторіи, въ которыхъ обучающіеся получаютъ надежный національный закалъ и обрекаются на дальнѣйшую службу германизму.

Совокупность этихъ почти буквально выписанныхъ наблюденій можно, кажется безъ всякой натяжки, заключить, краткости ради, въ слѣдующей формулѣ: изъ долго между собою разобщенныхъ сословій остзейскаго края складывается національный политическій организмъ, который мало по малу отваливается отъ Россіи, или, какъ я выразился въ первомъ выпускѣ Окраинъ: мы присутствуемъ при постепенномъ перерожденіи трехъ нашихъ прибалтійскихъ губерній въ новую Финляндію. Эти слова генералъ-адъютантъ Альбединскій могъ бы подписать, нисколько не противорѣча фактическому содержанію своихъ донесеній.

Что такое явленіе ненормально и рѣшительно непримиримо съ историческимъ призваніемъ государства—это, кажется, не требуетъ доказательствъ. Вопросъ можетъ быть только о системѣ противодѣйствія и о своевременности примѣненія той или другой.

Мы слышали: избѣгать всякой тревоги, не волновать умовъ, не подавать поводовъ къ адресамъ, не будить дремлющихъ газетъ, словомъ—не навлекать на правительство непріятныхъ заботъ; это прежде всего! А потому: разъ навсегда отказаться отъ всякихъ коренныхъ преобразованій, неминуемо требующихъ строго принудительныхъ мѣръ исполненія, и ожидать постепеннаго вразумленія остзейскаго общества отъ внушеній свыше, по временамъ къ нему обращаемыхъ, и отъ личнаго на него вліянія мѣстнаго представителя власти — вотъ къ чему окончательно сводится система, рекомендуемая въ запискахъ и, кажется, одобряемая высшимъ правительствомъ. Нельзя отрицать въ ней достоинства нѣкоторой послѣдовательности. Если, прежде всего, требуется предупрежденіе всякихъ проявленій неудовольствія—безъ которыхъ немыслима никакая борьба, то послѣ всего, конечно, ничего болѣе не остается, какъ дѣятельно потворствовать, или обречь себя на пассивное попущеніе.

Система эта впрочемъ не нова. Примѣненіе ея именно къ остзейскому краю совпало съ крутымъ переломомъ во всей нашей внутренней политикѣ, происшедшимъ въ прошлое царствованіе подъ вліяніемъ революціоннаго вихря, пробѣжавшаго черезъ всю западную Европу въ 1848 году. Ее ввелъ князь Суворовъ, и ей слѣдовали неуклонно послѣ него пять генералъ-губернаторовъ, въ томъ числѣ только одинъ Остзеецъ и четыре Русскихъ; всѣ они считали себя миротворцами, успокоителями и наставителями; не было недостатка и въ Высочайшихъ внушеніяхъ. Итакъ, рекомендуемая система испытывалась въ продолженіе безъ малаго тридцати лѣтъ. Плоды ея собралъ и приподнесъ правительству генералъ-адъютантъ Альбединскій—въ этомъ его заслуга. Не пора ли закончить этотъ опытъ и изъ явной его безуспѣшности извлечь для себя убѣжденіе въ безсиліи самыхъ благонамѣренныхъ личныхъ вліяній при встрѣчѣ ихъ съ совершенно сознательными притязаніями, предъявляемыми цѣлымъ обществомъ во имя политической національности, какъ бы впрочемъ эти притязанія ни были произвольны.

Здѣсь невольно оглянешься на нашихъ сосѣдей. Оберъ-президентъ Шлезіи доноситъ, что тамошнія сельскія школы превратились въ рукахъ латинскаго духовенства въ политическое орудіе противодѣйствія постепенному онѣмеченію простонародія, что въ этихъ школахъ введенный правительствомъ нѣмецкій языкъ мало по малу вытѣсняется польскимъ и что вліяніе преподаванія въ этомъ смыслѣ направленнаго начинаетъ уже обнаруживаться въ общемъ настроеніи массъ. Эти свѣдѣнія подтверждаются справками на мѣстахъ—фактъ дознанъ, и прусское министерство, не тратя словъ на пустыя увѣщанія, немедленно проводитъ черезъ обѣ камеры законъ о подчиненіи всѣхъ общественныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній строжайшему контролю правительства [1]). Это равносильно полному разрыву съ ультрамонтанствомъ, съ клерикальною партіею, съ римскою куріею и даже съ значительною группою консерваторовъ. К. Бисмаркъ знаетъ это лучше, чѣмъ кто либо, и не скрываетъ ни отъ самого себя,

[1]) Законъ февр. 1872.

ни отъ правительства, значенія борьбы съ такими противниками; но онъ цѣнитъ затронутый въ этомъ дѣлѣ національный интересъ такъ высоко, что не считаетъ себя въ правѣ уклониться отъ неизбѣжнаго столкновенія и предпочитаетъ открытую войну, со всѣми ея скандалами, глухой подземной агитаціи, противъ которой всѣ правительства всегда оказывались безсильными [1]). Я не становлюсь на сторону прусскаго правительства противъ церкви и не высказываю никакого сужденія о самомъ существѣ возникшей между ними распри; я привожу на справку только образъ дѣйствія правительства.

Русское дѣло находится въ остзейскомъ краѣ въ положеніи несравненно худшемъ, чѣмъ дѣло прусское въ Шлезіи или въ познанской области. Мѣстная оппозиція избалована поблажками, уваженіе къ власти подорвано, надежныхъ орудій для борьбы не подготовлено. Нечего себя обманывать: возстановленіе нормальныхъ отношеній области къ цѣлому государству немыслимо безъ обновленія личнаго состава всего мѣстнаго управленія и безъ цѣлаго ряда радикальныхъ, одновременныхъ преобразованій во всѣхъ частяхъ: въ крестьянскомъ быту, въ городскомъ устройствѣ, въ правахъ дворянства, въ организаціи лютеранской церкви, суда, полиціи и учебной части. Мы конечно вызовемъ отчаянное сопротивленіе не только со стороны мѣстныхъ сословій, но и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, ибо и тамъ остзейскій германизмъ занимаетъ твердо укрѣпленную позицію; посыплются докучливыя жалобы, дерзкіе протесты, клеветы и доносы на исполнителей, заграничная пресса ударитъ въ набатъ, поморщится даже прусское правительство, такъ безцеремонно расправляющееся у себя дома съ непокорною ему церковью—все это такъ, и тѣмъ не менѣе неразумно было-бы откладывать со дня на день неизбѣжное рѣшеніе и морочить себя надеждою, что все уладится когда нибудь, само собою, безъ особенныхъ съ нашей стороны усилій, такъ глубоко противныхъ нашему такъ легко переходящему въ дряблость русскому благодушію.

---

[1]) Смот. рѣчи его 9, 10. 13 февр. и 6 и 7 марта 1872.

Неразумно, во-первыхъ, потому, что пока мы бездѣйствуемъ, противники наши дѣйствуютъ, и вслѣдствіе этого, съ каждымъ днемъ, наша сила убываетъ, а ихъ растетъ.

Во-вторыхъ, потому, что власть неограниченная и безотвѣтственная, кромѣ особенныхъ удобствъ для орудующихъ ею, имѣетъ и особенное свое призваніе, подъ часъ можетъ быть даже тяжелое, котораго она однако не можетъ съ себя сложить, не лишивъ себя тѣмъ самымъ историческаго своего оправданія. Есть не мало такихъ законодательныхъ вопросовъ, которые могутъ быть разрѣшены разъ навсегда правительствомъ самодержавнымъ, дѣйствующимъ на свой страхъ, нетолько во всѣхъ отношеніяхъ легче, но и для всѣхъ безобиднѣе, чѣмъ правительствомъ, призвавшимъ уже къ участію въ своей дѣятельности земское представительство, такъ или иначе организованное. Во главѣ этихъ вопросовъ стоитъ одинъ, къ которому такъ называемый остзейскій относится какъ часть къ цѣлому, это вопросъ объ очисткѣ и фактическомъ занятіи на всѣхъ нашихъ окраинахъ широкой сферы правъ и принадлежностей государства, его неприкосновенной, неотчуждаемой области, въ отличіе отъ области мѣстной провинціальной жизни. Ибо не подлежитъ сомнѣнію, что требованія, обусловленныя общегосударственными интересами, какъ бы они ни расходились съ запущенными притязаніями остзейскаго провинціализма, будутъ имъ приняты сравнительно лучше и—что въ этомъ случаѣ важнѣе всего: далеко не такъ глубоко оскорбятъ его, если они предъявятся ему теперь, какъ выраженія единоличной воли (положимъ даже единоличнаго произвола) всѣми безусловно признаваемаго самодержца, чѣмъ если, послѣ болѣе или менѣе продолжительной поблажки, тѣ же всё таки неизбѣжныя требованія постигнутъ его въ иной формѣ, отъ безличнаго большинства, то есть въ сущности отъ представительства господствующей народности.

О предупрежденіи неминуемаго въ послѣднемъ случаѣ, можетъ быть, трагическаго столкновенія двухъ національныхъ стремленій не мѣшало бы подумать заблаговременно еще и потому, что если наши государственные дѣятели, застигнутые критическою минутою врасплохъ, какъ бывало прежде,

схватятся за голову и проговорятъ опять: „мы ничего не подозрѣвали и ничего не вѣдали“, то Россія, можетъ быть, вывела бы на справку хоть бы записки самого генералъ-адъютанта Альбединскаго и нашла бы себя въ правѣ, если не сказать громко, то, по крайней мѣрѣ, подумать про себя: вольно же было не вѣдать!— въ своевременныхъ предостереженіяхъ недостатка не было, но вы не захотѣли къ нимъ прислушаться, вы слишкомъ заботливо поддерживали ненадежный миръ и обманчивую тишину, или слишкомъ бережно охраняли свою популярность.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ V ВЫПУСКУ.

Адресъ Русскихъ Рижанъ.

Въ первой половинѣ 1870 года, послѣ дерзкихъ протестовъ лифляндскаго и эстляндскаго дворянскихъ обществъ и ревельскаго магистрата противъ введенія русскаго языка въ офиціальное дѣлопроизводство прибалтійскаго края, послѣ одобрительнаго отголоска, вызваннаго ими въ заграничныхъ нѣмецкихъ газетахъ, рижскіе граждане русскаго происхожденія почувствовали нравственную необходимость гласно выдѣлиться изъ мѣстнаго общества и выразить свое полное сочувствіе заявленному верховною властью намѣренію постепенно подвигаться впередъ на пути объединенія края съ Россіею. Они изложили свои надежды и желанія въ формѣ адреса, подъ которымъ подписалось въ нѣсколько дней до 800 человѣкъ.

Узнавъ объ этомъ, бывшій лифляндскій губернаторъ пришелъ въ ужасъ, отобралъ черезъ полицію всѣ списки и своими угрозами предупредилъ подачу адреса. Если бы, при однородныхъ условіяхъ, въ Эльзасѣ, нѣмецкая партія, составляющая тамъ меньшинство, вздумала обратиться къ германскому Императору съ подобнымъ заявленіемъ, князь Бисмаркъ, вѣроятно, отнесся бы къ дѣлу нѣсколько иначе.

Вотъ этотъ адресъ:

Его Превосходительству господину прибалтійскому генералъ-губернатору генералъ-лейтенанту Петру Павловичу Альбединскому.

Совершившіяся многочисленныя преобразованія и реформы, ознаменовавшія нынѣшнее царствованіе и обновившія весь строй и складъ общественной и государственной жизни нашего отечества, показали уже, какъ велико благодѣяніе, вносимое этими реформами всюду, гдѣ онѣ только приведены въ исполненіе. Но мы остались въ сторонѣ отъ общаго движенія имперіи и явились лишь безучастными зрителями совершающагося подлѣ насъ преуспѣянія, какъ бы не принадлежащіе къ единой, нераздѣльной семьѣ русской, ибо мы лишены тѣхъ благъ, коими уже пользуются другіе члены этой семьи.

Вступить въ полное единеніе, безповоротно и цѣлостно, съ общерусскою гражданскою жизнью и стать на тотъ же самый путь преуспѣянія, который указанъ державною волею Государя Императора и которымъ уже идутъ почти всѣ члены общей нашей семьи, есть наше душевное, искреннее и глубокое желаніе.

Мы пришли къ полному убѣжденію, что строй и условія жизни и общества въ прибалтійскихъ губерніяхъ, основанные на учрежденіяхъ, нѣкогда быть можетъ и полезныхъ и необходимыхъ, требуютъ нынѣ коренной реформы и обновленія, ибо время вызвало такія нужды и такія потребности, которыхъ ни устранить, ни обойти невозможно, безъ явнаго и общаго вреда нашему и нашихъ потомковъ благосостоянію.

Мы рѣшаемся на шагъ, зрѣло обдуманный, твердо уясненный и прибѣгаемъ къ вашему превосходительству, какъ представителю верховной власти въ прибалтійскихъ губерніяхъ, съ покорнѣйшею и убѣдительнѣйшею просьбою предстать за насъ предъ лицемъ Августѣйшаго Монарха нашего и повергнуть къ стопамъ Его просьбу нашу, да сопричтемся и мы къ благамъ, дарованнымъ Имъ всей Богомъ Ему врученной державѣ, и да снизойдетъ и на насъ отъ Монаршихъ щедротъ:

1) Чтобъ русскій языкъ былъ признанъ языкомъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на счетъ государственнаго казначейства, а въ городскихъ и сельскихъ училищахъ составлялъ предметъ обязательнаго преподаванія, съ подчиненіемъ всѣхъ вообще училищъ вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

2) Чтобъ русскій языкъ былъ введенъ въ администрацію, за исключеніемъ лишь волостныхъ правленій и волостныхъ судовъ, въ которыхъ дѣлопроизводство нельзя не оставить на мѣстныхъ народныхъ языкахъ: латышскомъ и эстскомъ.

3) Чтобъ на всѣ города прибалтійскихъ губерній было распространено то Городовое Положеніе, которое нынѣ обсуждается въ государственномъ совѣтѣ, съ тѣмъ чтобы въ устройствѣ городовъ и внутренняго управленія ими не было никакой разницы между губерніями прибалтійскими и внутренними, какъ то уже и было до 1796 года.

4) Чтобы къ прибалтійскимъ губерніямъ были примѣнены тѣ самыя судебныя учрежденія, которыя уже введены и дѣйствуютъ во многихъ губерніяхъ имперіи.

5) Чтобы въ прибалтійскихъ губерніяхъ дѣйствовало Положеніе о земскихъ собраніяхъ, которое существуетъ и дѣйствуетъ въ остальныхъ губерніяхъ имперіи.

ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ

ГАЗЕТЫ „МОСКВА“

1867 г.

О православіи въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Москва, 11 марта *).

Мы постоянно получаемъ грустныя извѣстія о положеніи православныхъ въ Остзейскомъ краѣ. Извѣстія эти, полныя тихой, боязливой жалобы, робко передаютъ намъ возмутительные факты; но и въ этой передачѣ — такъ и слышится боязливая сдержанность, такъ и чуется страхъ высказаться вполнѣ, вылиться словомъ отъ наболѣвшаго сердца. Намъ случается даже получать изъ разныхъ мѣстъ прибалтійскихъ губерній письма съ оригинальною просьбою или не отвѣчать вовсе, или отвѣчать черезъ третьи, четвертыя руки, не запечатывать нашихъ отвѣтовъ печатью редакціи, а копѣйкою и т. п. Неужели все еще сношенія съ редакціею русской газеты вмѣняются въ преступленіе мирнымъ Латышамъ и Эстамъ? Неужели ихъ понятное и естественное тяготѣніе къ центру— къ Россіи и ко всему русскому — нагоняетъ на нихъ кару, преслѣдованія? Неужели они все еще клеймятся за это страшнымъ для каждаго изъ нихъ названіемъ думпиніаки (бунтовщики) — названіемъ, которое мгновенно замыкаетъ ротъ каждому православному Латышу и Эсту, ибо непремѣнно поднимаетъ въ его памяти воспоминаніе о наказаніи бибергофскихъ

*) Эта передовая статья была написана В. П. Перцовымъ, который принималъ дѣятельное участіе въ редакціи газеты „Москва“, издававшейся И. С. Аксаковымъ; но она печатается здѣсь потому, что была значительно исправлена Ю. Ѳ—чемъ и въ виду ея связи съ слѣдующею передовою статьею отъ 12 марта, написанною почти цѣликомъ Ю. Ѳ—чемъ. *Прим. изд.*

думпиніаковъ? Повторяемъ, свѣдѣнія, получаемыя нами, не полны, высказываются только въ половину, намеками; но и изъ нихъ ясно,—ясно до боли сердца, ясно до невольнаго негодованія, жалкое положеніе православныхъ въ краѣ. Какъ православные и русскіе, мы не можемъ не отозваться сочувственно на эти сдержанныя слезы нашихъ братьевъ во Христѣ; тѣмъ болѣе не можемъ теперь, когда на другомъ концѣ Европы, внѣ предѣловъ Россіи, истязанія православныхъ не только возбудили сочувствіе всей Россіи, но и встрѣтили горячую помощь въ нашемъ правительствѣ. Мы имѣемъ слабость думать, что тотъ не сынъ православной церкви, кто не протянетъ руки православному, угнетаемому за вѣру; тотъ не русскій, кто не откликнется на вопль, вырванный гнетомъ за приверженность къ роднымъ, русскимъ интересамъ. Недавно прочли мы въ газетахъ письмо рижскаго архіепископа Платона къ редактору „Рижской газеты“,—письмо, изъ котораго узнаемъ, что калценаускій пасторъ-пробстъ А. Дебнеръ, въ изданной имъ въ 1864—66 г. исторіи христіанской религіи, составленной для Латышей прибалтійскихъ губерній, порицаетъ греческо-православную церковь и говоритъ, что „судъ Божій жестоко поразилъ восточные народы и разсыпалъ ихъ глупую соль вѣрованія подъ ноги магометанъ“. Называя почитаніе иконъ и мощей „суевѣріемъ, возникшимъ въ IV вѣкѣ изъ обмана священниковъ“, онъ доказываетъ затѣмъ, что религія русскихъ есть „та же самая, какая была у константинопольскихъ патріарховъ за 800 лѣтъ предъ симъ“, слѣдовательно—какъ само собою выходитъ изъ предыдущихъ его словъ — извращенная и суевѣрная.

Въ виду такого печатнаго отзыва лифляндскаго лютеранскаго пастора, полагаемъ, что и намъ дозволено будетъ сказать нѣсколько словъ о православіи въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Судьба православія въ Остзейскомъ краѣ любопытна во многихъ отношеніяхъ и заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія; но для этого еще не наступило время. Извѣстнаго рода общественныя предубѣжденія такъ успокоительны, стачка, организованная для ихъ поддержанія, такъ сильна, что ни-

когда личныя покушенія раскрыть правду не увѣнчаются успѣхомъ, пока мы всѣ, серьезно и искренно, не захотимъ узнать ее, а для этого нужно, чтобъ измѣнились многія обстоятельства. Прежде всего нужно, чтобъ грянулъ громъ, иными словами, чтобы послѣдствія нашей безпечности явились передъ нами въ видѣ осязательной, грозящей опасности, въ сопровожденіи если не уличныхъ криковъ и выстрѣловъ, то, по крайней мѣрѣ, адресовъ и дипломатическихъ нотъ.

Давно ли, напримѣръ, узнали мы, что въ то самое время, когда въ Западномъ краѣ и въ Варшавѣ все, повидимому, преклонялось передъ всесильнымъ русскимъ владычествомъ, мѣстная администрація систематически парализировала намѣренія правительства и подкапывала нравственный авторитетъ его,—съ одной стороны, подстрекая власть къ суровымъ экзекуціямъ, искуственно раздражавшимъ противъ нея народъ, а съ другой—заподозривая народъ въ глазахъ власти и пугая ее призракомъ революціонныхъ движеній? Такова, между прочимъ, была судьба извѣстнаго указа 1846 года, этой большой хартіи польскаго крестьянства, дарованной ему по личной иниціативѣ покойнаго Государя. Всю эту польскую надувательную систему мы высмотрѣли только тогда, когда разыгрался мятежъ и благодаря мятежу.

Когда нибудь раскроется правда и объ Остзейскомъ краѣ. Мы узнаемъ тогда, какимъ образомъ, напримѣръ, въ Курляндіи, ухитрились изобрѣсти и ввести въ дѣйствіе, да еще подъ ироническимъ названіемъ крестьянскаго выкупнаго п р а в а, такой юридическій снарядъ, посредствомъ котораго крестьяне, владѣющіе усадьбами, л е г а л ь н о в ы н у ж д а ю т с я пріобрѣсти ихъ въ собственность по баснословно высокой цѣнѣ или отказаться отъ нихъ навсегда; мы узнаемъ также, какія мѣры употребляются мѣстными властями, чтобъ помѣшать в о л ь н ы м ъ батракамъ наниматься въ работу къ помѣщикамъ сосѣднихъ русскихъ губерній; узнаемъ, какими судьбами, въ центрѣ Петербурга, исчезали внезапно и безслѣдно, какъ будто проваливались сквозь землю, артели, приходившія туда изъ Лифляндіи искать работы; тогда же, не прежде, узнаемъ мы правду и о православной церкви въ остзейскихъ губерніяхъ, а до тѣхъ поръ, остается доволь-

ствоваться данными о давно минувшемъ времени, которыхъ ужъ нѣтъ интереса скрывать, и тѣми крупными фактами, которыхъ скрывать нельзя.

По свидѣтельству русскихъ и остзейскихъ лѣтописцевъ (Генриха Латыша, Ѳомы Гіерна), первыя сѣмена христіанства въ Балтійскомъ краѣ посѣяны были православною церковью; но ея мирная проповѣдь скоро должна была уступить нашествію крестоносцевъ, которые окрестили народъ въ новую вѣру и, заразъ, положили на него ярмо небывалаго рабства; потомъ, когда сами бароны отложились отъ Рима, они перечислили за собою и крестьянъ своихъ изъ латинства въ протестантство. Замѣчательно при этомъ, что народъ упорно и долго защищалъ свое язычество—оно было затоплено въ потокахъ крови; и какъ совершился переходъ того же народа изъ римской церкви въ лютеранство, объ этомъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Народъ какъ будто этого и не замѣтилъ; по крайней мѣрѣ, онъ не обнаружилъ никакого сожалѣнія о прежней своей вѣрѣ. Дѣло въ томъ, что ни латинство, ни лютеранство онъ никогда не считалъ, да и теперь не считаетъ, с в о е ю вѣрой; для него — это вѣра господъ его, п а н с к а я (какъ выражались недавно въ Сѣверо-западномъ и въ Кіевскомъ краѣ), а своей, хлопской вѣры у него не было и нѣтъ. Между тѣмъ, единеніе съ господами было для него немыслимо даже въ области вѣры; племенной антагонизмъ переходилъ и въ загробную жизнь. По свидѣтельству Ѳомы Гіерна, Латыши, когда хоронили своего, клали ему въ гробъ топоръ, приговаривая: иди несчастный въ другой міръ, и хоть тамъ отплати Германцамъ за все то, что ты вынесъ отъ нихъ на землѣ.

Въ сороковыхъ годахъ обнаружилось въ средѣ лифляндскаго сельскаго народонаселенія стремленіе къ православію, вызвавшее столько экзекуцій, козней, клеветъ и всякой напраслины. Въ то время спрашивали: чего хотятъ Латыши и Эсты? Дѣйствительно ли они сознаютъ превосходство православія передъ протестантствомъ, или разсчитываютъ на какія-либо вещественныя выгоды?—На вопросъ такимъ образомъ поставленный требовался категорическій отвѣтъ, котораго, разумѣется, нельзя было дать. Никогда движеніе дѣйствительно народное не исходитъ изъ односложнаго мотива: безкорыст-

наго вдохновенія или корыстнаго соображенія; оно всегда слагается изъ множества разнохарактерныхъ побужденій, часто безсознательныхъ или полусознательныхъ, которыя не выражаются отчетливо и раздѣльно въ словѣ, а хватаются за чей-нибудь живой образъ, за чье-нибудь имя, какъ за символъ почему-либо имъ наиболѣе сочувственный. Такъ было и въ Лифляндіи. Народу надоѣла сухая протестантская проповѣдь; ему полюбились молитвы нашей церкви; народъ сравнилъ спѣсивое обращеніе пасторовъ съ благодушною простотою православныхъ священниковъ, и сочувствіе повлекло его къ послѣднимъ; положимъ (какъ выражались ученые суперъинтенденты), что мужики въ тулупахъ братались съ мужиками въ ризахъ. Въ то же время народъ надѣялся тѣснѣе примкнуть къ Россіи, выслужить ея заступничество отъ угнетенія мѣстной привилегированной народности; ему представлялись въ будущемъ: дѣйствительная, а не призрачная свобода, серьезное огражденіе дарованныхъ ему правъ, перемѣна къ лучшему въ хозяйственной его обстановкѣ, кусокъ хлѣба, настоящаго хлѣба, а не древесной коры, смѣшанной съ бардою, которою онъ кормился въ 1841 году. Много еще другихъ, одинаково дерзкихъ надеждъ питалъ народъ и всѣ онѣ выражались въ простыхъ, незатѣйливыхъ словахъ: „мы хотимъ быть Царской вѣры“.

Чему дивиться? Вспомнимъ, что̀ было у насъ. Старцы, которыхъ великій князь Владиміръ призвалъ на совѣтъ, говорили ему, по свидѣтельству Нестора: „еслибъ дуренъ былъ законъ греческій, то бабка твоя Ольга не приняла бы его: она была мудрѣе всѣхъ людей“. Если бы въ сороковыхъ годахъ нашелся между Латышами лѣтописецъ, онъ сказалъ бы: крестьяне просились въ православную вѣру потому, что эту вѣру исповѣдуетъ Русскій Царь, а хотѣли они быть одной вѣры съ Русскимъ Царемъ потому, что Русскій Царь единственный человѣкъ въ мірѣ, искренно желающій имъ добра и отъ котораго они несомнѣнно ждутъ себѣ всякаго добра. Когда крестился Владиміръ, а за нимъ и его дружина, народъ, по разсказу того же Нестора, послѣдовалъ ихъ примѣру приговаривая: „еслибъ новая вѣра не была лучше старой, то ее бы не приняли князья и бояре“. Похожій на это процессъ,

только въ обратномъ смыслѣ, совершался и въ умахъ Латышей; они говорили, конечно не въ слухъ, а шепотомъ: „что мы задумали дѣло доброе и хорошее для насъ, это видно изъ того, что бароны и пасторы выходятъ изъ себя и стараются насъ отвести отъ него“.

Конечно, не такъ бы сталъ разсуждать ученый богословъ, хотя и эта простодушная рѣчь безграмотныхъ Латышей не лишена нѣкотораго толка и своего рода логики, логики историческаго инстинкта. Да, въ Остзейскомъ краѣ, какъ и вездѣ, простой народъ всѣми своими надеждами, всею своею вѣрою въ лучшую будущность, тянулъ къ самодержавному царю, тянулъ прямо и непосредственно, черезъ головы всѣхъ мѣстныхъ администраторовъ, орднунгсъ-рихтеровъ и патримоніялъгеровъ. И чего, чего не придумывали, чтобъ подорвать эту вѣру и пришибить эти безпокойныя надежды.

Но ничто не помогало и народъ оставался при своемъ. Крѣпка его вѣра и неуступчиво его чаяніе. И вѣдь что дивно: оправдывается подчасъ эта вѣра и сбываются эти чаянія. Несмотря ни на какія разобщающія средства, историческое предопредѣленіе сводитъ и сближаетъ самодержавную власть съ народомъ. Встрѣтятся они лицомъ къ лицу, всматриваются другъ въ друга и какъ будто вмигъ познаются; напускныя недоразумѣнія и призраки разлетаются разомъ. Упадетъ съ высоты престола въ темную массу живое слово, обращенное прямо къ ней, безъ посредниковъ: „осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови благословеніе Божіе на твой свободный трудъ!“ и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ выйдетъ изъ церкви съ обновленною на цѣлое столѣтіе вѣрою въ самодержавную власть. Такія двѣ великія историческія минуты мы, люди нынѣшняго поколѣнія, пережили два раза, сперва въ Россіи, а потомъ въ Польшѣ. Мудрено ли, что и въ Остзейскомъ краѣ народъ надѣется, что когда-нибудь и для него наступитъ 19 февраля... Остальное доскажемъ завтра.

Москва, 12 марта.

Продолжаемъ нашу вчерашнюю бесѣду о нашей церкви въ Остзейскомъ краѣ. Движеніе крестьянъ въ православіе

повергло тамошнюю нѣмецкую колонію въ страхъ и трепетъ. Дѣло понятное. Съ обращеніемъ массы народонаселенія въ православіе (а нѣтъ сомнѣнія, что масса обратилась бы, если бы противъ этого не было принято рѣшительныхъ мѣръ), протестантство осталось бы на мели и оскудѣли бы средства его матеріальнаго существованія. Мало того: это былъ бы первый и безповоротный шагъ къ рѣшительному объединенію мѣстнаго народонаселенія съ Россіею; наше Балтійское поморье сдѣлалось бы дѣйствительно русскимъ, господство нѣмецкой народности въ этомъ краѣ было бы окончательно подсѣчено, и въ будущемъ ни при какихъ политическихъ компликаціяхъ, никакъ бы ужъ не могъ вынырнуть изъ моря новый вопросъ: эстъ-лифъ-и курляндскій, младшій братъ вопроса шлезвигъ-голштейнскаго. И такъ, противодѣйствію мѣстной администраціи и мѣстныхъ сословій, пасторовъ и дворянства удивляться нечего; нужно только понять, изъ какихъ побужденій оно исходило. На первыя заявленныя крестьянами желанія перейти въ православіе отвѣтили военными экзекуціями, розгами и бритьемъ головъ; во имя вѣротерпимости потребовали даже рѣшительнаго запрещенія архіерею и православнымъ священникамъ принимать обращавшихся въ господствующую церковь. Но этого не могли добиться и, тогда, нѣсколько перемѣнили тонъ. „Искренняго религіознаго движенія въ народѣ предполагать нельзя“, это говорили мѣстныя власти и ихъ агенты въ петербургскихъ салонахъ, „это интрига и заговоръ; если народъ просится въ православіе, значитъ есть подговоры или угрозы, подкупы или льстивыя обѣщанія; допросите крестьянъ. Правда, они заявляютъ словесно и письменно, что не ожидаютъ никакихъ житейскихъ выгодъ, но имъ вѣрить нельзя; покопайтесь въ ихъ совѣсти, на это у насъ есть чиновники; разыщите подстрекателей, нарядите военные суды, карайте зачинщиковъ“. И дѣйствительно, наряжались военные суды, разсылались адъютанты, допрашивались крестьяне, къ православнымъ священникамъ, обходившимъ своихъ прихожанъ, приставлялись даже полицейскіе чиновники, и все-таки изъ безсвязныхъ, часто безтолковыхъ отвѣтовъ запуганныхъ Латышей, какъ ихъ ни пытали, не могли скомпановать ниже слабаго подобія заго-

вора или интриги. Была, дѣйствительно, интрига, но только съ другой стороны, и можно только удивляться тому, какъ, при ея громадныхъ средствахъ и при ея связяхъ, она не восторжествовала раньше.

Можно смѣло сказать и не трудно бы было доказать документами, что даже послѣ того, какъ прошла первая пора дикихъ и грубыхъ преслѣдованій, обращенія не только не встрѣтили никакого поощренія, но что они были только терпимы, почти какъ неизбѣжное зло, и при этомъ обставлены формальностями самыми неблагопріятными, нарочно придуманными, чтобы затормозить дѣло. Изъ ряда многихъ распоряженій въ этомъ родѣ укажемъ на одно. Крестьянинъ приходилъ къ православному священнику, заявлялъ о своемъ желаніи перейти въ православіе, и тутъ же, при свидѣтеляхъ, торжественно отрекался отъ всякихъ надеждъ пріобрѣсти черезъ это какія-либо житейскія выгоды; имя его заносилось въ списокъ, но его не принимали и отлагали совершеніе миропомазанія на шесть мѣсяцевъ. Крестьянинъ возвращался домой, въ прежній приходъ, въ прежнее имѣніе, и сношенія его съ православнымъ священникомъ прерывались; православная пропаганда была воспрещена. Что же происходило съ крестьяниномъ въ продолженіе этого полугода? Вѣроятно, онъ выслушивалъ краснорѣчивыя увѣщанія своего пастора: это не воспрещалось; выслушивалъ не менѣе убѣдительные доводы и отъ мѣстнаго ордынгсъ-рихтера; наконецъ, получалъ осязательнѣйшія доказательства невыгодности перемѣны вѣры отъ своего помѣщика, на землѣ котораго жилъ, на котораго отбывалъ барщину и который имѣлъ надъ нимъ право вотчиннаго суда и вотчинной расправы. И при всемъ томъ, крестьяне стояли на своемъ, а въ петербургскихъ салонахъ проливали слезы надъ угнетенными пасторами и баронами и обвиняли въ фанатизмѣ генералъ-губернатора Головина, графа Перовскаго и графа Протасова. Теперь газета „Вѣсть“ утверждаетъ, что Латыши обращены въ православіе съ небольшимъ 20 лѣтъ тому назадъ мѣрами искусственными. Смѣемъ думать, что если бы въ Познанскомъ герцогствѣ народъ обнаружилъ стремленіе къ протестантству, или если бы въ Австріи православные или лютеране стали бы проситься въ

латинство, то представители народныхъ, консервативныхъ началъ въ высшемъ обществѣ берлинскомъ и вѣнскомъ отнеслись бы къ дѣлу иначе.

У насъ, чтобъ положить конецъ обращенію Латышей въ православіе, потребовалось смѣнить все мѣстное управленіе. Прежде всѣхъ, въ 1841 году, выведенъ былъ изъ Риги потихоньку, какъ преступникъ, преосвященный Иринархъ; потомъ вызванъ былъ генералъ-губернаторъ Головинъ, потомъ вскорѣ преосвященный Филаретъ, а за ними выбыли изъ края почти всѣ находившіеся въ немъ чиновники изъ русскихъ. Привилегированное меньшинство нѣмецкаго происхожденія вздохнуло свободно: nun sind wir Gottlob der russischen Wirthschaft los! (Слава Богу, мы избавились отъ русскаго хозяйничанья!).

Дѣйствительно, отъ русскаго избавились, но началось хозяйничанье въ обратномъ смыслѣ. Въ продолженіе 15 лѣтъ о православіи въ Остзейскомъ краѣ не было никакихъ слуховъ, а кажется, въ 1864 году, до свѣдѣнія высшаго правительства дошло неожиданное и странное извѣстіе: Латыши, перешедшіе въ православіе, просились обратно въ протестантство. Объ этомъ увѣдомляли мѣстныя власти; но на сей разъ никакихъ революціонныхъ вспышекъ не опасались; движеніе изъ православія въ лютеранство никого не пугало; дворяне и пасторы ничего не требовали, даже не давали никакихъ совѣтовъ; ограничивались простымъ заявленіемъ факта, предоставляя самому правительству выпутаться изъ подставленной ему, исподволь подготовленной ловушки; можно было ожидать, что какой бы оно ни избрало путь, оно пришло бы непремѣнно къ желаемому результату. Въ самомъ дѣлѣ, какъ быть? Запретить переходъ въ протестантство—это значило бы употребить насиліе и опозорить церковь въ глазахъ Европы. Дозволить переходъ—это значило бы признать движеніе 1841 — 1847 годовъ за постыдную продѣлку, осудить его заднимъ числомъ и принять на себя нравственное обязательство въ будущемъ не благопріятствовать распространенію православія. Всячески выходило такъ хорошо, что тутъ даже нечего было и подталкивать на ошибки. Какое

придумали разрѣшеніе, мы не знаемъ, можетъ быть, не придумали никакого и только отсрочили дѣло.

А почему бы, однако, не обновить теперь аргументацію 1841—1847 годовъ, ту самую, которой мы научились отъ бароновъ и пасторовъ, да обратиться къ нимъ съ такого рода запросомъ: „Когда шло дѣло о переходѣ изъ протестантства въ православіе, вы увѣряли насъ, что безкорыстнаго, религіознаго движенія въ Латышахъ предполагать нельзя; мы вамъ повѣрили на слово и остаемся при томъ убѣжденіи. Теперь, когда началось обратное движеніе изъ православія въ лютеранство, не разъясните ли вы намъ, какими житейскими разсчетами, какими несбыточными надеждами руководятся Латыши? Откуда идутъ теперь подговоры, обѣщанія и угрозы? Тогда были попы (какъ вы ихъ называете), а нынче кто подстрекатели? Укажите ихъ; по крайней мѣрѣ, не возьмете ли вы на себя труда разъяснить намъ, какими опытами и примѣрами Латыши могли убѣдиться, что житейское положеніе крестьянина-лютеранина выгоднѣе, завиднѣе положенія православнаго? Мы хотимъ узнать, имѣемъ на это право, отчего въ теченіе 15 лѣтъ такъ рѣшительно измѣнились понятія крестьянъ, и чтобъ узнать объ этомъ правду, настоящую правду, мы нарядимъ административное изслѣдованіе, изслѣдованіе серьезное, не на смѣхъ; на сей разъ мы потребуемъ отъ посланныхъ, чтобъ они не ограничивались повтореніемъ въ своихъ донесеніяхъ того, что разсказываютъ на мѣстахъ ихъ друзья и пріятели, въ замкахъ которыхъ они обѣдаютъ и ночуютъ при бѣгломъ объѣздѣ края; мы попросимъ ихъ пожить въ немъ подольше и присмотрѣться ко всему, поразспросить и православныхъ священниковъ, поговорить съ православными крестьянами и не въ присутствіи орднунгсъ-рихтера, а наединѣ и даже заглянуть къ нимъ въ избы. Или, по правдѣ, теперь все такъ естественно, просто и ясно, что не о чемъ и спрашивать? Или ужъ, въ самомъ дѣлѣ, принять такое заключеніе, что переходъ изъ протестантства въ православіе предполагаетъ самъ по себѣ интригу и подговоръ, а переходъ изъ православія въ лютеранство свидѣтельствуетъ о дѣйствіи Божьей благодати?“.

Все это и многое другое могли-бы мы сказать и сдѣлать;

но вѣроятно и не скажемъ, и не сдѣлаемъ: повторяемъ — еще рано.

А между тѣмъ, дѣло все-таки подвигается впередъ и вопросъ на очереди. Въ массѣ послѣднихъ, полученныхъ нами грустныхъ вѣстей, есть одна отрадная и въ то же время рѣзко опровергающая избитыя обвиненія, возводимыя на наше правительство въ насильственныхъ его дѣйствіяхъ въ 1841—1848 годахъ. Въ то время, какъ въ Лифляндіи причины, неразъясненныя и которыхъ мы, кажется, даже и не стараемся разъяснять, вынуждаютъ многихъ изъ православныхъ Латышей проситься обратно въ лютеранство, чтобы только не умереть съ голода, чтобы имѣть право на трудъ, на заработку, чтобъ избѣжать нескончаемыхъ упрековъ, дерзкихъ насмѣшекъ и немыслимыхъ лишеній; въ это самое время въ Курляндіи—мѣстности, гдѣ почти не отозвалось религіозное движеніе сороковыхъ годовъ, начинается, повидимому, обратное движеніе: „не очень давно, извѣщаютъ насъ, жители острова Руно (болѣе 280 человѣкъ обоего пола) почти всѣ поголовно изъявили желаніе присоединиться къ православію, а въ самое недавнее время въ Гольдингенѣ приняли православіе 20 человѣкъ“. Въ кореспонденціяхъ нашихъ мы не находимъ объясненія того, какія причины вынудили вновь обращенныхъ вступить въ рядъ дѣтей православной церкви; но, несмотря на это, мы смѣло утверждаемъ, что тутъ не могли дѣйствовать ни тѣ внушенія правительственныхъ лицъ, которыми обыкновенно меньшинство населенія края объясняетъ такіе переходы; тутъ не могли играть никакой роли ни матеріальныя выгоды, потому что кто не знаетъ, на какія безконечныя лишенія обрекаетъ себя Латышъ или Эстонецъ, принимающій православіе? Что же ждетъ вновь обращенныхъ? Увидятъ ли они между своимъ поселеніемъ храмъ, достойный православія, или должны будутъ удовольствоваться такими же жалкими — чтобы не сказать болѣе—помѣщеніями, какія отведены для бо̀льшей части православныхъ церквей? Удастся ли имъ безнаказанно заявлять о своемъ православіи? Удастся ли имъ избѣжать тѣхъ оскорбленій, которыя ожесточаютъ и губятъ человѣка и на которыя такъ изобрѣтательно лютеранское населеніе края? Странное дѣло: въ Курляндіи, какъ мы

знаемъ, въ послѣднее время сильно распространилась секта баптистовъ. Ученіе ихъ есть, правда, плодъ лютеранства; но все-таки это расколъ въ лютеранствѣ, все-таки баптисты — отщепенцы лютеранства. Между тѣмъ насъ увѣряютъ, что пасторы равнодушны къ усиливающейся сектѣ, что полицейскимъ властямъ не велѣно доносить о приверженцахъ ея. Странно, повторяемъ, отчего же переходъ въ православіе злобитъ пасторовъ до тѣхъ громовыхъ, яростныхъ и безумно фанатическихъ проповѣдей, которыя не разъ уже произносились съ церковныхъ лютеранскихъ каѳедръ? Не скрывается ли тутъ страхъ, что за православіемъ идетъ неизбѣжно обрусѣніе? Не этотъ ли страхъ вызываетъ на притѣсненіе православныхъ, на поруганіе или осмѣяніе того, что составляетъ святыню для каждаго православнаго? Знаемъ мы, какіе упреки посыплятся на нашу голову за эти *несправедливыя*, — а чего добраго, скажутъ и возмутительныя—обвиненія. Знаемъ мы заранѣе даже и то, что̀ намъ отвѣтятъ. Намъ скажутъ: притѣсненій нѣтъ; намъ укажутъ статьи закона, воспрещающія подобныя гоненія. Но мы также въ свою очередь знаемъ уже давно, что въ Остзейскомъ краѣ законъ и исполненіе закона зачастую діаметрально противоположны. Можно было бы указать сотни тому доказательствъ, давно уже оглашенныхъ, несомнѣнныхъ. На глухое же опроверженіе, что притѣсненія православныхъ нѣтъ, мы спросимъ на этотъ разъ: отчего, напримѣръ, избранный въ старшины крестьянскихъ магазиновъ въ одномъ изъ мѣстечекъ около Вольмара, устраненъ отъ этой должности на томъ основаніи, что онъ православный, а православныхъ нельзя избирать въ общественныя должности? И будто только разъ случилось это? Будто не разъ справедливыя требованія предъявить указъ, которымъ будто бы возбранено избраніе православныхъ въ мірскія должности, умолкали только передъ грознымъ крикомъ: бунтовщики, думпиніаки! Далѣе, какъ на случай болѣе свѣжій, мы укажемъ на крестьянина Бендерона, одного изъ двадцати, принявшихъ въ недавнее время православіе въ Гольдингенѣ. Зачѣмъ и почему онъ призывался въ магистратъ и обвинялся въ совращеніи въ православіе? Его не осудили—это правда, но во вниманіе того, что Бендеронъ личность далеко не дю-

жинная, личность энергическая, посвящающая десятки лѣтъ на изученіе русскаго языка и православія, мы твердо убѣждены, что его постигнетъ какое-нибудь наказаніе въ недалекомъ будущемъ. Совращеніе въ православіе! Въ какой статьѣ закона говорится объ этомъ? Гдѣ опредѣлена мѣра наказанія за такое преступленіе? Совращеніе въ православіе одного, двухъ, трехъ людей и рядомъ за этимъ обращеніе въ лютеранство цѣлой толпы православныхъ въ нѣсколько сотъ людей! Первое преслѣдуется кривыми путями, обвиненіями въ выдуманныхъ преступленіяхъ; второе оправдывается разными политическими причинами и называется возвращеніемъ въ лютеранство отступившихъ отъ него, называется торжествомъ вѣротерпимости. Поставимъ рядомъ два почти одновременныхъ происшествія: одно—это Бендеронъ, о которомъ мы сейчасъ сказали; другое—слѣдующій случай, бывшій въ Венденѣ. Намъ описываютъ его со всѣми возмутительными подробностями. Въ великій день для православной церкви — въ день Богоявленія Господня, послѣ крестнаго хода и водоосвященія, совершеннаго въ колодцѣ, на торговой площади, сейчасъ же послѣ совершенія священнаго обряда, когда колодецъ былъ еще переполненъ святою водою, къ нему подкатили новую пожарную городскую трубу и стали пробовать ее водою изъ того же колодца. Орднунгсъ-рихтеръ города, исполняя приказаніе начальства испробовать достоинство трубы, самъ распоряжался на площади, еще запруженной народомъ, присутствовавшимъ при водоосвященіи. Мы избавляемъ и себя, и читателей отъ дальнѣйшихъ подробностей этого возмутительнаго поступка. Никакія обстоятельства не могутъ оправдать его: ни обязанность скораго испытанія трубы, ни необходимость немедленнаго отъѣзда изъ Вендена, ни мнимый недостатокъ воды.... Подобными разсказами наполнены наши кореспонденціи; повторяемъ, что разсказы эти передаются робко, сдержанно, съ явнымъ страхомъ слишкомъ обвинить виновныхъ. Нельзя и удивляться этому: стоитъ только пристальнѣе всмотрѣться въ то, что совершается не въ потьмахъ, не въ тихомолку, а явно, съ дерзкою смѣлостью. Не говоря о всѣхъ случаяхъ, укажемъ только на два самые недавніе: лютеранскій пасторъ Дебнеръ, въ на-

печатанной имъ для вразумленія Латышей исторіи христіанства громко и смѣло издѣвается надъ православной вѣрой и называетъ святыни ея суевѣріемъ, порожденіемъ обмана священниковъ. Книга этого храбраго пастора существуетъ, она распространена въ краѣ и, можетъ быть, торжествующій пасторъ уже помышляетъ о новомъ ея изданіи. И рядомъ съ этимъ другой фактъ: рижскій архіепископъ, преосвященный Платонъ, обращается съ пастырскимъ посланіемъ къ своей паствѣ, съ единственною цѣлью оправдать православную церковь отъ подобныхъ на нее клеветъ; затѣмъ онъ печатаетъ письмо, объясняющее причину этого посланія и, какъ намъ извѣстно, письмо это преслѣдуется, архіепископъ наживаетъ себѣ стѣсненія. Припомнимъ другой случай. Пасторъ Шульцъ, печатно уличенный въ умышленно-искаженномъ переводѣ новаго закона о крестьянахъ, благополучно продолжалъ быть редакторомъ „Латышскаго Обозрѣнія“ до самой своей смерти, въ 1866 году, а другія латышскія газеты, заподозрѣнныя въ преданности Россіи, проходили чрезъ невѣроятныя и немыслимыя цензурныя истязанія и вынуждены покончить свое существованіе.

Кстати о газетахъ—мы недавно узнали отъ пріѣзжаго изъ Остзейскихъ губерній, и при этомъ отъ Нѣмца, слѣдующій курьезный фактъ, довольно вѣрно обрисовывающій настоящее положеніе православной, господствующей церкви въ этомъ уголкѣ, все-таки еще не Пруссіи, а Россіи. При рижской семинаріи выходилъ недавно журналъ „Училище благочестія“, издававшійся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ мѣстнаго преосвященнаго и съ его одобренія, на что было получено дозволеніе отъ Святѣйшаго Синода. Но рижскія власти не довольствовались пропускомъ архіерея и настояли на томъ, чтобъ одобряемыя имъ статьи подвергались предварительному разсмотрѣнію мѣстной свѣтской цензуры. Дѣло это поручено было чиновнику генералъ-губернаторскаго управленія, разумѣется, Нѣмцу и лютеранину, бывшему частному приставу Шмидту. И Нѣмецъ, лютеранинъ, бывшій частный приставъ Шмидтъ надѣвалъ на носъ очки и, просмотрѣвъ одобренную православнымъ архіереемъ рукопись, давалъ свое заключеніе о томъ ob der russische Pop auch wirklich streng orthodox

schreibt und ob er unsern Localverhättnissen nicht etwa zu nahe tritt (точно ли русскій попъ пишетъ строго православно и не задѣваетъ ли онъ какъ-нибудь нашихъ мѣстныхъ порядковъ). Прибавляютъ, впрочемъ, что собственно догматическихъ придирокъ архіерей отъ своего цензора испыталъ немного; въ этомъ отношеніи онъ былъ довольно сговорчивъ.

Повторяемъ что̀ мы слышали; можетъ быть, это не болѣе, какъ выдумка, которою нашъ собесѣдникъ хотѣлъ насъ подразнить или которою онъ испытывалъ, до какихъ предѣловъ доходитъ наша довѣрчивость. Если такъ, то мы будемъ ожидать опроверженія. Едва ли нужно прибавлять, что мы приняли бы его съ радостью; но считаемъ не лишнимъ оговорить теперь же, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, что мы никого не обвиняемъ и не предполагаемъ со стороны мѣстныхъ властей никакого произвольнаго посягательства на права и достоинство мѣстнаго представителя православной церкви. Напротивъ, мы наперед̀ъ и твердо увѣрены, что требованіе ихъ было подкрѣплено самыми уважительными доводами и прямыми ссылками на существующія постановленія. Да иначе въ Остзейскомъ краѣ и не дѣйствуютъ. Это не то, что какая нибудь безмозглая Варшава. Въ самомъ дѣлѣ, не велика еще мудрость заломить на бокъ конфедератку и плюнуть въ русскій гербъ или высунуть языкъ православному архіерею; нѣтъ, но ухитриться отдать его въ цензурномъ отношеніи подъ надзоръ полиціи, не выходя изъ предѣловъ закона, мало того—подъ предлогомъ точнаго̀ исполненія узаконеній, исходящихъ отъ той власти, которая исповѣдуетъ православную вѣру и охраняетъ ея достоинство, — вотъ на что потребно искусство. Это ужъ въ подлинномъ смыслѣ словъ—работа нѣмецкая.

О политическомъ идеалѣ газеты „Вѣсть“.

Москва, 17 марта.

Недавно, одинъ изъ тѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ,— за органъ которыхъ такъ долго выдавала себя газета „Вѣсть“, не возбуждая съ ихъ стороны никакого протеста,—замѣтилъ печатно, что, относясь по крайней мѣрѣ подозрительно ко всѣмъ новѣйшимъ реформамъ и смущая публику зловѣщими предсказаніями, газета эта никогда опредѣлительно не высказывала, чего бы она сама желала. Передовая статья 7 марта въ № 29 служитъ какъ бы отвѣтомъ на это обвиненіе. Это нѣчто въ родѣ политической программы; по крайней мѣрѣ, было видимое желаніе формулировать программу, но вышло что-то особенное и лучшее—какая-то политическая симфонія, какъ будто упавшая въ журнальный міръ изъ другой высшей области безстрастнаго созерцанія и невозмутимой гармоніи, оттуда, гдѣ не слышно ни скрипа, ни треска, возбуждаемыхъ на землѣ столкновеніемъ грубыхъ фактовъ и непримиримыхъ понятій.

„Какъ у нихъ тамъ все хорошо и стройно“ — подумаетъ восхищенный читатель и добавитъ про себя: „а какъ бы вышло не хорошо и безобразно у насъ, то-есть на землѣ, если бы вздумали облечь эти дивные мотивы въ форму циркуляровъ, а насъ — заставить плясать подъ эту плѣнительную музыку!“

Музыка имѣетъ передъ словомъ одно великое преимущество: она убаюкиваетъ слухъ не тревожа мысли и потому

неблагодарна задача того, кому приходится переводить звуки въ понятія, а сочетанія нотъ — въ логическія формулы; но дѣлать нечего—симфонія все-таки разыграна для насъ и мы очень бы желали понять ее.

Неизвѣстный композиторъ „Вѣсти“ очевидно вдохновился мотивомъ другого великаго бельгійскаго маэстро, Шедо-Ферроти, недавно плѣнявшаго нашу публику. У обоихъ одинъ мотивъ: идеальная Русь какъ безнародное государство.

Дѣло вотъ въ чемъ: „Россійское государство создалось изъ находящагося въ срединѣ его крѣпкаго одноплеменнаго и единовѣрнаго ядра“—это, наконецъ, признано—и слава Богу.

Затѣмъ, „населеніе многихъ окраинъ разноплеменно и разновѣрно“—это тоже фактъ неоспоримый.

Изъ указаннаго различія между ядромъ и окраинами, что́ должно выйти! Въ прежнія времена, вышла бы междоусобная война, но тѣ времена прошли; теперь нужно и возможно согласіе, котораго требуетъ государственное единство. А что нужно для водворенія согласія? Слушайте, вамъ открываютъ формулу объединенія и умиротворенія: ядро—это большинство, окраины—это меньшинства. Нужно, „чтобъ въ государствѣ опредѣлилась господствующая національность и господствующая религія (т. е. національность и религія большинства), чтобъ эти господствующія силы были признаны остальными (т. е. меньшинствами) и чтобъ онѣ сами получили несомнѣнную увѣренность въ своемъ преобладаніи“. Это одно условіе, а вотъ другое: „нужно, чтобъ меньшинствамъ не было отказываемо въ тѣхъ уступкахъ, безъ которыхъ люди существовать не могутъ, т. е. чтобъ за меньшинствами было признано право на уваженіе ихъ нравственнаго достоинства и на пользованіе тѣми средствами, которыя необходимы для ихъ матеріальнаго преуспѣянія“.

Хорошо, думаетъ читатель, вотъ мы сейчасъ узнаемъ, что́ разумѣть подъ господствомъ одной народности и одного вѣроисповѣданія надъ другими; въ чемъ можетъ и должно выражаться господство и въ чемъ признаніе его; при какихъ условіяхъ можетъ большинство увѣриться въ дѣйствитель-

ности своего преобладанія? Безъ сомнѣнія, мы узнаемъ также смыслъ нѣсколько туманныхъ терминовъ: „необходимаго для людского существованія; права на уваженіе достоинства, на пользованіе средствами къ преуспѣянію“ и т. д.

Объяснить все это необходимо, ибо весь вопросъ въ томъ именно и заключается, чтобъ разграничить условія господства однихъ съ условіями самостоятельности другихъ; но не дождется читатель никакихъ объясненій. Ихъ нѣтъ. Вѣдь сказано: мы плаваемъ въ области не понятій, а звуковъ. Тамъ, на верху, все какъ видно согласовано и примирено,—ну и довольно съ васъ. Термины кажущіеся намъ противоположными уложились въ фразѣ, фраза удалась—чегожь вамъ больше? А если вы ужь непремѣнно хотите что-нибудь понять, высмотрѣть и ощупать, пожалуй, вамъ скажутъ, „что, напримѣръ, для государства лютеранскаго нѣтъ надобности обращать въ лютеранскую вѣру своихъ подданныхъ католиковъ, *если* католицизмъ отказался отъ своихъ политическихъ стремленій“. Не правда ли, какъ легко даются разрѣшенія, если только сперва устранить вопросы? Одно сельско-хозяйственное общество предложило на конкурсъ слѣдующую задачу: какія принять мѣры для предохраненія зерновыхъ складовъ отъ мышей? Очень просто, отвѣчалъ одинъ агрономъ, никакихъ мѣръ не нужно, *если* мыши откажутся отъ дурной привычки поѣдать зерна. Дѣйствительно просто. Ну, а если католицизмъ *не* откажется отъ своихъ политическихъ стремленій, тогда что? Изъ словъ „Вѣсти“ выходитъ (если только примѣнять къ ея словамъ законы логики), что въ такомъ случаѣ есть *надобность* для лютеранскаго государства *обращать* въ лютеранскую вѣру своихъ подданныхъ католиковъ. Такъ ли это? А какъ же бы могъ католицизмъ, оставаясь католицизмомъ, то-есть латинствомъ, отказаться отъ политическихъ своихъ стремленій? Глава латинской церкви—государь свѣтскій; мірская власть—неотъемлемая принадлежность церковнаго главенства; слѣдовательно, подчиняясь ему безусловно какъ главѣ церкви (а условно и съ оговорками къ церкви относиться нельзя), всякій исповѣдующій латинство, будь онъ подданный прусскаго короля или россійскаго императора, стремится къ политическому

центру находящемуся внѣ Пруссіи и Россіи, а всякій членъ латинскаго клира, отъ приходскаго ксендза до примаса, считаетъ себя всегда и вездѣ не только подданнымъ, но и дипломатическимъ агентомъ государя, царствующаго въ Римѣ. Чтобъ католицизмъ отказался отъ своихъ политическихъ стремленій! Чего захотѣли! *) Сдержать, ограничить, обуздать ихъ проявленіе—дѣло конечно возможное, хотя трудное; но вѣдь уже это не миръ и не гармонія. Другихъ примѣровъ нѣтъ, а этотъ одинъ, какъ видно, не совсѣмъ удаченъ. Ужь лучше бы совсѣмъ безъ примѣровъ.

И такъ, намъ не повѣдано, *какъ* совершится примиреніе; за то мы сейчасъ узнаемъ, *кѣмъ* оно совершится. Собственно въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, композиторъ „Вѣсти“ нѣсколько отступилъ отъ Шедо-ферротьевской традиціи. Бельгійскаго маэстро поразилъ колоссальный образъ Русскаго царя и онъ воскликнулъ: „Объединяющая сила найдена! Онъ, русскій царь, пусть будетъ отцомъ многихъ семействъ, нѣмецкаго, русскаго, польскаго и, кажется еще грузинскаго; пусть эти его семейства остаются одно для другого навсегда чужими; но пусть каждое изъ нихъ вяжется личною связью съ этимъ однимъ общимъ отцомъ. Другаго единства не требуется“ (мы приводимъ почти подлинныя слова). Это было придумано во многихъ отношеніяхъ не дурно; но забыто одно.

Если не въ музыкальномъ отношеніи, то въ области логики, какъ понятія, и въ жизни дѣйствительной, какъ фактъ, многоженство и семья взаимно исключаются. Семья по существу своему ревнива; при ней могутъ быть домочадцы,

---

*) Il est de l'essence de la religion catholique d'être intolérante (католическая вѣра по существу своему нетерпима) — это писалъ министръ папы Пія VII, кардиналъ Конзальви, къ парижскому нунціо кардиналу Капрара, въ 1804 году, во время переговоровъ о пріѣздѣ папы въ Парижъ для коронованія Наполеона; притомъ писалъ по поводу не догматическаго, а *политическаго вопроса о вѣротерпимости*, именно о томъ: какъ должна относиться государственная власть во Франціи къ иновѣрцамъ не-католикамъ. Въ формулѣ императорской присяги были слова: „Клянусь уважать свободу отправленія богослуженія и заставлять уважать ее—respecter et faire respecter la liberté des cultes; вотъ чего, по своей латинской совѣсти, не допускалъ Римскій дворъ. Revue des deux mondes. Janvier 1867.

но другой семьи около своего отца она не терпитъ; кто хочетъ имѣть много женъ, у того нѣтъ ни одной, а есть только наложницы. Это былъ единственный, правда довольно существенный, диссонансъ въ блистательной фантазіи, недавно для насъ разыгранной въ Брюсселѣ и которую сбирались заставить разучивать нашихъ гимназистовъ и студентовъ. Не знаемъ, оскорбила ли она тонкій слухъ композитора „Вѣсти“; какъ бы то ни было, онъ открылъ другой идеалъ: одно руководящее сословіе и подъ нимъ множество руководимыхъ племенъ.

Къ этой, у насъ совершенно новой темѣ, онъ переходитъ довольно cavalièrement; первый мотивъ (къ которому мы еще надѣемся вернуться впослѣдствіи), объ отношеніяхъ большинства къ меньшинствамъ, остается, какъ мы видѣли, недоигранным; онъ обрывается на самомъ интересномъ мѣстѣ (въ симфоніяхъ, по правиламъ музыкальной композиціи, это можетъ быть допускается), а за тѣмъ, идетъ вдругъ слѣдующій, новый мотивъ.

„Нечего и говорить (?), что какъ большинство (то-есть ядро Россіи, или Русскіе), такъ и меньшинство имѣетъ своихъ руководителей въ высшихъ слояхъ общества, и что сила заключается въ томъ, чтобы руководители меньшинства пристали откровенно къ руководителямъ большинства. Такимъ образомъ, и нѣмецкое, лютеранское и иное меньшинство (это иное очень хорошо — сказать прямо польское еще рано; не успѣли еще забыть того, что было вчера; черезъ полгода, Богъ дастъ, это иное раскроется и изъ него выползутъ Замойскіе, Потоцкіе и т. д.) тогда только будетъ въ добровольной связи съ великимъ русскимъ государствомъ, основаннымъ на русской національности, когда руководящая часть этого меньшинства пристанетъ откровенно къ руководящей части русскаго общества. Кто же эта руководящая часть русскаго общества? Русская исторія выдвинула и русскій народъ призналъ эту руководящую силу въ лицѣ русскаго дворянства. Это та самая сила, съ которою (sic: mit welcher) русскіе цари собирали русскую землю... *На* этомъ званіи русскаго дворяннина (должно быть: *въ* этомъ званіи) соединяются съ господствующею національностью руково-

дители иноплеменнаго меньшинства, а слѣдовательно и самое это меньшинство".

Просимъ извиненія за длинную выписку; ея нельзя было миновать. Это основной мотивъ всей симфоніи; все остальное не болѣе, какъ варіаціи.

Спорить и возражать мы на сей разъ не будемъ, а постараемся только извлечь изъ теоріи „Вѣсти" прямые выводы и сопоставить ихъ съ тѣмъ, что представляется у насъ въ дѣйствительности.

Но прежде всего, нельзя еще разъ не обратить вниманія на указанное выше различіе между двумя политическими идеалами. Первоучитель Россіи по части безнароднаго государства, Шедо-Ферроти, полагалъ объединяющую силу въ верховной власти, именно въ личной власти, въ самодержцѣ, отрѣшенномъ отъ всякаго сословнаго опредѣленія. Композиторъ „Вѣсти" полагаетъ эту силу въ сословіи. Эта существенная разница естественно наводитъ на вопросъ: какая же роль по теоріи „Вѣсти" выпадаетъ на долю государя? Какъ олицетвореніе единства, онъ очевидно продуктъ объединяющей силы; онъ же, до нѣкоторой степени, и творецъ единства, по крайней мѣрѣ сотрудникъ объединяющей силы, съ которою (какъ выражается „Вѣсть") цари собирали русскую землю. Значитъ Русскій царь приписывается къ передовому сословію и дѣлается царемъ—дворяниномъ, le premier gentilhomme de Russie, на подобіе Франциску I называвшему себя le premier gentilhomme de France. Но если слово дворянинъ значитъ что-нибудь, то оно выражаетъ именно то, чѣмъ извѣстный классъ людей выдѣляется изъ массы всего народа какъ отдѣльное сословіе, и отличается отъ другихъ сословій, городскихъ и сельскихъ. Тотъ русскій царь, который согласился бы прослыть царемъ-дворяниномъ, конечно могъ бы попрежнему любить мѣщанъ и крестьянъ всею душою, попрежнему заботиться о ихъ благѣ, и т. д. но всетаки онъ сдѣлался бы для нихъ чужимъ, именно въ той мѣрѣ и степени, въ какой бы онъ самъ себя считалъ и считали бы его другіе дворяниномъ. Такъ какъ у насъ зачастую довольно безцеремонно перетолковываютъ и уродуютъ чужую мысль, чтобы легче было съ нею спра-

виться, то мы считаемъ не лишнимъ крупными буквами напечатать, что **различіе не то что антагонизмъ, а антогонизмъ не то что вражда.** Мы не предполагаемъ между сословіями ни непремѣнной вражды, ни непремѣннаго антагонизма; все это можетъ быть, можетъ и не быть; на сей разъ мы предполагаемъ, напротивъ, полное, невозмутимое согласіе и все-таки повторяемъ: самое существованіе нѣсколькихъ сословій предполагаетъ между ними различія, иначе они бы слились и упразднилась бы ихъ раздѣльность. Потому, кто приписывается къ одному сословію, тѣмъ самымъ исключается изъ другихъ, тотъ становится къ этому одному, *своему* сословію, въ отношенія болѣе близкія и тѣсныя, чѣмъ къ другимъ. Хорошо ли это или нѣтъ въ примѣненіи къ верховной власти, объ этомъ мы теперь разсуждать не будемъ; но во всякомъ случаѣ мы можемъ сказать, что до сихъ поръ на Руси этого не было, а такъ какъ трудно же предположить, чтобы Россія, до появленія № 29 „Вѣсти", не имѣла никакого понятія о своемъ царѣ, то можемъ также сказать, что теорія „Вѣсти" есть не только новизна, но и отрицаніе существующаго.

Наша историческая жизнь выработала себѣ понятіе о своемъ царѣ какъ о первомъ человѣкѣ всей Русской земли. Онъ, и одинъ онъ, стоитъ внѣ всякихъ сословныхъ опредѣленій, выше ихъ, и поэтому, только поэтому, *одинаково* близко ко всѣмъ сословіямъ безъ изъятія. Ни одинъ феодальный король этого про себя сказать не могъ и дѣйствительно не говорилъ.

Оттого, что Русскій царь не дворянинъ, не торговый, не посадскій человѣкъ и не крестьянинъ, всѣ сословія считаютъ его *своимъ* въ равной степени, и это значеніе его заключаетъ въ себѣ историческое, всею землею признанное уполномочіе быть верховнымъ вершителемъ всѣхъ сословныхъ споровъ и тяжбъ. Мы были свидѣтелями одного такого вершенія. Кому неизвѣстно, что ожиданія, возбужденныя въ крестьянахъ извѣстіемъ о скоромъ упраздненіи крѣпостного права, далеко выходили изъ предѣловъ возможнаго; съ другой стороны, что большинство дворянства,—при всемъ его желаніи, цѣною нѣкоторыхъ пожертвованій, достигнуть

мирной развязки,—видѣло свое разореніе въ тѣхъ необходимыхъ уступкахъ, безъ которыхъ удовлетворительное разрѣшеніе вопроса было немыслимо? И однако, онъ разрѣшился и разрѣшился мирно; дано было больше чѣмъ предлагали одни, и несравненно меньше чѣмъ ожидали другіе; но всѣ признали разрѣшеніе и подчинились ему какъ третейскому приговору царя, перваго человѣка русской земли. Такъ ли бы окончилось дѣло, еслибы тоже самое Положеніе 19 февраля 1861 года объявлено было какъ приговоръ царя - дворянина?

Конечно, напоминаніемъ о 19-мъ февралѣ мы не ублажимъ и не убѣдимъ „Вѣсти“; да мы и не надѣемся убѣдить ее, а ограничиваемся простымъ заявленіемъ вывода изъ ея же словъ: теорія газеты, выдающей себя за органъ по преимуществу охранительный, вводитъ въ русскую жизнь новое (можетъ-быть и лучшее, но все-таки новое), доселѣ у насъ небывалое понятіе о власти.

Москва, 18 марта.

Намъ повѣдала газета „Вѣсть“ (№ 29), что въ россійскомъ государствѣ „какъ большинство (т. е. коренное русское ядро), такъ и меньшинства (т. е. инородцы и иновѣрцы, занимающіе окраины) руководятся высшими сословіями мѣстныхъ обществъ“ (т. е. своими дворянствами). Куда пойдутъ руководители меньшинствъ, туда повалятъ за ними и меньшинства. По мнѣнію „Вѣсти“, это такъ несомнѣнно, что она не только не предлагаетъ доказательствъ, но даже не считаетъ нужнымъ попусту тратить объ этомъ словъ. „Нечего и говорить“ такъ начинаетъ „Вѣсть“.... Однако, дѣйствительно-ли это такъ?

Начнемъ съ большинства, т. е. съ массы русскаго, православнаго населенія, составляющаго ядро государства. Верховная власть у насъ сильна какъ нигдѣ, и именно теперь сильна, какъ никогда, неограниченнымъ къ себѣ довѣріемъ массъ—это несомнѣнно. Верховная власть относится къ массѣ словомъ и дѣломъ черезъ посредство своихъ правительственныхъ органовъ, черезъ чиновниковъ, большею частью дворянъ. Какъ органы власти, дворяне руководители массъ—да! Но значитъ ли это, что масса отдалась водитель-

ству дворянства, какъ высшаго сословія, и что куда потянетъ ее дворянство, туда она непремѣнно пойдетъ! Сколько намъ извѣстно, притязанія на такую политическую роль само дворянство наше никогда серьезно не предъявляло. Какъ сословіе служилое—ибо таково его историческое опредѣленіе, въ немъ его слава и въ немъ же отвѣтъ его на вопросъ: почему оно не сдѣлало того, что бы обязано было сдѣлать, еслибъ оно когда-нибудь было политическою силою, иначе аристократіею,—повторяемъ: какъ служилое сословіе, оно къ такой политической роли не подготовлено и не призвано; по свидѣтельству фактовъ, никогда масса не сдавала ему своей исторической совѣсти и не отрекалась въ его пользу отъ права рѣшать окончательно общіе вопросы о своей судьбѣ. Бывали даже такіе случаи, когда дворянство сбивалось, подъ гнетомъ тяжелыхъ обстоятельствъ или подъ вліяніемъ наносныхъ теорій, съ историческаго, народнаго пути, и тогда масса не только не шла за нимъ, а сама наводила его обратно на этотъ временно покинутый путь. Масса подъ предводительствомъ не сословія а избранныхъ ею лицъ, посадскаго Минина, стольника Пожарскаго и келаря Палицына, отреклась отъ польскаго королевича и отъ польскаго короля, которымъ ударила челомъ значительная часть боярства и вслѣдъ за тѣмъ, какъ и не разъ въ позднѣйшія времена, она же поддержала свободу власти рѣшительнымъ своимъ безучастіемъ въ олигархическихъ попыткахъ высшаго слоя служилаго сословія. Мы думаемъ, что то же самое повторилось бы и теперь, еслибы что-либо подобное было возможно или просто мыслимо. Такъ гласитъ исторія о большинствѣ, т. е. о русскомъ народѣ.

Теперь переберемъ меньшинства.

Польша! Во всей исторіи польской, единственное дѣйствующее лицо, по крайней мѣрѣ, единственное видное лицо—это дворянство, шляхта и, разумѣется, духовенство, о которомъ „Вѣсть“ забыла. Шляхта высосала всю Польшу, это такъ. Но увѣрена ли „Вѣсть“, что шляхта, особенно теперь, при томъ ставя даже вопросъ внѣ всякой зависимости отъ русскаго владычества, руководитъ массою польскаго народа? Этого не думаютъ сами Поляки, да и не могутъ думать

въ виду вчерашнихъ событій. Извѣстно, что мятежъ, котораго мы были свидѣтелями, подготовлялся исподволь, при самыхъ для него благопріятныхъ условіяхъ, благодаря именно тому, что мѣстная администрація, раздѣляя воззрѣнія „Вѣсти", воображала себѣ, что масса всегда послушна руководителямъ, а руководителей можно задобрить, предоставивъ имъ господство надъ массою. Шляхта, разумѣется, пользовалась такою поблажкою для своихъ цѣлей, но все-таки сама не признавала за собою предполагаемаго въ ней нравственнаго авторитета, а старалась только пріобрѣсти его. Въ этихъ видахъ она рѣшилась на серьезную жертву: подкупить массу и вовлечь ее въ возстаніе дарованіемъ ей земли въ собственность и упраздненіемъ всѣхъ повинностей. Согласитесь, что соблазнъ былъ великъ. Но и это героическое средство не помогло шляхтѣ: въ 1862—1864 годахъ, какъ и въ прежнія времена, она отбунтовала одна; народъ только покосился на нее, а къ возстанію не присталъ; онъ не захотѣлъ принять дара изъ ея рукъ, а принялъ его изъ рукъ русскаго самодержца и благословилъ державную десницу.

Такъ ли это, или нѣтъ? Намъ заявляютъ какъ аксіому: „инородцы и иновѣрцы тогда только будутъ въ добровольной связи съ великимъ россійскимъ государствомъ, когда руководящая часть ихъ пристанетъ откровенно къ руководящей части русскаго большинства". Еслибъ это говорилъ маркизъ Вельепольскій, или графъ Замойскій, или даже генералъ Мирославскій, мы бы не удивились, но говоритъ это русская газета „Вѣсть". А вчерашнія событія говорятъ вотъ что: масса инородцевъ и иновѣрцевъ въ Царствѣ Польскомъ, которую руководители ея хотѣли отторгнуть отъ Россіи, примкнула къ ней добровольно тѣснѣе чѣмъ прежде, и только тогда можно будетъ надѣяться, что обманутые въ своихъ надеждахъ руководители откровенно послѣдуютъ ея примѣру, когда они уразумѣютъ, что масса, опередившая ихъ на этомъ пути, никогда съ него не собьется и не поддастся ихъ руководству. Кто правъ: факты или „Вѣсть"?.

Посмотримъ теперь на Сѣверо и Юго-западный край. Тамъ было когдато не мало коренныхъ русскихъ дворянскихъ родовъ; ихъ имена сохранились въ православныхъ синоди-

кахъ и въ спискахъ братчиковъ при бывшихъ православныхъ церквахъ. Это пропрадѣды тѣхъ самыхъ дворянъ, которыхъ прадѣды и дѣды пошли въ костелъ, которыхъ отцы ходили подъ Москву въ войскахъ Наполеона, которые сами пошли до ляса или перебрались за-границу поддѣлывать русскія ассигнаціи. Большинство простонародья, ихъ крѣпостные люди, осталось чѣмъ было, православнымъ и русскимъ. Спрашивается опять: въ одну ли сторону смотрѣли и смотрятъ руководители и руководимые, говоря языкомъ „Вѣсти“? Дворяне наряжаются во всеоружіе, выкатываютъ бочку горѣлки, скликаютъ крестьянъ, читаютъ имъ „золотую грамоту“, сулятъ имъ полную волю и даровую землю, а крестьяне, давъ имъ выболтаться, спокойно вяжутъ ихъ и отвозятъ подъ конвоемъ въ городъ, по пяти пановъ на одной веревкѣ. Кто тутъ руководители и кто руководимые — мы право не разберемъ.

Остается Остзейскій край. Кажется, это любимая сторона композитора „Вѣсти“ и, вѣроятно, близко ему знакомая, судя по множеству именно остзейскихъ мотивовъ, встрѣчающихся въ его политическихъ мелодіяхъ. Какъ тамъ представляется дѣло?

Если бы руководить значило только держать кого-нибудь въ своихъ рукахъ, держать крѣпко, такъ крѣпко, чтобы руководимому трудно было дышать и невозможно было звать на помощь, тогда грѣшно бы было не признать въ лицѣ остзейскихъ дворянъ самыхъ надежныхъ руководителей массъ. Но вѣдь это проявленіе силы, а не нравственнаго авторитета; къ тому же откуда берется эта сила, своя ли она или чужая, заимствованная? Уроженецъ остзейскій, хорошо знавшій свою родину, Меркель, котораго книга сдѣлалась библіографическою рѣдкостью, потому что мѣстное дворянство скупило и истребило почти все изданіе, далъ на этотъ вопросъ рѣзкій, грубоватый, но правдивый отвѣтъ: die russischen Bajonetten allein schützen den deutschen Despotismus in Livland (нѣмецкій деспотизмъ въ Лифляндіи поддерживается только русскими штыками). Фактическихъ засвидѣтельствованій этой истины было много; но особенно памятны въ этомъ отношеніи происшествія 1841—1843 годовъ. Правда, въ кругу читателей и почитателей „Вѣсти“, положеніе края рисуется

въ обратномъ видѣ. Тамъ смотрятъ вообще на мирныя и жалкія деревни, населенныя забитыми Финнами, какъ на страшные притоны, въ которыхъ будто бы куются демократическіе замыслы, а на потомковъ ливонскихъ рыцарей какъ на грозныхъ архангеловъ, стерегущихъ плѣненнаго ими демона. Намъ ли не молиться на нихъ и не благодарить ихъ за безкорыстную оборону нашей безопасности?

Но вотъ что странно: пройдетъ православный священникъ по деревнѣ и взглянетъ съ участіемъ на голоднаго Латыша или подастъ ему милостыню; напишетъ какой-нибудь грамотный Латышъ просьбу для своего безграмотнаго собрата; подерется ли въ корчмѣ какой-нибудь пьяный крестьянинъ съ пьянымъ дворовымъ—и трепетъ пробѣгаетъ по рыцарскимъ членамъ. Гордые потомки меченосцевъ скачутъ въ ближайшій городъ за полиціею, скачутъ въ Ригу за казаками, скачутъ въ Петербургъ съ доносами; а тамъ друзья и свои уже бьютъ сигнальную тревогу, взывая къ правительству о помощи и спасеніи. Гдѣжь нравственный авторитетъ? По крайней мѣрѣ гдѣ сила? У кого она?

И наѣзжаетъ полиція, приходятъ казаки искать бунтовщиковъ, которыхъ нѣтъ, наряжаются слѣдственныя коммисіи и военные суды. Православному священнику дѣлаютъ строгій выговоръ—если не переводятъ его въ другую эпархію; сочинителя просьбы отправляютъ въ другой климатъ, крестьянина драчуна судятъ какъ бунтовщика. Наконецъ порядокъ возстановляется, команды возвращаются на прежнія квартиры и въ петербургскихъ салонахъ благодарятъ остзейское рыцарство за спасеніе русскаго владычества въ краѣ. Кто въ немъ живалъ, или кто потрудился разузнать объ немъ правду, хотя бы по офиціальнымъ источникамъ, тотъ не скажетъ, чтобъ мы преувеличивали. Композиторъ „Вѣсти“ прямо говоритъ, что Латыши двадцать лѣтъ тому назадъ обращены въ православіе мѣрами искусственными и что паства распалась, когда была устранена внѣшняя сила, ее связывавшая. Мы на это не сѣтуемъ и не негодуемъ—напротивъ; ибо такое строгое и голословное осужденіе дѣйствія одного генералъ-губернатора, двухъ министровъ и двухъ архіереевъ (предполагая даже, что они дѣйствовали на свою

голову), конечно давало бы намъ право заступиться за нихъ публично и показать, кто и съ какою цѣлью употреблялъ насиліе; бо́льшаго, т. е. права говорить одинаково откровенно и одинаково безопасно, за и противъ, мы и не просимъ. Въ настоящемъ случаѣ мы даже и этимъ правомъ не воспользуемся; мы только пожалѣемъ о строгихъ карахъ, часто постигавшихъ людей какъ будто не въ мѣру ихъ вины, но не позволимъ себѣ осудить этой строгости, зная, что иногда печальная необходимость заставляетъ карать для примѣра, не въ мѣру вины, а въ мѣру опасности. Такъ, но каковъ же, однако, порядокъ вещей въ томъ краѣ, гдѣ правосудіе такъ часто вынуждается класть на свои вѣсы эту печальную необходимость, и можетъ ли считаться опорою государственнаго владычества въ этомъ краѣ такая сила, для защиты которой, по собственному ея сознанію, правительство вынуждено бываетъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ?

Вотъ положеніе дѣла: нѣмецкая колонія всею своею тяжестью лежитъ на народѣ; народъ кряхтитъ и простираетъ къ намъ руки, а мы укладываемъ народъ поплотнѣе и, такъ сказать, подстилаемъ его, чтобъ нѣмецкой колоніи покойнѣе было лежать. Такъ было до сихъ поръ, но всегда ли такъ будетъ—это еще вопросъ.

Туземное, финское народонаселеніе Остзейскаго края, какъ племя, видимо не предназначено къ самостоятельному политическому развитію; будущность его—въ сліяніи съ какою нибудь другою, смежною народностью. Такихъ народностей двѣ: русская и нѣмецкая. Вопросъ въ томъ: должны ли Латыши и Эсты обрусѣть или онѣмечиться? Мы еще не поняли важности этого вопроса, но другіе поняли давно и усердно трудятся надъ его разрѣшеніемъ. Теперь Латыши и Эсты тянутъ къ намъ, т. е. къ русской народности; они обрусѣли бы очень легко и охотно; наоборотъ, они положительно не желаютъ нѣмечиться; но обрусѣть собственными средствами, безъ помощи и содѣйствія съ нашей стороны, они не могутъ; наоборотъ, всѣ снаряды для невольнаго ихъ онѣмеченія давно подготовлены и приведены въ дѣйствіе. Не трудно предсказать, что̀ произойдетъ, если мы не пойдемъ къ нимъ навстрѣчу, а оттолкнемъ ихъ, или только не протянемъ имъ

руки. Школа, кирха, полиція, судъ, вотчинная расправа, мѣстные фонды — все это въ нѣмецкихъ рукахъ. Средствъ для національной нѣмецкой пропаганды много, безпечности съ нашей стороны еще больше. Пройдетъ поколѣніе, другое, и можетъ быть въ какую-нибудь критическую минуту, когда намъ понадобятся безотчетныя сочувствія и порывы самоотверженія, когда мы будемъ искать друзей вездѣ, не только въ замкахъ, но и въ избахъ, мы встрѣтимъ на своемъ Балтійскомъ поморьѣ ужъ не нѣмецкую колонію, а цѣльную нѣмецкую націю. Лучше ли это будетъ?

Мы оглянули почти всѣ наши окраины и нигдѣ не нашли того, на что намъ указывали: руководителей, ведущихъ за собою добровольно довѣряющіяся имъ массы. Мы нашли противное: въ Польшѣ общественный антагонизмъ между шляхетствомъ и простонародьемъ; въ Литвѣ и на Украйнѣ антагонизмъ племенной и религіозный; въ Остзейскомъ краѣ антагонизмъ племенной и сословный. Вездѣ массы тянутъ въ одну сторону—къ русской народности, а мнимые руководители массъ въ другія, разныя стороны. Все это наглядно, сподручно, очевидно до пошлости, но очевидно для насъ, вѣроятно, потому, что мы стоимъ на землѣ; а тамъ, наверху, на той высотѣ, откуда нисходятъ на газету „Вѣсть“ вдохновляющія ее мелодіи, эти противорѣчія исчезаютъ, и все сливается въ одинъ стройный аккордъ. Мы анализируемъ явленія, а тамъ художникъ творитъ свои явленія.

Отъ него ли требовать, чтобы онъ утруждалъ себя невозможнымъ соглашеніемъ своихъ синтетическихъ построеній съ темными инстинктами народныхъ массъ или провѣрялъ самого себя, припоминая уроки исторіи?

Счастливый мужъ!

Dich stört nicht im Innern
In lebendiger Zeit
Unnützes Erinnern,
Vergeblicher Streit!

Мы сравнили идеальный міръ „Вѣсти“ съ дѣйствительнымъ міромъ, существующимъ теперь на землѣ; завтра мы постараемся уяснить себѣ: есть ли какая-нибудь надежда и можно

ли желать, чтобы этотъ идеальный міръ когда-нибудь сдѣлался у насъ дѣйствительнымъ?

Москва, 19 мая.

Газета „Вѣсть“ въ № 29 увѣряла публику, что какъ въ центрѣ россійскаго государства, такъ и на окраинахъ его, массами руководятъ высшіе слои мѣстныхъ обществъ. Мы присмотрѣлись и увидали, что въ центрѣ руководятъ дворяне какъ органы правительства, какъ чиновники, но не какъ дворянское сословіе, а на окраинахъ и вовсе не руководятъ. Такимъ образомъ, фактъ, на которомъ, какъ на прочномъ фундаментѣ, строила „Вѣсть“ будущее единство Россіи, оказался не существующимъ. Но людей, одаренныхъ нѣкоторою смѣлостью воображенія и не привыкшихъ въ живое время, когда кипятъ всякаго рода преобразованія, припоминать былое и тратить словъ на споры съ дѣйствительностью, отсутствіе основнаго факта не остановитъ. Если его нѣтъ, то его можно создать. Можно сдѣлать, чтобы дворянства руководили массами. По крайней мѣрѣ, можно отучить массы отъ этого докучливаго ихъ тяготѣнія къ верховной власти и вдолбить въ нихъ убѣжденіе, что отнынѣ участь ихъ будетъ рѣшаться на мѣстахъ ближайшими ихъ руководителями, за которыми онѣ обязаны слѣдовать, куда бы ихъ ни повели. Достигнуть такого результата будетъ, конечно, довольно трудно, но легче всего въ Остзейскомъ краѣ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, ничего не придется заводить вновь, а совершенно достаточно будетъ поддерживать существующее: замкнутость привилегированныхъ сословій, систему выборовъ въ разныя должности, патримоніальную юридикцію, всѣ вообще, такъ называемые добрые обычаи (löbliche Gevohnheiten), а въ особенности: относительно крестьянъ, и преимущественно православныхъ, слѣдовать неуклонно той правительственной системѣ, которая съ 1849 года укоренилась въ томъ краѣ. Въ Польшѣ придется возстановить кое-что изъ недавно упраздняемаго: уѣздные и губернскіе совѣты въ томъ видѣ, въ какомъ вводилъ ихъ маркизъ Вельепольскій, право патронатства, и прежде всего гминныхъ войтовъ по назначенію отъ помѣщиковъ; придется также поохладить возбужденныя въ уніатахъ надежды на за-

ступничество со стороны правительства и взглянуть сквозь пальцы на посягательства латинскаго духовенства; но, по крайней мѣрѣ, на все это есть недавнія, не совсѣмъ еще забытыя административныя традиціи, которыя можно будетъ подновить. Въ Сѣверо и Юго-западномъ краѣ придется нѣсколько измѣнить систему разверстанія угодій, правила о надѣленіи батраковъ землею и затормазить покупку имѣній русскими; а чтобы нѣсколько замаскировать поворотъ къ новому образу дѣйствій, можно будетъ почаще смѣнять главныхъ мѣстныхъ начальниковъ. Всего труднѣе будетъ сладить съ центромъ, т. е. съ русскими губерніями; здѣсь по неволѣ придется не только ломать существующее, но и выдумывать привилегіи небывалыя; придется, разумѣется, если не упразднить, то стѣснить и ограничить уѣздныя земскія учрежденія насчетъ губернскихъ; потомъ создать новый видъ власти не по назначенію отъ правительства и не по выбору отъ обществъ, а по прирожденному праву, пріуроченному къ недвижимой собственности извѣстнаго размѣра; наконецъ, учредить опеку надъ сельскими и волостными обществами и создать патримоніальную юридикцію по образцу мекленбургской или остзейской, въ лицѣ какихъ-нибудь вотчинныхъ начальниковъ, или попечителей, или головъ, — тутъ названіе дѣло второстепенное. Повторяемъ: въ центрѣ Россіи это будетъ трудно, не потому только, что для этого рода насажденій не окажется исторической подготовки; даже не потому, что масса, которая у насъ все-таки болѣе развита и устойчива, чѣмъ на окраинахъ, взглянетъ недоброжелательно на ломку учрежденій и на отмѣну порядковъ, съ которыми она начинала сродняться, но еще и по другой причинѣ. Трудно поручиться, чтобы само дворянство, по крайней мѣрѣ, большинство его отнеслось къ этого рода перемѣнамъ иначе, чѣмъ масса; пожалуй, это большинство само не захочетъ нарядиться въ привилегіи и выдѣлиться изъ народа завидными сословными преимуществами; можетъ быть, оно не подставитъ своей шеи подъ осельный жерновъ вотчинной юридикціи и пойметъ, что это значило бы испортить на вѣки свою собственную политическую будущность. Конечно, отъ читателей и почитателей „Вѣсти“ этого ожидать нельзя, но

дворяне средней руки (не тѣ, которыхъ величаютъ почетнымъ названіемъ *независимыхъ* людей) въ послѣдніе годы на столько уже начитались Токвиля и присмотрѣлись къ земскому обществу, что сословными привилегіями, сколоченными изъ правъ, отобранныхъ у другихъ сословій, пожалуй, ихъ уже и не соблазнишь.

Впрочемъ, это все гадательно, и мы не станемъ препираться съ „Вѣстью“ о большей или меньшей осуществимости ея идеала. Предположимъ, что онъ осуществился: массы повсемѣстно какъ въ центрѣ, такъ и на окраинахъ отодвинуты и осажены; надъ ними высоко возносится привилегированное сословіе руководителей—всероссійское дворянство,—спрашивается: что мы выиграли?

До нѣкоторой степени трудъ правительства облегчился; оно уже не заботится о разноплеменныхъ массахъ, которыя идутъ каждая своимъ путемъ за своимъ руководителемъ; по крайней мѣрѣ, оно уже не сносится съ ними прямо, а вѣдается только съ дворянствомъ; такимъ образомъ, отпадаетъ само собою все многосложное разбирательство руководимыхъ съ руководителями. Но не о томъ рѣчь, что̀ легче и удобнѣе; мы спрашиваемъ: что̀ выиграно для разрѣшенія той задачи, которая поставлена самою „Вѣстью“ и для разрѣшенія которой писана передовая статья № 29?

Если, говоря словами „Вѣсти“, народность и вѣроисповѣданіе большинства имѣютъ право на *господство* и если вся трудность заключается въ томъ, чтобы склонить меньшинство къ добровольному признанію этого законнаго *преобладанія*, то, имѣемъ ли мы дѣло съ цѣлымъ государствомъ или съ сокращеннымъ государственнымъ представительствомъ, изъ котораго выброшена масса руководимыхъ и въ которомъ остались одни руководители, вопросъ, очевидно, остается тотъ же, ибо и въ дворянскомъ сословіи мы встрѣтимся съ тѣмъ же большинствомъ и съ тѣми же меньшинствами; трудность нисколько не побѣждена и не устранена. Чтобы представить ее нагляднѣе сравненіемъ существующаго порядка вещей съ тѣмъ порядкомъ, котораго, повидимому, желаетъ „Вѣсть“, мы возьмемъ для примѣра именно ту мѣстность, къ которой эта газета обращается съ такою любовью

и съ такими непонятными для насъ извиненіями, какъ будто бы мы передъ нею были неправы.

Вы пріѣзжаете въ Остзейскій край и подаете въ любое присутственное мѣсто просьбу по вашему дѣлу, писанную по-русски — другого языка вы не знаете. У васъ не берутъ ея. Почему?—„Она писана по-русски".—„Да это языкъ большинства, языкъ господствующей народности, языкъ правительственный?"—„Можетъ быть, тамъ, у васъ въ Россіи, а здѣсь господствуетъ языкъ нѣмецкій; здѣсь и правительство говоритъ, пишетъ, думаетъ по-нѣмецки". И вы должны обратиться къ переводчику, который едва-едва смыслитъ по-русски, и, вѣроятно, при переложеніи изуродуетъ вашу просьбу.

Вы русскій потомственный дворянинъ и хотите купить въ Остзейскомъ краѣ дворянское имѣніе; въ Курляндіи, Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ вамъ этого не позволятъ, а въ Лифляндіи хотя вамъ и не помѣшаютъ, но васъ предупредятъ, что вашъ сосѣдъ — лифляндскій рыцарь, если захочетъ, выкупитъ у васъ пріобрѣтенное вами имѣніе. Мало того, хотя бы вы и сдѣлались поземельнымъ собственникомъ, вы все-таки черезъ это не вошли бы въ сословіе мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ; въ Эстляндіи и Курляндіи васъ даже не пустятъ на ландтагъ, а въ Лифляндіи хотя и пустятъ, но право голоса дадутъ вамъ только по совѣщаніямъ о дворянскихъ складкахъ. Почему же?—Потому, что вы, какъ русскій потомственный дворянинъ, принадлежащій къ господствующему или преобладающему въ государствѣ большинству, пользуетесь сословными правами въ составѣ общества только у себя въ Россіи, но не на Остзейской окраинѣ; а вашъ сосѣдъ, какъ дворянинъ, принадлежащій къ нѣмецкому меньшинству, пользуется, во-первыхъ, всѣми правами, какими и вы, а во-вторыхъ, своими особенными привилегіями.

Вы купецъ, русскій по происхожденію, православный по вѣроисповѣданію и уроженецъ рижскій. Ваши предки поселились въ этомъ городѣ еще до присоединенія Остзейскаго края къ Россіи, и съ тѣхъ поръ родъ вашъ живетъ и торгуетъ въ Ригѣ. Такихъ тамъ много; но не бывало примѣра,

чтобы кто-либо изъ русскихъ купцовъ когда-либо занималъ общественную должность или пользовался городскою бенефиціею (мѣстомъ, даннымъ на кормленіе). Отчего?—Оттого, что для пріобрѣтенія права быть избраннымъ въ общественную должность, нужно сперва попасть въ братство большой или малой гильдіи, а по шрагамъ (уставамъ) обѣихъ гильдій, въ братство допускаются одни лютеране и Нѣмцы (die von guter deutscher Nation sind). „Да это ограниченіе отмѣнено закономъ“, отвѣчаете вы и съ торжествомъ указываете на ст. 960 Свода мѣстныхъ узаконеній. А вамъ отвѣчаютъ: „законъ дѣйствительно отмѣнилъ законное устраненіе русскихъ, но все-таки въ братство можно попасть только по выбору, а выбираемъ мы, члены братства, даже не вся гильдія. Мы, разумѣется, не скажемъ, что васъ не пускаютъ въ братство потому, что вы русскій и православный; мы просто васъ не выберемъ и ничего не скажемъ вслухъ, а по секрету и по дружбѣ мы, пожалуй, вамъ объявимъ, что старыя шраги остаются въ полной силѣ“. Васъ это, можетъ быть, удивитъ; но что бы вы сказали, если бы ваши собратья предложили вамъ подписать вмѣстѣ съ ними просьбу, въ которой, отчаявшись когда-либо достигнуть равноправности съ Нѣмцами, они умоляли правительство только о томъ, „чтобы имъ, русскимъ гражданамъ города Риги, даны были такія же права въ составѣ мѣстнаго общества, какими пользуются Татары въ Казани и Жиды во всѣхъ городахъ западнаго края?“ Такая просьба была подписана и представлена въ 1849 г.

Вы человѣкъ православный и, можетъ быть, захотите узнать, въ какомъ положеніи обрѣтаются ваши новообращенные единовѣрцы изъ Латышей. Тутъ вы узнаете много курьезнаго, и, между прочимъ, слѣдующее. У Латышей лютеранскаго вѣроисповѣданія имѣются сельскія школы; для перешедшихъ въ православіе, естественно, потребовались свои; но на постройку или на пріобрѣтеніе готовыхъ для нихъ помѣщеній у новообращенныхъ не было средствъ; это понятно: обыкновенно присоединялись къ церкви не цѣлые приходы, а отдѣльныя семьи. Особый, существовавшій въ 1849 году комитетъ по устройству духовной части въ Лифляндіи, видя, что православные крестьяне, если не придти къ нимъ на помощь, не-

премѣнно отстанутъ отъ лютеранъ въ первоначальномъ своемъ образованіи, нашелъ возможнымъ, между прочимъ, отнести часть расходовъ на пріобрѣтеніе помѣщеній для школъ на суммы духовнаго вѣдомства. Казалось бы, чего лучше? Трудно даже придумать, что̀ бы можно было на это возразить съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ. Однако, возраженіе нашлось: „предположенная мѣра была бы противна Высочайшему повелѣнію, коимъ воспрещено предоставлять какія-либо вещественныя выгоды присоединившимся къ православію крестьянамъ, которые и безъ того уже имѣютъ преимущество въ томъ, что погребаютъ своихъ покойниковъ безплатно, пользуются безвозмездно главными духовными требами и временно освобождены отъ отбыванія церковныхъ повинностей, впредь до окончательнаго о нихъ постановленія“.—Это писалъ въ мартѣ 1849 года главный начальникъ края. Было дѣйствительно такое Высочайшее повелѣніе, вызванное наговорами мѣстныхъ сословій. Къ сожалѣнію, заявляя во всеуслышаніе, что переходъ въ православіе не долженъ былъ давать никакихъ вещественныхъ выгодъ, забыли добавить, что и наоборотъ, положеніе новообращенныхъ не должно было ухудшаться вслѣдствіе ихъ присоединенія къ той церкви, которая въ законѣ слыветъ господствующею; что̀ изъ этого вышло на дѣлѣ и какъ воспользовались на мѣстахъ этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, видно изъ приведеннаго примѣра.

Связи новообращенныхъ съ ихъ прежними единовѣрцами разомъ перерывались; они оставались изолированными среди народонаселенія, считавшаго ихъ отступниками, оставались безъ церкви, безъ школы, безъ покровителей и заступниковъ, въ прямой зависимости отъ вотчинной полиціи и въ косвенной отъ пасторовъ; это влекло за собою, естественно и неизбѣжно, особеннаго рода неудобства, невыгоды и лишенія, не предполагая даже систематическаго притѣсненіи, а вознаградить новообращенныхъ чѣмъ-нибудь и сколько-нибудь за ихъ утраты, за принесенныя ими жертвы—объ этомъ не позволялось и помышлять; это считалось косвеннымъ подговоромъ къ переходу въ православіе и нарушеніемъ Высочайшей воли.

Въ описанномъ нами порядкѣ вещей—съ этимъ мы думаемъ согласятся всѣ—мало похожаго на признанное господство русской народности и православной вѣры; пока онъ существуетъ, сомнительно, чтобы большинство могло получить несомнѣнную увѣренность въ своемъ преобладаніи, а между тѣмъ, по словамъ „Вѣсти", дѣйствительное господство, признаніе его и увѣренность въ немъ составляютъ необходимыя условія объединенія россійскаго государства. Итакъ, этотъ порядокъ вещей долженъ измѣниться.

Теперь спрашивается: легче ли онъ измѣнится послѣ того какъ мы добровольно отодвинемъ массы и сосредоточимъ вопросъ о соглашеніи большинства съ меньшинствами въ средѣ дворянскаго сословія? Повидимому—такъ, думаетъ „Вѣсть". Ей чудится, „что руководящія части инородныхъ меньшинствъ пристанутъ откровенно къ руководящей части русскаго большинства".

Если пристать къ русскому дворянству значитъ согласиться принять и усвоить себѣ его права, то мы не споримъ, тѣмъ болѣе что это давно уже сдѣлано; дарить намъ теперь нечего ни Нѣмцамъ, ни Полякамъ, ни Имеретинцамъ: мы все спустили, всѣмъ подѣлились, а вопросъ все-таки не разрѣшенъ.

Но если пристать къ большинству значитъ слиться и отождествиться съ нимъ, или, по крайней мѣрѣ, добровольно признать его господство, то надобно сказать, что ни прошедшее, ни настоящее не представляютъ никакихъ ручательствъ за осуществимость надежды, которую подаетъ намъ „Вѣсть".

На всѣхъ окраинахъ Россіи мы замѣчаемъ одинъ общій фактъ: мѣстныя дворянскія сословія всегда были и теперь являются самыми вѣрными и надежными представителями, а въ случаѣ коллизіи, самыми страстными поборниками своихъ народностей и вѣроисповѣданій. Польскій панъ болѣе Полякъ и болѣе католикъ, чѣмъ польскій крестьянинъ; остзейскій баронъ болѣе Нѣмецъ и болѣе лютеранинъ, чѣмъ Латышъ или Эстонецъ. Повторяемъ — такъ на окраинахъ. Но можно ли сказать то же самое про русское дворянство? На-

родный смыслъ и вѣра въ свою народность, убѣжденіе въ превосходствѣ своего вѣроисповѣданія и привязанность къ своей церкви, къ ея преданіямъ и обычаямъ, все это сохранилось ли въ русскомъ дворянствѣ, не говоримъ лучше, полнѣе и чище чѣмъ въ другихъ среднихъ и низшихъ сословіяхъ, но хотя бы въ одинаковой степени? Слылъ ли когда-нибудь русскій дворянинъ и въ правѣ ли онъ себя считать типомъ русскаго человѣка и православнаго?

Наше служилое сословіе, выросшее изъ великокняжеской дружины, какъ извѣстно, всегда пополнялось пришлыми людьми изъ разныхъ странъ; потомъ, по мѣрѣ расширенія предѣловъ Россіи, инородные элементы стали входить въ него цѣлыми массами. Такимъ образомъ, самымъ процессомъ своего образованія, оно какъ будто подготовлялось исторіею къ предназначенной ему роли. Петръ I угадалъ ее. Не будучи въ силахъ переломить сопротивленіе массы, онъ оторвалъ отъ нея служилое сословіе, повернулъ его лицомъ къ Европѣ и указалъ ему служить орудіемъ прогресса, проводникомъ внѣшнихъ результатовъ западной образованности. Понятно, что особенная воспріимчивость ко всему хорошему или кажущемуся хорошимъ, откуда бы оно ни шло, что подражательность иностраннымъ образцамъ, непремѣнно предполагающая способность отрѣшиться легко отъ народныхъ традицій,—понятно, говоримъ мы, что эти свойства, заключавшія въ себѣ непремѣнныя условія той плодотворной и славной, хотя отнюдь не консервативнаго характера дѣятельности, къ которой призвано было наше дворянство, не могли не развиться въ ущербъ его національной непроницаемости и устойчивости. Это не упрекъ, а простое заявленіе факта. Закалъ національный и вѣроисповѣдный, въ дворянствѣ польскомъ и нѣмецкомъ, надежнѣе и прочнѣе чѣмъ въ русскомъ; тамъ окраска ярче и свѣжѣе, у насъ она поблекла и выцвѣла. Нельзя при этомъ не замѣтить оттѣнковъ и въ самой средѣ русскаго дворянства: восходя постепенно отъ низшихъ и среднихъ его слоевъ, можно прослѣдить какъ мало-по-малу блѣднѣетъ цвѣтъ народный и вѣроисповѣдный и какъ, наконецъ, на самомъ верху, тамъ, гдѣ читаютъ „Вѣсть“ и вѣрятъ въ нее, онъ окончательно исчезаетъ въ безразличіи чистѣйшей бѣлизны.

Какой же можетъ быть исходъ подготовляемой встрѣчи между племенными и религіозными элементами, искуственно сдвинутыми въ одномъ сословіи, въ россійскомъ дворянствѣ? Мы уже видѣли этому опытъ въ небольшомъ размѣрѣ. Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра I, встрѣтились въ его кабинетѣ, за однимъ столомъ, благонамѣренные русскіе дворяне съ благонамѣреннымъ польскимъ паномъ; Нѣмцевъ между ними не было. Первые, считая себя руководителями Россіи, вели ее къ прогрессу, какъ понималъ его каждый изъ нихъ; послѣдній руководился самъ историческими традиціями своего племени и своей церкви. На чьей же сторонѣ оказалась сила и кто ближе подошелъ къ своей цѣли?

Съ тѣхъ поръ политическая теорія польскаго дворянства нисколько не измѣнилась; она извѣстна всѣмъ: возстановленіе Польши въ границахъ 1772 года и (это допускается такъ называемою русскою партіею) соединеніе короны польско-литовской съ короною русскою на главѣ Романова.

Теорія остзейскихъ рыцарей также извѣстна: „мы присягаемъ и служимъ россійскому императору, но не хотимъ имѣть съ Россіею ничего общаго“.

Вотъ съ какими готовыми програмами руководители меньшинства польскаго и меньшинства остзейскаго примкнутъ къ руководителямъ русскаго большинства, а послѣдніе, по старой привычкѣ, ударятъ имъ челомъ преобладаніемъ и господствомъ русской народности на всѣхъ окраинахъ государства. Инаго ожидать нельзя. Если бы когда-нибудь водительство племенъ образующихъ ядро Россіи и населяющихъ ея окраины, могло, вопреки всѣмъ вѣроятностямъ, перейти въ руки дворянства, то никогда твердые организмы, закаленные въ сознаніи своихъ національныхъ и вѣроисповѣдныхъ особенностей, не ощутили бы ни желанія, ни необходимости распуститься въ этой безцвѣтной и прѣсной средѣ; скорѣе она сама разложилась бы подъ ихъ вліяніемъ и, своими же силами, послужила бы къ ихъ укрѣпленію. Въ подтвержденіе легко бы было привести крупные факты изъ прошедшаго и указать въ настоящемъ на явленія, хотя и мелкія повидимому, но не менѣе знаменательныя.

Итакъ, вотъ къ чему сводится политическая система „Вѣсти“ — нужно завершить внутреннее объединеніе россійскаго государства упроченіемъ преобладанія и господства большинства; иными словами (какъ выражается „Вѣсть“), нужно дать перевѣсъ силѣ центростремительной надъ силою центробѣжной, а чтобы достигнуть этой цѣли, нужно поскорѣе осадить, на всѣхъ окраинахъ государства народныя массы, которыя, какъ мы видѣли, сочувственно настроены къ большинству, то-есть стремятся къ центру, и отдать ихъ въ распоряженіе мѣстнымъ ихъ руководителямъ, которые разбѣгаются отъ центра въ разныя стороны и силою историческихъ тяготѣній стремятся къ разобщенію съ большинствомъ; нужно, наконецъ, ввѣрить судьбу Россіи одному сословію, въ которомъ встрѣтятся сильнѣйшіе представители меньшинствъ съ слабѣйшими представителями большинства.

Здѣсь придуманное средство такъ очевидно противорѣчитъ заявленной цѣли, что самъ собою возникаетъ новый вопросъ: да точно ли эта заявленная цѣль занимаетъ передовое мѣсто въ заботахъ „Вѣсти“?

Москва, 21 марта.

Повидимому, газета „Вѣсть“ хлопочетъ больше всего о томъ, какъ бы покрѣпче сплотить россійское государство, и выдвигаетъ впередъ дворянство только какъ снарядъ наиболѣе пригодный для этой работы; но въ сущности забота у нея другая—это извѣстно всякому, кто хоть изрѣдка заглядывалъ въ эту газету,—это высказывается даже въ той самой передовой статьѣ, въ которой изложена ея теорія объединенія.

На общественное образованіе въ Остзейскомъ краѣ отпускается сравнительно бо̀льшая сумма, чѣмъ на тотъ же предметъ въ русскихъ губерніяхъ, что конечно не совсѣмъ сообразно съ интересами народности, которой по праву принадлежитъ господство. „Вѣсть“ въ этомъ сознается, но тутъ же очень скоро и утѣшается: „дѣло не въ томъ, что тратится больше, а въ томъ, чтобъ эти расходы способствовали развитію сочувствія къ Россіи чрезъ объединеніе руководителей иноплеменнаго меньшинства съ руководителями рус-

скаго большинства; дѣло въ томъ, наконецъ, чтобы это руководительство не ускользнуло изъ рукъ русскихъ дворянъ Остзейскаго края [1]) и не попало въ руки безпокойной части класса литератовъ (Literaten)“ [2]).

Иными словами: пускай, при распредѣленіи пособій, окраина надѣляется щедрѣе средоточія, лишь бы только отпускаемыя суммы служили дворянству и поступали въ его руки.

И такъ, на первомъ планѣ вотъ что: изъ нашего служилаго сословія, изъ польской шляхты, изъ остзейскаго рыцарства, создать политическое сословіе — аристократію, а тамъ: перетянетъ ли центростремительная или центробѣжная сила, сплотится ли, или наоборотъ, расшатается государственный организмъ—это забота второстепенная.

На старыхъ картахъ Московія изображалась какъ tabula rasa, перерѣзанная тремя рѣками, и кажется, что въ томъ же видѣ, то-есть какъ дикое поле, представляется она и теперь нѣкоторымъ изъ ея руководителей; въ ней можно кроить изъ цѣльнаго и разводить въ ней что угодно, не церемонясь съ ея историческими инстинктами. Иначе, какъ бы кажется не догадаться, что наше служилое сословіе, переименованное въ дворянство, но сохранившее характеръ и свойства служилаго, не имѣетъ съ родовою, политическою аристократіею ни одной общей черты; какъ бы не замѣтить, что типъ большаго русскаго барина нисколько не походитъ на французскаго grand seigneur, а русскій англоманъ самая рѣзкая противоположность англійскому лорду? Но, повторяемъ, въ извѣстныхъ кружкахъ, такого рода соображенія не имѣютъ хода, и на нихъ ужъ давно припасенъ отвѣтъ: вы отняли у насъ крѣпостное право, такъ вознаградите насъ чѣмъ-нибудь; положимъ, аристократіи у насъ не было и нѣтъ, но почему бы не попробовать завести ее?

---

[1]) Предупреждаемъ читателей, что русскіе дворяне Остзейскаго края или, еще лучше, „Русскіе дворяне нѣмецкаго происхожденія“ открыты „Вѣстью“. Сами себя они называютъ остзейскими дворянами, или рыцарями, подданными россійскаго императора. Можетъ быть „Вѣсть“, присмотрѣвшись поближе, откроетъ тамъ же и православныхъ лютеранскаго вѣроисповѣданія. Это бы значительно облегчило объединеніе.

[2]) Профессора, медики, адвокаты, чиновники и вообще интеллигенція, не принадлежащая къ рыцарству.

Пускай же Россія остается въ сторонѣ — обратимся къ Европѣ. Ея свидѣтельства не уважить нельзя. Посмотримъ, что тамъ растетъ и крѣпнетъ, что убываетъ и хилѣетъ и въ какую сторону сила историческаго развитія влечетъ цивилизованный міръ?

Во всей Европѣ когда-то стояли во главѣ обществъ аристократіи—настоящіе, самородные, живые продукты исторіи, а не законодательныхъ прихотей. Что сталось съ ними теперь? Во Франціи и въ Италіи аристократія вымерла почти безслѣдно; въ Австріи она разбилась на отдѣльныя группы, по народностямъ, и исчезаетъ въ народностяхъ; въ Пруссіи она съ каждымъ днемъ теряетъ свое значеніе и киснетъ въ желчномъ сознаніи устарѣлости своихъ притязаній; ея нѣкогда спокойная гордость перераживается въ обидчивую спѣсь — вѣрнѣйшій признакъ упадка.

Въ Англіи, этой классической странѣ аристократизма, аристократія отступаетъ, конечно, съ достоинствомъ, но все-таки отступаетъ передъ стройнымъ напоромъ другой, ей уже неподвластной силы. Иниціатива ускользнула изъ ея рукъ; она уже не ведетъ событій, а подчиняется имъ и покупаетъ право на существованіе періодически-повторяющимися уступками. Чтобъ отсрочить свое неминуемое крушеніе, она, въ критическія минуты, предупреждаетъ грозящіе ей удары и сама налагаетъ на себя руки, pour sauver les apparences. Такого рода услугу оказалъ ей Робертъ Пиль въ реформѣ экономической, и мы узна́емъ на дняхъ, удастся ли графу Дерби сослужить ей такую же службу въ реформѣ парламентской. Несомнѣнно, что въ этихъ мастерскихъ маневрахъ ея высокій, политическій тактъ выказывается не менѣе осязательно, чѣмъ въ прежнихъ ея завоеваніяхъ; но, какъ бы то ни было, предсказаніе 22-лѣтняго Вильяма Питта сбывается. Въ 1787 году, на вечерѣ въ Версалѣ, кто-то изъ чиновъ французскаго двора спросилъ у него: „которая изъ составныхъ частей англійской конституціи прежде всѣхъ обветшаетъ и пошатнется?“—„Камера Лордовъ“ — отвѣтилъ не задумываясь будущій первый министръ, тотъ самый, которому суждено было поднять англійскую аристократію на степень безпримѣрнаго могущества.

Вездѣ одно явленіе: старыя аристократіи вымерли или вы-

мираютъ, а новыхъ не зарождается. И это вовсе не значитъ, чтобъ историческая производительность западной Европы изсякла; ибо возникаютъ же партіи, секты, школы и ассоціаціи всякаго рода. Это значитъ только, что творческая сила исторіи, такъ же какъ и творчество физической природы, имѣетъ свои періоды. Есть цѣлые порядки органическихъ формацій, такъ сказать отслужившихъ міру, которыхъ природа уже не повторяетъ и о которыхъ мы знаемъ только по ихъ уцѣлѣвшимъ остовамъ. Къ разряду такихъ же брошенныхъ исторіею организмовъ принадлежитъ и аристократія. Форма, въ которую она когда-то отливалась, разбита навѣки и ея нѣтъ нигдѣ, нѣтъ даже въ редакціи „Вѣсти".

Въ обществахъ образуются новыя группы на основаніи тождества экономическихъ интересовъ, а въ области государственной Европа постепенно перестраивается на основаніи племеннаго начала. Народность — вотъ та новая, съ одной стороны разлагающая, съ другой—объединяющая сила, которая теперь пробивается сквозь прежнія формаціи, созданныя завоеваніями, династическими союзами, теоріею европейскаго равновѣсія и другими болѣе или менѣе искусственными комбинаціями. Эта сила растетъ повсемѣстно, и ей очевидно принадлежитъ будущность.

Первымъ торжествомъ народнаго начала было освобожденіе Грековъ, давно начатое, и донынѣ недовершенное; потомъ, на нашихъ глазахъ, собрались Итальянцы; въ настоящую минуту заканчивается объединеніе Нѣмцевъ, и уже начинаютъ скликаться на Балканскомъ полуостровѣ Славянскія племена.

Понятно, что пробужденіе народностей, какъ и всякое міровое движеніе, рядомъ съ явленіями исторически-законными и плодотворными для развитія человѣчества, можетъ вызывать и неосуществимыя притязанія, основанныя на однихъ воспоминаніяхъ, но не находящія себѣ оправданія въ дѣйствительности; понятно также, что это движеніе, именно потому, что, кромѣ развѣ одной газеты „Вѣсть", мнѣніе всей Европы признало въ немъ современную силу, обращается иногда въ орудіе политическихъ интригъ и изъ подъ ловкихъ, но не совсѣмъ разборчивыхъ на средства рукъ, выходитъ въ каррикатурной формѣ поголовной подачи голосовъ (suffrage universel). Сму-

щаться этимъ нечего; все это не болѣе, какъ волдыри или нечистая пѣна на поверхности неудержимаго потока.

Понятно и то, что не всѣ современные политики относятся одинаково къ началу народности. „Это первая сила нашего времени“,—говоритъ Наполеонъ III,—и потому Франція должна захватить ее въ свои руки и обратить ее въ орудіе своей политики.—„Это сила“ —возражаетъ ему Тьеръ—„но не надобно вызывать ея, ибо, какъ орудіе, она сильнѣе въ рукахъ Россіи, чѣмъ Франціи“. Послѣдняго заключенія мы не имѣемъ причины оспаривать; впрочемъ, кто въ этомъ случаѣ правъ и кто неправъ, этого вопроса мы не касаемся и хотимъ только заявить, что, при всей противоположности ихъ воззрѣній и Тьеръ и Наполеонъ согласны въ признаніи факта. Мы могли бы причислить къ нимъ и графа Бисмарка.

Но нигдѣ такъ наглядно и разительно не обнаружилась непобѣдимая сила народнаго начала, какъ именно въ той державѣ, которая, по роковой необходимости, должна была бороться съ нимъ на жизнь и смерть, вела эту борьбу послѣдовательнѣе и толковѣе, чѣмъ кто-либо, и потратила на нее разнообразнѣйшія средства, какими только могла ей подслужиться ея неистощимая, политическая находчивость.

Нужно ли называть Австрію? Сложившись изъ множества осколковъ не только разнохарактерныхъ, но враждебныхъ между собою племенъ, она—не то что не захотѣла, а не могла ни построиться въ федеративное государство, ни дать рѣшительнаго преобладанія какой-либо одной народности надъ другими. Говоря языкомъ „Вѣсти“, у нея не было ядра довольно плотнаго и крупнаго. Не свободный выборъ, а неволя заставляли ее, для поддержанія искусственнаго единства, изобрѣтать и создавать искусственныя, безнародныя силы: имперскую армію, имперскую бюрократію и, наконецъ, расширенный государственный совѣтъ (verstärkter Reichsrath). Это была ея послѣдняя, серьезная попытка.

Предполагалось, что если отвлечь отъ каждаго изъ племенъ, населяющихъ Австрію, небольшую группу людей дѣйствительно передовыхъ (не только по знатности рода, но также по богатству и по личнымъ дарованіямъ), и если изъ всѣхъ такимъ образомъ завербованныхъ единицъ составить одно со-

словіе, или одинъ соборъ, то заманчивость коллективнаго первенства и общность сословныхъ интересовъ объединитъ ихъ; что, по крайней мѣрѣ, въ этой отборной дружинѣ мѣстныя традиціи позабудутся, рѣзкіе народные типы сгладятся и, со временемъ, разноплеменный и пестрый соборъ сольется въ безнародную аристократію. Словомъ—говоря языкомъ „Вѣсти“—предполагалось, что званіе австрійскаго аристократа послужитъ нравственною связью между разноплеменными и разновѣрными подданными государства. Само собою разумѣется, что, задумавъ обезсилить центробѣжныя стремленія племенъ, населяющихъ имперію, нейтрализаціею ихъ руководителей, государственные люди Австріи не только понимали необходимость, но и не скрывали своей готовности подѣлиться съ этими вожаками правительственною властью и даровать имъ права политическія. Не знаемъ, какъ объ этомъ думаютъ въ тѣхъ сферахъ, откуда „Вѣсть“ получаетъ свои вдохновенія, но, по нашимъ понятіямъ, одно безъ другого немыслимо, и если ужъ подкупать на отреченіе отъ національныхъ стремленій, то скупиться нечего. И все-таки эта хитро задуманная попытка не спасла единства. Не было конечно недостатка ни въ ловкости со стороны австрійскихъ министровъ, ни даже—что гораздо важнѣе—въ старыхъ, аристократическихъ традиціяхъ, съ которыми новое учрежденіе, повидимому, могло бы связаться, и однако, даже при этихъ далеко не вездѣ встрѣчающихся условіяхъ, искусно сплетенная сѣть порвалась, и вырвавшіяся изъ подъ нея центробѣжныя силы потрясли всѣ основы зданія.

Разноплеменное государство, стянутое и свинченное безнародною аристократіею, не удалось даже тамъ, гдѣ роковая необходимость его оправдывала, а возможность поддерживать внутреннее равновѣсіе коалиціями слабѣйшихъ племенъ противъ сильнѣйшихъ, повидимому, подавала надежду на поддержаніе этой политической формы: значитъ, она осуждена окончательно.

Къ содѣйствію какой же силы обратимся мы для завершенія государственнаго объединенія Россіи? Обратимся ли мы къ той, которая на нашихъ глазахъ растетъ и крѣпнетъ, или къ той, которая повсемѣстно хилѣетъ и вымираетъ?... Передъ

нами два государственныхъ типа: народно-монархическій и аристократико-монархическій.

На первый указываютъ намъ наша исторія, весь политическій складъ Россіи, все современное движеніе Европы.

Второй рекомендуетъ намъ газета „Вѣсть". Это ея идеалъ. Можетъ быть онъ и хорошъ самъ по себѣ и безъ отношенія къ намъ, только — это не завтрашняя Россія, а вчерашняя Австрія.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
8	25 сверху	юридическою	съ юридическою
15	3 снизу	къ первой	ко второй
52	7 сверху	влястямъ	властямъ
54	6 снизу	бракомъ	бракамъ
67	1 »	инстивной	инстиктивной
68	2 »	зо	до
68	1 »	дамѣчательное	замѣчательное
73	1 сверху	Отъ	„Отъ
76	10 снизу	офиціальномъ	офиціальнымъ
81	20 сверху	лютерансто	лютеранство
82	24 »	языхъ	языкъ
85	18 »	Второе	„Второе
95	23 »	повидимому, очень	повидимому, остался очень
136	17 »	нужно	можно
144	5 снизу	ненія	волненія
151	6 »	участки въ Гольсфергофѣ	участки
265	3 »	des der Raugenschen	der Raugenschen
265	4 »	und das	und da
347	10 »	ихъ	изъ
355	10 »	сельскан	сельская
368	3 »	который	которое
470	3 сверху	мая	марта
470	5 снизу	упраздняемаго	упраздненнаго
442	титулъ	Окраины Россіи	Передовыя статьи
480	титулъ	выпускъ пятый	газеты Москва.

БИБЛІОТЕКА
КОНСТАНТИНОВСКАГО
ЮЖЕВАГО ИНСТИТУТА

Цѣна 2 рубля.

BOUND BY
HM

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 045863989